# МАХАБХАРАТА

## КНИГА ТРЕТЬЯ

# АРАНЬЯКАПАРВА
ИЛИ
# СКАЗАНИЕ О ЖИЗНИ В ЛЕСАХ

ГЛАВА 1

Джанамеджая сказал:
Итак, нечестивые сыновья Дхритараштры с советниками своими плутовски обыграли Партхов в кости, прогневили их. дерзкимж речами и тем посеяли великую вражду. Как же поступили, о достойнейший дваждырожденный, в то давнее время праотцы мои, потомки Куру? Как, внезапно лишившись царской власти и встретившись с бедою, по лесам скитались Партхи, самому Индре равные пламенностью духа? Кто последовал за ними, постигнутыми тяжкой невзгодой?

Чем кормились великие духом (Партхи), какие дела вершили, в каких краях обитали? Как, о достойнейший брахман, протекли для этих героев, сокрушителей недругов, двенадцать лет жизни в лесах? И как царевна Драупади, прекраснейшая из женщин, неизменно правдоречивая, верная супружескому долгу, причастная великой доле, (ничем) не заслужившая лишений, вступила в мрачное лесное жилище? Обо всем этом поведай мне пространно, о владеющий сокровищем тапаса!3 Велико мое нетерпение услышать из уст твоих, о брахман, рассказ о подвигах (героев), наделенных в избытке мощью и ратным пылом! Вайшампаяна сказал:

Итак, когда нечестивые сыны Дхритараштры с советниками своими плутовски обыграли в кости и прогневили их, Партхи покинули Город слона. Они взяли с собой Драупади и в полном вооружении выступили через городские ворота Вардхамана, держа путь на север. (Колесничие), возглавляемые Индрасеной, со всеми женами и четырнадцатью слугами следовали за ними на быстрых колесницах.

Проведав об их уходе в изгнание, опечалились горожане;
забыв об осторожности, собирались они и друг другу так говорили, без умолку порицая Бхипгау, Дрону, Видуру, а также сына Готамы: «Пропадем мы все, и роды, и семьи наши, если нечестивец Дурьодхана с помощью Саубалы, Духшасаны и Карны взойдет на царство. Ведь там, где злодей, на злодеев же опираясь, правит царством, нет ни родовых устоев, ни благонравия, ни дхармы, ни артхи — откуда взяться там благополучию? Дурьодхана, алчный, тщеславный, низкий в помыслах,

от природы бесстыдный, ненавидит всех, кто в чем-либо его превосходит; (зато) он дружен с людьми, отошедшими от добрых обычаев. Всему миру грозит гибель, если только воцарится Дурьодхана. Пойдем же лучше и мы все следом за Пандавами. Скромны, сострадательны, покрыты славой эти великие духом (мужи), восторжествовавшие над недругами, равно как и над собственными чувствами, одушевленные единой целью следования дхарме».
Сказав такие (слова, горожане) дружно последовали за Пандавами.

Почтительно сложив ладони, обратились они к сыновьям Кунти и Мадри: «Благо вам! Но куда вы идете, покидая нас в сей бедственной участи? Куда бы вы ни пошли, мы тоже последуем за вами. Все мы были глубоко огорчены, прослышав о том, как не ведающие жалости враги коварством одержали верх над вами. Не подобает вам покидать нас тут. Ведь мы — ваши верные и преданные друзья, неустанно пекущиеся о вашем благе. Не (дайте же) всем нам погибнуть в царстве, управляемом дурным царем! Внемлите, о мужи-быки, мы поведаем вам о том, как от сопричастности неблагому или благому рождаются пороки и достоинства.
Как благовонное вещество придает одежде, водам, земле и зернам сезама цветочный аромат, так причастность (благому) порождает достоинства.

Общение с невеждами порождает путы заблуждения, а общение с праведными изо дня в день рождает добродетель. Посему тот, кто стремится к высочайшему покою, должен искать общения с людьми умудренными, зрелыми, благополучными, добрыми, предающимися подвижничеству. Следует посвятить себя служению тем, у кого рождение, мудрость и деяния — все три равно безупречны; общение с такими (людьми) предпочтительнее даже, нежели (изучение) шастр. Хоть и бездействуя, но пребывая в кругу следующих благочестию праведников, мы можем обрести благую заслугу; угождая же грешнику, (сами впадаем) во грех. От лицезрения нечестивых, от их касаний, бесед и близости с ними приуменьшается добродетель, и уже не может человек достичь совершенства.

Вот и разумение человеческое: от общения с ничтожными принижается, с людьми средними — усредняется, при общении же с лучшими людьми приближается к совершенству. Все достоинства, кои прославлены в этом мире как источники дхармы, артхи и камы, возвещенные Ведами, воплощающиеся в житейских людских делах, высоко чтимые мудрыми, — все эти благие качества присущи вам вкупе и каждому в отдельности. Мы же, ища себе блага, желаем жить близ людей, исполненных достоинств».

Юдхиштхира сказал:
Счастлив удел наш, коли народ во главе с брахманами, движимый любовью и состраданием, наделяет нас достоинствами, коих мы не имеем. От себя и от братьев моих обращаюсь к вам с просьбой: пусть любовь и сочувствие к нам не позволят вам уклониться от ее исполнения. Царь (Дхритараштра), Видура, дед Бхишма, мать и большинство друзей моих, снедаемые тоской и печалью, (остались) в Городе слона.

Коли вы желаете нам добра, то блюдите их дружно и с полным усердием. Поклявшись сопровождать нас, далеко ушли вы от дома; воротитесь назад и обратите полные любовью сердца ваши к маим близким, остающимся залогом нашего возвращения. Вот какая главная забота лежит у меня на сердце; если исполните это, как следует, то порадуете меня и выкажете мне уважение.

Вайшампаяна сказал:
Так (Юдхшптхира), Царь справедливости, напутствовал своих подданных; они же, опечаленные, издали отчаянный, страдальческий вопль: «Горе нам, о царь!» Тяжко страдающие, терзаемые скорбью, приблизились они к Пандавам (для прощания) и нехотя пустились в обратный путь, продолжая перечислять достоинства Партхи.

После ухода горожан Пандавы взошли на колесницы и отправились на берег Джахнави, к великой смоковнице Прамана. Придя к ней на исходе дня, герои окропились святыми водами и расположились там на ночь. Удрученные бедою, Пандавы провели эту ночь на одной воде ". Из любви к ним некоторые брахманы — с огнем и без огня, — кто с близкими своими, кто с толпами учеников, прибыли туда следом за ними.

В кругу этих (мудрецов), искушенных в беседах о Брахмане, царь (Юдхиштхира) озарялся (величием). В тот прекрасный, но грозный час, когда развели они свои огни, завязалась беседа, сопровождаемая звучанием ведийских гимнов. Всю ночь напролет славнейшие из брахманов нежными, лебедиными голосами услаждали и ободряли царя (Юдхиштхиру), достойнейшего в роду Куру.
*Такова в книге «Лесная» великой «Махабхараты первая глава.*

ГЛАВА 2

Вайшампаяна сказал:
Едва забрезжил рассвет, неутомимые в деяниях (Партхи) собрались уходить в леса. Но тут предстали перед ними брахманы, живущие подаянием. Царь Юдхиштхира, сын Кунти, сказал им: «Все у нас, неочастных, отнято: и имущество, и царство, и величие. Мы уходим в леса, где будем жить, питаясь плодами, кореньями, дичью. Много напастей в лесу, много хищников, змей; мнится мне, не минуете вы там беды.

Самим богам грозит гибель, если навлекут они на брахманов лишения, — какая же мне за то будет кара! Вернитесь, о брахманы, в края, вам желанные!»

Брахманы сказали:
Куда бы ни лежал твой путь, мы готовы разделить его с тобою, царь! Можешь ли ты покинуть нас, преданно любящих тебя, прозревших суть благой дхармы! Ведь и боги проявляют сострадание к тем, кто преданно почитает их, особо же — к движимым благочестием брахманам.

Юдхиштхира сказал:
Дваждырожденные, я сам всегда безгранично и преданно любил брахманов. Но навлечь на вас, друзей моих, беду для меня равносильно погибели. Прежде плоды, коренья и дичь доставляли мне мои братья; ныне же рожденное скорбью отчаяние помутило их сознание. Обида, (нанесенная) Драупади, отторжение царства и пережитые страдания ввергли их в уныние; могу ль я теперь обременять их заботами!

Брахманы сказали:
Изгони из сердца, о царь, заботу о нашем пропитании. Мы последуем за вами и сами будем собирать дары леса. Духовным сосредоточением и молитвами мы принесем тебе благо, а скуку в лесу развеем оказыванием всяких подобающих случаю историй.

Юдхиштхира сказал:
Это верно: мне любо бывать с брахманами. Но я впал в нужду и вижу в этом как бы предостережение для себя. Если вы из любви ко мне станете претерпевать незаслуженные лишения, питаясь только тем, что сами же собрали, — каково мне будет видеть это! Да покроет позор нечестивых сыновей Дхритараштры!

Вайшампаяна сказал:
С этими словами царь (Юдхиштхира) пал наземь, обливаясь слезами. Тут один дваждырожденный, мудрец по имени Шаунака, искушенный в санкхье и йоге, возлюбивший созерцание Атмана, обратился к нему с такой речью: «Невежда изо дня в день находит сотни поводов для страха, тысячи — для печали; но не (таков) человек просвещенный. Люди, подобно тебе одаренные разумом, избегают причастности деяниям, замутняющим знание, запятнанным многими сквернами, губительным для благополучия.

Знание, достижимое изучением шрути и смрити, изгоняющее все неблагое, зовется «восьми-частным»; ты обладаешь этим знанием, о царь! Такого, как ты, ни иссякание богатств, ни трудности, ни бедствия близких, ни страдания души и тела не в силах лишить бодрости духа. Послушай, я возвещу тебе шлоки, дарующие крепость духа, как они были некогда пролеты великосущным Джанакой:

«Этот мир терзаем страданиями, проникающими плоть и сознание; услышь, какое есть средство исцелить их, оба вместе и каждое в отдельности. Страдание плоти порождается четырьмя причинами: болезнью, прикосновением к вредному, утомлением, отлучением от желанного. Для врачевания болезней и плоти и сознания средства используются двоякие: с одной стороны — срочное применение целебных средств, с другой — правильное размышление.

Так вот, если лекарь мудр, то он прежде всего стремится приятными беседами, дарующими больному блаженство, уврачевать (болезнь) сознания. Ведь от болезни сознания все тело воспаляется; так раскаленный шар, брошенный в сосуд, нагревает воду. Но как вода тушит пламя, так истинная мудрость врачует болезнь сознания; когда же сознание исцелено, приходит облегчение и телу.

Корень болезней сознания надлежит усматривать в привязанности. Движимая привязанностью, прилепляется душа (к объектам) и познает страдание. Корень страданий — в привязанности, причина страхов — в привязанности; привязанность несет людям и радостное возбуждение, и скорбь, и изнурение от тяжких трудов. Привязанностью порождаются страсть к (насыщению) органов чувств и страсть к внешним объектам; из этих двух, говорят, первая — пагубнее. Как пламя, проникнув в дупло, сожжет без остатка все дерево с корнем его, так и скверна страсти, пусть даже самая малая, человека, стремившегося к дхарме, влечет к погибели.

Чтобы стать отрешенным, мало разлучиться с (объектом привязанности); подлинно отрешился от близости (с ним) тот, кто зрит все ее скверны, кому чужды мстительность и жажда обладания. Посему привязанность к друзьям, приверженцам, к нажитым богатствам, телесную по своей природе, должно устранять с помощью знания. Как не удержится капля воды на лотосовом листе, так не коснется привязанность лучших из людей, сведущих в шастрах, духовно совершенных, исполненных знания. Того, в ком проснулась страсть, одолевает вожделение; в нем пробуждается желание, потом рождается страстная жажда.

Эта ужасная, наигрешнейшая жажда порождает в людях непрестанную суетность, вовлекает их в грех, побуждает ко множеству беззаконий. Счастливы те, кто избавился от этой жажды, от коей вовек не избавятся люди дурные, жажды, не иссякающей с иссяканием сил, пожизненного недуга 15. Ни начала, ни конца нет у этой жажды, укоренившейся в человеческой плоти; она пожирает живые существа, как Огонь Не из чрева рожденный.

Как дрова уничтожаются огнем, ими же вскормленным, так и люди, духовно несовершенные, гибнут от врожденной своей жадности. Как страшится смерти всякий, кто наделен жизнью, так и обладатель богатства пребывает в постоянном страхе перед водой, огнем, ворами, царем и своими же родственниками.

Оставь мясо на воздухе — его склюют птицы, на земле — пожрут звери, в воде — рыбы; так же все (готовы пожрать) и человека, владеющего богатством.

Для тех, кто им владеет, богатство оборачивается злом. Никогда не познать благополучия тому, кто ищет обрести его через обогащение. Стоит только человеку завладеть богатством, как возрастают в сознании его всяческие заблуждения. Мудрецы знают, какие грозят смертным беды, проистекающие от богатства: это духовное убожество, гордыня, самообольщение, суетность и страх.

Добывая богатство — страдаем, оберегая его — страдаем, убывает оно — страдаем, теряем — страдаем, тратим — страдаем; подчас и убивают люди друг друга из-за богатства. Тяжело расставаться с богатствами, но и тщательно сберегаемые не приносят они счастья; им всегда сопутствует страдание, поэтому, если утратишь богатство, не стоит печалиться. Глупцы — все в своей_ неудовлетворенности; удовлетворенности достигают мудрые.

Жажда не имеет предела. А в удовлетворенности заключено наивысшее блаженство. Потому мудрые почитают удовлетворенность лучшим из сокровищ этого мира. Не вечна наша телесная оболочка, не вечна юность и сама жизнь, не вечно нажитое богатство, не вечна власть, не вечен союз любящих — и потому да не соблазнится мудрец ничем из этого!

Когда приходится расстаться с накопленным, кто в силах перенесть вызванные этим страдания? А ведь не было еще такого человека, который, храня приобретенное, избег бы всяческих тревог. Посему праведники возносят хвалы тому, кто равнодушен к мирским благам. Лучше ведь вовсе не мараться грязью, чем после отмываться от нее».

Воистину, не подобает тебе желать мирских благ, о Юдхиштхира! Если считаешь долгом своим поступать в согласии с дхармой, то избавься вполне от вожделения!»

Юдхиштхира сказал:
Я жажду разбогатеть не для того, чтобы самому вкусить
от обладания богатством. Я стремлюсь к этому с одной лишь целью — прокормить брахманов, отнюдь не из своекорыстия. Может ли человек, подобно мне несущий обязанности домохозяина, не питать и не блюсти тех, о брахман, кто сопутствует ему в скитаниях? Всем живым существам положено делиться друг с другом; потому всякий глава семьи обязан поддерживать даяниями тех, кто не ведет своего хозяйства. У благочестивых хозяев всегда должно найтись для гостя место в доме, вода для питья, трава на подстилку, и в-четвертых, ласковое слово. Утомленному надо предоставить ложе, уставшему стоять — сиденье, голодному — еду, жаждущему — питье. Приветливостью взора, сердечной добротой, ласковыми речами следует одаривать гостя; пусть хозяин, вставая, устремляется ему навстречу, пусть оказывает ему надлежащие почести.

Неисполнение агнихотры, непочтительность к коровам, неуважение к гостям и родственникам, к детям, супруге, слугам суть (грехи), ведущие к гибели. Никто не смеет готовить пищу только для себя; никто не смеет без надобности резать скот; да не посмеет также вкушать пищу свою, не поднеся прежде, по обычаю, пищу (богам и питарам).

Утром и вечером надлежит совершать жертвоприношение, именуемое вайшвадева, разбрасывая на земле пищу для собак, псоядцев 24 и птиц. Самому питаться следует только вигхасой25 и амритой; вигхаса — это остатки от трапезы домашних; амрита — остатки от жертвоприношения. Говорят, что, если домохозяин в деятельности своей держится этих правил, тем самым он следует высочайшей дхарме. А каково твое мнение об этом, о брахман? Шаунака сказал:

О горе! Сколь превратно все в этом мире! От чего отвращает лик свой праведник, то для нечестивца — источник наслаждения. Подчас люди невежественные, движимые пагубной страстью, порабощенные

чувственностью, питаются по обету вигхасой, надеясь (в будущем рождении) насытить свою утробу и детородный член!

А бывает, что и мыслящий человек, если помрачено его сознание, совлекается обманчивыми органами чувств (с истинного пути), как колесничий — непослушными, обезумевшими от волнения конями. Когда шесть чувств встречаются с объектом, от них мгновенно рождается сознание, обусловленное начальным целостным образом.

У того (человека), чей разум влеком к объекту совокупности чувств, рождается страстная жажда, вовлекается он в деятельность. И тогда, (повинуясь) желанию, (подкрепляемому) энергией целостного образа, пронзенный стрелами объектов, повергается он в огонь вожделения, как насекомое, летя на свет, падает в пламя.

Тогда чревоугодие и прочие утехи помрачают его разум; погрязнув в грешном заблуждении, принимаемом им за истинное блаженство, человек тот, о владыка народа, не сознает более себя. Так-то и ввергается он в сансару и, крутясь словно колесо, переходит под воздействием неведения, жажды и груза прошлых деяний из одного лона в другое, вновь и вновь возрождаясь в различных видах существ, от Брахмы до стебля травы, то на земле, то в воде, то в воздушном пространстве. Таков удел глупцов; а теперь слушай об уделе разумных, приверженных дхарме и благочестию, ищущих блаженства на пути освобождения.

Как гласит речение Вед: действуй, но отрешись от плодов
деяния!30 Только тогда соблюдешь ты все эти дхармы бескорыстно, а не из себялюбия. Принесение жертв, учение, дарения, подвижничество, правдивость, всепрощение, смирение, нестяжательство — таков, говорят, восьмеричный путь дхармы. Первые его четыре ветви ведут путем предков; но только

все предписанные действия надлежит совершать бескорыстно, а не из себялюбия. Остальные (четыре ветви) —это путь богов, по которому всегда шествуют праведники. Кто очистил свой дух, пусть идет восьмеричным путем.

Допуская только благие помыслы; обуздав должным образом чувства; ревностно исполняя (тягчайшие) обеты; угождая, как положено, наставникам; строго соблюдая правила питания; преуспевая, как подобает, в учении; отрешившись полностью от плодов деяний; навсегда пресекши (деятельность) мысли — только так должен жить тот, кто желает превозмочь сансару! Избавившись от страстей и злобы, боги обрели владычество над миром. Обладая йогическим всемогуществом, рудры, садхьи, адитьи, васу и двое Ашвинов поддерживают существование всего живого.

Так и ты, о Каунтея, утвердившись в полном бесстрастии, постарайся путем подвижничества обрести совершенство и дар чудотворства. Те совершенства, что передаются от отца с матерью, а также достигаются добрыми делами, уже обретены тобою; стремись же теперь добыть для себя и эту, в подвижничестве обретаемую способность, дабы прокормить брахманов! Кому эта способность дана, тот может совершить все, чего бы ни восхотел в милосердии своем; предайся же трудам подвижничества, и ты осуществишь свое желание!
*Такова в книге «Лесная» великой «Махабхараты» вторая глава.*

ГЛАВА 3

Вайшампаяна сказал:
Выслушав речь Шаунаки, Юдхиштхира, сын Кунти, сопровождаемый братьями, пошел к своему родовому жрецу и сказал ему: «Не следовало бы этим брахманам, усвоившим (учение) Вед, сопровождать меня в моем изгнании. Многие беды постигли меня, и я не в силах обеспечить им защиту. И оставить их не могу, и даяниями поддерживать не способен. Как мне тут быть, да разъяснит почтенный!» На какое-то время Дхаумья, достойнейший из блюстителей закона, предался размышлениям, дабы найти путь, согласный с дхармой, а потом отвечал Юдхиштхире:

«Было время, когда все живые создания сильно страдали от голода. Тогда Савитар-Солнце, словно родной отец, проникся к ним состраданием. Двинувшись северным путем, собрал он своими лучами наделенную животворным теджасом влагу, а затем вернулся южным путем 33 и проник внутрь земли. Обернулся он полем-лоном, и в нем Царь растительности, согнав (в облака) весь теджас (паром носившийся) в поднебесье и (пролив вниз дождевую) влагу, породил растения. Оплодотворенное теджасом Месяца, пребывавшее в земле Солнце произвело (их) на свет; эти растения, наделенные шестью вкусовыми соками, пригодные для жертвы, и составляют пищу всех живых существ на земле.

Воистину, пища всех наделенных жизнью существ сотворена из Солнца, потому оно и есть отец всех существ; к нему обратись за помощью! Все великие духом цари, возвысившиеся над грехом как благородством происхождения, так и собственными благими деяниями, поддерживают своих подданных, предаваясь высоким трудам подвижничества. Бхима, Картавирья, Вайнья и Нахуша оберегали народ свой от бед, пребывая в самадхи, (обретенном) деяниями подвижничества и йогой.

Вот и ты, чей дух устремлен к дхарме, ты, возвысивший себя над грехом добрыми делами, предайся, как велит тебе дхарма, подвижничеству и тем обеспечь пропитание для брахманов!»

Вняв ко времени пришедшейся речи Дхаумьи, Царь справедливости, чистый духом Юдхиштхира предался суровейшему подвижничеству. Приношениями цветов и жертвенной пищи благочестивый царь воздал почести Творцу дня, а затем приступил к деяниям йоги. Восторжествовавший над чувствами, питающийся одним воздухом, он вошел в воды Ганги и стал совершать пранаяму.

Джанамеджая сказал:
Как же сумел тот бык-каурава, царь Юдхиштхира, радея о благе брахманов, умилостивить почитанием дивнодоблестного Сурью?

Вайшампаяна сказал:
О царь, соверши прежде необходимое очищение, сосредоточься и слушай внимательно. Не изволь торопить меня, и я изложу тебе все без единого упущения. Вот какие сто восемь благостных имен бога сообщил Дхаумья величайшему духом Партхе; услышь их, о многомудрый!

Сурья, Арьяман, Бхага, Тваштри, Пушан, Арка, Савитар, Рави, Лучезарный, Нерожденный, Время, Смерть, Творец, Источник света, Земля и Воды, Сияние и Небо, Ветер, Вышний предел, Сома, Брихаспати, Шукра, Будха и Ангарака, Индра, Вивасван, Излучающий жар, Яркий, Шаури, или Тихоходя-щий, Брахма, Вишну, Рудра, Сканда, Вайшравана, Яма, Пламя молнии, Пламя чрева, Рождаемый топливом, Владыка всякого пыла, Знамя дхармы, Создатель Вед, Завершение Вед, Носитель Вед, Крита, Трета, Двапара и Кали, Прибежище всех бессмертных, Кала, Каштха и Мухурта, Пакша, Месяц и Время года, Творец года, (древо) Ашваттха, Колесо времени, Светообильный, Пуруша, Извечный, Владыка йоги, Явленно-непроявленный, Непреходящий, Блюститель мира, Блюститель твари, Всетворец, Гонитель тьмы, Варуна, Океан, Свет, Облако, Податель жизни, Губитель недругов, Прибежище тварей,

Владыка тварей, Вместилище всех тварей, Сокровище, Злато, Первосущность, Исполнитель желаний, Всепребывающий, Победоносный, Превеликий, Податель даров, Быстроходящий, Источник жизненной силы, Дханвантари, Дымознаменный, Первобожество, Дитя Адити, Двенадцатисущный, Адолотосоокий, Отец, Мать, Прародитель, Врата неба, Врата творения, Врата спасения, Небо богов, Создатель плоти, Просветленный дух, Душа всего, Вездесущий, Душа подвижного и недвижимого, Тонкая сущность, Средоточие дружелюбия!

Эти сто восемь святых имен великого духом, достославного Сурьи возвестил некогда великий духом Шакра; от Шакры узнал их Нарада, от него — Дхаумья, а Юдхиштхира, приняв их (знание) от Дхаумьи, обрел исполнение всех желаний. Помести же в сердце своем того, кто почитаем богами, питарами, гана-ми и якшами, того, кто восхваляем нишачарами, сиддхами, асурами, того, кто сияет, подобно Вкусителю жертв, как чистое золото— (блистательного) Бхаскару! Каждый, кто при восходе солнца, погрузившись в созерцание, повторит (эти имена), да обретет мужское потомство, груды золота и дорогих камней, воспоминания о всех прежних своих рождениях, легкость усвоения и твердость памяти.

Каждый человек с чистым и добрым сердцем, который, предавшись созерцанию, вознесет эту хвалу наилучшему из богов, да спасется от тоски, лесного пожара и водной пучины, да обретет исполнение всех заветных, лелеемых в сердце желаний!
*Такова в книге «Лесная» великой «Махабхараты» третья глава.*

ГЛАВА 4

Вайшампаяна сказал:
И вот умилостивленный Творец дня явился Пандаве, сияя пламенностью телесного облика, словно сам Вкуситель жертв. «Получи, о царь, все, чего желаешь. Дам тебе пищи на пять и еще на семь лет. Плоды, коренья, зелень, мясо — всякая пища четырех родов, какую только готовят на твоей кухне, отныне у тебя да не иссякнет! А еще тебе (дарую) всяческие богатства!» — сказал и растаял в воздухе. Обретя (желанный) дар, неколебимый знаток дхармы Каунтея вышел из воды, обнял стопы Дхаумьи, прижал к груди братьев.

Вместе с Драупади направился царственный Пандава в кухню и там, на виду (у всех), вызвал появление той (чудесной) пищи. Явилась там, уже приготовленной, всякая пища четырех родов, какая только может быть добыта в лесу, и прибывала она бесконечно. Этой пищей и накормил Юдхиштхира дваждырожденных.

Только когда насытились брахманы, покормил он и младших братьев, сам же ел после них остатки, (то есть то)г что зовется вигхасой; а Паршати, покормив Юдхиштхиру, съела то, что осталось после него. Так могучий (Юдхиштхира), великолепием равный Творцу дня, получив от Творящего - день исполнение лелеемых в сердце желаний, щедро одарил брахманов. Под наблюдением родового жреца, при учете особенностей дня, лунного дома и нарвана, сообразно установлениям и с применением надлежащих мантр (брахманы вызвали тогда) появление всевозможной утвари, потребной для жертвоприношения. Заручившись благосклонностью (богов) Пандавы, сопровождаемые Дхаумьей и толпами дваждырожденных, двинулись затем к лесу Камьяка. *Такова в книге «Лесная» великой «Махабхараты» четвертая глава.*

ГЛАВА 5

Вайшампаяна сказал:
После ухода Пандавов в леса сыном Амбики, коему мудрость его служила единственным оком, овладело отчаяние. Покоясь на мягком сиденье, молвил царь преданному духом дхарме, многомудрому Видуре:

«Ясностью знания своего ты подобишься Бхаргаве, зримы тебе сокровенные тонкости дхармы; равны в глазах твоих все потомки Куру; так укажи, в чем теперь мое и их общее благо? Коли так все случилось, что нам делать теперь, Видура? Как вернуть нам привязанность подданных, дабы не истребили они с корнем весь наш род, дабы не пришлось и нам проливать их кровь»?

Видура сказал:
Люди говорят, что корень триварги — дхарма; так же и корень царской власти — дхарма, о Индра царей! По мере сил в правлении своем придерживаясь дхармы, равно заботься, о царь, о собственном потомстве и о сыновьях Кунти! Великий ущерб нанесли дхарме нечестивцы, предводительствуемые сыном Субалы, в Доме собрания! Сын твой вызвал сына Кунти, честного Юдхиштхиру, на игру в кости и обыграл его! О царь, мне известно средство, коим можно загладить последствия этого дурного дела, так, чтобы сын твой, о Кауравья, очистившись от греха, вновь вернул себе уважение людей. Пусть владеют сыновья Панду уделом, который ты, о царь, даровал им прежде. Ведь для царя наивысшая дхарма состоит в том, чтобы довольствоваться своим и не зариться на чужое. Первым долгом надо дать удовлетворение Пандавам и приструнить Шакуни; и если хочешь спасти своих сыновей, сделай это, не теряя времени. Коли, о царь, ты не сделаешь этого, (роду) Куру грозит неминуемая гибель. Ведь Бхимасена и Арджуна, когда разъярятся, не дадут врагам живыми уйти с поля брани. Для тех, на чьей стороне станет биться в совершенстве владеющий оружием Савьясачин и мощнодланный Бхима, для тех, чье оружие — превосходнейший в мире лук Гандива, нет на свете ничего невозможного!

Говорил я тебе прежде, когда этот сын твой только родился, в чем тогда было твое благо: «Отвергни такого сына, от него будет вред твоему роду!» Но не внял ты тогда истине, о царь! Вот и сейчас сказал я тебе, в чем твое благо; и если ты этого не исполнишь, о царь, то после горько о том пожалеешь.

Когда бы согласился сын твой полюбовно поделить власть с Пандавами, то не пришлось бы тебе, связанному (оте ческой) любовью, терзаться теперь угрызениями, выгораживать сына своего с его приспешниками. Ну а коли он не таков, то низложи его и возведи на царство сына Панду. Пусть этой землею, о царь, правит в согласии с дхармой, чуждый страстям .Аджаташатру, и тогда все земные владыки, о царь, тотчас же склонятся перед нами, словно вайшьи. Пусть Дурьодхана, Шаакуни и Сын возницы, о царь, с любовью изъявят свою преданность сыновьям Панду и пусть Духшасана в Зале собрания молит Бхимасену и дочь Друпады о прощении. А ты ублаготвори Юдхиштхиру и, воздав ему должные почести, возведи еа царство. Могу ли я как-нибудь иначе ответить на твой вопрос? Сделав все это, исполнишь тем самым, о царь, свой прямой долг.

Дхритараштра сказал:
Речь твоя, Видура, обо мне и Пандавах, произнесенная здесь, в моем Зале собрания, направлена к их благу и во вред моей родне; сердце мое всего этого не приемлет. Что за мысль вдруг пришла тебе говорить в пользу Пандавов? После этого мне трудно поверить, что ты желаешь мне блага. Неужели же я ради Пандавов отвергну своего сына? Это верно, они тоже мне как бы сыновья; но ведь Дурьодхана рожден от плоти моей! Мыслимо ли, радея о беспристрастности, в то же время советовать мне: «Отрекись от плоти своей ради чужого блага!»? Все это высказал ты без какой-либо задней мысли, и я глубоко уважаю тебя за это, Видура! Хочешь — уходи от меня, а хочешь — оставайся; да только как беспутную жену ни ублажай, она все равно сбежит.

Вайшампаяна сказал:
С этими словами, о царь, Дхритараштра внезапно поднялся я удалился во внутренние покои. Видура, же, возглашая: «Все пропало!», поспешил туда, где находились (в это время) Партхи.
*Такова в книге «Лесная» великой «Махабхараты» пятая глава.*

ГЛАВА 6

Вайшампаяна сказал:
А Пандавы, быки среди бхаратов, подыскивая себе в лесу подходящее место для поселения, шли со спутниками своими; от берегов Джахнави в направлении Курукшетры. Побывали они у Сарасвати, Дришадвати, Ямуны и так, переходя из леса в лес, неуклонно продвигались на запад. И вот среди плоских и пустынных равнин, (лежащих) по берегам Сарасвати, увидели они лес, называемый Камьяка, — любимый приют святых отшельников. В том-то богатом птицей и зверем лесу и поселились герои, а отшельники, о бхарата, окружили их своей заботой и лаской. Туда, в благословенный лес Камьяка, горя нетерпением увидеть Пандавов, и направился один, (без свиты) на своей колеснице Видура.

Прибью в ту рощу на боевой колеснице, влекомой резвыми конями, увидал Видура Царя справедливости, восседавшего в (лесном) уединении рядом с Драупади, братьями и брахманами. Царь, известный верностью данному слову, также издали завидел стремительно приближавшегося Видуру и сказал брату Бхимасене: «Что за вести несет нам Кшаттри? Уж не везет ли он нам по приказу сына Субалы вызов на новую игру? Не (хочет ли) презренный Шакуни на сей раз выиграть в кости наше оружие? Ведь кто бы ни бросил вызов: «Спеши ко мне!», я не могу уклониться, о Бхимасена! Если возникла опасность, что мы потеряем Гандиву, тогда неизвестно, удастся ли нам возвратить наше царство!»

Затем, поднявшись как один навстречу Видуре, сыновья Панду, о царь, радушно приняли гостя. Принятый ими с почетом, Аджамидха также подобающим образом приблизился к сыновьям Панду. Когда Видура отдохнул (с дороги), спросили его мужичбыки о цели прибытия; тут он пространно поведал им обо всем, что произошло между ним и сыном Амбики, Дхритараштрой.

Видура сказал:
О Аджаташатру! (Призвал) меня тайно царь Дхритараштра. Приветив и почтив меня, он сказал: «Оставаясь беспристрастным, укажи, что при нынешнем положении дел выгодно мне, а что— (Пандавам)!» Сказал я о том, что принесет пользу кауравам и пойдет на благо самому Дхритараштре. Только он сердцем своей же выгоды не принял, а другого пути ко благу я при таких обстоятельствах не вижу. Я указал ему, о Пандавы, в чем для него наивысшее благо; но сын Амбики меня не послушал. Нелюбы ему мои слова, как (не по вкусу порой) больному целительная пища. Ведь распутная жена, о Аджаташатру, не обратится к добродетели, хотя бы и жила она в доме знающего Веды брахмана; не придутся речи мои
по сердцу быку бхарате, как не станет мил юной деве шестидесятилетний муж. Неминуема теперь гибель кауравов; не видать больше, царь, Дхритараштре удачи. Капля воды, попав на лотосовый лист, тотчас с него стекает — так и в (сердце) его не удерживаются благие мои советы!

Словом, разгневался Дхритараштра и сказал мне: «Ступай куда хочешь, о бхарата! Помощь твоя в управлении этой землею и городом мне более не надобна». Отвергнутый Дхритараштрой, поспешил я сюда, о царь, дабы помогать тебе наставлениями. Повторю для тебя все, о чем говорил я в Зале собрания; прими это к разумению.

Воистину, тот, кто владеет собой, кто, перенося от врагов жесточайшие мучения, хранит терпение и ждет своего часа, кто как бы раздувает из искры пламя — тот один правит всею землей! \£ тем, о царь, кто уделяет друзьям от своего богатства, друзья разделят и беду; это лучшее средство обрести друзей! А ведь говорят, будто иметь друзей — все равно что властвовать над всею землей! С друзьями, Пандава, следует быть предельно искренним, избегать суесловия, вкушать одну с ними пищу, никогда не пытаясь чем-либо возвысить себя над ними, — поступая так, царь наращивает свое могущество.

Юдхиштхира сказал:
Обретши это высокое знание, я со всем тщанием исполню то, о чем ты говорил, и впредь также буду всецело следовать твоим (всегда) уместным и своевременным советам.
*Такова в книге «Лесная» великой «Махабхараты» шестая глава.*

ГЛАВА 7

Вайшампаяна сказал:

После того как Видура отбыл к Пандавам, в их обитель, многомудрый Дхритараштра проникся раскаянием, о царь-бхарата! Придя ко входу в Дом собрания, вспомнил он вдруг о
Видуре, и разум его помутился; пораженный в сердце (тоскою), пал он (на землю) на виду у
(присутствовавших там) Индра среди царей. Когда же сознание вернулось к нему, царь
поднялся с земли и молвил такое слово стоявшему рядом Санджае:

«Брат и друг мой Видура — воистину, словно второй (бог) Дхарма. Стоит теперь мне вспомнить о нем, и кажется, будто сердце рвется с великой болью на части. Приведи же скорее назад моего брата, знатока дхармы!» Сказав это, царь не сдержал безутешных рыданий. Раскаяние жгло его, терзали воспоминания о Видуре. Движимый братской любовью, о царь, обратился он (снова) к Санджае с такими словами: «Ступай,

о Санджая, проведай, жив ли еще брат мой Видура, которого я удалил, поддавшись неправедному гневу. Никогда ни малейшего зла не видал я от своего мудрого, необъятным умом наделенного брата; как же могло случиться, что я сам причинил многомудрому зло? Ступай, о Санджая, и приведи мне того мудреца, пока еще он не расстался с жизнью!»
Выслушав царское слово, «Исполню!»—воскликнул Санджая; получив дозволение удалиться, спешно направился он к лесу Камьяка.

Вскорости прибыл он в этот лес, где (укрывались) Пандавы, и там увидал Юдхиштхиру, облаченного в оленью шкуру49; тот восседал рядом с Видурой в окружении тысяч брахманов, братья же охраняли его, как небожители Шатакрату. Приблизившись к Юдхиштхире, почтительно преклонился перед ним Санджая, а Бхиме, Арджуне и близнецам также воздал подобающие почести. Был удобно усажен Санджая, когда же вопросил его царь о здоровье и благополучии, то поведал о причине своего приезда и добавил следующее: «О Кшаттри, не забыл тебя царь Дхритараштра, сын Амбики.

Поспеши повидаться с ним, возврати царя к жизни! Заручившись согласием этих достойнейших мужей, Пандавов, потомков Куру, ты должен, даритель гордости, по воле льва средь царей (немедля) отправиться в путь!»

Вняв его речи, мудрый и нежно привязанный к родственникам Видура с соизволения Юдхиштхиры вернулся в Город слона. Сказал ему, многомудрому, могучий Дхритараштра: «Какое счастье, что ты вновь со мною, знаток дхармы, что не забыл меня, безгрешный! Из-за тебя, о бык-бхарата, ни ночью, ни днем не ведал я нынче покоя, и уже виделось мне, будто я в ином теле». Привлекши Видуру к себе, вдохнув запах его головы, царь промолвил. «Прости те грубые слова, что мною были сказаны».

Видура сказал:
«Я уже простил тебя, о царь! Ведь ты для всех нас — верховный наставник. Я и прибыл сюда столь поспешно потому только, что горел желанием увидеть тебя. Те люди, муж-тигр, чьи помыслы обращены к дхарме, всегда поспешают на помощь попавшим в беду; в таких случаях, о царь, неприходится (тратить время) на размышления. Твои дети и сыновья Панду равны в моих глазах; но (Пандавы) попали в беду — вот почему я сейчас мыслями с ними!»

Вайшампаяна сказал:
Так осиянные величием братья, Видура и Дхритараштра, примирившись друг с другом, обрели несказанную радость.
*Такова в книге «Лесная» великой «Махабхараты» седьмая, глава.*

ГЛАВА 8

Вайшампаяна сказал:
Прослышав о том, что Видура принят и обласкан царем, опечалился царь (Дурьодхана), злобный сын Дхритараштры. Обуял его неразумием порожденный мрак заблужения.

Призвал к себе царь Духшасану, Карну, а также сына Субалы и так говорил им: «Вернулся к Дхритараштре любимый его советник, ученый Видура. Дружен он с сыновьями Панду и трудится для их блага. Пока не убедил он царя вернуть обратно Пандавов, помогите мне добрым советом. Ибо если когда-нибудь мне доведется увидеть, как сюда возвращаются Партхи, то я опять иссушу себя, добровольно отказавшись от питья. Отравлюсь, повешусь, мечом заколюсь или взойду на костер — лишь бы не стать мне снова свидетелем их благоденствия!»

Шакуни сказал:

Что за нелепая мысль овладела тобой, о царь, повелитель народа! Не может такого случиться, ведь они, уходя в лес, дали клятву! Все Пандавы неизменно верны своему слову, о бык-бхарата; и потому, сынок, они никогда не приняли бы приглашения твоего отца. А если бы приняли и снова вернулись в город, не исполнив обета, то мы затеяли бы новую игру. Прикинулись бы равнодушными, покорными царской прихоти, а сами, затаившись, тщательно выведывали бы уязвимые места Пандавов.

Духшасана сказал:
Так оно и есть, как ты говоришь, многомудрый дядюшка. Все, что ты ни скажешь, всегда любезно моему уму.

Карна сказал:
О Дурьодхана, (но ведь) каждый из нас жаждет осуществить твое заветное желание; в этом, сдается мне, все мы вполне единодушны, о царь!
Вайшампаяна сказал:
При этих словах Карны царь Дурьодхана не выказал особой радости и поспешно отвернулся 53. Заметив это, Карна, прекрасные глаза которого расширились от гнева, кипя злобой, но силясь сдерживать себя, заговорил, обращаясь к Духшасане и сыну Субалы: «Слушайте, цари, каково мое мнение. Как слуги на посылках, сложив ладони, (ожидают приказаний), так все мы ищем возможности сделать приятное нашему царю.

Но не всегда стремимся мы к его благу с достаточной решимостью. Возьмем же оружие, взойдем, облекшись доспехами, на колесницы, дружно выступим и убьем Пандавов, скитающихся по лесам! Только когда, усмиренные, уйдут они неведомым путем, для нас, детей Дхритараштры, настанет покой! Пока они в беде, пока мучимы скорбью и лишены друзей — у нас еще, полагаю, достанет сил (на это)!»

Выслушав речь Сына суты, (кауравы) многократно его почтили и дружно ответили: «Так да и будет!» Сказав это, все, как один, пылая гневом, выступили они толпою, каждый на своей колеснице, с твердым решением погубить Пандавов. Но тут, прозревши все это божественным оком, узнал об их выступлении очистивший дух свой Кришна Двайпаяна (Вьяса); пришедши, чтимый всем миром владыка повелел им остановиться. Затем поспешил он туда, где восседал (на престоле царь Дхритараштра), коему мудрость служила единственным оком, и так сказал ему.
*Такова в книге «Лесная» великой «Махабхараты» восьмая глава.*

ГЛАВА 9

Вьяса сказал:
Внемли словам моим, премудрый Дхритараштра, я укажу тебе, что было бы высшим благом для всех потомков Куру. Не по душе мне, о мощнодланный, то, что Пандавы, плутовски обыгранные в кости прислужниками Дурьодханы, изгнаны в леса. По прошествии тринадцати лет, припомнив все перенесенные лишения, изольют они на кауравов яд своего гнева, о бхарата! Зачем же нечестивый, скудоумный, вечно злобствующий сын твой ради власти над их царством ищет гибели Пандавов?

Пусть лучше твой сын смирится, останови его, неразумного, не то, стремясь погубить лесных изгнанников, он сам расстанется <с жизнью. Прислушайся лучше к тому, что говорят тебе мудрый Видура, и Бхишма, и я, и Крипа с Дроною. Ведь ссора с родичами, о многомудрый, весьма предосудительна; не впасть бы тебе через это, (о царь), в беззаконие и бесславие. (Дурьодхана) по отношению к Пандавам настроен так, что, если ты недосмотришь за ним, царь-бхарата, — не миновать ему великой беды.

Пусть лучше неразумный сын твой один, без сообщников отправится в лес, о царь, для встречи с Пандавами. И если у Пандавов после этой встречи пробудится к твоему сыну приязнь, тогда, о властитель потомков Ману, можешь считать, что дело твое увенчалось успехом. Впрочем, говорят ведь, что если человеку дано при рождении какое душевное качество, то уж, пока жив, он от него не избавится. Что, интересно, думают об этом Бхишма, Дрона или же Видура? А как ты (сам полагаешь), почтенный? Исполни то, что в данный миг исполнить подобает, и преуспеешь вскоре в достижении своих житейских целей.
*Такова в книге «Лесная» великой «Махабхараты» девятая глава.*

ГЛАВА 10
Дхритараштра сказал:
Я и сам, о владыка, не рад был узнать, что такое игра! Мнится мне, о подвижник, меня побудило к тому веление рока. Ни Бхишме, ни Дроне, ни Видуре не по душе была игра, Гандхари тоже ее не желала; (в том, что она состоялась), повинно (всеобщее) ослепление. Все понимаю, но по отцовской любви не могу — о владыка, блюститель обетов — отречься от неразумного Дурьодханы!

Вьяса сказал:
Истина в словах твоих, о царь, сын Вичитравирьи! Я-то доподлинно знаю: дорог сын, ничего нет дороже сына. Сам Индра постиг, увидев слезы Сурабхи, что сын дороже всех прочих, наиценнейших благ мира. Сейчас, о владыка народа, я тебе поведаю превосходнейшее, славное сказание о беседе Индры с Сурабхи. Некогда, в давние времена, Сурабхи, мать коров, явилась на небо Индры вся в слезах. И тогда — о царь, сын мой, — Индра проникся к ней состраданием.

Индра сказал:
О чем ты плачешь, прекрасная? Все ли благополучно у небожителей? Не случилось ли какой, хоть и малой, беды с потомством Ману или с коровами?

Сурабхи сказала:
Не встретилось мне, о владыка Тридесяти (богов), ничего, что могло бы тебя опечалить. О сыне грущу я, о Каушика, из-за него плачу. Взгляни, этот грубый пахарь слабенького моего сыночка исхлестал кнутом, измучил тяжестью плуга. Едва увидела я, сколь страшно он изнурен, какие терпит побои, жалость меня охватила, о Индра богов, властелин небожителей, тревога закралась в сердце. Один (из двух быков в упряжке) полон сил, (с легкостью) влечет тяжкое ярмо; другой же — слабый, чуть живой, изможденный, кожа да кости, еле тащит свою ношу — о нем я печалюсь, о Васава! То и дело хлещут его кнутом, осыпают побоями; смотри, Васава, нет больше сил у него тащить эту тяжесть! Из-за него-то и терзаюсь я, горемычная, скорбью, плачу, изливая из очей слезы сострадания.

Индра сказал:
В то время, красавица, как тысячи сыновей твоих терпят мучения, почему ты изъявляешь сочувствие к страданиям только одного из них?

Сурабхи сказала:
Хоть и равно дорог мне каждый из тысяч моих сыновей, но более всего мне жаль, о Шакра, добронравного сына, когда он постигнут бедою.

Вьяса сказал:
Велико было изумление Индры, когда услышал он слова Сурабхи. Тогда, о потомок Куру, он постиг, что родное дитя дороже собственной жизни. Немедля владыка Пакашасана обрушил на землю проливной дождь, дабы положить конец (дурному) поведению пахаря.

Так же и ты, о царь, должен, как сказала Сурабхи, равно (любить) всех своих сыновей, но больше сострадать тем из них, кто попадает в беду. Как родное дитя был для меня Панду, а равно и ты, сынок, и многомудрый Видура; именно из любви к вам и говорю я все это. Ведь у тебя в конце концов сто и один сын, о царь, а у Панду всего пятеро, и к тому же их постигли тяжкие беды, преследуют неудачи. «Как у них сложится жизнь, как-то в ней они преуспеют?» — не дает мне покоя такая мысль о несчастных Партхах. Если ты не хочешь, о царь, чтобы иссякло в этом мире потомство Куру, то заставь сына своего Дурьодхану примириться с Пандавами.
*Такова в книге «Лесная» великой «Махабхараты» десятая глава.*

ГЛАВА 11

Дхритараштра сказал:
Истинно все, что ты нам оказал, многомудрый подвижник; в том убежден я сам, как и все эти цари. На то же самое средство, могущее, как ты считаешь, принести счастье роду Куру, указывали мне прежде, о подвижник, Видура, Бхишма и Дрона. Если достоин я такой чести, если есть в тебе сострадание к потомкам Куру, вразуми дурного сына моего Дурьодхану!

Вьяса сказал:
Вот идет сюда, желая повидать нас, о царь, почтенный мудрец Майтрея, сопровождавший в пути братьев-Пандавов. Этот великий мудрец и наставит, как должно, о царь, своего сына Дурьодхану, дабы в роду вашем воцарился мир, но только все, что он ни скажет, следует исполнить без колебаний, а не исполните того, что нужно, — так в гневе предаст он сына твоего проклятию, о Индра царей!

Вайшампаяна сказал:
Сказав это, Вьяса ушел. Явился Майтрея. (Старый) царь с наследником оказали гостю почетный прием. Поднеся утомленному (дорогой) быку-подвижнику аргхью и все прочее, что положено по обряду, царь Дхритараштра, сын Амбики, почтительно обратился к нему: «Счастливым ли было, владыка, путешествие твое в Куруджангалу? Благополучны ли пятеро отважных братьев Пандавов? Намерены ли те мужи-быки

соблюсти верность данному обету? Останутся ли в будущем непоколебленными братские чувства их к потомкам Куру?»

Майтрея сказал:
Обходя тиртхи, прибыл я в Куруджангалу и неожиданно встретил в лесу Камьяка Царя справедливости. Чтобы узреть того великого духом (героя), поселившегося в отшельническом лесу, заплетшего волосы и облекшегося в оленью шкуру, собрались туда, о владыка, толпы подвижников. Там я и услышал о том, как пагубное заблуждение постигло твоих сыновей, о великий царь, как обернулась игра великой бедою.

Тогда поспешил я к тебе, движимый заботой о потомках Куру. Ибо неизменно велика моя любовь к тебе, владыка, мил ты моему сердцу. Мыслимо ли это, о царь, чтобы еще при жизни твоей и Бхишмы сыновья твои враждовали друг с другом! Ведь ты — самодержец58, в твоей воле казнить или миловать; почему, о царь, ты не придаешь значения надвигающемуся страшному бедствию? В твоем, о потомок Куру, Зале собрания (люди) вели себя словно дасью; и потому не сможешь ты больше (в этом зале) сиять величием, о царь, (восседая) в кругу подвижников.

Вайшампаяна сказал:
Затем, обернувшись к взбешенному царю Дурьодхане, почтенный мудрец Майтрея проникновенно сказал ему: «Внемли словам моим, многомудрый, могучий Дурьодхана, достойнейший из наделенных речью, я разъясню тебе, в чем твое благо. Полно тебе злобиться против Пандавов, о царь! Действуй так, чтобы это было на пользу и тебе самому, и Пандавам, и кауравам, и всему миру, о муж-бык!

Ведь эти отважные мужи-тигры все, как один, доблестны в битве, мощны, как десять тысяч слонов, крепки, как удар ваджры! Все они преданы истине, ревностны в исполнении обетов, все горды своей отвагой; ими истреблены враждебные богам ракшасы-оборотни во главе с Хидимбой и Бакой60, а также ракшаса Кирмира.

В ночь, когда великие духом (герои) уходили из здешних мест, этот (Кирмира), полон лютой злобы, преградил им путь, встал перед ними незыблемо, как гора. Но Бхима, жадный до схваток, первенствующий меж силачей, убил его, как убивают скот, (растерзал), словно тигр — жалкого зверька. Вспомни, царь, как и Джарасандха, великий стрелок из лука, обладавший мощью десяти тысяч слонов, был повержен в схватке Бхимой при покорении сторон света.

Кто из подверженных старости и смерти может противостать в сражении (Пандавам), чей родич — сам Васудева, чей шурин — сын Паршаты, (Дхриштадьюмна)? И потому, о бык-бхарата, — да будет мир между тобой и Пандавами! Сделай, царь, как я говорю, дабы не стать тебе добычей смерти».

Дурьодхана, о царь, в то время, пока говорил с ним Майтрея, рукою похлопывал себя по бедру, (крутому), как слоновий хобот. Опустив голову, стоял, безумец, не проронив ни слова, но только посмеивался и скреб ногою землю. Заметив, что Дурьодхана вовсе его не слушает, а ногой роет землюг Майтрея пришел в ярость, о царь! Будучи обуян гневом, достойнейший подвижник, увлекаемый роком, решился предать, его проклятию. И вот, совершив возлияние, Майтрея, глаза которого налились кровью от гнева, изрек проклятие злому сыну Дхритараштры: «Коли ты выказываешь мне пренебрежение и того, что себе сказано, исполнить не желаепп, то вскорости придется тебе вкусить плод своего высокомерия. Станет лютая злоба твоя причиной великой битвы, в которой могучий Бхима раздробит тебе бедро ударами палицы!»
Заслышав такие слова, царь Дхритараштра стал взывать к милосердию подвижника, (восклицая): «Пусть это не сбудется!»

Майтрея сказал:
Если только сын твой примирится с Пандавами, царь, тоне исполнится проклятие; в ином же случае все это сбудется, дитя мое!

Вайшампаяна сказал:
Тогда, о Индра царей, смущенный (происшедшим) отец Дурьодханы спросил у Майтреи: «Как же Бхимой сражен был Кир мира?»

Майтрея сказал:
Не стану говорить: тебе неприятно, а сын твой и вовсе неслушает. После моего ухода обо всем этом расскажет тебе - Видура.

Вайшампаяна сказал:
Сказавши так, Майтрея пошел дальше своим путем. А Дурьодхана, потрясенный (известием) о гибели Кирмиры, (тотчас) вышел вон.

Такова в книге «Лесная» великой «Махабхараты» одиннадцатая глава.
КОНЕЦ «СКАЗАНИЯ О ЖИЗНИ В ЛЕСАХ»

# СКАЗАНИЕ ОБ УБИЕНИИ КИРМИРЫ

ГЛАВА 12

Дхритараштра сказал:
О Кшаттри, я хочу услышать об уничтожении Кирмиры. Поведай о том, как сразился Бхимасена с ракшасой.

Видура сказал:
Слушай (рассказ) об этом подвиге вершителя сверхчеловеческих деяний Бхимы, как сам я прежде слышал его в неоднократном повторении от самих (Пандавов). Потерпев поражение в игре, о Индра царей, Пандавы ушли из здешних мест и через трое суток (пути) достигли леса, называемого Камьяка. Когда минует грозный час полночи и все погружается в сон, бродят, о царь, в тех местах, творя свои черные дела, людоеды-ракшасы. Отшельники и прочие обитатели лесов из страха перед людоедами обычно обходят этот лес стороной.

И только (Пандавы) вступили в эти места, о бхарата, как вырос перед ними, преградив дорогу, престрашный ракшаса с горящими глазами, державший (в руке) пылающую головню. Растопырив руки, корча устрашающие рожи \ стоял он, перекрывая собой тропу, которой двигались потомки Куру. Он закусил губу клыками, глаза его были красны, как медь, а ярко-огненные волосы стояли дыбом; и потому он был подобен туче, украшенной солнечным лучом, диском молнии и (пролетающей под нею) журавлиной стаей.

Он источал ракшасокие колдовские чары, издавал оглушительный рев, громыхал, подобно грозовому облаку. Ошеломленные его ревом птицы, а также все обитатели суши и вод с криками бросились в разные стороны. И такое множество тигров, оленей, медведей и буйволов опасалось бегством, что казалось, будто от рева (ракшасы) сам лес пришел в движение. (Яростно крутя) бедрами, чудовище (подняло) вихрь, который сокрушил множество деревьев ашока и (ударил) даже по самым дальним лианам, заставив их прильнуть к древесным стволам. В тот же миг подули свирепые ветры и пыль, покрывшая небо, затмила звезды.

(Явлением) этого грозного, неведомого врага пятеро сыновей Панду были (потрясены), словно пять человеческих чувств, (когда обрушивается на них) порыв неудержимого отчаяния. "Еще издали завидел он облаченных в оленьи шкуры Пандавов и теперь преградил им доступ в лес, словно гора Майнака. Никогда прежде не видела (подобного чудища) лотосоокая Кришна; увидев же, испугалась и закрыла глаза от страха. Волосы, беспорядочно рассыпанные рукою Духшасаны, струились по плечам, и потому (когда она, лишаясь чувств от страха, зашаталась, стоя между пятью супругами), то стала подобна, реке, струящейся в теонине между пятью горными вершинами3. Теряющую сознание, удержали ее пятеро Пандавов, как пять чувств руководят страстью, направляя ее среди мирских объектов.

Но тут отважный Дхаумья, прибегнув ко всевозможным, подобающим случаю губительным для нечисти заклятиям, на глазах у сыновей Панду разом развеял страшные колдовские чары ракшасы. Когда могучий ракшаса понял, что он лишился своей колдовской силы, глаза его расширились от гнева; и тут-злодей, обладающий даром произвольных превращений, предстал перед ними подобием самой смерти.

Тогда спросил его многомудрый царь Юдхиштхира: «Кто ты, какого (племени)? Благоволи сказать, что нам сделать для тебя?» Отвечал ракшаса Юдхиштхире, Царю справедливости: «Я — брат Баки, зовусь Кирмирой. Беззаботно живется мне в Камьяке, этом пустынном лесу; одолевая людей в единоборстве, я не знаю недостатка в пропитании. Ну а вы кто такие, что приблизились ко мне, обрекши себя на съедение? Всех вас я одолею в битве и преспокойно съем!»

Юдхиштхира, услышав такие слова злодея, назвал ему тогда свое имя, свой род и все прочее, о бхарата! «Я — Пандава, Царь справедливости, коль тебе доводилось слышать. Отнято-у меня мое царство, и вот, решив поселиться в лесу, пришел я вместе со всеми братьями моими — Бхимасеной, Арджуной и другими — в дикую эту чащу, в твои владения».

Кирмира оказал: «Что за удачу послали мне боги! Сегодня (исполнится) здесь давнее мое желание! С оружием наготове скитался я по всей земле, чтобы уничтожить Бхимасену, но так с ним и не встретился. И вот, по милости судьбы, он сам является ко мне, тот, кого я так долго искал, убийца брата! Не он ли убил в Ветракиягрихе любимого брата моего Баку? Пришлось ему тогда переодеться брахманом, прибегнуть к хитрым уловкам — (ведь) где ему было взять сил (для рукопашной схватки)!

А еще прежде он, злодей, убил доброго друга моего, Хидимбу, жителя лесов, и увел его сестру! И этот-то безумец забрел сюда, в мою глухую чащу, в полночный час-нашей охоты! Сегодня я свершу над ним давно взлелеянное мной отмщение и насыщу Баку его обильно текущей кровью! Истреблю этот терний, терзавший ракшасов, и этим исполню долг свой перед братом и другом, сам же обрету высший покой. Хоть и удалось прежде Бхимасене уйти от (рук) Баки, но сегодня я пожру его у тебя на глазах, Юдхиштхира! Да, сейчас я убью Врикодару во цвете жизненных сил, проглочу и переварю его, как некогда Агастья — великого асуру (Ватапи)».

Благочестивый, верный своему слову Юдхиштхира в ответ воскликнул: «Этому не бывать!» — и принялся в гневе поносить того ракшасу. А мощнодланный Бхима вырвал из земли дерево высотою с девять вьяма и наспех очистил его от листьев. В мгновение ока Арджуна Победоносный напряг тетиву Гандивы, разящего крепко, как ваджра. Однако Бхима удержал Джишну, о бхарата, и сам устремился вперед, крича тому страшному ракшасе: «Защищайся!» Бросив этот клич, могучий Пандава Бхима затянул пояс, потер руки, закусил нижнюю губу и, вне себя от ярости, стремительно бросился на противника, размахивая, словно оружием, стволом дерева.

Это (дерево), схожее с палицей Ямы, обрушил он с огромной силой, словно Магхаван — свою ваджру, на голову (ракшасы). Однако ракшаса, не дрогнув, противостал ему в схватке и метнул в него свою пылающую головню, сверкнувшую подобно ашани. Бхима, первый среди бойцов, еще высоко в воздухе отбил эту головню ударом левой ноги, и она вернулась обратно к ракшасе. Разгневанный Кирмира разом выворотил из земли целое дерево и им, словно (Яма) — палицей своей, стал биться с Пандавой.

И началось тут у них гибельное для леса побоище древесными стволами, какое было встарь между братьями Валином и Сугривой, соперничавшими из-за (царской) славы. Обрушиваясь на их головы, деревья разлетались на куски, словно то были лотосы и водяные лилии, падающие на головы взбешенных слонов 6. Повсюду в том великом лесу виднелись раскрошенные, как тростинки, раскиданные по земле, как лохмотья мочальной одежды, деревья.

Но эта битва древесными стволами между первейшим среди ракшасов и превосходнейшим из людей длилась лишь краткий миг, о владыка народа! Вот, метнув большой камень, поразил им разъяренный ракшаса увлеченного схваткой Бхиму. Покачнулся (от удара) Бхимасена, и набросился ракшаса на ошеломленного ударом камня Пандаву, будто (демон) Сварбхану (в миг затмения) напал на Солнце, раскинув, как лучи, свои (бесчисленные) руки. Они схватывались и таскали друг друга, подобно двум дерущимся быкам. Закипела между ними отчаянная, шумная рукопашная схватка, словно то были два разъяренных тигра, терзающих друг друга клыками и когтями.

Но вот, поймав (на себе) взгляд Кришны, (вспомнив) об оскорблении, нанесенном Дурьодханой, и возгордись мощью своих рук, воспрянул Врикодара. В ярости обрушился он врага и сдавил его, обхватив руками, (с такой силой, с какой обезумевший) слон с лопнувшими висками (теснит) своего соперника. Сопротивлялся могучий ракшаса, но Бхимасена, первейший среди борцов, осилил его и повалил на землю. Оба силача так крепко мяли друг друга руками, что при схватке их слышался страшный треск, как если бы кто-то ломал бамбук. Наконец, мощным рывком бросив (ракшасу) наземь, Врикодара обхватил его за пояс и начал изо всех сил трясти, словно вихрь — деревце.

Одолеваемый могучим Бхимой, (ракшаса) истощил в борьбе свои силы, но все же, покуда в нем теплилась жизнь, продолжал сопротивляться и судорожно цеплялся за Пандаву. Врикодара, видя, что он обессилел, оплел его руками, как жертвенное животное связывают веревкой. Ракшаса издал громкий вопль, подобный звуку удара, прорвавшего большой барабан. Уже потерявшего сознание, корчащегося в судорогах, долго еще продолжал трясти его Бхима. Убедившись наконец, что ракшаса сломлен, сын Панду вцепился в него руками и убил, как убивают скот. Упершись в поясницу мерзейшего из ракшасов коленом, руками сдавил ему горло Врикодара.

Затем, швырнув его, лишенного признаков жизни, о остекленевшим взором, на землю, Бхима сказал: «Не придется тебе, о злодей, осушить слезы Хидимбы и Баки, ибо сам ты отходишь в обитель Ямы» 8. Сказавши это, храбрейший среди мужей, чьи глаза по-прежнему были еще расширены гневом, отошел, оставив лежать на земле лишенного одежд и украшений, сотрясаемого (предсмертными) судорогами, утратившего сознание, бездыханного ракшасу.

Когда этот ракшаса, подобный обликом грозовой туче, был
уничтожен, сыновья земного Индры восславили на радостях многочисленные достоинства Бхимы и затем, пропуская вперед Кришну, направились к (обители) Двайтаванаи.

Вот каким образом, о каурава, владыка потомков Ману, Бхима, повинуясь приказу Царя справедливости, сокрушил в битве Кирмиру. Теперь, избавив лес от терзавшего его терния, неодолимый (царь Юдхиштхира), знаток дхармы, вместе с Драупади обосновался в нем на жительство. Общими усилиями старались быки-бхараты развлечь Драупади; веселые и довольные, возносили они хвалы Врикодаре.

Когда ракшаса был сокрушен и уничтожен мощью рук Бхимы, герои вступили в тот лес, (отныне ) мирный, избавленный от терзавшего его терния. Я сам, проходя тем великим лесом,
видел валявшееся посреди дороги (тело) страшного злодея, сокрушенного мощью Бхимы. И я слышал, о бхарата, как рассказывали об этом подвиге Бхимы сошедшиеся к тому месту
брахманы.

Вайшампаяна сказал:
Выслушав (повесть) о том, как пал в битве первейший среди ракшасов — Кирмира, царь (Дхритараштра) печально вздохнул, поглощенный своими мыслями.
*Такова в книге «Лесная» великой «Махабхараты» двенадцатая глава.*

КОНЕЦ «СКАЗАНИЯ ОБ УБИЕНИИ КИРМИРЬЬ

# СКАЗАНИЕ О КИРАТЕ

ГЛАВА 13

Вайшампаяна сказал:
Прослышав об изгнании Пандавов и выдавших им лишениях, сошлись в тот великий лес бходжи и вришни с андха-ками. Сыновья и родичи царя панчалов (Друпады), Дхриштакету, правитель Чеди и великой отвагой стяжавшие славу во всей вселенной братья Кекаи — все они, пылая гневом и негодованием, присоединились в лесу к Партхам. «Что (теперь) делать?!» — восклицали они, порицая сынов Дхритараштры. Предводительствуемые Васудевой, быки-кшатрии толпой окружили Царя справедливости — Юдхиштхиру.

Васудева сказал:
Напьется земля крови Дурьодханы, Карны, злодея Шакуни и последнего из четырех — Духшасаны! И тогда мы сообща посвятим на царство Царя справедливости — Юдхиштхиру. Поступающие подло заслуживают смерти — таков закон извечной дхармы!

Вайшампаяна сказал:
Учиненное сыновьям Притхи притеснение привело Джанардану в такую ярость, что он готов был, казалось, испепелить все живое. Видя, как разгневан Кешава, попытался Арджуна умиротворить его. Принялся Пхальгуна воспевать хвалу совершенным в прежних воплощениях деяниям воистину славного, великого духом (мужа), беспредельного Пуруши, (Воплощения) истины, главы всех праджапати, Опоры мира, обладателя непомерной духовной мощи, мудрого Вишну.

Арджуна сказал:
В стародавние времена ты, о Кришна, был подвижником, ночевавшим, согласно особому обету, там, где застигнут сумерки, и скитался десять тысяч лет по святой горе Гандхамадана. Потом десять тысяч и еще десять сотен лет ты, о Кришна, прожил близ Пушкар, питаясь одной водою. В Вишала-Бадари ты, губитель Мадху, сотню лет простоял на одной ноге, питаясь только воздухом, воздев руки к небу. Совлекши с себя верхнюю часть одежды, истощенный до того, что проступили наружу все внутренние каналы тела, ты, о Кришна, пребывал у (берегов) Сарасвати все время, пока не завершилась двенадцатилетняя сатра.

Затем, придя к тиртхе Прабхаса, куда каждый благочестивый человек обязан совершить паломничество, ты, обладатель великого духовного пыла, во исполнение данного обета тысячу небесных лет предавался там подвижничеству, стоя на одной ноге. Ты — «знающий поле», в тебе — исток и конец всего живого, в тебе находят опору подвижники; ты — извечное жертвоприношение, о Кришна-Кешава!

Сразивши Нараку, сына Земли, ты, о Кришна, отнял у него алмазные серьги6 и выпустил перворожденного жертвенного коня! Свершив сей подвиг, ты, вселенский бык, покоритель мира, истребил на поле брани всех до единого дайтьев и данавов. И затем, передав свой сан миродержца супругу Шачи, ты, мощнодланный Кешава, вновь явился среди людей! Бывши Нараяной, ты, губитель недругов, проявился как Хари, Брахма, Сома, Сурья, Дхарма, Дхатри, Яма, Ана-ла, Баю, Вайшравана, Рудра, Кала, Небо, Земля, Страны света — все это ты, Нерожденный, Наставник всего живого и неживого, Творец (мира), Высочайший Пуруша!

В лесу Чайтра-ратха ты, о Кришна, богатый духовным пламенем, совершил тураяну и другие жертвенные обряды, сопровождавшиеся обильными дарениями. И при каждом из жертвоприношений твоих, о Джанардана, доставались любому (из брахманов) сотни, а то и многие тысячи золотых! Ты же, приняв рождение от Адити, стал известен земле как Вишну, младший брат Инд-ры, о радость ядавов!

И, будучи младенцем, ты, о Кришна, гроза недругов, благодаря своей духовной мощи смог тремя шагами покрыть землю, небо и воздушное пространство. Овладев небом и поднебесьем, ты, о душа всего сущего, вступил в дом Адитьи и сиянием духовного пламени своего затмил самого Бхаскару. Уничтожив сети (демона) Муру, сокрушив Нисунду и Нараку, ты вновь сделал безопасными пути ко граду Праджьотиша».

Ты победил в Джарутхи Ахути, Крантху, Шишупалу с его воинством, а также Бхимасену, Шайбью и Шатадханвана. На колеснице, сверкающей, как солнце, грохочущей, как грозовая туча, ты в битве одолел Рукмина и сделал дочь Бходжи своей царственной супругой. В ярости ты поразил Индрадьюмну и явану Кашерумана; тобой уничтожен Шальва, правитель Саубхи, и сама Саубха низвергнута. В Иравати пали от твоей руки Бходжа, не уступавший в ратном деле самому Картавирье, а также Гопати и Талакету.

Любезный святым мудрецам, благословенный, цветущий град Двараку ты сделал своей столицей, о Джанардана; ты же (в будущем) низведешь его в океан. Ты свободен от зависти, злобы, неправды, жестокости, о Губитель Мадху, — нельзя и помыслить о том, о Дашарха, чтоб ты поступил не по чести. К тебе, о Неколебимый, когда ты восседаешь, уйдя в свои думы, озаряясь пламенем духа, без страха подходят святые мудрецы со своими мольбами. Когда завершается юга, ты собираешь воедино все сущее, вбираешь в себя этот мир и пребываешь в покое, о Губитель Мадху, гроза недругов! Не были прежде и впредь не будут совершены кем-либо деяния, подобные тем, что ты совершил, о бог, будучи еще ребенком, с помощью Баладевы. В небесном дворце Вайраджа, о лучезарный, лотосоокий владыка, обитал ты вместе с самим Брахмой!

Вайшампаяна сказал:
Оказав это Кришне, словно бы самому себе, умолк Пандава. И тогда обратился к Партхе Джанардана: «Воистину, ты — мой, а я — твой; все, кто со мной, те и с тобой; твой враг — мой враг; кто за тебя — тот и за меня! Ты — Нара, а я — Нараяна-Хари; мы с тобой, о необоримый, — два святых мудреца, Нара и Нараяна, пришедшие в этот мир из иного. Ты неотличим от меня, а я — от тебя, о Партха; между нами двумя нельзя обнаружить разницы, о бык-бхарата!»

Но вот на сходке мужей-героев, среди кипящих негодованием царей, Кришна-Панчали, сопровождаемая отважными братьями во главе с Дхриштадьюмной, приблизилась к лотосоокому (Кришне) — заступнику, восседавшему вместе с прочими ядавами, и обратилась к нему с мольбой о защите:

«В незапамятные времена первотворения ты звался Единым, Праджапати, Творцом всех существ; о том поведал Асита Девала. Ты — Вишну, о необоримый, ты — жертвенный обряд, о Сокрушитель Мадху, ты — жертвователь и сама жертва, как говорил о том сын Джамадагни. Милосердием и истиной зовут тебя святые мудрецы; о высочайший Пуруша, ты — жертвоприношение, рожденное из Истины, как о тебе сказал Кашьяпа.

Владыка тех, кто властвует над всеми богами, садхьями и васу; Властелин мира, Движитель мира — так называл тебя Нарада. Главою ты заполнил небеса, стопами (покрыл) всю землю, твое чрево, о владыка, — эти миры, ты — извечный Пуруша!

Ты — величайший среди святых риши, закаливших дух свой в пламени знания и тапаса, трудом подвижническим проявивших свое истинное «Я», достигших полноты созерцания Атмана. В тебе, высочайший Пуруша, обретают спасение благочестивые цари-мудрецы, не обращавшиеся вспять на поле брани, удовлетворившие все требования дхармы. Ты — Прабху, Вибху, Бху, Самосущий, Вечный! И Хранители мира, и сами миры, созвездия, десять стран света, небо, Солнце, Луна — все они пребывают в тебе! Смертность тварей и бессмертие небожителей, все, чему надлежит быть во вселенной, заключено в тебе, о мощнодланный! Уповая на тебя, о Мадхусудана, хочу поведать тебе о своих бедствиях, ибо ты — верховный владыка всех существ, как людей, так и небожителей!
Я довожусь супругой Партхам, сестрою Дхриштадьюмне, владыка Кришна, — как же осмелились такую, как я, силой втащить в Зал собрания! Горе мне, благонравной супруге:
меня, дрожащую, в единственном, кровью запятнанном одеянии втащили в Собрание рода Куру! Видя меня в пору нечистоты моей среди царей, в Собрании, потешались подлые сыновья Дхритараштры! Не терпелось им порадоваться, превратив меня в рабыню, — и это при живых-то Пандавах, панчалах и вришнийцах, о Губитель Мадху! Ведь я, о Кришна, и Бхишме, и Дхритараштре — обоим по закону довожусь невесткой, и вот меня насильно обратили в рабство!

Я обвиняю Пандавов, могучих, непревзойденных бойцов, в том, что они спокойно наблюдали, как истязают их многославную законную супругу! Позор мощи Бхимасены, позор (искусству) лучника Арджуны — ведь оба они, о Джаяардана, допустили, чтобы измывались надо мной эти ничтожества! Как бы ни был муж слаб, он должен вступаться за жену — это вечная стезя дхармы, коей всегда следуют праведники. Защищая жену, оберегаешь свое потомство; оберегая потомство, защищаешь себя самого; ведь (супруг) возрождает в жене себя самого, потому она (для него) «родительница»

Так же и жена должна оберегать супруга: «Не он ли возродится в моем чреве?» Никогда еще прежде не отказывали Пандавы искавшим у них защиты, а мне, взывавшей о помощи, не вняли! Каждому из пятерых родила я безмерно могучего сына; хотя бы о тех подумав, они должны были спасти меня, Джанардана! От Юдхиштхиры — Пративиндхья, от Врикодары — Сута-сома, от Арджуны — Шрутакирти, от Накулы — Шатаника, от младшего — Шрутакарман; все они истинно доблестны, столь же сильны в колесничном бою, как твой Прадьюмна!

Превосходные стрелки из лука, неодолимые для недругов в битве, как могли они претерпеть такое от немощных сынов Дхритараштры! Беззаконным путем отняли у них царство, самих обратили в рабов, меня же в пору нечистоты моей под одним лишь покровом вволокли в Зал собрания!

Никому не под силу напрячь тетиву Гандивы, кроме Арджуны, Бхимы и тебя, Губитель Мадху! Но — позор Гандиве Партхи, позор мощи Бхимасены за каждый миг жизни, о Кришна, дарованный ими Дурьодхане! Когда они были еще детьми, постигали учение Вед, соблюдали обеты — не он ли, о Губитель Мадху, ни в чем не повинных, изгнал их из страны вместе с матерью? Этот негодяй подсыпал в пищу Бхимасене сильный, свежий, крепкий, смертоносный яд. Однако Бхима вместе с пищей полностью переварил его, не ощутив ни малейшего вреда, о мощнодланный Джанардана, высший Пуруша! Когда в Праманакоти Врикодара безмятежно забылся сном, (Дурьодхана) связал его, о Кришна, бросил в Гангу и убежал прочь!20 Пробудившись, мощнодланный сын Кунти, силач Бхимасена, изорвал свои путы и выбрался (из воды). Ему, спящему, все тело изжалили ядовитые черные змеи — но и тогда выжил губитель недругов!

Пробудившись, сын Кунти тотчас перебил всех змей и, ударив наотмашь, умертвил любимого возницу (Дурьодханы)! Другой раз, во граде Варанавате, когда дети крепко уснули рядом с почтенной матерью, надумал он сжечь их живьем; кто еще посмел бы совершить такое? Почтенная женщина, окруженная языками пламени, попав в столь страшную беду, испугалась и, плача, молвила сыновьям Панду: «О горе, близка моя смерть! Где найти избавление от этого пламени? Не имея защитника, суждено мне погибнуть здесь вместе с малыми детьми!» Тогда мощнодланный, отважный, стремительный, как вихрь, Врикодара утешил почтенную мать и братьев: «Сейчас я полечу, подобно птице Гаруде, Вайнатее, красе пернатых, — вам не страшна беда!»

Почтенную мать усадил он на левое бедро, царя (Юдхиштхи-ру) — на правое, близнецов — на плечи, а Бибхатсу — себе на спину. Унося их с собой, стремительно и мощно взлетел ввысь Бхимасена; так могучий (герой) спас почтенную мать и братьев от пламени.
Выступив оттуда в ночи вместе с многославной матерью, добрались они до великого леса, прилегавшего к лесу Хидимбы.

Когда утомленные дорогой, удрученные скорбью, Пандавы вместе с матерью расположились на ночлег в том лесу, приблизилась к ним, спящим, ракшаси по имени Хидимба. Своевольно положив ноги Бхимы к себе на колени, прекрасная (ракшаси) принялась любовно поглаживать их своей нежной рукой. Истинно доблестный, могучий Бхима, чей дух необъятно велик, пробудился ото сна и спросил ее: «Что ищешь ты здесь, безупречная дева?»

Заслышав звук их беседы, грозный обликом, страшный, мерзейший из ракшасов приблизился к ним, издавая оглушительный рев. «С кем ты там разговорилась? Тащи-ка его сюда, поближе, мы съедим его, Хидимба! Поскорей же, что медлишь?» Но безупречная, гордая дева, чье сердце преисполнилось жалостью, сочувствуя (Бхимасене), не пожелала отвечать (брату). Тогда людоед-ракшаса, издавая устрашающие вопли, вихрем налетел на Бхимасену. Обрушив на него в ярости натиск невиданной силы, могучий ракшаса рукою схватил Бхимасену за руку. Другую же руку сжав в кулак, крепкий, как Индрова ашани, разящий, как ваджра, нанес он ею Бхимасене молниеносный удар. Не мог стерпеть Бхимасена того, что ракшаса схватил его за руку; воспламенился гневом мощнодланный Врикодара. Тут у Бхимасены с Хидимбой, искусно владеющих всевозможным оружием, закипела шумная, яростная схватка, подобная той, что была у Вритры с Васавой. Умертвил Бхимасена Хидимбу и вместе с братьями продолжил путь, впереди же пошла (сестра ракшасы) Хидимба. Родила она (Бхиме) Гхатоткачу.

Затем славные Пандавы вместе с матерью, сопровождаемые толщами брахманов, поспешно направились к Экачакре. В пути пользовались они добрыми советами Вьясы, всегда радевшего об их благе. Наконец прибыли Пандавы, строгие блюстители обетов, в Экачакру. Здесь они уничтожили столь же грозного, как и Хидимба, силача-людоеда по имени Бака. Сразивши это чудовище, Бхима, первейший среди бойцов, пошел вместе с братьями в столицу (царя) Друпады.

Пока там гостили, добился руки моей Савьясачин, как и ты когда-то, о Кришна, завладел Рукмини, дочерью Бхишмаки. В славном бою добыл меня Партха, о Сокрушитель Мадху! Величайший, для других невыполнимый подвиг совершил он на моей сваямваре.

Теперь же, о Кришна, великое множество скорбей терзает нас, несчастных; а за отсутствием почтенной матери мы должны будем жить, повинуясь руководству одного Дхаумьи. Как могли эти мужи, отважные, словно львы, всех недругов превосходящие мощью, спокойно наблюдать мои мучения, причиняемые презренными (врагами)! Как давно уже терпят они от слабейших и мелочных злодеев столь мучительные притеснения! Я происхожу из славнейшего рода, чудесным было мое рождение, я — невестка великого духом Панду, любимая жена его сыновей; и меня-то, примерную супругу, на глазах у пятерых (моих мужей), каждый из которых подобен Индре, волокли, схватив за волосы, о Губитель Мадху!»

С этими словами медоречивая Кришна, заслоняя свой лик лотосовым бутоном нежной руки, зарыдала. Горькими слезами орошала Панчали свою прекрасную, высокую, округлую, отмеченную благоприятными знаками грудь. Отирая с глаз слезы, то и дело вздыхая, голосом, прерывающимся от рыданий, вскричала она в гневе:

«Ни супругов, ни сыновей больше нет у меня! Ни братьев, ни отца, ни родичей — и даже ты покинул меня, о Губитель Мадху! Ведь вы бестрепетно наблюдали за тем, как ничтожные людишки наносят мне оскорбление! Не унимается моя душевная мука, (рожденная) теми насмешками Карны!»

Тогда посреди Собрания мужей-героев молвил ей Кришна: «Заплачут жены тех, кто прогневил тебя, красавица! Усыпанные стрелами Бибхатсу, залитые потоками крови, сраженные, будут враги, расставшись с жизнью, простерты на ложе земли! Не печалься! Все, что в силах моих, сделаю я для Пан-давов. Истинно то, что тебе обещаю: будешь царицей, супругой царей. Скорей рухнет небо, расколется Химаван, земля распадется в прах, океан иссохнет, о Кришна, нежели это слово мое не сбудется!»

Дхриштадьюмна сказал:
Я убью Дрону, Шикхандин — Прадеда, Бхимасена — Дурьодхану; Карна примет смерть от Завоевателя богатств. Ведь «ели придут на помощь к нам Кришна и Баларама, тогда, о (красавица) с ясной улыбкой, не одолеть нас в бою самому Губителю Вритры — что там говорить о сыновьях Дхритараштры!

Вайшампаяна сказал:
При этих словах герои обратили лица свои к сыну Васудевы; и, стоя между ними, мощнодланный Кешава начал свою речь.
*Такова в книге «Лесная» великой «Махабхараты» тринадцатая глава.*

ГЛАВА 14

Васудева сказал:
Останься я тогда в Двараке, о царь, владыка земли,— никогда не случилось бы с тобою этой беды. Пускай бы даже кауравы — сын Амбики и царь Дурьодхана — меня не звали; я все равно пришел бы на игру, о необоримый! Заручившись поддержкой Бхишмы, Дроны, Крипы и Бахлики, я предотвратил бы игру, указав на многие (присущие ей) скверны. Чтобы помочь тебе, владыка, «удержи сыновей от игры, о Индра царей, каурава!» — (оказал бы я) царственному сыну Вичитравирьи. Я поведал бы там о сквернах, ныне вызвавших твое падение, из-за которых также встарь лишился царства сын Вирасены. Я живо описал бы ему, о царь, владыка народа, как губит (игрок достояние свое), коим не успел насладиться, и как ненасытно увлечение азарта. Ведь говорят, что женщины, кости, охота и пьянство, о царь, — суть четыре наихудших, страстью рожденных порока, похищающих (царскую) удачу. Должно порицать их повсюду — считают люди, сведущие в шастрах, особенно же, как свидетельствуют постигшие это, подлежит осуждению игра в кости.

Представ перед сыном Амбики, я рассказал бы ему, о мощнодланный кауравья, о том, как в один-единственный день губит (игрок) все свое достояние, нисходит в пучину бедствий, теряет богатство, которым еще не успел насладиться; о том, как неслыханно грубы речи (игроков), и, помимо того, о прочих пагубных последствиях игры. Если бы тогда прислушался он к моим словам, о потомок Куру, невредимой осталась бы дхарма, процветал бы и род кауравов. Но если бы он не внял добром моему благому совету, о Индра царей, то

я силой принудил бы его к этому, о достойнейший бхарата! Я разоблачил бы тогда ненавистников его, прикидывающихся друзьями, и посеял бы тем раздор среди игроков, присутствовавших в Собрании! Лишь потому, что не было меня тогда в стране анартов, постигла тебя из-за этой игры такая беда, о кауравья!

Только по возвращении в Двараку, о сын Панду, достойнейший в роде Куру, узнал я доподлинно все о несчастье твоем от Ююдханы. При этом известии, о Индра царей, я был крайне удручен и поспешил сюда, дабы увидеться с тобою, владыка народа! Ныне, бык-бхарата, все мы пребываем в тревоге, видя, как ты претерпеваешь лишения вместе с единоутробными братьями!
*Такова в книге «Лесная» великой «Махабхараты» четырнадцатая глава.*

ГЛАВА 15

Юдхиштхира сказал:
Почему же отсутствовал ты, о Кришна, потомок Врингаи?
Где ты скитался, что делал в чужих краях?

Кришна сказал:
Я выступил в поход, о лучший из людей, чтобы разрушить
Саубху, город Шальвы; узнай, о бык-бхарата, какова была у
меня на то причина.

Многославный, мощнодланный, пламенно-отважный царь Шишупала, храбрый сын Дамагхоши, не мог примириться с почестями, оказанными мне тобой, о краса бхаратов, при жертвоприношении твоем раджасуя, и, будучи зол по природе, поддался власти гнева. Я убил его.

Прослышав о его смерти, пришел Шальва в лютую ярость и двинулся на Двараку, в то время пустовавшую, так как я находился здесь, о бхарата! Взошел этот бич рода человеческого на Саубху, направляемую волей, и, прилетев туда, вступил в сражение с сильнейшими из вришнийских юношей. Злодей умертвил многих юных вришнийских героев и предал опустошению все увеселительные рощи в окрестностях города, о мощнодланный, восклицая при этом: «Куда он подевался, презреннейший в роду Вришни, слабый разумом Васудева, сын Васудевы?! Я сокрушу в сражении гордыню этого любителя схваток! Анарты, скажите по правде мне, где он, и я отправлюсь за ним! Вернусь, когда уничтожу убийцу Кансы и Кешина, а без того не будет мне пути назад, клянусь на своем оружии!»

Поминутно выкликая: «Где он? Где он?», горевший желанием сразиться со мною царь Саубхи взад и вперед носился по полю битвы. «Сейчас я отошлю презренного злодея, вероломного предателя в обитель Ямы, не спущу ему убийства Шишупалы! Замертво повергну я наземь нечестивца, сразившего моего царственного брата Шишупалу! Нет, не на поле брани, но захватив врасплох, сразил он юного царя, отважного брата моего; за это я убью Джанардану!» Много еще он сокрушался (о брате) и поносил меня, затем же, о потомок Куру, на своей мыслью управляемой Саубхе поднялся в небо.

По возвращении, о кауравья, узнал я о том, как обошелся со мной злой и глупый царь Мартикаваты: глаза мои расширились от гнева! Я все обдумал, о царь-кауравья, и, приняв во внимание утеснение, причиненное анартам, нанесенную лично мне обиду, а также непомерную гордыню того злодея, утвердился в решении убить его. Тогда, о владыка земли, выступил я в поход, дабы сокрушить Саубху. Я жаждал встречи и наконец нашел его среди морской пучины. Тогда, о царь, дунул я в свою раковину Панчаджанью, вызывая Шальву на бой и изготовился к сражению. Битва моя с данавами длилась один лишь миг; всех их я одолел и поверг (замертво) наземь. Вот причина, по какой не мог я тогда явиться к тебе, мощнодланный, ибо не знал я ничего о (готовящейся) в Хастинапуре игре, о том, что подняло голову беззаконие.
*Такова в книге «Лесная» великой «Махабхараты» пятнадцатая глава.*

ГЛАВА 16

Юдхиштхира сказал:
О мощнодланный, мудрый сын Васудевы, поведай мне более пространно о сокрушении Саубхи, ибо не насыщен я твоим повествованием!

Васудева сказал:
Прослышав о том, что царственный сын Шрутапгравы принял смерть от моей руки, приступил Шальва к городу Два-равати, о мощнодланный, достойнейший из бхаратов! Со всех сторон осадил ее тот великий злодей, о сын Панду; расположил также Шальва, владыка земли, боевым порядком свой летающий град и на нем (с воздуха) всеми силами обрушился на мою столицу! Закипело сражение.

В городе же, во всех концах его, запасены были метательные диски, железные прутья, приспособления для земляных работ, на воротах .водружены знамена, приведены в готовность крепостные башни, наблюдательные вышки, сторожки, а также укрепления главных и задних ворот; заготовлены были камни и факелы для метания в осаждающих, кувшины-«верблюды», о достойнейший бхарата, орудия качаграхани, боевые «стебли куша», о царь, «плугообразные» орудия для (метания) шатагхни, каменные ядра, бхушунди, боевые топоры и всякое другое оружие, а также обитые железом (щиты) и катапульты для метания горючих веществ и ядер. Следуя предписаниям шастр, о бык-бхарата, Гада, Самба, Уддхава и другие (военачальники) обеспечили (город) всевозможными припасами, а также, о тигр-каурава, мужами-защитниками, способными отразить любое нападение, происходящими из известных родов, в битвах явившими доказательства своей доблести. Центральная и вспомогательные гульмы вместе (с отдельными отрядами) пехотинцев и всадников занимали оборону (на стенах) и бдительно несли сторожевую службу (по всему городу).

Дабы предотвратить безрассудные поступки, Уграсена, Уддхава и другие (военачальники) объявили в городе запрет на употребление крепких напитков. «Пьяных ведь перебьет нас царь Шальва», — решили вришнийцы с андхаками и стали блюсти трезвость. Всех анартских плясунов, певцов и актеров стражи хранящихся (в городе) богатств выдворили за пределы Двараки.

Мосты повсюду были разрушены, о кауравья, судоходство прекращено, во рвах укреплены заостренные колья, вся земля в пределах одной кроши (от города изрыта), чтобы сделать ее труднопроходимой, о достойнейший в роде Куру, выкопаны (замаскированные) ямы с водой и ловушки-«сковороды».

От природы (Дварака) ограждена и неприступна, всегда надежно охраняема, обеспечена вооружением — теперь же вдвойне такою стала, о царь! Отменно защищенный, неусыпно охраняемый, снабженный всевозможным оружием, стал город подобен обиталищу Индры, о краса бхаратов! Ввиду приближения владетеля Саубхи никто не мог теперь, о царь, не подав условного знака, ни войти в столицу вришни и андхаков, ни выйти из нее. На всех улицах ее и перекрестках, о каурава, Индра царей, стояли войска со множеством коней и боевых слонов. Воинам выданы были жалованье, съестные припасы, одежды, вооружение и каждому указано, что надлежит делать, о мощнодланный! Не было в войске никого, кому задержали бы жалованье, кому выплатили бы его не благородным металлом, кто не был бы одарен милостью, чья доблесть осталась бы не отмечена.

Вот так, о лотосоокий царь, не скупясь на дары, царь Ахука привел Двараку в боевую готовность и обеспечил ей надежную защиту.
*Такова в книге «Лесная» великой «Махабхараты» шестнадцатая глава.*

ГЛАВА 17

Васудева сказал:
Царь Саубхи Шальва, о Индра царей, придя под стены (Двараки) со множеством воинской силы и боевых слонов, стал там лагерем. Армия, состоявшая под началом царя Шальвы и включавшая в себя войска всех четырех родов, расположилась на равнине, изобилующей источниками питьевой воды; она покрыла все, обойдя стороной только места сожжения трупов, святилища богов, муравейники и чайтьи. Отдельные части ее (отгородились друг от друга), проложив через лагерь Шальвы шесть дорог, (которые, пересекаясь), образовывали внутри лагеря девять перекрестков, о царь!

Войско было снабжено всевозможным оружием, искусно во владении им; в нем было множество коней, слонов и колесниц, толпы пехотинцев, лес знамен; воины, привыкшие к сытости и довольству, отмеченные знаками доблести, (щеголяли) прекрасными стягами и доспехами, колесницами и боевыми луками. Приведя (такое войско к стенам) Двараки, о муж-бык, кауравья, обрушился (Шальва) на город стремительно, словно Индра пернатых.

Завидев надвигающееся войско царя Шальвы, юноши рода Вришни вышли навстречу и вступили с ним в бой: не могли Чарудешна, Самба и великий колесничный воин Прадьюмна (наблюдать сложа руки), о каурава, как идет на них царь Шальва. Пестрея знаменами и украшениями, в сплоченном колесничном строю сблизились Они с могучими воинами шальвийского царя. В упоении схватки Самба, взяв свой лук, сошелся на поле брани с военачальником и советником Шальвы по имени Кшемавриддхи. Великий сын Джамбавати, о краса бхаратов, обрушил на него потоки стрел, как будто пролил дождь Тысячеокий. Но полководец Кшемавриддхи, о великий царь, стоял под шумным ливнем его стрел неколебимо, словно Химаван.

Затем, о Индра царей, Кшемавриддхи и сам пустил в Самбу огромнейшую тучу стрел, прибегнув к колдовским чарам. А Самба с помощью (защитных) чар развеял ту волшебством сотворенную тучу и снова

тысячами стрел осыпал колесницу врага. Пораженный Самбой, страдая от ран, нанесенных его стрелами, полководец Кшемавриддхи на своих резвых конях умчался прочь.

Когда этот свирепый военачальник Шальвы был обращен в бегство, на сына моего напал могучий дайтья именем Вега-ван. Отважный Самба, продолжатель рода Вришни, стойко выдержал, о царь Индра царей, стремительный натиск Вегавана. Истинно доблестный, мужественный Самба, размахнувшись, с силой метнул в Вегавана тяжелую палицу, о Каунтея! Сраженный ею, о царь, рухнул иа землю Вегаван; так дерево-великан, когда подгниют его корни, (падает), сломленное, сокрушенное ветром. Как только, сраженный палицей, пал отважный великий асура, сын мой врезался в несметную рать (врагов) и вступил с нею в сражение.

Против же Чарудешны, о великий царь, выступил грозный колесничный боец, прославленный стрелок из лука, данава по имени Вивиндхья. И пошла тут у Чарудешны с Вивиндхьей, о царь, многошумная битва, подобная той, что встарь была у Васавы с Вритрою. Горя взаимной ненавистью и издавая рычание, подобно двум могучим львам, друг друга разили они стрелами, о царь!

Но вот сын Рукмини наложил на (тетиву) своего великого лука (чудесную) стрелу, сиявшую, подобно солнцу и огню, погибельную для недругов. Великий колесничный боец, сын мой заговорил ее мантрами, затем, пылая гневом, окликнул Вивиндхью и выстрелил в него, о царь! Тот упал замертво. Видя, что пал Вивиндхья, а войско пришло в смятение, вновь явился туда Шальва на мыслью управляемой Саубхе. Лицезрение Шальвы, на своей Саубхе приближавшегося к земле, привело в трепет войско защитников Двараки, о мощнодланный!

Тогда, о великий царь Каунтея, Прадьюмна вышел вперед, восстановил в анартском войске порядок и возгласил: «Стойте же здесь и смотрите, как я, сражаясь, силой своей обращу вспять Саубху и ее царя! Сейчас, о ядавы, железными, змееподобными, пущенными моей рукой из лука (стрелами) перебью я войско владетеля Саубхи! Ободритесь, прочь страх, царь Саубхи сейчас простится с жизнью! Ударю на нечестивца, и да сгинут разом и он, и Саубха!» После того как Прадьюмна, исполненный боевого пыла, обратился к войску с этой речью, оно — о храбрый сын Панду!— обрело стойкость и с воодушевлением продолжило битву.
*Такова в книге «Лесная» великой «Махабхараты» семнадцатая глава.*

ГЛАВА 18

Васудева сказал:
Воззвавши к ядавам, сын Рукмини, о бык-бхарата, взошел на золотую колесницу, запряженную одетыми в доспехи конями. Он водрузил на ней изукрашенный стяг с изображением оскалившего пасть макары, и (быстрые), словно бы по воздуху летящие кони понесли его на врага. Могучий герой подбрасывал (в воздух) свой превосходнейший лук и звенел (тетивой) ; были при нем меч и колчан, а на руках — (защитный) ремень и наперстки.

Лук свой он перебрасывал из ладони в ладонь, и тот мелькал быстрее молнии, отчего мутилось в глазах у пребывавших на Саубхе дайтьев. То и дело бросал он лук в воздух и снова ловил его; однако и малейшего просвета невозможно было углядеть между (стрелами), коими на поле битвы разил он врагов!

Не изменился цвет его лица, дрожь не объяла тела; слышал (весь) мир, как издавал он чудесный, громогласный львиный клич. Великолепный стяг с изображением оскалившего пасть водного чудовища, пожирателя рыб, реял на золотом древке над дивной его колесницей и ослепительно сверкал в лицо шальвийскому воинству, сея в нем ужас.

Вырвавшись стремительно вперед, губитель недругов Прадьюмна обрушился, о царь, на Шальву, жаждавшего схватки. Взъярился Шальва, не в силах он был стерпеть приближения к нему на поле брани отважного Прадьюмны, о продолжатель рода Куру! Опьяненный гневом и гордыней Шальва, покоритель чужих городов, сошел со своей, мыслью направляемой (Саубхи) и сразился с Прадьюмной.

И грянула между Шальвой и первым из вришнийских героев многошумная битва, подобная той, что была между Бали и Васавой; за ней следили все (обитатели) миров! Вся изукрашенная золотом колесница (Шальвы), о герой, со знаменами, флагами, днищем: и (запасными) колчанами сотворена была волшебством. Взойдя на эту лучшую из колесниц — о владыка-кауравья, — могучий, славный (царь) осыпал стрелами Прадьюмну.

Тотчас же ж Прадьюмна в ходе битвы обрушил на Шальву целый ливень стрел и проворством рук привел его, казалось, в полное заме шательство. Натиска (стрел) его в битве не мог потерпеть царь Саубхи; стрелами, схожими с пылающим огнем, осыпал он сына моего! Поразили стрелы Шальвы сына Рукмини, и тогда

поспешно метнул он «в сердце разящую» стрелу, о Индра царей! Пущенная сыном моим оперенная стрела, пробна доспех, вонзилась Шальве в сердце; померкло сознание его, и пал он (на землю).

Когда же простерся в бесчувствии храбрый шальвийский царь, индры данавов обратились в бегство, раздирая (ногами) землю. Как только, лишившись сознания,, пал наземь властитель Саубхи, воинство Шальвы вскричало: «Горе нам, горе!» — о царь, владыка земли! Но вот очнулся могучий (Шальва), восстал (с земли) и тотчас же, о кауравья,, послал стрелу в Прадьюмну. Прадьюмна, поглощенный боем,, тяжко ранен был ею в основание шеи; в изнеможении пал мощнодланный герой на (днище) своей колесницы. Шальва, сразивши сына Рукмини, издал львиный клич, о великий царь, заполнивший громом всю землю. Едва лишь повергся в бесчувствие сын мой, о бхарата, как (Шальва) немедля послал в него новые, неотразимые стрелы. Ошеломленный напором бесчисленных стрел, Прадьюмна (лежал) недвижим среди бранного поля, о цвет рода Куру!
*Такова в книге «Лесная» великой «Махабхараты» восемнадцатая глава.*

ГЛАВА 19

Васудева сказал:
Когда сильнейший из сильных Прадьюмна сражен был стрелами Шальвы, пришедшие к битве вришнийцы поддались смятению, угасла (былая) решимость. При падении Прадьюмны все войско вришнийцев и андхаков разом вскричало: «Горе нам, горе!», врагов же, о царь, обуяло веселье. Видя (Прадьюмну) лишившимся чувств, искусный его колесничий, сын Даруки, на резвых конях, поспешая, вынес его из битвы.

Не успели они отъехать подальше, как уже повелитель славнейшей из колесниц пришел в чувство, взялся за лук и так обратился к возничему: «Что ты умыслил, сын суты? Почему бежишь без оглядки? К тому ли в минуту сражения побуждает вришнийоких героев дхарма? Уж не смутился ли ты видом Шальвы на поле брани? Не само ли зрелище битвы (породило в тебе) отчаяние? Объяснись предо мною начистоту, о сын возницы!»

Колесничий сказал:
О сын Джанарданы, не поддавался я ни страху, ни смятенью! Думаю только, что очень уж трудно (одолеть) тебе Шальву, о дитя Кешавы! Вот я не торопясь и отъезжаю прочь. Ведь сколь силен этот злодей! К тому же, если герой, сражающийся с колесницы, во время схватки лишается чувств, то долг колесничего, о храбрец, — обеспечить ему безопасность. Мне ведь, о долговечный38, надлежит неусыпно охранять тебя, а тебе — меня. Я отъезжаю прочь, ибо рассудил, что долг (возницы) — всегда защищать колесничного воина. О мощнодланный, ведь ты один, а данавов — множество; я отъезжаю прочь, о сын Рукмини, потому, что считаю этот бой неравным.

Васудева сказал:
Едва произнес это сута, как Тот, на чьем знамени макара,
сказал ему, о кауравья: «Поверни колесницу назад! И никогда больше впредь не поступай так, сын Даруки! Никогда, сын возницы, если я еще жив, не покидай поля битвы! Кто добивает упавшего, кричащего: «Я в твоей власти!», простертого (на земле), потерявшего колесницу, сломавшего оружие, кто убивает женщину, старца, ребенка и кто бежит из сражения — тот не рожден в роду Вришни! Ты же рожден в роду сут, обучен службе возницы; тебе-то известны (установления) дхармы для вришнийцев во время сражения, сын Даруки!

(Мыслимо ли), Сын суты, зная все предания о подвигах вришнийцев во главе сражающихся ратей39, все же бежать (из битвы)! Никогда так больше не делай! Что обо мне сказал бы необоримый Мадхава, Старший брат Гады, (услышь он, что) я, устрашившись, бежал с поля битвы и был поражен в спину? Или что сказал бы мне при встрече разгоряченный вином, облаченный в голубое старший брат Кешавы, мощнодланный Баладева?

Что сказали бы муж-лев, великий стрелок из лука, внук Шини и победоносный в битвах Самба, о Сын суты, (знай они, что) я бежал из сражения? Что бы сказали мне, о колесничий, неодолимый Чарудешна, Гада и Сарана, мощнодланный Акрура? А что скажут, встретив меня, жены вришнийских героев, неизменно знавшие меня как благочестивого, храброго, уверенного в отваге своей (воина)? «Вот Прадьюмна, испугавшись, бежит прочь, покинув поле великой битвы. Позор ему!» — скажут они; «Славно (поступил)!» — не скажут.

Для меня же и мне подобных позорящие речи, насмешки хуже самой смерти, о Сын возницы; потому никогда больше не обращайся ты вспять (с поля битвы!) Отправляясь на жертвоприношение неизмеримо-мощного Партхи, льва среди бхаратов, не на меня ли возложил бремя (ответственности) Хари, Сокрушитель Мадху?

Когда Критаварман, отважный воин, готов был ринуться вперед, не я ли, о Сын возницы, остановил его словами: «Стой здесь, я сам отражу Шальву!»; и из уважения ко мне сдержал себя сын Хридики! Что я, бежавший из битвы, скажу при встрече этому славному колесничному воину? Что я окажу мощнодланному, необоримому, лотосоокому мужу, владетелю раковины, диска и палицы, когда он прибудет сюда? Что же скажу я Сатьяки, Баладеве и прочим андхакам и вришний-цам, всегда состязавшимся со мною (в доблести)?

Если я покину поле этой битвы, пораженный стрелами в спину, если даже против воли моей увезешь ты меня прочь, — не жить мне больше, о Сын возницы! Поверни же скорее назад колесницу, сын Даруки! Никогда, даже в крайней беде не следует так поступать! Если в страхе умчусь я из битвы, пораженный стрелами в спину, жизнь отныне не будет иметь для меня ни малейшей цены, о Сын суты! Помнишь ли ты такое, о Сын возницы, чтоб я когда-либо, гонимый страхом, бежал прочь, покинув поле битвы, словно последний трус? Не должен ты покидать поле битвы в то время, как я столь жажду сражения! Итак, сын Даруки, вези (меня) в бой!»
*Такова в книге «Лесная» великой «Махабхараты» девятнадцатая глава.*

ГЛАВА 20

Васудева сказал:
На эти слова, о Каунтея, Сын возницы средь боя тотчас же ответил Прадьюмне благозвучной и учтивой речью:
«О сын Рукмини, я не ведаю страха, правя в битве конями. Я также среди вришнийцев (лучший) знаток битв — могло ли то быть иначе? Но мы, несущие службу возничих, чтим за лравило, о долговечный: оберегать колесничного воина должно любыми средствами! Ты к тому же был так жестоко изранен! Тяжко ранила тебя стрела, пущенная Шальвой, твой дух был подавлен, герой, потому и отъехал я прочь! Теперь же, сын Кешавы, славнейший из сатватов, к тебе вернулось сознание; так любуйся сколько угодно искусством моим в управлении конями! Дарукой я рожден и подобающе им обучен; без страха проеду я сквозь несметные полчища Шальвы!»

С этими словами, о герой, он натянул поводья и помчался, направляя коней в (сторону) битвы. Превосходные кони его, о царь, погоняемые кнутом, побуждаемые поводьями, казалось, летели по воздуху, (выписывая) по всему полю всевозможные, самые разнообразные двойные и простые лево- и правосторонние фигуры.

Подчиняясь молниеносным движениям рук сына Даруки, они едва касались земли, словно жгла она им копыта. Не затратив как бы ни малейших усилий, совершил он вокруг войска Шальвы объезд апасавья; и было то подобно чуду, о бык-бхарата! Не мог потерпеть царь Саубхи этого объезда Прадьюмны; тотчас же три стрелы пустил он в его колесничего. Однако, о мощнодланный, сын Даруки продолжил свой путь, не обратив на стрелы внимания, мысли его заняты были конями.

Тогда царь Саубхи вновь осыпал всякого вида стрелами рожденного от Рукмини моего отважного сына. Сын Рукмини на лету расщепил их своими острыми стрелами; рассмеялся губитель вражеских героев, явив это (доказательство) проворства своих рук!

Увидел царь Саубхи, что стрелы его отражены Прадьюмной; тогда стал он пускать стрелы (по-особому), применяя злые колдовские чары асуров. Догадавшись, что пущено в ход оружие дайтьев, могучий (Прадьюмна) высоко в воздухе отразил его оружием Брахмы, а затем метнул и другие оперенные стрелы.

Мигом рассеяв все оружие (Шальвы), в голову, грудь и лицо впились ему кровожадные (стрелы), померкло сознание (его), и пал он на землю. Когда, израненный стрелами, рухнул наземь презренный Шальва, сын Рукмини наложил на тетиву еще одну стрелу, разящую насмерть любого врага.

Но как только на виду (у всех) эта стрела, к которой уст ремились молитвенные упования бесчисленных дашархов, как пламя светозарная, была возложена на тетиву, послышались из поднебесья крики смятения.

Вслед за тем от всего сонма богов, вместе с Индрой и Владыкою сокровищ, снаряжены были посланцами Нарада и могучий Ветер. Явились эти двое к сыну Рукмини и передали?
ему слова небожителей: «Герой, не суждено шальвийскому царю пасть от твоей руки!

Возьми стрелу назад: хотя, поистине, нет человека, которого она не могла бы сразить на поле брани, но не дозволено тебе убить в (этой) схватке Шальву! Примет он смерть в сражении от Кришны, сына Деваки, — таково предначертание Установителя, мощнодланный, и да не будет то ложно!»

Тут Прадьюмна, исполненный ликования, снявши с отменного лука ту чудную стрелу, вложил ее в колчан. А злодей из злодеев Шальва поднялся (с земли), о Индра царей, и спешно бежал со всем своим войском, израненный стрелами Прадьюмны. Пострадав от (рук) вришнийцев, о Индра царей, злобный (демон) оставил Двараку и на своей Саубхе вознесся в небо.
*Такова в книге «Лесная» великой «Махабхараты» двадцатая глава.*

ГЛАВА 21

Васудева сказал:
Когда завершилось, владыка людей, великое жертвоприношение твое раджасуя, прибыл я в избавленную (от врага) столицу анартов. Но Дварака явилась моему взору лишенная былой своей красоты, великий царь! Никто не читал вслух Веды, не возглашал: «Вашат!», прекрасные женщины (Двараки) ходили без украшений, пригородные сады ее стали неузнаваемы.

При виде всего этого почуяв недоброе, спросил я у сына Хридики: «Отчего столь удручены мужи и жены вришлийской столицы? Муж-тигр, мы желаем слышать об этом!» В ответ на это сын Хридики, о достойнейший из царей, подробнейше рассказал мне об осаде (города) Шальвой и об избавлении от нее. Выслушав рассказ его от начала до конца, о лучший в роде Куру, я утвердился в мысли убить шальвийского царя. Тогда, о краса бхаратов, успокоил я горожан, царю же Ахуке, (старцу) Анакадундубхи и всем вришнийским героям, одобряя их, сказал:

«Не ослабляйте ни на миг попечения о городе, о быки-ядавы! Обо мне знайте, что я иду в поход, дабы убить шальвийского царя. Пока не сражу его, не будет мне пути назад, ко граду Дваравати! Увижусь с вами снова только тогда, когда сокрушу город Саубху, а с ним и Шальву.

Ударьте же в (грохочущий) на три тона барабан дундубхи, (чей звук) внушает трепет врагам!»
Мною подобающе ободренные, отважные мужи, о бык-бха- 10—38 рата, весело и дружио отвечали мне: «Ступай и истреби (наших) недругов!» Напутствуемый благословениями ликующих героев, лучшим из дваждырожденных велел я возглашать (мантры), а сам склонился до земли перед Ахукой. Дунув в прекраснейшую из раковин — Панчаджанью, о царь, громом своей колесницы, влекомой (конями) Сугривой и Сайньей, я огласил страны света. Я вышел во главе огромной армии, (отлично) снаряженной, (ступавшей) с победным видом, (состоявшей) из войск четырех родов, о муж-гигр! Пройдя через много земель, лесистых гор, рек и озер, прибыл я в Мартикавату. Там я услышал, что Шальва на своей Саубхе ушел из окрестностей города; о муж-тигр, я преследовал его по пятам и достиг наконец океана. Шальва на своей Саубхе был там, в пучине моря, во чреве (кипевшего) огромными валами океана41, о губитель недругов!

Завидев меня издали, нечестивец, словно в насмешку, многократно прокричал мне вызов на битву, о Юдхиштхира! Разящие насмерть стрелы, во множестве пущенные мною из лука Шарнги, не достигли его града, и это привело меня в ярость. Этот же прирожденный злодей, недостижимый мне (Шальва), гнуснейший из дайтьев, пролил на меня тысячами потоки своих стрел, о царь! Он засыпал стрелами колесничего моего, коней и все войско; мы, однако, продолжали сражаться, словно не замечая их, о бхарата!

Тут и отважные воины из окружения Шальвы также пустили в меня сотни тысяч безупречно прямых стрел. Метко разящие стрелы асуров покрыли мою колесницу, коней и самого Даруку. Ни коней, ни колесницы, ни возничего моего Даруки нельзя было разглядеть, ибо стрелы окутали, словно завесой, меня и моих воинов, о герой! Тогда и сам я волшебным способом выпустил из своего лука многие десятки тысяч заговоренных мантрами стрел, о кауравья!

Воины мои не могли метить в цель, о бхарата, ибо Саубха висела под самым небосводом, на высоте целой кроши; однако они, словно зрители в театре, ободряли меня громогласными львиными кличами и рукоплесканием. (Стрелы), слетавшие в этой великой битве с лука моего, окрашиваясь кровью, подобно саранче вгрызались в тела данавов. Поднялись тогда в Саубхе стенания (демонов), сраженных моими острыми стрелами и низвергавшихся в великий океан. Одни с руками, отсеченными по самое плечо, другие — уподобившись видом Кабандхе, данавы неслись вниз, издавая вселяющие ужас вопли.

Тогда я наполнил дыханием раковину Панчаджанья, белизной подобную серебру и волокнам лотоса, месяцу, цветам жасмина и коровьему молоку. Видя, как падают наземь (данавы), Шальва, владыка Саубхи, стал тогда биться со мной, применяя грозное оружие колдовских чар. Непрерывным потоком полетели в меня железные палицы, дротики, пики, копья, боевые топоры, паттиша и бхушунди. Но я силою волшебства тотчас же отбивал и уничтожал их; когда чары его были развеяны, стал он сражаться горными пиками.

Попеременно то падала тьма, то вновь светало, то пасмурно становилось, то ясно, то жарко, то холодно, о бхарата! Так сражался со мною враг мой, творя колдовские обманы, но все их я распознал и развеял своими чарами! При каждой возможности со всех сторон разил я его в битве стрелами! И взошли тогда на небе сотня солнц, сотня лун, миллионы звезд, о великий царь, Каунтея! Не различить было, ночь сейчас или день, (по небу) не определить направления; смутился мой разум, и тогда я воспользовался оружием высшего знания; оно развеяло оружие (врага), словно то были пучки травы! Тут грянула шумная, грозная битва, о Индра царей; обретя способность различать окружающее, я снова вступил в схватку с врагом.
*Такова в книге «Лесная» великой «Махабхараты» двадцать первая глава.*

ГЛАВА 22

Васудева сказал:
Итак, о муж-тигр, Шальва, грозный противник царей, среди битвы, сражаясь со мной, снова взлетел на небо. И вот горевший желанием победы, слабый разумом Шальва в ярости обрушил на меня шатагхни, огромные палицы, горящие копья, мечи и дубины, о великий царь! Но я тотчас же быстрыми, второпях пущенными (стрелами) еще в полете, у самого небосвода отразил их, расколов надвое либо натрое: то-то грохот стоял в поднебесье!

Но вот сотнями тысяч безупречной прямизны стрел засыпал он коней моих, колесницу и Даруку. Тут, о герой, обращаясь ко мне, как в бреду, проговорил Дарука: «Я изранен стрелами Шальвы и держусь только потому, что так велит мне долг». Вняв жалобным словам колесничего, я поглядел на него и увидел, как он изранен стрелами. На обеих руках его, туловище, голове и груди не было места, о первый средь Пандавов, которого не поразили бы стрелы. От ударов превосходных стрел (Шальвы) он истекал обильной кровью, словно гора красного известняка, которую облака поливают дождем.

Видя, что мой колесничий (хоть и не выпускает) из рук поводьев, но, изранный в битве стрелами Шальвы, пал духом, я принялся ободрять его, о мощнодланный!

Тут некий муж из числа жителей Двараки, о бхарата, поспешно приблизившись к колеснице с дружескими, казалось, намерениями, опечаленный, сдавленным голосом передал мне слова Ахуки, у которого он был в услужении: услышь их, отважный Юдхиштхира! «О герой, Ахука, правитель Двараки, молвит тебе такое слово: внемли, о Кешава, вот что говорит друг твоего отца: в твое отсутствие, необоримый потомок Вршпни, Шальва приступил к Двараке и благодаря (превосходству) в силе сразил сына Шуры. Потому покончи эту битву и возвращайся (домой), Джанардана; защищай лучше Двараку, в этом (теперь) твоя важнейшая обязанность!»
Выслушав эту его речь, я был крайне удручен и никак не мог решить, что надо, а чего не следует делать. Получив столь огорчительную весть, о герой, я обратил мысленно укоризны к Сатьяки, Баладеве и великому колесничному воину Прадьюмне.

Ведь это им, о потомок Куру, поручил я защиту Двараки и моего отца, когда выступил, дабы сокрушить Саубху! «Жив ли еще мощнодланный губитель недругов Баладева, — сокрушался я, — живы ли Сатьяки, сын Рукмини (Прадьюмна), отважный Чарудешна и все они во главе с Самбой!» Ведь будь они живы, о муж-тигр, тогда и сам Владетель ваджры не в силах был бы погубить сына Шуры! Если верно, что сын Шуры убит, то несомненно, решил я, что и все они во главе с Баладевой уже мертвы. Поминутно обращаясь мыслями к их общей гибели, я был, в крайнем смятении, о великий царь, но все же возобновил свою битву с Шальвой.

И тут увидел я, о герой, сына Шуры летящим с Саубхи вниз; от этого, о великий царь, мой (разум) пришел в смятение. Падение отца моего, о владыка людей, было подобно падению Яяти, лишившегося благих заслуг, с неба на землю. Тюрбан его размотался и упал (с головы), волосы и одежды разметались (в беспорядке); казалось, то падает (с неба) звезда, исчерпавши благие заслуги43. Помрачение ума лишило меня сил: превосходнейший лук мой, Шарнга, выпал из моей руки, о Каунтея, и опустился я на днище колесницы. Видя, что я, лишившись сознания, словно мертвец, простерся в своей колеснице, все мое войско вскричало: «Горе нам, горе!»—о бха-рата! Возникло предо мной видение моего отца, который, раскинув руки и ноги, падал вниз, словно птица; при этом воины Шальвы, держа в руках копья и пики, нещадно разили ею на лету, о мощнодланный! Дух мой пришел в смятение.

Но вот через какой-то миг среди великого побоища опять придя в сознание, я не увидел там, герой, ни Саубхи, ни Шальвы-недруга, ни старика отца.

Тогда я рассудил в уме: «Все это были колдовские чары, но теперь я распознал их!» И снова тысячами посыпались (на врага) мои стрелы.
*Такова в книге «Лесная» великой «Махабхараты» двадцать вторая глава.*

ГЛАВА 23

Васудева сказал:
Взял я свой чудесный лук, о краса бхаратов, и посыпались с Саубхи отсеченные стрелами головы богоненавистников! Нарядно оперенные, похожие на ядовитых змей, высоко летящие, жгуче-острые стрелы пустил я из Шарнги в шальвийского царя. И вдруг силою волшебства сделалась Саубха невидимой, о продолжатель рода Куру! Я был изумлен, но стоял недвижимо, о бхарата! Тут толпы лохматых, уродливых данавов подняли (сильный) крик, о великий царь! Тогда я поспешно, среди великой битвы, применил на погибель им оружие, разящее цель по звуку; крик тотчас же смолк. Всех тех данавов, что кричали, поразили мои летящие на звук, пламенные, словно Адитья, стрелы. Едва затихли их вопли, как в другом месте опять поднялся крик; я туда ударил стрелами, о великий царь! Так во всех десяти направлениях, вокруг меня и надо мной, вопили асуры, но всех их я перебил, о бхарата!

Тут, воротившись из Прагджьотиши44, вновь появилась, о герой, волею управляемая Саубха, помрачив взор мой (своим блеском). И погубитель рода человеческого, обезьяноподобный данава внезапно обрушил на меня огромную лавину камней. Со всех сторон разили меня потоки каменных глыб; заваленный камнями, я стоял (в их груде), словно в муравейнике, о Индра царей! Под завалом каменных глыб уже ни меня, ни коней, ни колесничего, ни стяга невозможно было разглядеть, о царь! Тут отважнейшие из вришнийцев, бывшие в моем войске, поддались страху и бросились бежать во все стороны. Когда не стало меня видно (под камнями), тут все, о владыка народа, — и небо, и земля, и поднебесье — огласилось криками смятения.

И все, кто был со мной дружен, о царь, проникшись отчаянием и скорбью, в тоске сердечной принялись вопить и стенать. Врагам моим было ликование, друзьям же — горькая мука; но я, о неколебимый герой, узнал об этом только потом, когда одержал победу. И вот воздел я ваджру, любимейшее мое оружие, дробящее любой камень, и расколол все эти каменные глыбы! Кони мои, еле живые, измученные каменной ношей, стояли, пошатываясь, словно от толчков, о великий царь! При моем появлении все друзья мои вновь предались ликованию, как если бы на глазах у них в небе взошло солнце, пробившись сквозь завесу облаков.

Тут, о царь, сложивши ладони, с поклоном сказал мне возничий: «Благо тебе! Погляди, о Варшнея, вот стоит пред тобою царь Саубхи Шальва; полно тебе пренебрегать им, примени наконец силу! Пора отказать Шальве в милосердии твоем и дружелюбии! Убей Шальву, мощнодланный, не дай ему уйти живым, о Кешава; врага надлежит предавать смерти, не щадя сил, о герой, губитель недругов! Не должен сильный (воин) пренебрегать противником, хотя бы тот был и слаб или увечен, не говоря уже о том, который противостоит ему в сражении.

Потому, о владыка, муж-тигр, лучший в роде Вришни, собрав все силы, порази его, пока еще не упущена возможность! Не может считаться другом твоим и не заслуживает твоей милости тот, кто пошел войною на тебя, о герой, кто опустошил Двараку!»
Выслушав эти и им подобные речи возничего, «Истинно так!» — подумал я и принял решение сражаться. Чтоб умертвить шальвийского царя и сокрушить Саубху, «Попридержи-ка на миг!» — сказал я Даруке, о герой; сам же неотразимое, несокрушимое, непревзойденно-мощное, любимое мое огненное оружие, великое, дивноблещущее, все поражающее, способное испепелить на поле брани (всех) якшей, ракшасов, данавов и враждебных царей, этот незапятнанной чистоты диск с краями, (острыми), как бритвенные лезвия, несравненный, подобный богу разрушительного времени — Яме, гибельный для недругов, — заклявши мантрами и повелев: «Сокруши мощью своею Саубху и всех пребывающих там врагов моих!», всею мощью руки метнул я в ярости в (город демонов).

Пролетая через поднебесье, Сударшана обликом подобен был окруженному венцом лучей второму солнцу при конце юги. Приблизившись ко граду Саубхе, красота коего (уже) померкла, он рассек его надвое, как пила (проходит сквозь) высокое дерево дару. Рассеченная пополам, сокрушенная мощью Сударшаны, рухнула Саубха, как (некогда) Трипура, поверженная стрелами Махешвары.

Когда пала Саубха, боевой диск вернулся ко мне в руку;, тут я снова с силой метнул его ввысь, приказав: «На Шальву!» (Сударшана) разом рассек надвое Шальву, среди битвы занесшего уже (для удара) тяжелую палицу, и испепелил его своей пламенной мощью. Когда пал этот герой, данавы, чьи сердца обуял страх, мучимые моими стрелами, с криками «Горе! Горе!» побежали в разные стороны. Я же, поставив колесницу свою у самой Саубхи, радостно затрубил в раковину, возвеселив друзей своих. Видя, что их (город), некогда подобный вершине Меру, объят пламенем, его дворцы и надвратные башни разрушены, жены (данавов) пустились в бегство. И вот, сразивши в битве Шальву и низвергнувши Саубху, я вновь, на радость всем любящим меня, возратился в страну анартов. Вот почему, о царь, не смог прибыть я в Город слона. А уж будь я там, о губитель неприятельских героев, так не ушел бы живым Суйодхана!

Вайшампаяна сказал:
Так сказавши потомку Куру, мудрый, величайший из мужей, мощнодланный Губитель Мадху распрощался с Пандавами и двинулся в путь. Могучий (Кришна) почтительно поклонился Царю справедливости Юдхиштхире, царь же и мощнодланный Бхима вдохнули запах его головы. Усадив в золотую колесницу Субхадру и Абхиманью, Кришна взошел на нее и сам, (в то время как) Пандавы воздавали ему почести. Ободрив Юдхиштхиру, на колеснице, влекомой Сугривой и Сайньей, сверкавшей, словно сам Адитья, направился Кришна в Двараку.

По отъезде Дашархи Дхриштадьюмна, сын Паршаты, сопровождаемый сыном Драупади, также поехал в свою столицу. Повидавшись с Пандавами, Дхриштакету, царь Чеди, взяв с собою сестру, поехал в свой прекрасный град Шуктимати. Затем, о бхарата, Кекаи, испросив дозволение у безмерно-мощного Каунтеи, распрощались со всеми Пандавами и тоже
уехали.

Однако брахманы, вайшьи и прочие подданные Пандавов не покинули их, как настоятельно те их от себя ни отсылали. Потому толпа, сопровождавшая великих духом (Пандавов) в Камьяке, была чудо как огромна, о Индра царей, бык-бхарата! И вот многомудрый Юдхиштхира, испросив одобрение у тех брахманов, когда пришло время, отдал своим людям приказ «Запрягать колесницы!»
*Такова в книге «Лесная» великой «Махабхараты» двадцать третья глава.*

ГЛАВА 24

Вайшампаяна сказал:
По отъезде владыки дашархов Юдхиштхира, Бхимасена, Арджуна и близнецы с Кришною и своим родовым жрецом взошли на дорогие, превосходнейшими конями запряженные колесницы и дружно двинулись к (другому) лесу. Герои, каждый из которых обликом был подобен Повелителю бхутов, одарили (брахманов), знающих правильное произношение священных слогов и мантр, коровами, одеждами и (многими) нишками золота. Двадцать слуг следовали за ними, неся луки, доспехи, медные стрелы, мечи, (запасные) тетивы и прочее снаряжение. А еще, везя царскую дочь (Субхадру), нянек, служанок, одежды и украшения, поспешал следом за ними на своей колеснице Индрасена.

Тут приблизились к лучшему среди куру благородные горожане и обошли его по кругу прадакшины. Все брахманы и славнейшие из жителей Куруджангалы с ликованием воздали ему почести. Довольный Царь справедливости и его братья также почтительно их приветствовали. Завидев огромное скопление жителей Куруджангалы, великий духом царь сделал в том месте остановку.

Великий духом бык среди куру испытывал к ним такое чувство, словно бы отец к своим детям, да и они к тому превосходнейшему из бхаратов относились, как сыновья к родному отцу. Огромные толпы их, приблизившись к храбрейшему в роде Куру, стали вкруг него и, мучимые стыдом, заливаясь слезами, восклицали: «О горе! (Что стало) с защитником нашим! (Что стало) с дхармой! Достойнейший среди куру, властелин своих подданных, как отец, покидая всех нас, своих сыновей — горожан и поселян, куда же Царь справедливости держит свой путь? Позор сыну Дхритараштры, преисполненному ненависти к людям, вместе с сыном Субалы и злокозненным Карной! Тебе, о Индра людей, доброму, неизменно преданному дхарме, вечно ищут вреда эти лютые злодеи! Великий духом вершитель плодотворных деяний, покидая свой, не имеющий равных себе, подобный разве что граду небожителей, великий город Шатакратупрастху, куда же Царь справедливости держит свой путь? Тебе, великий духом, сам Мая построил Дом собрания, не имеющий равных, подобный Собранию богов, а также хранимой богами божественной майе; покидая его, куда же Царь справедливости держит свой путь?»

Превосходно-мощный Бибхатсу, знаток дхармы, артхи и камы, громогласно ответил собравшимся жителям Куруджангалы: «Поселившись даже и в этом жилище, среди лесов, царь все равно лишит своих недругов всей их славы. Вместе и порознь, во главе с дваждырожденными, ступайте вы к подвижникам, сведущим в дхарме и артхе, и умилостивьте их речами; то будет лучшим залогом достижения нашей (общей) цели!»

Выслушав эту речь Арджуны, брахманы, а также люди всех прочих сословий, о царь, радостно приветствовали достойнейшего из блюстителей дхармы и совершили вокруг него прадакшину. Распрощавшись с Партхой (Юдхиштхирой), Врикодарой, Завоевателем богатств, Яджнясени и близнецами, (почувствовали они, однако, что) радость их угасла, и, отпущенные Юдхиштхирой, разбрелись по своим домам во (все уголки) царства.
*Такова в книге «Лесная» великой «Махабхараты» двадцать четвертая глава.*

ГЛАВА 25

Вайшампаяна сказал:
После их ухода верный данному слову, благочестивый Юдхиштхира Каунтея сказал своим братьям: «Двенадцать лет должны мы провести в безлюдной чаще. Найдите же в этом великом лесу место, богатое зверем и дичью, цветами и плодами, приятное, благодатное, достойное людей благочестия, где мы могли бы покойно прожить все эти годы».

Тогда Завоеватель богатств воздал мудрому Царю справедливости, наставнику всех людей, почести, подобающие духовному учителю, и отвечал ему:

Арджуна сказал:
Почтенный, ты подвизался в послушании у великих старцев,
святых мудрецов; в мире людей нет ничего, что было бы тебе неведомо. Бык-бхарата, ты постоянно пребываешь в ученическом служении у брахманов, таких, как Двайпаяна и великий подвижник Нарада, укротивших волею чувства, непрестанно странствующих через врата всех миров, от мира богов до мира Брахмы, мира гандхарвов и апсар. Тебе, я уверен, известны все пути этих брахманов, ты знаешь чудесное могущество каждого из них, о царь!

Открыто тебе, несомненно, и то, в чем залог нашего благополучия; а потому, где ты пожелаешь, великий царь, там мы и поселимся. Есть озеро, называемое Двайтавана; оно красиво, полно всяческой пищи, богато цветами, плодами и пригодно для жизни людей благочестия. Мне думается, хорошо бы нам там и провести эти двенадцать лет, если будет на то, о царь, твое одобрение; быть может, однако, почтенный решит иначе?

Юдхиштхира сказал:
Ты высказал то, о чем и сам я думал, о Партха! Идемте же к славному, святому, великому озеру Двайтавана!

Вайшампаяна сказал:
И вот благочестивые Пандавы в сопровождении многочисленных брахманов направились к священному озеру Двайтавана. Хранители огня и те, что не имеют (своего огня) 48, твердящие Веды, нищенствующие, шепчущие молитвы, жительствующие в лесах, а также многие другие брахманы и сотни следующих добрым правилам, неуклонных в соблюдении обетов подвижников окружали в дороге Юдхиштхиру. Наконец, закончив путь, быки-бхараты, Пандавы, сопровождаемые многочисленными брахманами, вступили в прекрасную святую (обитель) Двайтавана.

И явился взору царя великий лес в начале поры дождей, полный цветущих деревьев шала, тала, амра, мадхука, нипа, ка-дамба, сарджа, арджуна и карникара. В том лесу на верхушках высоких деревьев восседали, испуская чарующие сердце крики, бесчисленные павлины, датьюхи, чакоры и лесные кукушки. Увидел царь в том лесу несметные толпы огромных слонов, подобных горам, охваченных бешенством страсти, вожаков стад, а также множества слоних.

Придя на (берег) пленительной Бхогавати, в том лесу, обиталище стойких духом, носящих мочальное платье и отшельнические косы блюстителей дхармы, увидел он многочисленные сообщества достигших совершенства святых мудрецов. Тут царь, сойдя с колесницы, вместе с братьями и спутниками своими вступил, достойнейший из наделенных благочестием, в тот лес, подобно безмерно-мощному Шакре, (вступающему) в свой небесный мир. Чтобы увидеть верного слову (Юдхиштхиру), собрались туда сонмы сиддхов и чаранов; обитатели леса столпились вокруг того мудрого (царя), льва среди земных Индр.

Почтительно приветствовав сиддхов и в ответ удостоенный ими почестей, подобающих и царю, и богу, славнейший из блюстителей дхармы в сопровождении главнейших из брахманов, с (молитвенно) сложенными руками углубился в (священный лес). Следующий уставам благочестия, великий духом царь приблизился к большому цветущему дереву и воссел у его подножия (в окружении) преданных дхарме, ответно приветствовавших его отшельников, как (некогда сиживал и) отец (его, Панду).

Тут превосходнейшие из бхаратов, Бхима, Дхананджая, близнецы, сошли с колесниц и, распрягши коней, уселись с ним рядом. Пригнувшее под тяжестью лиан свои ветви к земле огромное дерево с пятью расположившимися под ним грозными лучниками, великими духом сынами Панду, подобилось видом огромной горе с (пятью) вожаками слоновьих стад у ее подножия.
*Такова в книге «Лесная» великой «Махабхараты» двадцать пятая глава.*

ГЛАВА 26

Вайшампаяна сказал:
1—3 Прибыв в тот лес, созданные для счастья сыновья земного Индры поселились в убогом жилище. Подобные обликом самому Индре, они занимались охотой в благословенных шаловых рощах, (раскинувшихся вдоль берегов) Сарасвати. Многославный же царь, бык среди куру, умилостивлял отшельников, подвижников и лучших из дваждырожденных, (живших) в том лесу, (подношением) отборных плодов и кореньев. Дхаумья, их домашний жрец, всегда преисполненный духовного пламени, совершал, словно отец потомков Куру, для поселившихся в том великом лесу Пандавов обряды ишти и обильные жертвоприношения предкам.

В эту обитель, где поселились, лишившись царства, праведные Пандавы, явился однажды гость: щедро наделенный жгучим духовным пламенем, древний святой мудрец Маркандея. Когда тот безмерно мощный, великий духом, всеведущий (старец) поглядел на Кришну-Драупади, Юдхиштхиру и Бхимасену с Арджуной, пришла ему на ум мысль о Раме, отчего, (сидя) в кругу подвижников не смог он удержать улыбки. Царь справедливости, будто обидевшись, сказал ему: «Все эти подвижники (из уважения к моему горю) скромны (в проявлениях чувств), как же можешь ты, почтенный, усмехаться при них, глядя на меня, словно радуешься чему-то?»

Маркандея сказал:
Не радовался я, не насмехался, сын мой, не посетила меня рождаемая (суетным) весельем гордыня. Но, видя нынешнее твое несчастье, вспомнил я о честном Раме, сыне Дашаратхи. Некогда этот царь по приказу отца вместе с Лакшманой тоже поселился в лесу; я видел, как с луком в руках бродил он тогда по вершине горы Ришьямука. Безгрешный сын Дашаратхи, подобный обликом Тысячеокому, великий духом Губитель Намучи, Победитель Май, повинуясь воле родителя и своему долгу, поселился в лесу. Исполненный достоинства, Шакре равный величием, неодолимый в сражениях, он все же, отринув мирские блага, скитался по лесам — ведь тот, кто знает: «Я силен!», не должен поступать противно дхарме!

Набхага, Бхаги-ратха и другие цари одною истиной не только покорили всю омываемую океаном землю, но также, сын мой, добыли для себя (небесные) миры; кто знает: «Я силен!», не должен поступать противно дхарме! О лучший из людей, когда правдивый, добрый царь Каши и Каруши отрекся от своих владений и от богатств, его прозвали Аларкой, но тот, кто знает: «Я силен!», не станет поступать противно дхарме! О Партха, лучший из людей, благие Семь мудрецов (за то, что) свято чтили обычай, от века данный Установителем, сияют (ныне звездами) на небе; кто знает: «Я силен!», не должен поступать противно дхарме!

Смотри, Индра людей: ведь и могучие, бивнями вооруженные слоны, огромные, как горные вершины, и те послушны велениям Установителя; кто знает: «Я силен!», не должен поступать противно дхарме! Смотри, Индра людей: ведь вся земная тварь живет по обычаям своей породы, установленным для нее дивным могуществом Создателя; кто знает: «Я силен», не должен поступать противно дхарме! Все живое ты превзошел правдивостью, благочестием, скромностью, достоинством поступков; слава твоя и пыл души горят как пламя, как Солнце, о Партха! Прожив (положенный срок) в этой бедной лес-вой обители, ты, досточтимый владыка земли, пламенной силою духа вырвешь из рук кауравов свою светозарную славу!

Вайшампаяна сказал:
Молвив такое слово (Юдхиштхире), сидевшему в окружении друзей и подвижников, святой мудрец распрощался с Дхаумьей, а также со всеми Партхами и удалился, держа путь на север.
*Такова в книге «Лесная» великой «Махабхараты» двадцать шестая глава.*

ГЛАВА 27

Вайшампаяна сказал:
Случилось, так, что, пока пребывали великие духом Пандавы в Двайтаване, весь тот огромный лес полнился брахманами. Постоянно оглашаемое тут и там голосами читающих Веды (брахманов), озеро Двайтавана сравнялось святостью с миром Брахмы. Чарующе было звучание всюду произносимых ричей, яджусов, саманов и святых изречений. Звенели тетивы на луках сыновей Панду, мудрые (брахманы) возглашали речения Вед; (сливаясь вместе, эти звуки) придавали еще большую прелесть сочетанию брахманства с кшатрой.

Однажды вечером к Царю справедливости, Юдхиштхире Каунтее, восседавшему в окружении святых мудрецов, обратился (брахман по имени) Бака Далбхья. «Посмотри, о Партха, достойнейший из куру, наступает в Двайтаване тот час, когда возжигаются священные огни и подвижники-брахманы совершают жертвоприношение хома.

В этом святом месте верные обетам (подвижники) под твоим покровительством шествуют стезей дхармы. Ты видишь перед собой первых во всей вселенной, удостоенных высшей доли, исполнителей дивных, обетов, потомков Бхригу, Ангираса, Васиштхи, Кашьяпы Агастьи и Атри.

Сосредоточь же помыслы свои, о Партха, Каунтея, и выслушай вместе с братьями такое речение, которое я возвещу тебе, потомок Куру! Могущество брахманов, соединяясь с кшатрийским могуществом, равно как и могущество кшатры, когда приложится к нему брахманское могущество, возрастает и способно испепелить всех врагов; так пламя, соединившись, с ветром, (выжигает целые) леса. Кто желает завоевать этот или другой мир, не вынесет долгой борьбы, если нет при нем брахмана, сын мой; тот же царь, кто заполучит себе дваждырожденного, искушенного в дхарме и артхе, избавленного от заблуждений, устранит всех своих соперников!

(Царь) Бали ступал по ведущей к блаженству стезе дхармы, обеспечивая тем самым безопасность своих подданных, и ни у кого на свете? не искал он доброго совета, за исключением брахманов. Не было отказа ни одному из желаний того асуры, сына Вирочаны, неиссякаема была его удача; но, обретши (власть) над землей с помощью брахманов, он погиб, как только стал дурно поступать с ними. Земля, хранительница богатств, не потерпит долго второго сословия, правящего безучастия брахманов; и на против, вся она в пределах океана восславит того (царя), который послушен брахману, сведущему в делах управления. Когда кшатра лишена (руководства) брахманов, она лишается силы своей, как слон, потерявший во время битвы погонщика.

Бесподобна у брахманов способность прозрения, несравненна у кшатриев физическая мощь; когда обе они идут рука об руку, вся вселенная исполняется ликования. Как раздуваемое-
ветром пламя большого пожара сжигает рощу сухих деревьев, так и тот, о царь, кто действует заодно с брахманом, дотла испепеляет своих врагов. Умный (кшатрий), если хочет овладеть тем, чего у него нет, или преумножить то, что уже имеет, пусть обращается (за помощью) к мудрости брахманов.

Итак, если хочешь обрести то, чего не имеешь, или возрастить то, что у тебя есть, а также чтобы пожалования твои советчикам окупались сторицею, то приблизь к себе прославленного,
мудрого, многознающего, сведущего в Ведах брахмана. Ты всегда вел себя безупречно по отношению к брахманам, о Юдхиштхира; потому-то и сияет во всех мирах твоя великая
слава!»

Тогда все (присутствовавшие) брахманы воздали почести-
Баке Далбхье; очень понравилось им, как пропел он хвалу Юд-хиштхире. Двайпаяна, Нарада, Джамадагнья, Притхушравас, Индрадьюмна, Бхалуки, Критачетас, Сахасрапат, Карнашравас, Мунджа, Лаванашва, Кашьяпа, Харита, Стхунакарна, Агни-вешья, Шаунака, Критавак, Сувак, Брихадашва, Критавасу, Урдхваретас, Вришамитра, Сухотра, Хотравахана — все эти, а также и многие другие верные обетам брахманы почтительно приветствовали Аджаташатру, словно святые мудрецы — Пурандару.
*Такова в книге «Лесная» великой «Махабхараты» двадцать седьмая глава.*

ГЛАВА 28

Вайшампаяна сказал:
Однажды вечером сидели тоской и горем обуянные лесные изгнанники — Партхи вместе с Кришной (Драупади) — и вели беседу.

И тут Кришна, верная своему долгу, мудрая и прекрасная, любимая супруга (Пандавов), обратилась к Царю справедливости с такими словами:
«Злому сыну Дхритараштры, этому лютому извергу, верно, и дела нет до нашего горя, коли он ни слова не сказал, когда ты, о царь, я и все братья твои облачились в оленьи шкуры; прогнал (нас) в лес, подлый нечестивец и (ничуть) не раскаивается (в этом)!

Видно, сердце у него, злодея, железное, если уж тебя, достойнейшего, преданного дхарме, принудил он выслушивать дерзкие (речи)! Тебя, созданного для счастья, не заслужившего лишений, в такую беду вовлек этот грешный, дурной человек, а (сам, верно), радуется вместе со своими друзьями! Когда ты, о бхарата, облачившись в оленью шкуру, уходил в лес, ни слезинки не пролили эти четыре негодяя: Карна, нечестивец Шакуни, Дурьодхана и его скверный, злобный брат Духшасана. Все же остальные кауравы, обуянные горем, пролили из очей потоки слез, о достойнейший в роде Куру!

Ведь ты создан для счастья, ничем не заслужил лишений — и, сравнивая это ложе твое с тем, прежним, я исполняюсь печали, о великий царь! Тоска гнетет меня, когда сравню я эту подушку из травы куша с твоим драгоценностями изукрашенным троном из слоновой кости, стоявшим посреди Собрания! Может ли, царь,

обрести покой мое сердце, пока не увижу я тебя как прежде, в Собрании окруженным (подвластными) царями? (Помню), видела я: умащенный сандалом, ты сиял, словно солнце; теперь погляжу на тебя, покрытого грязью, и разум мой меркнет, о бхарата! Облаченным в дорогие белые одежды из шелка прежде видела я тебя, о Индра царей, — и вот ты предо мною в отшельническом рубище!

Раньше из дворца твоего разносили брахманам на золотых блюдах тысячи изысканных, на любой вкус угождающих лакомств; превосходнейшие яства раздавал ты, могучий царь, и бездомным отшельникам, и брахманам-домохозяевам; может ли обрести покой мое сердце, о царь, когда больше я этого не вижу? Братьев твоих, о великий царь, юные повара со сверкающими серьгами (в ушах) потчевали отборнейшими лакомствами; теперь же, о Ивдра людей, я вижу, как они, прежде не знавшие лишений, (живя) в лесу, дарами леса поддерживают свое существование, — и душе моей нет покоя!

Как только (мысль о том, что) Бхимасена, терпя лишения,, живет в лесу и предается созерцанию, не пробудит в тебе справедливого гнева! Почему ты не приходишь в ярость, о неколебимый, видя, как бедствует созданный для счастья Бхимасена, сам, (без чьей-либо помощи) совершивший все свои подвиги?! Почему ты не приходишь в ярость, видя изгнанным в леса того, кто прежде владел по праву почета бесчисленными колесницами и всевозможными нарядами?! В его силах было бы истребить весь род Куру; однако могучий Врикодара (кротко) сносит (все) это ради твоего спокойствия.

Арджуна подобен обликом Яме-Погубителю; хоть и две лишь руки у него, но расторопностью в стрельбе из лука не уступит он и Арджуне Многорукому. Благодаря мощи его оружия все земные владыки (явились) почтительно прислуживать, брахманам при твоем жертвоприношении, о великий царьГ Почему ты не приходишь в ярость, видя погруженным в созерцание Арджуну, этого мужа-тигра, чтимого богами и данавами?! Видя, что Партха, привыкший к довольству, не заслуживший лишений, удалился в леса, как не приходишь ты в ярость?! От этого разум мой меркнет, о бхарата!

Почему ты не приходишь в ярость, видя удалившимся в леса того, кто один: на своей колеснице над людьми, богами и змеями одержал победу, кто, смертоносный для недругов, противостав окружившему его (множеству) дивноизукрашенных колесниц, конницы и слонов, одержал верх и отнял у земных владык их сокровища?! Почему ты не приходишь в ярость, видя удалившимся в леса того, кто разом посылает (в цель) пять сотен стрел?!

Почему ты не приходишь в ярость, видя здесь, в лесу, рослого, смуглого, юного Накулу, превосходящего всех в пешем бою? Почему ты не приходишь в ярость, Юдхиштхира, видя здесь, в лесу, красивого, отважного сына Мадри, Сахадеву? Почему ты не приходишь в ярость, видя удалившейся в леса меня, рожденную в роде Друпады, невестку великого духом Панду? Видно, вовсе не ведомо тебе чувство гнева, о лучший из бхаратов, если душа у тебя не болит, когда глядишь на меня и на братьев!

«Не кшатрий тот, кто не знает гнева!» — вот (истина) слывшая на свете неоспоримой; теперь же в тебе, кшатрий, мне видится исключение (из правила). О Партха, если в должный миг не явит кшатрий своего (ратного) пыла, то на него падет навеки презрение всего живого! И потому не должен ты никогда смиряться перед врагами; ведь нет сомнения в том, что у тебя достанет пламенности духа истребить их.

Так же и тот кшатрий, кто не сложит оружия при наступлении мира, ненавистен всему живому; и в этом, и в ином мире суждена ему гибель».
*Такова в книге «Лесная» великой «Махабхараты» двадцать восьмая глава.*

ГЛАВА 29

Драупади сказала:
Для пояснения этого обычно излагают такое древнее преданье о беседе Прахлады с Бали, сыном Вирочаны. Спросил (однажды) Бали у деда своего, многомудрого Прахлады, Индры дайтьев и асуров, обретшего знание (различных) путей дхармы: «Есть у меня одно сомнение, дедушка; прошу тебя, разъясни мне толком, что лучше: смирение или же пламенность духа? О чем ты скажешь наверное, о знаток дхармы, что оно предпочтительней, тому я и буду всецело следовать, согласуясь с твоим указанием». И на просьбу (Бали) разрешить его сомнение его мудрый праотец, постигший правильное решение всех (вопросов), отвечал ему с исчерпывающей полнотой.

Прахлада сказал:
Вот две бесспорные истины, узнай их, сын мой: нехорошо во всех случаях проявлять пламенность сердца, нехорошо (также и) со всем смиряться. Человека неизменно кроткого постигают многие беды; свои же слуги, да и люди сторонние выказывают ему пренебрежение, и никто из живущих не уважает его; а потому мудрые,

о сын мой, осуждают постоянство в смирении. Слуги, (привыкнув) презирать такого (хозяина), впадают в бездну пороков; суетные умом, стремятся они завладеть его богатствами.

Вверит ли он на их попечение колесницу, одежды, украшения, ложа, сиденья, яства, напитки и любое другое добро — эти безумцы тотчас и присвоят, что им понравится; велит ли им хозяин передать что-либо в дар — то против воли его не передадут. И почитания, положенного хозяину, они: никогда не воздают ему; а ведь непочтительность, (как известно) всему свету, хуже даже смерти. С таким смиренником, сын мой, дети его, слуги, посыльные, да и посторонние люди (становятся) дерзки в речах.

Презирая исполненного кротости, они домогаются даже жен его, а жены, неразумные, ведут себя, как им заблагорассудится. Вечно предаются они развлечениям и чуть (отойдут) от супруга— (уже в грехе), достойном наказания, (уже) порочны; а от порочных (жен) — одна беда! Вот каковы, не говоря о многих других, изъяны, присущие тем, кто вечно кроток; теперь же, сын Вирочана, узнай, какие есть изъяны у тех, кто лишен кротости.

Если кто, обуянный лютостью, мощью пыла своего налагает (без разбору) всяческие кары и на правого, и на виноватого, то, одержимый вспыльчивостью, вступает он во вражду со своими друзьями, пожинает неприязнь всех людей, даже своих близких. И до того человека этого (доводит) гордыня, что он теряет свои богатства, встречает (повсюду) осуждение и презрение, (наживает) врагов, жаждущих ссоры, (ищущих) причинить (ему) боль.

Человек, который в гневе подвергает (без разбору других) людей различным карам, (весьма) скоро лишается власти, (разлучается) даже с родными своими и с (самой) жизнью. Того, кто обращает пламя своего гнева (равно) и на друзей, и на недругов, люди страшатся, как заползшей в дом змеи. А тот, кого все страшатся, может ли жить спокойно? Стоит только людям разведать, где его слабое место, как они непременно спешат причинить ему вред. Потому не должно давать много воли сердечному пылу, как не следует и оставаться неизменно кротким. Тому же, кто в подобающем случае кроток, а в другом, по необходимости, суров, поистине, уготовано счастье и в этом мире, и в ином.

Слушай, я подробно опишу тебе, в каких именно случаях (подобает являть) смирение; ты же не отклоняйся впредь от этих возвещенных мудрецами (правил).

Если тот, кто прежде сделал тебе добро, будет повинен перед тобой, (но) не слишком тяжко, надлежит простить ему его вину, (памятуя о прежнем) благодеянии. Подлежат прощению также люди, обидевшие тебя по невежеству своему; ведь никогда не был легким для человека путь к учености. Но таких извращенных умом негодяев, которые, совершив обдуманный шаг, выдают тебе его (потом) за необдуманный, следует уничтожать, как бы ни была вина их незначительна. Любой человек, впервые причинивший тебе обиду, должен быть прощен; но повторный проступок, пусть сколь угодно малый, заслуживает смерти.

(Мудрые) говорят, что если кто нанес тебе обиду, будучи в неведении, то надо это тщательнейшим образом проверить и, (если подтвердится), то простить его. Добротой побеждают слабость, добротой одолевают жестокость, для доброты нет недостижимого, а потому доброта — вернейшее (из средств). Следует сообразовываться с преимуществами своими и слабостями, а также с местом и временем; и время, и место надо тщательно выбирать; не к месту же и не ко времени ничего (предпринимать нельзя). Иногда, например, опасаясь народного (мнения), приходится и виновным даровать прощение. В таких вот описанных (мною тебе) случаях следует проявлять терпимость; при всех же иных обстоятельствах подобает, говорят, проявить свой гневный пыл.

Драупади сказала:
Полагаю, владыка людей, что пора обратить твой гневный пыл на завистливых, неуемных в злодействах сыновей Дхритараштры! Ведь (то, что содеяли) потомки Куру, не подходит ни под один из тех случаев, в которых можно проявить терпимость; это случай, когда нужно проявить гневный пыл, и тебе подобает дать волю неистовству гнева! Кроткого люди презирают, неистового — боятся; кто же, согласуясь с обстоятельствами, чередует эти два (образа действий) — тот (истинный) владыка земли!
*Такова в книге «Лесная» великой «Махабхараты» двадцать девятая глава.*

ГЛАВА 30

Юдхиштхира сказал:
Гнев — людям погибель, но он же им и защита; знай, многомудрая, что гнев — (в равной мере) корень и зла, и блага. Подавляющий в себе гнев, о красавица, достигает благополучия; кто же, о милая, не в силах постоянно его сдерживать, того неистовый гнев доводит до беды. Ведь известно, что именно гнев — основная

причина гибели живых существ в этом мире; может ли такой человек, как я, дать волю гневу, (зная, что это) грозит людям гибелью? В гневе человек способен на (любой) грех; в гневе может он убить даже духовных наставников; и даже тех, которые лучше его, оскорбляет он в гневе дерзкими речами.

Гневающийся совершенно не делает различия между тем, что дозволено говорить, а что — нет; для обуянного гневом не существует запрета ни на какое слово и ни на какое дело. В гневе человек поражает невинного, но воздает почести тому, кто заслуживает смерти; гневающийся сам себя направляет в обитель Ямы. Мудрецы, стремящиеся к величайшему, высшему благу и в этом, и в ином мире, прозревая все эти скверны, обуздывают гнев. А раз (люди), сильные духом, отвергают гнев, пристало ли таким, как мы, ему предаваться? Я осознал это, и потому ярость больше не закипает во мне, о Драупади!

Кто гневающемуся на него не отвечает гневом, тот и себя, и того, другого, избавляет от великой опасности; для обоих он как бы целитель. Если человек слабый и притесняемый людьми более сильными (будет столь) глуп, (что) выкажет им свой гнев, он таким образом сам себя бесповоротно погубит.

Тот же, кто таким путем губит свою душу, лишаясь души, лишается и всех (посмертных) миров. Потому-то и говорят, о Драупади: «Слабый да обуздает свой гнев!» Мудрый человек, если его притесняют, даже и будучи силен, не проявляет гнева; и этим он в ином мире притеснителя своего обрекает на гибель, сам же вкушает блаженство.

Потому и говорят, что мудрый человек, будь он слаб или силен, неизменно должен прощать (обидчика), даже когда (его) постигли беды. Святые, о Кришна (Драупади), воздают хвалы (тому, кто) в этой жизни (одержал) победу над гневливостью; человек благочестивый и
смиренный неизменно торжествует в этом мире — так полагают праведники. Истина выше лжи, доброта выше жестокости.

Гнев сопряжен со многими скверн ами, люди святые отвергают его — так может ли человек, мне подобный, дать ему волю, хотя бы и (грозила нам) смерть от руки Суйодханы?

Люди ученые, прозревшие сокровенное, считают бесспорным, что носителем духовного пыла можно поистине назвать лишь того, кто в душе остается чужд гневу. Обладателем духовного пыла мудрецы, постигшие истину, считают того, кто поднявшийся в нем гнев подавляет (могуществом) знания.

Одержимый гневом, о прекраснобедрая, не представляет себе толком, что от него требуется, не знает гневающийся, что ему должно делать, как подобает вести себя. Обуянный гневом казнит ни в чем не повинных, с дерзкими речами поднимает он руку даже на духовных наставников; потому гнев весьма далек от подлинных проявлений пыла. Человеку, одержимому гневом,
не дадутся легко достоинства, (присущие подлинному) пылу:
ловкость, решительность, стремительность и отвага.

Человек, отринувший гнев, проявляет свой пыл во всей полноте; гневливым же людям, (растрачивающим его на мелочи), о многомудрая, очень трудно бывает явить свой пыл в подходящее для того время.

Невежды, как правило, полагают, что гнев — это и есть
сердечный пыл. Однако качество лютости для того лишь и дано людям, дабы вести их к погибели. Потому человек правильного поведения должен всегда воздерживаться от гнева. Бесспорно ведь, что даже отступившийся от своей дхармы и тот лучше гневливого. Быть может, безумные глупцы и преступают все (установления), но такому ли (человеку), как я, пренебрегать ими, о беспорочная? Когда бы не являлись среди людей такие, которые смирением сравнялись с самой Землей, то не было бы меж людей согласия, (царил бы) один раздор, коренящийся в гневливости. Притеснителю воздавали бы притеснением, старшему отвечали бы ударом на удар — таким образом, все живое пришло бы к гибели и воцарилось бы беззаконие. На поношение всякий человек тотчас отвечал бы поношением, на удар — ударом, на мучительство — мучительством; отцы били бы сыновей, сыновья же отцов, мужья — жен, а жены — мужей. Поистине, в этом обуянном гневом мире, о Кришна, прекратились бы рождения, ибо рождение всей земной твари — знай, ясноликая, — зиждется на добром согласии. А в таком случае, о Драупади, быстро перевелась бы вся земная тварь. Потому и (сказано, что) злоба (существует) на беду и погибель всему живому.

Лишь потому, что являются в этом мире (люди), с самой Землею сравнявшиеся смирением, живые существа пока еще рождаются на свет и благоденствуют. Среди всех бедствий этого мира должен человек проявлять смирение, о красавица, ибо смирение указуется как (залог) рождений и благоденствия всех существ. Кто, будучи сильнейшим подвергнут поношению, бит и озлоблен, явит смирение, кто всегда, как мудрый и

благородный человек, обуздывает гнев, хотя и наделен могуществом, тот муж обретает вечные миры; гневливый же (человек) глуп, гибель ждет его и здесь, и по смерти.

Для пояснения обычно приводят здесь такую песнь о тех, кто неизменно хранит смирение, спетую некогда, о Кришна, исполненным смирения носителем духовного величия Кашьяпой:

«Смирение — дхарма, смирение — жертва, смирение — Веды, смирение — шрути; кто знает, что это так, обязан во всем проявлять смирение. Смирение — Брахман, смирение — истина, смирение — все, что и есть, и будет; смирение — подвижничество, смирение — очищение, смирением поддерживается (существование) Вселенной. Выше тех (миров), где (обитают) знатоки Брахмана, выше даже тех, где подвижники и где знатоки жертвенной обрядности, (лежат) миры, обретаемые смиренными! Смирение — пыл наделенных пылом, смирение — Брахман подвижничающих, смирение — истина преданных истине, смирение — даяние, смирение — слава».

Может ли человек, подобный нам, о Кришна, отвергнуть столь (дивное) смирение, в котором пребывают и Брахман, и Истина, и Жертва, и вся Вселенная, а также те миры, где после смерти блаженствуют смиренные (вместе с) совершителями жертвоприношений!
Так пусть же человек мудрый всегда проявляет терпимость: ведь всепрощающий приходит к Брахману.

Смиренным принадлежит этот мир, смиренным — же (мир) иной; здесь достается им почет, а там — благой (посмертный) удел. Тем людям, которые всегда искореняют злобу в себе смирением, (даруется посмертное) блаженство в наивысшем (из миров); а потому терпимость почитается высочайшею (из добродетелей). Таковы строфы о тех,- кто неизменно смиренен, пропетые Кашьяпой; вняв этим строфам всепрощения, успокойся, о Драупади, и впредь не гневайся.

Дед (наш, Бхишма), сын Шантану, (также) восхвалил бы смирение; наставник (Дрона) и Видура Кшаттри превозносили бы смирение; и Крипа, и Санджая (так же) призывали бы к миру. Сомадева и Ююцса, а с ними и сын Дроны, и дед наш Вьяса — (все они) неустанно призывают к миру. Думается мне, что побуждаемый ими к незыблемому миру царь отдаст (нам наше) царство; в противном же случае алчность приведет его к гибели.

Наступила для бхаратов грозная пора бедствий; давно уже предвидел я это, о красавица! Не дано смирение Суйодхане, ибо он того недостоин; я же — достоин, и смирение само снизошло на меня. Смирение и незлобивость — вот образ действий познавших Атман. Такова вечная дхарма. Я буду неуклонно следовать этому.
*Такова в книге «Лесная» великой «Махабхараты» тридцатая глава.*

ГЛАВА 31

Драупади сказала:
Я поклоняюсь Дхатри и Видхатри, повергшим тебя в заблуждение! Твой образ мыслей противоречит (характеру) предназначенных тебе испытаний и тому, как поступали твои отцы и деды! Праведность, незлобивость, смирение, честность и сострадательность еще никому из людей не принесли в этом мире славы. Разве иначе ты, о бхарата, не заслужив того, попал бы в столь тяжкую беду вместе со своими исполненными мощи братьями? Ведь никогда — ни прежде, ни теперь — не было для тебя, о бхарата, ничто на свете — даже сама жизнь —
милее дхармы. Брахманы, духовные наставники и даже боги признавали, что (одной лишь) дхарме служишь ты правлением своим и самой жизнью. Полагаю, что ты скорее покинул бы
Бхимасену с Арджуной, сыновей Мадри и меня, нежели отступил бы от дхармы. Слышала я от людей, что царя — хранителя дхармы сама дхарма за это охраняет. Однако не вижу я,
чтобы тебя она охраняла.

Как неотступно следует за человеком его тень, так разум
твой, о муж-тигр, всегда неуклонно тянулся к дхарме. Ни равным тебе, ни низшим, ни тем более высшим не выказываешь ты пренебрежения; овладев всей землей, ты все же не возрастил рога (гордыни).

О Партха, ты постоянно ублаготворяешь богов возглашениями «Сваха!», предков — возлияниями, дваждырожденных — (предписанными) почестями. Ты всегда, о Партха, удовлетворяешь все желания брахманов, будь то подвижники, смиряющие чувства, о бхарата, или те, что достигли освобождения, или (брахманы) домохозяева. Ты раздаешь лесным отшельникам медные сосуд» (с пищей); в доме твоем не сыскать ничего такого, что пожалел бы ты отдать брахманам. Той (пищей), что каждым утром и вечером при завершении обряда вайшвадева приносится (в жертву), ты потчуешь затем гостей своих и слуг, сам же питаешься остатками, о царь! (Ты) постоянно занят совершением всех, какие только есть, жертвоприношений:

и (бескровных) ишти, и приношений жертвенных животных, и жертв для исполнения желания, и приуроченных к случаю, и приношений вареного. Даже (теперь), когда ты, покинув свое царство, поселился в этом великом, безлюдном лесу, где бродят дасью, — не оскудело твое благочестие!

Ашвамедха, раджасуя, пундарика, госава — вот какие совершил ты великие жертвоприношения, сопровождавшиеся обильной раздачей даров. Не в своем уме ты был, о царь, когда в злой час поражения проиграл в кости царство свое, богатства, оружие, меня и братьев! Ты ведь честен, кроток, щедр, скромен и правдив — как же (случилось), что пал (столь низко) твой разум, увлеченный болезненной страстью к игре? Сознание мое меркнет, сердце разрывается от боли, когда вижу я тебя в этом несчастье, в столь великом бедствии!
Здесь обычно для пояснения излагают древнее предание, (свидетельствующее о том), что люди не вольны над собою, но подвластны Ишваре. Владыка Установитель от века зачал, испустив семя, все, что несет живым существам радость или горе, наслаждение или страдание. Как деревянная кукла движет своим телом (потому, что) ведома (нитью кукольника), так же, о царь, храбрейший из мужей, движут своими членами и эти создания.

Проникая, как пространство, (тела) всех существ, Ишвара устанавливает для них в этом мире благоденствие или злую участь, о бхарата! (Человек) скован, беспомощен, словно птица, схваченная силком; не хозяин он ни себе, ни другим, но пребывает во власти Ишвары. Как бусинка, надетая на нить, как бык с продернутой в носу (веревкой) , покоряется он воле Установителя, ибо из него сотворен, им направляем.

Никогда, ни на единый миг, не волен человек распоряжаться собой; он подобен дереву, рухнувшему с берега прямо в середину потока. Счастье или несчастье этого невежественного создания нимало от него не зависит; на небо ли идет он или в Нараку — то Ишвара его направляет. Как стебли травы отданы во власть могучему Ветру, так и все существа, о бхарата, покоряются воле Установителя. И на благородный поступок, и на грех — на все подвигает только он, Ишвара.

Проникая все существа, действует он в них, но (так, что) никто не заметит, (не скажет): «Вот он!». Это тело, называемое также «полем», — только орудие (в руках) Установителя; (пользуясь) им, Владыка вызывает совершение деяний, приносящих как добрые, так и дурные плоды.

Узри, сколь могущественна эта, сотворенная Ишварой майя; она обольщает самообманом умы живых существ, и они уничтожают друг друга. Одно виделось подвижникам, прозревшим сущность Вед; но все оборачивается совсем по-иному, (непредугаданно), как (сменяются) потоки ветра65. Ведь люди по-своему судят о тех или иных вещах, Бог же создает и пересоздает эти вещи по-своему.

Как недвижный, неодушевленный камень, кусок железа или дерева сокрушают другим камнем, куском железа или дерева, точно так же и Самосущий Владыка, Бог-Праотец, опутав людей обманом, истребляет их (руками) им же подобных, о Юдхиштхира! Как ребенок — игрушками своими, так Владыка играет живыми существами66: то сложит их, то разымет — как ему захочется. И относится Установитель к живым существам не как отец или мать, но как некто чужой, так что кажется, будто движет им только гнев.

Я вижу, как благородные, скромные, добродетельные томятся в нужде, а подлые благоденствуют; стоит мне только подумать об этом, и я теряю покой. Видя, как бедствуешь ты, о Партха, и как процветает Суйодхана, я обвиняю Установителя, допустившего такую несправедливость! Что за плод намерен он пожать, наделяя счастьем жестокого, алчного, ненавидящего добродетель, преступающего все законы арьев сына Дхритараштры? Если только (последствие) деяния ложится на того, кто совершил его, а не на кого другого, тогда такое дурное дело пятнает самого Ишвару! Ну а если последствия не настигают тех, кто творит дурные дела, то, значит, в этом мире основа всего — сила, и я горюю о тех, кто слаб.
*Такова в книге «Лесная» великой «Махабхараты» тридцать первая глава.*

ГЛАВА 32

Юдхиштхира сказал:
1 Мы (внимательно) выслушали произнесенную тобою изящную и образную речь, прекрасная Яджнясени! Ты излагаешь учение настиков.

Никогда, о царская дочь, не совершаю я действий с надеждой быть вознагражденным 69 за свое благочестие; но что должно отдать — отдаю, что следует принести в жертву — жертвую. По мере сил своих, о Кришна (Драупади), я исполняю все то, что надлежит делать человеку, ведущему свое хозяйство, (и не забочусь о том), принесет это свой плод или нет. Я следую благочестию, красавица, не ради плода, (приносимого)

благочестием, но лишь стараясь не нарушить (установлений) Вед и подражать образу действий праведников; поистине, о Кришна, сознание мое от природы утверждено в дхарме!

Не обретет плод благочестия тот, кто хочет доить дхарму,
(как корову), а также тот дурномыслящий, кто совершает действие, но сомневается (в существовании у него плода), будучи настиком. В безумии, в увлечении хулою не дерзни усомниться в (самой) дхарме, ибо человеку, усомнившемуся в дхарме, не миновать возрождения в зверином лоне. У того слабого духом (человека), кто смеет сомневаться в дхарме и в возвещенном святыми мудрецами, отнимается мир вечной юности и бессмертия, как у шудры — знание Вед. Кто рожден в славном роде, кто изучает Веды и предан дхарме, того цари., блюстители дхармы, (даже если он и молод), причисляют к высокочтимым старцам. Тот же слабый умом (человек), который сомневается в дхарме и преступает (заповеди) шастр, тот, поистине, хуже шудры, грешнее даже разбойника.

Своими глазами видела ты приходившего сюда богатого подвижническим пылом, необъятно-великого духом святого мудреца Маркандею; (следуя) дхарме, обрел он долголетие. Вьяса, Васиштха, Майтрея, Нарада, Ломаша, Шука и прочие благомыслящие святые мудрецы, (следуя) дхарме, стали «совершенными».

Ты сама воочию можешь видеть их, погруженных в волшебную йогу; в их власти проклясть (человека) или дать ему благословение; они выше даже самих богов. И вот эти, подобные бессмертным, умственным взором объявшие все Веды (святые мудрецы) издавна указывали мне, что (следование) дхарме есть мой (первейший) долг.

Не к лицу тебе, почтенная, чтобы ум твой помрачался лютостью; не пристало тебе подвергать сомнению, а также отрицать дхарму и самого Установителя. Усомнившийся в дхарме не признает ничьих сторонних свидетельств, доверяясь только собственному опыту, в обольщении гордыни презирает он даже тех, кто превосходит его (разумением).

«Все, что видится человеческому взору, предназначено для услаждения органов чувств» — исходя из этого, ввергается невежда в заблуждение и относительно всего прочего. Тому, кто усомнится в дхарме, вовеки нет искупления; за (одну) такую мысль злополучный грешник лишается миров. Отрицающий авторитеты, хулящий учение Вед и шастр, руководствующийся только похотью и алчностью глупец ввергается в Нараку. А кто не знает сомнений, исполнен решимости и предан одной лишь дхарме, тот уже в этой жизни, о почтенная, приобщается вечности.

Кто не принимает на веру возвещенного святыми мудрецами, кто не радеет о соблюдении (частных) дхарм, кто преступает все (заветы) шастр, тот глупец в (круговороте) рождений никогда не обретет благодати. Не подвергай же, о Кришна, сомнению дхарму, которой следуют умудренные, которую возвестили в древности всезнающие, всепроницающие святые мудрецы!

Поистине, о Драупади, дхарма — и только она — есть лодка, переправляющая на небо; так корабль перевозит купца на противоположный берег океана. Если бы дхарма, коей следуют ревнители благочестия, не приносила кармического плода, то весь этот мир, о беспорочная, погряз бы во мраке заблуждения.

Люди, сталкиваясь с необоримыми трудностями, не достигали бы нирваны, не обретали бы мирских благ, а образом жизни подобились бы скоту. Если бы труды подвижников, брахмачарья, жертвоприношения, возглашение Вед, даяния и честность не приносили своего плода, то зачем (мудрецы) древних и наидревнейших времен стали бы следовать благочестию? Когда бы действия не приносили плода, все это было бы чистейшей ложью. Зачем же тогда святые мудрецы, боги, гандхарвы, асуры, ракшасы и (великие земные) владыки столь ревностно следовали бы дхарме? Они следуют дхарме потому, что постигли: Установитель в этом мире наделяет плодами достойнейших и верных — такова вечная дхарма, о Кришна!

Дхарма всегда приносит свой плод, она не бывает бесплодной. Ведь мы воочию можем видеть и плоды знаний, и плоды подвижнических трудов. Вспомни только, о Кришна, что известно тебе о твоем рождении; подумай и о том, как рожден был могучий Дхриштадьюмна. Поистине, лучшего примера и не найти, о дева с ясной улыбкой! «Всякое деяние приносит свой плод», — (размышляя) так, (человек) сильный духом (в этой жизни) довольствуется и самым малым. А невежественные глупцы не довольствуются и многим. Зато после смерти не будет у них никакого (плода), взращенного дхармой: ни (доброй) кармы, ни блаженства (в небесных мирах).

Как вызревают (кармические) плоды дурных и добрых деяний, как они проявляются, как исчезают — все это тайны богов, о красавица! Нет никого, кто бы их постиг, род человеческий пребывает в заблуждении; богам подобает хранить свои тайны, а ведь боги владеют (могуществом) майи, (суть коей) сокровенна.

И только дваждырожденные, исполнители дивных обетов, жаром подвижничества иссушившие тело, испепелившие грехи, обретши ясность разумения, прозревают эти (тайны). Нельзя лишь потому, что плод тебе незрим, сомневаться в дхарме или в (существовании) Божества. (Чтобы обрести плод), следует только совершать жертвоприношения без малейших упущений и даяния без пристрастия.

«Всякое деяние приносит свой плод!», а также: «Эта дхарма вечна!» — вот что изрек Брахма своим сыновьям и прозрел святой мудрец Кашьяпа. Итак, рассей же, как туман, сомнения свои, о Кришна, признай: «Все (это) существует!» — и отвергни воззрения настиков! Не отвращайся от Установителя, Владыки всех существ, познавай его, поклоняйся ему; не (допускай впредь) подобных мыслей! Никогда не порицай, о Кришна, Верховное Божество, по чьей милости возлюбившие его смертные обретают бессмертие!
*Такова в книге «Лесная» великой «Махабхараты» тридцать вторая глава.*

ГЛАВА 33

Драупади сказала:
Я вовсе не принижала и не порицала дхармы, о Партха! Тем более могла ли я выказать непочтение Ишваре, Владыке существ! Знай, бхарата, я говорила так лишь потому, что страдала; слушай, как я снова поведу свою речь теперь, когда разум мой прояснился78.
Всякий, кто рождается в этом мире, обязан уже совершать действия, о губитель недругов! Ведь одни лишь недвижные (и неодушевленные) создания существуют, не совершая действий!

Подвижные же существа от момента, когда начинают сосать материнскую грудь, и до (смертного) ложа поддерживают свое существование деяниями, о Юдхиштхира! Человек же среди подвижных существ выделяется тем, о бык-бхарата, что посредством деяний сознательно стремится обеспечить свое существование и в этом мире, и по смерти. Все живые существа, о бхарата, знакомы с трудом (ради пропитания); (все они) кормятся ощутимыми, зримыми миру плодами своих деяний. Для меня очевидно, что все одушевленные существа, включая Дхатри и Видхатри, живут (плодами) собственных усилий, подобно вот этому журавлю, (ловящему рыбу) в (речной) воде.

Исполняй же долг свой, не ослабляй усилий, деяния твои да будут тебе бронею! Но вряд ли найдется и на тысячу один такой человек, который знал бы, как именно следует действовать. Да (уяснит себе) каждый, что его долг — действовать ради приумножения и сохранения (своего достояния), ибо, если только наслаждаться им, не приумножая, (оно) исчерпается, (будь) даже (огромно, как) Химаван.

Если бы живые существа не совершали действий, то все они погибли бы. Видано ли, чтобы усилия людей не приносили плода? Тогда никто в этом мире вообще не мог бы поддерживать свое существование.

Кто в этом мире полагается на (благосклонность) судьбы, а также тот, кто проповедует, (что все определяет) случай, — оба отверженцы; хвалы же достоин тот, кто обратил помыслы к деятельности. Тот, кто, ожидая (благосклонности) судьбы, не (желает даже) пошевелиться и забывается сладким сном, гибнет, превеликий глупец, словно необожженный сосуд,
(упавший) в воду. А у того, кто верит в случай и, будучи способен (действовать), сидит, бездействуя, недолог век, как у человека слабого и не имеющего защитника.

Когда невесть откуда приходит к человеку какое-либо благо, (люди об этом) судят: «То произвол случая», ибо никто не прилагал к этому усилий. А когда человек обретает нечто
предопределенное ему божественным установлением, то об этом думают: «Судьба»! Если же человек ценою собственных усилий обретает явный, зримый оком плод, то об этом говорят:
«Человеческое деяние». Другой же, живя согласно природе своей, обретает блага без всякой (видимой) причины; знай, лучший из людей, что такой плод (зовется) «обусловленным
природою». (Но) всякий плод, который таким образом достается человеку благодаря судьбе, случаю, природе или собствен ным стараниям, есть плод его прежних деяний!

Ибо сам Установитель, Ишвара, (учитывая) множество разнообразных причин, устанавливает людям их личную карму, наделяя их плодами прежде совершенных деяний. И что бы ни содеял
человек, дурное или доброе, — знай, что это лишь стал явным по воле Установителя плод его прежних деяний. Это тело — лишь орудие Установителя для совершения тех или
иных действий; как он движет (человеком), так тот, лишенный собственной воли, и действует. Предопределив всем живым существам совершение тех или иных деяний, Великий Бог побуждает их, не властных над собою, действовать, о Каунтея!

В уме поставив определенные цели, мудрый человек затем достигает их, совершая действия; и здесь он сам выступает как причина заранее намеченного (свершения). Деяний же (людских), о муж-бык, поистине, невозможно исчислить; ведь все великолепие дворцов и градов — тоже дело (рук) человеческих!

Мудрый собственным разумом уясняет, что из сезама (можно добыть) масло, от коровы — молоко, из сухого дерева — огонь; (осознает он) и какими средствами все это достигается. Затем ради достижения цели применяет он эти средства; и благодаря успешному существлению деяний люди поддерживают свое существование в этом мире. То, что сделано
искусным мастером, (люди) почитают прекрасным; об (ином), основываясь на (качественном) отличии, судят: «Это (сделано) неумело». Когда бы не был сам человек причиной достижимых деяниями свершений, тогда не приносили бы плода жертвы и деяния благочестия, не было бы среди людей ни учеников, ни наставников. Ведь именно потому, что сам человек — деятель, (люди) славят его, когда он добивается успеха в делах, и порицают при неудаче. Как могут деяния в этом мире пропадать втуне?

Одни видят во всем произвол случая, другие — судьбу, третьи — результат личных усилий; таковы три (основных) объяснения. Другие же полагают, что это не так, но что все, (воспринимаемое нами как) судьба или случай, есть (результат) сокровенного (влияния кармы); ведь мы видим, что и судьба, и случай устанавливают пределы нашего благополучия (то есть играют ту же роль, что и карма). Люди опытные и проникшие в суть вещей считают, что если дается человеку какой-либо плод, то это или судьба, или случай, или же (результат) собственных деяний, а четвертой причины не существует.

При этом Установитель наделяет все живые существа желанными или нежеланными плодами (прежних деяний); не будь это так, не было бы среди живых существ ни одного несчастного. Ведь если бы не было (груза) прежних деяний, то к какой цели ни устремись человек, действия его всегда приводили бы к успеху. Люди, не видящие, что лишь этими тремя путями приходят к людям как успех, так и неуспех, поистине, подобны мирской черни.

«Долг (человека) —действовать» — таково установление Ману; ведь бездеятельный человек неизбежно погибает. Тот же, кто действует, обычно уже в этой жизни сполна пожинает плоды своих деяний, что не дано вовек предающемуся лени. Если успех не достигнут, то предписывается (такое) средство, (как) обряд искупления; кроме того, совершая действия, (даже не приносящие успеха), человек тем самым избавляется от долга, о Индра царей!

Ленивого, погруженного в дрему преследуют несчастья, а человек умелый неизменно вкушает плоды (своих действий) и наслаждается благополучием. Люди, избавившиеся от сомнений, мудрые и деятельные, удерживают (от действий человека), исполненного неуверенности и тем самым обреченного на неудачу, но (поощряют) человека решительного.

Ныне нас преследуют бедствия, но они, несомненно, окончатся, как только ты начнешь действовать. Придет к вам успех или нет, но (все равно) покроетесь славой и ты, и Врикодара, и Бибхатсу, и братья-близнецы. Раз у других людей деяния приносят плоды, то же (должно быть) и с нами; каким же будет плод, узнать можно лишь тогда, когда дело уже сделано.

Разрыв землю плугом, пахарь разбрасывает семена, а потом сидит себе спокойно: дело теперь за облаками. Если же дождь не снизойдет к нему, то пахарь в этом неповинен. «Все сделал я в точности так, как сделал бы и другой; если же (усилия) мои остались бесплодными, то в этом нет моей вины»,— сознавая это, разумный человек не винит себя. Не следует, подумав: «Я действую, но не добиваюсь успеха», впадать в отчаяние; ведь у всякого действия есть два (возможных исхода): успех или неуспех; бездействие же, наоборот, (всегда ведет лишь к неудаче).

Успех дела зависит от совокупного наличия многих условий; не будет одного из них — и плод (действия) ничтожен, а то и вовсе нет его; когда же делу и начала не положено, то нет ни плода, ни (какой-либо) заслуги, о неколебимый! Мудрый (человек), руководствуясь разумом, дабы возрастить (свое достояние), умело использует благоприятность времени и места, добрые знамения и (все четыре) средства по мере своих сил и возможностей. Действовать следует с полным усердием, а наставником (да будет) решимость, ибо из всех характеристик деяния решимость — наивысшая.

Если встречает мудрый человека, имеющего многие перед ним преимущества, то пусть стремится он к обретению блага для себя посредством сладких речей, (но в то же время) и действует против него. Будь (его враг) даже горой или океаном, не говоря уже о смертных существах, — пусть он всегда ищет ему всяческого вреда и погибели, о Юдхиштхира! Кто неустанно занят выискиванием слабых мест у своих недругов, тот

человек избавляется от долга перед самим собой и другими. Никогда не должен человек недооценивать себя, ибо тот, кто себя презирает, вовек не достигнет благополучия, о бхарата!

Вот на чем основывается успех людей (в их делах), о бхарата! О средствах же достижения его сказано, что они варьируются сообразно времени и обстоятельствам. Отец мой некогда поселил (у себя одного) ученого брахмана; он и поведал сию (науку о) пользе отцу моему и нам, о бык-бхарата! Сначала обучил он этой, Брихаспати возвещенной науке политики84 моих братьев; я же, пока жила в (отцовском) доме, (часто) слушала, как они об этом говорили. Если же случалось мне прийти к отцу с какой-либо своей заботой, он, дабы успокоить, наставлял и меня, а я сидела у отца на коленях и слушала, о Юдхиштхира!
*Такова в книге «Лесная» великой «Махабхараты» тридцать третья глава.*

ГЛАВА 34

Вайшампаяна сказал:
Выслушав речь Яджнясени, исполненный гнева и решимости Бхимасена приблизился к царю и, (тяжко) вздыхая, сказал:

В (делах, касающихся) царства, следуй стезею долга, как подобает мужу праведному. Что (пользы) нам жить в этом отшельническом лесу, отрешившись от (трех целей жизни): дхармы, камы и артхи? Не честностью, не праведностью, не силой, но только благодаря мошенничеству в игре отнял у нас наше царство Дурьодхана. Как слабосильный, объедками питающийся шакал похищает добычу могучих львов, так похитил он наше царство! Почему ты, связавши себя (обещанием соблюсти) малую крупицу дхармы, презрел (заботу об) артхе, в коей корень и дхармы, и камы, и страдаешь в лесной глуши (от всяческих неудобств)?

Наше царство, охраняемое Владетелем лука Гандива, не смог бы отнять у нас и сам Шакра, но мы послушались тебя, и вот похищено оно у нас на глазах! Только из-за тебя при жизни нашей похитили у нас наше царское могущество, как у безрукого — еду, как у хромого — стадо! Только для того, чтобы угодить тебе, одержимому любовью к дхарме, подвергли мы себя столь тяжким лишениям, о бхарата! Покорившись твоей воле, друзьям своим причиняем мы только муку, врагам же даем повод для ликования, о бык-бхарата! Плохо сделали мы — и теперь сожалеем об этом, — что подчинились приказу твоему и не перебили тогда всех сынов Дхритараштры!

Посуди сам, о царь, ведь образ жизни, (избранный) тобою, годится разве что лесным зверям да людям, лишенным мужества; не станет жить так тот, кто обладает силой. Не одобряют этого ни Кришна, ни Бибхатсу, ни Абхиманью, ни Сринджая, ни сам я, ни оба сына Мадри. Ты изнуряешь себя обетами и неустанно (возглашаешь): «О дхарма! Дхарма!» — царь, неужели отчаяние сделало тебя бесполым существом? Ведь только жалкие люди, неспособные добыть себе славу, ищут отрады в бесплодном и всеразрушающем отчаянии.

О царь, ты силен и сознаешь свою мощь; но, будучи, проницателен, ты все же словно бы не замечаешь (постигшей нас) беды, ибо всецело предан незлобивости. А сыновья Дхритараштры всю нашу терпимость и добронравие приписывают нашей слабости — (в сравненье) с этим и смерть в бою не (кажется) бедою! Раз так, во всех отношениях лучше будет нам умереть, честно сражаясь, не отступая (перед врагом), и обрести по смерти (небесные) миры; а если мы сами их перебьем и завладеем всею «(царской) коровой», то покроем себя славой, о бык-бхарата! При любых обстоятельствах это наш долг, ибо, следуя своей дхарме, мы должны искать себе громкой славы и лелеять отмщение (врагам). Царство наше похищено врагами, и, вступив в бой за свое добро, мы удостоимся по делам своим хвалы, а не порицания.

Долг, приносящий самому (человеку) и друзьям его страдания, — это не долг, о царь, или долг неистинный, подлинно путь к погибели. Человек может быть всецело и неизменно предан долгу, но если нет у него сил для его осуществления, тогда дхарма и артха ускользают от него, словно радость и горе — от умершего.

Кто следует дхарме ради самой лишь дхармы и терпит страдания, тот не мудр, не ведает он сути дхармы, как (не видит) слепой солнечного света. Кто стремится к артхе ради самой лишь артхи, тот не смыслит в артхе; поистине, он (со своим богатством) подобен слуге, стерегущему (хозяйский) лес. Кто чрезмерно печется об артхе, но не следует двум другим (целям), такого все живые существа должны предавать смерти, как ненавистного брахманоубийцу. А тот, кто стремится к одной лишь каме, не следуя двум другим (целям), теряет (всех) своих друзей, ускользают от него дхарма и артха. Отлученный от дхармы и артхи, предается он по прихоти своей увеселениям, но стоит только исчерпаться каме — и ждет его верная гибель, как рыбу в пересохшем водоеме.

Потому мудрые никогда не пренебрегают ни дхармой, ни артхой, ибо это они порождают (блага) камы, как (дощечка) арани (порождает) пламя. Всегда дхарма порождает артху, артха же способствует дхарме; знай, что одно из них порождает другое, как (порождают друг друга) океан и облака. Наслаждение, возникающее при обретении житейских благ или от прикосновения к ним, есть кама; оно представляется чисто мысленным, не имеющим в себе ничего телесного.

Стремящийся к артхе (пусть) идет (путем) высокой дхармы, о царь, стремящийся к каме — (путем) артхи; и только (путь) камы не приводит ни к чему другому. Ведь кама не может породить даже другую каму в качестве шлода, ибо плод вкушенный (не возрождается), от (сожженного) полена остаются лишь запах да угли.

Как мясник истребляет птичек, о царь, так да будет проявление беззакония гибельно для (повинных в нем) существ!
Глупца, который из любострастия и жажды обладания презрел стезю дхармы, все живые существа должны предавать смерти как здесь, так и в ином существовании.

Тебе хорошо известно, о царь, что артха состоит в обретении мирских благ. Ты знаешь, какова ее природа и сколь велики (присущие ей) превратности. одряхление и отмирание приходят ей погибель и уничтожение, а зовется это анартхой; именно это и случилось с нами. Наслаждение, возникающее, когда пять чувств, душа и сердце обращены на внешний объект, зовется камой, и это, на мой взгляд, прекраснейший из плодов человеческих деяний. Итак, человек может по отдельности мыслить себе и дхарму, и артху, и каму, но он не должен посвящать себя исключительно дхарме, исключительно артхе или же только каме — пусть всегда служит он всем (этим целям)!

Пусть на заре посвятит себя дхарме, в полдень — богатству, в конце дня — каме, пусть так проводит свой день; таково установление шастр. И пусть он в юности посвятит себя каме, в зрелости — артхе, в старости — дхарме; так пусть живет согласно установлению шастр. Распределив свое время между дхармой, артхой и камой, о красноречивейший, мудрец, знающий для всякого дела правильный срок, да
служит всем этим (целям)!

Твердо решив (сперва), что для стремящегося к счастью (составляет) подлинное благо: освобождение ли (от мира) или преуспеяние (в нем) и какие есть средства (к достижению того и другого), о царь, потомок Куру, следует незамедлительно приступить к деятельности, (ведущей к) освобождению, или же достичь преуспеяния; ибо бедственна жизнь (человека) слабого, колеблющегося между (двумя путями).

Поистине, ты сознаешь (свою) дхарму и неуклонно следуешь ей; знают тебя друзья твои, (потому и) призывают на стезю деятельности.
Даяния, жертвы, воздание почестей праведникам, поддержание Вед и честность — такова высокая дхарма, о царь, приносящая свой плод и здесь, и по смерти.

Но не может следовать ей (человек), лишенный достатка, о царь, хотя бы и был он, о муж-тигр, в избытке наделен всеми прочими достоинствами. На дхарме основана вселенная, выше дхармы нет ничего; но только обладая большим достатком, можно следовать дхарме! Вовеки не дастся богатство (человеку), живущему подаянием или же лишенному мужества, о царь; (оно доступно) только тому, чей разум проникнут дхармой.

Да и не положено тебе просить милостыню; (пусть) этим (путем) идут к цели дваждырожденные; ты же, о муж-бык, старайся (ратным) пылом своим обеспечить себе достаток! Не пристал тебе образ жизни нищенствующего странника, а равно вайшьи или шудры; ведь отличительная дхарма кшатрия заключена в его телесной мощи!

Мудрецы и ученые называют дхарму «возвышенной»; стремись же к возвышенному, тебе не годится (пятнать) себя низким! Осознай, о Индра царей, пойми, что (частные) дхармы извечны; по рождению твоему суждено тебе вершить жестокие деяния, устрашающие людей.

Плод, который ты пожнешь, защищая свой народ, не может быть достойным порицания; ведь такова, о царь, извечная дхарма, назначенная тебе Установителем. Отступив от нее, ты стал бы посмешищем для всего света, о Партха, ибо непохвально, когда люди изменяют своей дхарме. Исполни же сердце (духом) кшатры, отринь эту душевную вялость, наберись мужества, Каунтея, и неси свое бремя, как привычный к тяжести ( могучий бык).

Если царь устремлен всей душой к одной только дхарме, не  покорит он земли, не добудет себе ни достатка, ни славы. (Царь) добывает царство, как дикобраз — пропитание, хитростью: предоставляя бесчисленным,

алчным, жаждущим поживы, ничтожным (врагам свой длинный) язык. Асуры были старшими братьями богов и достигли во всем невиданного благополучия; но хитростью, о бык-Пандава, все же одолели их боги. Знай, о владыка земли: все (достается) тому, за кем сила; истребляй же врагов своих, о мощнодланный, прибегая к ловкому обману.
Не найдется на свете воина, который так же владел бы луком на поле брани, как Арджуна!

Никто из людей не сравнится со мною в битве на палицах! Даже самые могучие воины, о царь, побеждают в бою не числом и не упорством, но доблестью; будь же доблестен, Пандава! Доблесть — единственный залог обретения житейских благ, все прочие (средства) тщетны и бесполезны, как древесная сень в зимние холода.

Да будет для тебя несомненным, что, кто ищет большего достатка, должен жертвовать (некоторыми) благами, о Каунтея, наподобие (того, как приходится жертвовать) зерном (ради будущего урожая). Не стоит вести торговых дел, если доходы равны расходам и нет никакой прибыли; ведь это (все равно что) скрести острым (там, где чешется). Мудрым почитают того человека, который, пожертвовав малой долею дхармы, обретает, о Индра людей, дхарму великую.

Люди сведущие, (имея перед собою) врага, окруженного друзьями, отдаляют от него этих друзей, а затем, слабого, покинутого отколовшимися друзьями, подчиняют его своей воле. Даже самый могучий (воин), о царь, достигает победы не напряжением сил и не льстивыми речами, но доблестью; ею покоряет он весь народ. (Люди), пусть слабые, но дружно разящие со всех сторон могучего врага, способны одолеть его, как пчелы — похитителя меда.

Солнце лучами своими не только лелеет всю земную тварь, но и пожирает ее; будь же как Савитар, о царь! В древнем предании, слышали мы, сказано: по закону хранить свою землю, как делали праотцы наши, — вот (истинный) тапас! Видя тебя в такой беде, люди решили уже, что Солнце (также) может лишиться блеска, а месяц — своей прелести. Сходясь по двое или большими собраниями, (люди) ведут беседы, восхваляя тебя, о царь, и кляня твоего противника. Те же брахманы и духовные наставники, что собрались здесь, всех превосходят в восторженных описаниях приверженности твоей истине, о царь, явственной из того, что никогда — ни по неведению, ни из сострадания, ни из корысти, ни из страха, ни под влиянием страсти, ни ради благ мирских — ни изрек ты ни слова лжи.

Какой бы грех ни совершил царь при овладении землей — он искупит это впоследствии, совершая жертвоприношения с обильными дарениями. Даруя брахманам тысячами коров и деревни, он избавляется от всех прегрешений, как месяц — от мрака затмения. Жители городов и сел, стар и млад, дружно возносят хвалу тебе, о Юдхиштхира, потомок Куру! «Не пристало быть молоку в бурдюке из собачьей шкуры, не для шудры — знание Вед, не к лицу вору — правдивость, женщине — сила; так и царская власть — не для Дурьодханы!» — вот что без устали повторяет народ; даже дети и женщины твердят это, как молитву, о бхарата!

Взойди же на свою изобильно снаряженную колесницу, повели брахманам неустанно возглашать (мантры), приносящие удачу, а сам в окружении братьев — метких лучников, знатоков оружия, чей боевой пыл жгуч, как змеиный яд, — словно Губитель Вритры в окружении марутов, сейчас же спешно выступай (в направлении) к Городу слона. Мощью ратного пыла вогнавши в землю врагов своих, вырви, могучий Каунтея, (из рук) сына Дхритараштры, как Губитель недруга — у асуров, свою царскую славу! Касания стрел, выпущенных из Гандивы, одетых перьями грифа, подобных ядовитым змеям, не в силах вынести никто из смертных! Ни человек, ни слон, ни добрый конь — никто не выдержит удара палицы, который в гневе я (обрушу) на него средь битвы, о бхарата! Как можем мы не отбить свое царство, о Каунтея, когда на нашей стороне ж сринджаи, и кекаи, и сам владыка вришнийцев?!
*Такова в книге «Лесная» великой «Махабхараты» тридцать четвертая глава.*

ГЛАВА 35

Юдхиштхира сказал:
Это очевидная истина, о бхарата! Как стрелами, разя словами, меня ты сокрушаешь, но мне нечего возразить на твои упреки, ибо сам я довел вас до этой беды. Ведь я вовлекся в игру потому, что желал отнять у сына Дхритараштры власть и царство; тогда-то сын Субалы, бесчестный игрок, и (получил возможность) играть против меня на стороне Суйодханы.

Великий кудесник, житель гор Шакуни, бросая горстями кости в Зале собрания, то и дело против (меня), чуждого козням, играл с помощью (злых) чар — и тогда я заметил обман, о Бхимасена! Видя, как кости, повинуясь воле Шакуни, являют то чет, то нечет, я был еще способен сдерживаться, но ведь гнев губит душевное равновесие людей! Милый мой, ведь душа, приверженная доблести, гордости и мужеству, не в

силах обуздать себя! Но не в обиду мне слова твои, о Бхимасена, ибо думается мне, что так нам было предопределено.

Царственный сын Дхритараштры, восхотев (овладеть) царством, поверг нас в эту беду; в рабов он обратил нас, о Бхимасена, но тут защитницей явилась нам Драупади. И ты, и Дхананджая — оба вы помните, какую единственную ставку назвал мне сын Дхритараштры в присутствии всех бхаратов, когда мы явились в Собрание для повторной игры: «Двенадцать лет, о Аджаташатру, живи по своему усмотрению в лесу, не таясь (от людей); еще год, о царский сын, с братьями вместе (живи) неузнанным, сокрывшись в (чужом) обличье; если же, дорогой мой, соглядатаи бхаратов, прослышав о тебе, разведают твое местопребывание, будешь скитаться еще столько же лет; решайся, Партха, и обещай нам это! Проживешь это время так, что оставишь (людей) моих в неведении и не будешь замечен соглядатаями, о бхарата, тогда — честно о том объявляю я здесь, в Собрании (рода) Куру, — твоим будет все Пятиречье! Если же мы с братьями тебе проиграем, то в должный час, оставив житейские радости, сами станем так жить!»—вот что сказал мне некогда царь (Дурьодхана) при всех (собравшихся) куру; и я ответил: «Пусть так!»

Тогда и началась эта недостойная игра, принесшая нам поражение и изгнание. И вот мы, в жалком обличье, скитаемся: по (разным) странам, по гиблым лесным чащам. Но и (теперь) не желает Суйодхана возврата к миру; пребывая во власти гнева, возбуждает он (против нас) потомков Куру и всех, кто подвластен ему. Кто в этом мире посмеет, заключив в присутствии благочестивых (мужей) такой договор, нарушить его и» стремления к царской власти? Я полагаю, что благородному лучше умереть, нежели, преступивши дхарму, править землей.

Во время игры ты сжимал (в руках) палицу, ты хотел сжечь мне руки, но удержал тебя Пхальгуна; а ведь соверши ты тогда тот геройский подвиг — разве постигла бы нас эта беда, о Бхима! Почему, будучи уверен в своей силе, не сказал ты мне о том прежде, когда мы заключали договор? Что же толку теперь, когда настало наконец время (исполнить обещанное), быть тебе со мной столь многоречивым?

Снова и снова берет меня тоска, о Бхимасена, жжет, словно
выпитый яд, (воспоминание о том), что, видя силой влекомую Яджнясени, мы стерпели это, о Бхима! Теперь, исполнив то, что было мной обещано в присутствии отважных потомков Куру, я не в силах (что-либо изменить), о храбрейший из бхаратов! Но (придет час нашего) торжества, жди его, как сеятель — созревания плодов.

Если тот, кого подло притеснили, дождется, пока взойдут цветы, (вызреют) плоды (посеянной врагом) ненависти, то мужество его вознаградится высшей мерой: (память) о герое не умрет в мире живых. Обретет он у людей великую славу; думаю, что и враги воздадут ему хвалу, друзья же с любовью окружат его заботой, будут жить под началом у него, как божества — у Индры. Внемли же искреннему заверению моему: мне дхарма дороже и жизни, и бессмертия; царская власть, потомство, богатство и слава не стоят все и крупицы дхармы.
*Такова в книге «Лесная» великой «Махабхараты» тридцать пятая глава.*

ГЛАВА 36

Бхимасена сказал:
Великий царь, заключая (этот) договор, (ты заключил его) со Временем, а между тем оно бесконечно, неизмеримо, губительно, как стрела, как поток, уносящий все (в небытие). Воочию видишь (ты сам, каково) Время: смертный — весь во власти Времени, (недолговечен), как морская пена или (перезрелый) плод, о великий царь! Может ли, о Каунтея, (человек), срок жизни которого сокращается с каждым мигом, как •сурьмяный шарик (под прикосновениями) иглы, может ли он выжидать чего-то? Лишь тот, кто бессмертен, или тот, кому ведом (отпущенный) ему срок, может, видя все, как на ладони, дожидаться (благоприятного) случая.

Пока мы будем, о царь, выжидать истечения тринадцатилетнего срока, Время может сократить наши жизни и ниспослать нам смерть. Ведь умирание неизменно заключено в самой природе телесных существ. Потому мы должны, пока не (пришла нам) смерть, посвятить «ебя борьбе за царство.

Кто не обретет славы, отомстив за свои обиды, кто не проявит себя, тот (человек), зря обременяющий собою землю, гибнет, словно бык, (увязший в болоте). По мне, коль человек не воздает за обиду, недостает ему на то усердия и доблести, (значит), бесплодным было рождение его, в недобрый час рожденного. Сражая в битве недруга, ты наслаждаешься богатством, добытым (мощью) рук твоих; потому и идет молва о тебе как о «златоруком», о владыка земли! Если человек, сразивши обидчика своего, попадает тотчас же в Нараку, то

(ад) для него превращается в рай, о царь, губитель врагов! (Бессильное) негодование рождает муку, более жгучую, чем пламя; она-то и томит меня (так), что ни ночью, ни днем я не знаю покоя.

Вот Партха-Бибхатсу, первый в (умении) напрягать тетиву; сидя (здесь), жестоко томится он, словно лев, (вынужденный затаиться) в своем логове. Тот, кто не счел бы для себя неравным (бой) со всеми лучниками земли, (должен теперь), словно могучий слон, обуздывать кипящую в нем ярость. Накула, Сахадева и старая мать, породившая героев, сидят (здесь молча), будто онемели, лишь потому, что желают угодить тебе! Все родичи наши и с ними сринджаи желают угодить тебе; я один лишь терзаюсь горем, я и мать Прativиндхьи! Но то, что я говорю, по душе всем (нашим), ибо всех (нас) постигло горе и все (мы) равно жаждем битвы.

Может ли быть, о царь, беда, злее нашей: ведь слабые, недостойные (люди), отняв (у нас) царство, наслаждаются властью! По слабости характера, по незлобивости своей поддался ты состраданию и претерпеваешь все эхи муки, но никто не одобряет тебя в этом, о царь! Как мог ты, жалостливый, словно брахман, обресть рождение во кшатре, в сем лоне, которое порождает лишь суровых духом (героев) ?

Ведь ты слышал, что сказал Ману об обязанностях царя: они требуют жестокости, коварства и несовместимы с душевным покоем. Ты наделен разумом, мужеством, знаниями и благородством происхождения — почему же, когда необходимо действовать, о муж-тигр ты сидишь себе, словно калека на своей тележке?

Ты хочешь сокрыть нас (от людей), о Каунтея, — значит, ты хочешь укрыть гору Химаван одной щепоткой травы! Тебе, прославленному по всей земле, нельзя прожить тайно, неузнанным, как Солнце (не может незамеченным пройти) по небу. Подобный высокому, ветвистому, цветущему, густолиственному дереву шала, (стоящему) в речной долине, подобный белому слону, может ли прожить неузнанным Джишну? А эти юные братья-близнецы, подобные двум львам, Накула и Сахадева, — как смогут прожить (неузнанными), о Партха? Эта царская дочь и мать героев, знаменитая своим благочестием, прославленная Кришна-Драупади, — как сможет она прожить неузнанной, о Партха? Да и меня со дней отрочества моего хорошо знает наш народ, о царь; полагаю, что, как горе Меру не спрятаться, так и мне не остаться неузнанным.

К тому же немало царей и сыновей царских, которых мы прежде изгнали из их владений, следуют теперь за Дхрита-раштрой. Ведь они, (прежде) изгнанные (нами), не примирятся с нами (теперь), когда мы сами подвергаемся притеснениям; состоя в дружбе с ним, они считают своим долгом всеми способами чинить нам вред. Они могут наслать на нас множество тайных лазутчиков; найдут нас, (все) разгласят, и будет нам тогда великая беда.

Целых тринадцать месяцев провели мы уже в лесу; считай же их по длительности равными годам! «Можно считать месяц за (год), как (можно) путикой (заменять) сому», — говорят мудрецы; так и следует делать! В крайнем случае, о царь, ты сможешь очиститься от греха всего лишь тем, что поднесешь обильный дар доброму, сильному в тягле быку. Потому подобает тебе, о царь, решиться на истребление врагов; ведь у кшатриев нет иного долга, кроме ратных дел!
*Такова в книге «Лесная» великой «Махабхараты» тридцать шестая глава.*

ГЛАВА 37

Вайшампаяна сказал:
Выслушав речи Бхимы, муж-тигр, сын Кунти Юдхиштхира, гроза недругов, тяжко вздохнул и предался раздумью. Размыслив (все), казалось, за один миг, он принял твердое решение
о том, что надлежит делать, и без промедления так отвечал Бхимасене:
«Все так, как ты говоришь, о мощнодланный бхарата! Но выслушай, мастер речей, как я поведу речь иную. Кто, полагаясь только на свою силу, о бхарата, совершает действия, (чреватые) тяжкими грехами, тот сам от них и страдает, о Бхимасена! Если дело тщательно продумано, взвешено, предпринято с решимостью и исполнено с усердием, о мощнодланный, оно увенчивается успехом; благословляют его боги. От одной лишь своей непоседливости, побуждаемый обольщением силы, ты мнишь: «Надо свершить этот подвиг». Так выслушай же меня.

Бхуришравас, Шала, Бхишма, Карна, могучий Джаласандха, Дрона, могучий сын Дроны, сыны Дхритараштры во главе с Дурьодханой — все они искусны во владении оружием, готовы разить насмерть; трудно (будет) совладать с ними. Те цари, земные владыки, кого (прежде) мы притесняли, все они встали теперь на сторону кауравов, к ним воспылали дружбой.

Не о нашем благе радеют они, а о благе Дурьодханы, о бхарата; располагая богатой казною и воинской силой, они не пожалеют сил для его защиты. Все воители в стане кауравов с сыновьями их, полководцами и

ратниками в полной мере одарены богатством и житейскими благами; безмерно льстит гордости этих героев Дурьодхана; я твердо убежден, что (за него) они не пожалеют отдать жизнь на поле брани.

Бхишма, Дрона и великий духом Крипа и к нам, и к ним расположены равно, о мощнодланный; но, как бы то ни было, те дают им поистине царское содержание, и поэтому, я убежден, они готовы отдать (взамен) то, что всего дороже, — собственные жизни. Все они искусно владеют волшебным оружием, все преданы дхарме; думается мне, что не смогли бы одолеть их сами боги вместе с Васавой. Карна, великий колесничный боец, всегда бодр духом, неукротим; знаток всех видов оружия, неуязвим он и к тому же облачен в непробиваемый панцирь.

Чтобы сразить Дурьодхану, нужно прежде одолеть в битве всех этих достойнейших мужей; не по силам свершить это тебе одному, без соратников. Глаз сомкнуть не дает мне, о Врикодара, мысль о том, как проворно (владеет оружием) Сын суты, превзошедший в этом всех лучников!»
Выслушав эту речь, неукротимый Бхимасена смутился, пал духом и не смог ничего ответить. Но пока двое Пандавов вели меж собою беседу, явился (туда) великий чародей Вьяса, сын Сатьявати. С соблюдением всех правил приблизился он к Пандавам, принял от них ответные почести и обратился, превосходнейший из собеседников, к Юдхиштхире с такими словами:
«О муж-бык, мощнодланный Юдхиштхира! (Данной мне) мудростью, прозрел я, что происходит в душе твоей, и тотчас же поспешил сюда. Смущает душу твою робость перед Бхиш-мой, Дроной, Крипой, Карной и сыном Дроны, о бхарата, губитель недругов! (Я знаю одно) обычаем освященное средство развеять твои (опасения); но то, что услышишь, осуществи на деле со всею твердостью».

Затем искусный в ведении беседы сын Парашары, уединившись с Юдхиштхирой, сказал ему такие, (глубокого) смысла исполненные слова:

«Представился наконец благоприятный для тебя, о достойнейший бхарата, случай, благодаря которому Завоеватель богатств Партха сможет в битве одолеть врагов. Внемли же словам моим: я возвещу тебе, ищущему у меня защиты,105 знание, именумое Пратисмрити, оно подобно зримому воплощению Удачи; овладев им, мощнодланный Арджуна непременно достигнет успеха. Чтобы добыть оружие, пусть он обратится к Махендре и Рудре, к Варуне, Владыке сокровищ и Царю правосудия, о Пандава! — ведь благодаря своей доблести и подвижническому величию он способен узреть богов! Он — наделенный в избытке духовным пылом святой мудрец, с коим дружен Нараяна; он — изначальное, древнее, вечное божество, доля самого Вишну! Приняв от Индры, Рудры и Хранителей мира (разнообразное волшебное) оружие, мощнодланный (Арджуна) свершит величайший подвиг!

Поразмысли о том, о владыка земли, Каунтея, как бы вам перебраться из этого леса в другой, пригодный для вашего проживания. Ведь длительное пребывание в одном и том же месте перестает доставлять удовольствие; к тому же оно может создать неудобства для смиренных отшельников. Ты содержишь на довольствии множество брахманов, в совершенстве знающих все Веды и Веданги; (оттого в лесу скоро) переведется дичь и погибнет растительность».

Сказав это, великий владыка, проникший в тайны волшебства, возвестил воззвавшему о помощи, (духовно) очистившемуся (Юдхиштхире), Царю справедливости, знание величайшего заклятия. Затем мудрый Вьяса, сын Сатьявати, испросив у Каунтеи напутствие, в мгновение ока исчез. А благочестивый и разумный Юдхиштхира, приняв душою это брахмическое знание, хранил его (в памяти) и время от времени твердил про себя наизусть. Обрадовало (Юдхиштхиру) сказанное Вьясой;

и вот из леса Двайтавана направился он к лесу, зовущемуся Камьяка, что лежит на берегах Сарасвати. Брахманы, сведущие в науках произношения и правильной речи, 108 последовали за ним, о великий царь, словно святые мудрецы — за Индрой богов. Достигнув наконец Камьяки, \ь великие духом мужи-быки поселились там с соратниками своими и спутниками. В тех местах, о царь, провели мудрые герои некоторое время, совершенствуясь в военной науке и внимая высокому (учению) Вед. Постоянно ходили они на охоту, острыми стрелами добывали оленей, а потом, по обычаю, подносили пищу богам, праотцам и брахманам.
*Такова в книге «Лесная» великой «Махабхараты» тридцать седьмая глава.*

ГЛАВА 38

Вайшампаяна сказал:
По прошествии некоторого времени Юдхиштхира, Царь справедливости, припомнив наставление подвижника, сказал такое слово. Оставшись наедине с Арджуной, Царь справедливости, смиритель недругов,

ободряюще улыбнулся ему и коснулся его рукою; затем, всего на миг, казалось, задумавшись о жизни в лесу, тайком обратился он к известному мудростью своей быку-бхарате, Завоевателю богатств, с такою речью:

«Бхишме, Дроне, Крипе, Карне и сыне Дроны, о бхарата, утверждено (знание) военной науки со (всеми) четырьмя ее разделами. Оружие Брахмы, богов и асуров с правилами применения и противодействия, приемы пользования всяческим оружием знают они в совершенстве. Сын Дхри-тараштры всех их ублажает, тешит, наделяет благами; он относится к ним как к своим духовным наставникам. Обращение его со всеми этими воителями безупречно; при каждом подобающем случае воздает он им почести; потому никогда не остынет их рвение. Вот уже вся земля покорилась власти Дурьодханы. К тебе обращены теперь все наши надежды, на твои (плечи) легло (великое) бремя! Сейчас я разъясню, что надлежит тебе совершить сообразно наступившим временам, о смиритель недругов!

Друг мой, от Кришны Двайпаяны принял я сокровенное знание; примени его — и тотчас озарится (перед взором твоим) вся Вселенная! Обладая этим брахмическим знанием, преуспев в духовном сосредоточении, в благоприятный момент добейся, дорогой мой, милости богов! О бык-бхарата, преисполненный доблести подвижник, подвергни же себя суровейшему тапасу!

(Возьми) лук, друг мой, (облачись) в доспехи, (препояшься) мечом и, не уступая никому дороги, держи путь на север! Ведь всем волшебным оружием владеет Индра; некогда боги из страха перед Вритрой передали Индре всю свою силу110; потому оружие (богов собрано) в одном месте, и ты получишь его все разом, о Завоеватель богатств! Ступай же к Индре, он вручит тебе оружие. Приняв посвящение ш, немедля отправляйся искать встречи с богом Пурандарой!»

Изрекши это, могучий Царь справедливости преподал наставление герою (Арджуне), который, приняв по этому обряду посвящение,смирил свою плоть, речь и разум. Затем старший брат даровал младшему свое напутствие. (Решился Арджуна) по приказу Царя справедливости искать встречи с богом Пурандарой. Взял мощнодланный (герой) лук Гандива, два великих неиссякаемых колчана, (надел) панцирь, защитный ремень — на (левую) кисть, наперстки — на пальцы (правой), принес жертву Агни и нишками (золота) побудил брахманов возглашать «Свасти!». Взяв в руки лук, тяжко вздохнул мощнодланный, воздел к небу очи и двинулся в путь, (желая) погибели сыновьям Дхритараштры.

Завидев Каунтею, (шествовавшего) с луком в руках, брахманы, сиддхи и невидимые взору бхуты вскричали: «В скором времени да обретешь ты все, чего ни восхочешь сердцем, о Каунтея!» Видя, как Арджуна, чьи бедра подобны стволам деревьев шала, удаляется львиной походкой, похищая сердца всех (близких), Кришна сказала такое: «Да исполнится, о мощнодланный, то, о чем при рождении твоем мечтала Кунти, и все, чего ты сам желаешь, о Каунтея, Завоеватель богатств! Да не возродимся мы никогда более в кшатрийском роде! Вечная слава брахманам, ибо не добывают они средства к жизни на поле брани! Отныне братья твои не будут знать сна, развлекая друг друга рассказами о тебе, без конца вознося хвалы твоим подвигам! Ни наслаждения, ни богатства, ни сама жизнь, о Партха, не будут нам более в радость, не помыслим (о них), пока ты от нас вдали! О Партха, для нас (теперь) все заключено в тебе: счастье или горе, жизнь или смерть, царство наше и владычество! Прощай же, Каунтея, удачи тебе, о Пандава! Поклон Дхатри и Видхатри! Удачи тебе и доброго здоровья! Ды будут добры к тебе духи земли, небес и поднебесья, а также всякий, кто встретится тебе на пути!»

Итак, взял мощнодланный Пандава свой великолепный лук, обошел по кругу прадакпшны Дхаумью и братьев и двинулся в путь. Все живые существа разбегались в стороны от той дороги, по которой шествовал могучий и отважный (герой), воспривший волшебную силу Индры ш. Благодаря волшебству высокий духом (герой) двигался, подобно Ветру, со скоростью мысли и за один всего день достиг священной горы.

Перевалив через Химаван и Гандхамадану, он также за одни сутки, не почувствовав усталости, прошел много мест, (слывущих) непроходимыми. Достигнув Индракилы, остановился там Завоеватель богатств, ибо послышался ему голос из поднебесья, (повелевавший): «Стой здесь!» И увидел тут Савьясачин сидящего у подножия дерева подвижника, смуглого, худого, с заплетенными волосами, сиявшего брахмическим величием.

Заметил великий подвижник стоящего перед ним Арджуну и сказал ему: «Кто ты, любезный? Ты пришел сюда с луком и стрелами, в доспехах, препоясан мечом и с ремнем, берегущим кисть, сообразно обычаю кшатриев. Но здесь, в обители преисполненных мира, отвергших и гнев, и веселье отшельников-брахманов, ни к чему все твое оружие! Здесь не бывает сражений, твой лук не найдет применения; брось же лук, сын мой, ты обрел уже высшую участь!» Много еще таких слов говорил брахман неизмеримо-мощному герою, словно какому-то низкорожденному; но не поколебал он стойкости Арджуны, до конца верного принятым решениям.

Доволен остался им брахман и молвил с улыбкой: «Благо тебе, губитель недругов! Я — сам Шакра, выбирай себе дар!»

На это Завоеватель богатств, отважный продолжатель рода Куру, сложив ладони, поклонившись, отвечал Тысячеокому: «Есть у меня заветное желание, это и пожалуй мне в дар. Хочу немедля принять от тебя, владыка, знание всего оружия!» Довольный в душе, усмехаясь, молвил ему Махендра: «Если ты и получишь сейчас оружие, что тебе проку в нем, Завоеватель богатств? Лучше выбери наслаждения и (небесные) миры: ведь ты обрел уже высшую участь!» На это Завоеватель богатств ответил Тысячеокому: «Нет, о Владыка Тридесяти (богов), не ищу я ни миров, ни наслаждений, ни божеского состояния, ни подавно (мирского) счастья; (не надо мне) и владычества над всеми небожителями! Ведь покинув братьев в лесу и не отмстив за обиду, бесславие обрету я во вселенной на вечные времена!»

На это чтимый всем миром Губитель Вритры отвечал сыну Панду дружелюбной, ободряющей речью: «Сын мой, дам я тебе все волшебное оружие, если только повидаешь ты Властелина бхутов, Треокого, Владетеля трезубца, Шиву. Прояви же усердие к тому, чтоб увидеть Верховного Бога! Повидав его, о Каунтея, ты достигнешь цели и взойдешь на небо!» Молвив такое Пхальгуне, тотчас невидим стал Шакра. Арджуна же, преисполнен чудесного знания, остался в тех краях.
*Такова в книге «Лесная» великой «Махабхараты» тридцать восьмая глава.*

ГЛАВА 39

Джанамеджая сказал:
Почтеннейший, я желаю услышать пространный рассказ о том, как неутомимый в деяниях Партха обрел (волшебное) оружие; как этот муж-тигр, длиннорукий, наделенный духовным пылом Завоеватель богатств бесстрашно вступил в безлюдный лес и что совершил он, пока находился там, о славнейший из познавших Брахмана, а также как порадовал он Царя богов и самого Владыку Стхану. Вот о чем хотелось бы мне услышать, если будет на то твоя милость, о лучший из дваждырожденных. Ты ведь всезнающ, поистине, все тебе ведомо и о богах, и о людях.

Несравненную, чудесную, в трепет повергающую схватку, о многомудрый, затеял некогда с Бхавой Арджуна, неодолимый в сражениях, лучший из бойцов. Когда внимали рассказу о ней отважные Партхи, сердца тех мужей-львов трепетали то от радости, то от отчаяния, то от восхищения. Расскажи также без утайки и обо всем прочем, что совершил Партха. Не знаю я за Джишну и малейшего (проступка), который заслужил бы порицания; поэтому воспой мне все деяния этого героя!

Вайшампаяна сказал:
О сын мой, тигр-каурава! Я расскажу тебе эту славную, дивную, схожую с чудом повесть о великом духом (герое). Слушай, безгрешный: вот все о встрече Партхи с Богом богов, при которой соприкоснулся он с телом Треокого.

Во исполнение приказа Юдхиштхиры мощнодланный, могучий муж-бык, дивнодоблестный кауравья, чтобы увидеть Шак-ру, Властелина небожителей, и Шанкару, Бога богов, и дабы увенчать дело свое успехом, взяв свой волшебный лук и меч, двинулся на север, в направлении к вершине Химавана.

Стойкий разумом, твердый в исполнении обетов подвижничества, величайший во вселенной колесничный боец, сын Индры с превеликой поспешностью вступил один, о царь, в грозную, полную опасностей лесную чащу, богатую цветами и плодами, населенную разными птицами, кишащую стадами всевозможных зверей, посещаемую сиддхами и чаранами.

Едва ступил Каунтея в тот безлюдный лес, как раздался в небе звук раковин и барабанов, пал на землю обильный дождь из цветов и бескрайние скопища облаков все вокруг покрыли тенью. Преодолев густые лесные чащи у подножия великой горы, Арджуна поселился на вершине Химавана, озаряясь (духовным величием). Он увидел там деревья в цвету, на (ветвях) которых сладостно пели птицы; (увидел) реки, усеянные гигантскими водоворотами, подобные голубизной камню вай-дурья.

Над ними раздавались крики гусей, карандавов, журавлей и черных кукушек, слышались пение краунчей и павлинов. Увидев эти украшенные пленительными (прибрежными) рощами реки с прохладными, чистыми, святыми водами, превосходный колесничный боец проникся умилением. И наделенный суровым пылом, великий духом Арджуна радостно предался жесточайшему подвижничеству в этом восхитительном лесном краю.

Взяв отшельнический посох и шкуру черной лани, облекшись в платье из травы дарбха, в течение месяца одни лишь плоды вкушал он раз в трое суток, а на второй месяц увеличал срок (поста) вдвое. На третий месяц ел он раз в две недели, принимая в пищу только сухие, упавшие на землю листья. Когда же пошел четвертый месяц, мощнодланный потомок Панду стал и вовсе питаться (одним только) воздухом. Воздев л небу руки, без всякой опоры стоял он на кончиках пальцев ног. Постоянно омываемы (дождем), стали схожи с молнией и с лотосом заплетенные волосы необъятно-мощного, великого духом (героя).

Тогда все великие святые мудрецы пошли к славному Темношеему богу, Владетелю Пинаки. Почтительно поклонившись и умилостив его, поведали они о деяниях Пхальгуны: «Наделенный мощным духовным пылом Партха пребывает на вершине Химавана и (с таким жаром) предается тяжелейшему, суровому подвижничеству, что уже дымятся стороны света. Что задумал он совершить, никому из нас не ведомо; но (жар) его (подвижничества) опаляет нас — воспрепятствуй же ему, о Владыка богов!»

Махешвара сказал:
Успокойтесь и, забыв тревоги, возвращайтесь своей дорогой. Ведом мне его сокровенный замысел. Не ищет он ни жизни на небесах, ни власти, ни долголетия. Нынче же я исполню все, чего он добивается.

Вайшампаяна сказал:
Выслушав ответ Шарвы, воспрянули духом правдоречивые святые мудрецы и разошлись по своим обителям.
*Такова в книге «Лесная» великой «Махабхараты» тридцать девятая глава.*

ГЛАВА 40

Вайшампаяна сказал:
Когда удалились великие духом подвижники, бог — Владетель Пинаки, избавитель от всякого зла — Хара, облачившись ъ одежды кираты, (сверкающие) подобно золотому древу, воссиял телесной красотою, словно вторая гора Меру. Вооруженный священным луком и змееподобными стрелами, снизошел он на землю, (озаряясь) великим блеском, словно Огонь, сжигающий рощу сухих деревьев. Божественного сопровождала великая Богиня, Ума, одетая так же, (как и супруг), по обычаю (киратов). За ним шли (толпы) ликующих, разнаряженных бхутов и тысячи женщин, о царь-бхарата! И сиял этот бог, облаченный в одежды кираты, невиданной красотой.

В тот же миг весь лес стал безмолвен; замерло пение птиц и шум потоков. Подойдя близко к неутомимому в деяниях Партхе, увидел там (Шива) одного из сыновей Дити, по имени Мука; приняв образ вепря, закоснелый злодей намеревался как будто умертвить Арджуну. Взял тогда Пхальгуна Гандиву-и змееподобные стрелы, напряг превосходный лук, оглашав (лес) гудением тетивы, и сказал тому (дайтье): «Коль ты меня, когда я ни в чем не повинным сюда пришел, убить хочешь, то я прежде сам отошлю тебя в обитель Ямы».

Видя, что Пхальгуна, без промаха разящий, готов уже пустить (стрелу), поспешил остановить его Шанкара, принявший личину кираты: «Первым приметил я этого (вепря), подобного синей (грозовой) туче!» Но, пренебрегши его словами, поразил (вепря) Пхальгуна. Величественный Кирата тотчас послал в ту же цель свою стрелу, подобную молнии или факелу. И пущенные ими обоими стрелы разом попали в широкое, крепкое,, как скала, тело Муки. Вместе обрушились на него те стрелы, словно ваджра и ашани, дробящие гору. Пронзенный бесчисленными стрелами, что были подобны змеям с огненными ртами, он умер, вновь приняв устрашающий облик ракшасы.

И вот Джишну, губитель недругов, увидел мужа в блеске золота, облаченного в платье кираты, (шествовавшего) в обществе женщин. Сказал ему насмешливо обрадованный Каунтея: «Кто ты таков, что бродишь в пустынном лесу, окруженный толпами женщин? Не страшно ли тебе, златоблещущий, в этой грозной чаще? Зачем поразил ты облюбованную мною добычу, этого ракшасу, (под видом) зверя забредшего сюда? (Хотел ли ты) оскорбить меня или (действовал) в ослеплении страсти — не уйти тебе от меня живым! Ведь, поступив так со» мной, ты нарушил закон охоты. За это, житель гор, я лишу тебя жизни».

Выслушав Савьясачина Пандавею, усмехнулся Кирата и отвечал ему учтивою речью:
«Я прежде тебя избрал (зверя) этого своей добычей. Мой же выстрел и разлучил его с жизнью. Не следует тебе, обольстясь своею силой, корить другого за то, в чем сам повинен. Неразумный, ты нанес мне оскорбление и не уйдешь от меня живым. Защищайся! Я буду метать стрелы, подобные ашани; ты же отвечай мне, сколько хватит сил, пускай свои стрелы!»

И вот оба они, разъярясь, издавая рычание, принялись непрестанно разить друг друга змеевидными стрелами. Целый - ливень стрел обрушил Арджуна на Кирату; но с весельем сер

дечным принял их на себя Шанкара. Принимая на себя долгов время этот ливень стрел, Владетель Пинаки, телесно невредим, стоял незыблемо, как гора. Завоеватель богатств, увидев, что ливень стрел его безуспешен, изумился тому и молвил:

«О диво! Столь нежный сложением сей житель вершины Химавана принимает, однако, не дрогнув, пущенные из Гандивы стрелы! Кто бы это мог быть? Небожитель? Якша? Владыка богов или сам Рудра? Ведь на вершине прекраснейшей из гор бывает, сходятся боги. Я выпускаю тысячами тучи стрел; напора их никто не в силах вынести, кроме бога — Владетеля Пинаки. И если это только не Рудра, а якша или даже любой из Тридесяти (богов) стоит передо мной, то я острыми стрелами направлю его в обитель Ямы».

И Джишну в упоении пустил сотни насмерть разящих стрел, — как будто солнце (раскинуло) свои лучи, о царь! Но Владыка, Создатель мира, Держатель трезубца в деснице с ликованием сердечным принял их на себя, как гора — лавину камней. Через короткое время не осталось у Пхальгуны стрел. Когда увидел он, что кончились стрелы, обуял его страх. Обратился он мыслью к двум своим неиссякаемым колчанам и к божественному Пожирателю жертв, который некогда даровал их ему в (лесу) Кхандава. «Чем же буду стрелять из лука, раз кончились мои стрелы? И кто этот человек, что все стрелы мои поглощает? Как слона (бьют) концом копья, (ударю-ка) его древком лука и отправлю в обитель жезлоносца Ямы». И Каунтея, губитель враждебных героев, стал биться древком лука; но поглотил обитатель гор и этот его волшебный лук. Когда поглотил лук его (Кирата), взял Арджуна в руки меч и стремительно бросился на него, желая положить конец битве. На голову его обрушил потомок Куру, разя всей мощью руки, свой острый меч, (удара которого) не вынесли бы даже горы. Но, опустившись на голову (Кираты), преломился лучший из мечей. Тогда деревьями и камнями стал биться Пхальгуна; но и деревья, и камни принял на себя великан, Бог в образе кираты. И вот могучий Партха, у которого от (гнева) изо рта повалил дым, стал бить крепкими, как ваджра, кулаками необоримого, уподобившегося обликом кирате (Бога). Тогда и Бог в образе кираты стал бить Пхальгуну безжалостными, подобными Индровой ашани кулаками. Слышен был устрашающий звук кулачных ударов, которыми обменивались Кирата и Пандава. Только миг длилась та великая, в трепет повергающая кулачная схватка, подобная той, что была между Вритрой и Васавой.

Наконец могучий Джишну ударил Кирату грудью; но и Кирата изо всех сил нанес удар схватившемуся с ним Пандаве. От сжатия рук, от трения грудей на телах их вспыхивало пламя с углем и дымом. Вот Махадева стиснул измученного (Арджуну) в объятиях и, в ярости обрушившись на него всей своей мощью, угасил его сознание. Стеснилось тело Пхальгуны, сдавленное объятием Бога богов, и стал он подобен груде мяса, о бхарата! Сдавил его великий духом (бог) так, что не стало в нем дыхания, и пал он, лишившись чувств, на землю. Но Бхава остался (им) доволен.

Бог сказал:
О Пхальгуна, порадовал меня твой несравненный подвиг, и это мужество, и стойкость! Нет равного тебе среди кшатриев!
Сегодня ратный пыл твой и геройство были равны моим, о безгрешный! Я доволен тобою. Виждь меня, о мощнодланный муж-бык, я дарую тебе «чудесное зрение», о большеокий! Ты был прежде святым мудрецом. В битве ты одолеешь всех недругов, будь они даже из числа небожителей.

Вайшампаяна сказал:
И узрел тут Пхальгуна дивноблещущего Махадеву, Царя гор, Владетеля трезубца, сопровождаемого Богиней. Пал на колени Партха, покоритель чужих городов, и, свершив земной поклон, принялся умилостивлять Хару.

Арджуна сказал:
Великий бог, владыка всего сущего, Капардин, Ослепитель Бхаги! Простить ты должен прегрешение мое, о Шанкара! С желанием увидеть тебя пришел я на эту великую гору, милую сердцу твоему, владыка богов, высшее средоточие духа подвижничества! Смилуйся же, великий, почитаемый всеми существами! Да не ляжет на меня вина за то, что был я столь-дерзок с Махадевой! Прости мне, взывающему о защите, схватку эту, которую затеял я с тобой по незнанию, о Благодатный!

Вайшампаяна сказал:
Тогда Имеющий знаком быка, богатый духовным пылом,, улыбнувшись и взявши Пхальгуну за сияющую красотой руку, молвил ему: «Ты прощен!»
*Такова в книге «Лесная» великой «Махабхараты» сороковая глава.*

ГЛАВА 41

Бог сказал:

В прошлом воплощении ты был Нарой, сотоварищем Нараяны, и на протяжении многих десятков тысяч лет предавался суровому подвижничеству в обители Бадари. В тебе и в превосходнейшем из мужей — Вишну заключен высочайший духовный пыл. Оба вы — первые среди мужей, и вашим духовным пылом поддерживается вселенная. При обряде помазания Шакры ты, владыка, взял огромный лук, (пение тетивы) которого подобно голосу грозовой тучи, и совместно с Кришной истребил данавов. Этот Гандива, который словно создан для твоей руки, которым смог я завладеть, лишь прибегнув к волшебству, и есть тот самый (лук), о достойнейший из мужей! Колчаны же твои, как им и должно, по-прежнему неиссякаемы, о Партха! Я доволен тобой, о истинно доблестный! Прими же от меня, о муж-бык, Партха, желанный тебе дар! Нет среди смертных мужа, подобного тебе, внушитель гордости; нет лучше тебя  кшатрия даже на небе, о смиритель недругов!

Арджуна сказал:
О Владыка, Имеющий знаком быка, если ты (готов) благосклонно дать мне желаемое, то хотел бы я (получить) чудесное, грозное твое, о могучий, оружие Раудра или Пашупата, что зовется также «Головою Брахмы»; оно наделено чудовищною силой и разрушает всю вселенную при наступлении безжалостного конца юги. И пусть испепелю я им в битве данавов и ракшасов, бхутов и пишачей, гандхарвов и змей. Побуждаемое заклятием, оно порождает тысячи копий, устрашающие взор палицы и стрелы, подобные ядовитым гадам. И да сражусь я им в битве с Бхишмой, Дроной, Крипой, а также с Сыном возницы, всегда столь язвительным в речах. Вот каково, владыка, Ослепитель Бхаги, главнейшее из всех моих желаний; милостью твоей да будет мне по силам осуществить его!

Бог сказал:
Я дарую тебе великое, любимое мое оружие Пашупата. Ты сможешь и удерживать его, и пускать в действие, и возвращать обратно. Не знают этой (тайны) ни Махендра, ни Яма, ни Царь якшей, ни Варуна, ни Ваю — где уж постичь ее потомкам Ману! Нельзя, о Партха, бездумно применять его против человека; обрушившись на того, кто беден духовным пылом, оно способно выжечь всю вселенную! Поистине, нет в трех мирах подвижной или неподвижной (цели), которой бы оно не поразило. Направлять же его можно мыслью, взглядом, словом или при помощи лука.

Вайшампаяна сказал:
Услышав это, Партха спешно подвергся очищению, духовно сосредоточился и затем, обняв стопы Вседержителя, сказал: «Наставь меня!» Тогда преподал (Шива) достойнейшему из Пандавов (знание) этого оружия, подобного воплощению Антаки, с секретом возвращения его. Перешло оно в услужение к великому духом (герою), как (служило прежде самому) Треокому, Супругу Умы. Арджуна с ликованием принял его во владение. И содрогнулась при этом вся земля с горами, лесами и деревьями, морями и лесистыми краями, рудниками, городами и селениями. Едва настал тот миг, как зазвучали тысячи литавр, раковин, барабанов и случилось большое землетрясение. И увидели боги и данавы, как рядом с неизмеримо мощным Пандавой встало, полыхая сиянием, это грозное оружие в его телесном воплощении.

Если и было что-либо нечистое в теле безмерно мощного Пхальгуны, то при прикосновении к Треокому все это разом уничтожилось. «Ступай на небо!» — повелел ему Треокий. Партха Арджуна, преклонив главу и сложив ладони, устремил взор на бога. И тут Бхава, Властелин обитателей третьего неба, средоточие воли, носитель великого разума. Царь гор, Супруг Умы, Шива вручил достойнейшему из людей Гандиву, великий лук, истребляющий дайтьев и пишачей. Затем, покинув пресветлую, наилучшую из гор с ее вершинами, пещерами и белыми склонами, посещаемую только птицами и великими святыми мудрецами, Владыка вместе с Умой перед взором достойнейшего из людей вознесся на небо.
*Такова в книге «Лесная» великой  «Махабхараты»  сорок первая глава.*

ГЛАВА 42

Вайшампаяна сказал:
Имеющий знаком быка Владетель Пинаки скрылся от его взора, как солнце (скрывается) от мира на закате. Арджуна, губитель вражеских героев, исполнился небывалым изумлением. «Въяве видел я самого Махадеву, — так (говорил он), о бхарата, — выпало мне счастье и великая честь самого Треокого Хару, Владетеля Пинаки лицезреть в образе Подателя даров и коснуться его рукою. Дух же мой (коснулся)  Высочайшего и дело мое теперь достигло завершения; все  враги (как бы) побеждены, и цель осуществлена!»

И тут, озаряя все стороны пространства сиянием цвета (лазурного) камня вайдурья, окруженный стаями морских чудовищ, явился святой Владыка вод. (Со свитой из) нагов, дайтьев, речных богов и богинь, садхьев, а также (различных) божеств прибыл в то место хозяин водных тварей, средоточие воли — Варуна.

Затем на дивноблещущей небесной колеснице приехал и златотелый владыка Кубера, сопутствуемый якшами. Подобясь обликом чуду, сиянием залив поднебесье, святой Властитель сокровищ явился для встречи с Арджуной.

Вот и сам великий жезлоносец Яма, могущественный вершитель светопреставлений, губитель всего живого, чья природа непостижима, Царь правосудия, сын Вивасвана, сопровождаемый воплощенными и бестелесными праотцами, ведающими благом человеческого рода, озарил сиянием небесной колесницы три мира с областями гухьяков, гандхарвов и змей, словно Мартанда (в грозном его облике, который он принимает) при наступлении конца юги.

Расположившись на прекрасных сияющих вершинах великой горы, взирали (боги) на Арджуну, обуянного подвижническим пылом.

Немного спустя прибыл вместе с Индрани окруженный сонмами божеств сам владыка Шакра, едущий на голове Айраваты. (На фоне) белого зонта, несомого над его головой 1ЯБ, сиял
он, словно Царь звезд, покоящийся на светлом облачке. Гандхарвы и святые мудрецы, обладающие сокровищем тапаса, пели ему славу. Достигнув вершины горы, он встал там, подобно взошедшему солнцу.

И тогда мудрый Яма, знаток высочайшей дхармы, стоя на южной стороне, дивное слово сказал (громовым) голосом тучи:
«О Арджуна, Арджуна! Виждь нас, сошедшихся (здесь) Хранителей мира! Ныне наделяем мы тебя „чудесным зрением", ты достоин того, чтоб (нас) увидеть. Прежде был ты могущественным святым мудрецом по имени Нара, обладателем безмерного духовного величия. Только повинуясь воле Брахмы, ты, носитель великого мужества и отваги, рожденный от Васа-вы, явился среди смертных. Тебе, о потомок Куру, суждено истребить жгучих, как пламя, кшатриев, подначальных сыну Бхарадваднси, многомощных данавов, принявших человеческие воплощения, а также ниватакавачей.

Карне, этому превеликому герою, (в ком воплотилась) частица моего божественного отца, согревающего все миры, также суждено пасть от твоей руки, о Завоеватель богатств! Те, в ком воплотились на земле частицы богов, гандхарвов и ракшасов, поверженные тобою в битве, встретят каждый свою (посмертную) участь, уготованную плодами его собственных деяний, о Каунтея, губитель недругов! Нерушимой пребудет в мире слава твоя, о Пхальгуна; ведь сам Махадева доволен остался (отвагой) твоей в великой схватке, и тебе же вместе с Вишну предстоит облегчить ношу земли! Прими же, о мощнодланный, это оружие — палицу, (удары которой) неотвратимы. С этим оружием совершишь ты величайший подвиг».

И Партха, потомок Куру, принял, соблюдая правила, это (оружие) с его заклятием, с (секретами) пользования, приведения в действие и возвращения назад.

Тогда пребывавший на западной стороне, темный, как дождевая туча, повелитель морских чудищ, владыка Варуна молвил такое слово:
«О Партха, ты — первый среди кшатриев, ты живешь согласно кшатрийской дхарме. Виждь меня, (герой) с широкими медно-красными очами, я есмь Варуна, Владыка вод. Мои, Варуны, сети, когда я их бросаю, нельзя отклонить от (цели); прими же их, о Каунтея, вместе с (тайной) их возвращения. Это ими, о герой, в битве, завязавшейся из-за Тараки, опутал я тысячи великих духом дайтьев. Принимай же их, многодоблестный, по милости моей вот они пред тобою. Теперь и сам Антака не спасется от тебя, пожелай ты только погубить его. Поистине, если ты в битве применишь это оружие, лишится земля всех кшатриев!»

После того как Варуна и Яма вручили (Арджуне) волшебное оружие, блюститель сокровищ Кубера, чье жилище на Кайласе, сказал:
«О мощнодланный Савьясачин! О извечное, древнее божество! Вместе с нами в прежних кальпах ты неустанно изнурял себя (подвижничеством)! Прими же от меня мое любимое оружие антардхана; похищая у врагов мощь, пыл и блеск, оно погружает в сон и истребляет их».

И мощнодланный Арджуна, великий потомок Куру, принял, как велено обычаем, волшебное оружие Куберы.

Тогда Царь богов, чей голос — как рев барабана, (вторимый громом) облака, ласково обратился к неутомимому в деяниях Партхе с учтивою речью:
«О мощнодланный, ты, чья мать — Кунти! Ты— древний Ишана, обретший осуществление высшей цели и удостоенный участи богов. Величайшее дело, дело богов предстоит исполнить тебе, смиритель недругов; тебе

(также) надлежит взойти на небо, о многославный, — готовься к этому! За тобой прибудет на землю колесница, ведомая (моим возничим) Матали; там, (на небе), я вручу тебе волшебное оружие, о каурава!»

Зря Хранителей мира, сошедшихся на темени горы, дивился им Завоеватель богатств, мудрый сын Кунти. Исполненный духовного пыла, Арджуна почтил собравшихся Хранителей мира, по обычаю, речами, водой и плодами. Затем, ответно почтив Завоевателя богатств, премудрые боги, способные по желанию (летать) со скоростью мысли, отправились каждый своим путем. А Арджуна, муж-бык, добыв оружие, ликовал и чувствовал себя (человеком), чья цель осуществлена и дух удовлетворен.
*Такова в книге «Лесная» великой «Махабхараты» сорок вторая глава.*

КОНЕЦ «СКАЗАНИЯ О КИРАТЕ»

# СКАЗАНИЕ О ВОСХОЖДЕНИИ НА НЕБО ИНДРЫ

ГЛАВА 43

Вайшампаяна сказал:
Когда удалились Хранители мира, о Индра царей, тога Партха, губитель недругов, обратил свои помыслы к прибытию колесницы Царя богов. И пока мудрый Гудакеша предавался размышлениям, прибыла к нему ведомая Матали дивноблещущая колесница. Словно рассекши облака, она залила сиянием все небо; грохот ее, подобный реву огромной тучи, заполнил все (пространство в пределах) сторон света. (В ней были) грозные мечи и копья, устрашающие взор палицы, волшебством сотворенные дротики и яркоблещущие молнии. Там были ашани с чакрами, оружие худа и агуда, порывы ветра с ураганами, чей рев подобен звуку, в котором слиты грохот туч и крик павлинов. И были там престрашные змеи с огненными пастями; их огромные тела подобились скопищам белых облаков или грудам драгоценных камней. Десять тысяч буланых коней влекли эту чудесную, приковывающую взоры, чарами сотворенную колесницу. Увидел он на ней и ярчайший темно-синий, как цветок лотоса, стяг Вайджаянта, (реющий) на позолоченном бамбуковом древке. Завидев стоящим на той колеснице возничего в убранстве из чистейшего золота, мощнодланный Партха принял его за самого бога. Но пока Пхальгуна размышлял об этом, Матали, почтительно склонившись перед ним, молвил Арджуне:

«О детище Шакры! Великий Шакра желает повидать тебя!
Взойди же скорее, почтенный, на прославленную колесницу Индры! Первый среди бессмертных отец твой Шатакрату сказал мне: «Да узрят обитатели небес явившимся сюда сына Кунти!» Окруженный богами и сонмами святых мудрецов, гандхарвами и апсарами, ждет тебя жаждущий встречи Шакра. Во исполнение воли Пакашасаны из этого мира вознесись со мною вместе в мир богов — ты вернешься назад, обретя оружие!»

Арджуна сказал:
Ступай, о Матали, взойди скорее сам на превосходнейшую эту колесницу, (обладания) которой не достичь даже сотнями (обрядов) раджасуя и ашвамедха! На прекраснейшую эту колесницу (не) взойти ни царям, взысканным судьбою, совершавшим жертвы с обильными дарениями, ни богам, ни данавам. Кто не закалился в подвижничестве, не сможет ни увидеть, ни коснуться этой великой, волшебной колесницы, ни тем более взойти на нее. Лишь когда ты, достойнейший, ступишь на эту, выносливыми конями влекомую колесницу, взойду на нее и я, подобно добродетельному (мужу), ступающему на благую стезю (вслед за учителем).

Вайшампаяна сказал:
Выслушав его, Матали, колесничий Шакры, поспешно взошел на колесницу и поводьями придержал коней. Тогда Ард-жуна Каунтея, потомок Куру, сердечно ликуя, омылся в Ганге, очистился и произнес согласно правилам должные мантры. По обычаю, как положено, насытил он праотцев возлияниями, затем приблизился к Мандаре, царю гор, испросить у него (напутствие): «О гора, ты всегда даровала приют тем, кто ищет пути к небесам: святым мужам, утвердившимся в дхарме, подвижникам, вершителям благих деяний. По милости твоей, о гора, брахманы, кшатрии и вайшьи, достигнув неба, не зная забот, живут там вместе с богами! Великий пик, царь гор, приют отшельников, подобный тиртхе, я ухожу, прощай! Счастливо пребывал я на твоей (вершине). Не раз я любовался твоими хребтами, лесными зарослями, реками, водопадами и пресвятыми тиртхами!»

Сказал так Арджуна, губитель вражеских героев, и, простившись с горой, взошел, сияя, словно Солнце, на волшебную колесницу. И на ней, схожей обликом с Адитьей, чудесной, сотворенной с дивным искусством, ликуя, вознесся ввысь премудрый потомок Куру.

Двигаясь по пути, сокрытому от очей на земле обитающих смертных, он видел там тысячи диковинного образа небесных колесниц. Там не светили ни огонь, ни солнце, ни луна, но (все) сияло собственным

(внутренним) светом3, который обретается святостью. Те сияющие (тела), которые отсюда наблюдаем мы в виде звезд и которые, хоть и огромны, из-за удаленности своей (кажутся) крошечными, как огоньки светильников, увидел Пандава во всей красе их, в ярком свечении, каждое в своем небесном доме, сияющее собственным (внутренним) светом. Сотнями сонмов парили там (в воздухе) святые царственные мудрецы, сиддхи, герои, павшие на поле брани, и те, кто завоевал себе небо подвижничеством, (а также) тысячи гандхарвов, чей пыл духовный пламенел, как солнце, множества гухьяков, святых мудрецов и апсар.

Видя (различные) миры, сиявшие собственным светом, исполнился изумления Пхальгуна и дружески попросил разъяснения у Матали. Тот отвечал ему: «Это благочестивые мужи, о Партха, пребывающие в своих небесных домах, те самые, владыка, которых как звезды наблюдал ты с земли!» Тут увидал (Арджуна) стоящего у (городских) ворот белого, «дарующего победу» слона Айравату с четырьмя бивнями, (огромного), как гора Кайласа. Ступая стезей совершенных, достойнейший меж потомков Куру и Панду воссиял (славой), как некогда Мандхатри, величайший из царей. И, миновав миры, (уготованные для добродетельных) царей, лотосоокий наконец увидел столицу Шакры — Амаравати.
*Такова в книге «Лесная» великой «Махабхарагы» сорок третья глава.*

ГЛАВА 44

Вайшампаяна сказал:
Он узрел восхитительный город, населенный сиддхами и чаранами. Его украшали священные деревья, покрытые цветами всех времен года. Овевал его благовонный ветер, смешавший дивные, благостные ароматы различных деревьев. Он увидел населенный апсарами волшебный лес Нандана, чьи деревья, казалось, приветствовали его своим чудесным цветением. Этого мира вершителей святых дел не дано увидеть тому, кто не закален в подвижничестве, кто пренебрегал разведением священного огня, и тому, кто обращался вспять на поле брани! Тем, кто не творил жертв, не исполнял обетов, тем, кто лишен (знания) Вед и шрути, кто не омывал тела в тиртхах, не отличался в дарениях и жертвоприношениях, тем низким людям, что чинят помехи жертвенным обрядам, пьяницам, осквернителям ложа наставника и тем злодеям, что едят мясо, вовеки не увидать его!

Обозрев тот волшебный лес, оглашаемый чудесным пением, вступил мощнодланный (Арджуна) в любимую столицу Шакры. Там он увидел движимые мыслью, летающие колесницы богов; тысячи их стояли и сотни тысяч разъезжали во всех направлениях. Гандхарвы и апсары осыпали Пандаву хвалами, ароматом цветов овевали его благостные ветерки. Тут все боги, гандхарвы, сиддхи и величайшие из святых мудрецов с ликованием воздали почести неутомимому в подвигах Партхе.

Осыпаемый благословениями, в сопровождении божественной музыки, вступил мощнодланный Партха, при звуках раковин в барабанов, на широкую тропу созвездий, что зовется также «Путем богов»; и пока он шел, повсюду по приказу Индры воздавались ему хвалы. Были там и садхьи, и вишвы, маруты и оба Ашвина, адитьи, васу, рудры, незапятнанные, святые брахмические мудрецы, многие царственные мудрецы, (древние) цари во главе с Дилипой, Тумбуру, Нарада, а также гандхарвы Хаха и Хуху.

Ко всем им подойдя, как велит обычай, узрел тут потомок Царя богов Шатакрату, смирителя недругов. И, сойдя с превосходной колесницы, мощнодланный Партха зрел воочию Индру богов, отца своего, Пакашасану. Был у него прекрасный белый зонт на золотом древке, его обмахивали опахалом, источавшим волшебный аромат. Первейшие средь дваждырожденных славили его стихами из Риг-, Яджур- и Самаведы, ганд-харвы во главе с Вишвавасу — хвалебными песнопениями.

Приблизившись к нему, преклонил (до земли) голову могучий Каунтея, тот же удержал его округлыми своими руками. Затем, взявши Арджуну за руку, подвел его Шакра к святому трону своему, чтимому богами и царственными мудрецами. Индра богов, губитель вражеских героев, вдохнул запах головы его и с нежностью привлек (Арджуну), почтительно склонившегося перед ним, к своей груди. Повинуясь велению Тысячеокого, взошел необъятно-великий духом Партха на престол Шакры, подобно второму Васаве. Потом Недруг Вритры с любовью коснулся благоуханной рукою светлого лика Арджуны, дабы ободрить его. Он неспешно поглаживал его прекрасные мощные руки, загрубевшие от прикосновений тетивы и стрел, подобные двум золотым столбам. То и дело Держатель ваджры, Губитель Балы похлопывал по ним рукою, хранящей следы (постоянного) соприкосновения с ваджрой. Глаза Губителя Вритры расширились от восторга; с легкой улыбкой взирал Тысячеокий на Гудакешу и все не мог им налюбоваться.

Восседая вдвоем на одном троне, они озаряли (величием) Зал собрания, словно Солнце и Месяц, когда в четырнадцатый день вместе восходят они на небе8. Гандхарвы, первый средь которых — Тумбуру, пели стихи на нежные, сладостные мотивы. Гхритачи, Менака, Рамбха, Пурвачитти, Сваямпрабха, Урвапги, Мишракеши, Дундугаури, Варутхини, Гопали, Сахаджанья, Кумбхайони, Праджагара, Читрасена, Читралекха

и Мадхусвара — эти и другие лотосоокие, пышнотелые красавицы, призванные смущать помыслы совершенных, всюду танцевали (вокруг Арджуны); груди их колыхались; они бросали призывные, нежные взгляды, похищая души, умы и сердца (зрителей).
*Такова в книге «Лесная» великой «Махабхараты» сорок четвертая глава.*

ГЛАВА 45

Вайшампаяна сказал:
И вот, постигнув мысль Шакры, боги с гандхарвами взяли
наилучшую «почетную воду» и тотчас же поднесли Партхе. Поднеся царскому сыну также воду для ног и воду для при-хлебывания, они затем ввели его в обиталище Турандары.
Принявши все эти почести, поселился Джишну в доме своего отца; там изучил Пандава все виды чудесного оружия вместе с заклятиями для возвращения. Из своих рук вручил ему Шакра любимое оружие свое — ваджру, (удара) которой не перенесть (никому), а также громозвучные ашани, которых вестниками служат (рев) туч и (крик) павлинов.

Добыв оружие, вспомнил о братьях Пандава Каунтея; (ведь) по велению Пурандары уже пять лет пребывал он в блаженстве. И вот, когда пришло время, молвил Шакра обретшему оружие Партхе: «О Каунтея, восприми же (теперь) от Читрасены искусство пения и танцев». Неведома в мире людей музыка богов; прими же (знание) ее, Каунтея, и да будет благо тебе!» И дал ему Пурандара в товарищи Читрасену; сойдясь с ним, Партха беззаботно предался развлечениям.
Однажды странствующий (по вселенной) святой мудрец Ломаша явился во дворец Шакры, дабы узреть Пурандару. Приблизившись, поклонился великий подвижник Царю богов и тут заметил Пандаву, занявшего половину престола Васавы. По приглашению Шакры воссел лучший из дваждырожденных на широкое и высокое сиденье, а великие святые мудрецы воздали ему (положенные) почести. Его же при виде Партхи, сидящего на троне Индры, (мучила) мысль: «Как это кшатрий Партха удостоился престола Шакры? Что за подвиг он совершил? Какие добыл для себя миры? За что ему такое место, которому и боги поклоняются?»

Проникнув в мысли Ломаши, Шакра, Супруг Шачи, Губитель Вритры, улыбнулся и молвил ему такое слово: «Послушай, мудрец-брахман, про то, что пришло тебе на ум. Это ведь не просто смертный, обретший рождение во кшатре; это, о великий мудрец, мой могучий сын, которого родила Кунти. Для одного только прибыл он сюда: чтобы добыть (волшебное) оружие. Разве ты не узнал в нем совершеннейшего древнего мудреца? Внемли же, о брахман, я расскажу тебе, кто он и каково его предназначение.

Было два святейших древних мудреца: Нара и Нараяна; узнай же эту двоицу в Хришикеше и Завоевателе богатств! Славится в мире святая обитель, зовущаяся Вадари; увидеть ее не дано ни богам, ни святым мудрецам, наделенным величием духа. Там-то, у истоков Ганги, к (берегам) которой являются сиддхи и чараны, и жили некогда Вишну и Джишну. По моей воле, о брахмический мудрец, эти два осиянных величием героя (ныне вновь) родились в земном мире, (ибо) им суждено облегчить (тяжкую) ношу земли! Есть некие надменные асуры, что зовутся «ниватакавачами»; обретение (желанного) дара ввергло их в ослепление, отчего они сделались враждебны нам. Получив этот дар, перестали они чтить богов, возгордились своей силой и задумали истребить небожителей. Мощны эти грозные, обитающие в Патале сыновья Дану; всех божеских сонмов не хватит для того, чтоб сразиться с ними.

Святой владыка, непобедимый Хари, Вишну, Губитель Мадху, сей бог, явившийся некогда на землю под именем Капилы и сразивший одним лишь взглядом великих духом сыновей Сагары, когда они рыли (ход) в нижний мир, — вот кто или же Партха, ибо они с ним — одно, должен, о владыка, достойнейший из дваждырожденных, осуществить в славной битве наше великое дело! Этот герой способен один противостать их скопищам; сразивши их в битве, он снова вернется к людям.

Потому ты, повинуясь нашему велению, ступай на землю; свидишься ты с отважным Юдхиштхирой, обитающим в лесу Камьяка. Как укажу тебе, должен ты передать верному слову, преданному духом дхарме (царю): «Не горюй о Пхальгуне. Вскоре он вернется, освоив (волшебное) оружие. Тот, чьей телесной мощи недостает святости, кто не владеет искусно оружием на поле брани, не в силах был бы противостать в битве Бхишме, Дроне и прочим (кауравам). Мощнодланный, многомудрый Гудакеша получил оружие (богов); он достиг совершенства в (искусстве) чудесных песен, танцев и музыки. Ты же, смиритель недругов, владыка потомков Ману, должен вместе со всеми братьями посетить уединенные тиртхи. Омывшись в святых тиртхах, ты избавишься от всякого зла и греха, забудешь все заботы и сможешь, о Индра царей, счастливо владеть своим царством».

Тебе же, о первый средь брахманов, лучший из дваждырожденных, надлежит сопровождать его в странствиях по свету, (ибо ты) исполнен могущества, (добытого) тапасом. В непроходимой глуши, в неприступных горах обитают грозные ракшасы, да будешь ты ему защитою от них, почтенный!»

«Да будет так!» — подтвердил Ломаша, величайший из подвижников, и сошел на землю, направляясь к лесу Камьяка. Там увидел он смирителя недругов, Каунтею, Царя справедливости, со всех сторон окруженного братьями и отшельниками.
*Такова в книге «Лесная» великой «Махабхараты» сорок пятая глава.*

ГЛАВА 46

Джанамеджая сказал:
Когда наделенный пламенностью духа Дхритараштра прослышал о диковинном подвиге, содеянном Партхой, обладателем непомерного пыла, что сказал он на это, о брахман?

Вайшампаяна сказал:
Когда царь (Дхритараштра), сын Амбики, прослышал от величайшего из святых мудрецов Двайпаяны о восхождении Лартхи в мир Шакры, сказал он Санджае:
«Слыхал я, о сута, весь полностью (рассказ) о подвиге, который совершил премудрый Партха.
Известно ли тебе доподлинно (все происшедшее), о сын возницы? Сын мой скудоумен, зломыслен, закоснел во грехе; следуя подлым обычаям, потерял разум; всю землю приведет он к погибели. Ведь этот великий духом (царь), речи которого всегда правдивы, даже если дело идет о пустяках, тот, на чьей стороне бьется сам Завоеватель богатств, мог бы овладеть всею тройственной вселенной! Найдется ли человек, будь он даже неподвластен старости и смерти, который (осмелится) встать лицом к лицу с Арджуной, сыплющим острые, с крючковатыми наконечниками, на камне заточенные стрелы? Злые сыновья мои уже во власти •смерти; ведь им предстоит сразиться с необоримыми Пандавами!

Сколько ни размышлял я, не ведая сна, не знаю я такого колесничного бойца, который мог бы выступить на битву с Обладателем лука Гандива. Если даже пойдут на него в сражении Дрона с Карной, а то и сам Бхишма, все равно грозит миру беда; в победу же нашу я не верю. Карна слишком добродушен и беспечен, почтенный наставник уже стар. Партха же гневен, могуч, неистов, неизменен в доблести. Грянет великая битва, в которой никто не (признает себя) побежденным, ибо эти герои искусно владеют оружием, все покрыли себя великой славой. Даже владычества над миром не пожелали бы они обресть ценою поражения; потому мир может наступить лишь со смертью либо их, либо Пхальгуны!

Нет никого, кто сразил бы Арджуну, нет такого, кто одолел бы его; как же смирить его гнев, вызванный этими глупцами? Равный самому Владыке Тридесяти (богов), этот герой насытил Агни в (лесу) Кхандава; при великом обряде раджасуя покорил он всех земных владык. Если ваджра обрушится на темя горы, то может (от горы) и уцелеть что-либо, о Санджая; но ничто не уцелеет, сын мой, если Увенчанный диадемой пустит свои стрелы! Как лучи солнца иссушают все подвижное и недвижное в этом мире, так иссушат и детей моих стрелы, пущенные рукою Партхи! Провижу я, как повергнутое в отчаяние грохотом колесницы Савьясачина, словно по кускам разлетится во все стороны бхаратское войско!

Вот он, Увенчанный диадемой, стоит на ратном поле, рассеивая, рассыпая стрелы, нацелив смертоносный лук; всепоглощающую Смерть в нем воплотил Видхатри; возможно ль уязвить его?!»

Санджая сказал:
О царь, все, что говорил ты о Дурьодхане, так и есть, ни
словом не погрешил ты, владыка земли! Да, гневом загорелись неизмеримо мощные Пандавы, когда увидели они, как Кришну, благочестивую и многославную супругу, вводили в Зал собрания. Речи Духшасаны и Карны привели их в такую ярость, что, полагаю, (ни днем, ни ночью) глаз не сомкнут они, о великий царь!

Ведь ты слышал, о великий царь, что Одиннадцатителый Стхану, (сойдясь) с Партхою в битве, остался доволен его* (искусством) стрельбы из лука. Облекшись в одежды киратыг сам Бхагаван, Носитель капарды, владыка всех богов, сразился с Пхальгуной, желая испытать его. И тогда же взору Арджуны, того быка-кауравы, ради обретения оружия проявившего небывалое рвение в подвижничестве, явились Хранители мира. Никому из людей, кроме Пхальгуны, никогда того не добиться, чтоб воочию (здесь), на земле, лицезреть всех этих владык. Если и Махешваре не удалось сломить силы того героя, (божества), принявшего телесное воплощение, то найдется ль такой человек, чтоб осилил его в сражении? Грянет (скоро) грозная, внушающая трепет битва с теми, кто силой влек (тогда) Драупади (в Дом собрания) и (этим) прогневил Пандавов.

Видя, как Дурьодхана обнажил перед Драупади свои бедра, Бхима дрожащими (от гнева) губами прорек тогда великое слово: «Едва пройдет тринадцать лет, о злодей, бесчестный игрок, и я раздроблю твои бедра крепкой, как ваджра, палицей!» Партхи — превосходнейшие бойцы, все они наделены непомерным ратным пылом, искусно владеют всеми видами оружия; нелегко было бы одолеть их даже богам. Думается мне, что они, движимые гневом, исполненные отваги и жажды мщения, истребят в сражении твоих сыновей!

Дхритараштра сказал:
И зачем только Карна, о сута, сказал те злые слова! Зачем, введя Кришну в Собрание, они посеяли такую вражду?! Как-то будут жить теперь неразумные мои сыновья, когда их старший брат и наставник отошел от добрых обычаев? Видя, что я лишен зрения, не могу сознавать (происходящее) и действовать, не внемлет, о сута, словам моим злосчастный (Дурьодхана)! Его же неразумные приспешники, Карна, сын Субалы и прочие, только взращивают все более заблуждения этого глупца!

Партха, наделенный непомерным ратным пылом, даже играючи может испепелить стрелами моих сыновей; что-то будет, когда он разгневается! (Стрелы), которые Партха в полную силу рук мечет из своего великого лука, окрыленные заклятиями волшебного оружия, могут истребить даже небожителей! Ведь другом, покровителем и советником ему приходится сам Джанардана, Хари, опора тройственной вселенной; кто же (уйдет) от него непобежденным?

Небывалое в этом мире чудо совершил Арджуна, о Санджая: сошелся он, говорят, в рукопашной с самим Махадевой! А что на виду у всего мира содеяли Пхальгуна и Дамодара, желая помочь Огню, в (лесу) Кхандава! Как ни глянь, а сыновья мои при всех родичах их и советниках — ничто (в сравнении) с Бхимой, разгневанным Партхой и Васудевой, (главою) сатватов!
*Такова в книге «Лесная» великой «Махабхараты» сорок шестая глава.*

ГЛАВА 47

Джанамеджая сказал:
О подвижник, (по-моему), ни к чему уже все эти сожаления царя Дхритараштры, после того как изгнал он отважных Пандавов. Как допустил царь, чтобы сын его, скудоумный Дурьодхана, прогневал сыновей Панду, великих колесничных бойцов?
Поговорим лучше о том, чем питались сыновья Панду в лесу; скажи, почтенный, были ли то дары леса или плоды земледелия?

Вайшампаяна сказал:
Дарами леса и (мясом) сраженной острыми стрелами дичи питались мужи-быки, поднося прежде (пищу) брахманам. Ведь за теми отважными великими лучниками, поселившимися в лесу, следовали, о царь, (хранители) огня и не (разводящие) огня брахманы. Десять тысяч великих духом брахманов-снатаков, знатоков (пути) освобождения держал, кроме того, на довольствии Юдхиштхира. Сражая стрелами оленей руру, черных ланей и других чистых лесных животных, он, как велит обычай, предлагал их (в пищу) брахманам.

Не было там людей нездорового вида, немощных, исхудалых, слабых, угрюмых, томимых страхом; каждого из них достойнейший в роде Куру Царь справедливости Юдхиштхира потчевал, будто любимого сына, кровного родича или единоутробного брата. Преславная Драупади сперва, как (заботливая) мать, кормила супругов своих и дваждырожденных, а после сама ела то, что оставалось.

Царь — на востоке, Бхимасена — на юге, близнецы — на севере и на западе с луками наготове бродили, добывая мясо; постоянными набегами истребили они всех зверей (в том лесу) ! Так и жили они в Камьяке в разлуке с Арджуной, тоскуя о нем; пять лет провели они там, уча Веды, твердя молитвы, совершая жертвенные обряды.
*Такова в книге «Лесная» великой «Махабхараты» сорок седьмая глава.*

ГЛАВА 48

Вайшампаяна сказал:
Тяжко, глубоко вздохнул Дхритараштра, сын Амбики; обратившись к суте своему, Санджае, сказал он так, о бык-бхарата:
«Сыновья богов, Пандавы Накула и Сахадева, причастны высокой доле, сияют величием, как сам Царь богов, неистовы в битве. Тверда их решимость, крепко оружие, проворны руки, люта ярость, издали разят они (врага) на поле битвы, стремительны, не знают отдыха. Когда они в гуще сражения встанут, доблестные, как львы, неотразимые, словно сами Ашвины, (прикрывая) с тыла Арджуну и Бхиму, — не думаю я, о Санджая,

чтоб хоть что-то осталось тогда от (нашего) войска! Дети богов, они сильны в колесничном бою, нет им равных на поле брани; гордые, никогда не примирятся они с нанесенным Драупади оскорблением!

Грозны вришнийские лучники, могучи панчалийские (бойцы), хранит их в битве сам устремленный к истине Васудева;
истребят Партхи на поле брани воинство моих сыновей! Стремительного натиска вришнийцев, ведомых в сражении Кришной и Рамой, не смогли бы выдержать даже горы, о Сын суты!
И среди них будет носиться (по полю битвы) наводящий ужас своею мощью Бхима, (размахивая) палицею с шипами, губительницей героев. Рева Гандивы, грохочущего, словно ашани, мощных ударов палицы Бхимы не смогут выдержать цари. Тогда-то и вспомню я советы друзей, которые надлежало помнить (всегда) и которым я в свое время не последовал, покорившись воле Дурьодханы».

Санджая сказал:
Ты допустил, о царь, чтобы сын твой совершил величайший проступок; будучи в силах сделать это, ты все же, (обуянный) заблуждением, не удержал его. Прослышав о проигрыше Пандавов в кости, неколебимый Губитель Мадху поспешил в Камьяку, дабы соединиться с Партхами. Так же (поступили) сыновья Друпады во главе с Дхриштадьюмной, Вирата, Дхриштакету и великие колесничные бойцы Кекаи. О том, что говорили они там, при встрече с побежденными Партхами, сообщаю тебе все так, как проведал (мой) соглядатай.

Встретив там Губителя Мадху, избрали его Пандавы на
время битвы колесничим при Пхальгуне. «Хорошо!» — отвечал им Хари. Видя Партхов в такой беде, носящими черные оленьи шкуры вместо верхних одежд, не стерпел Кришна и сказал Юдхиштхире:
«Богатство Партхов, какое наблюдал я при совершении раджасуи в Индрапрастхе, недостижимо было для других царей. (Я видел) там всех земных владык, трепетавших перед (вашим) ратным пылом и (силой) оружия: вангов, апгов, паундров, удров, чолов, дравидов, андхраков, обитателей океанских побережий и жителей городов, синхалов, бар-баров, млеччхов и прочих жителей леса, сотни (жителей) царств, лежащих на западе, близ океана, пахлавов, дарадов, ки-ратов, яванов и шаков, харахунов, чинов, тукхаров, жителей Синдху, джагудов, раматхов, мундов, танганов и правителей Царства женщин — я видел, как эти и многие другие (народы) явились прислуживать тебе при жертвоприношении, о бык-бхарата!

Непрочно, преходяще похищенное ими богатство, (но) я верну его назад, лишив их жизни. С помощью Рамы, Бхимы, Арджуны, отважного Дхриштадьюмны и сына Шишупалы20, о кауравья, я убью в сражении Дурьодхану, а с ним и Карну, и Духшасану, и сына Субалы, и всякого, кто станет противоборствовать (нам), о бхарата! Ты же тогда поселяйся с братьями в Хастинапуре, овладей царским счастьем сынов Дхрита-раштры и правь всею этой землей!»

Тогда в собрании предводительствуемых Дхриштадьюмной героев, (жадно) внимавших (их речам), сказал царь такое слово: «Правдивы твои слова, по душе мне они, о Джанардана; ты истребишь, мощнодланный, всех недругов моих с их приспешниками! Но исполни это лишь тогда, когда пройдут тринадцать лет, о Кешава! Ведь перед собранием царей дал я клятву провести их в лесу».
Выслушав речь Царя справедливости, все присутствовавшие в Собрании во главе с Дхриштадьюмной принялись кроткими, подобающими случаю речами смирять неукротимого Кешаву. А стойкой (духом) Панчалийке они в присутствии Васудевы сказали: «О царица, расстанется с жизнью вызвавший гнев твой Дурьодхана! Не печалься, мы твердо обещаем тебе это, красавица! Что до тех, которые, видя гнев твой, (посмели) тогда смеяться, о Кришна, то мясо их с хохотом пожрут звери и птицы! Они (силой) влекли тебя по земле в Доме собрания — теперь же шакалы и грифы выпьют их кровь, будут таскать (по земле) их (отсеченные) головы! Ты увидишь, о Панчалийка, как их (разбросанные) по земле тела хищные звери будут рвать на части, пожирать кусок за куском! У тех, кто тогда истязал тебя, выказывал тебе презрение, отрезаны будут головы, напьется их крови земля!»

Вот какие речи произносили на все лады те мужи-быки, каждый из которых отважен, наделен ратным пылом и (украшен) рубцами от ран. И всем им назначил Царь справедливости по истечении тринадцати лет собраться вновь под главенством великого колесничного бойца Васудевы. Завоеватель богатств, Кришна и Рама, Самба, Прадьюмна, Ююдхана о Бхимой, сыновья царя кекаев и (царя) Панчалы — все они заодно с Царем справедливости. Кто из людей, кому жизнь дорога, выйдет на бой против этих (прославленных) в мире, гневливых, словно гривастые львы, непобедимых, великих духом героев с их соратниками и воинством?!

Дхритараштра сказал:
Ведь говорил мне во время игры Видура: «Индра людей, если ты обыграешь Пандавов, тогда неизбежно придет куру погибель; будут великие беды и реки крови». Видно, о сута, все сбудется так, как сказал мне некогда Кшаттри; только пройдет установленный Пандавам срок — неминуемо грянет та битва!
*Такова в книге «Лесная» великой «Махабхараты» сорок восьмая глава.*

ГЛАВА 49

Джанамеджая сказал:
Когда ушел великий духом Партха в мир Шакры добывать оружие (богов), что делали тогда Пандавы во главе с Юдхиштхирой?

Вайшампаяна сказал:
Когда ушел великий духом Партха в мир Шакры добывать оружие (богов), мужи-быки вместе с Кришною пребывали в лесу Камьяка. Вот как-то раз, терзаясь скорбью, достойнейшие из бхаратов сидели вместе с Кришною на уединенной, затерянной (в лесу) травянистой лужайке. Горькая печаль их томила, горло теснили слезы; тосковали они о Завоевателе богатств. От разлуки с ним всех их скорбь обуяла; огорчались они разлукой с Завоевателем богатств и потерей царства.

И тут мощнодланный Бхима сказал Юдхиштхире: «О великий царь, этот муж-бык, Арджуна, в чьих (руках теперь) жизнь сыновей Панду, по твоему приказу ушел (от нас). Если он погибнет, тогда ни нам с детьми нашими, ни панчалам, ни Сатьяки, ни Васудеве не избежать гибели. Есть ли горше беда, чем то, что Бибхатсу, обладатель духовного пыла, по приказу твоему уходит (от нас), не чая многих (грядущих) бед! Уповая на (мощь) рук этого великого духом (героя), мы можем заранее считать, что сокрушили в битве всех врагов и овладели землей! Лишь благородство (души) этого (превосходного) стрелка из лука воспрепятствовало мне (тогда же), в Зале собрания отослать в иной мир сыновей Дхритараштры и сына Субалы!

Наделенные мощью рук, хранимые (самим) Васудевой, только ради тебя, почтенный, обуздали мы закипевший в нас гнев! Иначе мы вместе с Кришной сразили бы врагов, возглавляемых Карной, и повелевали бы (теперь) всею землей, покорив ее (мощью) своих рук! Сильнейшие из сильных, в избытке наделенные мужеством, только из-за твоей порочной страсти к игре мы попали в беду, о царь!

Тебе надлежит блюсти кшатрийскую дхарму, о великий царь; а ведь жизнь в лесах не является дхармой кшатрия. Мудрые полагают высшей кшатрийской дхармой управление царством. О царь, ты знаток кшатрийской дхармы, не отступай же от ее велений; да истребим мы сыновей Дхритараштры, царь, прежде, чем пройдет двенадцать лет!

Выйдя из леса, соединившись с Джанарданой и Партхой, я тотчас же, о великий царь, в грозной битве отошлю сыновей .Дхритараштры, о владыка народа, вместе со всем их воинством в иной мир. Я истреблю всех сыновей Дхритараштры вместе с сыном Субалы, Дурьодхану, Карну и всякого, кто (осмелится) противоборствовать (нам); после того как я усмирю (врага), ты сможешь вновь выйти из леса; тогда, о владыка народа, этим поступком ты уже не навлечешь на себя вины. Брат мой, великий царь, смиритель недругов, очистившись от совершенного греха всевозможными жертвенными обрядами, мы .достигнем высшего из небесных миров!
Так это все и случится, если только, ты, почтенный царь наш, всецело преданный дхарме, не будешь беспечным и медлительным.

Несомненно, что того, кто изощрен в обмане, следует и уничтожать посредством обмана; погубить обманщика с помощью обмана не считается грехом. Знатокам дхармы ведомо, что в делах благочестия сутки (можно) приравнивать к году, о великий царь, бхарата! Часто можно услышать, владыка, и такое речение Вед: «В самой крайней нужде дозволяется считать, будто год уже прошел», о великий царь! Если чтишь ты наставления Вед, то, едва день пройдет, считай, что истек тринадцатилетний срок, о неколебимый! Пришла пора убить Дурьодхану с его приспешниками, пока не объединил он всю землю (под своим владычеством), о царь, смиритель недругов!»

Когда Бхима это промолвил, Юдхиштхира, Царь справедливости, вдохнул запах головы его и обратился к Пандаве со словом увещевания: «Не сомневаюсь я, о мощнодланный, что по прошествии тринадцати лет ты в сообществе с Обладателем Гандивы сразишь Суйодхану. Что же до слов твоих ко мне: «Истек (наш) срок», то никогда, о владыка, не смел я сказать неправду, никто не знает за мной такого, о Партха! Ведь и не прибегая к обману, сопряженному с коварным умышлением, ты, необоримый Каунтея, сразишь Дурьодхану с его приспешниками!»

В то время как Юдхиштхира, Царь справедливости, говорил это Бхиме, явился туда причастный высокой доле великий святой мудрец Брихадашва. Благочестивый Царь справедливости,
увидев, что прибыл этот блюститель дхармы, почтил его, как велит обычай, (подношением) «медовой смеси». Когда отдохнул (Брихадашва) и был (удобно) усажен, мощнодланный Юдхиштхира, сев подле и не сводя с него глаз, повел раловор о своих многочисленных бедах:

«О владыка, играя в кости, я лишился и казны, и царства, ибо принял вызов искусных игроков, изощренных в обмане плутов. Злоумышленники, обманув меня, благонравного и нес
ведущего в игре, ввели в Собрание мою супругу, которая мне дороже самой жизни. Есть ли на земле царь, чей удел был бы горше моего?! Слыхал ли ты, о почтенный, видал ли прежде
такого?! Думаю я, нет человека, который был бы несчастнее меня».

Брихадашва сказал:
Ты говоришь, о великий царь, Пандава: «Не найти человека, чей удел был бы горше моего!» Но соблаговоли выслушать, о владыка земли, и я расскажу о царе, который был несчастнее тебя.

Вайшампаяна сказал:
И царь ответил ему: «Расскажи, о почтенный! Желаю услышать о царе, которого постигла такая беда».

Брихадашва сказал:
Тогда, о царь, неколебимый владыка земли, вместе с братья
ми своими внимательно прослушай (рассказ) о царе, который
был несчастнее тебя.

Правил страною нишадхов царь по имени Вирасена. Был у него сын, прозревший (суть) дхармы и артхи, которого звали Нала. И этого царя, как я слышал, коварно обыграл (в кости) Пушкара. Не заслуживший несчастья, (вынужден был) он с супругой своей поселиться в лесу. И не осталось при нем> в его лесном жилище, ни коня, ни колесницы, ни брата, ни родственников, о царь! Ты же, почтенный, окружен богоподобными братьями-героями, первейшими из дваждырожден-ных, схожими с самим Брахмой, — и потому тебе не следует печалиться!

Юдхиштхира сказал:
Желаю слышать более пространным сказание о подвигах великого духом Налы; ты должен поведать мне его, о превосходнейший из повествующих!
*Такова в книге «Лесная» великой «Махабхараты» сорок девятая глава.*

КОНЕЦ «СКАЗАНИЯ О ВОСХОЖДЕНИИ НА НЕБО ИНДРЫ»

# СКАЗАНИЕ О НАЛЕ

ГЛАВА 50

Брихадашва сказал:
Жил царь по имени Нала, сын Вирасены, большой знаток коней. Могуч и прекрасен, обладал он всеми достоинствами, каких можно пожелать. Как сам Царь богов, возвышался он над Индрами потомков Ману; всех, словно Адитья, превосходил пламенностью духа. Благочестивый, отважный, познавший Веды, царил он в стране нишадхов. Любил игру в кости, был правдив в речах, славен, как предводитель ратей. Достойнейшие из женщин мечтали о нем; он же, благородный, обуздывал чувственные влечения. Превосходный стрелок из лука, был он, словно въяве сам Ману, (надежной) защитой (своему народу).

А в стране видарбхов жил грозный своею мощью, отважный и всеми достоинствами наделенный Бхима, который, желая потомства, был, однако, лишен его. Сосредоточась на (одной этой) цели, великие предпринял он труды ради (обретения) потомства. И явился к нему, о бхарата, святой брахман-мудрец so имени Дамана. Знаток дхармы Бхима и его царица, с мыслью о потомстве, ублаготворили могущественного, многославного (святого мудреца) почетным приемом. И умилостивленный Дамана даровал им с супругой (во исполнение их желания) деву-жемчужину Дамаянти, а также трех благородных сыновей: грозных, страшащих своею мощью, наделенных всеми добродетелями Даму, Данту и могучего Даману.

Тонкостанная Дамаянти снискала себе славу в народе своей красотой, пылкостью духа, величавостью, изяществом и той щедростью, с какой одарила ее судьба. С тех пор как она достигла (брачного) возраста, сотни разнаряженных подружек и рабынь прислуживали ей, словно самой Шачи. Безупречно прекрасная дочь Бхимы при полном драгоценном убранстве блистала там, в кругу подруг, подобно яркой молнии (в облаках). С продолговатыми, как у (богини) Шри, очами, она была наделена небывалой красотой. Такой красавицы не видано прежде и не слыхано ни средь богов, ни средь якшей, ни средь людей и прочих (созданий); прелестная яшая дева могла смутить даже сердца небожителей!

Нала, муж-тигр, красотой не имел себе равных на свете; обликом был он как сам воплощенный Кандарпа. Любопытством горя, в окружении (девы) все славили Налу; в окружении. Владыки нишадхов без конца (восхваляли) Дамаянти. Слыша постоянно о достоинствах (другого), еще не видавшись, они полюбили, и взаимное их влечение все силилось, о Каунтея!

И вот однажды, Нала, не в силах более удерживаться (от проявлений) страсти, (овладевшей его) сердцем, сидел, тайком туда прокравшись, в роще, лежавшей близ внутренних покоев. Увидел он там златоперых гусей; пока они разгуливали по роще, поймал он одного из тех пернатых. Тут житель поднебесья молвил Нале: «Не убивай меня, о царь, и я сделаю то,, что будет тебе любо. В обществе Дамаянти я так поведу рассказ о тебе; Владыка нишадхов, что никогда у ней в мыслях не будет помимо тебя другого мужчины»! Услышав это, пустил царь гуся на волю. Тотчас все гуси поднялись в воздух и полетели в сторону Видарбхи.

Прибыв в столицу Видарбхи, опустились птицы неподалеку от Дамаянти. Заметила она небесных странников. Обликом: были они столь дивны, что Дамаянти, увлекшись, поспешно» бросилась вместе с толпою подружек ловить их. Но разлетелись гуси во все концы увеселительной рощи. И (пришлось) девушкам поодиночке разбежаться за ними. Тот же гусь, к которому подбежала сама Дамаянти, молвил ей вдруг человеческим голосом: «О Дамаянти, царь нишадхов по имени Нала красотой подобен Ашвинам, нет ему равных среди людей! Благородство происхождения, красавица, и прелесть твоя, о тонкостанная, лишь тогда принесут свой плод, если станешь ты его супругой. Немало встречали мы небожителей, гандхарвов, людей, демонов-змеев, ракшасов — но не видали ему подобного! Ты — жемчужина среди женщин, а Нала — лучший из мужчин; (сколь же) благодатен будет союз достойнейшего с достойнейшей!»

Дамаянти, о владыка народа, выслушав речи гуся, ответила тогда: «Скажи то же самое Нале!» — «Исполню!» — молвил дочери царя видарбхов яйцерожденный. Затем, о владыка народа, он вернулся в страну нишадхов и поведал обо всем Нале.
*Такова в книге «Лесная» великой «Йахабхараты» пятидесятая глава.*

ГЛАВА 51

Брихадашва сказал:
Дамаянти, с тех пор как услышала речи гуся, сама не своа стала (от любви) к Нале, о бхарата! Вечно была она (теперь) задумчива и печальна, осунулась, побледнела, поминутно вздыхала. Воздев очи, как безумная, предавалась она мысленному созерцанию (возлюбленного); сидеть, лежать, вкушать ли (яства) — все было ей не в радость. Ни ночью, ни днем она глаз не смыкала и неустанно твердила: «Горе мне, горе!» По этим внешним проявлениям, выдающим ее душевное состояние, догадались подружки о ее недуге. Тогда подружки Дамаянти пошли толпою к царю видарбхов и сообщили ему, о владыка людей, что Дамаянти занемогла.

Выслушал подружек Дамаянти царь Бхима и решил, что в отношении дочери должно принять серьезные меры. Рассудив, что дочь его достигла уже расцвета юности, владыка земли почел долгом устроить Дамаянти сваямвару. И созвал он, о могучий владыка народа, властителей земных: «Приходите, отважные мужи, на сваямвару!» Прослышав о сваямваре Дамаянти, все цари, земные владыки, явились к Бхиме по зову «го. Всю землю огласили они грохотом колесниц, ревом слонов и ржанием коней; и все воины их дружин (шли) нарядные, в драгоценных уборах и многоцветных венках.

В это самое время два достойнейших древних мудреца в вечном странствии своем перенеслись, великие духом, отсюда ъ мир Индры. Исполнители дивных обетов, великие духом Нарада и Парвата, приемля пышные почести, вступили во дворец Царя богов. Почтив их, Тысячеокий владыка осведомился затем об их неувядаемом здоровье и всеобъемлющем благополучии.

Нарада сказал:
О бог, повелитель, владыка Магхаван! Нет предела нашему процветанию! Благоденствуют также и цари по всей земле.

Брихадашва сказал:
Выслушав ответ Нарады, спросил Губитель Балы и Вритры: «(А где же) земные владыки, знатоки дхармы, в битве расставшиеся с жизнью? Ведь им, приемлющим в должный час, не отвратив лица, смерть от меча, принадлежит сей нетленный мир и моя Камадух! Где же эти отважные кшатрии, почему я не вижу здесь хранителей земли, кои суть для меня самые дорогие гости!»

На это Нарада отвечал Шакре: «Слушай, великий, вот почему не явились владыки земли: Дамаянти — так зовут дочь царя видарбхов — превзошла красотою всех женщин на земле. Скоро, о Шакра, будет ее

сваямвара; туда-то и направились все цари и сыновья царей. Поскольку же (Дамаянти — поистине) сокровище земного мира, то цари и домогаются ее, о Губитель Балы и Вритры, с небывалым рвением!»

В то время как он рассказывал (об этом), приблизились к Царю богов высочайшие из бессмертных, Хранители мира вместе с Агни. От слова до слова выслушали они высокую речь Нарады и, воодушевившись, воскликнули: «Пойдем же и мы (на сваямвару)!» И тотчас, о великий царь, помчались (боги) на колесницах вместе со свитой в страну видарбхов, куда уж» собрались все земные цари.

Прослышал, о Каунтея, о собрании царей и царь Нала; безмятежно пустился он в путь, предаваясь (мечтам о) Дамаянти.. И вот боги в своем пути (по небу) увидели стоящим (внизу),, на поверхности земли, Налу, который совершенством красоты своей подобен был принявшему зримое воплощение Ман-матхе. Завидев его, сиявшего, словно солнце, замерли Хранители мира, пораженные великолепием его облика и утратившие (былую) решимость. Остановив в поднебесье свои летающие колесницы, опустились небожители с небес (на землю), » царь, и так обратились к владыке нишадхов: «О почтенный владыка нишадхов, Индра царей, преданный истине Нала, окажи нам услугу, достойнейшей из людей: будь нашим посланцем!»
*Такова в книге «Лесная» великой «Махабхараты» пятьдесят первая глава.*

ГЛАВА 52

Брихадашва сказал:
«Исполню!» — с готовностью отвечал (богам) Нала, о бхарата, затем он предстал перед ними, почтительно сложив ладони, и спросил: «Но кто вы, владыки? Кто пожелал иметь меня своим посланцем? Объясните мне толком, что я могу для вас сделать?»
«Знай, мы — бессмертные (боги) — отвечал Магхаван царю нишадхов, — сюда же явились мы ради Дамаянти. Я — Индра, это — Агни, это — Владыка вод, а это, о царь, — сам Яма, пресекающий бренное человеческое бытие. Ты же должен возвестить Дамаянти о нашем прибытии: „Хранители мира вместе с Индрой пришли повидать тебя! Шакра, Агни, Варуна и Яма — боги жаждут обладать тобою; одного из них выбери себе в мужья!"».

Нала, сложив ладони, ответил на это Шакре: «Сам я стремлюсь к той же цели; вам не должно меня посылать».

Боги сказали:

Слышали мы, как сначала сказал ты: «Исполню!», почему же исполнять не хочешь? Ступай, царь нишадхов, не медли!

Брихадашва сказал:
Это услышав, вновь обратился к богам царь нишадхов: «Надежно охраняются покой. Смогу ли я в них проникнуть?» — «Проникнешь!» — ответил ему Шакра. «Пусть так!» —молвил (Нала) и направился к покоям Дамаянти.

Увидел он там Видарбхийку в сиянии красоты и славы, окруженную толпой подружек, с чудным цветом лица, нежнейшего сложения, тонкостанную, ясноокую, пламенностью духа затмившую свет месяца. При виде милой ее улыбки страсть (Налы) вспыхнула с новой силой, но, стремясь исполнить «вой долг, он смирил влечение сердца. Красавицы, завидев Нишадху, смутились и привстали с сидений, покоренные его духовным пылом. В восторге и умилении воздавали они хвалы Нале, но лишь мысленно, (так как) не (осмеливались) заговорить с ним. «Как прекрасен, как обаятелен, как исполнен достоинства сей великий духом (герой)! Кто бы это мог быть: бог, либо якша, либо гандхарва!» — (гадали) стыдливые красавицы, покоренные духовным пылом (Налы), но ни одна из них в его присутствии не в силах была вымолвить и слова.

Наконец изумленная Дамаянти, улыбнувшись в ответ на улыбку отважного Налы, сама заговорила с ним: «Кто ты, столь безупречно прекрасный, что зажег мое сердце любовью? О герой, ты явился, подобно бессмертному (богу). Кто ты, о совершенный, я знать желаю? Как смог ты сюда проникнуть? Как никто тебя не заметил? Ведь надежно охраняется мой дом, у царя порядки строги!»

«Знай же, красавица, — отвечал Видарбхийке Нала, — Налой зовут меня, и сюда я пришел как посланец богов. Вожделеют к тебе сами боги: Шакра, Агни, Варуна, Яма; одного из них, о красавица, выбери себе в супруги! Это их волшебною силой я проник сюда, не быв замечен; никто при входе не видел и не остановил меня. Теперь, о милая, ты знаешь зачем послали меня величайшие из богов, и вольна принять решение, красавица, какое тебе подскажет сердце».
*Такова в книге «Лесная» великой «Махабхараты» пятьдесят вторая глава.*

ГЛАВА 53

Брихадашва сказал:
Дамаянти, совершив поклонение богам, улыбнулась и обратилась к Нале: «Всем сердцем полюби меня, о царь! Что мне сделать для тебя? И сама я. и все, чем другим владею, богатства мои — все твое; так не колеблись, подари мне свою любовь, мой повелитель! Жгут мое (сердце), владыка земли, те слова, что сказали гуси! Ведь это только ради тебя, о герой, созвала я царей (на сваямвару)! Если же ты, даритель гордости, отвергнешь меня, любящую, тогда прибегну к яду, огню, воде либо веревке, и ты (будешь тому) причиной!»

Нала на эти слова отвечал Видарбхийке: «Можешь ли ты желать смертного, когда стоят пред тобою сами Хранители мира? Я же не стою и праха от ног этих великим духом владык, устроителей вселенной; к ним обрати свои помыслы! Смертный, поступая неугодно богам, обречен на гибель, избавь меня от (этой участи), красавица: предпочти великих богов!»

Тогда Дамаянти, дева с ясной улыбкой3, раздельно выговаривая (слова, так как) голос ее прерывался от рыданий, молвила царю Нале: «Знаю я одно безопасное средство, о царь,
владыка людей; оно не вовлечет тебя в грех. Ты, достойнейший, и боги во главе с Агни приходите вместе на мою сваямвару. Тогда я, о владыка людей, в присутствии Хранителей
мира изберу (супругом) тебя, муж-тигр, — и в том не будет греха!»

Выслушав Видарбхийку, царь Нала, о владыка народа, вернулся туда, где вместе пребывали боги. Хранители мира во главе с Владыкой, видя его приближение, принялись расспрашивать его обо всем происшедшем.

Боги сказали:
Повидал ли ты, о царь, Дамаянти, деву с ясной улыбкой? Что она нам отвечает? Все расскажи, о безгрешный владыка земли!

Нала сказал:
Посланный вами, проник я в великолепные внутренние покои, обитель Дамаянти. Стерегли их старцы с посохами, не благодаря духовной вашей мощи ни один человек не видал, как вошел я, кроме самой царевны. Видел я и подружек ее, о владыки премудрых, да и они меня увидели, а увидев, весьма тому все удивлялись. После того как я описал ей вас, о великие боги, ясноликая по неразумению предпочла вам меня! Вот что сказала мне юная дева: «Пусть приходят на мою сваямвару все боги, но приходи с ними и ты, о достойнейший из мужей! В их присутствии, лучший из людей, выберу я тебя; тогда не будет греха на тебе, о мощнодланный!» Итак, обо всем, что случилось, поведал я вам без утайки, теперь, о святые владыки божественных сонмов, (отдаю себя) на ваш суд.
*Такова в книге «Лесная» великой «Махабхараты» пятьдесят третья глава.*

ГЛАВА 54

Брихадашва сказал:
И вот, когда пришло благоприятное время, в сулящие удачу день (лунного календаря) и час, царь Бхима созвал земных владык на сваямвару. Чуть прошла весть об этом, как собрались туда все Хранители земли, мечтая о Дамаянти, томясь любовной страстью. Словно львы, восходящие на горную вершину, поднимались цари на украшенный (триумфальной)
аркой и золотыми колоннами помост ристалища. Там Хранители земли в убранстве благоуханных венков, с драгоценными серьгами (в ушах) рассаживались на различные (по степени почета) сиденья. Столько мужей-тигров разместилось в Доме царского собрания, что он подобился видом (городу) Бхогавати, кишащему нагами, или переполненной тиграми горной пещере. Мускулистые, холеные, правильной формы руки (царей) были подобны железным брусам или же пятиглавым змеям. Лица царей — с правильными чертами, в обрамлении прекрасных густых волос — сияли, словно созвездия на небосклоне.

Наконец взошла на помост и ясноликая Дамаянти; краса ее пленила очи царей, похитила их сердца. Раз взглянув на ее тело, ни один из великих духом (героев) не мог уже отвести словно бы прикованного взора. Когда имена всех царей были торжественно оглашены, заметила дочь Бхимы пятерых мужей, казалось бы совершенно схожих видом, о бхарата! Глянула Видарбхийка, как стоят они перед нею в ряд, неотличимые друг от друга, и в растерянности не смогла распознать среди них царя Налу.

На кого из них ни посмотрит, все ей кажется: это царь Нала! Задумалась красавица, одна мысль овладела ею: «Как отличить мне богов? Как узнать царя Налу?» И, глубоко огорченная, погрузилась Видарбхийка в

раздумье, вспоминая приметы богов, о которых слышала прежде, о бхарата! «Говорили мне старцы, что есть у богов особые знаки; но ни у одного из них, что стоят на земле предо мною, я этих (примет) не вижу!»

Все средства в уме перебрав, много дум передумав, решила она, что пришло время, когда (остается только) молить о помощи самих богов. Почтив их в своем сердце и восхвалив речью, Дамаянти почтительно сложила ладони и, дрожа (от волнения), воззвала к богам: «Услышав речи гусей, я тотчас избрала Нишадху своим супругом; этой истиной (вас заклинаю): укажите мне его, боги! Ни на словах, ни в мыслях тому решению я не изменила; этой истиной, мудрые, (вас заклинаю) : укажите мне (Налу)! Самими богами предназначен владыка нишадхов мне в супруги; этой истиной (вас заклинаю), укажите мне его, боги! Да явят мне Хранители мира во главе с Владыкой свой истинный облик, дабы могла я узнать Достохвального, царя (Налу)!»

Вняв жалобному плачу Дамаянти, (видя) ее решимость, искренность, преданность владыке нишадхов, ее ум, чистоту и нежность души, (силу ее) страсти, о бхарата, боги пришли к ней на помощь, явив отличительные свои знаки. И увидела она всех премудрых: не было (на их челах ни капли) пота, (они глядели) немигающим взором и, облаченные в свежие цветочные венки, стояли перед ней, незапыленные, не касаясь (ногами) земли5. Нишадха же стоял прямо на земле, в увядшем венке, вспотевший, запыленный, удваиваясь тенью, выдавая себя миганием взора.

И вот, отличив Достославного от богов, дочь Бхимы согласно закону выбрала владыку нишадхов, о бхарата! Взявшись стыдливо за край (его) одежды, возложила большеокая красавица ему на плечи прекраснейший венок и тем самым избрала его себе в супруги. В тот же миг все (другие) цари издали возгласы огорчения, о бхарата, а боги и великие святые мудрецы, охваченные изумлением, принялись восхвалять царя Налу, восклицая: «Чудесно! Чудесно!»

Когда владыка нишадхов был избран дочерью Бхимы, могучие Хранители мира, как один сердечно ликуя, восемь даров вручили Нале. Шакра, Супруг Шачи, умилившись, даровал владыке нишадхов способность зреть воочию (богов) во время жертвоприношений, а также прекрасную и несравненную (посмертную) участь. Агни наделил царя нишадхов даром вызывать его присутствие, где только он ни пожелает; Вкуситель жертв даровал ему также сияющие его (пламенным) светом миры. Яма одарил его вкусом к пище и несравненной твердостью в дхарме; Владыка вод — способностью вызывать появление воды, где царь нишадхов ни захочет. Вместе поднесли они ему также дивно благоухающий венок и (предрекли) рождение близнецов. Вручив ему все эти дары, удалились боги на третье небо. А земные владыки, которые поражены были изумлением, присутствуя при бракосочетании Дамаянти (с Налой), пустились, довольные, в обратный путь.

И, обретя жену-сокровище, тот царь, владыка земли, (прозванный) Достохвальным, предавался с ней любовным утехам, словно Губитель Балы и Вритры — с (богиней) Шачи. Безмерно счастливый, тот царь снял, подобно лучистому (солнцу); оберегая (страну) в согласии с дхармой, герой привязал этим к себе (сердца) своих подданных. Мудрый, он, подобно Яяти,
сыну Нахуши, совершил ашвамедху и множество других жертвенных обрядов, сопровождавшихся щедрой раздачей даров.

И по-прежнему в увеселительных парках и рощах услаждался Нала с Дамаянти, подобно бессмертному (богу). Так сей властитель людей, владыка земли, приносяжертвы и предаваясь
утехам, правил изобилующей богатствами землею.
*Такова в книге «Лесная» великой «Махабхараты» пятьдесят четвертая глава.*

ГЛАВА 55

Брихадашва сказал:
После того как дочь Бхимы избрала (супругом) владыку нишадхов, могучие Хранители мира на пути своем (обратно)

завидели приближающихся к ним Двапару и Кали. Увидев Кали, спросил его Шакра, Губитель Балы и Вритры: «Скажи, о Кали, куда направляетесь вы с Двапарой?» И Кали ответил Шакре: «Я иду на сваямвару Дамаянти и возьму ее в жены, ибо она похитила мое сердце!» С улыбкою молвил ему Индра: «Окончена сваямвара. Мы были свидетелями тому, как избрала она супругом царя Налу».

При этих словах Шакры Кали исполнился гнева и обратился ко всем богам с такою речью: «Раз она предпочла земного супруга богам, то должна по справедливости понести тяжелую кару!»

На эти слова Кали небожители ему отвечали: «Избрала Дамаянти Налу с нашего соизволения. Да и кто бы мог отвергнуть царя Налу, исполненного всяческих достоинств! До конца постиг он все дхармы; как положено, живет по обетам. В том царе, муже-тигре, что равен Хранителям мира, незыблемо утверждены преданность истине, постоянство, щедрость, чистота, подвижнический дух, бесстрастие, самообладание. Глупец, который захотел бы предать проклятию столь добродетельного Налу, тем самым проклянет сам себя, накличет свою гибель, и да увязнет он в бескрайней Нараке, исполненной мучений,— не выплыть, не спастись оттуда!» Сказавши это Кали с Двапарой, ушли боги на небо.

Когда удалились боги, молвил Кали Двапаре: «Не могу сдержать своего гнева; я вселюсь в Налу, о Двапара, лишу его царства; не будет блаженствовать с дочерью Бхимы! Ты же мне должен помочь: вселись в игральные кости!»
*Такова в книге «Лесная» великой «Махабхараты» пятьдесят пятая глава.*

ГЛАВА 56

Брихадашва сказал:
Заключив такое соглашение с Двапарой, пошел Кали туда, где находился царь нишадхов. Долго прожил он среди нишадхов, отыскивая неустанно лазейку (к душе Налы); наконец, через двенадцать лет, представился ему удобный случай. Как-то вечером приступил царь нишадхов к обряду полоскания рта, не омыв ног после того, как помочился8; тогда-то и вселился в него Кали.

Овладев (душою) Налы, явился он к Пушкаре и сказал ему: «Иди, сыграй в кости с Налой! С моей помощью, о царь, ты победишь Налу в игре; одолев царя Налу, владей сам, о почтенный, страною нишадхов!» Внял словам Кали Пушкара и направился к Нале; а Кали, обернувшись «быком среди коров», вверил себя Пушкаре. Явившись к отважному Нале,
Пушкара, губитель вражеских героев, принялся настойчиво уговаривать брата: «Давай играть в кости! (Сыграем) «быком!»

Не мог стерпеть великий духом царь (дерзость) этого вызова, (брошенного) в присутствии Видарбхийки; решил он, что надо играть. Одержимый Кали, проиграл Нала свое золото, серебро, колесницы, коней и наряды. И никто из друзей не в силах был удержать его, опьяненного азартом; обезумев, он продолжал игру.

Тогда все горожане во главе с (царскими) советниками, о бхарата, пришли повидать и удержать (от игры) охваченного недугом царя. Явившись к Дамаянти, оповестил ее сута: «Исполняя свой долг, собрались у ворот горожане. Да будет передано царю нишадхов, что подданные его не могут смириться с бедою, грозящей их владыке, знатоку дхармы и артхи, (и потому) пришли сюда».

И вот дочь Бхимы, с подавленным скорбью сердцем, мучимая горем, невнятно из-за слез сказала владыке нишадхов: «О царь, горожане с советниками твоими, ведомые чувством преданности царю, стоят у ворот, желая тебя увидеть. Тебе надо встретиться с ними!» — настойчиво она твердила. Но царь, одержимый Кали, ничего не отвечал на сетования ясноокой, тонкостанной (Дамаянти). Вслед за тем горожане с советниками, мучась стыдом и скорбью, пошли по домам своим с (криками): «Нет больше (царя Налы)!» А игра Пушкары с Налой все продолжалась, о Юдхиштхира; Достохвальный притом много месяцев (подряд) терпел поражения.
*Такова в книге «Лесная» великой «Махабхараты» пятьдесят шестая глава.*

ГЛАВА 57

Брихадашва сказал:
Тогда поняла Дамаянти, хранившая трезвость рассудка, что владыка людей, Достохвальный, потерял за игрой разум, стал словно пьяный. Тоска и страх овладели Дочерью Бхимы, о царь, стала она думать, какое бы важное дело предпринять для (спасения) царя (Налы). Опасаясь беды для него, стремясь к его благу и видя, что Нала уже потерял все свое достояние, она сказала: «Ступай, Брихатсена, созови советников (царских) именем Налы; осведомись, что из имущества и богатства потеряно, а что осталось».

Прослышали советники о приказе Налы и, молвя: «Это сулит нам удачу», пошли опять к (воротам дворца). Уведомила (царя) дочь Бхимы, что вторично пришли (к нему) все его подданные; но не удостоил ее ответом (Нала). Видя, что супруг речам ее не внемлет, терзаясь стыдом, Дамаянти пошла обратно, в свои покои. Но когда стало ей ясно, что от Налы совсем отвернулась в игре удача и что потеряно им все, что он имел, опять она сказала кормилице: «Ступай назад, славная Брихатсена, и призови сюда именем Налы суту Варшнею; ждет (его) важное дело».

Выслушав сказанное Дамаянти, Брихатсена через посредство надежных слуг призвала Варшнею. И дочь Бхимы, действовавшая всегда сообразно месту и времени, в благоприятный миг обратилась к Варшнее с ласковой, ободряющей речью:

«Ты знаешь, как всегда относился к тебе (наш) царь; долг твой — помочь ему теперь, когда он попал в беду. Чем больше царь проигрывает Пушкаре, тем сильней возгорается в нем страсть к игре. В то время как у Пушкары кости выпадают, словно повинуясь его воле, Налу в игре преследует невезение. Речам же друзей и близких, как подобало бы, он не внемлет; боюсь, что теперь великий духом владыка нишадхов (проиграл) уже все без остатка. Раз уж царь в ослеплении речи моей не внемлет, то я к тебе прибегаю за помощью, о возничий, сделай так, как я скажу! Мне же самой омрачает сознание (неотвязная мысль): «Рано или поздно он погибнет!» Запряги же быстроногих, любимых скакунов Налы, усади (в колесницу наших) детей-близнецов — ты должен доставить их в Кундину.

Детей, коней и колесницу передай моим родным, сам же, по своему усмотрению, живи там или ступай (куда захочешь)».

Варшнея, колесничий Налы, в точности передал все, что сказала Дамаянти, главным советникам царя. Они при встрече с ним вынесли (такое же) решение. Затем Варшнея, повинуясь приказу, усадил в колесницу близнецов и поехал в страну видарбхов, о царь! Там оставил сута мальчика Индрасену с девочкой Индрасеной 10, а также коней и чудо-колесницу. Удрученный, скорбящий о Нале, распрощался он с царем Бхимой и пошел странствовать. Наконец прибыл он в Айодхью. Истомленный бедою, предстал он перед (здешним) царем Ритупар-ной. К тому владыке земли поступил он на службу колесничим.
*Такова в книге «Лесная» великой «Махабхараты» пятьдесят седьмая глава.*

ГЛАВА 58

Брихадашва сказал:
После отъезда Варшнеи Достохвальный, продолжая игру, проиграл Пушкаре царство и все другое богатство. И лишенному царства Нале, о царь, со смехом сказал Пушкара: «Будем дальше играть! Какова твоя ставка? Осталась у тебя одна Дамаянти, все же прочее выиграно мною. Если хочешь, можешь, сыграть на Дамаянти!»

Услышал Достохвальный такие слова Пушкары, и сердце его едва не разорвалось от гнева. Однако промолчал он; лишь взглядом, преисполненным гнева, окинул Нала Пушкару, а затем совлек с тела, многославный, все свои украшения. В одном лишь (куске) ткани11, полунагой, расставшись со своими несметными богатствами, пошел царь прочь, (видом своим) повергая друзей в отчаяние. Дамаянти также в одной лишь нижней половине одежды пошла за ним следом. Вместе с нею Владыка нишадхов провел три ночи под открытым небом.

Пушкара, о великий царь, меж тем объявил в столице, что казнит всякого, кто окажет помощь Нале или присоединится к нему. Из-за этих слов Пушкары и (других проявлений) его злобы не (решались) горожане оказывать Нале почетный прием, о Юдхиштхира! Так этот, достойный почестей, но лишенный их. царь трое суток провел в окрестностях города, питаясь од
ной лишь водою.

И однажды Нала, много дней уже терзаемый голодом, увидел неких птиц, чье оперение было будто бы из золота. Подумал тогда могучий Владыка нишадхов: «Тут мне и пища на сегодня, и богатство (на будущее)!» И он накрыл их своим нижним одеянием, но птицы, схватив одежду его, все улетели. BJ полете, с высоты обратились пернатые к Нале, который, печально опустив голову, сгоял теперь (внизу), на земле, одетый лишь пространством: «О жалкий глупец! Это мы — игральные кости решили похитить твое платье! Обидно стало нам,, что ты ушел одетым!»

Увидев, что прочь унеслись игральные кости и остался он без одежды, царь, Достохвальный, такое молвил Дамаянти: «О безупречно прекрасная! Те, чья злоба лишила меня царства, (из-за кого) я не в силах добыть пропитания, и меня, несчастного, мучит голод, из-за кого жители страны нишадхов отказывают мне в гостеприимстве — это они, обернувшись птицами, унесли прочь мое платье! (Пусть) я во власти великой беды, несчастен, близок к безумию — я (все же) супруг твой; так слушай меня, и да пойдут тебе на пользу мои слова!

Все эти дороги ведут в Дакшинапатху, через Аванти, мимо горы Рикшаван. Там — великая гора Виндхья, там — Пай-ошни, стремящая (воды) к океану, а это — обители великих святых мудрецов, богатые цветами и плодами. Эта дорога ведег к видарбхам, а эта — к косалам; вся же страна оттуда к югу (зовется) Дакшинапатхой».

Тогда терзаемая горем Дамаянти, голосом, дрожащим от слез, промолвила Владыке нишадхов такие жалобные слова: «Трепещет сердце мое, слабеет все тело всякий раз, как подумаю о том, что ты замыслил, о царь! Как могу я уйти, покинув тебя, потерявшего власть и богатство, нагого, томимого усталостью и голодом, в этом безлюдном лесу? Изнемогший, терзаемый голодом, вспоминаешь ты в диком лесу о (былом) своем счастье — но я прогоню твою усталость, о великий царь! Знахари считают, что жена (для мужа) — лучшее лекарство при любых невзгодах: уверяю тебя — это истинно так!»

Нала сказал:
Да, это так, как ты сказала, тонкостенная Дамаянти; для человека, терпящего беду, нет (ближе) друга, нет (целебней) снадобья, чем его жена. Да у меня и в мыслях не было тебя покинуть; о чем же ты, робкая, тревожишься? Не с тобой, безупречно прекрасная, — скорей с собою расстанусь!

Дамаянти сказала:
Если ты, о великий царь, не намерен со мною расстаться, для чего тогда указал мне дороги в страну видарбхов? Ясно мне, о царь, что бросать меня тебе не пристало, но когда твой рассудок в смятении, то ты, владыка земли, все же можешь со мной расстаться! Ведь ты, о достойнейший из людей, так настойчиво твердил мне о моем пути, что от этого отчаяние овладело мной, о богоравный! Если вправду, о царь, решил ты обо мне: «Пусть уходит!» — согласись только, пойдем лучше вместе в страну видарбхов! Тебя, о даритель гордости, царь видарбхов примет с почетом; принимая от него почести, о царь, ты счастливо заживешь в нашем доме!
*Такова в книге «Лесная» великой «Махабхараты» пятьдесят восьмая глава.*

ГЛАВА 59

Нала сказал:
Это верно, царство отца твоего — как бы мое собственное, но я ни за что не пойду туда, будучи в такой беде! Когда-то туда я явился счастливым, неся тебе радость; могу ли прийти обездоленным, причиняя тебе страдания!

Брихадашва сказал:
Так, желая успокоить красавицу, прикрытую лишь половиной одежды, твердил Дамаянти царь Нала. Обернувшись вдвоем одним куском ткани, томимые жаждой и голодом, пошли они куда глаза глядят и набрели (наконец) на какую-то хижину. Переступив ее порог, царь, Владыка нишадхов, и Видарбхийка тотчас же опустилась на землю. Остриженный, грязный, нагой, покрытый пылью, усталый, прилег Нала на голой земле рядом с Дамаянти. И благородная, прекрасная, преданная подвижничеству Дамаянти, внезапно ощутив (всю полноту) страдания, в тот же миг была похищена сном.

Дамаянти спала, но царь Нала, разум и сердце которого возмущались скорбью, не мог, о владыка народа, уснуть (безмятежно), как прежде. Снова и снова переживал он свои лишения во время лесных скитаний, утрату царства, разлуку с друзьями. «Что будет со мною, если я сделаю это? Что станет, коли не сделаю? Что предпочтительней: смерть или жизнь вдали от людей? Из-за меня она, движимая любовью, приемлет это страдание; потеряв же меня, рано или поздно вернется к родным. От меня — нет сомнения — ей, несравненной, не видать ничего, кроме горя, а расстанься она (со мной) — и есть надежда, что найдет она где-то свое счастье».

Много дум передумал владыка людей, немало переменил решений и наконец утвердился во мнении, что лучше расстаться с Дамаянти. Тут, рассудив, что сам он наг, а у Дамаянтиесть одежда, решился царь отрезать половину ее платья. «Как же мне разорвать одежду, чтоб не разбудить мою милую?» — так размышляя, царь нишадхов принялся расхаживать по хижине. И, бродя из угла в угол хижины, о бхарата, нашел Нала в одном из них великолепнейший меч без ножен. Отрезал им (царь), гроза недругов, половину одежды, облекся ею и, покинув спящую Видарбхийку, убежал, как безумный, прочь.

Но скоро, повинуясь зову сердца, царь нишадхов опять вернулся в хижину, глянул на Дамаянти и заплакал. «Возлюбленная моя, на которую прежде ни Ветер, ни Адитья взглянуть не (смели), — вот она ныне спит на земле, в этой хижине, словно нет у нее защитника! Что-то с ней будет, когда пробудится красавица с ясной улыбкой15, лишь обрывком ткани укрытая, схожая с безумной? Как-то одна, без меня, прекрасная, верная долгу супруги дочь Бхимы будет бродить по дремучему лесу, полному всяких зверей и змей?»

Так много раз уходил царь Нала и вновь возвращался к хижине. Кали влек его прочь, но любовь приводила обратно. Сердце его тогда раздвоилось как будто от горя; словно качели, метался он взад и вперед, то прочь, то обратно, к хижине. Но вот, помутив его разум, увлек его Кали, и, покинув спящую жену, горько плача,

прочь убежал Нала. Касанием своим омертвил его душу Кали; блуждали мысли его, и наконец он, несчастный, ушел, оставив жену среди пустынного леса.
*Такова в книге «Лесная» великой «Мажабхараты» пятьдесят девятая глава.*

ГЛАВА 60

Брихадашва сказал:
Когда ушел Нала, отдохнув, пробудилась прекрасная Дамаянти, и стало ей страшно, о царь, среди безлюдного леса. Не увидев (рядом) супруга, предалась она отчаянию и скорби. «О великий царь! — стала в страхе громко призывать главу

Сказание о Нале
нишадхов. — О великий царь, о защитник, о владыка, за что меня убиваешь? Горе мне, я погибла! Мне страшно в безлюдном лесу! Не ты ли, о великий царь, — знаток дхармы, всегда верный данному слову? Как же мог ты, нарушив обещание, уйти прочь, меня, спящую, покинуть?! Как ты можешь уйти, покинув верную, покорную супругу, ведь то другой, не я, добродетельная, зло тебе причинила! Или ты, о владыка людей, не способен сдержать той клятвы, что ты некогда дал мне в присутствии Хранителей мира?

Полно тебе так шутить со мною, муж-бык, мне страшно, необоримый; явись предо мною, владыка! Вижу, вижу тебя, о царь! Вон стоишь ты, скрываясь за кустами! Но почему, о владыка нишадхов, ты мне ничего не ответишь? Как жесток ты, о Индра царей, раз меня, в таком горе, плачущую, не обнимешь ты, царь, и не утешишь! Не о себе ведь и не о ком другом грущу я; скорблю о тебе, о царь: как ты один жить будешь? Как же ты в вечерних сумерках, усталостью мучимый, голодом, жаждой томимый, на корнях деревьев будешь (ночевать), не видя меня рядом?»

Так, томимая лютой скорбью и сжигаемая будто тоскою, с плачем, она, несчастная, взад-вперед (по лесу) металась. То падала, обессилев, то вставала юная дева; то чувств лишалась от страха, то принималась причитать и плакать. Снедаемая лютою скорбью, она часто трепетно вздыхала; верная супружескому долгу, отправляясь (на поиски Налы), говорила со слезами дочь Бхимы: «Пусть того, чье проклятие навлекло беду на несчастного владыку нишадхов, постигнет еще большее горе! Тот злодей, что так обошелся с не ведающим зла Налой, пусть вкусит за то горшее бедствие, пусть влачит он жизнь без радости!»

Так причитая, супруга великого духом царя в лесу, полном диких зверей, искала мужа. Без конца выкликала с плачем: «О царь! О горе!», как безумная, по всему (лесу) дочь Бхимы взад и вперед металась. Жестоко томимая жаждой, стонала, как морская орлица, сокрушалась о своем несчастье, без умолку причитала. И вот, мчась без оглядки, подбежала дочь Бхимы к огромному хищному удаву; голодный, он (тотчас) схватил ее. Она же и в пасти удава, подавленная тоскою, не так о себе горевала, как о владыке нишадхов. «О мой покровитель, вот меня здесь, в пустынном лесу, пожирает удав, словно и нет у меня защитника, — почему ты не спешишь ко мне (на помощь)? Что-то будет с тобой, о владыка нишадхов, когда, избавившись от скверны, обретши вновь разумение и (вернув) богатства, ты вспомнишь опять обо мне? А будешь утомлен, измучен, голоден — кто тогда, о владыка нишадхов, муж-тигр, даритель гордости, развеет твою усталость?»

Тем глухим лесом проходил случайно один охотник; услышав ее плач, он поспешно к ней приблизился. Завидев большеокую (деву), схваченную змеем, он, не теряя времени, стремительно набежал и острым мечом снес тому голову; затем живущий охотой рассек недвижимого змея на части. Освободив (Дамаянти), омыв ее водою, успокоив, приготовив еду, стал охотник расспрашивать ее, о бхарата: «Чья ты (родом), о (дева) с глазами юной лани? Как забрела в этот лес? И как, красавица, тебя постигла столь великая беда?»

Дамаянти, о владыка народа, в ответ на его расспросы поведала ему обо всем, что случилось с нею, о бхарата! Глядя на нее, половиной одежды укрытую, полногрудую, пышнобедрую, безукоризненно и нежно сложенную, ликом подобную полной луне, взирающую из-под изогнутых ресниц, сладостно лепечущую, зверолов стал одержим Камой. Поначалу мирно, нежными речами принялся охотник, терзаемый Камой, прельщать ее; но (все) поняла красавица. Дамаянти, верная супругу, едва распознав нечестивца, преисполнилась ярой злобы, вся словно воспылала от гнева.

Он же, жалкий, низкий помыслами злодей, вознамерился было неприступную, жгучую, как язык пламени, (деву) взять силой. Тогда Дамаянти, снедаемая скорбью об утрате мужа и царства, видя, что время пришло, когда убеждения бессильны, в гневе его прокляла: «Если (верно), что я ни о ком и не мыслю, помимо владыки нишадхов, то да падет бездыханным жалкий сей зверолов!» И едва она это сказала, как охотник рухнул замертво наземь, словно дереве, испепеленное пламенем.
*Такова в книге «Лесная» великой «Махабхараты» шестидесятая глава.*

ГЛАВА 61

Брихадашва сказал:
Умертвив зверолова, лотосоокая двинулась дальше по грозной, безлюдной чаще, оглашаемой звоном множества цикад. В том лесу водились львы, тигры, вепри, медведи, олени, пантеры и множество всякой птицы, захаживали сюда люди диких племен и разбойники. Там росли деревья шала, бамбук, растение дхава, деревья ашваттха, тиндука, ингуда, киншука, арджуна, аришта, сандаловые деревья, шалмала, джамбу, амра, лодхра, кхадира, шака, тростники, кашмари, амалака, плакша, кадамба, удумбара, бадари, бильва, ньягродха, тала, приятала, кхарджура, харитака и вибхитака.

Открылись взору ее многообразные горы, изобилующие множеством ценных руд, рощи, оглашенные пением птиц, дивной красоты ущелья, реки, озера, водоемы, заводи и лотосовые пруды, бурные потоки, чудные видом моря, всюду (высящиеся) горные пики; там обитали всевозможные звери и птицы, множества чудовищных пишачей, змеев и ракшасов. И еще увидала там дочь владыки видарбхов скопища буйволов, вепрей, шакалов, медведей, обезьян и змей. Наделенная пылкостью духа, славой, стойкостью и небывалою красотой, Видарбхийка брела одиноко (по тем местам), разыскивая Налу.

Ни (тени) страха (не закралось в сердце) дочери царя Бхимы, когда она попала в тот ужасный лес; (лишь) сокрушалась она о бедствиях супруга. Когда же тревога за мужа лишила дочь Видарбхи телесных сил, она, опустившись на камень, о царь, в отчаянии так запричитала:

Дамаянти сказала:
О мощнодланный, владыка народа нишадхов, чья грудь крепка, как грудь льва, куда ушел ты, покинув меня здесь, в этом безлюдном лесу, о царь? Как ты, о герой, который свершил ашвамедху и другие обряды со щедрой раздачей даров, мог быть, о муж-тигр, так нечестен со мною? То, что ты, о муж-тигр, обещал мне, великолепный, ты обязан исполнить, царь-бык, все как должно, о благородный! Вспомнить изволь, царь земли, как птицы небесные, гуси, при тебе (обо мне) говорили, мне (про тебя) рассказали! О лучший из людей, четыре Веды, во всей полноте усвоенные, с их ангами и упангами, не дороже (единой) Истины! Потому, о губитель недругов, ты обязан исполнить по истине все, что некогда, храбрый владыка людей, обещал пред лицом моим!

О герой, во всем совершенный, разве я тебе не желанна?
Почему же в этом грозном лесу ты на зов мой не отвечаешь? Если утащит меня голодный (тигр), царь леса, грозный, свирепый, с оскаленной пастью, — не ты ли меня спасти от него обязан? Прежде, благой, говорил ты: «Никто мне тебя не милее!»; подтверди же на деле, о царь мой прекрасный, слово, когда-то тобой изреченное! Желанный — своей желанной, мне, мой защитник, любимой твоей супруге, плачущей, полубезумной, владыка людей, — почему ты не отвечаешь?

Истощена я, бледна, печальна, запятнана грязью, лишь половиной одежды укрыта, одна (здесь) рыдаю, о владыка земли, словно и нет мне защитника; о большеокий, я одинока, как лань, отбившаяся от стада; ты же, губитель недругов, досточтимый, пренебрегаешь моими слезами! О великий царь, почему на зов преданной своей супруги, (терзаемой) одиночеством здесь, в огромном лесу, ты не отвечаешь? (Почему) я ныне не вижу тебя, о достойнейший из людей, наделенного родовитостью и благонравием, сияющего совершенной красотою тела, здесь, на этой горе, в этом столь мрачном, львами и тиграми
населенном лесу?

Возлежишь ли ты сейчас, сидишь ли, на месте иль в пути пребываешь, о лучший из людей, царь нишадхов, причина моей печали? Кого мне, бедой удрученной, терзаемой скорбью, спросить: «Не видал ли, не встретил ты здесь, в лесу, царя Налу?» Кто мне ответит: «Видел я нынче в лесу великого духом, прелестного Налу, губителя вражеских полчищ!» От кого я ныне услышу сладостные слова: «Вот он, кого ты ищешь, лотосоокий царь Нала!»

Вот ко мне держит путь великий царь леса, тигр, с мощными челюстями и четырьмя клыками; спрошу его 18, не ведая страха: «О почтенный, ты —царь зверей, чащи этой владыка; знай же, я — Дамаянти, дочь царя видарбхов, супруга царя нишадхов, губителя недругов, Налы! Беспомощна, одинока, терзаема скорбью, ищу я своего мужа; утешь меня, Индра зверей, если встречал ты здесь Налу! Если же, о властитель леса, ты не можешь указать мне, где Нала, то лучше съешь меня тогда, краса зверей, и положи конец мучениям несчастной!» Но, выслушав средь леса мои стенания, и этот царь зверей уходит к реке, стремящей свои чистые воды в океан.

Вот огромная святая гора; высоко возносятся ее бесчисленные, сияющие, многоцветные, чарующие взор, достигающие небосвода пики. Она богата разными рудами, украшена всяческими самоцветами; она вознесена

над этим великим лесом, как будто его знамя! Обитают на ней множества тигров, львов, слонов, медведей, вепрей и ланей; отовсюду оглашены ее (склоны) пением всевозможных пернатых. Придают ей особую прелесть эти пики, усеянные птицами реки, а также (рощи деревьев) киншука, ашока, бакула и пуннага. Этого царя гор и расспрошу я о владыке (Нале).

«О великая, славная, благостная, чарующая взоры, лучшая из гор! Слава тебе, о прибежище, опора земли! Пришла я к тебе с поклоном. Знай, что я — дочь царя, невестка царя и супруга царя; зовут же меня Дамаянти. Мой отец — владыка видарбхов по имени Бхима, великий боец колесничный, хранитель земли, защитник четырем варнам. Тот достойнейший из царей с прекрасными, большими, раскосыми глазами совершил многие жертвенные обряды раджасуя и ашвамедха, сопровождавшиеся (щедрыми) дарениями. Благочестив он, праведен в поступках, искренен в речах, чужд зависти, добродетелен, чист, благонравен, сведущ в дхарме, во всем сопутствуем удачей. Видарбхам, как подобает, дает он защиту; этот владыка одержал верх над множеством врагов; знай же, великий, то я, его дочь, стою пред тобою!

В стране же нишадхов, о великая гора, был у меня свекор; тот достойнейший из царей по праву получил и носил (с честью) имя Вирасены19. Сын же того царя, великий, истинно доблестный воитель, наследуя отцу своему, правит (теперь) этим царством. Имя того смирителя недругов — Нала, зовется он Достохвальным; он исполнен благочестия, знаток Вед, красноречив, вкуситель сомы, возжигатель жертвенного огня21, вершитель святых деяний. Как подобает (царю), приносит он жертвы, совершает дарения, воюет и карает (виновных). Знай же, лучшая из гор, то я, супруга его, явилась сюда! (НынвЦ беда меня постигла, счастье ушло, нет со мною мужа моего, нет защитника; того лучшего из людей, супруга своего ищу я!

Сотни пиков твоих, о лучшая из гор, скребут небосвод; с их
(вершин) не видала ли ты в этом грозном лесу царя Налу? Многославный супруг мой, правитель нишадхов, отважен, как Индра слонов, длиннорук, доблестен, гневен, храбр, мудр, решителен, честен — не встречался ли тебе мой Нала? Почему, о прекраснейший пик, одинокой, плачущей, бедной, не промолвишь ты мне слово утешения, как несчастной своей дочери?

О доблестный воитель, знаток дхармы, верный слову, владыка земли, коли ты (здесь), в этом лесу, то яви мне себя, о царь! Когда же услышу я (вновь) глубокий и нежный, (гулкий), как гром облаков, (сладкий), как амрита, звучный, красивый, свято, как Веды, звучащий голос великого духом царя, владыки нишадхов, который развеет тоску мою зовом: «(Где ты), о Видарбхийка?!»

К лучшей из гор обратившись с такою речью, Дамаянти, дочь царя (Бхимы), двинулась дальше, (держа путь) на север. Через трое суток пути увидала красавица несравненную отшельническую обитель, подобную небесной роще (богов). Ее украшали (своим пребыванием) воздержные в ядении, обуздавшие чувства, приверженные смирению и очищению подвижники, подобные Васиштхе, Бхригу и Атри. (Иные) питались водою, (иные)—воздухом, (другие)—листьями (деревьев); причастные великой доле, искатели стези, (ведущей) на небеса, они восторжествовали над чувствами.

И вот взору ее открылся вид этой восхитительной обители, населенной святыми, смирившими чувства, облаченными в (одежды) из лыка и оленьих шкур подвижниками. Увидев эту обитель, в которой вместе с подвижниками жили всевозможные звери и (целые) стаи обезьян, причастная высокой доле, жемчужина среди женщин, возлюбленная сына Вирасены (мудрая) Дамаянти, сияя красотой своих бровей, волос, бедер, груди, зубов, лица, величественной поступи и осанки, вступила в ее пределы.

Вымолвив приветствие, почтительно склонилась она перед великими старцами — подвижниками. «Привет тебе!» — изрекли хором отшельники. Воздав ей, как подобает, почести, обладатели сокровища тапаса сказали: «Присядь и поведай нам, что должны мы для тебя сделать?» Красавица их спросила: «Преуспеваете ли вы, о почтенные, непорочные, причастные великой доле, в подвижничестве, в (разведении) огней, в ваших обязанностях, в следовании дхарме? (Все ли благополучно) с птицами и животными?» Они же ей, многославной, отвечали:

«Во всем (у нас), милая, благополучие. Расскажи нам, о безупречно прекрасная, кто ты и что задумала сделать? Узрев в наших краях несравненную красу и величие твое, прониклись мы изумлением. Утешься, забудь свои печали! Скажи нам по правде, красавица, (кто ты): великая богиня этого леса, той реки или этой горы, о благая?» И она тем святым мудрецам сказала: «Нет, не богиня я ни этого леса, ни этой горы, не богиня реки, о брахманы! Знайте, богатые тапасом, что я — человек по природе! Расскажу (о себе) вам подробно; вы же всему внимайте.

Есть в стране видарбхов хранитель земли по имени Бхима, в избытке наделенный величием; знайте же все, что я — его дочь, о лучшие из дваждырожденных! А многославный, мудрый, ученый владыка народа,

отважный, победоносный в битвах царь нишадхов по имени Нала (доводится) мне супругом. Причастный великой доле, осиянный величием, для племени нишадхов он защитник, богам — ревностный почитатель и друг — всем дваждырожденным. Правдоречивый, мудрый, постигший дхарму, верный слову, губитель недругов, благочестивый, богов почитающий, разрушитель чужих городов, овеянный славой, сокрушитель неприятелей, болыпеокий, с лицом, как полная луна, величием равный царю богов, достойнейший из царей— (сам) Нала (доводится) мне супругом! Он совершил величайшие из жертвоприношений, постиг все Веды и Веданги, истребил в битве всех недругов, он равен блеском Солнцу и Луне!

Недостойные, подлые, искушенные в обмане люди вызвали хранителя земли, всецело преданного дхарме и истине, на игру в кости, в которой и проиграл он опытным плутам свое царство со всеми богатствами. Знайте же, что я — супруга того царя-быка, и зовут меня Дамаянти; мужа своего жажду я (вновь) увидеть! И вот, несчастная, скитаюсь я всюду по горам и лесам, озерам и рекам, прекрасным прудам и чащам, разыскивая великого духом, опытного в схватках, искусного во владении оружием супруга моего, Налу. Не заходил ли сюда, в ваш святой отшельнический лес, повелитель народа нишадхов, царь по имени Нала?

Вот зачем, о брахманы, пришла я в этот столь мрачный, грозный, полный опасностей лес, где» водятся тигры и (иные) звери. Если еще несколько дней я (проживу), не увидев царя Налы, то буду счастлива тогда избавиться от этого тела. На что мне жизнь, если этот муж-бык не со мною? Смогу ли теперь я жить, терзаясь тоской о супруге?»

Так, одинокая, причитала в лесу Дамаянти, дочь Бхимы Тогда правдоречивые подвижники ей сказали: «Счастливое ждет тебя будущее, о милая красавица. (Могуществом нашего) тапаса мы прозреваем: скоро ты встретишь владыку нишадхов. Дочь Бхимы, ты увидишь достойнейшего из блюстителей дхармы, поражающего недругов, Владыку нишадхов Налу забывшим свои тревоги! Счастливая, ты увидишь, как смиритель недругов, твой высокорожденный супруг, царь (Нала), избавившись от всякой скверны, вернув все свои сокровища, на страх врагам и на радость друзьям (вновь) будет править прекраснейшим своим городом!»

Молвив царице, любимой супруге Налы, дочери царя (Бхимы), такие слова, тотчас же отшельники те исчезли вместе со всею обителью и жертвенными огнями. Увидев то великое чудо, в изумление пришла безупречно прекрасная Дамаянти, невестка царя Вирасены. «Не во сне ли я видела это? Что здесь такое случилось? Где все эти подвижники, где их обитель? Где чудесная та река, (что несла здесь) святые воды, близ которой гнездились всевозможные птицы? Где те милые взору деревья в убранстве цветов и плодов?»

Долго еще (дева) с ясной улыбкой, Дамаянти, дочь Бхимы, предавалась таким размышлениям; была она бледна и печальна, поглощена тоской о супруге. Потом побрела она дальше, в другие края. И вот глазами, полными слез, увидела она дерево ашока; приблизившись к тому превосходнейшему древу, цветущему, чарующему взор, отягощенному бутонами цветов, звеневшему птичьими голосами, запричитала она голосом, заглушаемым рыданиями:
«Горе мне, горе! Вот стоит в лесной чаще святое дерево, украшенное бесчисленными гирляндами цветов, как царь драмидов. Милая взору ашока, развей мою печаль! Не видала ли ты царя, чья тоска улеглась, чья беда миновала? Не видала ли смирителя недругов, царя нишадхов по имени Нала, моего, Дамаянти, возлюбленного, милого супруга? Не забрел ли в сей лес тот герой с юношески-нежной кожей, половиной одной одежды укрытый, мукой томимый? Сделай, о древо ашока, чтобы я от тоски исцелилась! Оправдай свое имя, ашока: развей мою печаль!»

И угнетенная (скорбью), прекрасная дочь Бхимы, трижды обойдя вокруг ашоки, пошла в самые глухие дебри. Бродя там в поисках супруга, видела (на пути) дочь Бхимы множество красивых деревьев, птиц и зверей, немало чудесных гор, пещер и горных склонов, восхищающих взор ручьев и рек. Наконец, выйдя на большую дорогу, увидела Дамаянти, (дева) с ясной улыбкой, огромный караван со множеством слонов, коней и повозок. (Караван) переходил вброд через чудно-красивую реку с прохладными и чистыми водами, широкую, окаймленную камышами. Над рекой разносились крики курар, чакравак и краунчей, в ней теснились крокодилы, рыбы и черепахи, украшали ее островки и песчаные отмели.

Едва завидев тот великий караван, многославная красавица, супруга Налы, бросилась к людям и (скоро) вбежала в их круг. (Но ведь) она была укрыта лишь половиной одежды, истощена, бледна, выпачкана грязью, волосы ее покрыла пыль, она терзалась отчаянием и вид имела безумный; потому, завидев ее, некоторые люди в страхе убежали, другие застыли в изумлении, одни громко вопили, иные над ней смеялись, иные принялись ее бранить; но были и такие, о бхарата, что отнеслись к ней участливо и стали ее расспрашивать:

«Кто ты, чья родом, благая, что ты ищешь в этом лесу? Твое появление здесь повергло нас в смятение. Человеческой ли ты природы? Скажи по правде, не богиня, ли ты той горы, этого леса, (какой-нибудь) страны

света — тогда, о благая, мы молим тебя о защите! Якшини ты, либо ракшаси, или земная красавица? Кто б ни была ты, удачу пошли, охрани нас, о безупречная! Пусть наш караван поскорее выйдет отсюда невредимым— сделай так, о благая, мы молим тебя о защите!»

Так караванщики с ней говорили; а дочь царя, Дамаянти, бедою мужа терзаясь, вожаку того каравана, купцам и всем, с ними (шедшим), благая, так отвечала: «Знайте же все вы, дети, юноши, старцы и вожаки каравана, что я — существо земное. Мой отец — над людьми владыка, муж и свекор — также цари; (одно) у меня желание — (вновь) увидеть супруга. Отец мой — царь видарбхов, супруг же — владыка нишадхов, неодолимый, причастный великой доле (царь) по имени Нала; его и ищу я. Если известен вам Нала, царь-тигр, губитель вражеских ратей, то поскорей укажите мне, где он, тот царь, мой любимый!»

Некто по имени Шучи, вожак и хозяин великого того каравана, отвечал безупречно прекрасной: «Слушай, что я скажу тебе, милая дева! Я, о (красавица) с ясной улыбкой, здесь старший, вожак этого каравана. Нет, многославная, я не встречал человека по имени Нала. В этом дремучем лесу не бывает людей; видел я здесь только буйволов, тигров, слонов, леопардов, медведей и прочих зверей; да смилостивится, над нами Манибхадра, повелитель якшей!»
Тогда спросила она купцов и их вожака: «Благоволите сказать мне, куда держит путь этот карван?»

Вожак каравана сказал:
Дочь человеческая, жажда прибыли побуждает наш караван поспешать в страну правдоречивого Субаху, правителя Чеди.
*Такова в книге «Лесная» великой «Махабхараты» шестьдесят первая глава.*

ГЛАВА 62

Брихадашва сказал:
Выслушав ответ вожака, безупречно прекрасная (дева), одержимая желанием (вновь) увидеть супруга, пустилась в
путь вместе с караваном. Через много дней пути увидели купцы среди бескрайнего дремучего леса большое, дивной красоты озеро, благоуханное, словно цветок лотоса. (На берегах
«го) были отменные пастбища, в изобилии имелось топливо (для костров), вокруг росло много съедобных плодов и кореньев, гнездились бесчисленные стаи птиц; увидев это чарующее взор, уютное озеро с чистыми водами, решили (караванщики) остановиться там, ибо их вьючные животные были утомлены. С одобрения вожака они вступили в прелестную рощу на западном берегу, и там огромный караван расположился на ночлег.

И вот в полночь, когда усталые караванщики в тишине и покое забылись сном, явилось туда стадо слонов, (направлявшихся) на водопой к горной реке, (вода) которой замутнена
мадой, истекающей (из слоновьих висков). Огромный караван, заночевавший у лотосового озера, преградил им дорогу; тогда (слоны) стремительно ринулись топтать всех спящих и поднимавшихся с земли. С воплями ужаса, объятые (смертным) страхом, караванщики, слепые со сна, разбежались по лесам и кустарникам, ища убежища; одни погибали от бивней, другие— от удара хобота, третьи — под ступнями (слонов). Гонимые ужасом, толпы пеших (караванщиков), смешавшись со множеством коров, коней, ослов и верблюдов, мчались прочь,
истребляя (в давке) друг друга. Издавая устрашающие вопли, падали они наземь, повисали на деревьях, но срывались и летели вниз на выступы и впадины (земной поверхности). Так
и был истреблен весь тот богатый караван.

С наступлением нового дня, о владыка народа, уцелевшие от истребления люди начали выбираться из лесных зарослей, оплакивая друзей, отцов, сыновей и братьев, павших жертвами бойни. Заплакала и Видарбхийка: «Или я совершила что дурное, коли этот людской поток, мною встреченный в безлюдном лесу, истреблен теперь стадом слонов по несчастному моему жребию? Теперь ясно, что долго еще суждено мне претерпевать мучения; ведь и старцы, помнится, поучали: «Раньше смертного часа не умереть никому!» И если меня, несчастную, не растоптало сейчас это стадо слонов, то потому лишь, что не случается с людьми ничего, помимо назначенного судьбой. В детстве моем ни мыслью, ни словом, ни делом не совершила я прегрешения, которое могло бы навлечь на меня эту беду; видно, это последствие сваямвары, на которой я ради Налы отвергла явившихся мне богов, Хранителей мира: это их (чудесным) могуществом разлучена я ныне (с супругом)!»

Оплакав это и прочие свои бедствия, красавица, обуянная горем и скорбью, о царь-тигр, вместе с уцелевшими от избиения, познавшими Веды брахманами пошла далее. Долго она шла и наконец под вечер достигла великого города, (где правил) правдоречивый Субаху, царь Чеди. Укрытая отрезанной половиной одежды,

вступила она в тот прекрасный город. Печальная, бледная, истощенная, неомытая, простоволосая, шествуя словно безумная, явилась она перед жителями столицы. Видя ее вступающей в столицу царя Чеди, дети (окрестных) селян, увлекаемые любопытством, пошли туда следом за нею Окруженная ими, приблизилась она к царскому дворцу. Тут ее, стоявшую среди толпы, и увидела, выйдя на кровлю дворца, царица-мать.

Повелев толпе разойтись, о царь, возвела она Дамаянти на прекрасную дворцовую кровлю и, изумленная, принялась ее? расспрашивать: «Страдания, выпавшие тебе на долю, не омрачили дивной красоты твоей; ты блистаешь, словно молния среди туч! Скажи мне, кто ты, чья будешь (родом)? Твой облик даже лишенный драгоценного убранства, (несет черты) неземной (красоты). (Путешествуя одна), без спутников, ты все же не страшишься людей, богоподобная!»

На эти слова дочь Бхимы ей так отвечала: «Знай же, чт» я — земная (женщина), преданная своему супругу. Служанка я, но знатна по рождению, наемница, но живу где пожелаю,, питаюсь плодами и кореньями, ночую, одинокая, там, где меня застанет вечер. Супруг мой наделен неисчислимыми достоинствами и неизменно мне предан; с тем отважным моим супругом я, как тень, была неразлучна. По воле судьбы овладела им неуемная страсть к игре в кости; проигравшись, ушел он один бродить по лесам, в одной лишь только одежде, от отчаяния словно безумный; чтоб принесть ему утешение, пошла в лес и я за отважным моим супругом. Однажды, когда он, измученный голодом, полубезумный, (бродил) по лесу, случилось так, что пришлось ему расстаться и с этим единственным (одеянием). Теперь нагота была его единственной одеждой. Следуя за ним, бесчувственным, полубезумным, много ночей провела я без сна. Но вот по прошествии многих дней, когда я где-то забылась сном, отрезал он половину (моей) одежды и ушел, покинув меня, не заслужившую такого (обращения)! Его, любимого моего супруга, богоподобного, владыку жизни моей и достояния, день и ночь, сжигаемая (тоской), разыскиваю я, но все не встречаю!»

Так она беспрестанно причитала, и очи ее наполнились
слезами. Тогда царица-мать, сама не менее ее страдая, молвила несчастной дочери Бхимы: «Полюбилась ты мне, о благая; оставайся жить у меня! Супруга же твоего, милая, станут искать мои люди. Быть может, и сам он, скитаясь с места на •место, сюда забредет, и ты, живя здесь, о благая, вновь обретешь мужа!»

На эти слова царицы-матери так отвечала Дамаянти: «При одном только условии могу я поселиться у тебя, о мать героев! Пусть не кормят меня остатками еды, не велят омывать кому-либо ноги, пусть никогда мне не придется беседовать с чужими мужчинами. А если кто из них возжелает меня, то пусть он будет тобою наказан. Встречаться пусть я буду только с брахманами ради розысков моего мужа. Если так все и будет сделано, я бесспорно жить (у тебя) останусь; если же нет — то оставаться не велит мне сердце!»

Радостно отвечала ей царица-мать: «Все это я исполню. Сколь благ такой обет!» Дав это обещание дочери Бхимы, о -бхарата, владыка народа, обратилась она затем к дочери своей по имени Сунанда: «Прими эту богоподобную красавицу в число твоих девушек, о Сунанда; да будет она тебе подругой в безмятежных увеселениях!»
*Такова в книге «Лесная» великой «Махабхараты» шестьдесят вторая глава.*

ГЛАВА 63

Брихадашва сказал:
Царь Нала, покинув Дамаянти, о владыка народа, увидал через некоторое время в лесной чаще пламя большого пожара. И донесся к нему из самой гущи пламени голос некоего существа, неустанно и громко (взывавшего): «Спеши ко мне, Нала! Ко мне, Достохвальный!»
«Не бойся!» — крикнул в ответ Нала и бросился прямо в огонь. Увидел он там царя нагов, лежавшего, свернувшись в кольцо. Нага, не в силах унять дрожи, почтительно сложил ладони и обратился к Нале: «Знай, о царь, хранитель людей, я нага Каркотака. Я обманул безгрешного, богатого подвижническим пылом брахмана-мудреца, и он, о владыка людей, разгневавшись, подверг меня проклятию. Из-за того проклятия ни на шаг мне не сдвинуться с места; ты должен спасти меня, почтенный, я же тебе укажу (путь) к счастью. Буду (отныне) твоим другом, а ведь мне нет равных среди змеев! Сейчас я сделаюсь для тебя легким, ты же немедля хватай и выноси меня отсюда!»

И при этих словах Индра нагов уменьшился до размеров пальца. Нала поднял его и перенес в часть леса, не затронутую пожаром. Выйдя на открытое место, куда не проложило (пламя) своего черного следа, хотел было он отпустить нагу, но вновь заговорил с ним Каркотака: «Пройди еще немного вперед, о владыка нишадхов, и при этом считай свои шаги; там, о великий царь, я одарю тебя наивысшим благом!» Начал Нала считать, и на десятом шаге ужалил его (Каркотака); и тотчас же от этого укуса утратил (Нала) прежний свой облик!

Найдя себе преображенным, замер в изумлении Нала; (туг же) взору царя явился нага, принявший свой истинный облик. Затем нага Каркотака сказал в утешение Нале: «Я изменил твой облик, чтоб не могли узнать тебя люди. А тот, из-за кого, о Нала, тебя постигло великое несчастье, будет теперь в твоем теле страдать от моего яда. Все его члены проникнет яд, и пока, о великий царь, он тебя не оставит, то будет, (пребывая) в тебе, терпеть мучения. Того, кто тебя, безвинного, не заслужившего того, обидел, в гневе (стану постоянно) мучить, ибо ты меня спас, о владыка людей! Теперь, о муж-тигр, по милости моей не страшны тебе ни клыки зверей, ни (происки) врагов, ни (гнев) познавших Брахман, о царь! Тебе же самому, о царь, яд мой не причинит мучений. В битвах, о Индра царей, ты будешь вечно одерживать победы!

Прямо отсюда, о царь, Владыка нишадхов, ступай немедля в чудный град Айодхью, ко (двору) Ритупарны; то большой знаток Вед и искусства игры в кости; назовись (ему) Бахукой, возничим. Тот великий царь, рожденный в роде Икшваку, в обмен на знание коней даст тебе тайное знание игры и станет твоим другом. Когда же ты получишь знание игры, то вернется к тебе удача; истинно говорю тебе: обретешь свое царство, встретишь жену и детей; отгони же грустные мысли! А захочешь, владыка людей, предстать в своем истинном облике, тогда вспомни лишь обо мне да надень вот эту одежду. Как только в нее облачишься, тотчас примешь свой (прежний) вид». С этими словами вручил ему (нага) волшебную пару одежд. Наставив таким образом Налу и вручив ему одежды, о царь-каурава, царь нагов затем, не сходя с места, исчез, (будто растаял в воздухе).
*Такова в книге «Лесная» великой «Махабхараты» шестьдесят третья глава.*

ГЛАВА 64

Брихадашва сказал:
1—4 Когда нага исчез, владыка нишадхов Нала двинулся в путь и на десятый день вступил в город Ритупарны. Приблизившись к царю, сказал он: «Зовут меня Бахука, мастер я править конями, равного мне в этом (искусстве) не сыскать и на всей земле. Ко мне можно обращаться в делах труднейших и требующих особых знаний. Я знаком, как никто другой, с (искусством) приготовления пищи. Какие только есть в этом мире ремесла и всякие трудные дела — я все берусь исполнить; возьми же меня на службу, о Ритупарна!»

Ритупарна сказал:
Благо тебе, Бахука! Живи у меня, исполняй все эти (обязанности)! Особо же всегда охоч я был сердцем до быстрой езды. Поусердствуй же, дабы стали быстры мои кони! (Беру) тебя главным конюшим при жалованье в сотню шатаман. Вот Варшнея и Дживала, которые во всем будут помогать тебе, ты останешься ими доволен. Живи у меня, о Бахука!

Брихадашва сказал:
После этой беседы с (царем) Нала, удостоенный почетного 8—10 приема, поселился в городе Ритупарны вместе с Дживалой и Варшнеей. Но, живя там, не расставался царь с мыслью о Ви-дарбхийке; что ни вечер, твердил он все одну и ту же шлоку: «Где же, подвижница, ты заночуешь, усталая, голодом, жаждой томимая! Вспоминаешь ли еще меня, безумца? Или о ком другом теперь твоя забота?»

Услышав раз в ночи его слова, спросил у царя Дживала: «Хочу я услышать, кто та, о ком ты всегда так тоскуешь, о Бахука!» Отвечал ему царь Нала: «У одного глупца была жена-сокровище; он же крайне жесток был с нею. И вот по некой причине тот глупец с нею расстался, а расставшись, безумный, удрученный бедою, пустился в скитания. Сжигаемый тоскою, ни днем, ни ночью не знал он отдыха; вспоминая о ней, еженощно пел все одну и ту же шлоку. По всей земле он скитался и наконец в одном месте нашел пристанище; но и поныне все вспоминает о несправедливо постигшем его бедствии. Жена того человека и в беде (его не оставила), последовала за ним в лес; теперь им, недостойным, покинутая, вряд ли она еще жива! Юная дева не знает дороги, непривычна к таким (лишениям), голод и жажда ее терзают; вряд ли она еще жива! О почтенный, тем жалким глупцом покинута она в огромном, грозном лесу, где всегда рыщут дикие звери!» Так вспоминал о Дамаянти тот царь, владыка нишадхов, пока жил он тайно, неузнанным, во дворце царя (Ритупарны).
*Такова в книге «Лесная» великой «Махабхараты» шестьдесят четвертая глава.*

ГЛАВА 65

Брихадашва сказал:
Когда Нала, лишившись царства, нанялся, как и супруга его, в услужение, возжелал Бхима повидать его и послал дваждырожденных (на поиски). Одарив их несметным богатством, повелел им Бхима: «Ищите Налу и дочь мою, Дамаянти! Тому из вас, кто выполнит поручение, разыщет Налу и приведет их обоих ко мне, дам я тысячу коров, пожалую во владение деревню, большую, как город! Если кто не сможет привести сюда

Дамаянти или же Налу, но только узнает, (где они), тому дам богатство в десять сотен коров!» Обрадовались брахманы, слыша такие (посулы), и разбрелись по всему свету, по всем городам и странам, разыскивая царя нишадхов и его супругу.

И вот дваждырожденный по имени Судева, ведший розыски в прекрасной столице (царства) Чеди, встретил там, во дворце царя, Видарбхийку; вместе с Сунандой присутствовала она на (церемонии) объявления царю «счастливого дня». Несравненная красота ее пряталась от взоров, словно солнце за облекшею его завесой дыма. Но, глядя на большеокую (деву), хоть и исхудавшую и обильно покрытую пылью, он, все доводы перебрав, убедился: «Это дочь Бхимы!»

Судева сказал:
Красавица эта выглядит так же, как та, которую видел я
прежде. Ныне достиг я своей цели: вот предо мною та, что вызывает к себе всеобщую любовь, словно (сама богиня) Шри. Смуглая, с ликом, подобным полной луне, с дивно округлой
грудью, божественная дева сиянием (красоты своей) озаряет все пространство в пределах сторон света, разгоняя мрак. Глаза ее, схожие с лепестками лотоса, прекрасны, как (глаза)
Рати, (жены) Манматхи; словно свет полной луны, (краса ее) любима всеми (существами) во вселенной!
Игрою злой судьбы исторгнут лотос сей из родных видарбхийских вод, грязь и ил
прилипли к его лепесткам! Печальная, объятая тоской о супруге, она подобна ночи полнолуния, когда ночное светило поглощено Раху, или реке, пересохшей от зноя! Волнуется (душа ее), как лотосовый пруд, потревоженный хоботами слонов; облетели лепестки цветов (на том пруду), в страхе (мечутся) птицы. Юная, наделенная дивным сложением, возросшая в изукрашенных самоцветами чертогах, она (сейчас) похожа на лотосовый стебель, только что сорванный, иссушаемый зноем. Наделенная благами красоты и величия, достойная (богатого) убранства, (ныне) она лишена украшений и подобна серпу молодой луны в небесах, окутанному темными тучами.

В разлуке с родными, лишенная милых радостей любви, печально влачит она свое существование, мечтая лишь о встрече с супругом. Замужняя женщина, будь даже лишена украшений, все ж обладает ценнейшим украшением: супругом. Она же, лишившись супруга, хоть и прекрасна, а не являет своей красоты (в полном блеске). Не всякий мог бы, как Нала, лишившись такой (подруги), по-прежнему заботиться о нуждах тела, не обессилев от отчаяния. При одном взгляде на эту (деву) с черными локонами, с продолговатыми лотосовидными глазами, созданную для счастья, но страдающую, у меня самого болит сердце!

Когда же наконец наступит предел ее бедам? Когда благая красавица соединится вновь с супругом, словно Рохини — с Месяцем? Обретя ее вновь, владыка нишадхов будет столь же счастлив, как царь, отбивший (у врага) назад похищенное царство. По возрасту, воспитанию и благородству происхождения равны царь нишадхов и черноокая Видарбхийка, они друг другу достойная пара! Супруга несравненного, могучего и храброго (Налы) томится в ожидании встречи со своим владыкой; надлежит мне принесть ей утешение. Та, чей лик сияет, как полная луна, не знала прежде горя, теперь же измучена бедами; постараюсь же утешить ее, погруженную в свои думы!

Брихадашва сказал:
Так, опознав ее по всевозможным чертам и приметам, приблизившись, брахман Судева сказал дочери Бхимы: «О Видарбхийка, я — Судева, любимый друг твоего брата, прибыл сюда по воле царя Бхимы, дабы разыскать тебя. Отец твой, мать и братья, о царевна, вполне благополучны, а дети твои, коим (сужден) долгий век, живут там в довольстве. Но только все родные твои так о тебе (тревожатся), что у них душа еле держится в теле».

Дамаянти, о Юдхиштхира, тотчас признав Судеву, принялась поочередно расспрашивать его обо всех родных и друзьях. Неожиданно увидев пред собою достойнейшего из дваждырожденных, Судеву, любимца брата, горько заплакала мучимая скорбью Видарбхийка, о царь! Тем временем Сунанда, видя, как она, уединившись, беседует с Судевой, как плачет,
терзается скорбью, о бхарата, послала передать матери:

«Служанка моя, встретив (некоего) брахмана, плачет горькими слезами; не соблаговолишь ли узнать, что с ней такое?» И вот мать правителя Чеди из внутренних царских покоев
направилась туда, где (уединились) юная дева с брахманом. Повелев Судеве приблизиться, вопросила царица-мать, о владыка народа: «Скажи мне, кто отец, кто супруг этой красавицы? И как случилось, что ясноокая разлучена с родными, с мужем? Не знаешь ли ты, о брахман, что привело к нам эту благую деву? Вот о чем хотела бы я узнать от тебя все, что
возможно; молю тебя, поведай мне всю правду (о том, что случилось) с богоподобной сею (женою)!»

Вняв ее просьбе, о царь, Судева, лучший из дваждырожденных, уселся поудобнее и рассказал обо всем, что случилось с Дамаянти.
*Такова в книге «Лесная» великой «Махабхараты» шестьдесят пятая глава.*

ГЛАВА 66

Судева сказал:
Правит страною видарбхов благочестивый, грозною мощью наделенный Бхима; эта прекрасная дева — дочь его, именем Дамаянти. Есть еще царь нишадхский, рекомый Нала, (а также) Достохвальный, мудрый сын Вирасены; ему эта прекрасная (дева доводится) супругой. Проиграв брату в кости, тот владыка земли лишился царства и ушел вместе с Дамаянти неведомо куда. Вот в поисках Дамаянти разбрелись мы по всей земле, и во дворце сына твоего отыскал я юную Деву!

Не найти земной девы, чтоб сравнилась с нею красотой; меж бровей у смуглянки есть чудное родимое пятно, подобное красному лотосу; хоть и скрыто оно, все же его различил я. Пылью покрыто оно, словно месяц — легким облачком. Его запечатлел (на челе ее) Установитель, дабы оно служило знаком ее величия. Тело ее покрыто пылью, и (оттого) краса ее не сияет во всем своем блеске, как лунный серп в пасмурный день новолуния; но все же она не пропала: даже в небрежении явственна, блещет, подобно злату! И вот по такой красе, а также по этой родинке распознал я в сей юной деве царицу, как, (ощущая) жар, (мы узнаем) о скрытом пламени.

Брихадашва сказал:
Сунанда, о владыка народа, услышав, что сказал Судева, омыла родинку от покрывавшей ее пыли, и когда пыль была удалена, то (родинка) засияла на (челе) Дамаянти, словно ночное светило в безоблачном небе. Сунанда же с царицей-матерью, увидев ту родинку, расплакались и некоторое время в молчании ее обнимали. Наконец царица-мать медленно, со слезами проговорила: «Сей знак указует в тебе дочь моей сестры, о красавица! Обе мы с матерью твоей — дочери великого духом кшатрия, Судамана, властителя дашарнов. Она вышла за царя Бхиму, я же — за Вирабаху. И я присутствовала при твоем рождении в стране дашарнов, в доме моего отца. У меня, о красавица, ты (можешь чувствовать) себя, как в отчем доме: всю мою власть, о Дамаянти, ты (вправе разделить) со мною!»

Дамаянти, о владыка народа, радостно приветствовала сестру своей матери и обратилась к ней с такими словами: «Еще и не будучи узнанной, я жила здесь счастливо; все желания мои исполнялись, ты меня неусыпно опекала. Но мне суждено, я знаю, (вкусить) еще большее счастье. О мать, благоволи отпустить меня, загостившуюся (на чужбине)! Ведь там живут, отосланы мною, малые мои дети; каково-то им без меня, лишившимся отца, томимым скорбью! Если тебе угодно сделать мне (что-нибудь) приятное, то скорей вели дать мне повозку, я хочу поехать в Видарбху.

На это сестра ее матери с радостью ответила: «Да будет так!» — о царь! С согласия сына отрядила она ей сильную охрану, (снабдила) прекрасными одеждами, едой и питьем, а затем на роскошном, несомом людьми паланкине отправила (домой), о лучший из бхаратов! И вскоре красавица прибыла в страну видарбхов. Все родные, обрадовавшись, оказали ей торжественный прием. Найдя мать, отца, детей, всех родных ж близких вполне благополучными, многославная, счастливая Дамаянти по наивысшему чину воздала почести богам и брахманам. Царь же, радуясь встрече с дочерью, облаготворил Судеву (дарением) тысячи коров, деревни и (несметного) богатства. Проведши ночь под отчим кровом и отдохнув, обратилась красавица к матери своей, о царь, с такими словами:
*Такова в книге «Лесная» великой «Махабхараты» шестьдесят шестая глава.*

ГЛАВА 67

Дамаянти сказала:
Истинно говорю тебе, матушка: если хочешь (видеть) меня живою, то сделай все, дабы доставить сюда Налу, храбрейшего среди мужей!

Брихадашва сказал:
Весьма опечалилась царица при этих словах Дамаянти; обливаясь слезами, ничего не сказала она в ответ, о царь! Когда увидели (женщины), в каком она состоянии, то весь внутренний покой огласился жалобным плачем и громкими воплями отчаяния. Царица же, о великий царь, так обратилась к Бхиме: «Дамаянти, твоя дочь, плачет от тоски по мужу. Она сама, не стыдясь своих чувств, о царь, сказала мне об этом. Пошли же своих людей, чтобы нашли Достохвального!»
По настоянию (царицы) царь разослал по всему свету покорных его воле брахманов, (наказав им): «Не жалейте сил, чтобы разыскать Налу!» Выполняя приказ владыки видарбхов, те быки-брахманы явились к

Дамаянти со словами: «Мы отправляемся в путь!» Дочь Бхимы так им сказала: «В какую страну (ни придете), всюду в гуще народа твердите такие слова: «Где ты, любимый, куда удалился, игрок, после то-то, как покинул спящей в лесу преданную тебе подругу, отрезав половину ее одежды? Юная дева и ныне одной половиной одежды укрыта; тяжко страдая, она ждет тебя там, где велено было тобою! Смилуйся, доблестный царь, над той, кто, тоскуя о тебе, неустанно льет слезы, ответь на ее призыв!»

А еще скажите так: «Благоволи сжалиться надо мною, ибо время разлуки, как) ветер, раздувает пожар (тоски), сжигающий лес (моей души)! Муж всегда должен лелеять женуг защищать ее; как же ты, столь преданный дхарме и благонравный, смог пренебречь обеими этими (обязанностями)?! И ты, всегда славившийся мудростью, благородством и состраданием, стал ныне так бессердечен! Наверное, то влияние моего злого рока! Смилуйся надо мной, о муж-бык, великий воитель! Не ты ли говорил мне когда-то, что милосердие есть высшая дхарма?!».

Если в ответ на эти речи кто-либо заговорит с вами, то выведайте все об этом человеке, кто таков он и где обитает. Какой бы человек, услышав вашу речь, ни отозвался, запоминайте слова его, достойнейшие из дваждырожденных, и тотчас (сообщайте) мне. Но чтобы не узнал он в вас исполнителей воли Бхимы, вы должны оборачиваться живо! Будь он богат пли беден или ищет добыть богатство — я должна знать все о его намерениях!»

Выслушав ее (напутствие), о царь, разошлись брахманы по всему свету на поиски многострадального Налы. В разных городах и странах, в деревнях, на пастушьих стоянках, в обителях отшельников — всюду искали дваждырожденные Налу, о царь, но нигде он им не встречался. И куда бы, о владыка народа, ни приходили те брахманы, всюду громко вели она речи, которым научила их Дамаянти.
*Такова в книге «Лесная» великой «Махабхараты» шестьдесят седьмая глава.*

ГЛАВА 68

Брихадашва сказал:
Немало времени прошло, и вот один дваждырожденный, но имени Парнада, вернувшись в столицу, сказал дочери Бхимы: «О Дамаянти, денно и нощно разыскивая владыку ни-шадхов, прибыл я в город Айодхью, где предстал перед сыном Бхангасвары. При великом стечении народа слово в слово довел я твои речи, о красавица, до слуха причастного великой доле Ритупарны. Выслушав их, не единожды мной повторенные, ни сам владыка людей Ритупарна, ни один из (мужей) его совета не сказал мне на это ни слова. Только когда отпустил меня царь, один из людей Ритупарны, именем Бахука» наедине заговорил со мною. У того Индры людей (Бахука) служит возничим; он колчерук и уродлив, но дивно искусен в быстрой езде и в приготовлении изысканных яств. Часто вздыхая, то и дело проливая слезы, расспросил он меня о здоровье, а затем повел такую речь:

«Высокородные жены, праведницы, попадая в беду, (в силах) сами себя охранить, и за то непреложно уготованы им небеса; если мужья их и покинут, они на них не гневаются.
Глупец, ее покинувший, (сам) был в беде, (навек) потерял свое счастье, — не подобает ей сердиться на него! Когда он разыскивал средства к пропитанию, птицы похитили у него одежду, треволнения его истерзали — не должно смуглянке гневаться на него! Хорошо ли, плохо ли он с нею поступил, во, видя супруга в такой беде, лишенного царства, утратившего все достояние, не должно смуглянке гневаться на него!»
Услыхав от него такую речь, я поспешно прибыл сюда; ты же сама будь судьей услышанному и доведи, (коль сочтешь это нужным), до сведения царя».

При этих словах Парнады, о владыка народа, глаза ее наполнились слезами. Тайком пошла Дамаянти к матери и так ей сказала: «О матушка, пусть ничего не узнает об этом Бхима. Позволь мне самой, в твоем лишь присутствии дать поручение достойнейшему брахману Судеве. Если ты хочешь оказать мне услугу, постарайся же, чтобы не дошли до царя Бхимы слухи о моих намерениях. Ведь как быстро сумел Су-дева доставить меня к родным! Пусть же немедля, сопутствуем той же удачей, поспешит он отсюда, о матушка, в город Айодхью, чтоб привести (ко мне) Налу!»

Затем, когда достойнейший из дваждырожденных Парнада «отдохнул (с дороги), прекрасная Видарбхийка почтила его {дарением) несметных богатств. «Когда придет сюда Нала, о брахман, дам тебе еще больше богатства, ибо ты, о достойнейший дваждырожденный, как никто другой, потрудился ради того, чтобы скорее встретилась я с супругом!» Многомудрый (Парнада) в ответ на это почтил (Дамаянти) своими приносящими счастье благословениями и отправился домой, (удовлетворенный сознанием) исполненного долга.
Затем преисполненная печали и скорби Дамаянти призвала другого брахмана и в присутствии матери сказала ему так, о Юдхиштхира: «Ступай, Судева, в город Айодхью и скажи тамошнему царю Ритупарне: «Ищет себе

дочь Бхимы, Дамаянти, другого мужа и потому устраивает новую сваямвару. Отовсюду уже съехались туда цари и царевичи. Время назначено: свершится это завтра на рассвете. Коль хочешь удостоить (сваямвару своим присутствием), то поспешай, губитель недругов! Едва взойдет солнце, выберет она второго мужа. Ведь об отважном Нале никто не знает, жив он или умер!» Тогда брахман Судева пошел к царю Ритупарне, о великий царь, и сказал ему все так, как она велела.
*Такова в книге «Лесная» великой «Махабхараты» шестьдесят восьмая глава.*

ГЛАВА 69

Брихадашва сказал:
Услышав слова Судевы, владыка людей Ритупарна ласков» и учтиво обратился к Бахуке: «Хотел бы я за один день доехать до страны видарбхов, (поспеть) к сваямваре Дамаянти; не изволишь ли ты (меня доставить), о Бахука, знаток коней?»

При этих словах царя, о Каунтея, сердце многомудрого Налы едва не разорвалось от отчаяния, и он подумал: «Быть может, горе помрачило разум Дамаянти, раз она решилась на такое? Или это хитрая уловка, придуманная ею ради меня? Горе мне, жалкому, безумному грешнику, если за нанесеннук> мной обиду богатая подвижническим пылом Видарбхийка намеревается отмстить мне столь жестоко! Чувства женщин изменчивы в этом мире, я же так виноват перед ней! Быть может, она решилась на это оттого, что собой не владеет? Или (меня) разлюбила? Или, измученная тоской обо мне, тонкостанная (пошла на это) от отчаяния? Нет, этого быть не может: ведь она мать моих детей! Только там я узнаю наверное, правда все это или ложь. Исполню же волю Ритупарны, думая о собственном благе!»

И, приняв такое решение, печальный Бахука, сложив почтительно руки, обратился к владыке людей Ритупарне: «Даю тебе слово, о царь, владыка людей, что за один день, о муж-тигр, ты достигнешь столицы видарбхов!»

Затем по приказу царя, сына Бхангасвары, о царь, пошел Бахука на конюшню выбирать лошадей, Ритупарна то и дел» торопил его. Наконец подошел Бахука к коням поджарым, крепким и выносливым в дороге. Резвы, сильны, хорошей породы и доброго нрава, без единой дурной приметы, с широкими ноздрями и крепкими челюстями, холеные, каждый с десятью завитками, быстры, как ветер, были те в (стране) Синдху рожденные кони.

Царь же, увидев коней, сказал с шутливой досадой: «Что ты такое задумал, уж не хочешь ли обмануть нас? Как довезут меня эти клячи со слабым дыханием? Можно ли брать таких лошадей в дальний путь?» Бахука сказал:

Я уверен, о царь, эти кони тебя довезут до Видарбхи; но если хочешь других, укажи мне, я запрягу их тебе.

Ритупарна сказал:
Ты столь опытен, Бахука, знаешь природу коней; запрягай поскорее тех, которых считаешь пригодными.

Брихадашва сказал:
Четверку этих породистых, резвых, благонравных коней и запряг искусный Нала в колесницу (Ритупарны). Когда царь поспешно взошел на готовую колесницу, на колени прянули было добрые кони. Но достойнейший, лучший из людей, царь Нала ободрил горячих и сильных коней, о владыка народа, усадил на колесницу суту Варшнею, подобрал поводья, дабы тронуть коней с места, и помчал все быстрее и быстрее.

Добрые кони, по всем правилам погоняемые Бахукой, казалось, взмыли в воздух, так что у (царя) в колеснице дух захватило. Видя, что кони летят со скоростью ветра, мудрый правитель Айодхьи был вне себя от восхищения. А Варшнея, слушая грохот колесницы, (наблюдая), как правит (Нала) конями, был погружен в размышления об искусстве возничего Бахуки:
«Уж не сам ли то Матали, возничий Царя богов? Ведь в отважном Бахуке зримы великие его приметы! Или то Шалихотра, знаток конских свойств и пород, воплотился в столь неприглядном человеческом облике? А может быть, то явился к нам сам царь Нала, владыка народа, разрушитель вражеских твердынь? — так размышлял (Варшнея). — Какую науку ни знает Нала — знает ее и Бахука; я примечаю, что (во всем) равны познания Бахуки и Налы. Да и по возрасту, кажется мне, равны они с Налой! Если этот славный воитель — не Нала, то кто еще может быть столь искусен? Бывает ведь, «что великие духом (мужи) тайно странствуют по этой земле в силу предначертания судьбы, многообразно изменяя облик, как предписывают шастры. Однако если и есть у меня подозрение, что (это Нала), изменивший свой облик, то, думается мне, для твердого решения недостанет доказательств. Годами они равны, но наружностью вовсе не схожи; и все же думаю я, что Бахука — это Нала, ибо он наделен (в той же мере) всеми возможными достоинствами!»

Так без конца думал и рассуждал сам с собою возничий Достохвального Варшнея, о великий царь! А царь Ритупарна, о Индра царей, вместе с колесничим Варшнеей также ликовал, созерцая искусство возничего Бахуки. В небывалый восторг привело его зрелище силы, отваги, решимости, старания Бахуки, (искусства, с которым) владел он поводьями.
*Такова в книге «Лесная» великой «Махабхараты» шестьдесят девятая глава.*

ГЛАВА 70
Брихадашва сказал:
Словно птица в поднебесье, быстро проносился (Нала) мимо лесов и гор, озер и рек. (Стоя) в несущейся колеснице, заметил вдруг царь Бхангасвари, покоритель враждебных твердынь, что вниз упал его плащ. Тотчас же, как только» одежда упала, мудрый царь обратился к Нале: «Я должен поднять ее. Придержи этих резвых коней, многомудрый, пока Варшнея не сходит за нею». Нала ему отвечал: «Далеко обронил ты свой плащ! Мы отъехали на добрую йоджану; тебе его уже не вернуть».

Едва это вымолвил Нала, как они с царем Бхангасварн приблизились среди леса, о царь, к усеянной плодами вибхитаке. Завидев ее, царь поспешно сказал Бахуке: «Ну, теперь-ты, возничий, смотри, как силен я в искусстве счета. Никому не дано знать всего, никто не всезнающ: не может в одном человеке вместиться совершенное знание. Вон сколько плодов и листьев на этом дереве, а осыпалось их на одну сотню- больше, да еще на один лист и на один плод, о Бахука! Всего на этих двух ветвях — пять коти листьев, а посчитай плоды на обеих ветвях и на всех их отростках— (будет их) две тысячи и сто без пяти».

Тут, сойдя с колесницы, сказал царю Бахука: «То, чем ты похваляешься, о царь, губитель врагов, неочевидно для меня. Но раз ты сумел узнать число (плодов), о царь, то, значит, оно познаваемо. Позволь же, о великий царь, я при тебе сосчитаю (плоды) на вибхшаке. Ведь я не знаю, столько их » самом деле или же нет; пересчитаю плоды ее у тебя на глазах, о владыка людей; пусть только Варшнея ненадолго придержит коней поводьями!»

Не время сейчас мешкать!» — сказал возничему царь; но
Бахука, увлеченный той важной затеей, ответил ему: «Подожди меня немного; если же ты спешишь, о почтенный, то путь дальше легок, поезжай с колесничим Варшнеей!» Тргда, чтобы польстить ему, так сказал Ритупарна, о потомок Куру: «Во всем свете, о Бахука, нет такого, как ты, возницы, и лишь с твоей помощью, о знаток коней, желаю я достичь Видарбхи. С мольбой к тебе взываю: не изволь чинить мне препятствий! Я же исполню любое твое желание, какое ни назовешь, о Бахука, дай мне только сегодня застать в Видарбхе солнце!»

Отвечал ему Бахука: «Прежде сочту (плоды) на вибхитаке, потом поеду в Видарбху! Вот мое слово, царь: исполни его!» «Считай!» — молвил ему словно нехотя царь. Он же, поспешно сойдя с колесницы, срубил то дерево. Наконец, поражен изумлением, сказал он царю: «Насчиталось плодов ровно столько, сколько ты и назвал, о царь! Что за диво! Теперь я видал твою силу! Услышать хочу, о царь, что за наука открыла тебе такое знание?»

Царь же, горя нетерпением продолжить путь, ему ответил:
«Знай, я постиг таинства игры в кости, (оттого) и искусен » счете». Тогда сказал ему Бахука: «Передай же мне это знание! А от меня, о муж-бык, прими секрет (обращения) с конями!» Царь Ритупарна, (оценив всю) важность дела и желая (познать) науку (обращения) с конями, ответил: «Пусть так! Прими от меня, как желаешь, сокровенное знание игры; ответным же даром твоим пусть будет твое тайное знание коней, о Бахука!» Сказав так, Ритупарна передал Нале свое (сокровенное) знание.

Тут из тела обретшего знание игры Налы вышел Кали, изо рта которого непрерывно извергался жгучий яд Каркотаки. И вышло из (Налы) мучившее его пламя проклятия Кали; долгое время терзаемый им царь был не властен над своей душою. А Кали, избавившись от действия яда, принял свой прежний облик. В гневе хотел было Нала, владыка нишадхов, предать его проклятию. Но, почтительно сложив ладони, дрожа от страха, сказал ему Кали: «Уйми свой гнев, о царь, я одарю тебя великой славой! Мать Индрасены, когда ты ее оставил, прежде уже прокляла меня в гневе, и оттого жестоко страдал я. Жил я в тебе, о Индра царей, осиленный лютой бедою; денно и нощно жег меня яд царя нагов. Отныне же всем людям, которые станут усердно разносить славу о тебе по свету, не грозит от меня никакая опасность!»

Выслушав его, царь Нала смирил свой гнев, а испуганный Кали поспешно вошел в вибхитаку. Пока же беседовал он с владыкою нишадхов, никто другой его не видел. Когда исчез Кали, исцелившийся от душевной муки губитель вражеских героев, царь, Владыка нишадхов вновь пересчитал плоды, а затем, исполнившись бурного ликования, с пылкостью необычайной взлетел, наделенный духовным пылом, на

колесницу и погнал резвых коней. А о вибхитаке, приютившей Кали, пошла с тех пор худая слава39. Преисполненный радости, Нала все погонял чудесных коней, которые, словно птицы, то и дело взмывали в воздух. Многомудрый царь правил путь в страну видарбхов. Когда Нала удалился, Кали, (оставив вибхитаку), пошел восвояси.

Так, о владыка земли, царь Нала исцелился от душевных мук и избавился от (власти) Кали. Но прежнего облика свое-то, о царь, он тогда еще не принял.
*Такова в книге «Лесная» великой «Махабхараты» семидесятая глава.*

ГЛАВА 71

Брихадашва сказал:
И вот на закате поведали люди царю Бхиме о прибытии в Видарбху истинно доблестного Ритупарны. С позволения Бхи-мы тот царь въехал в город Кундину, огласив грохотом колесницы все десять (главных) и промежуточных сторон света.

Заслышав грохот той колесницы, кони Налы, (жившие у Бхимы), радостно заволновались, как прежде, когда (чувствовали) приближение хозяина. Услышала и Дамаянти тот грохот колесницы Налы, глубокий, словно голос облака в миг сгущения дожденосных туч. Подумалось дочери Бхимы, что точно так же гремела колесница прежде, когда сам Нала правил своими конями. То же (почуяли) и кони. Павлины на дворцовой крыше, слоны и кони в стойлах — все внимали тому, как грохочет колесница владыки земли. Павлины и слоны, заслышав этот колесничный грохот, задрали головы и закричали, о царь, как будто чуя приближение грозы.

Дамаянти сказала:
По тому, как грохот этой колесницы наполнил всю вселенную, по тому, как радостно забилось мое сердце, (я знаю): это он, владыка Нала! Если сегодня же я не увижу как месяц, ясного лика отважного Налы, средоточия несчетных совершенств, то знаю: не жить мне на свете! Если сегодня не буду покоиться в нежных объятиях героя, знаю: не жить мне на свете! Если сегодня ко мне не придет златоблещущий царь нишадхов, чей глас как раскаты грома, знаю: не жить мне на свете! Если ко мне не придет тот Индра царей, отважный, как лев, кому под силу потеснить разъяренного слона, знаю: не жить мне на свете! Не помню, чтобы он когда-либо солгал, не помню, чтоб нанес кому-нибудь обиду или чтоб он, великий духом, даже среди пустой беседы обронил неразумное слово. Могуч, отважен, терпелив, кроток и нежен, он властвует над своими чувствами; даже втайне мне не изменял, (надежен), как евнух, мой Найшадха! Денно и нощно предаюсь я воспоминаниям о его совершенствах; в разлуке с любимым тоска разрывает мне сердце!

Брихадашва сказал:
Так стеная словно безумная, о бхарата, взошла она на (крышу) огромного дворца в надежде увидеть Достохвального. И вот увидела она, как въехала во внутренний двор колесница с владыкой земли Ритупарной, Варшнеей и Бахукой. Сойдя с той чудо-колесницы, Бахука с Варшнеей отвели ее на место стоянки и распрягли коней. А владыка людей Ритупарна также сошел с сиденья колесницы и приблизился, о великий царь, к грозному своею мощью Бхиме.

Принял его Бхима с величайшими почестями, (недоумевая лишь), с какой целью он столь внезапно явился: ведь (Бхима) не знал ничего о той женской уловке. «В добрый час ты прибыл! Чем можем служить тебе?» — спросил у Hero-царь, о бхарата! Не догадался владыка людей, что тот приехал ради его дочери. Тут и сам мудрый, истинно доблестный царь Ритупарна приметил, что не видно (при дворе Бхимы) ни: царей, ни царевичей, ни сошедшихся брахманов, не слышно толков о сваямваре. Так про себя рассудив, сказал тогда царь, владыка Косалы: «Я прибыл, дабы выразить тебе свое почтение». Подивился тому царь Бхима и про себя подумал: «Что же его побудило проделать путь более чем в сто йоджан? Не мог он с этой лишь (целью) прибыть сюда, миновав столько селений! Предлог посещения, указанный им, чересчур незначителен. Тут что-то не так!» Тогда царь, оказав (гостю) должные почести, отправил его на покой, неустанно твердя: «Пойди отдохни, ты устал (с дороги)!» И вот тот владыка земли, довольный (и видя) довольным (Бхиму), счастливый, польщенный приемом, в сопровождении дворцовых слуг вошел в отведенные ему покои.

Когда ушел царь Ритупарна вместе с Варшнеей, Бахука, взойдя на колесницу, отвел ее в особое помещение. Там он выпряг коней сообразно всем правилам, ободрял их и холил, а потом и сам присел (отдохнуть) на днище колесницы.
А Дамаянти, повидав царя Бхангасвари, сына суты Варшнею, а также этого Бахуку, (пуще прежнего) опечалилась; принялась размышлять Видарбхийка: «Чьей же то колесницы грохот так велик, словно (ехал) сам Нала? Ведь владыки нишадхов я не вижу. Или это, быть может, Варшнея перенял сокровенное знание (Налы) и теперь у него колесница гремит столь же звучно, как у Налы? А что, если то Ритупарна во всем

подобен царю Нале и по грохоту его колесницу принимают за колесницу Найшадхи?» Так поразмыслив, Дамаянти, о царь, владыка народа, отправила (все же) девушку-посланницу на розыски царя нишадхов.
*Такова в книге «Лесная» великой «Махабхараты» семьдесят первая глава.*

ГЛАВА 72

Дамаянти сказала:
Ступай, о Кешини, узнай, кто таков этот возничий, колчерукий уродец, что сидит в колеснице! Подойди к нему, милая, будь нежна и внимательна, осведомись о здоровье, а затем, безупречно прекрасная, вызнай у человека того всю правду. Сильно подозреваю я, не царь ли это Нала; оттого веселится душа моя, (блаженно) замирает сердце. А к концу беседы, прекраснобедрая, повтори при нем те речи Парнады и (получше) уразумей, о безупречная, то, что он тебе на них ответит.

Брихадашва сказал:
И вот, собравшись с духом, посланница подошла и заговорила с Бахукой; а прекрасная Дамаянти наблюдала за ними с крыши дворца.

Кешини сказала:
В добрый час ты прибыл, муж-бык, Индра людей, приветствую тебя! Слушай как следует, что говорит Дамаянти: «Давно ли вы двинулись в путь? Что привело вас сюда?» Скажи мне, как должно, всю правду: (ведь) сама Видарбхийка хочет знать об этом!

Бахука сказал:
Прослышал многославный царь Косалы о том, что завтра будет вторая сваямвара Дамаянти. Узнав об этом, о красавица, царь на быстрых, как ветер, отборных конях, проходящих (без отдыха) сотню йоджан, поспешил сюда. Я же — его колесничий.

Кешини сказала:
А этот, что с вами третьим, — чей родом, из каких краев? Да и сам ты чей будешь, как попал на такую службу?

Бахука сказал:
(Того человека), о милая дева, зовут Варшнея, у Достохвального был он возницей. Когда же бежал оттуда Нала, пошел он на службу к Бхангасвари. Что до меня, то я — знаток коней, умею также вкусно готовить; Ритупарна сам избрал меня колесничим своим и поваром.

Кешини сказала:
А не знает ли Варшнея, куда скрылся царь Нала? Не поведал ли он как-нибудь тебе этого, о Бахука?

Бахука сказал:
Доставив сюда детей недостойного Налы, побрел (Варшнея) куда глаза глядят; не знает он, (где) Найшадха. Да и никто другой, многославная, не знает, (где сейчас) Нала; ведь этот владыка земли по свету странствует тайно, сокрыв свой облик. Только сам Нала знает (секрет) да та, что всех ближе ему, (могла бы догадаться); (другим же) никогда не опознать его по тем (тайным) его приметам.

Кешини сказала:
Недавно приходил в Айодхью один брахман; непрестанно повторял он, от лица некой женщины, следующие слова: «Где ты, любимый, куда удалился, игрок, после того, как покинул спящей в лесу меня, преданную твою супругу, отрезав половину моей одежды? Половиной одежды укрытая, денно и нощно терзаясь тоской, ждет тебя (твоя супруга) там, где ты указал ей. Смилуйся, доблестный царь, над той, что из-за этого несчастья неустанно льет о тебе слезы: ответь на ее призыв!» Поведай же ей, многомудрый, ту повесть, милую ее сердцу; желает услышать то слово беспорочная Видарбхийка! То, что прежде на это ответил ты тому (брахману), желает опять услышать из уст твоих Дева Видарбхи!

Брихадашва сказал:
Едва услышал Нала, что сказала ему Кешини, боль пронзила его сердце, о потомок Куру, глаза наполнились слезами. С душой, объятой отчаянием, терзаемый скорбью, голосом, сдавленным слезами, повторил царь сказанное прежде:
«Высокородные жены, праведницы, попадая в беду, (в силах) сами себя охранить, и за то им уготовано небо. Если мужья их покинут, они на них не гневаются; благонравные жены могут прожить и сами, а (от зла) им броней служит их добродетель. Когда он разыскивал пропитание, птицы похитили у него одежду, треволнения его истерзали — не должно смуглянке гневаться на него! Хорошо ли, плохо ли он с ней

поступил, но, видя супруга в такой беде, лишенного царства, утратившего достояние, сломленного злою судьбою...»

Произнеся эти слова, о бхарата, Нала (вдруг) проникся таким отчаянием, что не мог более сдерживать слезы и разрыдался. А Кешини, пойдя к Дамаянти, сообщила ей о том, как они беседовали и как при этом он не скрыл волнения.
*Такова в книге «Лесная» великой «Махабхараты» семьдесят вторая глава.*

ГЛАВА 73

Брихадашва сказал:
Дамаянти, обуянная тяжкою скорбью, выслушав этот (рассказ), все колебалась, Нала ли это, и так обратилась к Кешини: «Ступай, о Кешини, снова, устрой Бахуке испытание. Не вступая в беседу, стой рядом и примечай все его поступки. Какое бы дело он ни предпринял, (примечай), что есть особенного в образе действий его, когда он будет выполнять работу, о красавица! (Чтоб учинить) задержку, не давай ему даже огня и воду не спеши подать, о красавица, если он у тебя ее попросит. Наблюдай за всем, что станет он тогда делать, а после мне о том расскажешь; если же еще что-нибудь приметишь, сообщи мне тогда и об этом!»
Выслушав Дамаянти, Кешини поспешно удалилась и вернулась лишь после того, как разузнала все повадки того знатока коней. Поведала она Дамаянти, следуя (порядку) происшедшего, обо всех естественных и чудесных признаках, кои обнаружила она в Бахуке.

Кешини сказала:
Никогда прежде, о Дамаянти, не доводилось мне видеть человека, чьи деяния столь святы, либо слышать о чем-либо подобном! Подойдя к двери с низкой притолокой, никогда не приклонит он головы; напротив, притолока, (словно) заметив его в (миг) приближения, сама выгибается вверх, так, чтоб было удобно (пройти); а узкая щель для него становится широчайшим проходом! Не единожды царь присылал туда в изобилии мясо животных на угощение Ритупарне. Чтобы все это (мясо) вымочить, приготовили там котел; вдруг под его взором тот котел сам наполнился (водою)! Омывши (мясо), принялся Бахука за дело: взяв пучок травы, бросил его (под котел) и предался созерцанию. Тотчас же возгорелся там Уноситель жертв! Увидев то превеликое чудо, подивилась я и пришла сюда.

А еще я видала, красавица, как (сотворил он) другое великое чудо: касался огня, и тот не обжигал его! Вода же по воле его сама выливалась и уносилась быстрым потоком! И еще одно видела я превеликое чудо: взяв цветы, долго он мял их руками, а они, в руках его измятые, становились вновь свежи и благоуханны! Видев эти его чудодейства, поспешила я скорее сюда.

Брихадашва сказал:
Дамаянти, услыхав о поступках Достохвального, решила, что найден Нала, ибо сей образ действий на него указует. Подозревая, что в образе Бахуки (сокрыт) супруг ее Нала, она вновь, со слезами (в голосе), ласково молвила Кешини: «Воротись назад, о красавица, и чуть недосмотрит Бахука, то, взяв мяса, им приготовленного, неси его с кухни сюда!»

Пошла услужливая Кешини и, когда чем-то занят был Бахука, схватив совсем еще горячий (кусок) мяса, поспешила тотчас назад и вручила его Дамаянти. Привыкла та в былые дни вкушать мясо, приготовленное Налой, (а потому), отведав, сразу признала в поваре Налу и, тяжкою скорбью томимая, зарыдала. Овладело ею крайнее смятение. Затем, прополоскав рот42, о бхарата, отослала она (к Бахуке) детей-близнецов в сопровождении Кешини.

Бахука—(он же) царь (Нала), —узнав (юную) Индрасену с братом, тотчас бросился к ним, принялся обнимать, усадил к себе на колени. Встреча с теми детьми, (прекрасными), как дети небожителей, облекла душу Бахуки столь тяжкой горестью, что он навзрыд заплакал. Так проявив многократно свое душевное смятение, внезапно отпустил детей Найшадха и молвил Кешини: «Милая, на моих детей близнецы эти так похожи! Вот почему, на них глядя, проливаю я слезы! Но ты сюда часто приходишь, люди могут заподозрить дурное. Мы ведь — гости в этой стране! Ступай же, милая, с миром!»
*Такова в книге «Лесная» великой «Махабхараты» семьдесят третья глава.*

ГЛАВА 74

Брихадашва сказал:
Кешини, видя, какое смятение проявил мудрый Достохвальный, тотчас же пошла и поведала обо всем Дамаянти.

Тогда Дамаянти, терзаемая скорбью, взволнованная надеждой (увидеть) Налу, вновь отослала с поручением Кешини, (на сей раз) к своей матери. «Подозревая в нем Налу, подвергли мы Бахуку многим испытаниям; теперь только внешность его еще оставляет место сомнениям, но я желаю сама узнать (всю правду). Дозволь же ему войти (во дворец) или благоволи меня отпустить туда, матушка; устрой мне это с ведома или без ведома отца — все равно!»

Выслушав Видарбхийку, рассказала царица Бхиме о затее дочери, и царь дал на то согласие. И вот, о бык-бхарата, заручившись соизволением матери и отца, повелела она ввести Налу в ее покои. Увидав Налу в таком (облике), жгучей горестью прониклась прекрасная Дамаянти. И вот, облаченная в красные одежды, с заплетенными (по-отшельнически) волосами, покрытая пылью и грязью, сказала она Бахуке, о великий царь: «Не встречал ли ты когда, Бахука, некоего искушенного в дхарме мужа, который ушел, бросив жену свою спящей в лесу? Кто ж еще, кроме безгрешного Достохвального Налы, мог уйти, покинув в лесной глуши бесчувственную от усталости, желанную свою супругу? Чем перед тем владыкой земли могла я так провиниться, что он ушел, покинув меня в чаще, как только я забылась сном? Как мог он расстаться со мною, любящей, всецело преданной, родившей ему детей; не я ли прежде ему отдала предпочтение, отвергнув самих богов? Не он ли меня, завороженную речами гусей, взял за руку у огня и поклялся: «Буду тебе кормильцем! Где теперь его обещания?»

У Дамаянти, пока она так говорила, о смиритель недругов, обильно заструилась из очей горькая, печалью рожденная влага. Видя, как из черных глаз ее с покрасневшими белками бурно струятся слезы, Нала, опечаленный, сказал:

«Губя свое царство, поступал я не по собственной воле; это подстроил Кали, так же как и то, что я покинул тебя, трепетная (дева)! Но в то давнее время, когда ты, о чудо добродетели, бродила по лесу, страдая, тоскуя обо мне, нагом (изгнаннике), проклятие твое настигло Кали! Стало твое проклятие терзать Кали, жившего в моем теле; да, силой твоего проклятия был он во мне непрестанно сожигаем, словно сидя внутри костра! Одолел я его усердием своим и тапасом; ныне, о милая, наступит конец нашим страданиям! Оставив меня, бежал тот злодей! И вот я здесь, с мыслью только о тебе, о полнобедрая, — нет у меня другой цели!

Однако, о робкая (дева), (видано ль) где такое, чтоб замужняя женщина, забывши любящего, верного супруга, вдруг решилась, подобно тебе, выбрать себе другого? По приказу царя обходят всю землю глашатаи: «Будет дочь Бхимы вторично выбирать себе мужа, по сердцу, по собственной воле, такого, чтоб был ее достоин!" Ведь, прослышав об этом, ш примчался сюда Бхангасвари!»

Выслушав сетования Налы, Дамаянти сложила почтительно руки, и вся дрожа от страха, сказала:
*Такова в книге «Лесная» великой «Махабхараты» семьдесят четвертая глава.*

ГЛАВА 75

Дамаянти сказала:
Понапрасну ты, благородный, заподозрил меня в грешных: помыслах; не я ль, о владыка нишадхов, отвергнув богов, оказала тебе предпочтение? Только чтобы привлечь тебя, былвп посланы всюду брахманы и разнесли слова мои в песнях по всем десяти направлениям! Потом же ученый брахман, рекомый Парнада, о царь, отыскал тебя в Косале, у Ритупарны в. чертоге! Когда же на речи его ты дал столь уместный ответ, о Найшадха, пришел мне на ум этот план, как принудить тебя вернуться. Ведь кроме тебя, о царь, владыка людей, нш один человек на земле не смог бы за сутки пройти на конях сотню йоджан!

О владыка земли, обнимая стопы твои, я (клянусь), что даже и в мыслях ничего худого я не совершила! Вот рыщет па-белу свету всему сущему очевидец, вечный скиталец— (Ветер) ; да лишит он меня жизни, если я грешна! И владыка жгучих лучей, что вечно ходит над миром, да лишит он меня жизни, если я грешна! Месяц, (сердца) всех существ проникающий, как очевидец, да лишит он меня жизни, если я грешна! Пусть же эти три бога, кои суть столпы тройственного мира, все по правде ныне расскажут или пусть отвергнут меня!

И в ответ на ее слова возвестил из поднебесья Ветер: «Истинно говорю тебе, Нала, ни в чем она не согрешила* Сокровище своей добродетели, о царь, Дамаянти свято хранила, мы же целых три года были ей и свидетели, и стражи. Только» ради тебя 'она прибегла к бесподобной этой уловке: ведь никто, кроме тебя, в этом мире не пройдет за сутки сотню йоджан! Вот и вместе ты с дочерью Бхимы, она же — с тобою; прочь гони подозрения, владыка земли, — соединись с супругой! »

И только сказал это Ваю, как пал на землю дождь из цветов, боги грянули в небесные литавры, повеял ласковый ветерок. Зря это превеликое чудо, царь Нала, смиритель недругов, снял тогда с Дамаянти

подозрение, о бхарата! Тогда владыка земли облекся незапыленной (волшебной) одеждой и, обратясь воспоминанием к царю нагов, обрел наконец свой .прежний облик.
Увидев мужа в подлинном облике, безупречно прекрасная дочь Бхимы обняла Достохвального и навзрыд заплакала. Царь же Нала, озаряясь прежней красотою, обнял дочь Бхимы с детьми и, по обычаю, одарил их благословениями. А ясноликая, большеокая (дева), прижав лицо его к своей груди, тяжкими вздохами (давала выход) довлевшему над ней горю. Красавица с ясной улыбкой, покрытая пылью (скитаний), .долго она так стояла, заливаясь слезами и не выпуская того мужа-тигра из своих объятий.

А тем временем мать ее, о царь, поведала на радостях обо всем, что произошло между Налой и Дамаянти, девою Видарбхи, Бхиме. И молвил великий царь: «Пусть Нала свершит -очищение, счастливо проведет ночь, а на рассвете повидаю я его и Дамаянти». Счастливые, провели они эту ночь вместе, о царь, повествуя друг другу обо всем, что пережили во время лесных скитаний. На четвертый год (разлуки) вновь сойдясь с супругой, обрел царь исполнение всех своих желаний, и радости его не было границ. И Дамаянти, обретя супруга, будто вновь ожила, как (оживает) под струями дождя усеянное молодыми «сходами поле. Едва она соединилась (с мужем) — прошла усталость, стихла тревога и переполнилось сердце ликованием; дочь Бхимы, утолив свои желания, еще прекрасней стала; так (возрастает Прелесть) ночи, когда прольет холодный свет взошедшая луна.
*Такова в книге «Лесная» великой «Махабхараты» семьдесят пятая глава.*

ГЛАВА 76

Брихадашва сказал:
Прошла та ночь, и на рассвете царь Нала в богатом убранстве вместе с Дамаянти предстал перед владыкой земли. Нала как мог постарался выказать тестю уважение; вслед за ним и прекрасная Дамаянти почтительно приветствовала отца. В великой радости владыка Бхима принял его, как родного сына, по достоинству почтил, обласкал Налу, а с ним и верную его супругу Дамаянти. Почести эти царь Нала принял, как подобает; сам же, по обычаю, выразил (царю) свою готовность быть к его услугам.

Обрадовались горожане, узнав о прибытии Налы, и пошел по всему городу превеликий шум ликования. Город украсился «флажками, знаменами и венками; главные улицы его были расчищены, политы водой, усыпаны цветами. Каждый горожанин украсил дверь свою цветочной гирляндой; в (праздничное) убранство оделись и жилища богов.

Дошла и до слуха Ритупарны весть о том, что Нала, скрывавшийся в облике Бахуки, соединился с Дамаянти. Порадовался тому владыка людей. Царь Нала, призвав его, просил у владыки прощения; тот же, чтимый за свой ум, просил и сам простить его, приведя тому веские доводы. Владыка земли, до вольный приемом и в восхищении (от происшедшего), приветствовал царя нишадхов такими словами: «То сама судьба соединила тебя с супругой! О владыка нишадхов, не причинил ли я тебе какой обиды, когда, о Найшадха, под чужим обликом жил ты в моем доме? Если с умыслом или по незнанию неблаговидно с тобою поступал я — благоволи тогда простить мне это!»

Нала сказал:
Нет, о царь, от тебя не видал я и самой пустячной обиды; а если бы и было так, то надлежало бы мне не гневаться за то, а простить тебе. Прежде, владыка людей, был ты мне другом, к тому же мы с тобой — родня; благоволи же и впредь дарить меня своею дружбой! Жил я у тебя в довольстве, ни в чем мне не было отказа; вряд ли и в собственном доме (жилось бы) мне лучше, чем было всегда в твоем, о царь! Твое знание коней, о владыка земли, пока еще во мне пребывает; если будет на то твоя воля, хотел бы я вручить его тебе!
Брихадашва сказал:

И, сказав это, владыка нишадхов передал Ритупарне свое (сокровенное) знание; тот же принял его по всем, освященным обычаем правилам. Восприняв сокровенное знание коней, царь Бхангасвари нанял себе другого колесничего и отбыл в свою столицу. Да и сам царь Нала, о владыка народа, по отъезде Ритупарны недолго оставался в граде Кундине.
*Такова в книге «Лесная» великой «Махабхараты» семьдесят шестая глава.*

ГЛАВА 77

Брихадашва сказал:
Прожив там месяц, о Каунтея, царь нишадхов распрощался с Бхимой и в сопровождении весьма незначительной свиты выехал из города, держа путь в страну нишадхов. Шестнадцать слонов, пятьдесят всадников и шесть сотен пеших воинов (следовали за) единственной сверкающей его колесницей. Столь

быстро двигался многомудрый царь, что, казалось, колеблется под ним земля. Пылая гневом, стремительно ворвался он (в свою столицу).

И, придя к Пушкаре, молвил Нала, сын Вирасены: «Сыграем еще раз! Много нажил я (нового) добра! Дамаянти п все прочее добытое мною богатство — вот моя ставка, твоя же — царство, о Пушкара! Надо начать игру снова! — таково мое твердое мнение. Благо тебе! Давай в той же игре поставим на кон наши жизни. Если один из нас завладеет имением другого, богатство то будь или царство, пусть позволит играть (сопернику на эту) последнюю ставку, что слывет ценнейшим достоянием. Не желаешь такой игры — решим дело ратной игрою! Пусть один из нас — ты или я о царь! — обретет мир души, (взяв верх) в колесничном поединке. Старцы нас поучают: «Тем ли, иным ли средством, но должно по мере сил стремиться (к обладанию) своим родовым царством». Ты должен, о Пушкара, выбрать одно из двух: рискнуть ли нам ставкой в игре, напрячь ли боевые луки?»

На эти слова царя нишадхов, уверенный в близкой победе, пасмешливо ответил владыка земли Пушкара: «Это велением судьбы, о Найшадха, раздобыл ты добра на новую ставку! Это велением судьбы избавляется от дурной кармы Дамаянти! Это велением судьбы ты, царь, губитель недругов вместе с супругой своею выжил (для новой игры)! Выигран это богатство, изукрашу нм Видарбхийку; будет она угождать, мне, как на небе — апсара Шакре! Вечно о тебе я помнил и все ждал тебя, о Найшадха; играть с чужими людьми мне било радости мало! Ныне победой добыв безупречно прекрасную Дамаянти, я достигну заветной цели; всегда она жила в моем сердце!»

Речи эти разъярили Налу, и хотел он было пустослову отсечь голову своим мечом. Покраснели глаза его от гнева, но царь отвечал с улыбкой: «Полно говорить, давай сыграем! Выиграешь — поговоришь вволю!»

И вот принялись играть Пушкара с Налой. Но в первой же игре — благо тебе, царь! — проиграл (Пушкара) Нале и тгазну, полную сокровищ, и жизнь — все свои ставки! Царь, одержав победу, с улыбкою молвил Пушкаре: «Умиротворено это царство, избавлено от злого терния и теперь безраздельно мое! Ты же, презреннейший царь, не посмеешь и взглянуть на Дамаянти! С людьми своими, безумец, в рабство ей отдан будешь! Но и прежде не сам ты содеял, что я побежден был тобою; содеял то Кали, о чем ты, глупец, и не ведал! И я за вину другого тебя не призову к ответу. Дарю тебе жизнь: живи себе с миром! Уверен будь в том, о герой, что моя привязанность к тебе осталась прежней! И никогда впредь я тебя не оставлю своею братской любовью; ведь ты брат мне, о Пушкара, так живи же сто лет!»

Так истинно доблестный Нала утешил брата и затем, многократно обняв, отослал в его собственный город. Обласканный владыкою нишадхов, Пушкара, сложив почтительно ладони, поклонился Достохвальному и молвил: «Ты сохранил мне, о царь, мою жизнь и мои владения. Да пребудет же слава твоя вечно, живи счастливо десять тысяч лет!»

Окруженный заботами царя, Пушкара, о муж-бык, провел там месяц, а затем, сопутствуемый близкими, свитою верных слуг и превеликим войскам, словно Адитья, сияя красотою, весело направился в свой город.

Отпустив восвояси Пупшару богатым и невредимым, славный царь, Владыка нишадхов вошел в свой пышно изукрашенный город, к радости всех его жителей.
*Такова в книге «Лесная» великой «Махабхараты» семьдесят седьмая глава.*

ГЛАВА 78

Брихадашва сказал:
После того как в исполненной мира и ликования столице
состоялось большое празднество, послал царь за Дамаянти (в Видарбху) сильное войско. Необъятно-великий духом, грозный своею мощью, губитель вражеских героев Бхима с подобающими почестями отправил дочь свою, Дамаянти, (к мужу). По прибытии Видарбхийки с детьми царь Нала зажил в своем вновь обретенном царстве столь счастливо, как сам Царь богов в (небесной роще) Нандана; и донеслась о нем слава до всех царей Джамбудвипы. Следуя обычаю, совершил он много разных жертвенных обрядов с обильной раздачей даров. Недалеко уже то время, о Индра царей, когда и ты заживешь столь же (счастливо) со своими друзьями!

В том, что постигло Налу, крушителя вражьих твердынь,
и супругу его такое горе, повинна только игра, о бътк-бхарата! В одиночку встретился Нала с той великой, тяжкой, злою бедою, и все ж, о владыка земли, вышел он победителем! Ты же здесь, в великом лесу, помышляя об одной лишь дхарме, наслаждаешься (обществом) Кришны и братьев своих, о Пандава! Неотлучно живут при тебе причастные великой доле, постигшие Веды с Ведангами брахманы; о чем же, о царь, тебе печалиться!

Оказание это, как известно, разрушает (козни) Кали; а люди (в положении), подобном твоему, владыка народа, слушая его, могут обрести утешение. Поразмысли о том, как непрочно все нажитое людьми, а потому — обретешь ли, утратишь ли что — не печалься, будь бодр духом! Кто рассказывает великую эту повесть о подвигах Налы, а также тот, кто неустанно ей внемлет, никогда не встретится с бедою, но достигнет всех своих целей, обретет счастье! Тот, кто слушает это великое, древнее, вечное сказание, получит сыновей и внуков, (обилие) скота, превосходство над людьми; (навсегда) уготованы ему веселье и здоровье!

Ты живешь в постоянном опасении: «Что, если снова бросит мне вызов искусный игрок?»; но я могу устранить, о царь, (основание) такого (опасения). В совершенстве изучил я сокровенную науку игры и готов, в доброте своей, сообщить ее тебе; восприми же ее, истинно доблестный Каунтея!

Вайшампаяна сказал:
Обрадовался царь и сказал Брихадашве: «Хочу, о владыка, доподлинно познать сокровенную науку игры!» И великий духом подвижник передал Пандаве знание игры, а затем удалился, дабы свершить омовение в реке Ашваширас.

После ухода Брихадагнвы стеклись отовсюду — от священных гор, рек и тиртх —к твердому в обетах (царю) толпы подвижничающих брахманов; от них и услышал он, что мудрый Партха Савьясачин, питаясь одним лишь воздухом, предается суровейшему подвигу. «Труднейшее подвижническое деяние совершает Партха, — говорили они. — Такого жестокого самоистязания еще не видел свет. Верный обету, горящий подвижническим пылом, святой отшельник Партха, завоеватель богатств, (подвижничая) в полном уединении, подобится обликом воплощенному (богу) Дхарме!»

При вести о том, что любимый брат его Джая подвижничает в лесной глуши, о царь, опечалился Пандава Каунтея. Ища отрады своему измученному сердцу, вел Юдхиштхира в великом лесу беседы с брахманами, сведущими в различных областях знания.
*Такова в книге «Лесная» великой «Махабхараты» семьдесят восьмая глава.*

ГЛАВА 79
Джанамеджая сказал:
Что же делали Пандавы, о святой муж, оставшись одни, без прародителя моего, Партхи Савьясачина, когда он ушел из Камьяки? Ведь тот великий лучник, победитель несчетных ратей, был, сдается мне, опорою для них, словно Вишну — для Адитьев! Как жили в лесу отважные мои предки, лишившись общества того, кто доблестью равен самому Индре, кто никогда не отвратил лица на поле брани?

Вайшампаяна сказал:
Сын мой, когда Пандава Савьясачин ушел из Камьяки, печаль и тоска овладели потомками Куру. Сердца их не знали радости, и уподобились Пандавы рассыпанным драгоценным бусам или птицам без крыльев. Да и сам тот лес без неутомимого в подвигах (Арджуны опустел), словно роща Чайтраратха, покинутая Куберой. Без того мужа-тигра, о Джанамеджая, безрадостно протекали дни Пандавов в Камьяке. Отважные, могучие колесничные бойцы, о достойнейший бхарата, острыми стрелами убивали для брахманов всевозможных, пригодных для жертвы лесных животных. Неустанно те мужи-тигры, смирители недругов, ходили и собирали всевозможные дары леса, а затем подносили их брахманам.

Так безрадостно проводили в лесу время мужи-быки, тоскуя, о царь, по ушедшему Завоевателю богатств. Вспоминая о скитающемся на чужбине среднем и достойнейшем из (братьев) Пандавов, ее мужей, Панчалийка так говорила: «Хоть и две руки у Арджуны, а не уступит он Арджуне Многорукому. Без него, красы Пандавов, немил мне этот лес, и вся земля, куда ни взгляну, кажется пустыней. Без него, Савьясачина, даже вид этого леса с его деревьями в цвету, столь богатого чудесами, мне не в радость! Без него, лотосоокого, (прекрасного), как синяя туча, отважного, как разъяренный слон, немил мне (лес) Камьяка! Не дают мне покоя, о царь, воспоминания о Савьясачине, о подобном грохоту ашани звучании (тетивы) его лука!»

Услышав причитания Драупади, губитель вражеских героев Бхимасена сказал ей, о великий царь: «Все изреченное тобою любезно моему уму и услаждает сердце, словно вкушение ам-риты, о тонкостанная дева! Длинные, одинаковой формы, мускулистые и округлые руки Арджуны похожи на два железных бруса; (привычно им) держать палицу, меч или другое оружие; их испещряют шрамы, оставленные тетивой; словно бы вросли в них золотые браслеты; они подобны паре пятиглавых змей. (Ушел) этот муж-тигр, и в нашем лесу не восходит более солнце. Опекаемые тем мощнодланным (героем), куру и панчалы не устрашились бы даже изготовившейся к бою рати небожителей. Уповая на (силу) рук великого духом (героя), мы считали

врагов своих уже как бы разбитыми в сражении и всю землю — покоренной нами. Без него, отважного Пхальгуны, ничто не радует меня здесь, в Камьяке, и вся земля взору моему видится пустыней!».

Накула сказал:
Двинувшись в поход на север, сын Васавы, сопутствуем удачей, одержал верх над сотнями могучих вождей гандхарвов; он получил от них быстрых, как ветер, коней из породы «куропатою» и из породы «пегих» и с любовью подарил их, о царь, любящему своему брату при великом жертвоприношении раджасуя. Без него, грозного стрелка из лука, брата моего, рожденного после Бхимы, подобного бессмертным (богам), не желаю я больше оставаться (здесь), в лесу Камьяка!

Сахадева сказал:
Великих бойцов колесничных одолел он в сражении, царю же во время великого жертвоприношения раджасуя привез немало богатства и девушек-рабынь. Осиянный необъятным величием, в одиночку разгромил он в сражении всех ядавов и с соизволения Васудевы увез Субхадру! Не находит покоя мое сердце, о великий царь, пока вижу я (здесь, в нашей) обители, пустующим сиденье из травы куша, (принадлежавшее прежде) Джишну! Я почел бы за лучшее, о смиритель недругов, чтобы мы переселились куда-либо из этого леса, ибо в отсутствие отважного (Арджуны) и лес этот нам не в радость!
*Такова в книге «Лесная» великой «Махабхараты» семьдесят девятая глава.*

КОНЕЦ «СКАЗАНИЯ О НАЛЕ»

# СКАЗАНИЕ О ПАЛОМНИЧЕСТВЕ К ТИРТХАМ

ГЛАВА 80

Вайшампаяна сказал:
Великие колесничные бойцы, причастные великой доле Пан-давы вместе с Драупади по-прежнему жили в лесу (Камьяка), тоскуя о Завоевателе богатств. И явился им там великий духом божественный мудрец Нарада, озарявшийся брахманским величием, пламенностью духа подобившийся огню. Достойнейший среди куру, славный (Юдхиштхира), пылавший яркою мощью, сиял в окружении братьев, как в кругу божеств — Совершитель сотни жертвоприношений. Преданная Яджнасени неотступно, как велел ей долг, была при Партхах, словно савитри — при Ведах или лучезарное Солнце — при горе Меру.

Святой мудрец, владыка Нарада, принявши эти почести, о безгрешный, утешил сына Дхармы подобающими случаю словами. Сказал он великому духом Царю справедливости, Юдхиштхире: «Ответь, достойнейший ревнитель дхармы, о чем твоя забота, что даровать тебе?»

И тогда царь, сын Дхармы, вместе с братьями поклонился, сложил почтительно руки и богоподобному Нараде молвил такое слово: «Если ты, о причастный великой доле, чтимый всею вселенной, (мной) доволен, то я (могу) считать, о исполнитель дивных обетов, что моя цель, по милости твоей, уже достигнута. И если мы с братьями достойны такой чести, то соблаговоли, о безгрешный, достойнейший подвижник, рассеять гнездящиеся в наших сердцах сомнения. Какой плод обретает человек, обошедший всю землю по кругу прадакшины, дабы посетить (святые) тиртхи? Изволь же во всей полноте изложить нам это, о брахман!»
Нарада сказал:

Слушай внимательно, о царь-бхарата: вот все, что некогда узнал об этом Бхишма при встрече с (мудрецом) Пуластьей. Когда-то давно лучший из блюстителей дхармы Бхишма, исполняя обет питрья, подвижником жил на берегу Бхагиратхи. О великий, богатый пылом духовным царь, то прелестное святое место зовется Вратами Ганги: являются туда божественные мудрецы, боги и гандхарвы. Озаряясь несказанным величием, насытил (Бхишма) возлияниями праотцов и богов; совершая освященные обычаем обряды, ублажил он святых мудрецов.

И вот однажды к тому великому подвижнику, бормотавшему заклинания, явился в чудесном облике Пуластья — величайший из всех святых мудрецов. При виде наделенного суровым духом подвижничества, словно бы горевшего пламенем величия (Пуластви) несказанно обрадовался (Бхишма), был охвачен беспредельным изумлением. Когда приблизился (Пуластья), достойнейший блюститель дхармы Бхишма, как должно, почтил его освященными обычаем действиями, о великий царь-бхарата! Пройдя очищение, сосредоточив внимание и поставив на голову себе (сосуд) с аргхьей, возвестил он тому достойнейшему брахмичеокому мудрецу свое имя: «Благо тебе, исполнитель дивных обетов! Я — Бхишма, твой (послушный) раб. Лицезрев тебя,

освободился я тем самым от всех моих грехов!» Сказав это, достойнейший блюститель дхармы Бхишма предался безмолвию; молча, со сложенными (в приветствии) руками стоял он (перед Пуластьей), о великий царь, Юдхиштхира! Подвижник, видя, что Бхишма, достойнейший в роде Куру, изнурен самообузданием и затверживанием Вед, остался весьма им доволен.

Пуластья сказал:
Твоей почтительностью, правдивостью и смирением доволен я, о причастный великой доле- знаток дхармы! За такое твое благочестие, за то, что привязан ты к предкам, безгрешный, ты сделался мил мне, сын мой, и дано тебе увидеть меня! Нет ничего, о Бхишма, что б укрылось от моего взора! Скажи, что мне для тебя сделать? Дам тебе все, о чем ты ни попросишь, о безгрешный, достойнейший в роде Куру!

Бхишма сказал:
Раз ты, причастный великой доле, чтимый всею вселенной владыка остался мною доволен и дал мне увидеть себя, я (могу) считать, что уже достиг своей цели! Если ты, о достойнейший ревнитель дхармы, сочтешь меня того достойным, тогда соизволь разъяснить мне живущее в сердце моем сомнение, о котором я сейчас тебе поведаю. Есть у меня сомнение насчет необходимости (посещать) тиртхи; вот о чем желал бы я услышать; опиши мне их каждую по отдельности, владыка! Поведай мне, о безмерно мощный, владеющий сокровищем тапаса брахман-мудрец, какой плод обретает человек, обошедший землю по кругу прадакшины?

Пуластья сказал:
Что ж, я расскажу тебе о цели, к коей стремятся святые мудрецы; сосредоточив сознание, сын мой, слушай о том, что за плод (обретается) в тиртхах. Плод тиртх обретает тот, кто руками своими, ногами, сознанием, мудростью, тапасом и ела вой безраздельно повелевает. Плод тиртх обретает тот, кто чуждается стяжательства, самообуздан, довольствуется (малым), прошел очищения, отрешился от себялюбия. Плод тиртх обретает тот, кто не запятнан пороком, не суетлив, умерен в пище, торжествует над чувствами, избавлен от всяческих скверн. Плод тиртх обретает тот, кто безгневен, правдив по натуре, тверд в обетах, кто во всех существах, о Индра царей, (видит) себе подобных.

Святые мудрецы установили в Ведах должный порядок для (совершения) жертвоприношений в этой жизни; в согласии с истиной (определили они) весьма точно плод, (приносимый жертвоприношениями) здесь и по смерти. Но бедняку, о владыка земли, свершать такие жертвоприношения не под силу; для жертвоприношения ведь требуется немалое количество утвари и обилие всевозможных припасов. Совершать их могут цари и прочие люди состоятельные, а не (бедняки), лишенные средств для (приобретения) жертвенной утвари, не одинокие люди, не имеющие (родственных и дружеских) связей. Впрочем, владыка людей, есть такие обряды, исполнение которых посильно и беднякам4, (плод же их) равен благому плоду жертвоприношений; слушай о них, о достойнейший средь воителей!

Вот великая тайна святых мудрецов, о достойнейший бхарата: заслуга паломничества к тиртхам даже выше, чем (плод) жертвоприношений! Поистине, лишь тот рожден бедняком, кто не посещает тиртх, не постится (там) трое суток, не совершает дарений коров и золота6. И даже тот, кто совершает аг-ништому и прочие жертвенные обряды с обильными дарениями, не обретает все ж того плода, что (достижим путем) паломничества к тиртхам.

Пускай идет причастный великой доле (паломник) в тиртху Бога богов, что (находится) в мире людей, (но) славна во всей тройственной вселенной и известна под названием Пушкара. В любой из трех молитвенных часов, о владыка земли, потомок Куру, тысяча коти тиртх (незримо) пребывают в Пушкаре! Постоянно пребывают там также, о владыка, адитьи, васу, рудры, садхьи с сонмами марутов, гандхарвы и апсары. Здесь, о великий царь, наделенные дивным (даром) йоги божества, дайтьи и брахманы-мудрецы, предаваясь подвижничеству, приобщились великой святости.

Человек, одаренный разумом, хотя бы мысленно устремившийся к Пушкарам, разом очищается от всех грехов, (ждут) его почести на верхнем небе. В тиртхе той, о причастный великой доле, постоянно пребывает, несказанно блаженствуя, сам Праотец, чтимый и богами, и данавами. Это в Пушкарах, о причастный великой доле, боги вместе с главнейшими святыми мудрецами достигли совершенства, приобщились великой святости.

Кто, радея о почитании богов и предков, свершит там омовение, (обретает), говорят мудрецы, десятикратный плод ашвамедхи. Кто, пребывая в роще Пушкары, накормит хотя бы одного брахмана9, тому за такое деяние, о Бхшпма, здесь и по смерти уготовано блаженство! Пускай живет он сам лишь зеленью, плодами и кореньями, но, бескорыстно и с должным почтением одарив ими брахмана, обретет сей мудрый муж плод жертвоприношения коня. Всякий великий духом — брахман, кшатрий, вайшья либо шудра, искупавшись в той тиртхе, вовек избегнет низкого рождения, о лучший из царей!

У того, кто, в отличие от прочих, посетит Пушкару в полнолуние (месяца) карттикаи, плод небывало возрастет и впредь не умалится, о бык бхарата! Кто при восходе и закате сложив почтительно руки, обращается воспоминанием к Пушкарам, тот тем самым как бы омывается во всех тиртхах разом, и достаются тому человеку нетленные миры в обиталище Брахмы, о бхарата! Какой грех ни (совершен) мужчиной или женщиною от самого (дня) рождения — до конца изничтожается он ценою одного купания в Пушкаре! И как Губитель Мадху есть начало всех богов, так Пушкара слывет истоком всех тиртх, о царь! Тот, кто, блюдя чистоту и самообуздание, проживет в Пушкаре двенадцать лет, обретет (плоды) всех жертвенных обрядов и направится в мир Брахмы. Тот, кто целую сотню лет будет творить агнихотру, и тот, кто проведет в Пушкаре одно лишь полнолуние карттики, (получают) оба одинаковый (плод).
Нелегко добраться до Пушкары, нелегко подвижничать в Пушкаре, нелегко совершать там дарения, но жить там всего труднее. Пускай самообузданный, воздержный в ядении (паломник) проведет там двенадцать ночей, а затем, обойдя (Пушкару) по кругу прадакшины, следует в Джамбумаргу, раз снова вкушая пищу.

Кто придет в Джамбумаргу, куда являются божественные мудрецы и предки, обретет (плод) ашвамедхи и попадет в мир Вишну. Человек, проведший там пять ночей, лишь на шестой
не встретится впредь со злою участью, достигнет осуществления высшей цели. Покинув же Джамбумаргу, пусть идет в обитель Тандулика — тогда избегнет злой участи, будет принят с почетом в небесном мире.

Кто, радея о почитании богов и предков, достигнет озера Агастьи и пропостится там трое суток, тому, о царь, достается плод агништомы. Придя в чтимую всем миром обитель Канвы, куда нисходит (сама богиня) Шри, (паломник), питающийся зеленью или же плодами, достигнет состояния, (обретаемого лишь) обетом девства. От начала (мира) существует та святая роща дхармы, о бык-бхарата! Стоит только войти в нее — и (человек) избавляется от всех грехов! Самообузданный, воздержный в ядении (паломник), воздавши там почести богам и предкам, обретает плод жертвы, (дарующей) исполнение всех желаний.

Затем, сотворив прадакпшну, пускай идет к месту, где низринулся (с неба) Яяти, и там получит плод жертвоприношения коня. Затем самообузданный, воздержный в ядении (паломник) пусть следует в Махакалу и там, омывшись в тиртхе Коти, обретет плод жертвоприношения коня. Далее пусть идет, о знаток дхармы, к прославленному в трех мирах святому обиталищу Супруга Умы, называемому Бхадравата_ И там, приблизившись к Владыке, он обретет плод (дарения) тысячи коров; по милости Махадевы даруется ему (состояние) ганапатья.

Затем, придя к прославленной в трех мирах реке Нармадег насытив там возлияниями богов и предков, получит он плоде агништомы. Выйдя к Южному Синдху, смиривший чувства,, блюдущий воздержание (паломник) получит (плод) агништомы и ступит на небесную колесницу. Кто, самообузданный,, воздержный в ядении, достигнет реки Чарманвати, тот обретает с соизволения Рантидевы плод агништомы.

Далее пусть проследует он к Арбуде, сыну Химавана. Это там, о знаток дхармы Юдхиштхира, открылась некогда в земле дыра! Там же (находится) прославленная в трех мирах обитель Васиштхи; кто проведет в ней одну лишь ночь,, получит плод дарения тысячи коров. Смиривший чувства, блюдущий воздержание (паломник), омывшись в водах тиртхи Пинта, о муж-тигр, обретает плод (дарения) сотни (коров) «капила»!

Далее, о знаток дхармы, пусть идет к прославленной в мире Прабхаюе, где неотлучно пребывает сам Вкуситель жертв, глава небожителей Анала, имеющий Анилу своим возничим. Человек, который, блюдя чистоту, властвуя над сознанием, омоется в той превосходнейшей тиртхе, обретет плод агништомы и атиратры. Затем, достигнув места слияния Сарасвати с океаном, он обретет плод (дарения) тысячи коров, удостоится почестей в небесном мире и всегда с тех пор будет излучать сияние, подобно пламени, о бык-бхарата! Проведя там три ночи и насытив возлияниями богов и предков, воссияет он подобно Соме и обретет (плод) ашвамедхи.

Оттуда, о лучший из бхаратов, следует идти к тиртхе Варадана, где некогда Вишну получил дар от Дурвасаса. Человек, искупавшийся в Варадане, о Юдхиштхира, обретет плод дарения тысячи коров!

Оттуда самообузданный, воздержанный в ядении (паломник) пусть идет в Дваравати; человек, омывшийся в Пинда-раке, обретет (плод) щедрей раздачи золота! В тиртхе тойг о причастный великой доле, и поныне можно увидеть печатки, меченные знаком лотоса, — не чудо ли это, о смиритель недругов! А можно увидеть, о потомок Куру, и лотосы со знаком трезубца; поистине, о бык-бхарата, (ощутима) там близость Махадевы! Кто придет к месту слияния Синдху с океа-.ном, кто, властвуя над сознанием, омоется в тиртхе Владыки -вод, о бхарата, кто насытит там возлияниями богов, святых мудрецов и предков, о бык-бхарата, тот, воссияв

пламенностью духа, обретает мир Варуны! Мудрецы говорят, о Юдхиштхира, что поклонение богу Шанкукарнешваре (приносит) десятикратный плод ашвамедхи!

Совершив круг прадакшины, о бык-бхарата, следует идти, о первый меж достойнейших потомков Куру, к прославленной в трех мирах, избавляющей от всех грехов тиртхе, что зовется Дрими. Сюда боги во главе с Брахмой (приходят) на яоклонение Махешваре. Если человек искупается здесь и воздаст почести Рудре, окруженному сонмами божеств, то снимутся с него все грехи, содеянные от самого рождения. Здесь, о достойнейший из людей, все боги пели хвалу Дрими. Кто искупается тут, о муж-тигр, получит плод жертвоприношения коня. Это здесь, о многомудрый царь, могучий владыка Вишну в давние времена совершил очищение, после того как одолел и умертвил лютых недругов небожителей.

Затем, о знаток дхармы, надлежит идти к прославленному Потоку Васу, ибо посетивший то место обретает плод жертвоприношения коня. Тот человек, о первый среди достойнейших потомков Куру, который, властвуя над своим духом, в том месте искупается, а также насытит возлияниями богов и предков, будет возвеличен в мире Вишну. Есть там, о бык-бхарата, еще одна святая тиртха Васу; кто искупается в ней и изопьет из нее, к тому васу проникаются уважением. Зовется же эта избавляющая от всех грехов (тиртха) «Величайшим из потоков»; кто в ней омоется, о лучший из людей, обретет плод щедрой раздачи золота.

Достигнув Брахматунги, благочестивый, блюдущий чистоту, чуждый страстей, властвующий над сознанием человек обретает мир Брахмы. Есть еще тиртха (небесных) дев Шакры, куда являются сиддхи; человек, омывшийся в ней, тотчас же обретает мир Шакры. Есть там и тиртха Ренуки, куда являются боги; омывшись в ней, обретает брахман непорочную белизну месяца. Затем, придя к Пятиречью, самообузданный, воздержанный в ядении (паломник) обретает (плод) пяти жертвоприношений, кои по порядку воспеваются (преданием).

Оттуда, о знаток дхармы, достойнейший из бхаратов, следует идти к превосходнейшему обиталищу Грозной (богини); человек, омывшийся там в (тиртхе) «(материнское) Лоно», становится, о царь, сыном Богини, с телом, (сияющим), как каленый (золотой) браслет; и обретает он великий плод (дарения) ста тысяч коров.

Достигнув прославленной в трех мирах Гиримунджи и совершив там поклонение Праотцу, он обретет плод (дарения) тысячи коров. Оттуда, о знаток дхармы, пусть идет к превосходнейшей тиртхе Вимала; в (водах) ее поныне можно видеть золотых и серебристых рыбок! Кто искупается в ней, о достойнейший из людей, обретает (плод) ваджапеи, очищает дух свой от всякой скверны и удостаивается наивысшей участи. Затем пусть идет к прославленной в трех мирах Маладе. Кто в вечерних сумерках, соблюдая все предписания, омоется в ней и поднесет Семиязыкому столько риса, варенного в масле и молоке, сколько сможет, тот, говорят мудрецы, совершит непреходящее дарение Предкам, о Индра людей. Ибо подношение риса Семиязыкому превосходит сотню ашвамедх, тысячу жертвоприношений раджасуя, (дарение) ста тысяч коров.

Уйдя оттуда, о Индра царей, следует идти затем в Вастра-паду; там приближается (паломник) к Махадеве и обретает тем самым плод ашвамедхи. Придя к (горе) Маниману, о царь, и, проведя там одну лишь ночь, духовно сосредоточенный, блюдущий воздержание (паломник) обретает плод агништомы. Затем, о Индра царей, пусть идет он к прославленной в мире Девике. Говорят, о бык-бхарата, что именно там появились на свет брахманы.

В трех мирах прославлена Девика как обиталище Держателя трезубца; человек, искупавшийся в ней, воздавший почести Махешваре и поднесший, сколько сможет, вареного риса, о бык-бхарата, получает плод жертвенного обряда, приносящего исполнение всех желаний. Есть там и тиртха Рудры Камакхья, куда наведываются божественные мудрецы; человек, искупавшийся в ней, тотчас же достигает высшей цели, о бхарата! Кто, придя к Яджане, Йаджане и Брахмавалуке, омоется там и совершит приношение цветов, тот никогда не узнает смертной тоски! В ширину — полйоджаны, в длину — пять йоджан; вот какова, говорят, святая Девика, посещаемая божественными мудрецами.

Оттуда, о знаток дхармы, следует по порядку идти к Диргхасатре; здесь, связавши себя обетами, боги во главе с Брах-мюй, сиддхи и величайшие из святых мудрецов отправляют долгую сатру43 с обильной раздачей даров. Стоит только прийти в Диргхасатру, о Индра царей, смиритель недругов, — и получает человек разом плод раджасуи и ашвамедхи. Затем самообузданный, воздержанный в ядении (паломник) должен идти в Винашану; там Сарасвати, протекая незримо по груди Меру, (вдруг) является взору источниками Чамаса, Шива и Нага. Искупавшийся в источнике Чамаса получает плод аг-ништомы; искупавшись в источнике Шива, получает человек плод (дарения) тысячи коров; искупавшись в источнике Нага, человек обретает мир нагов. Труднодоступна, о Индра царей, тиртха Шашаяна, где озера залиты лунным светом, где неизменно, из года в год, как только наступит день полнолуния в месяце карттика, (паломники) совершают омовение в

Сарасвати, о великий царь, достойнейший бхарата! Тот, кто придет и искупается здесь, о муж-тигр, начнет излучать сияние, как сам Несущий (знак) зайца; он обретет также плод (дарения) тысячи коров, о бык-бхарата!

Придя в Кумаракоти, о потомок Куру, самообузданный, радеющий о почитании богов и предков (паломник) пусть там совершит омовение; тем обретет он (плод обряда) гавамая и вознесет (над погибелью) свой род. Затем, о знаток дхармы, пусть идет он, духовно сосредоточенный, в Рудракоти; некогда здесь коти духовно сосредоточенных святых мудрецов, о великий царь, преисполнились ликования, чая лицезрение Бога. «Я первый, я первый увижу Быкознаменного!»—с (криками) порывались святые мудрецы вперед, о царь-бхарата!

И тогда, о владыка земли, дабы предотвратить вспышку гнева между теми, выявившими свое (истинное) «Я» святыми мудрецами, Властитель йоги, прибегнув к ее чарам, сотворил коти Рудр, представших (каждому) святому мудрецу по отдельности, так что каждый из них думал: «Я раньше прочих увидел!» Безграничная любовь, проявленная теми, наделенными грозным духовным пылом святыми мудрецами, приятна была Махадеве, и дал он им, о царь, такой дар: «Отныне и впредь возрастать вашей дхарме!» Тот человек, о муж-тигр, кто, блюдя чистоту, омоется в Рудракоти, получит (плод) ашвамедхи и вознесет (над погибелью) свой род!

Оттуда следует, о Индра царей, идти к исполненному святости, прославленному в мире месту слияния Сарасвати. Там творят поклонение Джанардане. Боги во главе с Брахмой, святые мудрецы, сиддхи и чараны приходят сюда, о Индра царей, в четырнадцатый день светлой половины месяца чайтра. Кто искупается здесь, о муж-тигр, получит (плод) щедрой раздачи золота, очищается дух его от всех грехов и идет он в мир Брахмы. Здесь, о владыка людей, святые мудрецы довели до конца свои сатры; кто придет к Сатравасане, получит плод (дарения) тысячи коров!
*Такова в книге «Лесная» великой «Махабхараты» восьмидесятая глава.*

ГЛАВА 81

Пуластья сказал:
Оттуда следует идти, о Индра царей, на прославленное Поле Куру; все живые существа, стоит только прийти туда, избавляются от грехов. Даже тот, что лишь твердит постоянно:
«Я пойду на Поле Куру! Я буду жить на Поле Куру!» — все равно избавляется от грехов! Там, у (берегов) Сарасвати, на святейшем поле Брахмы, куда являются боги во главе с Брахмой, святые мудрецы, о отважный Юдхиштхира, сиддхи, чараны, гандхарвы, апсары, якши и змеи, надлежит прожить месяц, о бхарата, владыка земли! У того, кто лишь обратит с любовью помыслы свои к Полю Куру, уничтожатся все грехи и пойдет он в мир Брахмы. Тот человек, кто, исполнен веры, прядет на Поле Куру, обретет, о потомок Куру, разом плод раджасуи и ашвамедхи. Затем, о царь, тот, кто почтительно поприветствует многомощного якшу Мачакруку, стража ворот, обретет плод (дарения) тысячи коров!

Далее следует идти, о знаток дхармы, к величайшему обиталищу Вишну; зовется оно Сатата, о Индра царей, и там (постоянно) присутствует Хари. Тот, кто омоется там и воздаст почитание Хари, устроителю тройственной вселенной, получит (плод) ашвамедхи и пойдет в мир Вишну. Затем должно идти к знаменитой в тройственном мире тиртхе Париплава; там обретает человек плод агнипгтомы и атиратры. Кто достигнет тиртхи (богини) Притхиви, обретет плод (дарения) тысячи коров. Затем, о владыка людей, придя в Шалукиня и омывшись в (купальне) Десяти ашвамедх, получает паломник плод, соответствующий (ее названию). Кто посетит величайшую тиртху нагов Сарпадеви, получит (плод) агништомы и пойдет в мир нагов.

Затем, о знаток дхармы, надлежит идти к стражу ворот Тарантуке; кто проведет там одну лишь ночь, получит плод (дарения) тысячи коров. Оттуда придя в Пятиречье, самообузданный, воздержанный в ядении (паломник), омывшись в тиртхе Коти, обретает плод жертвоприношения коня. Красавцем станет тот, кто достигнет тиртхи Ашвинов. Оттуда пусть идет, о знаток дхармы, к превосходнейшей тиртхе Вараха, где некогда, приняв образ вепря, обитал сам Вишну; кто искупается в ней, о муж-тигр, получит плод агништомы. Затем, о Индра царей, должно посетить тиртху Сомы, что на Джаянти. Человек, омывшийся в ней, обретает плод раджасуи. Тот же, кто омоется в Экахансе, получает плод (дарения) тысячи коров.

Паломник, достигший Криташаучи, о потомок Куру, (навсегда) очищается и обретает (плод жертвы) пундарика. Еще есть Мунджавата, (тиртха) премудрого Махадевы; кто проведет в ней одну лишь ночь, достигает (состояния) ганапатья. Там же есть, о великий царь, и прославленная в мире якшини; кто к ней приблизится, о Индра царей, обретает святые миры. То место зовется вратами Поля Куру, о бык-бхарата; (пусть) духовно сосредоточенный паломник обойдет его по кругу пра-дакшины. Омывшись, почтив богов и предков в той (тиртхе),

что устроена самим великим духом Рамой Джамадагньей и святостью равна Пушкарам, он достигнет осуществления своей цели и получит (плод) ашвамедхи, о царь! Пусть оттуда, владыка людей, паломник следует к прудам Рамы. Здесь, о Индра царей, Рама, после того как силой, доблестью и пламенной мощью духа истребил кшатру, устроил пять прудов. Слыхали мы, будто наполнил он их кровью (кшатриев), о муж-тигр! Так он насытил всех своих предков и прародителей; они же, довольные, сказали ему, о владыка земли:

«О Рама, Рама, причастный великой доле! Мы довольны тобой, твоей доблестью и такою любовью к предкам, могучий Бхаргава! Благо тебе, осиянный величием! Выбирай дар, какой пожелаешь!»

На эти слова, о Индра царей, наилучший средь воителей Рама, сложив почтительно руки, отвечал парившим в воздухе предкам: «Почтенные, если вы довольны мною, если оказываете мне такую честь, то я хотел бы по милости вашей, о предки, вновь насладиться подвижничеством! Обуянный гневом, истребил я породу кшатриев; да очистит меня ваш духовный пыл от этого греха! Пруды же мои да станут тиртхами, да пойдет о них слава по всей земле!»

Услышав от Рамы столь прекрасные речи, умиленные, преисполненные ликования предки ему оказали: «Будет вновь возрастать твой тапас, прежде всего — благодаря любви твоей к предкам. От того же греха, что истребил ты в порыве гнева породу кшатриев, отныне ты избавлен. Ведь они потерпели по деяниям своим. Пруды же твои непременно обретут достоинство тиртх! Тому, кто омоется в них и насытит (возлияниями) предков, даруют они, довольные, исполнение заветного желания сердца, столь трудно на этой земле утолимого, а также вечный небесный мир!»

Наделив Раму этими дарами, о царь, довольные предки распрощались с Бхаргавой и, не сходя с места, исчезли. Вот каковы священные пруды Рамы, великого духом Бхаргавы; тот брахмачарин, свершитель дивных обетов, о Индра царей, кто омоется в прудах Рамы и воздаст здесь почести Раме, обретает (плод) щедрой (раздачи) золота.

Достигнув Ваншамулаки, омывшись в Ваншамулаке, паломник, о царь, потомок Куру, возносит (над погибелью) свой род. Кто достигнет тиртхи Каяшодхана и омоется в той тиртхе, о достойнейший из бхаратов, тот, достоверно известно, становится чист телом, а чистый телом идет в прекраснейшие, наивысшие миры. Оттуда, о Индра царей, следует идти к прославленной в тройственном мире тиртхе, где некогда всемогущий Вишну извлек (из пучины) вселенную. Достигнув прославленной в тройственном мире тиртхи Локоддхара, омывшись в той прекраснейшей из тиртх, (паломник) возносит (над бездною) собственные (посмертные) миры. А кто достигнет тиртхи (богини) Шри, обретет несказанное счастье. Достигнув тиртхи Капила, омывшись там, воздав почести богам и предкам, духовно сосредоточенный брахмачарин обретает плод (дарения) тысячи коров «капила». Придя в тиртху Сурьи, омывшись там, почтив богов и предков, властный над своим сознанием, всецело приверженный посту, (паломник) обретает (плод) агништомы и идет в мир Сурьи. Далее, по порядку, прибыв в Гавамбхавану, паломник, омывшийся в ней, получает плод (дарения) тысячи коров.

Посетив там также Шанкхини, о потомок Куру, и омывшись в тиртхе Богини, наделяется паломник несказанной красотой . Оттуда, о Индра царей, пусть идет к стражу ворот Арантуке; человек, искупавшийся в (лежащей) на Сарасвати тиртхе того великого духом Индры якшей, обретает плод агништомы, о царь! Оттуда, о знаток дхармы, владыка людей, следует идти к Брахмаварте; человек, омывшийся в Брахма-варте, получает мир Брахмы. Далее, о знаток дхармы, следует идти к превосходнейшей Сутиртхаке, где неотлучно пребывают предки вкупе с богами. И пусть там (паломник), радея о почитании богов и предков, свершит омовение; он получит (плод) ашвамедхи и пойдет в мир предков.

Затем, о знаток дхармы, прибыв по очередности в Амбу-вашью, о достойнейший бхарата, омывшись там в тиртхах Владыки сокровищ, исцеляется (паломник) от всех недугов и удостаивается почестей в мире Брахмы. Есть там еще «Материнская» тиртха, и кто омоется в ней, о царь-бхарата, у того прибывает потомство, безграничное счастье он вкушает. Оттуда пускай самообузданный, воздержный в ядении (паломник) идет в Шитавану. Есть там чудесная тиртха; другой такой не сыскать, о великий царь! Кто увидит хоть одну пядь (ее земли), тот очистится (от грехов), кто окропит там волосы свои, становится чист, о бхарата!

Есть там, о великий царь, тиртха, о которой говорят, что устраняет она «собачью шерсть»; там, о муж-тигр, ученые брахманы, посвятившие себя паломничеству, первые среди дваждырожденных в той тиртхе, «Выводящей собачью шерсть», посредством регулирующих дыхание упражнений исторгают «собачью шерсть», о достойнейший бхарата; очистив свой дух, о Индра царей, они идут высочайшей стезей. И пусть, о владыка людей, (паломник), омывшись в той тиртхе (дарующей) плод десяти ашвамедх, пойдет (и сам), о муж-тигр, той высочайшей стезей!

Затем пусть идет он, о Индра царей, к прославленной в
мире Мануше; некогда здесь, о царь, черные лани, преследуемые охотником, бросившись в воды озера, обращены были в людей! Человек, восторжествовавший над чувствами, практикующий воздержание, омывшись в той тиртхе, очистит свой дух от всякой скверны и будет встречен с почестями на небесах. В одной кроше к востоку от Мануши, о владыка земли, течет река, известная под названием Апага, к которой являются сиддхи. Кто в тех местах поднесет кушанье из шьяма-ки богам и предкам, тот пожнет великий плод своего благочестия. Накормить там одного брахмана — (все равно что в другом месте) накормить (целую) коти. Омывшись там, воздав почести богам и предкам и проведя одну ночь, получит (паломник) плод агништомы.

Оттуда, о Индра царей, нужно идти к величайшему обиталищу Брахмы; всему свету оно известно еще под названием «удумбара Брахмы», о бхарата! Кто омоется там в водоемах Семи мудрецов, о бык-куру, а также в «Запруде» великого духом Капиштхалы, о Индра царей, тот человек, блюдущий чистоту, властвующий над сознанием, приблизившись к Брахме, очищает дух свой от всякой скверны и идет в мир Брахмы. Кто достигнет той труднодостижимой «Запруды» Капиштхалы, тот жаром подвижничества выжигает в себе грешное и обретает дар невидимости.

Затем, о Индра царей, пусть идет к прославленной в мире Сараке. Кто в четырнадцатый день темной половины месяца приблизится здесь к Быкознаменному, тот обретет (исполнение) всех желаний и пойдет в небесный мир. Тридцать коти тиртх пребывают в Сараке, о потомок Куру; коти Рудр — в колодце ее и прудах, о владыка земли! А еще есть там тиртха Иласпада, о достойнейший бхарата! Кто омоется в ней, совершив поклонение богам и предкам, тот получит (плод) ваджапеи и никогда не встретится со злою участью, о бхарата! Человек, омывшийся в Кимдане и Кимджапье, обретет неизмеримо великую (заслугу) дарений и молитв, о владыка земли, бхарата! Человек, исполненный веры, восторжествовавший над чувствами, омывшись в Калаши, обретает плод жервоприношения агништома. К востоку от Сараки лежит тиртха великого духом Нарады, известная под названием Анаджанма, о первый средь достойнейших куру! Человек, искупавшийся здесь, в этой тиртхе, о бхарата, расставшись с жизнью, обретает по милости Нарады труднодостижимые миры.

Кто придет на десятый день светлой половины месяца к (тиртхе) Пундарика, тот, омывшись в ней, о царь, обретет плод жертвоприношения пундарика. Затем надо идти к прославленной в трех мирах Тривиштапе, где течет избавляющая от грехов святая река Вайтарани. Омывшись в ней и поклонившись Быкознаменному Держателю копья, человек очищает свой дух от всяческой скверны и идет высочайшею стезей.

Затем, о Индра царей, нужно идти к превосходнейшему лесу Пхалаки. В лесу Пхалаки, о царь, неотлучно пребывают боги, там совершают они величайший аскетический подвиг, уже длящийся многие тысячи лет. Человек, омывшийся в Дришадвати и насытивший (возлияниями) богов, обретает, о бхарата, плод агништомы и атиратры. Человек, о достойнейший бхарата, искупавшийся в тиртхе всех богов, получает, о Индра царей, плод (дарения) тысячи коров. Человек, омывшийся в Паникхате и насытивший богов (возлияниями), обретает (плод) раджасуи и идет в мир святых мудрецов. Оттуда, о Индра царей, должно идти к превосходнейшей тиртхе Мишрака.

Слыхали мы, о Индра царей, царь-тигр, что (некогда) великий духом Вьяса для блага дваждырожденных смешал в том месте (воды) всех тиртх; потому если кто омоется в Мишраке, то он омоется сразу во всех тиртхах. Затем самообузданный, воздержанный в ядении (паломник) должен идти в лес Вьясы; человек, омывшийся в Маноджаве, обретает плод (дарения) тысячи коров. Если человек, владеющий собой, блюдущий чистоту, придет к Мадхувати, тиртхе Богини, совершит там омовение, поклонится богам и предкам, то по милости Богини обретет он плод (дарения) тысячи коров.

Человек, воздержанный в пище, который свершит омовение в месте слияния Каушики и Дришадвати, очистится от всех грехов, о бхарата! А еще там есть (тиртха), называемая Вьясастхали, где мудрый Вьяса, томимый тоскою о сыне, принял решение расстаться с жизнью, но боги тогда вновь придали ему силы; кто придет на то «место (Вьясы)», о Индра царей, обретет плод (дарения) тысячи коров! Кто, придя к колодцу Кимдатта, совершит там дарение одной праст-хи сезамовых зерен, тот, о потомок Куру, достигнет осуществления высшей цели и избавится от всех долгов. Крайне трудно добраться к двум тиртхам: Ахан и Суди-на; кто омоется в них, о муж-тигр, попадает в мир Сурьи. Затем следует идти к прославленной в трех мирах Мригадхуме; искупавшись там в пруду Ганги, а также почтив Держателя копья Махадеву, обретает человек плод ашвамедхи. Кто омоется в тиртхе Богов, тот получит плод (дарения) тысячи коров. Затем нужно идти к прославленной в трех мирах Ваманаке Кто омоется там в (тиртхе) Вишнупада и воздаст почитание Вамане, тот очистит свой дух от всякой скверны и обретет для себя мир Вишну. Человек, омывшийся в (тиртхе) Кулам-пуна, смоет все грехи своего рода. Придя к пруду Паваны, к превосходнейшей тиртхе Марутов, искупавшись там, о муж-тигр, он удостоится почестей в мире Ваю.

Кто совершит омовение в пруду бессмертных, среди бессмертных, о владыка людей, тот волею бессмертных почтен будет в небесном мире. Кто же, о первый средь лучших людей, с соблюдением должных правил омоется в Шалишурпе, (тиртхе) Шалихотры, тот, о Индра царей, обретет плод (дарения) тысячи коров.

Есть на Сарасвати тиртха Шрикунджа, о достойнейший бхарата; человек, омывшийся там, о царь, обретает плод агништомы. Затем к Наймишакундже (нужно) прийти, о потомок Куру; некогда владеющие сокровищем тапаса святые мудрецы из (леса) Наймиша, свершая паломничество к тиртхам, пришли на поле Куру, о Индра царей! А так как вид этого места был взору святых мудрецов весьма приятен, они и основали на Сарасвати (тиртху) Кунджа, о достойнейший бхарата! Человек, в этой Кундже искупавшийся, получит плод (дарения) тысячи коров; а человек, искупавшийся в тиртхе Канья, обретает плод агништомы.

Далее нужно идти, о муж-тигр, к высочайшему обиталищу Брахмы; искупавшись там, человек низкой варны наделяется брахманским достоинством, брахман же, очистив свой дух, шествует по высшей стезе. Оттуда, о достойнейший из людей, надо идти к превосходнейшей тиртхе Сомы; человек, искупавшийся там, обретает мир Сомы.

Затем надлежит идти, о владыка людей, к тиртхе Саптасарасвата, где достиг совершенства прославленный в мире великий рипш Манканака. Слыхали мы, что некогда Манканака стеблем травы куша порезал себе руку и из (раны) его потек сок, о царь! Увидал риши-брахман, великий подвижник, что (из него течет) сок, и глаза его расширились от удивления; преисполнившись радости, пустился он в пляс. А когда он заплясал, о герой, все подвижное и неподвижное в мире пустилось в пляс вместе с ним, завороженное его духовным пылом. Тогда боги во главе с Брахмой, о царь, владыка людей, а также святые мудрецы, владеющие сокровищем тапаса, поведали относительно того мудреца Махадеве: «Благоволи сделать так, о бог, чтобы он прекратил свой танец!» Желая помочь небожителям, пришел бог к тому мудрецу, плясавшему, с душой, исполненной восторга, и сказал ему: «О великий святой, знаток дхармы, отчего это ты пляшешь, почтенный? По какой это причине, бык-подвижник, тебе ныне так весело стало?»

Святой мудрец сказал:
О бог, или ты не видишь, что из руки моей истекает сок? Стоило мне увидеть это, как я пришел в несказанный восторг и заплясал.

Пуластья сказал:
И сказал с улыбкой бог тому отшельнику, которому волнение помрачило разум: «Для меня это не диво, о брахман. Погляди-ка лучше сюда!» С этими словами премудрый Махадева, о Индра царей, безгрешный, лучший меж людьми, царапнул себя ногтем по большому пальцу, из пореза же, о царь, посыпался пепел, (белизной) подобный снегу. При виде того устыдился отшельник, о царь, и пал к стопам бога. «Не знаю я бога славнее и выше Рудры! Ты, о Владетель трезубца, — источник богов, асуров и всей вселенной! Тобой порожден этот тройственный мир со всем подвижным в нем и неподвижным; когда же кончается юга, все это вновь уходит в тебя, владыка! Куда там мне — даже сами боги не в силах постигнуть твоей (природы); в тебе, совершеннейший, зримы (образы) Брахмы и всех прочих богов! Ты — все, и творец вселенной, и побудитель к творению. По милости твоей, не зная страха, блаженствуют в этой вселенной боги!» Так воспев хвалу Махадеве, святой мудрец замер пред ним в поклоне.

Святой мудрец сказал:
По милости твоей, Махадева, да не окажется тщетным мое подвижническое рвение!

Пуластья сказал:
Возвеселился бог и отвечал тому брахману-мудрецу: «По милости моей, о брахман, подвижническое достояние твое возрастет тысячекратно. Я сам, о великий подвижник, буду жить с тобой в этой обители! Для тех, кто в Саптасарасвате свершит омовение и выкажет мне свое почитание, не будет впредь ничего недостижимого ни в этом, ни в ином мире; (такие люди по смерти) непременно попадут в мир Сарасвати». Далее следует идти к прославленной в трех мирах (тиртхе) Аушанаса. Говорят, будто боги во главе с Брахмой, святые мудрецы, владеющие сокровищем тапаса, а также владыка Картикея из желания сделать приятное тому отпрыску Бхригу неотлучно пребывают там в любой из трех молитвенных часов, о бхарата! Там, искупавшись в тиртхе Капаламочана, избавляющей от всех грехов, (паломник), о муж-тигр, (воистину), очистится от всех грехов!

Далее следует идти к Агнитиртхе. Кто искупается в ней, о бык-бхарата, попадет в мир Агни и вознесет (над погибелью) свой род. Есть там еще, о достойнейший бхарата, тиртха Вишвамитры; свершивший в нем омовение обретет брахманское достоинство, о великий царь! Блюдущий чистоту, властвующий над сознанием

(паломник), достигнув Брахмайони» и искупавшись там, о муж-тигр, попадает в мир Брахмы, а также смывает, в чем нет сомнения, грехи своего рода до седьмого колена.

Затем нужно идти, о Индра царей, к прославленной в тройственном мире тиртхе Картикеи, известной под названием Притхудака, и пусть, о царь, (паломник), радея о почитании богов и предков, свершит там омовение. И будь то мужчина или женщина, но все неблаговидные деяния, совершенные ими сознательно или невольно, по (слабому) человеческому разумению, — ценой одного лишь омовения там все они уничтожаются, о бхарата; (паломник же) обретает плод ашвамедхи и идет в небесный мир.

Говорят так: свято поле Куру, но больше святости у Сарасвати, ее превосходят святостью тиртхи, из тиртх (наисвятейшая) — Притхудака. Кто в величайшей из всех тиртх — Притхудаке, самозабвенно твердя .молитвы, отрешится от своего тела, того не терзает более .мысль о близкой смерти. Так пели Санаткумара и великий духом Вьяса, так установлено Ведой, о царь: «Должно (паломнику) идти в Притхудаку!» Нет более святой тиртхи, нежели Притхудака, о лучший из людей; она, несомненно, благостна, избавляет (от зла), очищает (от греха). Мудрецы говорят, что даже люди грешные, свершив омовение здесь, в Притхудаке, идут на небо, о лучший из людей! Там же есть тиртха Мадхусрава, о достойнейший бхарата; человек, искупавшийся s ней, обретает плод (дарения) тысячи коров.

Далее, по порядку, нужно идти к прославленной в мире тиртхе Богини, о лучший из людей, у места слияния Сарасвати с Аруной. Пропостившись там трое суток и совершив омовение, избавляется потомок Ману (даже) от греха убийства брахмана; он обретает плод агништомы и атиратры, а также смывает грехи своего рода до седьмого колена, о бык-бхарата! Есть там еще, о продолжатель рода Куру, и тиртха Аватирна; основал ее некогда (святой мудрец) Дарбхин из сострадания к брахманам. Ведь несомненно, что дваждырожденный становится брахманом благодаря исполнению обетов, обряду посвящения, постам, принесению жертв и затверживанию мантр. Однако издревле известно, что даже тот, кто не свершал обрядов, не (твердил) мантры, искупавшись здесь, становится брахманом, чьи обеты исполнены, о муж-бык!

Свел «года Дарбхин (воды) четырех морей, и тот, кто свершит в них омовение, о муж-тигр, не встретится впредь со злою участью; он обретет плод (дарения) четырех тысяч коров!
Далее, о Индра царей, следует идти к тиртхе Шатасахасраке; там же есть (тиртха) Сахасрака; эти две тиртхи славны по всей земле. Омывшись в них обеих, обретает человек плод (дарения) тысячи коров; (к тому же) всякая его заслуга, обретенная дарением или постом, тысячекратно возрастает. Затем, о Индра царей, надлежит идти к превосходнейшей тиртхе Ренуки; там (паломник), радея о почитании богов и предков, пусть свершит омовение; очистив свой дух от всякой скверны, он получит плод агништомы. Совершив омовение в Вимочане, искоренивший в себе гнев, восторжествовавший над чувствами (паломник) очистится тем от всей скверны, коей запятнался, принимая дарения.

Затем, придя в Панчавату, восторжествовавший над чувствами, соблюдающий воздержание (паломник) приобщается великой святости, достигает почета в мире святых. Кто лишь
придет туда, где (пребывает) сам Владыка йоги, Быкозна-менный Стхану, кто поклонится там Повелителю богов, тот сразу достигнет совершенства, он воссияет своим духовным пылом (там), в Ауджасе, тиртхе Варуны, где боги во главе с Брахмой и святые мудрецы, владеющие сокровищем тапаса, совершили обряд посвящения Гухи на предводительство ратью небожителей.

К востоку от Ауджасы, о потомок Куру, лежит тиртха Куру; свершив омовение в тиртхе Куру, человек, восторжествовавший над чувствами, соблюдающий воздержание, очищает свой дух от всякой скверны и попадает в мир Куру. Затем пускай самообузданный, воздержный в ядении (паломник) идет к Сваргадваре; он обретет небесный мир и пойдет в мир Брахмы. Затем, о владыка людей, пусть паломник идет в Анараку; свершив там омовение, о царь, человек избегнет злой участи. Неотлучно пребывает там, о лучший из людей, владыка земли, сам Брахма, сопровождаемый всеми богами во главе с Нараяной. Пребывает там также, о Индра царей, и сама супруга Рудры; кто приблизится к этой Богине, о потомок Куру, тот вовек избегнет злой участи!

Там же, о великий царь, приблизившись к Вселенскому богу, Махадеве, супругу Умы, (паломник может) избавиться от всех своих прегрешений. А кто вступит в близость Нараяны-Падманабхью, смирителя недругов, тот, озаряясь красотою, попадет на небо Вишну, о великий царь! Кто же совершит омовение в Тиртхе всех богов, о муж-бык, тот забудет все евои горести и будет вечно сиять, подобно месяцу.

Затем, о владыка людей, пусть идет паломник в Свастипуру. Придя к тиртхе Павана ш, пускай потомок Ману насытит (возлияниями) богов и предков; тогда он обретет плод жертвоприношения агништома. Есть там также водоем Гангахрада, о бык-бхарата, в коем (пребывают) тридцать коти тиртх; совершив в нем

омовение, человек достигает небесного мира, о царь! Кто омоется в Апаге ш и почтит там Махешвару, обретет (состояние) ганапатья и возвысит (над погибелью) свой род.

Вслед за этим надо идти к прославленной в трех мирах
Стханувате. Кто искупается и единожды переночует там, обретает мир Рудры. Затем надлежит идти в обитель Васиштхи, Бадарипачану. Там (паломник) должен поститься трое суток, питаясь только плодами бадара. Так пропостившись трое суток, он станет равен тому, кто (в другом месте) питался одними плодами бадара целых двенадцать лет. Достигнув Индрамарги и пропостившись там сутки, о царь, паломник добивается почета в мире Шакры. Человеку самообузданному и правдоречивому, который, придя в Экаратру, проведет там одну ночь, уготованы почести в мире Брахмы.

Затем, о знаток дхармы, нужно идти к прославленной в трех мирах тиртхе, что (лежит) близ обиталища великого духом, излучающего блеск Адитьи. Омывшись в той тиртхе и поклонившись Лучезарному, идет человек в мир Адитьи и возносит (над погибелью) свой род. Совершив омовение в тиртхе Сомы, паломник непременно попадает в мир Сомы.

Затем, о царь, знаток дхармы, должно идти к святейшей, прославленной в мире, избавляющей от грехов тиртхе великого духом Дадхичи. Здесь, о царь, (подвизался) Ангирас Сарасвата, величайшее вместилище тапаса. Совершивший омовение в этой тиртхе обретает плод ваджапеи.
Отсюда самообузданный, соблюдающий воздержание паломник пусть идет к Обители дев. Кто, полностью отказавшись от пищи, пропостится там трое суток, тот, о царь, получит сотню небесных дев и уйдет в мир Брахмы. Затем, о знаток дхармы, надлежит идти к тиртхе Саннихити.

Боги во главе с Брахмой, святые мудрецы, владеющие сокровищем тапаса, каждый месяц приходят сюда, приобщаясь великой святости. Омывшийся в Саннихити в час, когда дневное светило схвачено Раху, отныне и вовеки считается совершившим как бы сотню ашвамедх. Достоверно известно, что воды всех тиртх, какие есть на земле и на небе, реки обоих полов, пруды, все ручьи, все святые озера, источники, в коих обитают (божества),— все они каждый месяц сливаются в Саннихити. Какой бы грешный поступок ни совершил человек, будь то мужчина или женщина, но ценой одного омовения (в Саннихити) всякий грех его уничтожается; самого же его колесница цвета лотоса доставляет в мир Брахмы.

Далее: кто почтительно приветствует якшу, стража ворот Арантуку, и омоется в тиртхе Котирупа, обретает плод щедрой раздачи золота. Есть еще в тех местах тиртха Ганга-храда, о достойнейший бхарата! Духовно сосредоточенный, соблюдающий воздержание (паломник), омывшись в ней, обретает, о знаток дхармы, неумалимый плод совершения ашвамедхи и раджасуи. На земле наисвятейшее место — Наймиша, в небесах Пушкараша, но Полю Куру нет равных во всех трех мирах! Даже пыль, вздымаемая ветром на Поле Куру, способна провести любого завзятого грешника высочайшим путем. Кто живет на Поле Куру, лежащем к югу от Сарасвати, к северу от Дришадвати, тот (уже) живет в Тривиштаре! «Я пойду на поле Куру! Я буду жить на поле Куру!» — кто единое слово такое проронит, тот очистится от всех грехов! Поле Куру — святой Алтарь Брахмы; туда являются святые брахманы-мудрецы. Кто поселится на Курукшетре, тот никогда не узнает печали, о царь!
Курукшетра-Самантапанчака, лежащая между Тарантукой почитается и Арантукой, прудами Рамы и Мачакрукой, верным алтарем Прародителя Брахмы.
*Такова в книге «Лесная» великой «Махабхараты» восемьдесят первая глава.*

ГЛАВА 82
Пуластья сказал:
Далее, о царь, знаток дхармы, надлежит идти к древней тиртхе Дхармы; человек, духовно сосредоточенный, тверд» следующий дхарме, пусть совершит там омовение и тем, беа сомнения, смоет все грехи рода своего до седьмого колена. Затем, о знаток дхармы, пусть идет к превосходнейшей Карапатане; приложится ему (плод) агништомы, и уйдет он в мир подвижников. Оттуда, о царь, пусть идет потомок Ману к роще Саугандхика, куда (являются) боги во главе с Брахмой, святые мудрецы, что владеют сокровищем тапаса, сиддхи, чараны, гандхарвы, киннары и великие змеи; кто только вступит в ту рощу, тот избавится от всех грехов! И там (несет свои воды) величайший из потоков, прекраснейшая из рек, наисвятейшая река — богиня Сарасвати, (что берет) начало под плакшей, о царь! Кто совершит омовение в ее потоке, исходящем из муравейника кто почтит там богов и предков, тот получит плод ашвамедхи. Есть там труднодоступная тиртха, что зовется Ишанадхьюшита; известно, что лежит она на расстоянии шести бросков жезла от того муравейника ш. Издревле ведомо, о муж-тигр, что свершивший там омовение получает (плод) жертвоприношения коня и (дарения) тысячи коров «капила».

Кто посетит, о бхарата, достойнейший из людей, (тиртхи) Сугандха, Шатакумбха и Панчаяджня, тот добивается почета в небесном мире. Там же, придя к тиртхе Тришулакхата, о бхарата, радея о почитании

богов и предков, пусть совершит в ней (паломник) омовение; тогда по расставании с телом он непременно обретет состояние ганапатья.

Затем, о Индра царей, надлежит идти к труднодоступному обиталищу Богини, кое прославлено в трех мирах под названием Шакамбхари. (Здесь), о владыка людей, исполнитель дивных обетов, на протяжении тысячи божественных лет из месяца в месяц питалась она одной зеленью и кореньями. Сюда, преисполнены любви к Богине, приходят святые мудрецы, владеющие сокровищем тапаса, она же по долгу хозяйки (угощает) их съедобными травами, о бхарата; отсюда и пошло имя ее — Шакамбхари, «Питающая зеленью и кореньями». Придя в Шакамбхари, самообузданный, блюдущий чистоту, хранящий воздержание, духовно сосредоточенный (паломник) пусть проведет там трое суток, питаясь только кореньями и травами; за это по воле Богини, о бхарата, приложится ему такой плод, как если бы он двенадцать лет питался одними кореньями и зеленью.

Далее нужно идти к прославленной в трех мирах Суварнакше. Некогда здесь сам Вишну воздавал почести Рудре, дабы снискать его милость. Много даров получил он за это, таких, что даже богам нелегко достаются, о бхарата! Молвил ему на радостях Погубитель Трипуры: «(Отныне) ты, о Кришна, будешь любим даже более меня обитателями этого мира! Ты, несомненно, станешь главою всей вселенной!» Кто придет на то место, о Индра царей, и почтит Быкознаменного (бога), тот получит плод ашвамедхи и достигнет состояния ганапатья.

Затем пусть идет человек в Дхумавати и пропостится там трое суток; тогда он непременно обретет исполнение всех лелеемых сердцем желаний. В южной части (обители) Богини лежит Ратхаварта, о владыка людей; кто, исполненный веры, восторжествовавший над чувствами, взойдет на нее, о знаток дхармы, тот по милости Махадевы шествует далее высочайшей стезей. Обойдя ее по кругу прадакшины, пусть идет к истребляющей все грехи (тиртхе) под названием Дхара, о многомудрый бык-бхарата; кто там совершит омовение, о муж-тигр, владыка людей, вовек не узнает печали.

Затем, о знаток дхармы, поклонившись (по пути) великой горе, пусть идет (паломник) к Вратам Ганги 125, что поистине равны (святостью) Вратам небес. Пусть он, духовно сосредоточенный, совершит омовение в тиртхе Коти; тогда обретет плод жертвоприношения пундарика и вознесет (над погибелью) свой род. Тот, кто должным образом насытит богов и предков (возлияниями) в (тиртхах) Саптаганга, Триганга и Шакраварта, будет возвеличен на небесах. Затем человек, совершивший омовение в Канакхале и пропостившийся там трое суток, получает (плод) ашвамедхи и уходит в небесный мир. Затем, о владыка людей, пусть паломник идет в Капилавату; проведя там одну лишь ночь, обретет он плод (дарения) тысячи коров. О Индра царей, первый средь достойнейших куру, та прославленная во всех мирах тиртха принадлежит царю на-гов, великому духом Капиле. В той тиртхе нагов, о владыка людей, надлежит совершить омовение; за это обретет потомок Ману плод (дарения) тысячи рыжих (коров)!

Затем надлежит идти к превосходнейшей тиртхе Шантану — Лалитике. Человек, искупавшийся там, о царь, вовек не встретит злой участи! А тот, кто свершит омовение в месте слияния Ганги с Сангамой, получит (плод) десяти ашвамедх и вознесет (над погибелью) свой род. Далее нужно идти к прославленной в мире Сугандхе, о Индра царей! Там (паломник) очищает свой дух от всякой скверны и уготавливает себе величие в мире Брахмы. Затем, о владыка людей, пусть идет паломник в Рудраварту; человек, совершивший там омовение, о царь, возвеличится в небесном мире. Искупавшийся в месте слияния Ганги с Сарасвати обретает, о лучший из людей, (плод) ашвамедхи и идет в небесный мир. Кто, придя в Бхадракарнешвару, должным образом почтит бога, тот впредь избегнет злой участи и пойдет в небесный мир.

Далее, соблюдая очередность, пусть идет паломник в Кубджамраку; он получит плод (дарения) тысячи коров и пойдет в небесный мир. Затем, о владыка людей, пусть идет паломник в Арундхативату; омывшись в водах Самудраки и пропостившись там трое суток, он обретет плод (дарения) тысячи коров, а также вознесет (над погибелью) свой род. Затем, духовно сосредоточенный, соблюдающий воздержание, пусть идет в Брахмаварту; за то обретет (плод) ашвамедхи и пойдет в небесный мир. Пришедший к истоку Ямуны и совершивший там омовение, обретши плод ашвамедхи, возвеличится в небесном мире. Достигнув прославленной в тройственном мире тиртхи Дарвисанкрамана, он получит плод ашвамедхи и пойдет в небесный мир.

Кто придет к истокам Синдху, куда являются сиддхи и гандхарвы, и проведет там пять ночей, получит (плод) щедрой раздачи золота. Человек, посетивший Веди, куда крайне трудно добраться, обретет (плод) ашвамедхи и пойдет в мир Ушанаса. Посетив Ришикулью и (обитель) Васиштхи, о бхарата, пройдя через всю (обитель) Васиштхи, люди всех (иных) варн (становятся) брахманами. Человек, совершивший омовение в Ришикулье и проживший там месяц, питаясь зеленью и кореньями, попадет, о владыка людей, в мир святых мудрецов. Посетивший Бхригутунгу получит плод жертвоприношения коня. Пришедший в Вирапрамокшу очищается от

всех грехов. Благочестивый (паломник), посетив тиртху (созвездий) Магха и Криттика, получает, о бхарата, плод агништомы и атиратры.

Кто придет в сумерках к превосходнейшей тиртхе Знаний, тот, омывшись в ней, в совершенстве постигнет все области знания. Кто в Великой обители, избавляющей от всяческих грехов, проведет сутки, ни разу не вкусив пищи, тот будет жить в сияющих (небесных) мирах. Кто в Великом убежище проведет месяц в посте, не пропуская лишь один из шести сроков вкушения пищи, очистит дух свой от всякой скверны и получит (плод) щедрого (дарения) золота.

Затем, прибыв в Ветасику, куда является сам Праотец, получит (паломник плод) ашвамедхи и пойдет в мир Ушанаса. Испокон веку известно, что пришедший к тиртхе Сундарика,
куда (часто) являются сиддхи, наделяется телесной красотой. Придя затем в (тиртху) Брахмани, восторжествовавший над чувствами, соблюдающий воздержание (паломник) будет вознесен на колеснице цвета лотоса в мир Брахмы.

Затем надо идти в священный (лес) Наймиша, посещаемый сиддхами; там, окруженный сонмами божеств, неотлучно пребывает Брахма. С того, кто лишь мыслью устремится к Наймите, снимается половина грехов его; придя же туда, человек разом избавляется от всех грехов. Там, в Наймите, стойкому духом паломнику надлежит прожить целый месяц; ибо все тиртхи, какие есть только на земле, пребывают в Наймите, о бхарата! Самообузданный, воздержный в ядении (паломник), совершив в тех местах омовение, получает плод жертвенного обряда гавамая, о бхарата; он также смывает грехи своего рода до седьмого колена, о достойнейший бхарата! Мудрецы говорят: кто, всецело предавшись посту, расстанется в Наймите с жизнью, тому в небесном мире уготовано блаженство. В любое время, о лучший из людей, свят и благостен (лес) Наймиша.

Человек, достигший Гангодбхеды и пропостившийся там трое суток, получает (плод) ваджапеи и обретает природу Брахмана. Кто придет к Сарасвати и насытит (возлияниями) богов и предков, тот непременно вкусит блаженство в мирах Сарасвати. Пускай оттуда духовно сосредоточенный, соблюдающий воздержание (паломник) направится к Бахуде; за это даруется потомку Ману плод жертвоприношения «сатра богов». Затем нужно идти к благодатной Чиравати, окруженной (местами) величайшей святости; кто порадеет там о почитании богов и предков, получит (плод) ваджапеи. Кто достигнет Вималашоки, начнет светиться, подобно месяцу; единожды переночевавши там, он будет возвеличен в небесном мире.

Затем нужно идти к превосходнейшей тиртхе Гопратаре, что на (реке) Сараю; оттуда некогда вознесся на небо Рама вместе со своим воинством, слугами и ездовыми животными. Кто (в Гопратаре) отвергнет телесную оболочку, тот благодаря своему усердию и пламенной духовной силе той тиртхи по милости Рамы идет на небо. Человек, омывшийся в той тиртхе Гопратара, о владыка людей, очистит свой дух от всякой скверны и удостоится почестей в небесном мире. Человек, совершивший омовение в Гомати, в тиртхе Рамы, о потомок Куру, получает (плод) ашвамедхи и смывает грехи своего рода. Есть там, о достойнейший бхарата, тиртха Шатасахасрика; в ней совершив омовение, самообузданный, воздержный в ядении (паломник) обретает, о бык-бхарата, благой плод (дарения) тысячи коров.

Далее нужно идти, о Индра царей, в несравненную Бхартристхану; человек, в тиртхе Коти совершивший омовение и воздавший почести Гухе, обретает, о царь, плод (дарения) тысячи коров, преисполняется пламенной мощи духа. Затем, придя в Варанаси, поклонившись Быкознаменному, искупавшись в пруду Капилы, получает человек плод раджасуи. Кто придет, о Индра царей, в труднодоступную тиртху Маркандеи, что лежит близ прославленного в мире места слияния Ганги и Гомати, тот получит (плод) агништомы и вознесет над погибелью свой род.

Затем восторжествовавший над чувствами, соблюдающий воздержание (паломник) пусть идет в Гаю. Едва он придет туда, как тут же получит (плод) ашвамедхи, о бхарата! Есть там прославленная в трех мирах (тиртха), зовущаяся Акшаявата; в том месте дарение предкам, о владыка, (приносит заслугу), вовек неуничтожимую. Кто омоется в водах Маханади, кто насытит (возлияниями) богов и предков, тот , обретет нетленные миры и возвысит (над погибелью) свой род. Затем нужно идти к озеру Брахмы, берега которого украшены рощей Дхармы, и там, едва ночь сменится утром, обретет (паломник) плод жертвоприношения пундарика. На том озере, о Индра царей, высится жертвенный столб Брахмы; обошедший столб по кругу прадакшины обретает плод вад-жапеи.

Оттуда, о Индра царей, нужно идти к прославленной в мире Дхенуке. Пускай проведет там (паломник) ночь и совершит дарение сезамовых зерен; тогда он очистит дух свой от всякой скверны и непременно попадет в мир Сомы. Еще точно известно, о великий царь, что есть там (чудесный) знак, (видимый) и поныне; бродила (некогда) по (склонам той) горы (корова) Капила со своим теленком, следы их копыт до сих пор можно

увидеть, о бхарата! Кто окропится водою из тех отпечатков копыт, о бхарата, достойнейший из людей, тот избавится, о Индра царей, от последствий любого дурного поступка, им совершенного!

Оттуда следует идти в Гридхравату, обиталище мудрого бога; приблизившись там к Быкознаменному, пусть (паломник) омоется пеплом. За это зачтется брахману исполнение двенадцатилетнего обета; люди же прочих варн искупят этим все свои грехи. Далее нужно идти к горе Удьянта, оглашаемой пением; на ней, о бык-бхарата, виден след от стопы Савитара. Пускай брахман, преуспевший в исполнении обетов, сотворит в том месте сандхью — и будет он уподоблен тому, кто творил сандхью целых двенадцать лет! Там же находятся, о бык-бхарата, и прославленные Врата Лона; муж, прибывший туда, избавляется от (греха) смешения варн.

Человек, который на протяжении обеих, светлой и темной, половин месяца пробудет в Гае, непременно искупит тем все грехи своего рода до седьмого колена, о царь! Человеку должно желать рождения многих сыновей, дабы хоть один из них мог посетить Гаю, либо устроить ашвамедху, либо свершить дарение черного быка.

Затем, о царь, владыка людей, пусть паломник направится к Пхальгу; он получит (плод) ашвамедхи и достигнет наивысшего блага. Оттуда духовно сосредоточенный (паломник) должен, о Индра царей, идти в Дхармаприштху, где неотлучно пребывает сам Дхарма, о великий царь, Юдхиштхира! Побывавший там получает плод жертвоприношения коня. Далее, о Индра царей, пусть идет потомок Ману к превосходнейшей тиртхе Брахмы; там, воздав почитание безмерно мощному Брахме, обретет он, о Индра царей, (совокупный) плод ашвамедхи и раджасуи.

Оттуда, владыка людей, пусть паломник идет в Раджагриху; омывшись там в Теплых водах, он вкусит блаженство, подобно Какшивану. Человек, блюдущий чистоту, неустанно питая в тех местах (жертвами) якшини, по благоволению якшини избавляется от (греха) убийства зародыша. Затем, придя в (тиртху) Манинаги, обретет плод (дарения) тысячи коров тот человек, который неустанно вкушать будет (пищу) этой тиртхи; и если даже ужалит его ядовитая змея, то яд не оборет его. Кто проведет там всего одну ночь, избавится от всех грехов.

Затем, о царь, нужно идти к роще брахмана-мудреца Гаутамы; там, совершив омовение в пруду Ахальи, (паломник) ступит на высочайшую стезю, а приблизившись к (богине) Шри, о царь, достигнет небывалого благополучия. Там, о знаток дхармы, есть прославленный в трех мирах источник; кто свершит в нем омовение, получит (плод) жертвоприношения коня. Есть там колодец царственного мудреца Джанаки, чтимый Тридесятью (богами); совершивший в нем омовение обретает мир Вишну. Затем надлежит идти к избавляющей от всех грехов тиртхе Винашана; за то (паломник) получит (плод) ваджапеи и пойдет в мир Сомы. Достигнув же Ган-даки, сотворенной из вод всех тиртх, он получит (плод) ваджапеи и пойдет в мир Сурьи. Кто придет, о знаток дхармы, в отшельническую рощу Адхиваншья, тот, несомненно, вкусит блаженство в (мире) гухьяков, о великий царь! Достигнув же посещаемой сиддхами реки Кампана, он получит (плод) жертвоприношения пундарика и пойдет в мир Сурьи. Затем, придя к прославленной в тройственном мире реке Вишале, он получит (плод) агништомы и пойдет в небесный мир.

Кто достигнет потока Махешвари, о владыка людей, тот получит (плод) ашвамедхи и вознесет (над погибелью) свой род. Человек, блюдущий чистоту, придя к лотосовому пруду небожителей, получит (плод) ваджапеи и навеки избегнет злой участи. Пусть духовно сосредоточенный, соблюдающий воздержание (паломник) направится в Махешварападу; омывшийся в Махешварападе обретает плод жертвоприношения коня. Коти прославленных тиртх пребывают там, о бык-бхарата! Злобный асура в обличье черепахи, о царь, Индра царей, пытался (некогда) похитить их, но воспрепятствовал ему всемогущий Вишну. Кто совершит омовение в тех десяти миллионах тиртх, тот, обретши (плод) пундарики, идет в мир-Вишну, о Юдхшптхира!

Затем надлежит идти, о бхарата, Индра царей, к обиталищу Нараяны, где неотлучно пребывает Хари; эта (тиртха) Вишну, вершителя дивных деяний, именуется Шалаграма. Приблизившись к извечному Вишну, Дарителю, Властелину трех миров, получит (паломник плод) ашвамедхи и направится в мир-Вишну. Есть там, о знаток дхармы, источник, избавляющий от всех грехов; в колодце том пребывают постоянно (воды) четырех морей; кто омоется в нем, о Индра царей, тот навеки избегнет злой участи! Приблизившись к великому богу, Дарителю, вечному Вишну, избавится он от всех долгов и, подобно Соме, о Юдхиштхира, станет излучать сияние! Омывшись в Джатисмаре, блюдущий чистоту, овладевший своим сознанием (паломник), как только свершит там омовение, непременно обретет память о прошлых рождениях. Несомненно и то, что, придя в Ватешварапуру, (паломник), воздавший там почести Кешаве, обретет (плод многих) постов, а также исполнение всех заветных желаний. А затем, придя к (тиртхе) Вамана, избавляющей от всех грехов, и поклонившись там богу Хари, он навеки избегнет злой участи! Посетив потом обитель

Бхараты, избавляющую от всех грехов, да поклонится потомок Ману (реке) Каушики, очищающей от величайших прегрешений, и обретет за то плод жертвоприношения раджасуя.

Затем, о знаток дхармы, да направится он к превосходнейшему лесу Чампака; кто провел там всего одну ночь, получает плод (дарения) тысячи коров. А кто, придя к высокочтимейшей тиртхе Джьештхила, пропостится там одни сутки, тог получит плод агништомы. Если кто в тех краях узрит озаряющегося величием Вселенского владыку вместе с Богиней, тот,. о муж-бык, обретет миры Митры и Варуны. Самообузданный, воздержный в ядении (паломник), достигнув Каньясамведьи, обретет, о бык-бхарата, миры Праджапати Ману. О тех, кто» в (тиртхе) Канья творит дарения еды и питья, говорят преуспевшие в обетах святые мудрецы, что они (обретают заслугу) непреходящую, о бхарата!

Посетивший прославленную в трех мирах Нишчиру обретет (плод) ашвамедхи и направится в мир Вишну. Люди, претустье Нишчиры творящие раздачу даров, непременно попадают в мир Брахмы, о муж-тигр! Есть там еще прославленная в трех мирах обитель Васиштхи; совершивший в ней омовение получит (плод) ваджапеи. Достигнув Девакуты, куда являются сонмы святых брахманов-мудрецов, (паломник) обретет (плод) ашвамедхи и возвысит (над погибелью) свой род.

Затем, о Индра царей, нужно идти к пруду подвижника Каушики; там Вишвамитра Каушика достиг наивысшего совершенства. Там, в обители Каушики, надлежит (паломнику) прожить месяц, о отважный бык-бхарата, и ценой этого месяца обретет он благую заслугу (совершения) ашвамедхи. А тот, кто проживет (некоторое время) в наилучшей из всех тиртх, Махахраде, навеки избегнет злой участи и обретет (плод) щедрой (раздачи) золота. В (тиртхе) Вирашрама обитает сам Кумара; кто приблизится к нему — непременно обретет (плод) ашвамедхи.

Паломник, достигший прославленной в трех мирах Агнидхары, обретет (плод) агништомы и не минует небес. Придя к озеру Праотца, что лежит у подножия Царя гор, совершивший там омовение получает плод агништомы. Из озера Праотца изливается, наделяя мир святостью, прославленный в тройственной вселенной (поток) Кумарадхара. Каждый, кто здесь совершил омовение, осознает: «Я достиг исполнения желаний!» А если он здесь попостится, лишь на шестой раз вкушая пищу, то снимется с него (даже грех) умерщвления брахмана.

Затем пусть человек, исполненный веры, поднявшись на прославленную во вселенной вершину Гаури, Великой Богини, придет к Станакундам. Кто там, радея о почитании богов и предков, совершит омовение, тот обретет плод жертвоприношения коня и пойдет в мир Шакры. Придя к (тиртхе) Тамраруна, духовно сосредоточенный, соблюдающий воздержание (паломник) получает (плод) ашвамедхи и направляется в мир Шакры. А кто достигнет колодца Нандинья, куда часто являются Тридесять (богов), тот обретет заслугу, приносимую человеческим жертвоприношением Куру!

Искупавшись в месте слияния Калики с Каушики и Аруной, а также пропостившись там трое суток, мудрец очищается от всех грехов. Просветленный потомок Ману, придя к тиртхе Урваши, а затем к обители Сомы, искупавшись в обители Кумбхакарны, удостоится почестей на этой земле. Испокон веку известно, что строго следующий обетам, соблюдающий воздержание (паломник), стоит ему совершить омовение в святой (тиртхе) Кокамукха, обретает память о прежних своих рождениях. А посетив (тиртху) Сакриннанда, дваждырожденный достигнет духовного совершенства, очистит душу свою от всех грехов и направится в мир Шакры.

Кто, достигнув досточтимого, гибельного для краунчей острова Ришабха ш, совершит там омовение в Сарасвати, тот воссияет (величием), (возносясь) на небесной колеснице. В тиртху Ауддалака, о великий царь, часто приходят подвижники; кто там совершит омовение, очистится от всех грехов! Придя к святой тиртхе Дхармы, посещаемой брахмическими мудрецами, обретет человек, точно известно, (плод) ваджапеи. Кто придет в Чампу, посетит Дандарку, кто совершит возлияния в Бхагиратхи, тот получит плод (дарения) тысячи коров! Пусть далее идет к Лаведике, чтимой всеми благочестивыми (людьми), за то он получит (плод) ваджапеи и примет почести, стоя на летающей колеснице.
*Такова в книге «Лесная» великой «Махабхараты» восемьдесят вторая глава.*

ГЛАВА 83

Пуластья сказал:
Достоверно известно, что мудростью наделен будет тот, кто в вечерних сумерках придет совершить омовение в превосходнейшей тиртхе Самведья. Кто посетит тиртху Таллохитью, в давние времена, о царь, учрежденную по благоволению Рамы, тот получит (плод) щедрой (раздачи) золота. Кто придет к Каратое и пропостится там трое суток, тот человек по установлению Праотца обретает (плод) ашвамедхи. Мудрецы

свидетельствуют, что в месте слияния Ганги с океаном (обретает паломник), о Индра царей, десятикратный (плод) ашвамедхи. Кто, перебравшись на противолежащий: Ганге остров, свершит там омовение и пропостится трое-суток, тот обретет исполнение всех желаний, о царь-бхарата!

Придя затем к реке Вайтарани, очищающей от греха, ш посетив там тиртху Вираджа, начнет (паломник) излучать сияние, подобно месяцу. Обретя плод (дарения) тысячи коров, тот человек очистит (от греха) свой род; он искоренит всякую-скверну и (новое) рождение примет (также) в благом роде. Кто, блюдя чистоту, поселится в месте слияния Шоны с Джьотиратхи, тот, насытив (возлияниями) богов и предков, обретет плод агништомы. Если кто совершит омовение в Ванша-гульме, где берут начало (реки) Шона и Нармада, он обретет, о потомок Куру, плод жертвоприношения коня.

Человек, посетивший тиртху Ришабха, что лежит в (стране) Кошала, пропостившись там трое суток, обретет, о владыка людей, (плод) ваджапеи. Кто, придя в Кошалу, омоется там в Ка-латиртхе, тому непременно приложится одиннадцатикратный" плод (дарения) тельца. Человек, омывшийся в Пушпавати и-трое суток там щюпостившийся, получит плод (дарения) тысячи коров и вознесет (над погибелью) свой род.

Затем, омывшись в тиртхе Бадарика, властвующий над своим сознанием (паломник) наделен будет долголетием и направится в небесный мир. Затем, достигнув (горы) Махендра, на которой обитает Джамадагнья, и совершив омовение в тиртхе Рамы, он обретет плод жертвоприношения коня. Здесь же, о потомок Куру, есть еще Запруда Матанги; человек, совершивший в ней омовение, получит, о царь, плод (дарения) тысячи коров.

Подойдя к горе Шри, на речном берегу надлежит совершить омовение; за это обретает (паломник плод) ашвамедхи и идет в небесный мир. На горе Шри, озаряясь величием, в несказанном блаженстве пребывает вместе с Богиней сам Махадева, а также Брахма в окружении Тридесяти (богов). Если блюдущий чистоту, властный над своим сознанием (паломник) омоется там в Пруду богов, то он получит (плод) ашвамедхи и приобщится высшему из состояний духа.

Достигнув чтимой богами горы Ришабха, что в стране пандьев, обретет (паломник плод) ваджапеи и вкусит блаженство на верхнем небе. Да проследует он далее к (реке) Кавери, вдоль берегов которой теснятся сотни апсар; человек, искупавшийся там, о царь, обретает плод (дарения) тысячи коров. Затем на берегу океана надлежит искупаться в тиртхе Канья; сделавший это избавляется от всех грехов, о Индра царей!

Затем нужно достичь прославленной в трех мирах, чтимой всею вселенною, окруженной морем Гокарны. о Индра царей! Это там боги во главе с Брахмой, святые мудрецы, владеющие сокровищем тапаса, бхуты, якши, пишачи, киннары, великие змеи, сиддхи, чараны, гандхарвы, люди и ползучие гады, а также все реки, океаны и горы поклоняются Супругу Умы. Воздав там почести Ишане и пропостясь трое суток, человек обретает десятикратный (плод) ашвамедхи и (состояние) ганапатья; кто же там проживет двенадцать суток, тот становится совершенен духом.

Далее лежит прославленное в трех мирах местопребывание Гаятри; проведя там трое суток, обретает (паломник) плод (дарения) тысячи коров. Наблюдается там дивное знамение: если кто из брахманов, будь он даже рожден от смешанного брака, о владыка народа, возгласит там гаятри, то с тех пор, о царь, обретут совершенство его стихи и гимны.

Придя к труднодоступному пруду брахмана-мудреца Самварты, (паломник) наделяется телесной красотой и житейским благополучием. Затем, придя к (реке) Венна, должно свершить там для богов и предков возлияние; за это дана будет тому человеку (по смерти его) летающая колесница, влекомая гусями и павлинами. Достигнув вслед за тем Годавари, к (чьим берегам) приходят постоянно сиддхи, (паломник) получает (плод обряда) гавамая и идет в мир Васуки. Кто омылся при слиянии (Годавари) с Венной, получит плод ваджапеи, в месте же слияния (Венны) с Варадой — плод (дарения) тысячи коров. Человек, достигший Обиталища Брахмы, проведя там трое суток, обретает плод (дарения) тысячи коров и уходит в небесный мир.

Придя в Кушаплавану, духовно сосредоточенный, соблюдающий воздержание (паломник), проведя там три ночи и совершив омовение, получает плод ашвамедхи. Еще (есть там), о царь, чудный Пруд богов, образованный водами Кришнавенны, а также обитель Канья и пруд Джатиматра. Здесь Царь богов, совершивши сто жертвоприношений, вознесся на небо; стоит только (паломнику) прийти туда — и обретет он (плод) сотни (жертвоприношений) агништома, о бхарата! Кто омоется в Пруду всех богов, получит плод (дарения) тысячи коров; кто омоется в пруду Джатиматра, вспомнит прошлые свои рождения.

Затем, достигнув пресвятой Пайошни, прекраснейшей из рек, радеющий о почитании богов и предков (паломник) обретет плод (дарения) тысячи коров. Придя в лес Дандака, о великий царь, надлежит совершить

омовение; ценой одного лишь купания в том месте получит (паломник), о бхарата, плод (дарения) тысячи коров! Человек, посетивший Шарабхангу, обитель великого духом Шуки, навеки избегнет злой участи и очистит от греха свой род. После надлежит идти в Шурпараку, где (некогда) побывал Джамадагнья; человек, омывшись в тиртхе Рамы, получит (плод) большой (раздачи) золота. Искупавшись в Саптагодавари, самообузданный, воздержанный в ядении (паломник) приобщится величайшей святости и направится в мир богов.

Затем самообузданный, воздержный в ядении потомок Ману пусть направится в Девапатху; за то приложится ему такая святость, как если бы свершил он «сатру богов». Хранящий воздержание, торжествующий над чувствами (паломник должен) посетить лес Тунгака; некогда там святой мудрец Сарасвата (заново) возвестил Веды. Веды тогда были утрачены; и вот сын подвижника Ангираса, восседая на (расстеленных) верхних одеяниях великих мудрецов, правильно, согласно всем предписаниям, произнес слог «Ом», о бхарата, после чего сразу вспомнил все, что он учил раньше. Святые мудрецы, боги, Варуна, Агни, Праджапати, божественный Хари-Нараяна и Махадева, и сияющий великолепием Владыка-Праотец с (прочими) небожителями обязали озаренного величием Бхригу совершить там жертвоприношение.

И вот владыка (Бхригу) совершил для всех святых мудрецов по всем правилам, в соответствии с предписанным, обряд возжигания заново священного огня: тогда, насытившись положенными долями топленого масла, боги и святые мудрецы, довольные, разошлись по (всей) тройственной вселенной. Паломник — мужчина ли, женщина ли, — ступив под сень того леса Тунгака, избавляется, о лучший из царей, от всех своих грехов! Человек стойкий, самообузданный, воздержный в поведении пусть проведет там месяц; за это, о царь, он направится в мир Брахмы и очистит (от грехов) весь свой род.

Достигнув Медхавики, должно насытить возлияниями богов и предков, за это получит (паломник плод) агништомы, а также хорошую память и ясное разумение. Тот, кто придет затем к прославленной в мире горе Каланджара и там совершит омовение в Пруду небожителей, получит плод (дарения) тысячи коров. Человек, что на горе Каланджаре упражняется в самосовершенствовании, будет принят в небесном мире с почестями — в этом нет сомнения, о царь!

Затем (нужно) достичь, о царь, избавляющей от грехов реки Мандакини, что течет близ прекраснейшей из гор — Читракуты. Кто, радея о почитании богов и предков, совершит в том месте возлияние, тот получит (плод) ашвамедхи и удостоится наилучшей участи. Затем, о Индра царей, пусть идет к превосходнейшей Бхартристхане, где неотлучно присутствует, о царь, бог Махасена. Стоит только человеку прийти туда, о лучший из людей, как он достигает совершенства; тому же, кто свершит омовение в тиртхе Коти, достанется плод (дарения) тысячи коров. Обойдя (это место) по кругу прадакшины, да идет человек в Джьештхастхану; там он приблизится к Махадеве и воссияет, подобно месяцу. Есть там, о великий царь, знаменитый колодец, в (водах) его пребывают четыре моря, о Юдхиштхира, бык-бхарата! Там сотворив возлияния и совершив вокруг прадакшину, властный над собой, чистый душою (паломник) придет к наилучшей участи!

Затем, о достойнейший в роде Куру, да проследует он к великому (городу) Шрингаверапуре. Некогда здесь, о великий царь, сын Дашаратхи, Рама, переправился через (Гангу). Человек, духовно сосредоточенный, соблюдающий воздержание, совершив омовение в Ганге, уничтожает там все свои грехи и получает (плод) ваджапеи. Там. вступив в близость Махадевы, почтив его и совершив вокруг прадакшину, достигает (паломник состояния) ганапатья, о владыка людей!

Да направится он затем, о Индра царей, к Праяге, воспетой в гимнах святыми мудрецами. Боги во главе с Брахмой, страны света и правящие ими божества, локапалы, садхьи, найрриты, предки, величайшие из святых мудрецов, предводительствуемые Санаткумарой, святые мудрецы-брахманы, возглавляемые Ангирасом, наги, супарны, сиддхи, кругоходящие (планеты), реки, моря, гандхарвы, апсары, во главе же их всех — владыка Хари, а также Праджапати — все боги обитают там! Миновав Праягу, Джахнави, коей все тиртхи уступают главенство, течет между тремя жертвенными огнями. И там сливается с Гангой прославленная в трех мирах, наделяющая святостью вселенную дочь Тапаны, Ямуна. Говорят, что водораздел Ганги и Ямуны — это треугольник плоти между чресл земли; Праяга же — возвещают святые мудрецы — это нижняя точка того треугольника.

Праяга, Сампратиштхана, Камбала с Ашватарой, а также тиртха Бхогавати считаются жертвенными алтарями Прад-жапати. Приняв воплощения, Веды и жертвенные обряды, а также святые мудрецы, исполнители великих обетов, поклоняются (в Праяге) Праджапати, о Юдхиштхира; боги и кру-говодящие (планеты), о царь, творят здесь свои жертвоприношения! В трех мирах нет места более святого, нежели Праяга, о бхарата! Она, о владыка, есть величайшая из всех тиртх! Кто лишь возносит хвалу имени этой тиртхи и кто тому внемлет, кто унесет оттуда хотя бы одну горсть земли, тот очистится от греха! Если (паломник), исчерпавший свои обеты, там, у слияния (рек), свершит омовение, то даруется ему святой

(совокупный) плод раджасуи и ашвамедхи! Ведь (Праяга) — место жертвоприношений, чтимое даже богами; там и самое малое даяние обращается великим, о бхарата! Пускай ни речения Вед, ни мирская молва не поколеблют решимости твоей расстаться с жизнью в Праяге. Шестьдесят коти и десять тысяч тиртх пребывают (в Праяге); тем она и славна, о потомок Куру! Человек, совершивший омовение в месте слияния Ганги и Ямуны, обретает благую заслугу (постижения) четырех Вед и исполнения обета правдивости.

Там же есть превосходнейшая тиртха (змея) Васуки, называемая Бхогавати; кто в ней совершит омовение, тот получит (плод) ашвамедхи. Там же, на берегу Ганги, есть прославленная в тройственной вселенной тиртха Хансапрапатана; десятикратный плод ашвамедхи приносит она, о потомок Куру! Вся страна, что лежит близ Ганги, — это отшельнический лес, о великий царь; потому и надлежит знать ее как Поле Совершенных, тянущееся вдоль берегов Ганги. Это истинное знание должпо передавать только шепотом, на ухо, (и только) дваждырожденным, святым мужам, друзьям, а также сыну, ученику или верному последователю. Оно свято, чисто, благостно, богоугодно, спасительно, усладительно, очистительно и возвышенно. Это тайное знание святых мудрецов, искореняющее все грехи; кто огласит его в кругу дваждырожденных, достигнет состояния незапятнанной чистоты. Кто неустанно слушает это (повествование) о святости тиртх, будучи притом неизменно чист, тот обретает память о многих (прежних) рождениях и вкушает блаженство на верхнем небе. До одних тиртх, из тех, что были здесь прославлены, можно добраться, а до других — нельзя; но (человек), стремящийся увидеть все тиртхи, к тем (из них, что недостижимы), пусть путешествует мысленно.

Радея о благочестии, посещают эти тиртхи васу, садхьи, адитьи, маруты, Ашвины и богоравные святые мудрецы. Вот и ты, о кауравья, исполнитель славных обетов, обойди в этой последовательности, самообузданный, тиртхи, приумножь благим делом свою святую заслугу! Ведь прежде отцы наши, святые мужи, очистив свой дух, твердо блюдя предписания — прозрением сущности Вед, своею верой достигали этих (святых) тиртх! А тем, кто не несет обетов, не воспитал свой дух, не блюдет чистоты, кто живет разбоем, а также людям с извращенным умом не дано совершить омовения в тех тиртхах, о кауравья! Ты же, сын мой, достойным своим поведением, провидением (сущности) дхармы и артхи всех своих прадедов и праотцев избавляешь (от адских мук)! Даже боги во главе с Прародителем и сонмы святых мудрецов неустанно умиляются благочестием твоим, о царь, знаток дхармы! Тебе, о подобие Васавы, уготованы миры васу; на земле же, о Бхишма, обретешь ты великую славу!

Нарада сказал:
Поведавши это, довольный, исполненный сердечного лико- 96 100 вания великий мудрец Пуластья распрощался (с Бхишмой) и, не сходя с места, исчез. А Бхишма, чьему взору открыта сокровенная сущность шастр, следуя сказанному Пуластьей, обошел всю землю, о тигр-каурава! Тот, кто, согласно сему обычаю, исходит землю, (обретет) высочайший плод сотни ашвамедх и после смерти будет вкушать блаженство! Ты же обретешь несказанную святость, еще в восемь раз большую, о Партха! Ведь ты поведешь с собою этих святых мудрецов; за то тебе и (приложится) восьмикратный плод! Близ этих тиртх, о бхарата, во множествах бродят ракшасы, и никому в те края нет пути, кроме тебя, о потомок Куру!

Кто, вставши рано поутру, прочтет вслух эту повесть божественного мудреца (Пуластьи) о пользе, обретаемой (паломничеством к) каждой из тиртх, у того уничтожатся все грехи! Постоянно пребывают (возле тиртх) первейшие из святых мудрецов: Вальмики и Кашьяпа, Атрея и Каундинья, Вишвамитра и Гаутама, Асита Девала, Маркандея, Галава, Бхарадваджа, Васиштха, святой подвижник Уддалака, Шаунака с сыном, Вьяса, искуснейший из возносящих молитвы, достойнейший отшельник Дурвасас, великий подвижник Галава... Все эти избранные святые мудрецы, владеющие сокровищем тапаса, ждут тебя, о великий царь! С ними вместе обходи тиртхи! Явится к тебе преисполненный величия божественный мудрец, рекомый Ломаша; вместе с ним иди странствовать!

Возьми же и меня с собой в паломничество к тиртхам, о знаток дхармы! Ты обретешь великую славу, как некогда царь Махабхиша! Как преданный дхарме Яяти, как царь Пуруравас, так и ты, о тигр-каурава, весь лучишься своим благочестием! Как царь Бхагиратха и как прославленный Рама, так воссияешь и ты среди прочих царей, подобясь Лучистому (Солнцу)! Как Ману, Икшваку, многославный Пуру, как Вайнья, исполненный духовного пыла, и ты будешь столь же славен! Как некогда Губитель Вритры истребил всех своих соперников, так и ты, покончив с врагами, будешь править своими подданными! Следуя своей дхарме, ты покоришь всю землю, лотосоокий, и тогда благочестием своим прославишься столь же, сколь (некогда) — Арджуна Картавирья!

Вайшампаяна сказал:

Молвив царю такие слова утешения, святой мудрец, владыка Нарада простился с великим духом (царем) и, не сходя с места, исчез. А благочестивый Юдхиштхира, поразмыслив о сути (сказанного), поведал затем (присутствовавшим) святым мудрецам о пользе, обретаемой в паломничестве к тиртхам.
Такова в книге «Лесная» великой «Махабхараты» восемьдесят третья глава.

ГЛАВА 84

Вайшампаяна сказал:
Уяснив мнение братьев и многомудрого Нарады, обратился царь Юдхиштхира к Дхаумье, подобию (бога-) Прародителя: «Я послал необъятно-великого духом, доказавшего свою доблесть, мощнодланного мужа-тигра Джишну за оружием (богов). Предан мне этот герой, пригоден для осуществления (моей) цели; в совершенстве владеет он оружием, о подвижник, словно сам могучий Васудева! Знаю я, о брахман, (знает) и могущественный Вьяса, что два лотосооких Кришны, Завоеватель богатств и Васудева, отважные губители недругов, (существуют) в каждой из трех (первых) юг! Знай, что и Нарада не раз сообщал мне об этом, да я и сам вижу, что эти двое суть святые мудрецы Нара и Нараяна. «Он сможет! — решил я, отсылая Арджуну. — Сын бога, не отступит он даже перед Индрой; способен он встретиться с владыкою богов и взять у Индры (волшебное) оружие!» — с такими (мыслями я его) отправил.

Превосходны в колесничном бою Бхишма, Дрона, Крипа и необоримый сын Дроны; доверил им сын Дхритараштры возглавить в битве великие рати; все они отважны, все постигли учение Вед, все искусны во владении (различными видами) оружия. Карна, Сын суты, могучий колесничный боец, неустанно ищет битвы с Партхой; (всяческое) волшебное оружие ему хорошо известно. Быстрый, как конь, могучий, как ветер, он — (как огонь), стрелы — его языки, стук тетивы о левую руку — треск, пыль (над полем сражения) — дым, (удары) оружия — жалящий зной; и сын Дхритараштры раздувает его, подобно ветру. Он подобен пламени, которое испускает Кала при конце юги; войско мое (перед ним) — как роща сухих деревьев, которой неминуемо суждено погибнуть в огне.

(Но Арджуна) —это воздвигаемая Кришной, словно ветром, великая туча, изливающая дождь волшебного оружия; его белые скакуны — как стая журавлей (на фоне тучи), его Гандива сверкает, как (радуга), «Оружие Индры»; и на поле брани неизменно туча-Арджуна, встав в вышине, стрелами-ливнями укрощает неистовое пламя Карны. Несомненно, Бибхатсу, покоритель чужих городов, должным образом примет из рук Шакры все волшебное оружие (небожителей). Думается мне, что он один стоит всех этих (воителей); для него ведь нет ничего невозможного, и врагам его в битве нет спасения. Мы увидим Пандаву, Завоевателя богатств, завладевшим волшебным оружием; было ли так, чтобы Бибхатсу бросил на полпути возложенную им на себя ношу?

Без того героя, о достойнейший из двуногих существ, всем нам и с нами Кришне в лесу этом Камьяке не будет покоя! Не укажешь ли ты нам другой лес, благостный, чистый, богатый плодами и (всякой) едою, радующий (взор) и посещаемый людьми святых дел? Там бы и пожили мы некоторое время, высматривая, (не идет ли) отважный, истинно доблестный Арджуна, как стосковавшиеся по дождю (следят за приближением) облака. Ведь немало известно дваждырожденным различных обителей, чарующих (взоры) гор, озер и рек; поведай (нам) о них, о брахман! Без него, без Арджуны, немила нам жизнь в лесу Камьяка; пойдем же в иные места!»
*Такова в книге «Лесная» великой «Махабхараты» восемьдесят четвертая глава.*

ГЛАВА 85

Вайшампаяна сказал:
Видя, что Пандавы встревожены, сердца их проникнуты печалью, подобие Брихаспати — Дхаумья207 промолвил им в утешение: «Внемли мне, о царь, бык-бхарата, поведаю тебе о том, какие (на свете) страны, обители, тиртхи и горы чтимы брахманами как святые. Сначала, о царь, восхвалю я тебе по памяти чудесный восточный край208, где обитают сонмы Царственных мудрецов, о Юдхиштхира! В том краю, где нередко гостят божественные мудрецы, есть (лес), называемый Наймиша, а в нем — пресвятые тиртхи, (посвященные) различным божествам.

Здесь (протекает) прекрасная, святая (река) Гомати, куда приходят божественные мудрецы; здесь — место жертвы богов, и здесь — жертвенный столп Вивасвана. Есть в том (краю) наилучшая из гор, чтимая царственными мудрецами, святая Гая; есть там и благодатное озеро Брахмы; на (берега) его приходят святые мудрецы и Три-десять (небожителей). И если древние люди рекли, о муж-тигр: «Должно желать (рождения) многих сыновей!», то смысл в том, что хоть один из них да совершит паломничество в Гаю. Еще, о безгрешный, течет там Маханади, и там же (гора) Гаяширас, есть там баньян, который брахманы превозносят как «Дарующий неуничтожимость», ибо поднесение там пищи предкам становится неуничтожимого

(заслугой), о владыка! Там несет свои святые воды Маханади, называемая (иначе) Пхальгу, и лежит богатая плодами и кореньями (обитель) Каушики, где некогда обладавший сокровищем тапаса Вишвамитра обрел брахманское достоинство, о бык-бхарата!

Там, о сын мой, (течет) святая река Ганга, на берегах которой Бхагиратха совершил много жертвенных обрядов с обильными дарениями. Рассказывают, о кауравья, есть в стране панчалов (обитель) Утпалавата, где Вишвамитра Каушика свершал жертвоприношения вместе с Шакрой; там же потом великий Джамадагнья пропел хвалебный гимн своим предкам, когда осознал он сверхчеловеческое могущество Виш-вамитры: ведь Каушика вместе с Индрой пил в Каньякубдже сому и наконец, превозмогши свое кпгатрийство, воскликнул: «(Отныне) я—брахман!».

(Есть еще) чистое, святое, дарующее высшее очищение, прославленное в мире, высокочтимое святыми мудрецами, о герой, место слияния Ганги с Ямуной. Там некогда сам Прародитель, Душа всего сущего, вершил жертвоприношения; оттого, о достойнейший бхарата, это место и зовется Праягой. Есть там, о Индра царей, прекраснейшая, великая обитель (святого) Агастьи; Хираньябинду зовется она, о царь, и лежит на горе Каланджаре. А лучшая из гор, прекраснее всех прочих — святая, благодатная гора Махендра, (обитель) великого духом Бхаргавы, о царь-кауравья! Там некогда, о Каунтея, сам Прародитель творил жертвенные обряды; святая же Бхагиратхи была при том за младшего жреца, о Юдхиштхира!

Есть там еще, о владыка народа, святая Брахмашала; (одно лишь) созерцание ее дарует святость; там (можно видеть) множество (людей), избавившихся от своих грехов. Чистая, благодатная, извечная, великая, славная в мире Запруда Матанги — превосходнейшая из обителей. Прекрасная гора Кундода богата плодами, кореньями и питьевой водой; томимый жаждой царь нишадхов здесь испил воды и вкусил блаженство. Есть тут и чудная Роща богов, украшенная (присутствием) подвижников; а еще здесь по темени горы (текут) реки Нанда и Бахуда.

Восхвалены мной пред тобою, великий царь, все тиртхи, реки, горы и святилища, какие есть в восточной стороне; слушай теперь, какие есть чтимые реки, горы, тиртхи и святилища в трех прочих направлениях».
*Такова в книге «Лесная» великой «Махабхараты» восемьдесят пятая глава.*

ГЛАВА 86

Дхаумья сказал:
Слушай, о бхарата, как я преподробнейше восхвалю в меру разумения своего святые тиртхи, лежащие в южной стороне. В том краю, сказывают, (течет) прекрасная, святая река Годавари, полноводная, окруженная рощами, где обитают подвижники. Еще две реки, Венна и Бхимаратхи, избавляют от страха (перед карой) за грехи; водится на них много птиц и зверей, (берега) украшены отшельническими обителями. Там же (течет), о бык-бхарата, Пайошни, поток царственного мудреца Нриги, полноводный, со (множеством) чудных тиртх, посещаемый дваждырожденными. Это здесь великий йогин и подвижник Маркандея пропел хвалебную песнь предкам Нриги, владыки земли. Слыхали мы, что воочию узрел тогда устроитель жертвы Нрига, как Индра опьянел от (выпитого) сомы, а дваждырожденные — от (обильных) даров.

На горе Варунасротас, о достойнейший из бхаратов, есть святая, благодатная, богатая плодами и кореньями роща сына Матхары, а также жертвенный столп. К северу от (реки) Правени, в святой обители Канвы, есть, говорят, знаменитые рощи, (населенные) подвижниками. В Шурпараке, сын мой, есть дивный жертвенный алтарь великого духом Джамадагни, (образуемый) тиртхами Пашана и Пурашчандра, о бхарата! В стране мартьев, о Каунтея, (находится) тиртха Ашока со многими обителями; в стране пандьев (лежат) тиртхи Агастьи и Варуны, о Юдхиштхира! Еще, о муж-бык, в стране пандьев, говорят, есть святые Тиртхи дев. Теперь слушай, о Каунтея, я восхвалю тебе (реку) Тамрапарни. Есть там обитель, в которой боги, стремясь к величайшей цели, свершали деяния подвижничества; прославленная в трех мирах, она зовется Токарной, о бхарата! То озеро свято и благодатно, сын мой; оно полноводно, и волны его прохладны; духовно несовершенным людям его не достичь (вовеки). Там же, на горе Девасабха, лежит богатая спелыми плодами и кореньями святая обитель Тринасомагни, ученика Агастьи. Есть там святая, благодатная, вся из драгоценных камней гора Вайдурья, а также обитель Агастьи, богатая кореньями, плодами и питьевой водою.

Теперь расскажу тебе, о владыка людей, какие святые места, обители, горы, озера и реки (известны) в стране Сураштре. Там, сказывают брахманы, есть (место) Чамасон-мадджана, а близ океана — тиртха Тридесяти (богов), Прабхаса, о Юдхиштхира! Там есть прекрасная Пиндарака, в коей обитают подвижники, а еще гора Удджаянта, где (паломнику) тотчас же даются величайшие свершения. Там можна услышать старинную шлоку, некогда спетую Нарадой, главой божественных мудрецов; вот она, о Юдхиштхира: «Кто на этой священной, птицей и зверем населенной горе Удджаянте, что в Сураштре, плоть изнуряет подвижничеством, тот возвеличится на верхнем небе!».

Там же (стоит) святой (град) Дваравати, в коем пребывает Губитель Мадху, зримое воплощение Древнего Бога; поистине, он — средоточие вечной дхармы! Брахманы, проникшие в сущность Вед, и люди, познавшие Атман — Брахман, говорят, что в великом духом Кришне (заключена) извечная1 дхарма! Из всего, очищающего от греха, наивысший Очиститель — Говинда; его же почитают от всей святости — святейшим, из счастливых знамений — благодатнейшим.

Лотосоокий, извечный Бог богов, Хари, чей дух недоступен постижению, пребывает во всей тройственной вселенной; там же, (в Дваравати), он (явлен, как) Губитель Мадху.
Такова в книге «Лесная» великой «Махабхараты» восемьдесят шестая глава.

ственными мудрецами, подобной небу (богов) горы открывается взору немало чудес, о великий царь!

И есть там, о покоритель чужих городов, богатая благодатными тиртхами святая река Пара, поток царственного мудреца Вишвамитры. На ее берегах когда-то упал (с небес) в круг святых мужей сын Нахуши Яяти, но после он снова обрел миры, где (царит) извечная дхарма. Там же озеро Пунья, гора Майнака а также, сын мой, гора, рекомая Асита, богатая, о герой, плодами и кореньями. А еще, о Юдхиштхира, там есть святая обитель Какшасены и повсеместно прославленная, о Пандава, обитель Чьяваны. Там, о владыка, даже и малым подвижническим трудом может потомок Ману достичь осуществления цели. Обитель Джамбумарга, о первенствующий в смирении, где водятся в изобилии звери и птицы, принадлежит, о великий царь, святым мудрецам, познавшим Атман. Затем, о царь, есть наисвятейшие, всегда полнящиеся подвижниками рощи Кетумала, Медхья и Ганга, а также прославленный, святой, посещаемый дваждырожденны-ми лес Сайндхава, о защитник земли!

Священное озеро Прародителя зовется Пушкарою, о бхарата! Любезна эта обитель вайкханасам, сиддхам и святым мудрецам. Из желания ее прославить, о достойнейший, первенствующий в добродетели потомок Куру, некогда пропел Праджапати здесь, в Пушкарах, следующий стих: «Если мудрый хоть мысленно устремится к Пушкарам, то да уничтожатся грехи его, да возвеселится он на верхнем небе!»
*Такова в книге «Лесная» великой «Махабхараты» восемьдесят седьмая глава.*

ГЛАВА 87

Дхаумья сказал:
Теперь же восхвалю я пред тобой все святые места, дарующие избавление от грехов, какие есть на западе, в Аванти - Вся в зарослях манго и благоуханного приянгу, в обрамлении
тростниковых полей, несет там свои воды к закату святая река Нармада, о бхарата! Здесь, как известно, (расположен) святой приют подвижника Вишраваса; здесь был рожден Кубера, Владыка сокровищ, чью колесницу влекут нары. Свята и прекрасна Вайдурья, лучшая из гор; здесь растут чудесные-цветы и плоды, (высятся) зеленолистые деревья. На вершине же этой, наделенной разумом горы есть озеро, на котором цветут лотосы, о царь, куда являются боги и гандхарвы. На вершине той святой, волшебной, постоянно посещаемой божественными мудрецами, подобной небу (богов) горы открывается взору немало чудес, о великий царь!

И есть там, о покоритель чужих городов, богатая благодатными тиртхами святая река Пара, поток царственного мудреца Вишвамитры. На ее берегах когда-то упал (с небес) в круг святых мужей сын Нахуши Яяти, но после он снова обрел миры, где (царит) извечная дхарма. Там же озеро Пунья, гора Майнака а также, сын мой, гора, рекомая Асита, богатая, о герой, плодами и кореньями.

А еще, о Юдхиштхира, там есть святая обитель Какшасены и повсеместно прославленная, о Пандава, обитель Чьяваны. Там, о владыка, даже и малым подвижническим трудом может потомок Ману достичь осуществления цели. Обитель Джамбумарга, о первенствующий в смирении, где водятся в изобилии звери и птицы, принадлежит, о великий царь, святым мудрецам, познавшим Атман. Затем, о царь, есть наисвятейшие, всегда полнящиеся подвижниками рощи Кетумала, Медхья и Ганга, а также прославленный, святой, посещаемый дваждырожденны-ми лес Сайндхава, о защитник земли!

Священное озеро Прародителя зовется Пушкарою, о бхарата! Любезна эта обитель вайкханасам, сиддхам и святым мудрецам. Из желания ее прославить, о достойнейший, первенствующий в добродетели потомок Куру, некогда пропел Праджапати здесь, в Пушкарах, следующий стих: «Если мудрый хоть мысленно устремится к Пушкарам, то да уничтожатся грехи его, да возвеселится он на верхнем небе!»
*Такова в книге «Лесная» великой «Махабхараты» восемьдесят седьмая глава.*

ГЛАВА 88

Дхаумья сказал:
Теперь восхвалю тебе, о царь-тигр, святые места, какие есть в северной стороне. Опоясанная лесами, течет там своим святым путем река Сарасвати; здесь же, о Пандава, несет воды к морю стремительная Ямуна. Есть тут наисвятейшая, благодатная тиртха Плакшаватарана; здесь некогда дважды-рожденные, исполнив обряды сарасвата, совершили омовение авабхритха. Чудесной, святой, благодатной слывет, о безгрешный, Агнишира; некогда здесь, о бхарата, совершал жертвы Сахадева, (намечая место для исполнения обряда) броском жезла. По этому поводу, о Юдхиштхира, Индра пропел (следующий) стих, который и поныне разносится по свету, исполняемый дваждырожденными: «На берегах Ямуны возжег Сахадева сто раз по сотне тысяч жертвенных огней, раздал сотню тысяч даров!» Здесь же преславный царь-миродержец Бхарата совершил двадцать семь и восемь жертвоприношений коня. Слышал когда-то я, сын мой, что он угождал всем желаниям дваждырожденных, а потому как особо святая славится его обитель Сарака.

Благочестивые мужи, о Партха, всегда свято чтили также и реку Сарасвати; на ней, о великий царь, в давние времена свершали жертвоприношения святые мудрецы и валакхильи. Там же, о Юдхиштхира, (течет) славная, наисвятейшая Дри-шадвати; в тех местах, о владыка потомков Ману, преблагие Варна и Вайварнья, знатоки Вед, постигшие сущность Вед, обретшие духовное знание Вед, неустанно свершали святые жертвенные обряды, о достойнейший бхарата! В давние времена боги вместе с Индрой и Варуной сходились во множествах к Вишакхаюпе, дабы там предаться подвижничеству; оттого-то (Вишакхаюпа и слывет) наисвятейшей (из тиртх)!

Великий, преславный, причастный великой доле, всемогущий святой мудрец Джамадагни совершал жертвы в прелестных, святых Палашаках. К тому достойнейшему мудрецу, приняв воплощения, являлись все главные реки, каждая приносила с собой свою воду, и они стояли вкруг него, (готовые) к услугам. Тогда-то, о отважный, великий царь, сам Вишвавасу, дивясь могуществу великого духом (Джамадагни), пропел там следующую шлоку: «К приносящему жертвы богам великому духом Джамадагни явившись, все реки медом его питали!»

Из горных вершин величайшая — гора (Химаван); украшают ее своим присутствием гандхарвы, ракшасы, якши и апсары; обитают на ней киннары и кираты. Ганга же, о Юдхиштхира, мощным потоком рассекает эту (гору) в (месте, именуемом) Вратами Ганги; то место, куда являются сонмы мудрецов-брахманов, Санаткумара почитал святым, так же как и Канакхалу, о царь-кауравья! Есть гора, называемая Пуру; там родился царь Пуруравас. Место, где Бхригу вершил деяния подвижничества, о царь, — это славная обитель, посещаемая сонмами великих мудрецов святая гора Бхригутунга.

Все, что было, есть и будет, о бык-бхарата, (заключено) в извечном владыке Вишну, Нараяне, Высочайшем Пуруше. Преславному Вишну принадлежит повсюду известная в трех мирах святая обитель, лежащая близ прекрасного святого (древа) Бадари. Там несет Ганга теплые, а Апара — холодные воды, и близ Великой смоковницы (находят) золотой песок, о царь! Причастные великой доле могущественные мудрецы и боги приходят сюда поклониться божественному владыке Нараяне. А где (присутствует) этот извечный Бог, Верховный Атман, Нараяна, там, о Партха, (пребывает) вся вселенная со всеми тиртхами и святилищами. Там — святость, там — Верховный Брахман, там — тиртха и пустынь отшельников; там (пребывают) сиддхи, божественные мудрецы и все, владеющие сокровищем тапаса. Где этот великий йогин, Губитель Мадху, Изначальный Бог, — то место из святых наисвятейшее; да не возникнет у тебя в том сомнения!

Вот какие, о лучший из людей, царь, владыка земли, есть на свете прославленные тиртхи и святилища. Паломничают к ним васу, садхьи, маруты с Ашвинами, а также великие духом святые мудрецы, достойные (вместилища) брахмического знания. И если ты, о Каунтея, вместе с причастными великой доле братьями и быками-брахманами посетишь эти места, то избавишься от своей тревоги!
*Такова в книге «Лесная» великой «Махабхараты» восемьдесят восьмая глава.*

ГЛАВА 89

Вайшампаяна сказал:
Пока Дхаумья излагал все это, о радость рода Куру, явился туда в избытке наделенный духовным пылом святой мудрец Ломаша. Старший из Пандавов, царь (Юдхиштхира), люди его свиты и брахманы поднялись навстречу тому, причастному великой доле (святому), как бессмертные боги на небесах — (навстречу) Шакре. Оказав ему предписанные обычаем почести, Юдхиштхира, Царь справедливости, осведомился о причине его прибытия и цели (нынешних) странствований. Отвечая на вопрос сына Панду, удовлетворенный (приемом) многомудрый (Ломаша), к радости Пандавов, изрек в учтивых выражениях следующее:

О Каунтея, я ведь странствую в любых мирах, где только пожелаю; и вот, прибыв в обитель Шакры, узрел я владыку богов. Видел я там и брата твоего, отважного Савьясачина, который делил сиденье с Шакрой; и было мне за великое диво видеть, о муж-тигр, что Партха достиг такого. «Ступай к сынам Панду!» — молвил мне там владыка богов; и вот поспешил я сюда, дабы увидеть тебя с твоими младшими братьями. Со слов Пурухуты и великого духом Партхи я возвещу, о сын мой, радость Пандавов, нечто весьма тебе приятное.

Сосредоточившись, выслушай это, о царь, с братьями вместе и с Кришной! Посланный тобой, о бык-Пандава, за (волшебным) оружием мощнодланный Партха получил от Рудры великое, не имеющее себе равных оружие, именуемое брахмаширас, которое некогда Рудра добыл с помощью тапаса. Тем оружием Рудры, что вслед за амритой поднялось (из океана), завладел ныне Савьясачин вкупе с его заклятием, с (секретом) возвращения, со (знанием обрядов) освящения и искупления. Ваджру, а также другое (волшебное) оружие, начиная с (палицы) данда, о Юдхиштхира, изучив его, принял Партха, чьей отваге нет предела, от Ямы, Куберы, Варуны и Индры, о потомок Куру. От сына Вишвавасу по правилам, как положено, перенял он искусство пения, музыки, танцев и возглашения саманов. Так Каунтея, освоив оружие, овладел также и «ведой гандхарвов». Счастливо живет (сейчас) Бибхатсу, третьим после тебя рожденный!

Внемли мне, о Юдхиштхира, и я поведаю тебе суть того, что сказал мне достойнейший из богов: «Ты теперь, о почтенный, непременно пойдешь в мир людей. Передай же там Юдхиштхире, о достойнейший дваждырожденный, такие мои слова: «Скоро брат твой Арджуна вернется к тебе, овладев (чудесным) оружием; (но) прежде свершит он для небожителей великое деяние, которое самим богам не под силу. Ты же с (остальными) своими братьями предайся тапасу, ибо ничего нет выше тапаса, тапасом достигается великое. Поистине, ведомо мне, о бык-бхарата, каков Карна; не стоит он на поле брани и одной шестнадцатой доли Партхи! И если из-за него в твое сердце закралась тревога, о смиритель недругов, то я развею ее, возвратив в этот мир Савьясачина. Что же до твоего желания идти в паломничество к тиртхам, о герой, то об этом все непременно расскажет тебе Ломаша. И все, что ни поведает тебе святой мудрец о плоде, обретаемом в тиртхах подвижническими трудами, да будет с почтительною верой — и только так! — воспринято тобою, о бхарата!».
*Такова в книге «Лесная» великой «Махабхараты» восемьдесят девятая глава.*

ГЛАВА 90

Ломаша сказал:
Слушай теперь, о Юдхиштхира, что сказал Завоеватель богатств: «Приобщи благой дхарме брата моего, Юдхиштхиру! Ведь тебе, владеющему сокровищем тапаса, ведомы высшие дхармы и (все) деяния подвижников; к тому же знакома тебе и извечная дхарма обрученных с Удачей царей. Известно тебе, о почтенный, что святость тиртх вернее всего очищает людей (от греха); приобщи же ей Пандаву! Ты должен, сердечно об этом радея, устроить так, чтобы царь обошел (все) тиртхи и совершил бы там дарения коров! — говорил мне Виджая. — И пусть он повсюду обходит тиртхи под твоей, о владыка, охраной; в глухих, труднодоступных краях ты служи ему защитой от ракшасов! Как Дадхича — Индру богов или как Ангирас — Рави, так храни ты Каунтею от ракшасов, о лучший из дваждырожденных! Ведь немало есть (огромных), как горы, ракшасов-ятудханов, но да не подступятся они к хранимым тобою сынам Кунти!»

Итак, по слову Индры, по воле Арджуны я отправляюсь в путь вместе с тобою, храня тебя от (всех) опасностей! Дважды уже обозревал я до этого тиртхи, о радость Куру; теперь повидаю их в третий раз вместе с тобою, владыка! Это хождение к тиртхам, избавляющее от страхов, совершали, о великий царь, Юдхиштхира, (все) царственные мудрецы, вершители святых дел, начиная с Ману.

Не дано свершать омовения в тиртхах, о кауравья, людям коварным, духовно несовершенным, невежественным, грешным и мыслящим извращенно. Ты же всегда помышляешь о дхарме, зришь (суть) дхармы, верен данному слову; и теперь ты к тому же очистишься от всех своих прегрешений! Каков царь Бхагиратха, каков Гая и прочие цари, каков Яяти, таков и ты, Пандава Каунтея!

Юдхиштхира сказал:
Восторг мешает мне сложить ответ, достойный этой речи. Кто превзойдет меня теперь: ведь обо мне вспомнил сам Царь богов! Кто превзойдет теперь того, к кому явился ты, почтенный, того, чей брат — Завоеватель богатств, того о ком помнит сам Васава? К посещению тиртх, о котором ты вел речь, уже обратила помыслы мои беседа с Дхаумьей. Как только ты, о брахман, сочтешь возможным отправиться в путь, дабы повидать тиртхи, я тотчас выступаю; мое решение свято и неколебимо!

Вайшампаяна сказал:
Промолвил Ломаша решившемуся на путешествие Пандаве: «Иди налегке, (без свиты), о великий царь, дабы в твоих странствиях ничто тебя не связывало».

Юдхиштхира сказал:
Пусть брахманы, все те, кто живет подаянием, кто отрекся от мира, а также горожане, которые следовали за мной, движимые любовью к своему царю, возвращаются назад! Пусть идут они к великому царю Дхритараштре; каждому даст он сообразно со временем подходящую должность, дабы тот мог прокормиться. Если же этот владыка не сможет обеспечить вам приличествующего положения, то из любви к нам и радения о нашем благе сделает это (Друпада), царь Панчалы.

Вайшампаяна сказал:
Тогда большинство горожан, отягощенных поклажей, брахманов и отрешенных от мира аскетов двинулось в направлении Города слона. Из любви к Царю справедливости царственный сын Амбики всех их подобающе принял и ублаготворил, наделив богатством. А царь (Юдхиштхира), сын Кунти, весьма тем довольный, в обществе только Ломаши и немногих брахманов пробыл в Камьяке еще трое суток.
*Такова в книге «Лесная» великой «Махабхараты» девяностая глава.*

ГЛАВА 91

Когда наконец Каунтея готов был двинуться в путь, пришли к нему жительствующие в лесах брахманы и сказали: «О царь, сопровождаемый братьями и великим духом божественным мудрецом Ломашей, ты направляешься к святым тиртхам. Благоволи же, великий царь, Пандава, и нас повести с собою; ведь без тебя мы не сможем туда (добраться), о каурава! Тиртхи лежат в местах глухих, труднопроходимых, кишащих дикими зверями; коли (идут) люди в малом числе, не добраться им туда, о владыка потомков Ману! Вы, отважные братья, всегда (слыли) отменнейшими лучниками; под вашей охраной, герои, мы двинемся следом за вами! Тогда по твоей доброте, о владыка народа, причтется, быть может, и нам, о защитник земли, дивный плод (посещения) тиртх и (свершения) обетов! Хранимые твоею доблестью, о царь, да избавимся мы от грехов своих, повидавши тиртхи, и да очистимся, свершив в них омовения!

Искупавшись в тиртхах, о царь, ты непременно обретешь труднодостижимые миры Индры царей Картавирьи, царственного мудреца Аштаки, Ломапады, отважного Бхараты и Сарвабхаумы, о бхарата! С тобою вместе, хранитель земли, мы желаем увидеть Прабхасу с прочими тиртхами, Махендру с другими горами, Гангу с прочими реками и Плакшу с другими царями лесов. Если ты, царь, хоть толику приязни испытываешь к брахманам, исполни немедля нашу просьбу, и за то да снизойдет к тебе удача! Ведь тиртхи кишат ракшасами, чинящими помехи трудам подвижников, и твой долг — оберечь нас от них, о мощнодланный! Тиртхи, указанные Дхаумьей и премудрым Нарадой, а также те, о которых говорил тебе обладатель превеликого тапаса, божественный мудрец Ломаша, ты, о царь, как велит обычай, обойди, очищаясь от греха, все до единой, вместе с нами и под защитой Ломаши».

Приняв оказанные ими ему почести, бык-Пандава, окруженный героями-братьями во главе с Бхимасеной, пролил слезы радости и ответил святым мудрецам: «Да будет так!» Испросив дозволение у Ломаши и пурохиты своего Дхаумьи, превосходнейший из Пандавов, могущественный (Юдхиштхи-ра) вместе с братьями и безупречно прекрасной Драупади принял решение двинуться в путь. Но тут явились в (лес) Камьяка для того, чтобы повидаться с Пандавой, мудрецы: Нарада, Парвата и причастный великой доле Вьяса. Царь Юдхиштхира воздал им положенные по обычаю почести; они ж, причастные великой доле, оставшись довольны приемом, так обратились к Юдхиштхире:

«О Юдхиштхира, о Бхима, о близнецы! Да будут прямы и чисты ваши помыслы! Очистив свои сердца, ступайте чистыми к тиртхам! Брахманы говорят: обуздание тела — это обет человеческий; дваждырожденные также говорят: очищение сознания и разума есть обет божеский. Сердца героев совершенны лишь тогда, когда очищены от всего дурного, о владыка людей; утвердите в мыслях ваших дружелюбие и чистыми ступайте к тиртхам! Очистившись исполнением обетов власти над телом и над сознанием, строго блюдя тот божеский обет, обретете плод, о коем вам было сказано».

«Да будет так!» — отвечали Пандавы вместе с Кришною (Драупади). Затем все святые мужи, как смертной, так и божественной природы, совершили для них обряды, дарующие удачу. И вот, о Индра царей, припав к стопам Ломаши, Двай-лаяны, Нарады и божественного мудреца Парваты, герои в сопровождении Дхаумьи и брахманов, жительствующих в лесу, по истечении (месяца) маргаширша, с началом пушьи двинулись в путь. Запасшись глиняной посудой, заплетши, (подобно отшельникам), волосы, облачившись в грубые антилопьи шкуры, надев непробиваемые доспехи, скитались они по тиртхам. Индрасена со слугами, поварами и прочей челядью (поспешал за ними следом) на четырнадцати колесницах. Во всеоружии, препоясавшись безжалостными мечами, с колчанами, полными стрел, о Джанамеджая, двигались храбрые Пандавы, обратив лица к востоку.
*Такова в книге «Лесная» великой «Махабхараты» девяносто первая глава.*

ГЛАВА 92

Юдхиштхира сказал:
О превосходнейший средь божественных риши, я мню себя человеком, не лишенным достоинств, и, однако, мучим бедою, как ни один другой из земных владык. Враги же мои, на мой взгляд, не имеют достоинств, ничуть не радеют о дхарме; по какой же причине, о Ломаша, благоденствуют они в этом мире?

Ломаша сказал:
Никогда не печалься, царь Партха, из-за того, что путем адхармы достигают (порой) процветания погрязшие в адхарме люди. Адхармой достигает человек благополучия, затем обретает все блага, затем одолевает соперников своих, но (адхармой же) и истребляется под корень. Своими глазами видел я, о владыка земли, дайтьев и данавов, процветавших на стезе адхармы, но все же пришедших к гибели. В давние времена, в Девауге, был я всему тому свидетель, о владыка; тогда боги радели о дхарме, (но) чтили дхарму также и асуры. Боги, однако, посетили тиртхи, асуры же не посетили, о бхарата; тогда впервые обуяло их порожденное адхармой тщеславие. От тщеславия возникла гордыня, она же породила гнев; от гнева пошла нескромность, от нее — бесстыдство; так-то и погибли их нравы. И вот их, нескромных, бесстыдных, безнравственных, приносящих пустые обеты, оставили вскоре и дхарма, и смирение, и благополучие; Лакшми пошла к богам, о царь, а Алакшми — к асурам. Одержимых Алакшми, обезумевших от гордыни дайтьев и данавов обуял тогда Кали. И вот данавы, о Каунтея, одержимые теперь (одновременно) и Алакшми, и Кали, обуянные тщеславием, безумные, позабывшие, как совершать обряды, увлеченные гордыней, встретили вскоре свою гибель. И утративших (былую) славу дайтьев постигло полное уничтожение. А боги, твердо державшиеся дхармы, отправились к морям, озерам, рекам и другим святым местам. Благодаря подвижничеству, жертвенным обрядам, дарениям и благословениям, о Пандава, отринули они все грехи и обрели благополучие. Воистину: раздавая повсюду дары, совершая обряды и обходя тиртхи, премудрые (боги) достигли через это невиданного процветания.

Так и ты, о Индра царей, омывшись вместе с младшими братьями в тиртхах, вновь обретешь свою Лакшми. Это путь, начертанный от века. Как некогда царь Нрига, как Шиби, сын Ушинары, Бхагиратха, Васумана, Гая, Пуру, Пуруравас неизменной приверженностью подвижничеству, возлияниями у (священных) вод, паломничеством к тиртхам и лицезрением (мужей), великих духом, очистились, а также обрели славу, святость, богатство, так и ты, о Индра царей, владыка народа, достигнешь полноты счастья. Как некогда Икшваку с сыновьями, родными и близкими, как Мучукунда, Мандхатри, владыка земли Марутта, как боги и божественные мудрецы силой подвижничества обрели во всей полноте святость и славу, так же обретешь их и ты! Сыновья же Дхритараштры, порабощенные тщеславием и невежеством, в скором времени, как те дайтьи, неизбежно придут к гибели.
*Такова в книге «Лесная» великой «Махабхараты» девяносто вторая глава.*

ГЛАВА 93

Вайшампаяна сказал:
О хранитель земли! В совместном странствии своем, останавливаясь то тут, то там, прищли наконец герои в лес Наймиша. В священных тиртхах, (лежащих на берегах) Гомати, о царь-бхарата, совершали Пандавы омовения, одаривая (брахманов) богатством и коровами. Неустанно насыщали потомки Куру возлияниями предков, богов и брахманов в тиртхе Дев, тиртхе Коней и в тиртхе Коров. Побыли некоторое время Пандавы в (тиртхе) Валакоти на горе Вршпапрастха, а - затем, о хранитель земли, совершили совместно омовение в водах Бахуды. В Праяге, жертвенной земле богов, о владыка земли, жили они, погрузив тела в воду, предаваясь лебывалому подвижничеству. В месте слияния Ганги и Ямуны верные данному слову, великие духом (Пандавы) очистились от грехов и одарили брахманов богатством. Затем, о царь-^бхарата, сыновья Панду подошли в сопровождении брахманов к жертвенному алтарю Праджапати, высокочтимому в среде подвижников. Там герои -прожили некоторое время, ревностно предаваясь подвижничеству, а также непрестанно ублаготворяя дваждырожденных добываемой в лесу пищей и жертвенным маслом.

Затем, (о царь), неповторимо осиянный величием, пришли они к горе, которой дарована святость благочестивыми трудами знатока дхармы, царственного риши Гаи. Там есть озеро Гаяширас и святая (река) Маханади; эту преблагую тиртху, это превосходнейшее озеро Брахмы высоко чтят святые мудрецы. Сюда приходил великий Агастья, дабы (увидеть) Вайвасвату; здесь же (некогда) жил, о царь, сам извечный (бог) Дхарма. Отсюда берут начало, о владыка народа, все реки на свете; здесь неотлучно пребывает сам Владетель Пинаки, Ма-хадева. Здесь, у (подножия) Вечного баньяна, совершали отважные Пандавы обряды чатурмасья по (уставу) «великой жертвы святых мудрецов». Сотнями стекались сюда брахманы, владеющие сокровищем тапаса, и по «уставу святых мудрецов» совершали чатурмасью (для Пандавов). Там, в собрании великих духом (мужей), брахманы, постигшие Веды, постоянные в подвижническом рвении и в (любви) к знаниям,

принялись тогда рассказывать различные священные предания. И вот, (как бы) омывшийся (в водах) знания и следования обетам, соблюдающий обет целомудрия (брахман) Шаматха поведал (собравшимся) о Гае, сыне Амуртараяса.

Сын Амуртараяса, Гая, был достойнейшим из царственных мудрецов; услышь от меня, о бхарата, какие он содеял святые дела. Здесь состоялось его жертвоприношение с обильной раздачей пищи и щедрыми дарениями; сотни, тысячи гор всякой снеди (сложил он) здесь, о царь! Ручьями текло топленое масло, многими сотнями рек — простокваша; тысячами потоков струились дорогостоящие приправы. Изо дня в день эта нища раздавалась всем просящим; брахманы же, о царь, вкушали самые изысканные яства. Во время распределения даров звуки мантр достигали неба; из-за них ничего другого нельзя было расслышать, о бхарата! Далеко неслись те святые звуки, заполняя все концы земли, небеса и воздушное пространство; то было великим чудом, о царь

Насытившись превосходной едой и питьем, полнясь (радостью) жизни, из страны в страну разносили люди такую песнь, о бык-бхарата: «Кто из живущих хочет насытиться? (Идите) на жертвоприношение Гаи! Там остатки трапезы (нашей образуют) двадцать пять (высоких) гор!» Никогда ранее не совершалось людьми и не будет впредь такой жертвы, как та, что свершил осиянный необъятным величием царственный риши Гая. Сожженными жертвами Гаи так пресытились боги, что вряд ли могли тогда принимать подношения от других (жертвователей). По такому чину, о радость рода Куру, великий духом (Гая) совершил близ этого озера весьма многочисленные жертвоприношения.
*Такова в книге «Лесная» великой «Махабхараты» девяносто третья глава.*

ГЛАВА 94

Вайшампаяна сказал:
Затем щедрый даритель царь Каунтея двинулся далее. Достиг он обители Агастьи и поселился в Дурджае. Здесь обратился царь с вопросом к наилучшему из собеседников, Ломаше: «Для чего некогда Агастья умертвил в этих краях Ватапи? Что за волшебная сила была у этого дайтьи-людоеда? И чем навлек он на себя гнев великого духом Агастьи?»

Ломаша сказал:
Жил некогда в городе Манимати дайтья по имени Илвала. А Патапи, о радость рода Куру, приходился ему младшим братом. Однажды этот сын Дити обратился к некоему подвижни-чающему брахману: «Ниспошли мне, почтенный, сына, равного самому Индре!» Не дал ему брахман сына, подобного Васаве; и вот воспылал асура к тому брахману превеликим гневом.

Стоило (Илвале) вслух призвать того, кто был погублен Вайвасватой, как тот вновь обретал свое тело и являлся взору живой и невредимый. И вот превратил он асуру Ватапи в хорошо отваренного козла и угостил им того брахмана, а потом призвал (брата) назад. Со смехом выскочил великий асура Ватапи из (тела) того брахмана, разодрав ему бок, о царь, владыка народа! С тех пор не раз, поднося брахманам подобное угощение, о царь, умерщвлял их злокозненный дайтья Илвала.

А в это самое время великий Агастья увидел предков своих, висящих в расселине вниз головами. «Зачем вы здесь?» — вопрошал он висящих; они же, глашатаи учения о Брахмане,, ему отвечали: «Причина — в продолжении нашего рода. Мы — твои собственные предки, — сказали они ему. — В расселину же эту попали и висим здесь за неимением у нас потомства. Если ты, Агастья, породишь нам добрых потомков, то и нас избавишь от ада, и сам придешь к состоянию, достижимому для тех, кто имеет сыновей». Он же, исполненный духовного пыла, устремленный к закону и истине, отвечал им: «Желание ваше я исполню, о предки; да покинет сердца ваши тревога!»

И с тех пор начал почтенный святой мудрец помышлять о продолжении рода; но только не встречал он женщины, достойной породить ему потомство. Тогда, от разных существ собрав их лучшие части, сотворил он из этих частей прекраснейшую среди женщин. Затем святой подвижник Агастья отдал ее, сотворенную для его целей, царю видарбхов, мечтавшему о рождении сына. Там родилась она и выросла, дева счастливой судьбы, прекрасная телом и ликом, сияющая, подобно вспышке молнии. Едва она родилась, как царь Видарбхи, увидев ее, на радостях оповестил о том (всех) дваждырожденных, о бхарата! Воздали все брахманы хвалу той (деве), о владыка земли; и нарекли ей дваждырожденные имя Лопамудра. Наделенная небывалой красотой, возрастала она быстро, о великий царь, словно яркий язык пламени или же лотос на водах.

С тех пор как достигла красавица юности, о Индра царей, ее всегда окружали сотни богато наряженных подружек и сотни покорных ее воле служанок. В кругу этих, исчисляемых сотнями подружек и служанок, наделенная духовным пылом дева сияла, о владыка, как Рохини на небосводе. Преисполненную добродетели,

достигшую юности, ее, однако, не решался сватать ни один мужчина, ибо все страшились того великого духом (подвижника). Правдолюбивая дева, затмившая красой (небесных) апсар, благонравием своим дарила радость родителю и родственникам. Отец же ее, видя видарбхийскую царевну уже достигшей брачного возраста, все размышлял про себя: «За кого отдам свою дочь?»
*Такова в книге «Лесная» великой «Махабхараты» девяносто четвертая глава.*

ГЛАВА 95

Ломаша сказал:
Когда рассудил Агастья, что ей уже по силам вести хозяйство в доме, пошел он к царю видарбхов и сказал ему: «О царь, пришла мне мысль жениться, для того чтобы иметь сыновей. Прошу у тебя дара, хранитель земли: отдай за меня Лопамудру!» Услышав слова подвижника, тот хранитель земли обес-чувствел (от горя); и (дочь) отдавать не хотел он, и отказать был не в силах. Тогда, придя к супруге, сказал ей владыка земли: «Этот святой мудрец обладает таким могуществом, что, если прогневить его, может сжечь пламенем проклятия». Лопамудра, войдя, увидала, что царь с супругой опечалены, и сказала им такие приличествующие случаю слова: «Не изволь, о хранитель земли, из-за меня печалиться! Выдай меня за Агастью, отец, через меня да спасешь себя!» И царь, по слову дочери, отдал Лопамудру великому духом Агастье, совершив, о владыка народа, (все необходимые) обряды. Взяв Лопамудру в жены, сказал ей Агастья: «Брось все эти дорогостоящие наряды и украшения!» Тогда болыпеокая дева с бедрами, как у Рамбхи, побросала все свои прекрасные, дорогие наряды из тончайшей ткани. Облачившись в лохмотья, одежды из лыка и антилопью шкуру, большеокая тем самым разделила (с супругом) его обет. Придя к Вратам Ганги, достойнейший, великий святой мудрец предался там вместе с достойной супругой суровейшему подвижничеству. С любовью» и величайшей почтительностью прислуживала (Лопамудра) своему супругу; в то же время и владыка Агастья проникся к жене сильной любовью.

Так прошло много времени, и вот однажды, о владыка народа, взор почтенного святого мудреца упал на Лопамудру, когда она, сияющая величием тапаса, только что закончила омовение. Плененный ее чистотою, покорностью, самообладанием, ее величественной красотой, призвал ее Агастья совокупиться с ним. Тогда стыдливая красавица, сложив почтительно ладони, голосом, выдающим (обуревавшее ее) желание, сказала почтенному (Агастье): «Конечно, (муж) для того и берет (в дом) супругу, чтобы (породить от нее) потомство. Но благоволи, святой мудрец, выказать (мне) столько же любви, сколько и я к тебе питаю. Изволь соединиться со мной на точно таком же ложе, какое было у меня в родительском дворце, о брахман! Хочу, соединяясь с тобой в любви, иметь на себе дивные украшения, а ты чтобы был в венке и украсился драгоценностями».

Агастья сказал:
Лопамудра, красавица тонкостанная, но ведь нет у меня таких богатств, как у твоего родителя!

Лопамудра сказала:
Могуществом своего тапаса ты властен, о повелитель, за один миг собрать сюда все богатства, какие есть только в мире живых.

Агастья сказал:
Верно то, что ты говоришь, но этим я подорву свой тапас. Повелевай мною, но так, чтобы при этом мне не лишиться тапаса.

Лопамудра сказала:
Благоприятного для зачатия времени у меня осталось уже-мало; в другое же время, о владеющий сокровищем тапаса, не желала бы я соединиться с тобою. Но не хочу я также и повредить твоему благочестию, о владеющий сокровищем тапаса; постарайся же иным способом исполнить мое желание!

Агастья сказал:
Дева счастливой судьбы, если желание твое твердо, то я отправлюсь в путь; ты же, благая, вольна оставаться (дома).
*Такова в книге «Лесная» великой «Махабхараты» девяносто пятая глава.*

ГЛАВА 96

Ломаша сказал:
И пошел Агастья просить богатств в подаяние у хранителя земли Шрутарвана, о кауравья, о котором знал, что он богаче других царей. Прослышав, что направляется к нему из сосуда рожденный (мудрец), царь,

сопровождаемый советниками, встретил его с пышными почестями на границе своих владений. Поднеся ему, по обычаю, аргхью, сложив ладони, смиренно вопросил его владыка земли о цели посещения.

Агастья сказал:
Знай же, владыка земли, я пришел за богатством! Дай мне такую долю, какую сможешь (выделить) без ущерба для других.

Ломаша сказал:
Тогда поведал ему царь, каковы его доходы и расходы: («Зная это), возьми себе, мудрец, столько богатства, сколько сочтешь нужным!» Но равно ко всем беспристрастный дваждырожденный заметил, что доходы царя равны расходам, и понял, что, сколько бы он ни взял, это причинит ущерб живым существам. Тогда, взяв с собой Шрутарвана, направился он к (царю) Вадхрьяшве; тот, как велит обычай, встретил их на транице своих владений, поднес им аргхью и воду для ног, а затем с их позволения вопросил о цели прибытия.

Агастья сказал:
Знай же, владыка земли, что мы прибыли сюда ради богатства! Дай же нам долю, какую сможешь (выделить) без ущерба для других.

Ломаша сказал:
Тогда полностью открыл перед ними царь, каковы его доходы и расходы: «Теперь, зная это, возьмите все, что окажется в излишке!» Но тут равно ко всем беспристрастный брахман увидел, что равны доходы и расходы (царя), и понял, что, сколько бы он ни взял, от того будет беда живым существам. Тогда направились вместе Агастья, Шрутарван и Вадхрьяшва к обладателю богатейшей казны Трасадасью, сыну Пурукутсы.
Трасадасью, чтобы оказать им достойный прием, согласно обычаю, прибыл на слоне к границе своих владений.
Воздав им все предписанные почести и дав отдохнуть с дороги, спросил достойнейший царь, потомок Икшваку, о цели их прибытия.

Агастья сказал:
Знай, о владыка земли, мы прибыли сюда ради богатства! Дай же нам долю, какую сможешь выделить без ущерба для других.

Ломаша сказал:
Тогда полностью раскрыл перед ними царь доходы свои и расходы: «Теперь, зная это, забирайте все, что окажется в излишке!» Но тут равно ко всем беспристрастный брахман увидал, что равны расходы и доходы (царя), и понял, что сколько они ни возьми, будет от того беда живым существам. И тогда, о великий царь, все те цари, переглянувшись, сказали великому подвижнику: «Есть на свете, о брахман, один очень богатый данава по имени Илвала; пойдемте же тотчас все вместе к нему и попросим у него богатства!» Пришлась по душе им мысль просить подаяния у Илвалы, и они дружно направились к нему, о царь!
*Такова в книге «Лесная» великой «Махабхараты» девяносто шестая глава.*

ГЛАВА 97

Ломаша сказал:
Проведав, что те цари в обществе великого святого мудреца направляются к нему, Илвала, сопровождаемый советниками, оказал им почетный прием на границе своих владений. Тот превосходнейший асура выказал им гостеприимство и (поднес), о кауравья, изысканное яство из брата своего Ватапи. Тут все царственные мудрецы, увидев великого асуру Ватапи обращенным в барана и приготовленным к употреблению в пищу, опечалились так, что едва воспринимали окружающее. Но достойнейший святой мудрец Агастья тем царственным мудрецам сказал: «Не извольте печалиться, я сам съем великого асуру!»

Подошел великий подвижник к почетному месту, воссел на него, а Илвала, Индра дайтьев, усмехаясь, стал подклады-вать еду ему на блюдо. И съел Агастья целиком всего Ватапи. По окончании трапезы стал асура Илвала призывать (брата). Но из великого духом Агастьи вышел наружу только ветер. Опечалился Илвала, догадавшись, что великий асура (Агастьей) переварен. Тогда он вместе с советниками сложил почтительно ладони и молвил: «Что привело вас сюда? Скажите, что могу я сделать для вас?».

На это Агастья, улыбаясь, ответил Илвале: «Всем нам известно, о асура, как ты могуч и какими сокровищами владеешь. Эти (люди) не слишком богаты — мне же нужно богатство немалое. Так дай нам долю, какую сможешь выделить без ущерба для других!» Тут, преклонившись пред святым мудрецом, сказал ему Илвала: «Если угадаешь, что я хочу дать, то дам тебе богатство».

Агастья сказал:
Каждому из этих царей, великий асура, ты собираешься дать десять тысяч коров и столько же золотых. А мне, великий асура, хочешь ты дать вдвое больше, да еще колесницу из чистого золота с парой быстрых, как мысль, скакунов. Полюбопытствуй, и ты убедишься, что колесница та и впрямь золотая

Ломаша сказал:
Поглядел (асура) — колесница и верно из чистого золота, о Каунтея! Скрепя сердце отдал дайтья (Агастье) несметное богатство261. А запряженные в ту колесницу кони Виваджа и Суваджа быстро, в мгновение ока доставили в обитель Агастьи его самого, царей и все сокровища, о бхарата! Затем, испросив дозволение у Агастьи, царственные мудрецы удалились. Так подвижник в точности исполнил желание Лопамудры.

Лопамудра сказала:
Владыка, ты исполнил все, чего я желала! Теперь не медли, зачни во мне наидоблестнейшего сына!

Агастья сказал:
Сколь любы мне все поступки твои, благая красавица! Но выслушай, скажу тебе, чего я не могу решить относительно твоего потомства. Будет ли у тебя тысяча сыновей или сто, но чтоб каждый был за десятерых, или десять, но чтоб каждый стоил сотни, или же пусть будет один, но чтоб стоил всей тысячи?

Лопамудра сказала:
Пусть у меня, о владеющий сокровищем тапаса, будет один только сын, но стоящий тысячи. Ведь один мудрый и праведный лучше многих неправедных!

Ломаша сказал:
«Так оно и будет!» — отвечал подвижник и в благоприятное (для зачатия) время соединился с ней, равной ему благонравием, столь же, как он, ревностной в вере. Когда же она понесла плод, Агастья удалился в леса. После его ухода этот плод возрастал семь осеней. По истечении седьмого года явился на свет как бы озаренный пламенем величия, многославный великий певец по имени Дридхасью, (уже при рождении) твердивший на память Веды с Упанишадами и Ангами, о бхарата! Сын святого мудреца, он и сам стал великим мудрецом, вместилищем духовного пыла. С малых лет проявлял он немалую силу, а за то, что носил отцу в обитель вязанки дров (для жертвенного огня), прозван был Идхмавахой. Святой (Агастья) ликовал, видя сына столь одаренным, предки же его, о царь, обрели желанные им небесные миры.

Славится (в мире) обитель Агастьи, богатая цветами всех времен года! (Не кто иной, как) Агастья, умертвил Ватапи, потомка Прахлады, — и вот его обитель, чарующая (взор), исполненная всяческих достоинств! А вот — святая Бхагиратхи; погрузись в ее (воды), о царь, как тебе того хотелось!
*Такова в книге «Лесная» великой «Махабхараты» девяносто седьмая глава.*

ГЛАВА 98

Юдхиштхира сказал:
Я хочу, достойнейший из дваждырожденных, слышать более подробно и полно о деяниях мудрого Агастьи, великого, святого мудреца!

Ломаша сказал:
Слушай, о великий царь, необычайное, дивное, божественное сказание о безмерно великом духом Агастье и о чудесном его могуществе. Жили в Критаюге племена грозных, свирепых, неистовых в битве данавов, прозывавшихся калеями. Приспешествуя Вритре, потрясая всевозможным оружием, повсюду преследовали они возглавляемых Махендрой богов — И Наконец решились Тридесять (богов) действовать, дабы уничтожить Вритру. Во главе с Сокрушителем городов предстали они перед Брахмой. Им, как один сложившим в приветствии ладони, молвил Всевышний: «О боги, известно мне все о задуманном вами деле. Укажу вам средство, коим вы погубите Вритру.

Есть на земле обладатель высокого знания, святой мудрец, прозываемый Дадхича. Ступайте все вместе к нему и просите у него дара. До глубины души польщенный, благочестивый (муж) предоставит вам (выбор). Вы же, стремясь к победе, должны ему дружно сказать: «Отдай нам свои кости ради блага трех миров!» И, отринув тело, он предоставит вам свои кости. Да будет из тех костей изготовлена крепкая, грозная, острая, шестигранная, издающая устрашающий грохот ваджра, способная сразить могучего врага. И этой ваджрой Совершитель ста жертв умертвит Вритру. Теперь я все вам поведал; исполняйте же без промедления!» Выслушав это, боги испросили у Прародителя разрешение (удалиться) и пошли, возглавляемые Нараяной, на другой берег Сарасвати, в обитель Дадхичи, скрытую всевозможными деревьями и лианами, оглашаемую жужжанием пчел, словно распевающих саманы, а также пением

дживандживак, сливающимся с криками самцов черных кукушек, где, не зная страха перед тигром, разгуливают повсюду буйволы, вепри, олени сримала и яки, где слоны с лопнувшей кожей на висках, погрузившись в поток и резвясь со слонихами, оглашают окрестности трубным криком, где порождает эхо громовое рычание львов, тигров и прочих зверей, затаившихся в своих пещерах и гротах; пришли (боги) в умиляющую сердца, всюду, откуда ни войди, изукрашенную, подобную самому небу Индры обитель Дадхичи.

Там они увидели Дадхичу, блеском равного Творцу дня, сиявшего красотой облика, словно сам Прародитель — величием. Склонившись перед ним, о царь, почтительно припав к его стопам, просили боги дара, как то им велено было Всевышним.

А Дадхича, безмерно счастливый, так сказал высочайшим из богов: «Свершу сейчас, о боги, то, что вам на благо. По своей воле отрину собственное тело!» С этими словами превосходнейший из людей, властный над собой, тотчас же расстался с жизнью; а боги, как было им велено, взяли тогда у него, умершего, кости. Всем видом являя радость, пришли они к Тваштри и рассказали ему, что им нужно для победы. Вняв их речам, и Тваштри не утаил ликования; с великим трудом и тщанием изготовил он крепкую, грозную видом ваджру, а закончив работу, радостно молвил Шакре: «Этой наипревосходнейшей ваджрой, о бог, испепели ныне грозного врага небожителей; а когда сражен будет недруг, ты, обитатель неба, (окруженный) сонмами (божеств), правь счастливо всеми небесами!» Выслушав Тваштри, ликующий Разрушитель городов бережно принял ваджру (из его рук).
*Такова в книге «Лесная» великой «Махабхараты» девяносто восьмая глава.*

ГЛАВА 99

Ломаша сказал:
И вот Владетель ваджры, поддерживаемый могучими божествами, настиг наконец Вритру, застившего собой небо и землю. Со всех сторон стерегли (Вритру) великаны-калакеи; когда они взмахивали оружием, казалось: то горы вздымают свои пики. В тот же миг закипела у богов с данавами великая, повергшая в трепет мир битва, о достойнейший бхарата! Оглушительно звенели мечи, заносимые, скрещиваемые и обрушиваемые на тела (врагов) руками воителей. Видно было, о царь, как падали из поднебесья на землю (отсеченные ) головы, словно сорвавшиеся с черенков плоды (дерева) тала. Вооруженные палицами с железными шипами калеи, (сверкая) золотыми доспехами, надвигались на богов, словно охваченные пламенем лесного пожара горы. Не в силах вынести дружного натиска стремительно наступавших (данавов), дрогнули Тридесять (богов) и, охваченные страхом, бежали.

Тысячеокий Разрушитель городов, видя, что они бегут в страхе, а Вритра торжествует, впал в глубокое уныние. Тогда вечный Вишну, заметив, что Шакра пал духом, наделил его своим ратным пылом и тем прибавил ему силы. Видя, как Вишну поддерживает Шакру, все боги, а также безгрешные брахманы-мудрецы один за другим поместили в него свой духовный пыл. Получив помощь от Вишну, божеств и причастных великой доле святых мудрецов, сделался Шакра (необычайно) силен.

Проведав о том, как усилился Владыка Тридесяти (богов), разразился Вритра страшными воплями. Задрожали от его рева стороны света, небосвод, поднебесье, земля и горы. Услыхав этот громкий, устрашающий рев, крайне встревожился Махендра; объятый ужасом, торопливо метнул он великую ваджру, дабы убить того (данаву), о царь! Украшенный золотом и венками, рухнул великий асура, поражен ваджрою Шакры, как (рухнула) встарь превосходнейшая из гор, великая Мандара, брошенная рукою Вишну.

Когда пал величайший из дайтьев, Шакра, гонимый страхом, бежал, чтоб укрыться в озере; не мог он от страха поверить, что ваджра вылетела из его_ руки и что Вритра сражен (ею). Боги же с великими мудрецами, веселясь и ликуя, вознося хвалы Индре, соединились и принялись спешно истреблять потрясенных гибелью Вритры дайтьев. Тогда, избиваемые Тридесятью (богами), терзаемые страхом, ушли (данавы) в океан и погрузились в неизмеримые его глубины, кишащие исполинскими рыбами, полные сокровищ. Стали они там держать сообща совет, гадая, как бы погубить вселенную; и каждый из них, имеющий определенное мнение, предлагал то или иное средство.

По истечении некоторого времени пришли они, размышляя, к ужасному решению: «Надо прежде всего погубить тех, кто обладает мудростью и тапасом. Ведь все миры поддерживают
ся тапасом — опешите же искоренить тапас! Поскорей уничтожьте всех подвижников, мудрецов и знатоков дхармы, какие только есть на земле; с их же гибелью придет конец и миру!»

Так, впавшие в безумие, не могли они нарадоваться (предстоящей) гибели мира, укрываясь в неприступном, (кипящем) исполинскими валами, таящем сокровища (океане)—обители Варуны.

*Такова в книге «Лесная» великой «Махабхараты» девяносто девятая глава.*

ГЛАВА 100

Ломаша сказал:
Укрывшись в океане, вместилище вод, владении Варуны, калеи приступили к уничтожению тройственной вселенной. Каждую ночь, разъяренные, пожирали они подвижников, обитавших в (отшельнических) пустынях и славных святилищах. В обители Васиштхи было ими, злодеями, съедено сто восемьдесят восемь брахманов и девять других подвижников. А придя в населенную дваждырожденными святую обитель Чьяваны, они пожрали там сотню подвижников, питавшихся плодами и кореньями. Все это творили они ночью, днем же погружались в море. И в обители Бхарадваджи погубили они двадцать самообузданных послушников, питавшихся лишь водой и ветром. Так каждую ночь, опьяненные уверенностью в силе своих рук, нападали на все те обители данавы калеи, детища Калы, истребляя великое множество брахманов.

А люди, о достойнейший из потомков Ману, никак не могли обнаружить тех дайтьев, столь вредивших обладающим тапасом подвижникам. По утрам находили они распростертыми на земле безжизненные тела истощенных постом подвижников. Земля была сплошь усеяна безмясыми, обескровленными, без костного мозга и кишок, растерзанными останками, словно грудами раковин. Она покрыта была расколотыми (священными) сосудами, сломанными ковшами и (углями) раскиданных жертвенных костров. Угнетаемый страхом перед калеями, весь мир был повержен в уныние: никто не твердил более Вед, не восклицал «Вашат!», нарушился порядок празднеств и жертвоприношений.

Истребляемые таким образом потомки Ману, о владыка людей, надеясь спасти свою жизнь от (грозившей) опасности, в страхе разбежались в разные стороны. Одни укрывались в пещерах, другие прятались за водопадами, а третьи, томясь (ожиданием) смерти, умирали сами от страха. Находились среди них и храбрецы, исполненные гордости славные лучники, которые прилагали величайшие усилия для того, чтобы выследить данавов. Но не могли они найти их, укрывавшихся в океане, а только сами, выбившись из последних сил, гибли (от усталости).
Когда воцарилась над миром тишина, прекратились в нем празднества и жертвоприношения, Тридесять (богов) великую муку изведали, о владыка потомков Ману! Собрались они вместе с Махендрой и, в страхе, держали совет, (на котором) все вверили себя неодолимому Вайкунтхе — Нараяне.

И вот обратились тогда все боги к Губителю Мадху: «Ты — наш творец, предводитель, наш защитник, о владыка вселенной! Тобою сотворено здесь все, что движется и что неподвижно. Это ты, о лотосоокий, в незапамятные времена, приняв образ вепря, погибшую (было) землю для блага вселенной извлек из океана! Это ты, обернувшись человеколшом, уничтожил многодоблестного Изначального дайтью — Хираньякашипу, о Высочайший пуруша! Для всех существ неуязвим был великий асура Бали, но ты, приняв образ карлика, отнял у него тройственный мир! Великий лучник, жестокий асура, чинивший помехи жертвоприношениям, знаменит был под именем Джамбха; и он также сражен был тобою! И таковы же другие деяния твои, коим несть числа! Устрашенные опасностью, в тебе лишь (видим) мы опасение, о Губитель Мадху! Потому-то, о Бог, Владыка богов, мы и уведомляем тебя о делах, (творящихся) в мире. Охрани же людей, богов и Шакру от великой беды!»
*Такова в книге «Лесная» великой «Махабхараты» сотая глава.*

ГЛАВА 101

Боги сказали:
Даяниями из этого мира живут земные существа четырех родов; живущие (нашей) поддержкой, они и сами хавьей и кавьей поддерживают существование небожителей. Таким образом жители (разных) миров - существуют, поддерживая друг друга, по милости твоей, они не ведают страха: ведь ты даруешь им свою защиту! Но вот постигла все миры великая беда: кто-то, неведомый нам, по ночам умерщвляет брахманов. Но коль изничтожатся брахманы, то всей земле придет гибель, а с гибелью земли придет конец и небу. Твоею милостью, о мощнодланный владыка вселенной, да не погибнут все миры, вверенные твоей защите!

Вишну сказал:
Доподлинно известна мне, о боги, причина гибели живых существ. Сейчас я и вам ее открою: внемлите же, отринув страхи! Калеи — так прозывается крайне свирепое племя, которое под началом Вритры всему свету учинило притеснение. Когда же увидели они, как Вритра был сражен премудрым Тысячеоким (богом), тогда, спасая жизнь, проникли в обитель Варуны. Погрузившись в грозную пучину, кишащую акулами и крокодилами, по ночам истребляют они на земле подвижников, дабы тем погубить миры. Пока есть у них убежище в океане, уничтожить их вы не в силах. Обратите же лучше ваши помыслы на то, как бы уничтожить океан! А кто же еще способен осушить океан, помимо Агастьи!

Вняв тому, что изрек им Вишну, и испросив у Всевышнего благословение, пошли боги к обители Агастьи. Там увидели они осиянного пламенным величием, великого духом сына Варуны, которого (другие) святые мудрецы окружали почетом, словно божества — Прародителя. Приблизившись к неколебимому, великому духом сыну Мнтры-Варуны, сему пребывающему в своей обители средоточию пыла подвижничества, воздали они ему хвалу (перечислением) его прошлых деяний.

Боги сказали:
Некогда явился ты прибежищем для обитателей миров, угнетенных Нахушей, и был тот терний вселенной лишен, на благо миру, владычества над богами. Прогневавшись на Бхаскару, стал быстро расти Виндхья, краса гор, но, боясь преступить слово твое, тот хребет более уже не возрастает. Когда мир был объят тьмою, принялась смерть терзать людей; но, обретя в тебе опору, пришли они к конечному освобождению. Всякий раз, когда нам угрожает опасность, ты даешь нам защиту; потому и (теперь) мы, страдая, молим тебя о даре, ибо ты — (щедрый) податель даров!
*Такова в книге «Лесная» великой «Махабхараты» сто первая глава.*

ГЛАВА 102

Юдхиштхира сказал:
Для чего вдруг стал расти Виндхья, потеряв рассудок от гнева? Вот о чем я желал бы услышать подробней, о великий подвижник!

Ломаша сказал:
При восходе своем и при закате совершало Солнце круг прадакшины вокруг Царя гор, великой золотой горы Меру. Увидев это, Виндхья сказал Солнцу: «Как всякий раз обходишь ты, почтенный, вокруг Меру, так совершай теперь и для меня прадакшину, о Бхаскара!» А Сурья ответил на это Индре гор: «Не по своей воле, о гора, творю я эту прадакшину. Указан мне этот путь тем, кто создал сей мир!» Услыхав это и разгневавшись, начал внезапно расти Виндхья, желая преградить собою путь Солнца и Луны, о губитель недругов!

Тогда все боги вместе с Индрой, явившись к Царю гор, всеми средствами старались удержать его; однако он их не слушался. Пошли все они к пребывавшему в (своей) обители, наделенному пылом подвижничества, озарявшемуся сверхчудесным могуществом, предостойнейшему из блюстителей дхармы святому Агастье и поведали ему о сути (случившегося).

Боги сказали:
Царь гор Виндхья, одержимый гневом, преградил путь Солнцу, Луне и созвездиям. Кроме тебя, превосходнейший из дваждырожденных, никто не в силах воспрепятствовать ему; так заставь же его отступить, о причастный великой доле!

Ломаша сказал:
Услыхав от богов эти слова, отправился брахман к горе. Придя (туда), он предстал перед Виндхьей вместе со своею супругой и сказал ему: «О превосходнейший из пиков! Хочу, чтобы ты дал мне дорогу, почтенный, ибо по одному делу я направляюсь в южный «рай. Ты жди меня, пока я не вернусь, а уж по возвращении моем, о Индра гор, расти еще, сколько пожелаешь!» Заключив с Виндхьей такой договор, о губитель недругов, сын Варуны и поныне еще не вернулся из Страны Юга!

Повинуясь твоей просьбе; я рассказал тебе все о том, как благодаря чудесному могуществу Агастьи перестал расти Вин-дхья. Теперь слушай, о царь, я расскажу тебе, как боги, получив от Агастьи дар, истребили калеев.

Услышав речь Тридесяти (богов), сказал сын Митры-Варуны: «Зачем прибыли вы ко мне, какого ждете от меня дара?»

И на эти слова боги подвижнику отвечали:
«Хотим, о святой мудрец, чтобы ты такое исполнил: выпей великий океан, о сильный духом! И тогда истребим мы тех врагов небожителей, что зовутся калеями, со всеми их приспешниками!»

Услыхав слова Тридесяти (богов), «Да будет так! — отвечал подвижник. — Исполню то, чего вы желаете, что (послужит) великому благу миров!» И с этими словами исполнитель дивных обетов, сопровождаемый богами и святыми мудрецами, достигшими совершенства в подвижничестве, направился к владыке рек — океану. Люди, змеи, гандхарвы, якши и ким-пуруши, желая быть свидетелями чуда, следовали по пятам за великим духом (Агастьей). Вместе пришли они к посещаемому стаями разных птиц, кишащему акулами

всевозможных видов океану, который грозно ревел и, (выбегая на берег), спотыкался в расселинах скал; казалось, волны его пустились в пляс, вскачь носился ветер, хохотали потоки пены. Боги, гандхарвы, великие змеи и причастные высокой доле святые мудрецы достигли вместе с Агастьей великого океана.
*Такова в книге «Лесная» великой «Махабхараты» сто вторая глава.*

ГЛАВА 103

Ломаша сказал:
Придя к океану, святой мудрец, великий сын Варуны, так обратился ко всем собравшимся там богам и святым мудрецам: «Сейчас, ради блага мира, я выпью обитель Варуны. То же, что вам предстоит сделать, пусть будет исполнено быстро!» Промолвив эти слова, неколебимый сын Митры-Варуны, исполненный гнева, перед взором всего мира стал поглощать океан. Глядя на то, как он испивает океан, все боги вместе с Васавой пришли в несказанный восторг и почтили его хвалами:

«Ты — наш спаситель, творец миров, устроитель вселенной;по милости твоей да не придет к погибели сей мир с бессмертными (богами)!»
А великий духом (мудрец), пока Тридесять (богов) его чествовали и повсюду звучали трубы гандхарвов, осыпаемый небесными цветами, осушил великий океан. Увидев, что лишился вод своих великий океан, объединились ликующие боги, вооружились отборным небесным оружием и принялись, не ведая тревоги, уничтожать данавов. А те, избиваемые великими духом, могучими, стремительными, издающими (победные) крики Тридесятью (богами), не смогли сдержать натиска стремительных, великих духом небожителей.

Лишь на какой-то миг, о бхарата, разимые Тридесятью (богами), грозно ревущие данавы вступили с ними в многошумную битву. Но сначала подвижники, познавшие Атман, испепелили их (жаром) тапаса, а затем, сопротивлявшиеся из последних сил, были они истреблены Тридесятью (богами). Убранные золотыми украшениями, носящие браслеты и серьги, они и сраженные были прекрасны, как цветущие деревья киншука. Но некоторые уцелевшие при избиении калеи, о достойнейший из потомков Ману, разодрав (тело) богини Земли, спаслись бегством на дно Паталы.

Увидев, что сражены данавы, Тридесять (богов) восхвалили во всевозможных выражениях быка-подвижника и так ему сказали: «По милости твоей, о причастный великой доле, обрели миры высочайшее благо; сражены твоим духовным пылом свирепо-отважные калеи! Теперь, о мощнодланный, зиждитель мира, наполни океан, излей в него обратно ту воду, что ты выпил!» На эти слова отвечал великий бык-подвижник: «Но та вода уже переварена мною; коль желаете предпринять нечто, для того чтоб заполнить океан, надо вам приискать другое средство!»

Услышав эти слова познавшего Атман святого мудреца, поражены и удручены были небожители. Распрощавшись друг с другом и поклонившись быку-подвижнику, о великий царь, разошлись все живые существа, каждое своим путем. Тридесять (богов) вместе с Вишну, обсуждая всяческие планы, как заполнить (водами) море, явились к Прародителю; сложив почтительно руки, повели они речь о заполнении океана.
*Такова в книге «Лесная» великой «Махабхараты» сто третья глава.*

ГЛАВА 104

Ломаша сказал:
Сказал им, собравшимся, Брахма, Праотец человечества: «Ступайте, премудрые боги, куда вам угодно, куда вас (влекут) желания. Много должно пройти времени, прежде чем океан придет в обычное свое состояние, причиной чему послужат родичи великого царя Бхагиратхи».

Юдхиштхира сказал:
Какова ж тому причина, о брахман, и как (причастны) к этому (родичи) Бхагиратхи? Как усердием Бхагиратхи заполнен был океан? Эту превосходную повесть о деяниях "царей хотел бы я услышать из уст твоих более подробно, о обладающий сокровищем тапаса брахман!

Вайшампаяна сказал:
В ответ на эти слова великого духом Царя справедливости поведал ему Индра брахманов повесть-величание великого духом Сагары.

Ломаша сказал:
Рожденный в роде Икшваку, владыка земли по имени Са-гара был наделен силой, добродетелью и красотой, могуществен — и бездетен. Истребив хайхаев с таладжангхами и приведя в докорность всех прочих царей, (мирно) правил он царством своим, о бхарата! Было у него, о бык-бхарата, две жены, гордые своей юностью и

красотой: дочь (царя) Ви-дарбхи и дочь (царя) Шиби, о достойнейший бхарата! Желая иметь потомство, тот владыка людей вместе с женами поселился на горе Кайласе, о Индра царей, и предался суровейшему подвижничеству. Совершая неслыханный аскетический подвиг, погруженный в йогическое созерцание, он сподобился увидеть великого духом Треокого (бога), Сокрушителя Трипуры, Шанкару, Бхаву, Ишану, Владетеля Пинаки, Держащего в длани копье, грозного властелина, зримого во множестве обликов, — Трьямбаку, Шиву, супруга Умы. Завидев того дарителя (благ), мощнодланный царь вместе с женами преклонился перед ним и молил о (ниспослании) потомства.

Тому достойнейшему из людей с женами его сказал умилостливленный Хара: «Сообразно (особенностям) часа, в который ты выбирал дар, о царь, от одной из жен твоих, о достойнейший из людей, родится шестьдесят тысяч сыновей, отважных, гордых ратным умением, но всем им предстоит погибнуть, о владыка земли! А от второй (жены) родится лишь один отважный (сын), продолжатель рода». С этими словами Рудра тут же исчез. А царь Сагара, о сын мой, безмерно счастливый, вместе с женами вернулся к себе во дворец. И вот, достойнейший из потомков Ману, лотосоокие его супруги, дочь Видарбхи и дочь Шиби, обе понесли плод. Затем, в положенный срок, дочь Видарбхи произвела плод в форме тыквы; дочь же Шиби родила сына, богоподобного царевича. Тогда решил владыка земли выбросить тыкву; но долетели до него из поднебесья слова, сказанные глубоким, (низким) голосом:

«О царь, не поступи опрометчиво: тебе не следует бросать своих сыновей! Извлеченные из тыквы семена, разделив, нужно тщательно хранить в стоящих над паром, наполненных маслом сосудах277; и тогда, о владыка земли, обретешь ты шестьдесят тысяч сыновей! Ведь рождение сыновей таким путем тебе назначил сам Махадева; и да не придет тебе мысли, о владыка людей, действовать по-иному!»
*Такова в книге «Лесная» великой «Махабхараты» сто четвертая глава.*

ГЛАВА 105

Ломаша сказал:
Услыхав эти слова из поднебесья, царь (Сагара) исполнился веры и проделал все так, как было сказано, о достойнейший из царей, бык-бхарата! И по милости Рудры, о владыка земли, родились у того царственного мудреца шестьдесят тысяч сыновей, непревзойденных пламенностью духа! То были грозные вершители жестоких дел, обладавшие способностью странствовать в поднебесье; будучи столь многочисленны, они презирали всех обитателей миров заодно с бессмертными (богами). Отважные, привычные к битвам, они притесняли даже Тридесять (богов), а также гандхарвов, ракшасов и все прочие существа.

И вот, истребляемые скудоумными сыновьями Сагары, пошли люди вместе со всеми богами искать защиты у Брахмы. Сказал им причастный великой доле Прародитель всего человечества: «Ступайте, Тридесять (богов), вместе с людьми своей дорогой. В недалеком времени сыновей Сагары постигнет по делам их небывалая, ужасная гибель, о боги!» Услыхав такие слова, о владыка потомков Ману, испросили боги и люди благословение у Прародителя и пошли по своим (домам).

И вот через много дней могучий царь Сагара принял, о бык-бхарата, посвящение перед обрядом жертвоприношения коня. Конь странствовал по земле под надежной охраной его сыновей. Но, как тщательно они его ни стерегли, он, приблизившись к безводному, ужасающему взор океану, тут же, на месте, исчез. Тут, о сын мой, догадались дети Сагары, что превосходнейший конь похищен. Придя к отцу, рассказали они, как исчез нз виду и был похищен конь; он же велел им: «Ступайте ищите коня во всех направлениях!»

И вот по приказу отца стали искать они того коня во всех направлениях, о великий царь, по всему пространству земли. Затем сыновья Сагары снова сошлись все вместе, но никто из них не обнаружил ни коня, ни его похитителя. Пошли они тогда к отцу и, представши пред ним со сложенными почтительно руками, сказали: «Согласно твоему повелению, о царь, искали мы по всей земле с ее морями, лесами, островами, реками, потоками, пещерами, лесистыми горными склонами; но нигде не нашли мы, о царь, владыка земли, ни коня, ни его похитителя!»

Выслушав эту их речь, царь рассудок потерял от гнева и, повинуясь судьбе, сказал им такое слово: «Ступайте же снова искать коня, чтобы больше не возвращаться; без коня, предназначенного к жертве, сыновья мои, назад не приходите!» И вот снова, вняв его велению, принялись искать (того коня) по всей земле сыновья Сагары.

Наконец увидали герои, что земля (в одном месте) разрыта; придя к тому отверстию, сыновья Сагары принялись копать лопатами и мотыгами и разрыли все (дно) океана. И обитель Варуны, вскапываемая сразу всеми сыновьями Сагары, повсюду разрытая, пришла в бедственное состояние. Асуры, змеи, ракшасы и различные другие существа издавали страдальческие вопли, убиваемые сыновьями Сагары. Там можно было

видеть сотни и тысячи отсеченных голов, обезглавленных тел с раздробленными костями, черепами и коленями. Пока они так копали (дно) океана, обители Макаров, прошло уже много времени, а конь все не находился. Наконец, разрыв в северо-восточной части океана (дно) до самой Паталы, разгневанные сыновья Сагары увидели там коня, разгуливавшего по просторам земли, а также великого духом Капилу, непревзойденное вместилище духовной мощи, полыхавшего пылом подвижничества, как (полыхает) пламя своими языками.
*Такова в книге «Лесная» великой «Махабхараты» сто пятая глава.*

ГЛАВА 106

Ломаша сказал:
Когда они увидели коня, о царь, от волнения волоски на их телах встали дыбом, и в гневе, не удостоив вниманием великого духом Капилу, стремясь только поймать коня, поспешили они на зов Смерти. И тогда превосходнейший подвижник Капила, о великий царь, тот превосходнейший подвижник Капила, кого называют также Васудевой, пришел в ярость. Отверзши взор, излил он на них свой духовный пыл и, наделенный превеликим духовным пылом, испепелил им скудоумных сыновей Сагары. Видевши, как они обращены были в пепел, превеликий подвижник Нарада пришел к Сагаре и поведал ему о случившемся.

Услышав те страшные слова, слетевшие с уст подвижника, на некоторое время утратил царь все чувства; но вспомнил он о том, что сказал (ему некогда) Стхану, и, (дабы) самому себя утешить, стал думать только о коне. Призвал он тогда своего внука, Аншумана, сына Асаманджаса, и сказал ему, о тигр-бхарата, такое слово: «Те шестьдесят тысяч наделенных непомерной мощью сыновей моих встретили из-за меня свою гибель, соприкоснувшись с духовным пылом Капилы. Но и отец твой, юноша, отвергнут мною, ибо я стою на страже дхармы и желаю блага горожанам».

Юдхиштхира сказал:
Зачем же царь-тигр Сагара родного сына-героя, с каким тяжко расстаться, все же отверг, скажи мне, обладатель сокровища-тапаса!

Ломаша сказал:
Был у Сагары сын, прозванный Асаманджас, коего родила дочь Шиби; и он, хватая за пятки слабых, плачущих детей горожан, сбрасывал их в реку; тогда, удрученные страхом и скорбью, собрались вместе горожане и взмолились, представ перед Сагарой с почтительно сложенными руками: «Великий царь, ты избавляешь нас от страха перед соседними державами, благоволи же избавить нас также от лютого страха перед Асаманджасом!» Услышав те ужасные слова горожан, достойнейший из царей на некоторое время утратил способность к ощущениям и промолвил своим советникам: «Да будет сегодня же сын мой, Асаманджас, изгнан из города! И если (считаете) себя обязанными угождать мне, то пусть это будет исполнено без промедления!» Услышав это, о царь, владыка людей, советники быстро исполнили волю Индры людей, все, как было повелено. Вот й рассказано тебе все о том, как, заботясь о благе горожан, изгнал собственного сына великий духом Сагара. Теперь слушай, я изложу тебе все, что сказал тогда Сагара славному лучнику Аншуману.

Сагара сказал:
Разлукой с отцом твоим, гибелью сыновей, невозвращением коня весьма огорчен я, дитя мое! Потому, приведши коня, о внук, вознеси меня, истомленного горем, смятенного душой из-за помехи жертвоприношению, над Наракой!

Ломаша сказал:
Услышав, что сказал ему великий духом Сагара, Аншуман, побуждаемый горем, направился к тому месту, где разрыта была земля. Тем же самым ходом проник он в (недра) океана и увидел там великого духом Капилу вместе с конем. Увидав того превосходнейшего, древнего, святого мудреца, средоточие духовного пыла, склонил он пред ним голову до земли и поведал о своем деле. Преданный дхарме, щедро одаренный духовным пылом, Капила остался доволен Аншуманом и сказал ему: «Я есмь Податель даров!» — о бхарата! Первым — из-за (необходимости) его для жертвоприношения — выбрал (Аншуман) коня, вторым же (даром), желая, чтобы смогли очиститься его предки, взял воду.

Богатый духовным пылом бык^подвижник Капила сказал ему: «Дам я все, о чем просишь, — благо тебе, о безупречный! Ты утвержден в дхарме, истине и смирении; тобою Сагара достиг своей цели; отец твой имеет в тебе (превосходного) сына. Благодаря могуществу твоему сыновья Сагары отправятся на небо; внук твой, умилостивив Махадеву, низведет с третьего неба Текущую тремя путями (Гангу), дабы смогли очиститься сыновья Сагары! Благо тебе, о муж-бык, уводи жертвенного коня, и да будет завершено, сын мой, жертвоприношение великого духом Сагары!»

Услышав, что сказал ему великий духом Капила, Аншуман взял коня и пошел к месту жертвоприношения великого духом (Сагары). И, припав почтительно к стопам великого духом Сагары, после того как тот вдохнул запах головы его, он поведал ему обо всем, что видел и слышал относящегося к гибели сыновей Сагары, а также сообщил ему, что конь доставлен к месту жертвы. Царь Сагара, услышав это, перестал печалиться о (гибели) сыновей; воздав Аншуману почести, он завершил свое жертвоприношение. Когда окончился жертвенный обряд, царь Сагара, чтимый всеми богами, сделал океан, обитель Ва-руны, своим (приемным) сыном. Долгое время тот лотосоокий царь правил своим царством, а потом, возложив бремя (власти) на внука, сам ушел на небо.

Преданный дхарме Аншуман, о великий царь, правил, подобно деду своему, всей опоясанной океаном землею. У него родился сын, знаток дхармы по имени Дилипа; возведя его на царство, скончался Аншуман. А Дилипа, прослышав о страшной гибели своих предков, покоя не ведал от горя и все помышлял об их спасении. Для того чтобы низвести на землю Гангу, совершал царь величайшие усилия, но, хоть и изо всех сил старался, все же не заставил ее сойти с небес. У него был славный, всецело преданный дхарме, правдивый, не ведавший злобы сын, прозывавшийся Бхагиратха. Помазав его на царство, Дилипа удалился в леса; достигнув совершенства в подвижничестве, тот царь, когда пришел его срок, из леса направился прямо на небо, о бык-бхарата!
*Такова в книге «Лесная» великой «Махабхараты» сто шестая глава.*

ГЛАВА 107

Ломаша сказал:
Тот царь-миродержец, великий лучник, грозный колесничный боец, был отрадою для души и взора всей вселенной! Прослышал мощнодланный о том, что великий духом Капила предал его предков страшной смерти, и о том, что не достигли они неба. С печалью в сердце владыка людей вверил свое царство (попечению) советника и направился к подножию Химавана, дабы предаться там подвижничеству.

Он, выжегший все грешное в себе жаром подвижничества, стремившийся снискать благосклонность Ганга, увидел, о лучший из людей, превосходнейшую гору — Химаван, украшенный изобилующими ценной рудою пиками самых разнообразных форм, со всех сторон орошаемый покоящимися на ветру облаками. Прекрасны его склоны с их лесными чащами и многоводными реками; на нем обитают тигры и львы, таящиеся в ложбинах и пещерах, и птицы всевозможной окраски, поющие на разные голоса: бхрингараджи, гуси, датьюхи, джалакуккуты, «стоцветные» павлины, кукушки, дживаки, чадолюбивые, с темными уголками глаз чакоры.

В прекрасных его водоемах цветет множество лотосов, сладостными криками своими (весьма) украшают его цапли. На скальных его уступах располагаются киннары и апсары, а деревья на всех его склонах ободраны клыками слонов сторон света. К той изобилующей драгоценными камнями (горе) приходят видьядхары, там обитают преисполненные яда змеи с огненно-жгучими языками. В иных местах (та гора) подобится золоту, в других — серебру, а кое-где кажется черною глыбой сурьмы. (Итак), он пришел к Химавану.

И там достойнейший из людей предался суровому подвижничеству: тысячу лет питался он плодами, кореньями и водою. А по прошествии тысячи небесных лет, приняв телесный облик, явилась ему сама великая река, (богиня) Ганга.

Ганга сказала:
Чего ты хочешь от меня, великий царь? Что я должна тебе дать? Скажи мне о том, достойнейший из людей, и я исполню все по слову твоему!

Ломаша сказал:
На это царь отвечал тогда дочери Химавана: «О дарительница, великая река! Мои праотцы, разыскивая коня, ушли из-за Капилы в обитель Вайваоваты. Соприкоснувшись с духовным пылом Капилы, те шестьдесят тысяч великих духом сыновей Сагары в единый миг подверглись уничтожению. И не будет им, погибшим, дано места на небе до тех пор, пока ты не омоешь их тела своими водами. Так возведи же на небо предков моих, сынов Сагары, лишь ради них я взываю к тебе с мольбой, о причастная высшей доле, великая река!»

Услышав эти слова царя и весьма довольная (ими), Ганга, чтимая всем миром (река), сказала Бхагиратхе: «Не сомневайся, великий царь, исполню я все по слову твоему; но только напор мой, когда стану падать с небес, трудно будет сдержать. Во всех трех мирах, о царь, нет никого, кто мог бы сдержать его, кроме достойнейшего из премудрых (богов), Темношеего Махешвары. О мощнодланный, умилостивь

подвижничеством Хару, Подателя даров, и тогда этот бог меня, ниспадающую (с небес), поддержит своею головою. Исполнит он твое желание, дабы сделать благо твоим предкам!»

Услышав эти слова, великий царь Бхагиратха пошел к горе Кайласе и принялся ублаготворять Шанкару. И вот, когда пришел срок встречи с ним, достойнейший из людей, стремясь возвести предков своих на небо, получил от него в дар (обещание) сдержать Гангу (при ее падении с небес), о царь!
*Такова в книге «Лесная» великой «Махабхараты» сто седьмая глава.*

ГЛАВА 108

Ломаша сказал:
Услыхав слова Бхагиратхи, смысл которых был любезен небожителям, отвечал Бхагаван царю: «Пусть будет так! Ради тебя, мощнодланный, достойнейший из царей, я сдержу при падении с небес благостную, святую, чудесную реку богов!» И, оказав так, о мощнодланный, в окружении грозных спутников своих, потрясавших всевозможным оружием, подошел он к Химавану, остановился там и промолвил превосходнейшему из людей, Бхагиратхе: «Моли (теперь), о мощнодланный, реку, дочь Царя гор! Я сдержу сей лучший из потоков при падении его с небес!»

Услышав слова, изреченные Шарвой, исполненный почтительности и усердия царь обратил свои помыслы к Ганге. И та прекрасная, (несущая) святые воды (река), на которой мыслью сосредоточился царь, завидев стоявшего (внизу) Владыку, стремительно пала с небес. Видя, что она падает, сошлись туда боги с великими мудрецами, гандхарвы, змеи и ракшасы, желавшие (насладиться) зрелищем. И вот Ганга, дочь Химавана, изрытая огромными водоворотами, кишащая рыбами и крокодилами, низверглась с небес. А Хара, о царь, удержал Гангу, (бывшую) поясом небес, (но) легшую ему на лоб, подобно жемчужному венцу.

И потекла она тремя потоками, о царь, к океану; на волнах ее грудились, подобно стаям гусей, хлопья пены; кое-где кружа по кривой, кое-где спотыкаясь, словно хмельная красавица, брела она, облаченная в пенные одежды, поднимая порой оглушительный шум плеском своих волн. Так, принимая великое множество обличий, низвергнувшись с небес, достигла она земной поверхности и воззвала к Бхагиратхе:
«Укажи мне путь, коим (должна) я течь, о великий царь! Ведь ради твоей надобности сошла я на землю, о владыка земли!»

Услышав эти слова, направился царь Бхагиратха туда, где (покоились) тела великих духов сыновей Сагары, дабы святыми водами очистились они, о достойнейший из людей. А Хара, чтимый всем миром, сдержав (напор) Ганги, пошел с Три-десятью (богами) к прекраснейшей из гор — Кайласе. Царь, вместе с Гангой достигнув океана, быстро заполнил (водою) океан, обитель Варуны. И там владыка людей (по обряду) удочерил Гангу, предкам же своим во исполнение сердечного желания даровал воды (очищения).

Вот и рассказано тебе все о том, как текущая тремя путями Ганга низведена была на землю для того, чтобы заполнить океан; о том, по какой причине океан был выпит великим духом Агастьей, о владыка, и как предал Агастья смерти брахманоубийцу Ватапи,— (все), о чем, о великий царь, ты просил меня (рассказать).
*Такова в книге «Лесная» великой «Махабхараты» сто восьмая глава.*

ГЛАВА 109

Вайшампаяна сказал:
Оттуда, соблюдая очередность, направился Каунтея к рекам Нанда и Апарананда, уносящим страх перед (карой) за грехи, о бык-бхарата! Достигнув целительной горы Хемаку-та, увидел там царь превеликое множество диковинных вещей, неподвластных разумению. Тысячегласно шумят там тучи и каменные лавины; (оттого) тоска поражает сердца людей, и не в силах они взойти на ту (гору). Там неустанно веет ветер и бог проливает непрерывный дождь; и утром, и вечером, о владыка, (на той горе) виднеется жертвенный огонь. Поглядев на все это многообразие волшебных явлений, вновь обратился Пандава к Ломаше, расспрашивая его об этом чуде.

Ломаша сказал:
Сосредоточив сознание, слушай меня, о царь, губитель врагов: все передам тебе так, как то слышано нами прежде. Здесь, на горе Ришабхе, жил подвижник по имени Ришабха, наделенный пылом подвижничества и весьма гневливый; было же ему от роду много сотен лет. Разгневался он (однажды), что заговаривают с ним другие (люди), и сказал горе: «Кто здесь вымолвит (слово), бросай в того камни!» И, призвав ветер, сказал ему подвижник: «(Здесь) не (место) шуму!» (С тех пор) человека, заговорившего (здесь), прерывает (гром) облака. Вот, о царь, какие деяния в гневе свершил тот великий мудрец, какие наложил запреты.

Рассказывают, о царь, что в старину пришли (как-то) боги к Нанде; за ними же по пятам поспешали люди, созерцавшие богов. Боги во главе с Шакрой не желали, чтобы те их видели, и сделали эту местность недоступной, загражденной горами. С тех пор, о Каунтея, не только взобраться на нее, но даже увидеть той горы не могут люди! Кто не закален жаром подвижничества, тому не увидеть этой великой горы и не взойти на нее; потому, о Каунтея, блюди обет обуздания речи!

Здесь обычно все боги творят величайшие жертвы; это их следы и сейчас виднеются (здесь), о бхарата! Здесь устилает землю (трава) дурва; на вид же она — как куша; вот, о владыка народа, множество деревьев, подобных видом жертвенным столпам. Боги со святыми мудрецами обитают здесь и поныне, о бхарата! Это их жертвенный огонь виден в утренних и вечерних сумерках! Грехи искупавшихся здесь, о Каунтея, тотчас же уничтожаются, а потому, о достойнейший в роде Куру, ты вместе с младшими братьями соверши здесь омовение. А после того как омоешь тело в Нанде, ступай к реке Каутпшш, где Вишвамитра предавался суровейшему, превосходнейшему подвижничеству. Вайшампаяна сказал:
И, омывши там свое тело, царь со спутниками своими пошел к прекрасной, священной реке с благодатными водами — Каушики.
*Такова в книге «Лесная» великой «Махабхараты» сто девятая глава.*

ГЛАВА 110

Ломаша сказал:
Это река богов, святая Каушики, о бык-бхарата, а вот красуется восхитительная обитель Вишвамитры. Эта обитель, коей имя свято, принадлежала великому духом потомку Кашьяпы, у которого был сын — смиривший чувства подвижник Ришьяшринга. Силой своего подвижнического пыла заставил он Васаву пролить дождь; и из страха перед ним Губитесь Балы и Вритры послал дождь во время засухи. Был рожден от лани тот могущественный, наделенный духовным пылом внук Кашьяпы, который во владениях Ломапады сотворил великое чудо и за которого царь Ломапада по окончании жатвы выдал замуж дочь свою, Шанту, словно Савитар —свою Савитри.

Юдхиштхира сказал:
Как случилось, что Ришьяшринга, внук Кашьяпы, рожден был от лани? Почему, родившись от запретного союза, он все же наделен был тапасом? И чего ради Шакра, Губитель Балы и Вритры, из страха перед этим мудрым юношей пролил дождь, когда стояла засуха? И какова была собой та царская дочь, верная обетам Шанта, которая покорила сердце этого полузверя? И коль скоро Ломапада, сей царственный мудрец, слывет (мужем) благочестивым, то почему же в его владениях не проливал дождя Пакашасана? Об этом, о владыка, изволь поведать мне пространно и по истине, (ибо) я жажду услышать о содеянном Ришьяшрингой 290.

Ломаша сказал:
Слушай о том, как у благого брахмана-мудреца, чья мужская сила всегда была плодоносна, у Вибхандаки, через подвижничество обретшего знание Атмана, озаренного величием, подобно самому Праджапати, родился в Махахраде могущественный, наделенный духовным пылом сын — юный, но чтимый даже старцами Ришьяшринга.

Придя к Махахраде, потомок Кашьяпы предался там подвижничеству; на протяжении длительного времени изнурял себя этот святой мудрец, чтимый (даже) мудрецами-богами. И у него, свершавшего омовение, изверглось семя, когда он увидел (в воде) апсару Урваши. Затем, о царь, мучимая жаждой лань выпила (то семя) вместе с водой, а поскольку веления (свыше) непреложны и назначенное судьбой не минуется, то она понесла плод, о царь! И родился у той лани сын — великий святой мудрец. Возрастал Ришьяшринга в лесной (глуши), неустанно предаваясь подвижничеству. На голове у него, великого духом, был олений рог, о царь! Именно поэтому и стали его так называть: Ришьяшринга. Кроме отца своего, не видал он ни одного человеческого существа; а потому его разум, о царь, всегда был направлен на соблюдение послушнических обетов.

А в это самое время правил страною ангов друг Дашаратхи, славный Ломапада. Рассказывают, что (однажды) не исполнил он желания брахманов, и тогда брахманы покинули того владыку мира. Поскольку случилось так, что не осталось при том царе даже домашнего жреца, то перестал проливать дождь Тысячеокий, отчего тяжко страдал народ. Начал владыка земли расспрашивать мудрых, одаренных тапасом брахманов, умеющих вынудить Индру богов пролить дождь: «Как (сделать), чтобы пролил дождь Парджанья? Отыщите средство!» И побуждаемые им мудрецы стали высказывать (поочередно) свои соображения.

И один среди них, достойнейший подвижник, сказал царю: «Сердиты на тебя, о Индра царей, брахманы. Стремись искупить вину! Доставь сюда также, о владыка земли, сына подвижника — Ришьяшрингу, приверженного строгим нравам, не знающего женщин обитателя леса. Как только этот великий подвижник

придет в твои владения, о царь, тотчас же прольет дождь Парджанья, у меня в том нет сомнения!» Услышав его слова, о царь, (Ломапада) наложил на себя покаяние, ушел (из города) и вновь вернулся, (лишь) когда умилостивились брахманы; и, узнав о приходе царя, возрадовались (все) его подданные.

И вот созвал владыка ангов приближенных своих, искушенных советчиков; немало усилий приложили они, чтобы найти решение, как бы завлечь (в столицу) Ришьяшрингу. И неколебимый (царь) вместе со своими советниками, сведущими в науках, в совершенстве знающими науку о пользе, искушенными в государственных делах, нашел (наконец) к этому средство! Повелел владыка земли привести (к нему) главных из гетер. И вот сказал царь этим, искушенным во всяких делах гетерам: «Любым способом соблазнив, заставив расслабиться, приведите, о красавицы, в мои владения Ришьяшрингу, сына святого мудреца!» Но эти молодые женщины, трепетавшие перед царем и в то же время страшившиеся проклятия отшельника, побледнев и едва не лишаясь чувств, отвечали, что дело это невыполнимо.

И тут одна старая женщина так сказала царю: «Постараюсь я, о великий царь, привести (сюда) обладателя сокровища — тапаса. Ты же соизволь обеспечить меня всем, что для этого потребуется. Тогда смогу я соблазнить Ришьяшрингу, сына святого мудреца!» Наделил ее царь всем желаемым, щедро одарил богатством и всевозможными драгоценностями. И тогда, о владыка земли, взяв с собой нескольких женщин, отмеченных молодостью и красотой, она без промедления отправилась в лес.
*Такова в книге «Лесная» великой «Махабхараты» сто десятая глава.*

ГЛАВА 111

Ломаша сказал:
По приказу владыки людей и по собственному разумению, дабы дело царя могло увенчаться успехом, соорудила она плавучую (отшельническую) обитель, о бхарата! Ту плавучую обитель, которую она построила, окружали кусты и ползучие растения, приносящие сладкие плоды на любой вкус; украшали ее искусственные деревья с различными цветами и плодами; (была) она необычайно мила, красива, приятна взору, видом подобна чуду. И вот, причалив то судно к берегу неподалеку от обители сына Кашьяпы, выведала она через (своих) людей, (где расположено излюбленное) место отдохновения (младшего) подвижника. Затем, узнав, что сын Кашьяпы пребывает в отлучке, послала туда гетера, обязав исполнить все необходимое, дочь свою, (весьма) почитаемую за (присущую ей) хитрость. Пошла та искусная (дева) туда, где жил постоянный в подвижничестве (отшельник), и, достигнув обители, узрела (наконец) сына святого мудреца.

Гетера сказала:
Здоровы ли, о отшельник, (все здешние) подвижники? Обильны ли (здесь) у вас плоды и коренья? Блажен ли ты, о почтенный, в этой обители? Пришел я лишь для того, чтоб повидать тебя. Возрастает ли тапас у подвижников? Невредима ль духовная мощь твоего родителя? И доволен ли он тобою, о брахман? Занят ли ты изучением Вед, о Ришьяшринга?!

Ришьяшринга сказал:
Блаженный, ты сияешь красотою, как некое светило; полагаю, следует оказать тебе почести. В согласии с дхармой я дам тебе воду для ног, а также плодов и кореньев сколько нп пожелаешь. Усаживайся, как тебе удобней, на мягком сиденье из (травы) куша, покрытом шкурой черной лани. Но где же обитель твоя и каков тот обет, которому следуешь ты, о богоподобный брахман?

Гетера сказала:
Прекрасная моя обитель, о внук Кашьяпы, лежит на другом склоне этой, простертой на три йоджаны горы. Но наш закон не велит нам принимать почестей, а также и омывать ноги водою.

Ришьяшринга сказал:
Дам я тебе спелые плоды и (орехи с деревьев) бхаллатака, амалака, паруша, пустынных ингуда; насладись также вволю плодами прияла.
Ломаша сказал:
Она же, отвергнув все это, сама поднесла ему весьма дорогие яства; чудным вкусом и внешним видом весьма понравились они Ришьяшринге. Дала она ему благоуханные цветочные венки, нарядные, многоцветные одежды, превосходнейшие напитки, а сама принялась веселиться, играть и смеяться. Она резвилась перед ним с мячом, (качаясь), как раздвоенная цветущая лиана, касалась его тела своим, то и дело заключала Ришьяшрингу в объятия и, пригибая цветущие ветви деревьев ашока, сарджа и тилака, обрывала их. Притворно стыдливая, (а на деле) обуреваемая страстью, она пробуждала желание в сыне великого мудреца. Заметив наконец, что Ришьяшринга в смятении, еще и еще прижалась она к его телу и, сопровожаемая его взором, неспешно удалилась, сославшись на (необходимость совершения) агнихотры.

После ухода ее Ришьяшринга, опьяненный страстью, словно потерял разум; в уединении он, чья душа ушла следом за ней, вздыхал и всем видом своим являл страдание. Но вот через некоторое время явился сын Кашьяпы, с красно-коричневыми белками глаз, одетый волосами, (ниспадавшими) до самых кончиков пальцев ног, — Вибхандака, посвятивший себя глубокому (сосредоточению, погруженный в изучение Вед. И, придя, увидел он сына, который, не сознавая окружающего, сидел один, печальный, погруженный в думы, поминутно воздыхая и устремляя ввысь свой взор.

Сказал Вибхандака сыну: «Почему, мой сын, не готовишь ты поленьев (для жертвы)? Совершал ли ты сегодня агнихотру? Хорошо ль ты вымыл жертвенные ковши, привел ли теленка к корове, дающей молоко для жертвы? Сын мой, ты не таков, как прежде, ты погружен в раздумья, не сознаешь (происходящего). Отчего так печален ты сегодня? Ответь мне, уж не приходил ли нынче кто-нибудь сюда?»
*Такова в книге «Лесная» великой «Махабхараты» сто одиннадцатая глава.*

ГЛАВА 112

Ришьяшринга сказал:
Приходил сюда молодой послушник с заплетенными (по-отшельнически) волосами; был он ростом не высок и не низок (взгляд у него) задумчивый, глаза огромные, как лотосы, а цвет лица золотистый. Красою он сиял, словно дитя богов; подобно Савитару, пылал его цветущий облик. Глаза его, с черными зрачками и яркими белками, были прекрасней, чем у чакоры; его заплетенные волосы изумительной длины, иссиня-черные, чистые, благоуханные, перевязаны золотыми нитями. Словно молния в поднебесье, сверкало на шее у него ожерелье, а ниже были две восхитительной красоты округлости, на которых не росло ни волоска. По самой середине тела проходила тончайшая талия; бедра же у него были необычайно развиты. Из-под одежд блестел золотой поясок, такой же, как и у меня. И еще какой-то предмет, видом своим вызывающий удивление, сиял на ногах у него, мелодично звеня; а на руках надеты были издающие тот же звук (украшения) калапака, похожие на эти вот четки. Когда он двигался, то они начинали петь, точно гуси на озере, опьяненные страстью. И одежды его были диковинного вида; мои ни в жоей мере не сравнятся с ними красотой. Лик его удивителен для взора, речь как бы изливает сладость в душу; голос же его — как у черной кукушки, и, едва я его услышал, мое сердце потеряло покой.

Лес в разгаре весенней поры (особенно) великолепен, когда взволнует его ветер, — так и он, лишь овеет его ветерок, становится еще прекраснее, источая изысканный и чистый аромат. Аккуратно заплетенные волосы ровно разделены на лбу у него надвое, а на ушах лежат какие-то удивительные предметы, круглые, как колеса.

Правой рукой ударял он диковинный круглый плод, который, упав на землю, снова и снова взлетал ввысь. Ударяя по нему, он раскачивался, словно дерево, колеблемое ветром. Тот, кто видит его, о отец мой, подобного сыну бессмертных (богов), испытывает высшую радость и наслаждение.
Обнял он меня и, взяв за волосы, приблизил лицо мое к своему, а затем, прижав губы к губам, издал звук, пробудивший во мне восторг.

Не обратив внимания ни на воду для ног, ни на эти плоды, принесенные мною, он со словами: «Таков мой обет!» — дал мне другие плоды, (для меня) новые. И те плоды, что я отведал, не сравнить с этими (нашими) по вкусу, к тому же кожура у них не такая и (внутри) нет косточек. Дал мне он, чья внешность исполнена благородства, отведать напитков, чрезвычайно приятных на вкус; когда ж я их выпил, то ощутил небывалый восторг и земля будто закачалась (у меня под ногами). Эти прекрасные, благоуханные венки перевязаны его лентами; разбросав их здесь, ушел он, сияя величием подвижничества, в свою обитель.

Его уход поверг меня в смятение, и тело мое горит как в огне. Я хочу поскорее отправиться к нему, хочу, чтоб он всегда находился здесь, поблизости. Позволь, я сейчас же пойду к нему, отец мой! Как (зовется) этот его обет? Я хотел бы вести такую же жизнь, как он. И, как он, следуя закону благородных, вершит деяния подвижничества, так поступать желаю и я всем сердцем. Душу мою сожжет страдание, если я его (вновь) не увижу!
*Такова в книге «Лесная» великой «Махабхараты» сто двенадцатая глава.*

ГЛАВА ИЗ

Вибхандака сказал:
Это ракшасы, сын мой, принимают такое удивительное обличье; они несхожи между собой, крайне жестоки и всегда помышляют о том, чтобы нарушить подвижничество. Прекрасный облик, сынок, служит им для того, чтобы разными способами пробуждать похоть (в подвижнике). Своими злостными деяниями они лишают

счастья и благих миров отшельников, (удалившихся) в леса. Смиренный духом отшельник, возмечтавший о мирах праведников, ни за что не должен им поддаваться. Они, грешные, развлекаются тем, что мешают подвижникам в их покаянии, о безгрешный! Эти греховные хмельные напитки пить не следует; их, о сын мой, употребляют люди неправедные. И эти яркие, сверкающие, ароматные венки — не для отшельников.

Ломаша сказал:
«Вот каковы ракшасы», — предостерегал Вибхандака своего сына, отправляясь искать (гетеру). За три дня он не нашел (ее) и возвратился в обитель. Но вот сын Кашьяпы ушел снова, теперь — чтобы собрать плодов, и та гетера опять под видом отшельника явилась к подвижнику Ришьяшринге, чтоб искушать его. Увидев ее, Ришьяшринга, обрадованный, не скрывая волнения, бросился к ней тотчас же и сказал: «Пойдем к тебе в обитель, пока не вернулся отец!» Тогда, о царь, она хитростью заставила единственного сына потомка Кашьяпы вступить в лодку и пустила (ее по волнам). Пока она разными уловками разжигала его страсть, они прибыли к властителю ангов. Тот повелел отвести от берега и установить на виду у обители ту ярко сверкавшую лодку, в которой они переправились, и приготовил для него прекрасную рощу под названием «Царская обитель».

Едва только царь провел единственного сына Вибхандаки на женскую половину дворца, как вдруг увидел, что бог (дождя) послал дождь, наполняя мир водою. Лома-пада, желание которого исполнилось, отдал в супруги Ришьяшринге свою дочь, Шанту, и принял меры, чтоб предотвратить гнев (его отца): повелел пахать на быках вдоль дорог. К приходу Вибхандаки царь (приказал собрать) побольше окота и наставил отважных своих пастухов: «Когда великий риши Вибхандака, который ищет своего сына, будет спрашивать вас, (чьи вы), вы должны ответить ему, смиренно сложив ладони: «Этот скот и пашня (принадлежат) твоему сыну. Что следует сделать, чтоб угодить тебе, о великий святой мудрец? Мы все — слуги твои, ждем твоего приказа!».

Насобирав плодов и кореньев, вернулся отшельник, лютый во гневе, в обитель и принялся искать своего сына. Не найдя его, он пришел в неистовство. Терзаемый яростью, он заподозрил, что это происки царя (Ломапады), и направился в Чампу, горя желанием испепелить царя ангов и все его владения. Усталый, проголодавшийся, сын Кашьяпы добрался до тех богатых пастушеских становищ. Пастухи приняли его с подобающими почестями, и он по-царски провел там ночь. Встретив у них самый добрый прием, он спросил: «Чьи вы, добрые люди?» И тогда все они почтительно приблизились к нему и сказали: «Эти богатства принадлежат твоему сыну!» В каждом месте он был почитаем, слышал те же приятные речи, и ярость его поутихла. Радостный, явился он в город к владыке ангов.

Тот бык-муж встретил его с почестями, и он увидал своего сына: тот был подобен богу Индре на небесах. Увидел он там и свою невестку Шанту, подобную взметнувшейся молнии. После того как он посмотрел на деревни и становища, на своего сына и Шанту, гнев его совершенно прошел, и Вибхандака, о Индра мужей, выказал тому владыке земли свое величайшее удовлетворение. Великий святой мудрец оставил там своего сына, мощью подобного Сурье и Агни, и завещал: «Когда родится у тебя сын, ступай в лес, но прежде сделай все, что будет угодно царю».

Ришьяшринга исполнил его волю: удалился туда, где был его отец, и Шанта заботилась о нем, как на небесах послушная Рохини о Соме, как славная Арундхати о Васиштхе, как Лопамудра об Агастье, как Дамаянти о Нале, как Шачи о Держащем ваджру. Как Индрасена, дочь Надаяны, всегда ловила желания Мудгалы, о Аджамидха, так и Шанта любовно служила Ришьяшринге, когда он жил в лесу, о Индра мужей! Вот сияет, украшая собою великое озеро, благословенная обитель того, чья слава священна. Совершив здесь омовение, ты достигнешь всего, чего пожелаешь, а очистившись, отправишься, о царь, к другим тиртхам.
*Такова в книге «Лесная» великой «Махабхараты» сто тринадцатая глава.*
ГЛАВА 114

Вайшампаяна сказал:
После этого Пандава, о Джанамеджая, удалился от (берегов) Каушики и посетил все святыни, одну за другой. Он достиг океана, о царь, в месте впадения Ганги и совершил омовение у слияния пяти сотен рек296. Затем, о бхарата, отважный владыка земли берегом океана направился вместе с братьями к калингам.

Ломаша сказал:
Калинги, о Каунтея, (живут) у реки Вайтарани, где сам Дхарма совершал жертвоприношения, обратившись к богам за покровительством. Северный берег ее, где красуются горы, святые мудрецы используют для жертвоприношений, там постоянно бывают дваждырожденные. На этом пути, который для желающего взойти на небеса — то же, что Путь богов, некогда совершали жертвоприношения и другие святые мудрецы. Именно там, о Индра царей, во время жертвоприношения Рудра взял себе (жертвенное) животное. Рудра, о Индра людей, сказал про него: «Это (моя) доля!».

Когда он забрал животное, боги изрекли, о бык-бхарата: «Не посягай на чужое достояние, не наноси ущерба всем дхармам». Затем они восславили Рудру благостными речами и выказали ему почтение, ублаготворив жертвенным подношением. Тогда он выпустил животное и удалился Путем богов. Вот памятный стих о Рудре, услышь его, о Юдхиштхира! «Из страха перед Рудрой боги установили ему при жертвоприношении постоянную свежую лучшую долю из всех». Тому, кто, распевая эту песнь, окропит себя здесь водою, (даруется) путь, по которому шествуют боги и где открывается видение (сокровенного).

Вайшампаяна сказал:
Тогда все Пандавы, отмеченные славной участью, вместе с Драупади спустились к Вайтарани и совершили возлияние воды усопшим предкам.

Юдхиштхира сказал:
Смотри, о достойный Ломаша, богатый подвигами: окропив себя водою из этой реки, я отрешился от мира людского. Твоею милостью, о верный обетам, я вижу все миры. То звук молитв вайкханасов, великих духом!
Ломаша сказал:

Место, откуда ты слышишь эти звуки, — за триста тысяч йоджан отсюда, о Юдхиштхира! Храни молчание, владыка народов! Вот виднеется, о царь Каунтея, прекрасный лес Самосущего, где совершал жертвоприношение мощнопламенный Вишвакарман. Во время того жертвоприношения Самосущий дал в дар великому духом Кашьяпе Землю вместе с горами и лесными краями. Едва только (Брахма) отдал Землю (Кашьяпе), о Каунтея, она погрузилась в печаль и гневно сказала могучему владыке миров: «Ты не должен, достойный, отдавать меня какому-то смертному.

Этот дар твой бесплоден: я уйду в низший мир». Видя ее отчаяние, славный риши Кашьяпа постарался умилостивить Землю, о владыка народов! Тогда Земля, обрадованная его подвижничеством, снова, о Пандава, всплыла из-под воды и предстала в виде жертвенного алтаря. Вот сияет тот самый алтарь правильных очертаний, о царь! Поднявшись туда, ты, о великий царь, обретешь отвагу. А когда ты будешь восходить к нему сегодня, я направлю свои усилия на то, чтобы отвратить от тебя грехи чтением мантр, ибо, если смертный коснется этого алтаря, тот скроется в океане, о Аджамидха! «Ты — Агни, Митра, воды твои — лоно богини, семя Вишну, источник амриты», — повторяя, о Пандава, это истинное слово, спеши подняться к этому алтарю.

Вайшампаяна сказал:
Когда был совершен обряд отвращения грехов, Юдхиштхира, великий духом, отправился к (алтарю), уходящему в океан. Исполнив все, что повелел (мудрец), он достиг (горы) Маендра и провел там ночь.
*Такова в книге «Лесная» великой «Махабхараты» сто четырнадцатая глава.*

ГЛАВА 115
Вайшампаяна сказал:
Владыка земли, проведя там ночь вместе с братьями, выказал затем глубочайшее почтение подвижникам. Ломаша назвал ему всех тех, кто предавался там покаянию: потомков Бхригу, Ангираса, Васиштхи и Кашьяпы. Тот царь-мудрец, встретившись с ними, приветствовал их, сложив ладони, и спросил доблестного Акритаврану, соратника Рамы: «Когда же славный Рама явит себя подвижникам? Я хотел бы, когда это случится, увидеться с Бхаргавой».

Акритаврана сказал:
Раме, постигшему Атман, известно о твоем приходе. Рама благосклонен к тебе, и вскоре он предстанет перед тобой. Подвижники видят Раму на восьмой и четырнадцатый день лунного месяца. Когда пройдет эта ночь, наступит как раз четырнадцатый день.

Юдхиштхира сказал:
Ты — верный соратник доблестного и могучего сына Джамадагни. Ты видел воочию все, что он совершил когда-то, и потому поведай, как Рама поверг в бою всех кшатриев. Как (это было) и по какой причине?

Акритаврана сказал:
Был в Каньякубдже великий и необычайно могущественный царь, в мире он был известен под именем Гадхи. Отправился он на жительство в лес. Когда он жил в лесу, родилась у него дочь, подобная апсаре, и Ричика Бхаргава выбрал ее себе в жены, о бхарата! Тогда царь сказал тому брахману, твердому в обете: «В нашем роду существует один обычай, идет он от предков: (брать) за невесту как выкуп тысячу резвых белых скакунов и чтобы одно ухо у каждого было черным, — знай об этом, о лучший из дваждырожденных! К тебе же, о Бхаргава, не полагается обращаться: «Подавай (выкуп)!». Такому, как ты, великому духом, я должен просто отдать свою дочь».

Ричика сказал:
Я дам тебе тысячу резвых белых коней, причем одно ухо у каждого будет черным, и да будет моею супругою твоя дочь!

Акритаврана сказал:
Пообещав, что так (будет), о царь, он обратился к Варуне: «Соблаговоли мне пожаловать для выкупа за невесту тысячу резвых белых коней и чтобы одно ухо у каждого из них было черным». И Варуна дал ему тысячу скакунов. Вот почему то место, где появились (из воды) кони, называется Тиртхой коня. В Каньякубдже на Ганге выдал тогда за него Гадхи свою дочь Сатьявати, сторону жениха представляли боги. (Гадхи) получил тысячу коней и увидал небожителей.

Обретя согласно дхарме такую супругу, Ричика, лучший из дваждырожденных, от души наслаждался с нею, стройной, сколько хотел. Когда брак совершился, о царь, лучший из рода Бхригу пришел повидать сына вместе с его супругой и, увидев их, возрадовался. Муж и жена усадили наставника, почитаемого сонмом богов, оказали ему почести, а сами остались стоять, смиренно сложив ладони, готовые исполнить его волю. Тогда достойный Бхригу, довольный, сказал своей невестке: «Выбирай себе, славная, дар. Я дам тебе то, что ты пожелаешь». Она попросила наставника явить милость— (даровать) сына ей и ее матери, и он явил такую милость.

Бхригу сказал:
«Во время, благоприятное для зачатия, ты и твоя мать, чтобы родить сыновей, обнимите, совершив омовение, каждая по отдельности дерево: она — ашваттху, ты — удумбару». Но они, о царь, перепутали деревья, которые им следовало обнять. Однажды явился Бхригу и узнал об ошибке. И сказал мощно-пламенный Бхригу своей невестке Сатьявати: «Твой сын будет брахманом, но станет вести себя как кшатрий, а сын твоей матери, великий, доблестный кшатрий, по образу жизни будет брахманом, ступив на стезю праведников». Она принялась умолять своего свекра: «Соблаговоли сделать так, чтоб таким был не сын мой, а внук».

«Да будет так», — смилостивился тот, о Пандава! Когда подошло время, она родила сына Джамадагни, радость Бхаргавов, наделенного духовным пламенем и блеском. Могучий (юноша) рос и, постигая Веды, в великой духовной мощи своей превзошел, о сын Панду, многих из риши. Ему, сиянием подобному солнцу, открылись, о бык-бхарата, целиком Дханурведа, а также оружие четырех видов.
*Такова в книге «Лесная» великой «Махабхараты» сто пятнадцатая глава.*

ГЛАВА 116

Акритаврана сказал:
Джамадагни, великий подвижник, посвятив себя чтению Вед, предался подвижничеству и покорил богов самообузданием. Он посетил, о царь, владыку людей Прасенаджита, выбрал себе в жены Ренуку, и царь отдал ему (свою дочь). Сын Бхар-гавы, получив в супруги Ренуку, зажил вместе с достойной (женою) в обители, углубившись в подвижничество. Родились у нее четыре сына, и пятый — Рама. Рама был самым младшим, но не уступал всем (остальным братьям). Однажды, когда все сыновья отправились набрать плодов, Ренука, которая строго блюла обеты, пошла совершить омовение.

На пути своем, о царь, Ренука случайно увидела царя Мартикаваты по имени Читраратха. Статный, с гирляндой из лотосов, он забавлялся в воде со своею супругой, и Ренуку, едва она взглянула на него, охватило томление. Не помня себя от такого греха, она окунулась в воду и в смятении вернулась в обитель. Супруг тотчас же понял, что с ней. Увидев, что стойкость ей изменила, что лишилась она брахманской красоты, мощнопла-менный, доблестный (Джамадагни) осыпал ее бранью.

Тут вернулись старший сын Джамадагни по имени Румаван, а также Сушена, Васу и Вишвавасу. Каждому, одному за другим, достойный (Джамадагни) предложил покарать смертью свою мать, но они, потрясенные, смятенно молчали. И тогда он их в ярости проклял. Едва прозвучало проклятие, они утратили разум и тотчас же стали как слабоумные, одной дхармы со зверьем и птицами. Вслед за тем вернулся в обитель Рама, губитель героев-недругов, и Джамадагнп, могучий подвижник, в великом гневе воззвал к нему: «Убей свою грешную мать, о сын мой, и не терзайся (раскаянием)!» Тогда, взяв топор, Рама отсек матери голову. Тут гнев Джамадагни, великого духом, внезапно прошел, о великий царь, и он удовлетворенно сказал: «По моему повелению, сын мой, ты совершил невозможное. Выбирай что пожелаешь, о знающий дхарму, то, к чему ты стремишься душой!» И (сын) попросил его вернуть к жизни мать и еще о том, чтобы не помнить об этом убийстве, быть непричастным к такому греху, а также о том, чтобы братья его стали такими, как были, чтобы ему быть неодолимым в бою и чтобы век его был долог, о бхарата! Могучий подвижник Джамадагни исполнил все его желания.

Как-то однажды его сыновья, о могучий, ушли, и тут объявился доблестный Картавирья, владыка Анупы. Супруга риши почтительно встретила его, вошедшего в обитель, но тот, яростно опьяненный боем, не ответил приветствием на ее почести. Оттолкнув ее, он силой увел из обители теленка священной коровы, которая громко мычала, и повалил большие деревья. Когда Рама вернулся, отец сам поведал ему об этом. Гнев овладел Рамой, когда он увидел, как плачет корова. Охваченный яростью, он погнался за Картавирьей. Бхаргава, губитель героев-недругов, вступил с ним в бой и, воздев сверкающий лук, острыми стрелами срезал, о царь, его руки.

А было их у него тысяча, и были подобны они брусьям, которыми запирают ворота. Родичи Арджуны в ярости от содеянного Рамой напали на Джамадагни, когда тот оставался без Рамы в обители. Великий огвагой, он не вступил с ними в бой, погруженный в подвижничество, только крикнул беспомощно несколько раз: «О Рама! Рама!» — и они расправились с ним. Сыновья Картавирьи убили стрелами Джамадагни, о Юдхиштхира, и, отомстив (таким образом) недругу, ушли восвояси. Когда они скрылись, оставив мертвого Джамадагни, в обитель вернулся (Рама), потомок Бхригу, с поленьями для жертвенного огня. Герой увидел, что отца настигла смерть, которой он не заслужил, и горько зарыдал.
*Такова в книге «Лесная» великой «Махабхараты» сто шестнадцатая глава.*

ГЛАВА 117
Рама сказал:
По моей вине ты, отец, убит этими жалкими юнцами, родичами Картавирьи, словно олень в лесу — стрелами. О отец мой! Почему настигла такая смерть того, кто знает дхарму, идет стезей добродетели и не виновен ни перед одним живым существом? И разве не грех совершили они, убив тебя, престарелого, сотней остро отточенных стрел, в то время как ты предавался подвижничеству и не вступил с ними в бой?! А ведь они еще будут бесстыдно хвалиться перед своими советниками и друзьями, что погубили знатока дхармы, когда тот был один и не мог вступить с ними в бой!

Акритаврана сказал:
Долго на все лады оплакивал он свою утрату, о царь! Потом могучий подвижник совершил для отца все необходимые погребальные обряды. Рама, покоритель вражеских городов, предал (тело) отца огню и дал при этом обет — истребить всех кшатриев, бхарата! Отважный герой невиданной мощи в гневе взялся за оружие и один, словно Антака, уничтожил сыновей Картавирьи. Затем Рама, первый среди воинов, истребил всех кшатриев, их сторонников, о бык-кшатрий! Трижды по семь раз могучий (Рама) искоренял кшатриев на земле, пять озер наполнил он кровью в Самантапанчаке. Совершив там возлияние в честь своих праотцев, продолжатель рода Бхригу предстал перед самим Ричикой, и тот принудил Раму остановиться.

Затем великим жертвоприношением пламенный сын Джамадагни ублаготворил Индру богов и отдал землю жрецам. Он воздвиг, о владыка народов, золотой алтарь в десять вьяма шириной и девять высотой и передал его в дар великому духом Кашьяпе. С согласия Кашьяпы брахманы разделили его на части, и потому, о царь, зовутся они кхандаваяны. Передав землю Кашьяпе, великому духом, беспредельно отважный (герой) поселился здесь, на Махендре, Индре среди гор. Так возникла вражда между ним и кшатриями, населявшими мир, и неизбывно могучий Рама покорил землю. Вайшампаяна сказал:

На четырнадцатый лунный день многомудрый Рама предстал в свой час перед теми брахманами, Царем справедливости и его младшими братьями. Могучий Индра царей, достойнейший из властвующих над людьми, вместе с братьями воздал ему почести и глубочайше почтил дваждырожденных. Выказав почтение сыну Джамадагни и приняв оказанные им почести, могущественный (Пандава) провел ту ночь на Махендре, а потом отправился дальше, обратившись лицом на юг.
*Такова в книге «Лесная» великой «Махабхараты» сто семнадцатая глава.*

ГЛАВА 118

Вайшампаяна сказал:
На пути своем могучий царь видел прекрасные священные тиртхи. Повсюду у океана, там и тут, их украшали (своим пребыванием) брахманы, бхарата! Должным образом совершая в каждой из них окропление, сын Панду вместе с младшими братьями, царскими сыновьями и внуками достиг, о сын, Па-рикшита, прославленной, благословенной реки. Приняв и там омовение, могущественный (царь) почтил возлиянием воды богов и усопших предков и, одарив богатством главных из дваждырожденных, направился к Годавари, бегущей в океан. Затем, очистившись от прегрешений, герой приблизился, о царь, к океану, священному в мире, там, где (живут) дравиды, и увидал блаженную, пречистую тиртху Агастьи, а также Тиртхи женщин.

Сын Панду услышал там о недоступном другим деянии Арджуны, первого среди лучников, и, почитаемый сонмами высочайших святых мудрецов, преисполнился могучего ликования. Окропив водой свое тело в тех тиртхах, тот царь над царями вместе с (супругой) Кришной и младшими братьями воздал почести мужеству Арджуны, вкусив радости в том краю. Затем, раздарив тысячи коров в тех тиртхах величайшего вместилища вод, радостно вместе с братьями он восславил раздачу коров Арджуной.

Обходя постепенно, во исполнение своих желаний, те океанские тиртхи и многие другие святыни, он лицезрел, о царь, святейшую Шурпараку. Пройдя какое-то расстояние (по берегу) океана, он достиг славного на земле леса: там некогда предавались подвижничеству сами боги и совершали жертвенные обряды благословеннейшие Индры людей. (Герой) с мощными, длинными руками увидал там алтарь сына Ричики, первого среди лучников; толпы подвижников окружали этот (алтарь), которому должны поклоняться праведники. Затем, о царь, взору великого духом царя, владыки земли, открылись прекрасные священные алтари васу, сонмищ марутов и обоих Ашвинов, сына Вивасвана (Ямы), Адитьи и Владыки богатств, Индры, Вишну, могучего Савитара и Бхаги, Чандры, Творца дня, Владыки вод, множества садхьев, а также Дхатри, усопших предков, Рудры и его ганов, Сарасвати и сонма сиддхов, Пушана и других бессмертных, какие только существуют (на свете).

Он соблюдал там различного рода посты, раздавал в дар драгоценные камни. Окропив свое тело водою во всех этих тиртхах, он снова пришел в Шурпараку. Той океанской тирт-хой вместе с братьями он отправился дальше и достиг тиртхи Прабхасы, прославленной на земле великими дваждырож-денными. Совершив там омовение, (герой) с огромными красноватыми глазами вместе с младшими братьями и Кришной, брахманами и Ломашей совершил жертвенное возлияние воды в честь сонма богов и усопших предков.

Лучший из блюстителей дхармы, двенадцать дней питаясь только водой и воздухом, днем и ночью кропил он себя водою, возжигая повсюду огни, и предавался подвижничеству. Рама и Джанардана, первые среди всех вришниев, прослышали о том, что он предпринял столь суровое покаяние, и вместе со своею ратью явились к Юдхиштхире, потомку Аджамидхи. Вриш-нии застали сыновей Панду лежащими на земле, тела их были испачканы грязью, а когда они увидели безвинно страдающую Драупади, то пришли в глубокое уныние и не могли сдержать стона отчаяния. Но (Юдхиштхира), чья душа недоступна печали, приблизился к Раме, Джанардане, а также сыну Кришны, Самбе, внуку Шини и другим вришнийцам и принял их с почестями, как велит дхарма.

А те, гостеприимно встреченные сыновьями Панду, почтили всех Партхов в ответ и воссели, о царь, вокруг Юдхиштхиры, словно сонм богов вокруг Индры. Поведал тот Кришне обо всем, что содеяно их недругами, о жизни своей в лесу и с великой радостью (сообщил), что Партха, сын царя бессмертных, отправился за оружием к Индре. Могущественные дашархи хоть и были рады слышать такие его слова, но при виде жестокой худобы (Пандавов) пролили потоки слез из сострадания к их горю.
*Такова в книге «Лесная» великой «Махабхараты» сто восемнадцатая глава.*

ГЛАВА 119

Джанамеджая сказал:
Что делали и какие вели беседы, о богатый подвигами, вришнии и Пандавы, встретившись в тиртхе Прабхасе? Ведь все они, и вришнии, и Пандавы, велики духом, искушены во всех шастрах и сердечно привязаны друг к другу.

Вайшампаяна сказал:
Вришнии, прибыв в благословенную океанскую тиртху Прабхасу, расположились вокруг отважных Пандавов. И тут Рама, в венке из лесных цветов, (цветом кожи) подобный коровьему молоку или цветку жасмина, луне, подводному стеблю лотоса или серебру,

Тот, чье оружие — плуг, обратил свою речь к лотосоокому (брату): «(Не вижу я), о Кришна, чтоб (соблюдение) дхармы вело человека к успеху, а попрание ее к гибели: в то время как Юдхиштхира, великий духом, терпит лишения, найдя пристанище в лесу, собрав волосы (как отшельник) и облачившись в мочальное одеяние, Дурьодхана правит землей, и земля под ним не разверзается. Человека, обделенного умом, это могло бы даже навести на мысль, что поруганием дхармы можно достичь большего, нежели верностью ей.

Когда процветает такой, как Дурьодхана, а у Юдхиштхиры, несчастного, отнято царство, люди объяты тайным сомнением: как должны поступать подданные? Партха, сын Дхармы, Индра людей, верный дхарме, стойкий в истине, щедрый, (будь он на месте Дурьодханы), отринул бы царство и благополучие — разве стал бы он наслаждаться жизнью ценой нарушения дхармы? Как могут пребывать в довольстве Бхишма, брахман

Крипа, Дрона и Дхритараштра, старший царь рода, когда (они) изгнали Партхов! Позор грешным помыслами старейшинам бхаратов!

Уж не скажет ли нечестивый владыка земли, когда явится в мир иной к праотцам: «Я должным образом относился к моим сыновьям», когда сам же изгнал их, безвинных, из царства?! Он все еще не постиг разумом, что же такое он совершил, что оказался воистину слепцом на земле, а все оттого, что при царях изгнал из царства Каунтею! О, уж теперь, после такого злодеяния, сын Вичитравирьи вместе со своими сыновьями считай, что увидел пышные, цветущие, сверкающие золотом деревья на земле мира праотцев.

Разве не у них, (своих сыновей), широкоплечих, с красноватыми большими глазами, он спрашивал (совета) и получил его, когда без колебаний отправил в лес Юдхиштхиру и младших его братьев, взявших с собой оружие? Стремительный Врикодара, чьи руки длинны, и без оружия способен сокрушить богато оснащенную рать неприятеля: при одном только звуке (его голоса) войска (врага) роняют испражнения. Сейчас в переходах он изнурен голодом и жаждой, но когда встретится (в битве с недругами) и в руках его будут стрелы и разное оружие, то он, помня эту суровейшую жизнь в лесу, не пощадит никого, мне это ясно.

Среди людей на земле не найдется такого, кто был бы равен ему в отваге и мощи. Тело его измучено то холодом, то жарой, то ветром, то зноем, но в бою он не пощадит недругов. Быстрый Врикодара, могучий колесничный воин, который на одной лишь колеснице одолел в боях восточных царей с их соратниками, а сам вернулся невредимым, теперь, облачившись в мочальное одеяние, томится в лесу.

Посмотрите на Сахадеву: это он победил собравшихся в Дантакуре царей Юга, богов среди людей, а теперь он погружен в покаяние — подвижник и платьем, и обликом. Герой (Накула), который на единственной колеснице рвался в бой против царей западной стороны, сейчас нашел пристанище в лесу, поддерживая жизнь плодами и кореньями; волосы его собраны (как у отшельника), тело испачкано грязью. Как может терпеть эту тяжкую жизнь в лесу дочь царя, великого колесничного воина, что появилась на свет из-под алтаря во время пышной сатры, — она-то уж достойна (более) счастливой доли! Как могут жить в лесу обездоленные, заслуживающие счастья сыновья таких богов, как первый в триварге, бог Ветра, сам властитель богов и оба Ашвина?! Как не разверзлась земля вместе с горами, когда сын Дхармы был побежден и изгнан вместе с супругою, братьями и сподвижниками, а Дурьодхана стал процветать?!»

*Такова в книге «Лесная» великой «Махабхараты» сто девятнадцатая глава.*

ГЛАВА 120
Сатьяки сказал:
Не время, о Рама, оплакивать (Пандавов). Давайте все вместе предпримем то, что важнее всего, пока не упущено время, хотя Юдхиштхира не сказал ни слова. О Рама, те, кто имеют защитников в мире, могут сами не браться за дело: за них сделают все, что нужно, их покровители, как, например, Шайбья и другие — для Яяти. Те доблестнейшие из мужей, для которых, о Рама, в мире совершают, что нужно, их покровители по своему усмотрению, располагают (надежной) опорой; им не грозит беда, как тем, кто беззащитен. Зачем пребывать в лесу вместе с родными братьями тому, кто встретил своих защитников, опору трех миров — Раму и Джанардану, Прадьюмну и Самбу, а с ними — меня?

Пусть в добрый час немедля выступит обильно и разнообразно вооруженная рать дашархов в сверкающих доспехах! Пусть сын Дхритараштры со своею родней, осиленный мощью вришниев, отправится в обиталище Ямы! Пусть остается на месте Владетель лука Шарнги: ты и один в гневе можешь объять всю землю! Так покори же сына Дхритараштры и его родичей, как Индра Великий, владыка богов, — Вритру! Партха, мой брат, друг и наставник, — само подобие Джанарданы.

Во имя стоящей перед ним высокой цели пойдет он на величайший подвиг, непосильный (для другого). Своим прекрасным оружием я отобью все потоки оружия (Дурьодханы) и одолею его в сражении; превосходнейшими из стрел, (жгучими), словно огонь или змеиный яд, я снесу, о Рама, ему голову с плеч! Или же острым мечом в бою я с силой отсеку ему голову от тела, уничтожу затем всех его приспешников — (покараю) и Дурьодхану, и всех куру.

Пусть возрадуются, взирая на меня в сражении, все земные твари, о сын Рохини, когда я, воздев оружие, в одиночку буду разить лучших из воинов куру, как огонь конца мира, когда наступает его черед, (пожирает) огромную кучу соломы. Крипа, Дрона, Карна и Викарна не в силах устоять против остро отточенных стрел, пущенных Прадьюмной. Мне также известна отвага и твоего сына — в бою он подобен сыну Кришны. Пусть Самба силой своих рук сметет и повергнет Духшасану с его колесницею и возничим: в бою нет невозможного для сына Джамбавати, неистового в битве.

Еще юным он вмиг разогнал войско дайтьи Шамбары; им же был повержен в битве круглобедрый Ашвачакра с невероятно длинными, мощными руками. Кто же из людей, сойдясь в бою с Самбой, спасется от его рук? Подобно тому как человеку не скрыться и не уйти в назначенный срок от Антаки, кто сможет уцелеть и вернуться живым после битвы с Самбой? И Дрону, и Бхишму, этих могучих колесничных бойцов, а также Сомадатту, окруженного сыновьями, и все их полки спалит Васудева огненными потоками стрел.

Что во всех мирах, включая миры богов, не по силам Кришне, которому нет равных в битве, когда он возденет оружие и возьмет в руки отборные стрелы, вооружившись диском? Пусть Анируддха с мечом и щитом в руках усеет землю обезглавленными безжизненными (телами) павших от (его) рук сыновей Дхритараштры, как (усеивают) травою куша алтарь во время жертвоприношений. Пусть Гада, Улмука, Бахука, Бхану и Нитха, юный Ништха, отважный в сражениях, Сарана и Чарудешна, яростные в бою, подымутся на подвиг, достойный их рода.

Пусть объединенная рать героев-кшатриев вместе с лучшими вришнийскими воинами, (воителями) бходжами и андхаками, покарает в бою сыновей Дхритараштры и разнесет по свету свою славу. Пусть Абхиманью правит землей, пока великий духом Юдхиштхира, лучший из блюстителей дхармы, исполнит свой обет, данный им, лучшим из куру, во время игры. Когда враг будет повергнут выпущенными нами острыми (стрелами), Царь справедливости станет править землей, на которой не останется (ни одного) из сыновей Дхритараштры и будет убит Сын суты. Вот самая главная наша задача, и в том — наша слава.

Васудева сказал:
Без сомнения, Мадхава, это правильно. Мы согласны с твоими словами, не павший духом! Но тот бык среди куру ни за что не пожелает (править) землей, если она не будет покорена его собственными руками. Ни под влиянием страсти, ни в страхе, ни из вожделения не отступит Юдхиштхира от своей дхармы, точно так же как Бхима и Арджуна, мощные колесничные воины, и близнецы, и дочь Друпады, Кришна. И Врикодара, и Завоеватель богатств — оба не имеют себе равных в бою на (всей) земле. Так почему же (царю) не править землей, опираясь к тому же на обоих сынов Мадри? Когда мы с властителем панчалов, великим духом, а также с правителем Чеди вместе с кекаями нападем на недругов и вступим с ними в бой, Суйодхана покинет мир живых.

Юдхиштхира сказал:
Нет ничего странного, Мадхава, в том, что ты говоришь, однако истиной я дорожу пуще царства. Кришна один понимает меня, как должно, и я тоже знаю Кришну по-настоящему.
Когда отважнейший среди мужей, о Мадхава, сочтет, что время подвига (настало), тогда ты, герой из рода Шини, вместе с Кешавой одолеешь Суйодхану в битве. А теперь пусть герои-
дашархи благоволят возвратиться (домой). Я стоек благодаря своим защитникам, покровителям мира людей. Не допускайте пренебрежения дхармой, не знающие себе подобных! Я снова
увижусь с вами, когда вы счастливо соединитесь все вместе.

Вайшампаяна сказал:
Распрощались друг с другом, выказывая почтение старшим и обнимая младших. Отважнейшие из (рода) Яду отправились по домам, а царь продолжил свое паломничество по тиртхам. Расставшись с Кришной, Царь справедливости поселился у (реки) Пайошни, воды которой смешались с выжатым соком сомы, в славной тиртхе, воздвигнутой царем видарбхов
*Такова в книге «Лесная» великой «Махабхараты» сто двадцатая глава.*

ГЛАВА 121

Ломаша сказал:
Рассказывают, о царь, что Нрига совершил здесь жертвоприношение и сомой ублажил Сокрушителя твердынь, так что тот, ублаготворенный, захмелел. Здесь боги вместе с Индрой и Владыками живущих совершали разнообразные великие жертвоприношения с обильными дарами. Здесь же царь Амуртараяса в течение семи жертвоприношений коня ублажал сомой могучего Держателя ваджры.

Во время этих семи жертвоприношений каждый жертвенный предмет, который делается обычно из лесного дерева или глины, был из золота. В тех его жертвоприношениях, говорят, (использовалось) семь (разных) способов; на вершине каждого жертвенного столба помещалось по семь колец. Сами боги вместе с Индрой, Юдхиштхира, установили для его жертвоприношений блистающие золотом жертвенные столбы. Во время самых главных жертвоприноше лий Гаи, того властителя земли, Индра был ублаготворен сомой, а дваждырожденные — поднесенными дарами.

Подобно тому, как неисчислимы песчинки в мире, звезды на небесах или капли дождя, так же неисчислимы, великий царь, те богатства, которыми одарил Гая жрецов-помощников во время тех семи жертвоприношений. И если то, что перечислено, все же можно было бы подсчитать, все равно невозможно счесть дары брахманам от одарившего их. Он ублажил брахманов, собравшихся с разных концов света, золотыми (изображениями) коров, созданными Вишвакарманом. Совсем мало земли, о владыка народов, осталось не занятой чайтьями великого духом Таи, там и тут вершившего жертвоприношения. Тем своим деянием он достиг миров Индры, о бхарата! Тот, кто совершит омовение в Пайошни, попадет в те же края, что и он. Потому, о безупречный владыка земли, Индра царей, и ты вместе с братьями прими здесь омовение и будешь очищен от прегрешений.

Вайшампаяна сказал:
Тот лучший из мужей, могучий пылом и безупречный, вместе с братьями совершил омовение в Пайошни и направился, сопровождаемый братьями, к горе Баидурья, к великой реке Нармада. Славный святой мудрец Ломаша рассказывал ему обо всех прекрасных тиртхах, там и тут (встречавшихся на пути), о владыка народов! Как уже повелось, вместе с братьями он посещал (те места), какие желал, всякий раз одаривая при этом имуществом тысячи брахманов.

Ломаша сказал:
О Каунтея, тот, кто увидит гору Вайдурья и погрузится в воды Нармады, попадет (после смерти) в один мир с богами ж царями. Теперь, о лучший из мужей, Трета(юга) переходит в Двапару. Когда наступает это (время), очищаются от всех прегрешений. Вот, о сын мой, виднеется место жертвоприношений (царя) Шарвяти. Сам Каушика вместе с Ашвинами испил здесь сомы. Великий тапасом, могучий Бхаргава Чьявана разгневался на Великого Индру; он заставил Васаву застыть в неподвижности и получил себе в жены царскую дочь Суканью.

Юдхиштхира сказал:
Каким образом он обрек славного Губителя Паки на неподвижность и из-за чего разгневался могучий подвижник Бхаргава? Как, о брахман, сделал он Насатьев причастными к доле сомы? Поведай мне, о достойный, все, как было на самом деле.
*Такова в книге «Лесная» великой «Махабхараты» сто двадцать первая глава.*

ГЛАВА 122

Ломаша сказал:
У великого святого мудреца Бхригу был лучезарный сын по имени Чьявана Бхаргава; он предавался подвижничеству близ того озера. Застыв, словно столб, в положении вира, мо-гучепламенный (подвижник) долго стоял на одном месте, о Пандава, владыка народов! (Прошло) столь много времени, что тот святой мудрец превратился, о царь, в увитый лианами муравейник, кишевший муравьями. Погребенный (под муравьиной кучей), мудрый (Чвявана) стал совершенно подобен земляному холму, но и скрытый муравейником, о царь, он продолжал свое покаяние. (Минуло) еще немало времени, когда к тому прекрасному святому озеру явился развлечься царь по имени Шарьяти.

Его сопровождали четыре тысячи женщин, и среди них — единственная дочь его, о бхарата, прекрасная Суканья. Окруженная подругами, во всем блеске своего убранства, во время прогулки набрела она на муравейник Бхаргавы. (Обнажая в улыбке) красивые зубы, прохаживалась она а кругу подруг, задумчиво любуясь прелестными деревьями. Возбужденная красотой своей и юностью, хмельная от радости, она срывала пышно цветущие ветки лесных деревьев.

Мудрый Бхаргава увидел ее одну, без подруг, в единственном одеянии, но с украшениями — точно мелькающую молнию. Глядя на нее в полном безлюдье, (отшельник), великий блеском, почувствовал желание. Мудрец-брахман, мощный подвижничеством, ослабшим голосом обратил к красавице свой призыв, но она его не услышала. Но вот Суканья заметила в муравейнике глаза Бхаргавы и, с любопытством воскликнув: «Что это там?», в ослеплении разума ткнула ему в глаза колючей веткой. Неистово гневливого (Чьявану) охватила ярость, когда она уколола его в глаза, и тогда он лишил все войско Шарьяти возможности справлять естественные нужды.

Воины претерпевали муки, сдерживая позывы, не в силах избавиться от мочи и испражнений. Царь увидел, что происходит, и опросил: «Кто из вас причинил зло великому духом старцу, необычайно гневливому Бхаргаве, постоянно погруженному в подвижничество? Известно это или же неизвестно — скажите мне правду немедленно». Воины все, как один, отвечали ему: «Мы не знаем, (кто) причинил (ему) зло. Попытайся хоть ты любыми средствами, какими пожелаешь, узнать об этом».

Тогда царь самолично, прибегая к угрозам и лести, стал расспрашивать своих приближенных, но и они ничего не смогли сообщить ему. И тут, заметив, что войско измучено напастью, страдает от невозможности справить нужду, Суканья сказала своему опечаленному отцу: «Я прогуливалась и увидела: в муравейнике что-то поблескивает. Я подумала, то светлячок, ткнула близ него».

Услышав такое, Шарьяти бросился к муравейнику и увидел там древнего возрастом Бхаргаву, состарившегося в покаянии. Сложив смиренно ладони, царь стал просить за свое войско: «Девушка поступила так по неведению. Ты должен простить ее». Чьявана Бхаргава отвечал царю: «Если, о царь, я получу в супруги твою красивую, достойную дочь, поступившую так только из любопытства и в ослеплении разума, тогда я дарую (ей) свое прощение. Истинно, царь, говорю я тебе».

Выслушав слова мудреца, Шарьяти не раздумывая отдал великому духом Чьяване свою дочь. Получив в жены ту деву, Чьявана был удовлетворен, а царь, снискав милость (мудреца), вместе с войском двинулся дальше. Безупречная Суканья, получив в супруги подвижника, стала постоянно с любовью за ним ухаживать, (соблюдая) подвижничество и обеты. Прекрасная ликом, приветливая, она ублажала гостей, (поддерживала) священные огни и быстро снискала расположение Чьяваны.
*Такова в книге «Лесная» великой «Махабхараты» сто двадцать вторая глава.*

ГЛАВА 123
Ломаша сказал:
И вот однажды Ашвины богов заметили, о царь, Суканью, которая была обнажена после только что совершенного омовения. Увидев ее, прекрасную телом, словно дочь царя богов, Ашвины-Насатьи поспешно приблизились (к ней) и сказали: «Чья ты, прекраснобедрая, чго ты делаешь здесь в лесу? Мы желаем, достойная, знать о тебе. Скажи правду, прекрасная!» Суканья, прикрывшись одеждой, ответила тем прекраснейшим из богов: «Знайте — я дочь Шарьяти, супруга Чьяваны».

И тогда Ашвины снова с улыбкой спросили ее: «Как же это, прекрасная, твой отец отдал тебя в жены тому, кто уже завершил свой (жизненный) путь? А ты и в лесу блистаешь, словно молния Саудамини. Даже среди богов мы не видим, красавица, равной тебе. Надев на себя всевозможные украшения, облачившись в лучшие из одежд, ты блистала бы, о безупречная телом, не так, как теперь, когда ты испачкана пылью и грязью. Зачем, оказавшись в таком положении, ты, красавица, ухаживаешь за немощным от старости мужем, не знающим радостей любви, не способным ни защищать, ни лелеять тебя, о светло улыбающаяся! Оставь с миром Чьявану и выбирай одного из нас. Не губи ради мужа своей юности, о подобная детищу богов!»

На такие слова Суканья ответила обоим богам: «Я предана Чьяване, своему супругу, и не следует вам сомневаться во мне». А те снова сказали ей: «Мы — лучшие из врачевателей
богов и сделаем твоего мужа юным и прекрасным. И тогда выбирай себе единственного супруга между нами двумя и им. Принимаешь это условие — тогда пригласи его, о прекрасно-ликая!» Следуя их повелению, она пришла, о царь, к Бхаргаве и передала сыну Бхригу сказанные ими слова. Выслушав это, Чьявана ответил жене: «Следует так и сделать».

И она с согласия супруга сказала (небожителям): «Да будет сделано так». Ашвины, узнав о ее согласии, сказали той царской дочери: «Пусть твой супруг войдет в воду». Тогда Чьявана, желая (обрести) красоту, тотчас же вошел в воду, и Ашвины, о могучий царь, тоже вступили в то озеро. В тот же миг они вышли из озера — все (трое) удивительно прекрасные, юные, с сияющими серьгами, равные красотой, и (вид их) радовал душу. Все вместе они сказали: «Выбирай, о прекрасная, любого из нас, кого ты желаешь себе в супруги, достойная славная женщина! Кто тебе по душе, того ты и выбери, о прекраснейшая!» Глядя на всех (троих), что стояли пред нею, равно прекрасные, царевна, испросив совет у сердца и разума, избрала собственного супруга.

Могучепламенный Чьявана, обретя вновь супругу и с нею желанные молодость и красоту, радостный, обратил свою речь к Насатьям: «Вы наделили меня, старика, красотою и молодостью, я получил такую супругу, и потому я с радостью сделаю так, чтобы вы оба были среди вкушающих сому перед лицом Царя богов. Истинно говорю я вам». Выслушав это, (Ашвины) с радостью в сердце удалились на небо, а Чьявана и Суканья зажили счастливо, словно боги.
*Такова в книге «Лесная» великой «Махабхараты» сто двадцать третья глава.*

ГЛАВА 124

Ломаша сказал:
Шарьяти, прослышав о том, что к Чьяване вернулась молодость, радостный, явился вместе с войском в обитель Бхаргавы. Увидев Чьявану и Суканью — те были словно дети богов, — возликовал царь Шарьяти,

как будто получил во владение всю землю. Многомудрый царь со своею супругой, гостеприимно встреченный тем святым мудрецом, сел рядом с ним и предался праведной беседе. Бхаргава, о царь, ласково обратился к царю: «Я намерен совершить для тебя жертвоприношение, о царь! Повели сделать нужные приготовления».

Тогда царь Шарьяти, преисполненный высшей радости, о великий царь, выказал почтение тем словам Чьяваны. В славный деньг благоприятный для жертвоприношения, Шарьяти повелел подготовить наилучшее место для совершения жертвенного обряда, богатое всем, что ни пожелаешь. И там Чьявана Бхаргава . приступил, о царь, к жертвоприношению. Услышь же о тех чудесах, которые там случились. Чьявана хотел было взять сому для обоих богов Ашвинов, но Индра воспрепятствовал ему, когда тот брал для них долю.

Индра сказал:
Оба Насатьи недостойны сомы — так я считаю. Они всего 9 лишь врачеватели детей богов и по своему ремеслу этого не заслуживают.

Чьявана сказал:
Не принижай великих духом, прекрасных и могущественных (Ашвинов), которые сделали меня, о Магхаван, юным, как бог. Почему же они недостойны (испить) сока сомы наряду с тобой и другими премудрыми? Знай, о Индра богов, Разрушитель (вражеских) твердынь, Ашвины — те же боги.

Индра сказал:
Они — врачеватели, ремесленники. Меняя обличье по своему желанию, они бродят в мире среди смертных. Разве заслуживают они сомы?

Ломаша сказал:
И когда Васава повторил те же слова, Бхаргава, пренебрегая волей Шакры, попытался было взять долю (сомы). Видя, что несравненный сома будет вот-вот передан Ашвинам, бог — Сокрушитель Балы произнес: «Если ты самовольно возьмешь для них сому, я метну в тебя грозную ваджру, которой нет равных». Вместо ответа на эти слова Бхаргава засмеялся Индре в лицо и взял установленным способом достойную долю сомы для Ашвинов. Тогда супруг Шачи хотел метнуть в него грозную ваджру, но, едва тот воздел руку, Бхаргава заставил его застыть в неподвижности. Оставив (Индру) остолбеневшим, Чьявана произнес заклинания и совершил жертвенное возлияние огню, стремясь сотворить волшебство. Великий в своей пламенной мощи, он вознамерился уничтожить того бога.

Силой подвижничества святого мудреца появился по волшебству могучий асура по имени Мада, великий мощью и огромный телом, величина которого была недоступна разуму ни богов, ни асуров. Пасть его была огромна и страшна, острые зубы (оскалены), одна челюсть упиралась в землю, другая же вздымалась в небо. Четыре клыка его были длиной в сотню йоджан каждый, другие зубы по десять йоджан. Формой они напоминали сторожевые башни и выглядели как наконечники копий. Руки его походили на горы, одинаковые, необъятной длины, глаза — на солнце и луну, а лик вызывал в памяти Антаку. Он облизывал зияющую пасть быстро мелькающим, словно молния, языком, и взгляд его был ужасен. Казалось, вот-вот он поглотит мир. В ярости налетел он на Совершителя ста жертвоприношений, намереваясь поглотить его, и огласил миры мощным, грозным ревом.
*Такова в книге «Лесная» великой «Махабхараты» сто двадцать четвертая глава.*

ГЛАВА 125

Ломаша сказал:
Когда бог — Совершитель ста жертвоприношений увидел подобного Антаке грозноликого Маду, который приближался к нему с разверстой пастью, намереваясь поглотить его, руки его (совсем) сковал страх, и, судорожно облизывая уголки рта, объятый ужасом Царь богов обратился к Чьяване: «С этих пор будут Ашвины удостоены сомы, о Бхаргава! Истинна речь, о брахман, которую я обращаю к тебе. Не зря ты предпринял такую попытку: в этом высшая справедливость. Знаю я, о брахман-мудрец, не напрасно то, что ты совершишь. Заслуживают сомы Ашвины, если ты поступил так сейчас. Пусть это умножит славу твоей мощи, о Бхаргава!

Я допустил такое, чтобы в мире разнеслась слава об отце Суканьи, а ты явил бы свою мощь. Поэтому будь ко мне милостив и пусть будет так, как ты хочешь». Когда Шакра сказал это, гнев могучего духом Чьяваны быстро прошел и он отпустил Разрушителя (вражеских) твердынь. А Маду, который и прежде не раз был созидаем, могучий (подвижник) вложил, о царь, по частям в вино, женщин, игральные кости и охоту. Так (Чьявана) покончил с Мадой, ублажил сомой Шакру и совершил для царя (Шарьяти) жертвоприношение

богам вместе с Ашвинами. Прославив свою мощь во всех мирах, лучший из тех, что владеют словом, счастливо зажил в лесу вместе с любимой Суканьей.

(Пред тобою), о царь, сияет то самое озеро, оглашаемое криком птиц. Вместе с братьями соверши здесь возлияние воды в честь своих праотцев и богов. Полюбовавшись на это (озеро), а также на Сикатакшу, о бхарата, владыка земли, ступай в лес Сайндхава, где ты увидишь малые реки. Соверши омовение во всех священных местах! Гора Арчика — поселение мудрецов, славное, всегда плодоносное пристанище марутов, где реки никогда не пересыхают.

Это многие сотни святилищ Тридцати (богов), о Юдхиштхира! Эту тиртху Луны почитают отшельники-брахманы, святые мудрецы и валакхильи. (Там) три священные вершины и три потока. Приблизься к ним и, как пожелаешь, прими омовение в каждом. Шантану и Шунака, о Каунтея, владыка людей, а также Нара и Нараяна посещают этот извечный край. Здесь, на горе Арчике, боги и праотцы вместе с великими мудрецами постоянно подвергали себя подвижничеству, лежа (на земле). Соверши для них жертвоприношение, о Юдхиштхира! Здесь те мудрецы вкушают зерно, варенное в молоке и масле, о владыка народов, здесь (струится) вечнотекущая Ямуна, где предавался умерщвлению плоти Кришна. Оба близнеца и Бхимасена, а также Кришна, о мучитель врагов, — все мы пойдем туда, хотя сильно ослабели в суровом подвижничестве.

Это благословенный родник Индры, о владыка потомков Ману, откуда вознеслись (на небеса) Дхатри, Видхарти и Варуна. Здесь обитают, о царь, те, что смирили свою душу и блюдут высшую дхарму. Эта прекрасная, лучшая из гор (принадлежит) тем, кто добр и возвышен помыслами. Это та самая благословенная Ямуна, о царь, где живут сонмы мудрецов-царей, где совершаются различные жертвоприношения; она избавляет от боязни греха. Здесь совершал жертвоприношения сам царь Мандхатри, великий стрелок из лука, а также, о Каунтея, Сахадева Сомака, лучший из дарующих.
*Такова в книге «Лесная» великой «Махабхараты» сто двадцать пятая глава.*

ГЛАВА 126
Юдхиштхира сказал:
Как, о великий брахман, был рожден сын Юванашвы Мандхатри, величайший из царей, царь-тигр, прославившийся в трех мирах, и как тот, чье сияние безмерно, достиг столь высокого положения? Я хочу выслушать повесть о том мудреце, которому, словно Вишну, великому духом, покорны три мира, а также о том, как (произошло) само имя «Мандхатри», данное тому, чей блеск подобен блеску Шакры, и как появился на свет тот, которому нет равных в силе, — ведь ты искусный рассказчик!

Ломаша сказал:
Слушай внимательно, царь, как слово «Мандхатри», (имя) того царя, великого духом, отозвалось в мирах. Владыка земли Юванашва происходил из рода Икшваку. Тот царь, лучший из блюстителей дхармы, совершал жертвоприношения с богатыми дарами, достигнув тысячи ашвамедх вместе с другими разнообразными главными жертвоприношениями, каждое из которых сопровождалось обильным дарением. Тот царь-мудрец, великий духом и стойкий в обетах, был бездетным. Оставил он царство на своих советников, а сам удалился на жительство в лес. Следуя способу, предусмотренному шастрами, (он устремился) к слиянию своей души с Атманом. Иссушенный жаждой, явился он в обитель Бхригу.

Той самой ночью, о Индра царей, могучий духом, великий святой мудрец, потомок Бхригу, совершал жертвоприношение для Саудьюмни, чтобы тот (обрел) сына. Там стоял, заранее приготовленный, о Индра царей, огромный кувшин, полный воды, очищенной заклинаниями: испив ее, супруга (Саудьюмни) должна была родить сына, подобного Шакре. Водрузив тот .кувшин на алтарь, великие мудрецы, уставшие от ночного бдения, легли отдохнуть, и Саудьюмни прошел мимо них.

Царь, у которого пересохло в горле, мучимый жаждой, усталый, вошел в ту обитель, страстно желая напиться, и попросил воды, но возгласа, (исторгнутого) пересохшим горлом усталого (царя), никто не услышал, словно птичьего крика. И тут, увидев кувшин, полный воды, царь стремительно бросился к нему, напился, а (оставшуюся) воду вылил. После того как мудрый царь, томимый жаждой, испил прохладной воды, он погрузился в нирвану и испытал величайшее блаженство.

Но вот пробудились святые мудрецы, и с ними царь, и увидели, что кувшин опустел. «Кто это сделал?» — спросили собравшиеся, и Юванашва признался: «Я». Достойный Бхаргава сказал тогда ему: «Не следовало (это делать). Та вода, накопленная подвижничеством, предназначалась для того, чтобы (даровать тебе) сына. Это мною было предпринято суровое покаяние и наложено (на воду) заклятие, чтобы ты обрел сына, о царь-мудрец великой силы и мужества! Такого (сына) великой мощи, великой отваги и пыла подвижничества, чтобы он своей доблестью мог бы отправить самого Шакру в обиталище Ямы! Таким способом я подготовил все это, о царь!

Не годится, о царь, что ты испил этой воды, но мы не в силах изменить того, (что случилось). В том, без сомнения, воля судьбы, раз ты поступил именно так. Томимый жаждой, ты испил подготовленной по обряду, (освященной) заклинаниями воды, в которой сосредоточилась, о великий царь, вся мощь моего подвижничества. Потому благодаря этой (воде) ты сам произведешь на свет сына такой мощи, как (было сказано). Мы совершим здесь для тебя весьма необычное жертвоприношение, чтобы ты, о могучий, породил сына, подобного Шакре».

Затем по прошествии полных ста лет у того царя, великого духом, появился, прорвав его левый бок, мощнопламенный сын, второй Сурья. Но смерть не настигла владыку людей Юванашву, и это было подобно чуду. Явился могучий духовным пылом Шакра, желая увидеть (новорожденного). Шакра положил ему в рот свой указательный палец. «Он будет сосать меня», — провозгласил Владетель ваджры. И небожители вместе с Индрой дали ему имя «Мандхатри».

Ребенок принялся сосать палец, поданный Шакрой, и вырос, о царь, на тринадцать кишку. Веды вместе с Дханурведой, а также небесное оружие, о великий царь, — все это открылось могучему (царевичу), едва он помыслил об этом. В тот же день появился у него лук под названием Аджагава и стрелы из рога, а также непробиваемый панцирь. Сам Шакра Магхаван, о бхарата, посвятил его на царство. (Верностью) дхарме он покорил три мира, словно Вишну — своими шагами. Колесо власти великого духом вращалось безостановочно, сокровища сами давались в руки царю-мудрецу. Ему (принадлежала), о владыка земли, земля, полная богатств. Он совершил множество различных жертвоприношений с обильными дарами.

Мощнопламенный царь, безмерно сияющий, воздвигал чайтьи и, достигнув совершенства в дхарме, обрел, о царь, половину трона Шакры. За один день одним лишь своим повелением тот мудрец, верный дхарме, покорил землю с ее поселениями и кладезями сокровищ. Алтарями для его обильных дарами жертвоприношений была сплошь покрыта земля, все четыре стороны света, не оставалось, о царь великий, ни одного свободного (места). Говорят, что могучий духом (Мандхатри) даровал брахманам, о великий царь, десять тысяч падм коров. Великий духом, во время двенадцатилетней засухи он наперекор воле Держащего ваджру послал дождь, чтобы взошли посевы.

Он осыпал своими стрелами и уничтожил могучего властителя Гандхары из рода Сомы, голос которого был подобен грому могучей тучи. Великий душою, он покорил, о царь, четыре рода живущих. Его собственным подвижничеством и пламенной мощью зиждились миры. Смотри — вот то место, где он, блеском подобный солнцу, приносил жертвы богам; это благословеннейший край, сердце Курукшетры. Этим (я) рассказал тебе все о великой судьбе Мандхатри, о царьт и его необычном рождении — то, о чем ты просил меня.
*Такова в книге «Лесная» великой «Махабхараты» сто двадцать шестая глава.*

ГЛАВА 127

Юдхиштхира сказал:
Какова была мощь царя Сомаки, о лучший из повествователей? Я желаю знать истину о его могуществе и деяниях.

Ломаша сказал:
Жил на свете, о царь Юдхиштхира, добродетельный царь по имени Сомака, и было у него сто равно достойных жен. Несмотря на великие усилия, долгое время царь не мог породить от них сына. И вот, когда он был уже стар, но не оставлял усердных попыток, у него от ста жен родился сын по имени Джанту. Все матери сидели вокруг новорожденного, наотрез отвергая (иные) удовольствия, о владыка народов! Однажды, о царь, муравей укусил Джанту в ягодицу, и малыш закричал от боли. Все матери тоже запричитали в великом отчаянии, столпившись вокруг Джанту; поднялся громкий шум, и отчаянные крики донеслись до царя, который сидел вместе со жрецами среди своих советников и приближенных. Царь послал привратника (разузнать), что случилось, и тот рассказал ему, что произошло с его сыном. Сомака, губитель недругов, вместе с советниками спешно поднялся, пошел во внутренние покои дворца и успокоил сына. Утихомирив его, царь покинул женскую половину и снова, о царь, продолжил беседу с советниками и жрецами.

Сомака сказал:
Вот беда — иметь единственного сына! Лучше уж быть бездетным. Поскольку все живущие подвержены болезням, горе тем, кто имеет одного сына. Эту сотню цветущих женщин я присмотрел и взял себе в жены, желая иметь сыновей, о могучий брахман, но детей у них не было. Несмотря на все мои усилия, у всех у них родился от меня один-единственный сын, этот Джанту. Что может быть горше этого?! Я достиг преклонного возраста, и жены мои тоже (состарились), о достойнейший среди дваждырожденных! Для них вся жизнь

сосредоточилась на единственном сыне, так же как для меня. Есть ли соответствующий обряд, благодаря которому (у меня) стало бы сто сыновей? Велик ли он, легок или тяжел для исполнения?

Жрец сказал:
Имеется такой обряд, благодаря которому (у тебя) может быть сто сыновей. Если ты в силах исполнить его, то я расскажу тебе, Сомака!

Сомака сказал:
Могу я выполнить или не могу то, благодаря чему у меня будет сто сыновей, считай это сделанным, о достойный! Поведай мне это.

Жрец сказал:
Во время жертвоприношения, которое я подготовлю, принеси в жертву Джанту, о царь, и тогда у тебя вскоре, о славный, появятся сто сыновей. Когда на жертвенном огне будет гореть его жир, матери вдохнут этот дым и потом родят для тебя могучих сыновей. И Джанту снова будет твоим сыном от той же (супруги), и на левом боку у него появится золотой знак.
*Такова в книзе «Лесная» великой «Махабхараты» сто двадцать седьмая глава.*

ГЛАВА 128

Сомака сказал:
Сделай, о брахман, все так, как это должно быть сделано. Я желаю иметь сыновей и потому совершу все, о чем ты говоришь.

Ломаша сказал:
Затем этот (жрец) устроил жертвоприношение для Сомаки, (собираясь принести в жертву) Джанту, но матери, охваченные отчаянием, силой стали вырывать (у него) сына. «О, смерть наша», — кричали они, терзаясь тяжким горем. Матери тянули его за правую руку, а жрец тащил за левую. И он вырвал младенца у (женщин), подобных тоскующим (птицам) курари, убил его и, согласно обряду, принес в жертву огню его жир. Пока жир горел на жертвенном огне, матери надышались этим запахом и внезапно упали, несчастные, на землю, о потомок Куру! И все царские жены тотчас же зачали сыновей. Спустя десять месяцев у Сомаки родилось от всех них сто сыновей, о бхарата, владыка народов! Джанту, старший, родился у той же матери, и он, о бхарата, стал их общим любимцем, большим, чем другие, их собственные сыновья. На левом боку его был золотой знак, и среди ста сыновей (царя) он был первым по своим достоинствам.

И вот наставник Сомаки отправился в иной мир, а через некоторое время за ним последовал и Сомака. (Царь) увидел (жреца), который жарился в страшной Нараке, и спросил его: «Почему ты горишь в огне Нараки, о дваждырожденный?» А наставник ему ответил, сгорая в жарком пламени: «Я совершил для тебя, о царь, (то) жертвоприношение, а теперь расплачиваюсь за это деяние». Услышав это, царь-мудрец сказал царю Дхарме: «Это я должен туда отправиться, а ты соблаговоли отпустить моего жреца. Из-за меня этот достойный (человек) жарится на огне Нараки».

Дхарма сказал:
Ни один человек, о царь, никогда не расплачивается за деяния другого. Тебя вот тут ждет воздаяние за твои дела, о лучший из дарующих!

Сомака сказал:
Я не желаю блаженных миров без него, толкователя Вед. Хочу жить только с ним вместе — будь то обитель богов или Нарака. О Царь правосудия, мы с ним равны в отношении совершенного, так пусть будет равной для нас, о бог, и расплата за зло, и воздаяние за добро.

Дхарма сказал:
Если ты так желаешь, о царь, то пожинай вместе с ним плоды его (деяния) столько же времени, сколько он, а потом ты достигнешь стези праведников.

Ломаша сказал:
Тот царь лотосоокий, верный наставнику, так все и сделал, а потом вместе с тем же наставником-брахманом достиг блаженных миров, завоеванных его деяниями. Вот сияет впереди его благословенная обитель. Смиренный человек, проведя здесь шесть ночей, вступит на праведный путь. И мы, о Индра царей, проведем здесь шесть ночей, не зная тревог и смирив свою душу. Готовься, потомок Куру!
Такова в книге «Лесная» великой «Махабхараты» сто двадцать восьмая глава.

ГЛАВА 129

Ломаша сказал:
Некогда именно здесь, о царь, сам Праджапати совершил жертвенный обряд, называемый «иштикрита», длившийся тысячу лет. И Амбариша, сын Набхаги, приносил жертвы на берегу Ямуны. Принесением жертв и подвижничеством он достиг высшего совершенства. Это, о царь, благословенный край жертвоприношений сына Нахуши, который во время жертвенных церемонии раздал жрецам-помощникам десять падма. Смотри, о Каунтея, вот место жертвоприношений владыки всей земли, соперничавшего с Шакрой, — самого Яяти, чья мощь неизмерима. Видишь, земля, покрытая различного вида жертвенными огнями, словно бы прогнулась, подалась (под тяжестью) жертвенников Яяти. Вот шами однолистая, а это — прекрасное озеро. Посмотри на эти озера Рамы, полюбуйся обителью Нараяны.

Этим местом проследовал к (реке) Раупья, углубившись в йогу, сын Ричики, не знающий равных в могуществе. Услышь от меня, о потомок Куру, памятный стих, который некогда изрекла пшпачи, украсившая себя ступками: «Вку сив кислого молока в Югандхаре, побывав в Ачьютастхале и совершив омовение в Бхутилае, ты желаешь жить (здесь) вместе со своими сыновьями. Если ты, проведя тут одну ночь, останешься на вторую, то, что произойдет с тобой этой ночью, будет совсем иным, нежели то, что было днем».

Эту ночь, о лучший из бхаратов, мы проведем здесь, ибо это преддверие Курукшетры, о бхарата, сын Кунти! Здесь царь Яяти, сын Нахуши, о царь, совершал жертвоприношения, изобиловавшие различными сокровищами, и этим был удовлетворен Индра. Вот тиртха Ямуны, которая зовется Плакшаватарана, мудрые называют ее же «Вратами небес». Высочайшие святые мудрецы, совершая жертвоприношения по обряду оарасвата, приходят сюда для завершающего омовения, при нося с собой жертвенные столбы и ступки. Здесь же царь Бхарата, покоряя землю согласно своей дхарме, не раз выпускал на волю предназначенного в жертву коня, мастью напоминаю щего пятнистого оленя. Здесь же, муж-тигр, Марутта предпринял величайшую сатру, охраняемый первым среди мудрецов-богов Самвартой. Тот, кто здесь совершит омовение, о Индра царей, узрит все миры и, омывшись, очистится от греха, о бхарата

Вайшампаяна сказал:
Пройдя вместе с братьями через омовение, лучший из Пандавов, прославляемый великими святыми мудрецами, обратил к Ломаше свою речь: «Благодаря подвижничеству я вижу все миры, о воистину доблестный! Отсюда я могу лицезреть Бело-конного, лучшего из Пандавов!»

Ломаша сказал:
Видишь, это благословенная Сарасвати, о мощнорукий, на нее верховные святые мудрецы взирают как на свое единственное сокровенное пристанище. Совершив омовение здесь, о лучший из мужей, ты будешь избавлен от прегрешений. Здесь мудрецы-бога, а также мудрецы-цари и (другие) святые мудрецы совершали, о Каунтея, жертвоприношения по обряду сарасвата. Вот алтарь Праджапати, пять йоджан в каждую сторону, — это Поле великого духом Куру, основой жизни которого было принесение жертв.
*Такова в книге «Лесная» великой «Махабхараты» сто двадцать девятая глава.*

ГЛАВА 130

Ломаша сказал:
Отсюда, о бхарата, смертные, совершив подвижническое покаяние, отправляются на небеса; люди, готовясь к смерти, о царь, шриходят сюда тысячами. Такое благословение даровал Дакша, который некогда совершал здесь принесение жертв: «Те, кто здесь встретит смерть, завоюют небеса». Вот благодатная Сараювати, небесная полноводная река. А это — место под названием Винашана, где Сарасвати (исчезает), о владыка народов! Это начало царства нишадов, из ненависти к которым, о герой, Сарасвати ушла под землю, (произнеся): «Пусть нишады меня не видят».

А это Чамасодбхеда, где Сарасвати (снова) видна и где к ней стекаются благословенные небесные (реки), бегущие в океан. Вот там — великая тиртха Синдху, где Лопамудра, о губитель врагов, встретившись с Агастьей, избрала его своими супругом. А тут сияег тиртха Прабхаоа, о блеском подобный солнцу, это пречистый и благодатный (край), излюбленный Индрой, очищающий от грехов. Вот виднеется прекрасная тиртха под названием Виш-нупада, а это сладостная Випаша, река, высочайшая очисти-тельница. В нее-то и бросился в тоске по сыновьям славный мудрец Васиштха, сам связавший себя, но всплыл на поверхность, освобожденный от пут.

Посмотри вместе с братьями: то край Кашмира, благословеннейший из всех, о губитель врагов! Он населен великими святыми мудрецами. Тут, о бхарата, (происходила) беседа
между Агни, Кашьяпой, всеми мудрецами Севера и сыном Нахутии.

А вот сияют Врата Манасы, о великий царь! Славным Рамой был сотворен ливень посредине этой горы. Это прославленная Ватикашандазп, север Видехи, (край) истины и отваги, не запирающий врата. То место, где обрели покой Явакри, а также славный святой мудрец Васиштха вместе с Арундхати, зовется Удджанака.

Вот озеро Кушаван с лотосам Кушешая; здесь же обитель Рукмини, где она нашла успокоение, отрешившись от гнева. Ты слышал, о сын Панду, о месте, где собираются посвятившие себя самососредоточению. Ты увидишь, могучий царь, эту великую гору Бхригутунгу, а также Джалу и Упаджалу, реки невдалеке от Ямуны; совершая там жертвоприношения, Ушинара превзошел самого Васаву. Васава, о владыка народов, и Агни, о бхарата, явились к нему на место обора богов, чтобы подвергнуть царя испытанию.

Желая испытать великого духом Ушинару, податели даров обратились — Индра в ястреба, а Агни в голубя, и явились к нему на жертвоприношение. Напуганный ястребом голубь, гонимый страхом, ища защиты, сел на бедро царя в тесно прильнул к нему, о царь!
*Такова в книге «Лесная» великой «Махабхараты» сто тридцатая глава.*

ГЛАВА 131

Ястреб сказал:
Все правители земли, о царь, считают тебя наиблагочестивейшим, так почему ты собираешься сделать то, что противоречит своей дхарме? (Этот голубь), о царь, был уготован мне,
мучимому голодом, в пищу. Не обольщайся своей приверженностью дхарме, ты попираешь дхарму.

Царь сказал:
Дрожащая птаха, напуганная тобой, о великая птица, спасая свою жизнь, прибилась ко мне в поисках защиты. Высшая дхарма в том, чтоб не отдать (тебе) голубя, который залетел сюда, пытаясь укрыться от опасности, — как ты считаешь, ястреб? Голубь дрожит и напуган, о ястреб, он хочет найти у меня пристанище. Отречься от него предосудительно.

Ястреб сказал:
Благодаря пище, о царь, появляются на свет все живые существа, благодаря пище растут, благодаря ей существуют живущие. Можно долго прожить, отказавшись от самого дорогого достояния, но много не проживешь, лишившись еды. Душа моя, владыка народов, теперь, когда я лишен пищи, покинет тело и ступит иа путь, с которого нет возврата. Когда я умру, о праведник, погибнут и супруга моя, и дети. Спасая голубя, ты отнимаешь жизнь (сразу) у многих. Благочестие, коим попирается справедливость, не благочестие вовсе, а неправедность.

(Настоящее) благочестие в том, чтоб не препятствовать справедливости, о воистину доблестный! Взвесив, о царь, какой (долг) из взаимно противоположных более важен, а какой — менее, тот и следует исполнять, где нет противоречия. Подумай, что более важно, а что менее, и реши, в чем справедливость, а что — ее противоположность, и после этого, о царь, поступи согласно тому, что представляется тебе твоей дхармой.

Царь сказал:
Много достоинств в твоей речи, о лучшая среди птиц! Уж не Супарна ли ты, властитель пернатых? Во всяком случае, ты постиг дхарму, ибо говоришь пространно, ярко и в соответствии с дхармой. Я пошагаю, нет для тебя ничего неизвестного. Но как же ты можешь считать оправедливым отречение от того, кто обращается за защитой? Твои попытки (убедить меня) в этом вызваны голодом, птица, но ведь ты можешь найти себе больше пропитания иным путем. Тебе будет сейчас предоставлена такая (еда), какую ты пожелаешь: бык или дикий кабан, олень или буйвол.

Ястреб сказал:
Я не ем, о великий царь, (мясо) ни кабана, ни буйвола, ни разных оленей. Что пользы мне от такой еды? Отдай мне, о царь, бык среди кшатриев, этого голубя — вот та еда, которая предназначена мне судьбой. Ястребы едят голубей, таков извечный закон. Не забирайся, о царь, на банановое дерево, чтобы увидеть дорогу. Царь сказал:

О ястреб, почитаемый сонмами птиц! Правь богатым царством шиби, или же я дам тебе все, что ни пожелаешь, но только не эту птицу, о ястреб, которая прилетела (сюда), ища опасения. Скажи, о лучшая из птиц, что сделать, чтобы ты от него отказался, и я сделаю это, но голубя тебе не отдам. Ястреб сказал:

Если, о царь Ушинара, тебе так дорог этот голубь, то отсеки (кусок) собственного мяса, равный по весу голубю. Если (кусок) твоего мяса, о царь, будет таким же, как голубь, отдай его мне, и я удовлетворюсь. Царь сказал:

Я считаю, о ястреб, милостью эту твою просьбу ко мне, поэтому я сейчас же отдам тебе (кусок) собственной плоти, равный по весу (голубю).

Ломаша сказал:
И, отрезав (кусок) своего мяса, царь, знаток высочайшей дхармы, стал сравнивать его с весом голубя, о могучий Каунтея! Когда стало ясно, что голубь весит больше, царь Ушинара принялся добавлять еще мяса, снова срезая с себя. Когда же он срезал с себя все свое мясо и (у него) не хватило егот чтобы уравновесить голубя, он сам поднялся на весы.

Ястреб сказал:
Я — Индра, о знаток дхармы, а этот голубь — У носитель. жертвоприношений. Мы пришли к твоему жертвенному алтарю, чтоб испытать твою праведность. Ты, о владыка народов, срезал мясо со своего тела, и сияющая слава об этом твоем (деянии) покорит миры. Пока в мире люди будут рассказывать о тебе, о царь, до тех пор будет (жить) твоя слава и будут принадлежать тебе вечные миры.

Ломаша сказал:
Вот жилище того царя, великого духом, о сын Панду! Посмотри вместе со мной на эту святыню, избавляющую от греха. Здесь, о царь, всегда можно видеть богов и бессмертных мудрецов с достойными брахманами, великими духом.
*Такова в книге «Лесная» великой «Махабхараты» сто тридцать первая глава.*

ГЛАВА 132

Ломаша сказал:
Видишь, о Индра людей, эту благословенную обитель, окруженную вечно плодоносящими деревьями? Она (принадлежит) сыну Уддалаки, Шветакету, который известен на земле как искусный знаток заклинаний. Здесь Шветакету увидел воочию Сарасвати, принявшую человеческий облик. «Пусть буду я ведать (истинное) слово», — попросил Шветакету у представшей перед ним Сарасвати. В то время, о царь, первыми среди знатоков Брахмана были Аштавакра, сын Каходы, и Шветакету, сын Уддалаки, — дядя и племянник. Оба брахмана, племянник и дядя, явившись на жертвоприношение к царю Видехи, властителю земли, одержали верх в споре с Вандином, не знавшим себе равных.

Юдхиштхира сказал:
Какова была мощь того брахмаиа, который победил таким образом Вандина, и кто сделал его Аштавакрой? Расскажи мне все это правдиво, о Ломаша!

Ломаша сказал:
Был, о царь, у Уддалаки некий смиренный ученик по имени Кахода, услужливый и верный своему наставнику. Долгое время он посвятил постижению Вед. Прочие брахманы-ученики насмехались над ним, но наставник, узнав, что тот подвергается осмеянию, передал ему не только знание Вед, но вскоре отдал ему в жены свою дочь Суджату.Она зачала огнеподобного сына, и тот сказал как-то отцу, погруженному в изучение Вед: «Всю ночь ты постигаешь Веды, отец мой, но так и не выучил как следует». Оскорбленный в присутствии учеников, великий святой мудрец проклял его в гневе, хотя тот был еще в материнской утробе: «Если ты осмеливаешься так говорить, пребывая еще во чреве у матери, то так и останешься скрюченным в восьми местах». Так тот великий святой мудрец и появился на свет скрюченным, и стали звать его Аштавакрой.

Дядя его по матери, Шветакету, был одного возраста с ним.
Неравнодушная к богатству Суджата, встревоженная ростом сына в своем чреве, пришла к своему супругу, не имеющему достояния, и сказала ему наедине: «Как мне вынести, обездоленной, о великий святой мудрец, этот десятый, (последний) месяц? У тебя ведь нет достояния, чтобы я после родов не претерпевала невзгод». После таких слон супруги Кахода отправился за дарами к Джанаке. И Вандин, знающий толк в споре, одержал верх над тем брахманом и низверг его в воду.

Уддалака, слышавший о том разговоре его с сыном, (узнав), что тот был утоплен, сказал Суджате: «Следует скрыть это от Аштавакры». И она последовала тому благому совету, так что, когда этот брахман появился на свет, он так ничего и не услышал об этом. Аштавакра считал Уддалаку своим отцом, а Шветакету — братом.

Однажды, когда Аштавакре было двенадцать лет, Шветакету (увидел) его сидящим у отца на коленях, схватил за руки, стащил его, плачущего, (с отцовских колен) и крикнул: «Это не твой отец, (чтобы тебе сидеть) у него на коленях!» Жестокие слова его проникли тогда в самое сердце (Аштавакры), стало ему очень горько. Плача, отправился он домой и опросил у матери: «Где мой отец?» Тогда Суджата, само отчаяние, в страхе перед проклятием все рассказала ему. Узнав от матери правду, тот брахман сказал Шветакету: «Пойдем на жертвоприношение к царю Джанаке.

Много удивительного говорят о его жертвоприношении. Послушаем там беседу брахманов, вкусим лучших яств и сами наберемся мудрости, ибо благодатно и утешительно святое слово». И отправились дядя с племянником на богатое жертвоприношение царя Джанаки. Аштавакра, встретив на пути царя, который преградил ему дорогу, произнес такие слова.
*Такова в книге «Лесная» великой «Махабхараты» сто тридцать вторая глава.*

ГЛАВА 133

Аштавакра сказал:
Если нет на пути брахмана, то каждый, будь то слепец, глухой, женщина, уличный торговец или же царь, может идти своей дорогой, но, встретившись с брахманом, следует уступить дорогу ему!

Царь сказал:
Я уступаю тебе дорогу. Иди свободно, куда пожелаешь. Не существует огня ничтожного. Сам Индра всегда склоняется перед брахманами.

Аштавакра сказал:
Мы пришли посмотреть на жертвоприношение, о почтенный, ибо сильно наше возросшее любопытство. Мы явились как гости и желаем, чтобы ты, страж дверей, разрешил нам войти. Мы хотим увидеть жертвоприношение сына Индрадьюм-ны, а также встретиться и побеседовать с Индрой-Джанакой. Не навлеки на себя, о стражник, тотчас же величайшей напасти, если (нас) прогневишь.

Страждверей сказал:
Мы исполняем приказание Вандина. Выслушай, что я скажу. Юным брахманам нет сюда доступа. Дозволено появляться здесь лишь мудрым старцам, лучшим из дваждырожденных.

Аштавакра сказал:
Если сюда разрешено приходить только старцам, то мне, о страж дверей, тоже можно войти. Мы, (считай), стары, ибо блюдем обеты, и достойны быть допущенными сюда благодаря могуществу наших знаний. Мы усердны в послушании и смиряли свои души и также идем путем знания к совершенству. Говорят, что и юным (брахманом) не следует пренебрегать, ибо огонь, даже самый малый, обжигает, если к нему прикоснуться.

Страж дверей сказал:
Возроди в своей речи тогда звучащую в Ведах Сарасвати;
(звучит) она (то) в Односложии, то в богатом формами виражде. Однако, посмотри на себя — ты юн и душою, и телом. К чему похваляться: трудно достичь успеха в ученом
споре.

Аштавакра сказал:
Зрелость не измеряется ростом тела, как круглые наросты на шалмали (не говорят) о старости (дерева). И маленькое, низкорослое (деревце) считается взрослым, если способно плодоносить, но если оно не приносит плодов, то еще не достигло поры зрелости.

Страж дверей сказал:
Юноши наследуют мудрость старцев и со временем сами становятся зрелыми. Знание нельзя (получить) за короткое время. Почему же ты, юный, говоришь, словно старец?

Аштавакра сказал:
Стар не тот, у кого голова седа. Даже юношу, если он обладает мудростью, боги считают старцем. Святые мудрецы вершили дхарму не благодаря годам, сединам, (нажитому) достоянию или родственникам. Но кто учен, тот и велик. Я пришел, желая встретиться с Вандином в царском собрании. Доложи обо мне, страж дверей, царю с гирляндой из лотосов. Ты увидишь сегодня, о стражник, как я вступлю в жаркий спор с мудрейшими. Быть может, я буду повергнут, а может быть, вознесен, когда все присутствующие умолкнут.

Страж дверей сказал:
Как же явишься ты, десятилетний, на жертвоприношение, куда допускаются лишь искушенные мудрецы? Я как-нибудь попытаюсь тебя провести, но и ты постарайся потом как следует.

Аштавакра сказал:
О царь, лучший в роду Джанаки, ты окружен почестями, все богатства (принадлежат) тебе. Ты — совершитель жертвенных деяний, каким до тебя был разве что один Яяти. Мы слыхали, что мудрый Вандин, побеждая в споре знатоков Вед, с помощью приставленных тобой верных слуг безжалостно топит всех побежденных. Узнав об этом, я и явился спорить загадками в присутствии брахманов. Где этот Вандин? Встретившись с ним, я намерен затмить его, словно солнце — звезды.

Царь сказал:
Ты вознамерился победить Вандина, не ведая, сколь могуществен твой соперник в споре. Так могут говорить лишь те, которые знают свою силу. Но он уже признан брахманами, искусными в беседе.

Аштавакра сказал:
Он еще не встречался в споре с такими, как я, и только поэтому он вступает в беседу бесстрашно, как лев. Но, встретившись нынче со мною, он будет повержен и станет похож на сломавшуюся в пути телегу с разболтавшейся осью.

Царь сказал:
Величайший мудрец тот, кто постиг, что это такое: имеющее шесть ступиц, двенадцать ободов, двадцать четыре сочленения и триста шестьдесят спиц.

Аштавакра сказал:
Да хранит тебя вечно движущееся колесо, имеющее шесть ступиц, двенадцать ободов, двадцать четыре сочленения и триста шестьдесят спиц.

Царь сказал:
Кто из небожителей дал жизнь тем двум, что подобны паре запряженных вместе кобылиц и налетают, словно ястребы?386 Какое потомство породили они?

Аштавакра сказал:
Да не будет этих двоих в твоем доме, о царь, а только (в домах у твоих) врагов. Тот, чей колесничий — ветер, даровал им жизнь, они же породили его.

Царь сказал:
Кто и во сне не смежает век, кто и живой, но не движется,
у кого отсутствует сердце, кто прибывает на бегу?

Аштавакра сказал:
Рыба спит, не смежая век. Яйцо живое, но не движется.
У камня отсутствует сердце, река прибывает на бегу.

Царь сказал:
Я нахожу, что ты — не человек, а существо божественное. Ты не юн, а умудрен годами, по моему мнению. Нет такого, кто бы сравнился с тобой в искусстве беседы. Поэтому я отворяю тебе двери. Вот Вандин.
*Такова в книге «Лесная» великой «Махабхараты» сто тридцать третья глава.*

ГЛАВА 134

Аштавакра сказал:
О царь, среди собравшихся здесь, подобно грозному воинству, не знающих себе равных царей я не могу распознать по голосу (Вандина), словно гуся (среди стаи), гомонящей у большой воды. О Вандин, слывущий первым среди владеющих искусством спора! Вступив со мной в состязание, ты не будешь говорить (с такой легкостью), словно пред тобою река, в которую ты входишь: (перед тобой) — неистово пылающий Пожиратель жертв. Предстань предо мною!

Вандин сказал:
Не буди спящего тигра! Знай, ты не избежишь укуса ядовитой змеи, облизывающей уголки рта, если, наступив на нее, ударишь по голове. Кто сам слабее слабого, но обуянный гордыней, налетает на гору, пытаясь ее сокрушить, тот только изранит руки и ногти, а на камне не останется и царапины. Словно (все)

горы рядом с Майнакой, как телята рядом с быком, кажутся ничтожными все цари рядом с царем — владыкой Митхилы.

Ломаша сказал:
Тут Аштавакра, о царь, воспылав гневом, обратил свою речь к Вандину посреди Собрания, и голос его был подобен грому: «Когда я скажу свое слово, ответь мне, а я отвечу тебе
на твое».

Вандин сказал:
Огонь единый сияет во многих видах, солнце единое все освещает, един герой — Царь богов, губитель (недругов), и Яма един, владыка праотцев.

Аштавакра сказал:
Индра и Агни — два друга неразлучных, Нарада и Парвата — два божественных мудреца. Апгвинов двое, и два колеса у колееницы. Муж и жена — двое, соединенные Видхатри.

Вандинсказал:
Благодаря карме трояко рождается земная тварь. Трое участвуют в отправлении ваджапеи. Адхварью совершают тройное омовение. Насчитывается три мира и три светоча.

Аштавакра сказал:
Знак брахманов — четверичность, четыре (жреца) поставлены вершить это жертвоприношение, вечно считалось, что сторон света — четыре и варн — четыре, а также четыре ноги у коровы.

Вандин сказал:
(Есть) пять огней и пять пад в размере панкти, а так же пять (видов) жертвоприношений и пять органов восприятия, в Ведах известно пять (апсар), имеющих по пять локонов, в мире прославлено благословенное Пятиречье.

Аштавакра сказал:
Некоторые считают, что именно шестикратный дар (следует давать брахманам) по случаю установления жертвенного огня. Колесо времени (состоит) из шести сезонов, органов чувств — шесть, шесть Криттик (в созвездии), всюду в Ведах говорится о шести (жертвоприношениях) садьяска.

Вандин сказал:
(Существует) семь видов домашних животных и семь диких; семь стихотворных размеров используется при одном жертвоприношении, (насчитывается) семь святых мудрецов, семь (видов) почестей и семь струн у вины.

Аштавакра сказал:
Восемь шана составляют сто мана, восемь ног у шарабхи, убивающего льва; известно, что восемь васу среди богов, при любом жертвоприношении устанавливается восьмиугольный жертвенный столб.

Вандин сказал:
Девять молитв 'произносится при возжигании огня в честь праотцев; считается, что творение состоит из девяти стадий; девять слогов составляют (размер) брихати. Сочетание девяти (цифр) используется всегда при счете.

Аштавакра сказал:
На десять периодов делится жизнь человека в мире, десять сотен составляют полную тысячу. Десять месяцев вынашивает женщина плод, «десять» (слышно в названиях) — «дашераки», «дашарны», «даша».

Вандин сказал:
Одиннадцать домашних животных полагается на одиннадцать дней половины лунного месяца, для них существует одиннадцать жертвенных столбов. Одиннадцать видоизменений претерпевают живущие, на небе среди богов — одиннадцать рудр.

Аштавакра сказал:
Двенадцать месяцев насчитывается в году, двенадцать слогов (составляют) паду (размера) джагати. Двенадцать дней длится обычное жертвоприношение, двенадцать адитьев насчитывают брахманы.

Вандин сказал:

Тринадцатый лунный день считается самым грозным, земля (состоит из) тринадцати островов

Ломаша сказал:
Произнеся это, Вандин запнулся, а Аштавакра досказал за него вторую половину шлоки: «Тринадцать дней провел в пути Кепган. Тринадцать и более (слогов), как считается, (составляют размер) атиччхандас». Когда (все) увидели, что сын суты погрузился в задумчивость и молчит, опустив голову, а Аштавакра продолжает свою речь, поднялся громкий крик. И когда воцарилось такое смятение в разгар жертвоприношения у царя Джанаки, к Аштавакре с радостью и почтением приблизились все брахманы, покорно сложив ладони.

Аштавакра сказал:
Известно, что прежде он, побеждая брахманов в споре, топил их в воде. Пусть же сегодня эта судьба постигнет самого Вандина! Хватайте его и бросайте в воду!

Вандин сказал:
Я — сын Варуны. Там, о Джанака, совершалась двенадцатилетняя сатра, (длившаяся) столько же времени, сколько твоя. Потому я и посылал туда тех лучших из дваждырожден-ных. Все они отправились наблюдать жертвоприношение Варуны и вот снова идут сюда. Я намерен почтить достойного почестей Аштавакру, благодаря которому я встречусь со своим отцом.
Аштавакра сказал:

Брахманы, которых он одолел в словесном поединке своей искушенностью в опоре и мудростью, были брошены им в океанские воды406, но я своей мудростью взял над ним верх в беседе. Пусть праведные оценят (достоинства) моей речи. Да минует пылающий огонь Джаташедас дома праведных, не опалив их своей мощью! Праведники прислушиваются к высказываниям малолетних, даже если слова их наивны. Ты же слушаешь меня, Джанака, поникший, словно отведал (плод дерева) шлешматаки. Или льстивые речи совсем опьянили тебя? Ты славно слон, гонимый (погонщиком), и слуха твоего не достигают эти мои слова.
Джанака сказал:

Я слушаю твою речь, удивительную, нечеловеческую. И весь твой облик скорее небесный. Ты победил в споре Вандина, и Вандин в твоей власти: (делай с ним), что пожелаешь.

Аштавакра сказал:
К чему мне, о царь, живой Вандин? Если (правда), что
отец его — Варуна, брось его в воду.

Вандин сказал:
Я воистину сын царя Варуны и не боюсь быть брошенным в воду. В сей же миг Аштавакра увидит своего давно умерщвленного отца Каходу.

Ломаша сказал:
Затем перед Джанакой, один за другим, предстали могучие духом брахманы, вкусившие почестей Варуны.

Кахода сказал:
Вот почему, о Джанака, согласно карме, люди желают иметь сыновей: то, чего не смог сделать я, сделал мой сын. Ибо у слабого, о Джанака, рождается сильный сын, у незрелого разумом — мудрец, у невежды — ученый.

Вандин сказал:
Твоей остро отточенный секирой, о царь, пусть сам Антака срубает в бою недругам головы! Да будет благо тебе! Здесь во время сатры поют великую уктхью и главный саман и пьют должным образом сому. Сами боги здесь на жертвоприношении Джанаки, радостные, принимают каждый свою чистую долю.

Ломаша сказал:
И вот, попрощавшись со всеми поднявшимися в своем великом блеске брахманами, а также с царем Джанакой, Вандин, о царь, вступил в океанские воды. А Аштавакра, победивший непревзойденного Вандина, почтив отца и приняв оказанные ему должным образом почести брахманов, вместе со своим дядей вернулся в прекрасную обитель. В довольстве и радости пребывая здесь вместе с брахманами и братьями, ты, о Каунтея Аджамидха, совершишь со мною паломничество к другим благословенным (местам), чистый в своих деяниях и верный единому.
*Такова в книге «Лесная» великой «Махабхараты» сто тридцать четвертая глава.*

ГЛАВА 135

Ломаша сказал:
А это, о царь, виднеется (река) Саманга-Мадхувила, то (место) зовется Кардамила, там был посвящен на царство Бхарата. Супруг Шачи, расправившись с Вритрой, преследуемый невзгодами, погрузился в воды Саманги и избавился от всех прегрешений. Это Винашана, где Майнака (скрылась) во чреве (земли), о муж-бык! Там некогда Адити, желая обрести сына, изготовила угощение (для богов). Поднимитесь на эту царицу гор, о мужчбык, и вы перестанете мучиться своим бесславием, безвестностью, несчастьем.

Это, о царь, горная (цепь) Канакхала, любимое (пристанище) святых мудрецов; отсюда, о Юдхиштхира, виднеется великая река Ганга. Достойный Санаткумара достиг здесь высочайшего совершенства. Совершив омовение в ней, о Аджамидха, и ты очистишься от всех грехов. Вместе с советниками, о Каунтея, прими омовение в водах озера под названием Пунья, в Тушни-Ганге и на горе Бхригутунге. Отсюда видна прекрасная обитель Стхулаширасa, отрекись здесь от гордыни и гнева, о Каунтея! Вон, о сыв Панду, сияет славная обитель Райбхьи, где окончил свои дни мудрец Явакрита, сын Бхарадваджи. Юдхиштхира сказал:

Какими (достоинствами) был наделен тот святой мудрец, пламенный Бхарадваджа, и отчего принял смерть сын того мудреца Явакрита? Я желаю, о Ломаша, слышать, как все это произошло. Я испытываю наслаждение от рассказов о деяниях тех, кто подобен богам. Ломаша сказал:

Бхарадваджа и Райбхья были друзьями. Жили они здесь, в лесу, преисполненные непреходящей радости. Было у Райбхьи два сына — Арвавасу и Паравасу. У Бхарадваджи, о бхарата, был сын Явакри. Райбхья с сыновьями копил знания, другой предавался подвижничеству, и дружба обоих с самого детства не знала себе равных, о бхарата!

Но Явакри замечал, что отцу-подвижнику не выказывают почестей, Рабхью же с его сыновьями почтительно встречают брахманы, о безупречный! (Явакри) неистово страдал, исполненный гнева, и решил наконец предаться суровому умерщвлению плоти, чтобы (добиться) знания Вед, о Пандава! Величайший подвижник, он жег свое тело на мощном пылающем огне и тем вызвал тревогу Индры. Тогда, о Юдхиштхира, Индра явился к Явакриту и опросил: «С какой целью предпринял ты столь яростное покаяние?»

Явакри сказал:
О почитаемый сонмом богов, пусть откроются мне Веды, недоступные познанию дваждырожденных, — вот цель моего величайшего покаяния. Я предпринял его, о Губитель Паки, чтоб (получить) знание Вед. Я желаю подвижничеством добиться всех знаний, о Каушика! Долгое время нужно для того, чтобы усвоить Веды из уст наставника, о могучий! Потому я и решился на этот великий шаг.

Индра сказал:
То неправедный путь, о брахман-мудрец, по которому ты намерен пойти. Чего (ты достигнешь), убив себя, о премудрый! Ступай и получи знания из уст наставника. Ломаша сказал:
С этими словами Шакра удалился. Явакри же, о бхарата, еще более стал усердствовать в аскетическом подвиге, о безмерно отважный! Предаваясь суровому умерщвлению плоти, о
царь, великий подвижник, как мы слыхали, сильно тревожил Индру богов.

И тогда бог, Сокрушитель Балы, снова явился к великому отшельнику, погруженному в жестокое покаяние, и попытался остановить его: «Недостижима цель, (к которой ты стремишься), необдуман этот твой (шаг) во имя того, чтобы Веды открылись тебе и твоему отцу».

Явакри сказал:
Если, о Царь богов, не сбудется то, что я желаю, то с великим усердием я предприму еще более суровое подвижническое покаяние. Знай, о Магхаван, я отрежу свои члены один за другим и принесу их в жертву пылающему огню, если ты по доброй воле не исполнишь всего, что я хочу, о царь богов!

Ломаша сказал:
Убедившись в решимости того великого духом подвижника, мудрый (Индра) стал размышлять, как бы его остановить. Затем Индра принял вид изможденного, чахоточного брахма-на подвижника, которому не одна сотня лет от роду, и принялся строить из песка плотину в том месте Бхагиратхи, где в соответствующей тиртхе Явакрита совершал обычно очистительное омовение.

Поскольку лучший из дваждырожденных не внял поданному им совету, Шакра стал наполнять песком Гангу. Шакра непрерывно бросал горстями песок в Бхагиратхи, сооружая плотину, чтобы тем самым преподать урок Явакрите. Явакри, бык среди отшельников, смотрел, как тот старается перегородить (Гангу), и наконец,

рассмеявшись, ока зал: «Что происходит, о брахман? Что ты задумал сделать? Эти огромные усилия, которые (ты) предпринимаешь, бесплодны».

Индра сказал:
Я перегорожу Гангу насыпью, и будет удобный путь. А то ведь, о сын мой, людям трудно переправляться каждый раз (через реку).

Явакри сказал:
Тебе не по силам перегородить этот мощный поток. Отступи перед тем, что невозможно сделать, займись (чем-нибудь) посильным для тебя.

Индра сказал:
Моя ноша, что я взвалил на себя, столь же непосильна, как и твоя, когда ты с целью (постичь) Веды предпринял это подвижничество.

Явакри сказал:
О Владыка Тридцати (богов), Губитель (демона) Паки! Если ты считаешь, что мои (усилия) столь же бесплодны, как и то, что ты делаешь, то сделай так, о Властитель сонма богов, чтобы я мог (достичь знания Вед). Даруй мне также и иные дары, благодаря которым я превзойду других.

Ломаша сказал:
И Индра даровал ему те дары, о которых просил великий
подвижник: «Откроются тебе и отцу твоему Веды, как ты желаешь. (Исполнятся) и другие твои желания, которые ты вынашиваешь. Ступай, Явакри!» И тот, добившись того, что хотел, явился к отцу и сказал.
*Такова в книге «Лесная» великой «Махабхараты» сто тридцать пятая глава.*

ГЛАВА 136

Явакри сказал:
Веды откроются нам обоим: и мне, и (тебе), отцу моему.. Мы превзойдем других — вот какие дары я получил!

Бхарадваджа сказал:
Получив дары, которые ты пожелал, ты возгордишься, о сын мой, а обуянный гордыней, вскоре погибнешь, несчастный! По поводу этого рассказывают такую притчу, сложенную богами. Некогда, о сын мой, жил на свете могучий святой мудрец по имени Баладхи. Терзаемый тоской по сыну, он подверг себя необычайно суровому умерщвлению плоти (и пожелал) : «Пусть будет у меня бессмертный сын» — и он получил такого. Но боги, явившие ему милость, сделали (его сына) не таким, как сами бессмертные: «Смертный не может быть бессмертным. Срок его жизни будет отмечен».

Баладхи сказал:
Вечны и незыблемы эти горы, о лучшие из богов, пусть они и отмечают срок жизни моего сына.

Бхарадваджа сказал:
И родился у него тогда сын (по имени) Медхавин, всегда пребывающий в гневе. Узнав о том, (что предшествовало его рождению), он преисполнился гордости и стал относиться с презрением к святым мудрецам. Странствуя по земле, чиня зло-отшельникам, он встретил однажды могучего мудрого Дханушакшу. Медхавин оскорбил его, и могучий (мудрец) его проклял: «Обратись в прах!» Но тот, к кому были обращены эти слова, не превратился в тлен.

Тогда могучий Дханушакша, видя, что Медхавин остался цел и невредим, наслал быков, чтобы разрушить (горы), залог его (жизнестойкости). Когда рухнули (горы), отмечавшие (срок его жизни), юноша тут же скончался, и отец, найдя сына мертвым, принялся его оплакивать.

Отшельники увидели, что он рыдает, объятый горем, как
прежде, и обратились к нему с песнопением, которое звучит в Ведах. Услышь его от меня: «Смертный не властен преступить того, что назначено судьбой: Дханушакпта с помощью
быков сокрушил горы».

Так дерзкие юноши, получив дары, преисполняются гордыни и быстро гибнут. Да не случится это с тобою! Велика мощь Райбхьи и обоих его сыновей. Не приближайся к нему, о сын мой, и будь начеку! Великий святой мудрец, знаток Вед и подвижник, он гневлив и в ярости своей может погубить тебя, сын мой!

Явакри сказал:
Я выполню (твой завет), не тревожься, отец, обо мне. Так же как я почитаю тебя, (чту я) и Райбхью, (словно) отца своего.

Ломаша сказал:
Ласково успокоил отца бесстрашный Явакри, а сам принялся досаждать другим мудрецам, черпая в том величайшую радость.
*Такова в книге «Лесная» великой «Махабхараты» сто тридцать шестая глава.*

ГЛАВА 137

Ломаша сказал:
В своих скитаниях Явакри, не ведающий страха, в месяце вайшакха добрался до обители Райбхьи. Там он увидел, о бха-рата, его сноху, подобную киннари: она прогуливалась по священной обители, украшенной цветущими деревьями. Явакри, потеряв рассудок от страсти, бесстыдно сказал стыдливой (красавице): «Сойдись со мной!» Зная его характер, страшась как его проклятия, так и пламенной мощи Райбхьи, она приблизилась (к нему) и произнесла: «Пусть будет так!».

Затем она увела его в уединенное место и только совершила омовение, как в обитель вернулся Райбхья, о бхарата, губитель недругов! Он увидел свою невестку, жену Паравасу, в слезах и печали, стал ласково утешать ее и расспрашивать, о Юдхиштхира! Красавица все рассказала ему: и что предложил ей Явакри, и что она сама обдуманно ответила Явакрите.

Когда Райбхья услышал о том, что вознамерился сделать Явакрита, душу его словно пламенем охватило, родился (в ней) великий гнев. Обуреваемый яростью, гневный подвижник вырвал у себя прядь волос и принес ее в жертву тщательно подготовленному (священному) огню. Тут появилась женщина, внешне подобная той, а он, вырвав другую прядь, снова принес ее в жертву огню.

Тогда появился ракшас со страшными глазами, грозный обличьем. Оба они сказали Райбхье: «Что нам следует сделать — мы сделаем». Разгневанный святой мудрец повелел: «Пусть будет убит Явакри!» И те со словами: «Да будет так!»— удалились, намереваясь уничтожить Явакриту. Приблизившись к нему, Критья, вызванная к жизни (Райбхьей), великим духом, употребив свои чары, отобрала у него кувшин, о бхарата! И тут на Явакриту, который ли-шшгся кувшина и потому не совершил очистительного омовения, налетел тот ракшаса с занесенными копьем. Явакри увидел, что тот нападает с копьем в руке, намереваясь убить его, быстро вскочил и бросился к озеру, но в озере воды не было. Явакри поспешно кинулся к потокам, но и они все оказались пересохшими. Преследуемый грозным ракшасой с копьем в руке, испуганный, он быстро добрался до того (места) где его отец (совершал) агнихотру. Но едва он хотел войтиг как в воротах его силой остановил слепой страж-шудра, и он отступил, о царь!

Когда шудра задержал Явакриту, ракшаса настиг его своим копьем, и тот упал с пробитым сердцем. Убив Явакриту, ракшаса возвратился к Райбхье. Простившись с Райбхьей, они с той женщиной удалились.
*Такова в книге «Лесная» великой «Махабхараты» сто тридцать седьмая глава.*

ГЛАВА 138
Ломаша сказал:
Тем временем, о Каунтея, завершив чтение Вед, положенное на этот день, Бхарадваджа со связкой поленьев возвращался к себе в обитель. Прежде все (жертвенные) огни, едва завидев его, тянулись к нему навстречу, но теперь огни не приветствовали его: сын его был убит. Могучий подвижник заметил неполадки в агнихотре и спросил у сидящего (рядом) слепца-шудры, хранителя дома: «Почему, о шудра, огни не радуются моему появлению? И ты (держишься) не так, как обычно. Все ли в порядке здесь, в обители? Не пошел ли мой неразумный сын к Райбхье? Окажи мне скорее, на душе у меня неспокойно».

Шудра сказал:
Твой слабый разумом сын тут же отправился к Райбхье. Вот и лежит он, сраженный могучим ракшасой. Тот ракшаса преследовал его с копьем в руке, а я задержал его своими руками у входа в хранилище (священного) огня. Тотчас же он был здесь убит: он искал воды, но не успел совершить очищения, потому его и одолел быстрый ракшаса с занесенным копьем.

Ломаша сказал:
Услышав от шудры печальную весть, Бхарадваджа приблизился к мертвому сыну и стал оплакивать его в глубоком горе: «Ты предавался подвижничеству во имя блага брахманов, чтобы открылись тебе Веды, не

познанные дваждырожденными. Ты был добр душой к брахманам, великим духом, и, невиновный ни перед одним живым существом, оказался насильником. Я заклинал тебя не посещать жилища Райбхьи, но все-таки ты пошел к нему, жестокому, словно Яма-Калантака. Ничтожен помыслами тот мощнопламенный (брахман), который, зная, что ты у меня, старика, единственный сын, подчинился власти гнева.

Из-за того, что сделал Райбхья, я терзаюсь теперь печалью о сыне. Без тебя, о сын мой, и я расстанусь с жизнью, самым дорогим на земле. И если я, несчастный, в тоске по сыну уйду из жизни, так пусть же старший сын Райбхьи убьет его вскоре, также безвинного. Счастливы люди, у которых нет любимых сыновей: они не знают, что такое тоска по сыну, и живут, как им по душе. Кто более грешен, чем тот, разум которого совсем помутился от горя — (смерти) сына, и в муке он проклинает любимых своих друзей?! Увидел я сына мертвым и проклял близкого друга. Кому еще суждено перенести подобную боль?!» Оплакивая на все лады своего сына, Бхарадваджа предал его сожжению, а следом и сам вошел в ярко пылавшее пламя.
*Такова в книге «Лесная» великой «Махабхараты» сто тридцать восьмая глава.*

ГЛАВА 139

Ломаша сказал:
В то время могучий и славный царь Брихаддьюмна решил совершить (жертвенный обряд) сатра, который (прежде) отправлял для него Райбхья. Мудрый Брихаддьюмна избрал в помощники для сатры обоих сыновей Райбхьи — Арвавасу и Паравасу. Попрощавшись с отцом, они отправились туда, о Каунтея, а в обители остались Райбхья и жена Паравасу. Как-то Паравасу, желая повидать (ее), возвращался один домой. В лесу он встретил отца, облаченного в черную оленью шкуру. (Была) глубокая ночь, и (Паравасу), слепой от дремоты, не разглядев отца, принял его за оленя, бродящего в глухом лесу. Думая (добыть шкуру), чтобы прикрыть свое тело, он, не желая того, убил416 своего отца, считая, что это олень. Он совершил для него все погребальные обряды, о бхарата, и снова отправился на ту сатру. Там он сказал своему брату: «Этот обряд ты не сможешь исполнить один. Я же убил отца, приняв его за оленя. Поэтому прими, о достойный, ради меня обет, который (должно исполнить), если убит брахман, а я могу и один завершить этот обряд, о отшельник!»

Арвавасу сказал:
Совершай же ты сатру для мудрого Брихаддьюмны, а я, смирив свои чувства, исполню ради тебя (обет), (положенный после) убийства брахмана.

Ломаша сказал:
Исполнив (тот обет) по случаю убийства брахмана, отшельник Арвавасу, о Юдхиштхира, снова явился на сатру. Парава-су увидел, что его брат вернулся, и сказал Брихаддьюмне, пришедшему на совет: «Это убийца брахмана, пусть он не приближается, чтобы увидеть твое жертвоприношение. Убивший брахмана одним лишь взглядом погубит тебя, без сомнения». И Арвавасу, о царь, был тогда изгнан (царскими) слугами. «Это не я совершил убийство брахмана», — повторял он снова и снова. Но слуги, о бхарата, твердили одно и то же: «Ты — убийца брахмана!».

А Паравасу не признался, что сам совершил убийство, (лишь говорил): «Мой брат это сделал, а меня уберегло (от греха)». Боги были обрадованы поведением Арвавасу, о царь, они вступились за него и осудили Паравасу. Затем боги во главе с Агни даровали дар (Арвавасу), и попросил он, чтобы отец его был жив, брат — невиновен и чтобы отец его не помнил, что был убит, и снова бы жили и Бхарадваджа, и Явакрита. Все они тотчас же вернулись к жизни, а Явакрита, о Юдхиштхира, обратился к богам, возглавляемым Агни: «Я постиг Брахман, исполнив обеты. Так как же смог Райбхья, о лучшие из бессмертных, таким способом погубить меня, знатока Вед и подвижника?»

Боги сказали:
Не поступай так, как говоришь, о отшельник Явакрита! Легко, без наставника получил ты знание Вед. А он, своим поведением радуя наставников, в течение долгого времени в тяготах и невзгодах постигал высочайший Брахман.

Ломаша сказал:
Сказав это Явакриту, боги во главе с Агни, оживившие всех тех (умерших), снова удалились на третье небо. Вот его благословенная обитель с вечно цветущими и плодоносящими деревьями. Пожив здесь, о царь-тигр, ты избавишься от всех грехов.
*Такова в книге «Лесная» великой «Махабхараты» сто тридцать девятая глава.*

ГЛАВА 140

Ломаша сказал:

Ты оставил позади, о царь-бхарата Каунтея, горы Ушира-биджу, Майнаку, Швету, а также гору Калу. Вот сияет Ганга, разветвляясь на семь потоков, о бык среди бхаратов, место беспыльное и прекрасное, где всегда пылает огонь. Ни один человек не может увидеть этого. Предайтесь глубокому самососредоточению — и тогда вы увидите эти тиртхи.

Мы отправимся к горе Швете, а также к горе Мандаре, где (обитает) якша, страж сокровищ, и сам Кубера, властитель якшей. Восемнадцать тысяч быстрых гандхарвов, в четыре раза больше того кимпурушей, о царь, а также якшей различного вида и ранга, разнообразно вооруженные, служат, о лучший из потомков Ману, Индре якшей — Манибхадре. Богатства их неисчерпаемы, а движутся они подобно ветру. Они способны туг же скинуть с трона самого Царя богов. Под охраною их, могучих, защищаемые ятудханами, горы эти неприступны, о Партха! Погрузись в глубочайшее самосозерцание! Есть у Куберы и другие грозные советники и ракшасы, его друзья. Мы встретимся с ними, о Каунтея! Сосредоточь свои усилия на этом переходе.

Гора Кайласа, о царь, уходит в вышину на шестьсот йоджан. Там собираются боги, там (находится) Вишала, о бхарата! Неисчислимое множество якшей, ракшасов, киннаров, нагов, суларнов, гандхарвов в обиталище Куберы, о Каунтея! Ступай теперь к ним, о царь Партха, я охраняю тебя, (как охраняют тебя) мощь Бхимасены, пыл подвижничества и самообуздание. Пусть даруют тебе благо царь Варуна и Яма, победитель в сражениях, а также Ганга, Ямуна и (эта) гора. Богиня Ганга, я слышу твой плеск с вершины Джамбунады, горы Индры. Храни же, славная, от (этих) гор Индру среди мужей, почитаемого всеми потомками Аджамидхи! О дочь гор, будь защитницей царю (Юдхиштхире) — он приближается к этим горам!

Юдхиштхира сказал:
Необычна такая взволнованность Ломаши. Храните все неусыпно (нашу супругу) Кришну. По мнению (Ломаши), место это крайне труднодоступно, поэтому блюдите здесь высочайшую чистоту.

Вайшампаяна сказал:
Вслед за тем он обратился к Бхиме, великому в своей отваге: «Охраняй заботливо Кришну, о Бхимасена! Когда отсутствует Арджуна и нет его поблизости, ты, о брат мой, (должен) оберегать в невзгодах Кришну». Затем великий духом царь подошел к близнецам, приласкал их, вдохнул запах головы каждого и прерывающимся голосом произнес: «Не бойтесь! Ступайте без трепета».
*Такова в книге «Лесная» великой «Махабхараты» сто сороковая глава.*

ГЛАВА 141

Юдхиштхира сказал:
(Здесь есть) невидимые существа, о Врикодара, и могучие ракшасы. Мы сможем идти вперед благодаря (жертвенному) огню и пылу подвижничества. Собери силы, о Каунтея, превозмоги голод и жажду! Опирайся на мощь и мудрость свою, о потомок Куру! Ты слышал слова святого мудреца о горе Кайласе. Поразмысли, о Каунтея, как сможет идти (здесь) Кришна? Может быть, тебе, о могучий болыыеокий Бхима, вернуться назад вместе с Сахадевой и Дхаумьей, поварами, наблюдателями за кухней, всеми слугами, конями и колесницами и теми брахманами, которым не вынести тягот пути? А мы трое — я, Накула и Ломаша, великий подвижник, проследуем дальше, поддерживая себя скудной пищей и соблюдая обеты. Живи здесь, у истоков Ганги, погрузившись в самососредоточение, и жди моего возвращения. Охраняй Драупади, пока я не вернусь!

Бхима сказал:
Славная царская дочь изнемогает от усталости, удрученная горем, о бхарата, и все-таки она идет, движимая надеждой встретиться с Белоконным. Ведь и тобой овладевает все более острая тоска оттого, что ты не видишь его, что же (будет, если ты разлучишься) еще и с Сахадевой, со мной и с Кришной, о бхарата! Пусть все слуги с колесницами, повара и наблюдатели за царской кухней, если желают, возвращаются туда, где, как ты считаешь, наше (место). Но я ни за что не хочу покидать тебя здесь, на этой труднодоступной, непроходимой горе, кишащей ракшасами. Да и причастная славной доле царская дочь, верная обету, без тебя, о тигр среди мужей, не пожелает вернуться.

И Сахадева, всегда послушный тебе, верно уж, не повернет обратно — я знаю его решимость. Здесь все мы, великий царь, полны нетерпения, мечтая о встрече с Савьясачином, потому и двинемся дальше все вместе. Если по этой горе, где много ущелий, нельзя проехать на колесницах, мы будем идти пешком. Не тревожься, о царь! Я на руках пронесу Панчали там, где она не сможет (пройти), — вот что пришло мне на ум. Не тревожься, о царь! И обоим юным героям, доставляющим радость Мадри, я помогу переправиться там, где будет трудно, если сами они будут не в силах.

Юдхиштхира сказал:

Да возрастет же твоя мощь, о Бхима, если ты так говоришь и намерен нести на себе Драупади и близнецов в долгом пути. Благо тебе! Такого не встретишь больше нигде! Пусть растут твоя сила и честь, добродетель и слава! Да не посетит усталость тебя, способного пронести на себе обоих братьев вместе с Кришной! Да не будешь ты знать поражений, о мощ-норукий!

Вайшампаяна сказал:
И тут прекрасная Кришна, улыбаясь, произнесла: «Я пройду, не надо тревожиться обо мне, о бхарата!»

Ломаша сказал:
Гору Гандхамадану можно пройти благодаря пылу подвижничества. Мы все, Каунтея, подвергнем себя умерщвлению плоти. Накула, Сахадева и Бхимасена, о царь, и я, и ты, Каунтея, увидим Белоконного!

Вайшампаяна сказал:
Беседуя мен? собой, радостные, увидели они, о царь, огромные владения Субаху, изобиловавшие слонами и конями. (Раскинувшиеся на склонах) Химавана, они были местом поселения киратов и танганов; здесь были сотни куниндов, встречались и бессмертные и было множество чудес. Субаху же, властитель куниндов, завидев Пандавов, радостно оказал им почести у входа в свои владения. Принятые с почетом, все онп жили там в полпом довольстве, а затем, когда солнце очистилось от туч, отправились к горе Химаван. Слуг во главе с Индрасеной, наблюдателей за царской кухней, поваров и прислужниц Драупади, о царь, — всех их могучие колесничные воины, доблестные потомки кауравов, оставили у царя, повелителя куниндов, а сами двинулись дальше пешком. Из того края Пандавы вместе с Кришной, радостные, неспешно тронулись в путь, мечтая увидеть Завоевателя богатств.
*Такова в книге сЛесная» великой «Махабхараты» сто сорок первая глава.*

ГЛАВА 142

Юдхиштхира сказал:
О Бхимасена, оба близнеца и Панчали, помните — не исчезает бесследно прошлое. Смотрите: скитаемся мы по лесам. «Мы обессилели и устали, — говорите вы меж собой, — не в силах дальше идти», хотя (все) вы стремитесь увидеть Завоевателя богатств. Эти (думы) сжигают меня, словно огонь — кучу соломы, как и то, что нет подле меня героя — Завоевателя богатств.

Оскорбление, (нанесенное) Яджнясени, огнем жжет меня, пока я, томясь ожиданием встречи с ним, живу с младшими братьями в лесу. Я не вижу безмерно могучего Партхи, старшего брата Накулы, непобедимого обладателя грозного лука, и это терзает меня, о Врикодара! Пять лет вместе с вами странствую я по прекрасным тиртхам, лесам и озерам, мечтая о встрече с героем — Завоевателем богатств, верным данному слову, но я не вижу Бибхатсу, и это терзает меня, о Врикодара! Я не вижу мощнорукого черного Гудакешу, походка которого — что поступь льва, и это терзает меня, о Врикодара!

Я не вижу лучшего среди мужей, в совершенстве владеющего оружием, непревзойденного среди лучников, искусного в битве, — и это терзает меня, о Врикодара! (Я не (вижу) Завоевателя богатств, который мчался, (бывало) посреди вражеских полчищ, словно Антака, яростный рок; плечи его — как у льва, а сам он подобен разъяренному слону. Безмерно отважный Белоконный Партха, старший брат близнецов, не уступит самому Шакре в мощи и доблести. Подавленный тяжкой, неотвратимой бедой, в которой сам же я виноват, я не вижу Пхальгуну, непобедимого владыку грозного лука.

Он, который всегда, милосерден к самому ничтожному, даже если тот задевает его, и дарует благосклонность, оберегая того, кто ступил на стезю» добра, обернется змеиным ядом для того, кто избрал путь вероломства и хитростью пытается сломить (его), пусть это будет сам Держащий ваджру. Могучий, грозный Бибхатсу с душой необъятной незлопамятен, он защищает даже врага, если тот обратится к нему. Он — прибежище для всех нас, в бою он — губитель недругов, все сокровища стекаются к нему, всем нам несет он счастье.

Дивные драгоценные камни разных видов, которые прежде имел я во множестве благодаря его доблести, захвачены нынче, Суйодханой. Благодаря мощи рук (Арджуны), о герой, прежде был у меня Зал собраний, отделанный всевозможными драгоценными камнями, — он был известен в трех мирах, о Пандава! Я не вижу Пхальгуну, в могуществе подобного Васудеве, в бою равного Картавирье, того, кто непобедим, неодолим в сражении.

Тот губитель недругов в отваге уступает по младшинству лишь доблестному Санкаршане, а также тебе, неодолимому, о Бхима, и Васудеве. Силой рук и мощью он подобен Разрушителю твердынь, стремительностью — Ветру, своим ликом — Соме, а гневом — самой извечной Смерти. Мечтая увидеть того тигра среди мужей, мы все, о герой мощнорукий, отправимся на гору Гандхамадану. Увидим мы прекрасную

гору, ту, где (находится) Превеликая Бадари и обитель Нары-Нараяны, где всегда обитают якши. Пешком, предаваясь великому умерщвлению плоти, мы дойдем до чудесного озера Куберы, которое охраняют ракшасы. Тот, кто не прошел через покаяние, кто злобен, алчен и не смирил себя, о Врикодара бхарата, не может проникнуть в тот край. Мы все, о Бхима, вместе с брахманами, блюдущими великие обеты, явимся туда с оружием, опоясав себя мечами, чтобы идти по стопам Арджуны. Того, кто не смирил себя, о Партха, одолевают там мухи, гнус, слепни, тигры, львы, змеи, но тот, кто обуздал себя, не замечает их. Смирив свою душу и ограничив себя в пище, мы явимся на гору Гандхамадану, желая увидеть Завоевателя богатств.
*Такова в книге «Лесная» великой «Махабхараты» сто сорок вторая глава.*

ГЛАВА 143

Вайшампаяна сказал:
Те герои, безмерно могучие, лучшие среди всех лучников, натянули луки, подвязав кожаные щитки и напальчники, взяли колчаны и стрелы, вооружились мечами и, окружив первых из дваждырожденных, о царь, вместе с Панчали тронулись в путь к Гандхамадане. (На пути своем) они видели озера и реки, леса и горы, на (каждой) горной вершине — густотенистые деревья, вечно цветущие и плодоносящие; (то были) края, населенные сонмами святых мудрецов-богов.

Смиряя себя, герои, питавшиеся кореньями и плодами, миновали неровную, холмистую, труднопроходимую местность, встречая многочисленные стада разных зверей. Могучие духом (Пандавы) приблизились к горе, которую населяют святые мудрецы, сиддхи, бессмертные (боги), — к тому излюбленному (месту) гандхарвов и апсар, которое посещали и киннары.

Едва герои вступили на гору Гандхамадану, поднялся ураганный ветер и (полил), о владыка народов, сильный ливень. Поднятая (ветром) густая пыль, перемешанная с листьями, покрыла мраком землю и небо с поднебесьем. Небо заволокло пеленою, так что ничего нельзя было разобрать, невозможно было даже словом перемолвиться между собой. (Пандавы) не видели друг друга, ибо тьма лишила их зрения; ветер, (несущий) обломки кам-лей, увлекал их, о бхарата, за собою. Стоял страшный шум: (трещали) деревья, многие из которых, сломанные ветром, обрушивались на землю.

«Небо ли падает на землю, или раскололись горы?!» — думали все они, от ветра лишившись ясности разума. Нащупывая руками ближайшие деревья, муравьиные кучи и выступы, в «трахе перед ураганом они старались за них уцепиться. И тут могучему Бхимасене удалось, поддерживая Кришну, кое-как задержаться, уцепившись луком за дерево. Царь справедливости и Дхаумья тоже сумели укрыться в лесной чаще, а Сахадева, несший жертвенный огонь, (спрятался) за скалой.

Накула, великий подвижник Ломаша, другие брахманы, добравшись до деревьев, перепуганные, ухватились за них как могли. Когда поутих ветер и пыль начала оседать, огромными каплями обрушился частый дождь. Подгоняемые порывистым ветром потоки (воды) вперемешку с камнями падали непрерывно, затопив все вокруг.

Образовались настоящие реки: пенистые, взбаламученные, они заливали окрестности, о владыка народов! «С громким ревом падали они вниз, вырывая с корнем деревья, обрушивая огромные (потоки) воды, покрытой пенистой лавой. Когда дождь прекратился и стих ветер, спала вода и проглянуло солнце, герои постепенно выбрались (из своих укрытий) и соединившись вновь, отправились, о бхарата, дальше на Гандхамадану.
*Такова в книге «Лесная» великой «Махабхараты» сто сорок третья глава.*

ГЛАВА 144

Вайшампаяна сказал:
Едва великие духом Пандавы тронулись в путь, Драупади,, не привыкшая к пешим переходам, остановилась. Уставшая от бед, измученная тем ураганом с ливнем, славная, нежная Панчали почувствовала слабость. Падая от изнеможения, оперлась черноокая своими прекрасными округлыми руками о бедра. Опираясь на оба бедра, (кругые), как (задранный) хобот слона, вдруг стала она оседать на землю, трепеща, как банановое дерево. Доблестный Накула бросился к прекраснобедрой и, но дав ей, прильнувшей (к нему), как лиана (к стволу дерева)г упасть, успел подхватить ее.

Накула сказал:
О царь, черноокая дочь царя панчалов от усталости падает на землю. Позаботься о ней, о бхарата! Не заслужившая горя, плавно ступающая (Драупади) попала в такую тяжкую беду? Утешь ее, о великий царь, она изнемогает от усталости.

Вайшампаяна сказал:
От этих его слов царя охватило глубокое отчаяние. Тотчас же подбежали Бхима и Сахадева. Глядя на нее, изможденную, бледную, добродетельный Каунтея поднял ее на руки и горестно запричитал: «Как может прекраснейшая из женщин, достойная счастья, спать, лежа на земле, когда ей подобает (возлежать) на богато устланном ложе в охраняемых покоях! Как же (случилось), что нежные стопы и лотосоподобный лик ее, достойной всего самого лучшего, почернели из-за меня! Что же наделал я, глупец, из-за своей страсти к игре! Скитаюсь теперь вместе с Кришной по кишащему зверьем лесу. «Счастье найдет Панчали, получив в супруги Пандавов», — (надеялся) царь Друпада, (ее) отец, выдавая большеокую деву замуж. Но этому не (суждено было) сбыться. Измученная усталостью в горем, лежит она, изможденная, распластавшись на земле, благодаря моим, грешника, деяниям».

Так сетовал на судьбу Юдхиштхира, Царь справедливости, а в это время подошли туда все лучшие из дваждырожденных во главе с Дхаумьей. Они принялись утешать его, почтили благословениями, произнесли заклинания, отвращающие ракшасов, и сотворили (необходимые) обряды. Пока высочайший из святых мудрецов читали заклинания, чтоб принести утешение Пандавам, те то и дело касались (Драупади) своими прохладными руками.

Овеваемая свежим ветром с капельками воды, Панчали почувствовала себя лучше и понемногу пришла в себя. Подняв (с земли) едва очнувшуюся, несчастную Кришну-подвижницу, они положили ее отдохнуть на разостланную оленью шкуру. Близнецы загрубевшими (от луков) руками мягко поглаживали ее покрытые чтимыми знаками ноги с окрашенными красным подошвами. Приласкав ее, Юдхиштхира, Царь справедливости, лучший из куру, сказал Бхимасеяе: «Многие горы, о Бхима, круты и неприступны из-за снегов. Как же пройдет по ним Кришна, о мощнорукий?»

Бхимасена сказал:
Тебя, о царь, и царскую дочь, а также обоих близнецов, быков среди мужей, я сам поведу, о Индра царей! Не терзай свою душу печалью. Или же, если будет на то твоя воля, о безупречный, нас всех понесет на себе рожденный от меня и равный мне силой Гхатоткача, способный летать по воздуху.

Вайшампаяна сказал:
С согласия Царя справедливости он вызвал в своей памяти сына-ракшасу, и добродетельный Гхатоткача, едва отец вспомнил о нем, тут же явился с покорно сложенными ладонями, приветствуя Пандавов и брахманов. Когда и они благословили мощнорукого, воистину доблестный (ракшаса) сказал отцу своему, Бхимасене: «Ты мысленно вызвал меня, и я поспешил сюда, ожидая твоих приказаний. Повелевай же мною, о мощнорукий, я сделаю все, без сомнения» Услышав такое, Бхимасена заключил ракшасу в объятия.
*Такова в книге «Лесная» великой «Махабхараты» сто сорок четвертая глава.*

ГЛАВА 145

Юдхиштхира сказал:
Пусть бык среди ракшасов, могучий герой, знаток дхармы, твой, о Бхима, родной сын, преданный нам. понесет на себе мать. Благодаря твоей мощи, о Бхима, необычайно грозный в могуществе, вместе с Панчали я дойду невредимым до Гандхамаданы.

Вайшампаяна сказал:
Выслушав волю брата, Бхимасена, тигр среди мужей, обратился с наказом к сыну своему Гхатоткаче, губителю недругов: «Твоя мать, о Хайдимбея, устала и обессилела, а ты, сын мой, могуч и сможешь пройти там, где пожелаешь. Неси же ее, о летающий в поднебесье! Подними ее к себе на плечо, благо тебе, и ступай среди нас по воздуху, двигаясь плавно, чтобы ее не тревожить».

Гхатоткача сказал:
Я и один смог бы перенести на себе Царя справедливости, Дхаумью, а также царскую дочь и близнецов, а теперь, когда у меня есть помощники, — тем более!

Вайшампаяна сказал:
С этими словами герой Гхатоткача, ступая среди Пандавов, понес на себе Кришну, а другие (ракшасы) — Пандавов. Ломаша, не имеющий равных в блеске, благодаря мощи своего духа следовал путем сиддхов, словно второе Солнце. Грозные в могуществе ракшасы, повинуясь приказу Индры ракшасов, шли, неся на себе всех тех брахманов. Любуясь прекрасными лесами и рощами, они направлялись к Превеликой Бадари. Герои, которых несли могучие, стремительные ракшасы, быстро преодолели большой путь, словно малый. Они видели края, густонаселенные млеччхами, покрытые копями для добычи различных драгоценных

камней, а также горные отроги, изобиловавшие различными металлами; там обитали сонмы видьядхаров, киннары, кимпуруши и гандхарвы, всюду (сновали) обезьяны. Покой (тех мест), изрезанных сетью потоков, нарушали крики разных птиц, кишели там всевозможные звери, мелькали обезьяны.

Миновав многие страны, а также Уттара-куру, они увидали Кайласу, величайшую из гор, полную разных чудес. Поблизости от нее их взорам предстала обитель Нары-Нараяны, окруженная дивными деревьями, которые вечно цвели и плодоносили.

Они увидели (древо) Бадари: круглоствольное и прекрасное во всей своей дышности, свежее, густотенистое, оно было покрыто сочными, плотными, нежными листьями; раскидистое, с огромными ветвями, оно сверкало, источая яркое сияние. Удивительные крупные сладкие плоды, сочащиеся медом, плотно усыпали небесное (древо), населенное сонмами великих святых мудрецов, всегда полное разных птичьих стай, радостно возбужденных от страсти.

(То древо росло) в покрытом зеленой травою краю, где нет слепней и москитов, где много кореньев, воды и плодов, где живут гандхарвы и боги. Местность здесь была прекрасная, чрезвычайно ровная, лишенная колючек, слегка тронутая снегом.

Приблизившись к (древу), великие духом (герои) вместе с теми быками среди брахманов спустились один за другим с плеч ракшасов. Пандавы вместе с быками-дваждырожденными обратили свои взоры к благословенной обители, прибежищу Нары-Нараяны. Благодатный (край), изгоняющий грусть, был лишен мрака и в то же время недоступен палящим лучам солнца; здесь не знали таких невзгод, как голод, жажда, холод или жара. Этот приют блаженства, дающегося изучением Вед, был полон, о великий царь, сонмищ великих святых мудрецов и недоступен для людей, отступивших от дхармы.

Дивная (обитель, полная аромата) тщательно растертых благовонных мазей, была почитаема жертвоприношениями бали, переливались здесь разными красками цветы жертвенных подношений. Там были огромные алтари для священного огня со сверкающими жертвенными черпаками и кувшинами, огромными блестящими сосудами для воды и глиняными горшками.

Манящая под свою сень небесная обитель, оглашаемая звуками молитв, была готова дать приют любому существу; там исчезала усталость, царила благодать. Не имея себе подобных, прекрасная служением богам, она была населена смиренными великими святыми мудрецами, питающимися кореньями и плодами, облаченными в черные оленьи шкуры. Подобные огню и солнцу (премудрые) смирили свои души, устремившись к освобождению. Здесь были .и великие участью яти, подчинившие себе свои чувства; растворив себя в Брахмане, они беседовали о Брахмане.

Мощнопламенный сын Дхармы, мудрый, чистый Юдхиштхира смиренно приблизился вместе с братьями к тем святым мудрецам. Все великие мудрецы, приобщившиеся к небесному знанию, глубоко погруженные в чтение Вед, увидали пришедшего Юдхиштхиру и радостно поспешили ему навстречу, осыпая его благословениями.

Подобные огням, довольные, они (встретили) его гостеприимно, как подобает, и поднесли воду, свежие цветы, коренья и плоды. Юдхиштхира, сын Дхармы, с радостью и смирением принял почести, оказанные великими святыми мудрецами. Неколебимый Пандава вместе с Кришной и братьями, а также брахманами, искушенными в Ведах и Ведангах, радостный, вступил в (приют), подобный обиталищу Шакры, самим небесам: так дивно он благоухал, прекрасный, благословенный, полный сияния, о безупречный! Благочестивый (Юдхиштхира) осмотрел почитаемое богами и божественными мудрецами обиталище Нары-Нараяны, украшенное дочерью Бхагиратхи.

Могучие духом (герои) приблизились к тому священному дереву, посещаемому сонмами великих святых мудрецов, богатому плодами, источающими мед, и поселились там вместе с брахманами. Великие душой Пандавы благоденствовали, любуясь златоверхой Майнакой, населенной стаями разных птиц, благословенным озером Банду, а также радующей душу (Гангой), дочерью Бхагиратхи, — священной тиртхой, благодатной (рекой) с прохладными, чистыми водами, богатой жемчугом и кораллами, украшенной деревьями, покрытой дивными цветами. Герои, быки среди мужей, жили там вместе с брахманами, постоянно ублажая богов и усопших предков. Глядя на то, как весело забавляется Кришна, богоподобные Пандавы, тигры среди мужей, преисполнялись радости.
*Такова в книге «Лесная» великой «Махабхараты» сто сорок пятая глава.*

ГЛАВА 146

Вайшампаяна сказал:
Герои-Пандавы, тигры среди мужей, соблюдая высочайшую
чистоту, в прогулках и наслаждениях провели там шесть дней в ожидании Завоевателя богатств. Прекрасный, лучший из лесов, радующий душу любого существа, был полон прелести чудесных, чарующих сердце густых деревьев с сочными листьями п прохладной тенью; (одни) были усыпаны цветами, (другие) сгибались под тяжестью плодов, и их покой тревожили лишь стаи черных кукушек.

Пандавы наслаждались, любуясь разнообразными прелестными озерами со светлыми водами, всюду расцвеченными голубыми и розовыми лотосами. Там веял благоуханный ветерок, радующий своими ласковыми прикосновениями всех Пандавов вместе с Кришной и теми быками-дваждырожденными.

Внезапно подул ветер с северо-востока и принес дивный лотос с тысячей лепестков, сверкавший, как солнце. Панчали увидала, как чистый, прекрасный, удивительно ароматный лотос, принесенный ветром, упал на землю. Красавица приблизь лась к тому сверкающему чудесному (лотосу) саугандхика и, крайне обрадованная, о царь, так обратилась к Бхимасене: «Посмотри, о Бхима, на этот дивно сияющий, несравненный цветок, неиссякаемый источник аромата, радость души моей! Я поднесу его Царю справедливости, а ты, о губитель недругов, постарайся найти еще (таких же), чтобы доставить мне радость, (когда я) снова (окажусь) в обители, в Камьяке. Если, о Партха, я дорога тебе, принеси мне много таких (лотосов): я хочу взять их с собой в (нашу) обитель в Камьяке».

Сказав это Бхимасене, безупречная Панчали направилась
к Царю справедливости, взяв с собой тот цветок. А Бхима, бык среди мужей, грозный в своем могуществе, узнав о желании царицы, решил доставить удовольствие любимой; он обратил лицо свое туда, откуда ветер принес этот цветок, и спешно отправился в путь, чтобы набрать таких же цветов. Могучий (Бхимасена) взял лук, отделанный золотом, и стрелы, подобные ядовитым змеям, и, словно разъяренный царь зверей, как яростный слон, не ведая ни страха, ни сомнений, надеясь на мощь собственных рук, стал подыматься на гору, мечтая порадовать Драупади.

Губитель недругов ступал по иссиня-черной каменистой поверхности прекрасной горы, поросшей деревьями, лианами и кустарником, населенной киннарами; (гора) пестрела разноцветными рудами, деревьями, зверями и птицами и казалась воздетой рукой Земли, отягощенной всевозможными украшениями. Его взгляд был сосредоточен на склонах Гандхамаданы, прекрасных в любое время года, но сердцем он был устремлен к своей цели. Тот, чье мужество не измерить, шел вперед, а его разум, глаза и уши были прикованы к (горным склонам), оглашаемым пением черных кукушек и гудением пчел.

Могучий, пламенный духом Бхима, двигаясь по лесу, как разъяренный слон, вдыхал сильный аромат, источаемый цветами всех времен года. Ветер Гандхамаданы освежающим отеческим прикосновением снимал усталость и заставлял трепетать от радости волоски на его теле, словно у (сына, встретившегося) с отцом. (Отправившись) на поиски цветов, губитель недругов (дерзнул) нарушить покой того (края), населенного сонмами якшей, гандхарвов, богов и брахманов-мудрецов. Светлые прожилки металлов, просвечивавших в трещинах и неровностях (земли), казались нанесенной пальцами подкрашивающей мазью, смешанной с золотом и серебром, и виделось: (гора) танцует, (раскинув) крылья-облака, прильнувшие к ее склонам, а низвергающиеся водные потоки — это ее жемчужные ожерелья. Прекрасны были ее реки, беседки водопады, пещеры и гроты; множество павлинов плясало под звон браслетов на ногах апсар.

Ее каменистая поверхность была истерта остриями бивней слонов, охраняющих стороны света; падавшир литыми каскадами воды казались готовым вот-вот соскользнуть одеянием. Непуганые антилопы со спокойным любопытством провожали глазами (героя), продолжая щипать траву и не пытаясь отбежать подальше. Славный Каунтея, сын Ветра, шел играючи, мощью своих бедер разрывая бесчисленные переплетения лиан.

Прекрасноокий, стройный, подобный золотой пальме, могучий, словно лев, юноша, смелый, как разъяренный слон, быстрый, как разъяренный слон, с медно-красными глазами, как у разъяренного слона, сам способный противостоять разъяренному слону, был полон решимости исполнить желание возлюбленной. Жены гандхарвов и якшей, сидевшие рядом со своими супругами, отвернувшись от них, провожали его глазами, оставаясь невидимыми, и оживленно обменивались жестами.

Пандава, словно являя собою новое воплощение Красоты, шел чудесными склонами Гандхамаданы. Перебирая в уме различные беды, причиной многих из которых был Дурьодхана, он жаждал угодить Драупади, обреченной на жизнь в лесу. Он думал: «Арджуна удалился на небо, а я ушел за цветами. Что ж будет делать достойный Юдхигнтхира? Юдхиштхира, лучший из мужей, не отпустит от себя Накулу и Сахадеву, любя их и не доверяя лесу.

Как бы мне побыстрей раздобыть цветы!» С этими мыслями тот тигр среди мужей стремительно ринулся вперед, подобный Царю птиц. Врикодара, быстрый, как ветер, распугивал стада слонов, сотрясал ногами землю, словно ураган, (разразившийся) в день перемены луны. Могучий богатырь разбивал скопища львов и тигров, с корнем вырывал и сокрушал грудью огромные деревья. Сын Панду, яростно, как слон, продираясь через лианы и ползучие побеги, поднимался все выше и выше к вершине горы, и мощный клич его был подобен (грохоту) тучи, озаряемой молнией. Напуганные грозным его кличем и звоном лука, о могучий, стада оленей разбегались врассыпную.

И вот мощнорукий (Бхима) увидел на склонах Гандхамаданы прекрасную банановую рощу, протянувшуюся на много йоджан. Могучий (воин), сокрушая, словно огромный разъяренный слон, различные деревья, стремительно бросился к ней, намереваясь посягнуть на ее покой. Бхима, первый среди силачей, ломая стволы банановых деревьев, высоких, как множество пальм (одна на другой), быстро разбрасывал (их) вокруг.

Ему попадалось навстречу много крупных зверей, стада оленей, слонов, буйволы и обитатели вод; львы и тигры, разъяренные, кидались на Бхимасену с разверстыми пастями, из которых неслось громкое, устрашающее рычание. Но Бхима, мощный сын Ветра, в ярости, силою собственных рук, сталкивал слона со слоном, льва со львом; иных же могучий Пандава уложил ударами ладони. Избиваемые Бхимой львы, тигры, гиены в страхе бросались врассыпную, испуская мочу и теряя испражнения.

Разогнав их, могучий, славный сын Панду стремительно ворвался в лес, наполнив своим кличем стороны света. Все звери и птицы даже за пределами леса затрепетали от грозного звука голоса Бхимасены. Услышав поднявшийся внезапно крик (лесных) зверей и птиц, водяные птицы тысячами взмыли ввысь с еще влажными крыльями.

Заметив эти стаи водоплавающих, тот бык среди бхаратов
бросился вслед за ними и увидел прекрасное огромное озеро. Неподвижное, оно словно обмахивалось опахалом из спускавшихся к его берегам золотистых зарослей банановых деревьев, колеблемых легким ветерком. Быстро войдя в воды того озера, обильно поросшего голубыми и белыми лотосами, богатырь, чье величие беспредельно, стал бурно резвиться, словно могучий дикий слон, а нарезвившись вдоволь, вышел на берег.

Затем Пандава быстро углубился в лесную чащу и изо всех сил подул в звонкую раковину. Звук его раковины, клич Бхимасены, грозный отзвук (ударов) его рук эхом отозвались в горных пещерах. Услышав мощный звук хлопков, подобный удару ваджры, дремавшие в горных пещерах львы издали громкий рык, а потревоженные, напуганные львиным рыком слоны громко затрубили на всю гору, о бхарата!

Услышав эти звуки, потянулся во сне бык среди обезьян,
огромная обезьяна по имени Хануман. Застигнутый дремой в глубине банановой рощи, он зевнул и щелкнул (о землю) огромным, стоявшим, как знамя Шакры, хвостом, звук (удара) которого был подобен (грому) ашани Индры. Щелчок его хвоста отозвался повсюду в горных пещерах эхом, напоминающим рев быка. Грохот (удара) хвоста (о землю) разнесся по прекрасным горным склонам, превосходя по мощи рев разъяренного слона.

Бхимасена услышал это, и волоски на его теле вздыбились от радостного возбуждения; он ринулся в банановую рощу, желая (узнать), откуда идет этот звук. В глубине банановых зарослей мощнорукий (Бхима) увидал расположившегося на крутой каменной скале властителя обезьян, ослепительного, как вспышка молнии, ярко-желтого, как вспышка молнии, (всем своим обликом) подобного вспышке молнии, быстрого, словно вспышка молнии.

Его шея, мощная и короткая, покоилась на скрещенных руках, очертания его бедер и пояса были узкими по сравнению с громадою плеч; его хвост, поросший длинными волосами, слегка загнутый на конце, торчал вверх, красуясь, как знамя. Лицо его с красными губами, медно-красными пастью и языком, багровыми ушами, подвижными бровями и округлыми кончиками клыков было словно лучистый полумесяц. (Голову), украшенную глубоко сидящими в пасти, сверкающими белизной клыками, венчала густая, косматая грива, подобная охапке цветов ашока.

Благодаря сиянию, исходящему от его тела, он ярко блистал посреди золотых банановых деревьев, словно пылающий огонь. Первый среди обезьян, могучий, огромный герой (Хануман) бестрепет но взирал (на Бхиму) желтыми, словно мед, глазами.

Бхима, грозный в своей отваге, поспешил к обезьяне и издал львиный клич, чтобы она очнулась от дремы. Затрепетали звери и птицы от этого клича Бхимы, но великий Хануман лишь слегка приподнял веки и недовольно уставился (на него) медово-желтыми глазами. Обращаясь к Каунтее, обезьяна с усмешкой сказала человеку: «Зачем ты разбудил меня, больного, когда я так сладко спал? Ведь ты, верно, знаешь, что следует проявлять милосердие к живым существам.

Это мы, происходящие из лона звериного, не знаем дхармы, но люди, наделенные мудростью, испытывают сострадание к живым тварям. Как могут мудрые, такие, как ты, совершать жестокие, противоречащие их облику, словам и душе поступки, попирающие дхарму? Ты не знаешь дхармы и не выказываешь почтения старшим, потому из невежества ты приносишь зло лесным обитателям. Скажи, кто же ты и для чего явился в этот лес, где нет ни людей, ни человеческих творений?

Дальше нельзя пройти по этой неприступной горе, здесь нет иного пути, о герой, кроме пути сиддхов! Из сочувствия и дружеского расположения (к тебе) я намерен остановить тебя, о могучий! Дальше идти тебе не следует. Передохни же, могучий! Отведай этих подобных амрите плодов и кореньев и возвращайся назад, если веришь моим словам!»
*Такова в книге «Лесная» великой «Махабхараты» сто сорок шестая глава.*

ГЛАВА 147

Вайшампаяна сказал:
Выслушав эти слова того мудрого Индры среди обезьян, герой Бхимасена, сокрушитель недругов, произнес: «Кто ты такой и почему принял обличье обезьяны? Кшатрий из варны, что следует за брахманами, спрашивает тебя. Я — потомок Куру из рода Сомы, выношенный в лоне Кунти, Пандава, сын Ветра, по имени Бхимасена». С улыбкой внимая тому, что говорил Бхимасена, Хануман, сын Ветра, отвечал (другому) сыну Ветра: «Я — обезьяна и не позволю тебе пройти туда, куда ты направляешься. Лучше ступай назад, возвращайся, чтоб не попасть в беду!»

Бхима сказал:
Пусть будет беда или что иное — я не спрашиваю тебя,
обезьяна! Подымись, дай мне пройти, иначе тебе будет худо!

Хануман сказал:
Нет сил у меня подняться, я поражен недугом. Если (тебе)
непременно нужно пройти, перепрыгни через меня и ступай.

Бхима сказал:
Высочайший Атман, лишенный качеств, вселен в твое тело и там пребывает. Я не могу оскорбить того, кого постигают лишь (истинным) знанием, потому я не стану прыгать. Если бы я силой своих знаний не познал бы его, дарующего благо всему сущему, то я перемахнул бы и через тебя, и через эту гору, как Хануман через океан.

Хануман сказал:
Кто это такой, имя которому — Хануман, что в прыжке пересек океан? Я спрашиваю тебя, о лучший из куру, расскажи, если можешь.

Бхима сказал:
Это мой брат, известный своими достоинствами, сильный духом и разумом, это бык среди обезьян, герой, что прославлен в «Рамаяне». Индра обезьян, ради супруги Рамы одним прыжком преодолел он океан шириною в сто йоджан. Таков мой отважный брат, и я равен ему мощью пыла, силой и доблестью. Я могу и тебя одолеть в бою. Поднимись, дай мне дорогу, или ты сейчас же узришь мою мощь. Не исполнишь мою волю — как бы я не отправил тебя в обиталище Ямы!

Вайшампаяна сказал:
Понимая, что тот опьянен своей мощью и горд силой рук, Хануман, усмехнувшись про себя, произнес такие слова: «Смилуйся, нет у меня, старого, сил, чтобы подняться, о безупречный! Сжалься надо мной — отодвинь мой хвост и сможешь пройти». Пренебрежительно усмехнувшись, левой рукой взялся Бхима за хвост могучей обезьяны, но не смог даже сдвинуть его с места.

Тогда могучий Бхима попытался обеими руками оттащить (его хвост), торчавший, словно оружие Индры, но и двумя руками не смог его сдвинуть. Брови его поднялись, глаза округлились, лицо исказила гримаса, тело покрылось потом, и все равно Бхима не смог сдвинуть с места (хвост обезьяны). Славный Бхима не сумел, как

ни старался, приподнять (обезьяний) хвост, и тогда он встал подле обезьяны, опустив голову от стыда. Каунтея покорно сложил ладони и произнес с поклоном: «Смилуйся, тигр среди обезьян, прости мне мои дурные слова! Ты — сиддха или бог, гандхар-ва или же гухьяка. Ответь на вопрос мой, если пожелаешь: кто ты, принявший обезьянье обличье?»

Хануман сказал:
Все, что тебе интересно узнать обо мне, о губитель недругов, я (расскажу) подробно, а ты слушай, о радость Пандавов! Я — обезьяна, о (герой) с глазами как лепестки лотоса, и появился на свет у супруги Кесарина от Ветра, в котором — жизнь мира. Имя мое — Хануман. Все могущественные обезьяньи вожаки признавали двух царей над всеми обезьянами — сына Сурьи, Сугриву, и сына Шакры, Валина. У меня, о губитель недругов, возник тесный союз с Сугривой, как у ветра с огнем. Затем Сугрива, изгнанный по некой причине своим братом, долгое время прожил со мной на (горе) Ришьямуке.

И вот в эти края явился могучий герой по имени Рама, сын Дашаратхи, сам Вишну в человеческом облике. Желая добра своему отцу, вместе с супругой и младшим братом тот первый среди лучников, вооруженный луком, нашел прибежище в лесу Дандака.

Из Джанастхапы его супруга была насильно похищена Раваной, который обманул многомудрого Рагхаву с помощью (ракшасы Маричи), принявшего вид оленя. Рагхава, лишившись супруги, вместе с братом оправился на поиски и встретил на горной вершине Сугриву, быка среди обезьян. Между ним и Рагхавой, великим духом, был заключен союз. Убив Валина, (Рама) вернул царство Сугриве, а тот послал обезьян на поиски Ситы.
Вместе с сотнями тысяч обезьян мы отправились в ту сторону, куда, как показал коршун, лежал путь Ситы. Тут я во имя успеха дела Рамы, неутомимого в подвигах, разом пересек океан, раскинувшийся на сотни йоджан. Я увидал ту царицу в покоях Раваны и, провозгласив там свое имя, тотчас вернулся обратно. Затем герой Рама истребил всех тех ракшасов и снова обрел супругу, словно утраченное откровение Вед.

Когда Рама воцарился (в Айодхье), я попросил того героя: «Пока в мирах, о герой, истребитель недругов, будет жить сказ о Раме, пусть до тех пор буду жить и я». — «Да будет так», — ответил он. Рама царствовал десять тысячелетий и еще десять столетий, а затем отправился на третье небо.

С тех пор гандхарвы и апсары, о безупречный, неустанно воспевают деяния того героя и доставляют мне радость. Эта стезя недоступна* смертным, о радость куру! Поэтому я преградил тебе путь,, коим следуют боги, дабы ты ни от кого не подвергся обиде или проклятию, бхарата! Это небесный путь богов, и люди на негоне ступают. А озеро, ради которого ты явился сюда, совсем близко.
*Такова в книге «Лесная» великой «Махабхараты» сто сорок седьмая глава.*

ГЛАВА 148

Вайшампаяна сказал:
После таких слов (Ханумана) мощнорукий, отважный Бхимасена с радостью в сердце любовно поклонился своему брату, властителю обезьян, и обратился (к нему) с ласковой речью: «Нет никого счастливей меня, ибо я увиделся с досточтимым. Огромна моя любовь к тебе и радость оттого, что я увидел (тебя). А теперь, о почтенный, я хочу, чтобы ты доставил мне удовольствие: я желаю, герой, узреть тот твой несравненный облик, который ты принял, пересекая океан, прибежище макаров.

Тогда я буду удовлетворен и уверую в твои слова». Могучая пылом обезьяна, к которой были обращены эти слова, улыбаясь, произнесла: «Ни ты, ни кто-либо другой не может увидеть тот мой облик. Период времени был тогда иным, не таков он теперь. Иным временем была Критаюга, иным — Трета и Двапара. Теперь гибельный век, больше не существует того моего облика. Земля, реки, растительность, горы, сиддхи, боги и святые великие мудрецы соответствуют времени, как и все существа в каждую югу. Сила, величие, блеск приходят к упадку, а потом возрождаются вновь. Потому ты не можешь, узреть тогдашний мой облик, о продолжатель рода Куру! Я соответствую юге. Время, воистину, необратимо».

Бхима сказал:
Поведай мне о совокупности юг, об образе жизни в каждую югу, о дхарме, каме и артхе, о нравах и теле (живущих), об отваге, о жизни и смерти.

Хануман сказал:
Критой, о брат мой, зовется юга, когда нерушима дхарма. В это время — в прекраснейшую из юг — не нужно совершать, того, что (теперь) положено. Дхарма тогда не терпит ущерба, и живущие не погибают. Потому и зовется та юга Кри той, самим Временем она сделана средоточием достоинств. Во время Критаюги нет ни

богов, ни данавов, ни гандхарвов, ни якшей, ни ракшасов, ни демонов-змеев, о брат мой, нет п купли-продажи.

Не было тогда ни Сама-, ни Яджур-, ни Риг (веды), не было варн и человеческой деятельности: стоило лишь помыслить (о чем-либо), и результат — вот он; дхармой (считалась) отрешенность от всего мирского. В течение той юги не было ни болезней, ни обмана чувств, ни зависти, ни плача, ни гордыни, ни жестокости, не было ссор и нерадивости, вражды, обид, страха, страданий, злобы и ревности. Превыше всего тогда стоял Брахман, высочайший удел йоги-нов, и Нараяна, душа всего сущего, был тогда белым.

Брахманы, кшатрии, вайшьи и шудры во времена Критаюги были строго разграничены, люди ревностно придерживались своей кармы. Тогда варны, единые в отношении кармы, соблюдали дхармы, проходя через одни и те же ашрамы, ведя сходный образ жизни, равные между собою в знаниях, мудрости, силе. Связанные одной Ведой, единые в способе обрядового действа и заклинаниях, (которые его сопровождают), несмотря на (различия) в частных дхармах, единые в Веде, они следовали единой же дхарме. (Совершая) в должное время деяния, положенные для каждой из четырех ашрам, не проявляя заинтересованности в плодах своих стремлений, они достигали высочайшего пути. Во время Критаюги дхарма союза четырех варн, подкрепляемая единением с Атманом, точно определена и стоит на всех четырех ногах. Такова юга под названием Крита, она лишена совокупности трех гун. Услышь же о Тре-таюге, когда появляется сатра.

Дхарма тогда ущербна на четверть, и Ачьюта становится красным. Преданные истине, люди видят свою дхарму в соблюдении жертвенного обряда. Во время Треты возникает принесение жертв и различия в дхармах и жертвенных обрядах, старательно исполняемых и приносящих плоды дарений и жертвоприношений.

Люди во времена Третаюги ревностно предаются подвижничеству и раздаче даров, не отходя от дхармы (единой) и придерживаясь собственной дхармы, соблюдают обряды. Во время же Двапараюги дхарма сокращается наполовину, Вишну становится желтым, а (единая) Веда разделяется на четыре, и тогда одни придерживаются четырех Вед, другие — трех, третьи —двух, четвертые — одной, а иные не (знают) даже Риг (веды).

Когда священное знание таким образом разделяется, то обряд совершается многими способами, а люди, усердствуя в умерщвлении плоти и раздавая дары, движимы раджасом. Из-за незнания единой Веды создаются несколько Вед, и как следствие падения истины лишь немногие остаются верными ей. Тех, кто отринул себя от истины, одолевает множество недугов; судьба насылает тогда вожделение и напасти, и, тяжко терзаясь от этого, люди подвергают себя умерщвлению плоти, а иные обращаются к жертвоприношениям, чтоб утолить свою страсть или же достичь небес.

Так с наступлением Двапара (юги) люди слабеют от нарушения дхармы. В Калиюгу же, о Каунтея, от дхармы остается одна четверть.

Вступив в югу тамаса, Кешава становится черным, изучение Вед, дхарма, жертвы, обряды— (все) исчезает. Наступает черед «шести напастей», болезней, лени, грехов, первый и* которых — злоба, а также стихийных бедствий, страданий ш недугов. С ходом юг дхарма оскудевает, а с оскудением дхармы мир также скудеет.

Когда гибнет мир, приходит конец существам, мир созидающим; дхармы, соблюдаемые при гибели юги, приносят плоды, обратные желаемым. Вскоре наступит эта юга под названием Кали, и долгоживущие следуют этому изменению юг. А что до твоего интереса увидеть меня (в-том обличье), о губитель недругов, то какой прок сведущему человеку от бесполезных (знаний)?

(Я) рассказал тебе все, что ты спрашивал меня о совокупности юг, о мощнорукий! Д» будет благо тебе — ступай же назад!
*Такова в книге «Лесная» великой «Махабхараты» сто сорок восьмая глава.*

ГЛАВА 149

Бхима сказал:
Я никуда не пойду, не узрев твоего прежнего облика. Если ты расположен ко мне, яви сам свое (прежнее) обличье.

Вайшампаяна сказал:
После таких слов Бхимы обезьяна, улыбнувшись, предстала (перед ним) в том самом облике, в котором (совершила) прыжок через океан. Желая порадовать брата, (Хануман) сделался огромен телом, и оно все

продолжало расти в длину » каждой своей части. Простираясь телом над банановой рощей, достигнув вершины горы, стояла та обезьяна в бескрайнем сиянии.

Возвышаясь громадой, словно вторая гора, обезьяна с красными, как медь, глазами, острыми клыками и грозно нахмуренным ликом била длинным хвостом, заполнив собою стороны света. Лицезрел гигантский облик брата, Бхима, потомок кауравов, не переставал изумляться и радоваться. Глядя на. него, как на огонь в языках пламени, как на золотую гору или пылающий небосвод, Бхима прикрыл глаза.

И сказал Хануман Бхимасене, словно бы улыбаясь: «Таков мой облик, доступный твоему взору, о безупречный! Я же способен расти и дальше, сколько душе угодно. Среди врагов, о Бхима, мое тело увеличивается беспредельно за счет собственной мощи». Глядя на удивительную, грозную, подобную Виндхье и Мандаре, фигуру Ханумана, смутился сын Ветра.

Сложив смиренно ладони, ответил счастливый Бхима стоявшему перед ним Хануману, и волоски на теле его вздыбились от радости: «(Я) лицезрел, о могучий, необъятную величину твоего тела, а (теперь) стань-самим собой, доблестный, ибо я не могу смотреть на тебя, как на взошедшее солнце или на гору Майнаку, бескрайнюю и неприступную. Я глубоко удивлен в душе, о герой, тем, что Рама, у которого ты был соратником, сам напал на Равану. Ведь ты и (один), опираясь на силу собственных рук, мог своей мощью уничтожить Ланку с ее воинством и средствами передвижения.
Воистину, для тебя нет ничего недостижимого, о сын Ветра!
Равана со своею ратью не устоял бы в бою против тебя одного».

Так сказал Бхима, обращаясь к Хануману, а тот бык среди обезьян ответил ему мягким, глубоким голосом: «(Все) это так, как ты говоришь, мощнорукий бхарата! Самый низкий из ракшасов, он не устоял бы против меня, о Бхимасена! Но если бы именно мной был повержен Равана, терний мира, померкла бы слава Рагхавы, и потому так поступить было нельзя. Тот герой, уничтожив Владыку ракшасов вместе с его окружением, привел Ситу в свой город и утвердил свою славу в мире. А теперь, о многомудрый, ревностно радея о благе брата, мирно ступай безопасным путем, охраняемый Ветром. Вот, о лучший из куру, путь к лесу Саугандхике.

Ты увидишь сад Дарителя богатств, охраняемый якшами и ракшасами. Но ты не спеша сам собирать цветы: (всякое существо), особенно человек, должен прежде оказать почести богам. В ответ на жертвенные подношения, возлияние огню, изъявление почтительности и заклинания боги благосклонно являют милость, о бхарата, бык среди бхаратов!

Не поступай опрометчиво, брат мой, блюди свою дхарму. Следуя собственной дхарме, ты (сможешь) познать сам и передать (другому) знание высшей дхармы. Ибо, пренебрегая своей дхармой и не выказывая почтения старшим, постичь (высшую) дхарму не в силах и те, что в мудрости подобны Брихаспати.

Следует четко распознавать, где нарушение дхармы, называемое дхармой, а где дхарма, которая кажется нарушением дхармы; (это те случаи), когда лишенные мудрости теряются. Дхарма определяет образ жизни, на дхарме основываются Веды, в Ведах истоки жертвоприношений, жертвоприношениями живут боги. Боги существуют за счет жертвоприношений, во время которых произносятся правила, предписанные Ведами.

Люди же основываются на установлениях, изреченных Брихаспати и Ушанасом. Все держится на (определенных) занятиях: (производстве) товара, (работе) на рудниках, торговле, земледелии, взращивании урожая; это дхармы ради дважды-рожденных. Три (Веды), земледелие и политика — вот три науки сведущих. С помощью них, используемых должным образом, вершатся мирские дела. Если не будет соблюдаться дхарма, то на земле, лишенной дхармы трех (Вед), не знающей законности, наступит хаос. Если люди не занимаются тем, что предписано дхармой, они приходят к погибели. Верным соблюдением этих трех дхарм люди продолжают свой род.

Бессмертие дваждырожденных — единая дхарма, объединяющая варны. Известны три средства: принесение жертв, изучение Вед и раздача даров. Содействие принесению жертв и обучение Ведам — две эти обязанности и еще принятие даров — (дхарма) брахманов, защита (людей) — кшатриев, забота о пропитании — дхарма вайшьев. Услужение же дваждырожденным считается дхармой шудр, которые не могут собирать подаяние, совершать жертвенное возлияние огню и блюсти обеты, а живут при своих покровителях.

Твоя дхарма, о Каунтея, — дхарма кшатрия: осуществлять защиту (подданных). Покорно и смиренно следуй своей дхарме! Лишь тот правит уверенно, кто держит совет со старцами-праведниками, мудрыми и искушенными в Ведах, грешный же царь несет наказание. Если царь должным образом распределяет милость и наказание, то в мирских делах царит тогда полный порядок.

Поэтому следует постоянно (проникать) через соглядатая в (неприятельскую) страну, в укрепления врага, в войска союзников его и недругов и узнавать о состоянии, усилении и ослаблении (его сил). У царей — четыре средства (борьбы с недругами): совет разума, доблесть, немилость и милосердие, а также искушенность. А вот способы приведения их в действие: поставленных целей следует добиваться мирными средствами, подкупом, сеянием раздора, силой и разъединением (сил противника), используя все эти средства как вместе, так и каждое в отдельности.

Все способы действия и (использование) соглядатаев, о бык среди бхара-тов, имеют корнем своим совет. Если способы действия подсказаны правильно, успех (обеспечен). Поэтому следует советоваться со сведущими людьми. В секретных делах не следует держать совет с женщиной, невеждой, корыстным (человеком), ребенком и легкомысленным, а также с теми, которые обнаруживают признаки душевного расстройства.

Следует прислушиваться к совету знающих, а поручать дела тем, кто способен (с ними справиться). Проводить политику следует через людей надежных, а глупцов избегать всюду. В делах дхармы следует использовать праведников, там, где речь идет о выгоде, — ученых людей, с женщинами — евнухов, а в жестоких деяниях — тех, кто безжалостен. Об искушенности врага в делах, определяющей верный или, напротив, неверный (его) шаг, а также о силе и слабости недруга следует узнавать через (соглядатаев), как своих, так и чужих.

Следует проявлять благосклонность к праведникам, которые широко известны своей мудростью, а дерзких и непокорных держать в узде. Если царь правильно распределяет милость и наказание, то мирские дела вершатся успешно. Итак, (я) поведал тебе, о Партха, о суровой и трудноисполнимой дхарме. Смиренно блюди ее вместе с тем, что (предначертано) твоей собственной дхармой.

Как брахманы попадают на небеса путем подвижничества, благочестия, смирения и жертвоприношений, а вайшьи вступают на истинный путь через дарыг гостеприимство, (исполнение) обрядов и своего долга, так кшатрии попадают на небеса, (верша) на земле защиту и наказание. Должным образом применяя силу, не поддаваясь ненависти и вожделению, не питая корысти и одолев злобу, они попадают в тот же мир, что и праведники».
*Такова в книге «Лесная» великой «Махабхараты» сто сорок девятая глава.*

ГЛАВА 150

Вайшампаяна сказал:
Затем, уменьшив свое огромное тело, которое могло расти по его желанию, обезьяна вновь обняла Бхимасену обеими руками. Едва брат его обнял, усталость Бхимы, о бхарата, тотчас прошла, и все благоприятствовало ему. Тогда обезьяна заговорила снова, любовно обращаясь к Бхиме, и глаза ее увлажнились, а в голосе задрожали слезы: «Ступай, о герой, в свое пристанище.

Если упомянут меня в разговоре, никто не должен знать, о лучший из куру, что я живу здесь. Это место, куда из обиталища Дарителя богатств приходят, о могучий, жены богов и гандхарвов, и сейчас время им тут появиться. Но я увидел тебя не без пользы: коснувшись человеческого тела, о Бхима, я вспомнил Рагхаву, о бхарата! Поэтому, о герой Каунтея, пусть наша встреча будет полезной и для тебя. Пользуясь правом брата, выбирай себе дар, о бхарата! Если я должен пойти в Город слона и уничтожить низких сыновей Дхритараштры, я сделаю это немедленно! Или если я должен каменной глыбой стереть этот город с лица земли, я сделаю это сейчас же, будь на то твоя воля, могучий!»

Но Бхимасена, выслушав эти слова Ханумана, великого духом, ответил ему с радостью в сердце: «Ты все и так совершил для меня, о бык среди обезьян! Да будет благо тебе, о мощнорукий! Я нижайше прошу тебя, будь ко мне милостив! У всех Пандавов есть защитник, раз ты покровительствуешь им, отважный! Только благодаря мощи твоего пыла мы одолеем всех недругов». Хануман, к которому обратил свою речь Бхимасена, так ответил ему: «Из братских чувств и благосклонности я сделаю тебе приятное. Когда ты, о могучий герой, проникнув в глубь вражеского войска, богато вооруженного стрелами и копьями, издашь львиный рык, я усилю твой клич своим рычанием.

Пребывая на знамени Виджаи, я буду испускать грозные крики, лишая жизни твоих недругов». С этими словами он скрылся. Когда удалилась та лучшая из обезьян, Бхима, первый среди силачей, направился тем же путем к величественной Гандхамадане. Он шел и вспоминал прекрасный облик (Ханумаыа), не имеющий подобных на земле, думал о величии духа и мощи сына Дашаратхи.

В поисках леса Саугандхика он миновал чудесные леса и рощи, расцвеченные распустившимися лотосами, и цветущие заросли. Он видел стада разъяренных, испачканных тиной слонов, которые казались, о бхарата,

скоплениями туч, изливающих дождь. Славный (Бхимасена) быстро шел по лесу, а за ним, держа во рту пучки травы, пугливыми глазами следили олени и их самки.

Не ведая страха, Бхимасена отважно шел по горе, населенной дикими быками, кабанами и тиграми. Лесные деревья, вздрагивая от ветра, словно взывали к нему с мольбою, (протягивая) сгибавшиеся от цветов ветви, (особенно) нежные из-за медно-красных бутонов. На пути своем он миновал лотосовые озера с прелестными тиртхами и лесами; их населяли хмельные пчелы, бутопы лотосов казались сложенными ладонями.

Бхима, взор и сердце которого были прикованы к горным склонам в цвету, двинулся еще быстрее: оп взял с собою в дорогу вместо запаса еды наказ Драупади. Прошел день, и в лесу, где бродили олени, он увидел широкую реку с чистыми золотыми лотосами. Полная захмелевших (от аромата уток) карандава, украшаемая чакраваками, (река) была подобна гирлянде белых лилий, надетой на ту гору. В этой реке'достойный (Пандава) увидел рождающие радость мощные заросли саугандхики, блеск которых был подобен сиянию утреннего солнца. Увидев это, сын Панду (понял) сердцем, что нашел то, о чем мечтал, и устремился душою к возлюбленной, измученной жизнью в лесу.
*Такова в книге «Лесная» великой «Махабхараты» сто пятидесятая глава.*

ГЛАВА 151

Вайшампаяна сказал:
Подойдя ближе, он увидал на прекрасной вершине Кайласы в чудесном лесу красивое озеро, охраняемое ракшасами. Порожденное горным водопадом близ обиталища Куберы, окруженное различными деревьями и лианами, оно было чарующе прелестно, полное глубокой тени. Густо поросшая зелеными лилиями и золотыми лотосами, эта дивно прекрасная (заводь), дарующая очищение миру, являла собою чудо. Вода, которую увидел там Пандава, сын Кунти, была чудесна — чиста, легка, прохладна, обильна, благодатна и сладка, как амрита.

Прекрасное озеро было полно лотосов саугандхика и усеяно ароматнейшими золотыми лотосами, которые очаровательно пестрели своими удивительными стеблями (цвета камня) вай-дурья; колеблемые (крыльями) гусей и (уток) карандава, они роняли чистую пыльцу. (Здесь было) игрище великого душой Куберы, царя якшей, высочайше почитаемое гандхарвами, апсарами и богами. Дивный (тот край) навещали святые мудрецы, якши, кимпуруши, ракшасы, киннары, а охранял его сам Вайшравана.

Едва увидев ту реку, оглядев чудесную заводь, могучий Каунтея Бхимасена преисполнился величайшей радости. По приказу царя (Куберы) здесь несли стражу сотни тысяч разнообразно вооруженных и облаченных ракшасов, называемых «обуянные яростью».

Они заметили, что приближается грозный в своей отваге герой Каунтея Бхима, завернутый в черные шкуры оленя, с золотыми браслетами на руках, вооруженный ж опоясавший себя мечом губитель недругов, не ведающий колебаний, и что намерен он (рвать) лотосы, и принялись они громко между собой переговариваться: «Надо спросить у этого тигра среди мужей, который явился сюда с оружием, обернувшись в оленьи шкуры, — что он намерен делать?».

Все они подошли к блистающему, мощнорукому Врикодаре и спросили: «Ты должен открыться (нам), кто ты? По одежде ты кажешься отшельником и носишь платье из мочала. Скажи, зачем ты явился, о блистающий?»
*Такова в книге «Лесная» великой «Махабхараты» сто пятьдесят первая глава.*

ГЛАВА 152

Бхима сказал:
Я — Пандава Бхимасена, младший брат сына Дхармы. Я пришел вместе с братьями, ракшасы, к Превеликой Бадари. Там Панчали увидала несравненный (цветок) саугандхика, который принес ветер из этих краев. И она пожелала (иметь) много (таких лотосов). Знайте, блуждающие в ночи, я пришел сюда, чтобы нарвать этих цветов, ибо хочу исполнить желание той добродетельной, безупречной женщины.

Ракшасы сказали:
О бык среди мужей, это излюбленное игрище Куберы, и человек, живущий в дхарме смертного, не может находиться здесь. Мудрецы-боги, якши и сами боги, Врикодара, могут испить (воды) и развлекаться здесь, только испросив разрешение у первого среди якшей. Сюда, о Пандава, приходят на отдых гандхарвы и апсары. Тот, кто, дерзко нарушив запретен выказав неуважение Владыке богатств, вознамерится (силой) проникнуть сюда, без сомнения, найдет здесь свою погибель.

Пренебрегая этим, ты все же хочешь забыть (эти) лотосы. Так как же ты (смеешь) называть себя братом Царя справедливости?

Бхима сказал:
Я не вижу, о ракшасы, поблизости Владыки богатств. Да;
если бы я и увидел великого царя, то не намерен спрашивать у него (разрешения), ибо цари не просят, такова извечная дхарма, и я никак не намерен нарушать дхарму кшатриев. И, кроме того, этот прекрасный лотосовый пруд, порожденный горным водопадом, не относится к обиталищу великого духом Куберы. Он равно принадлежит как Вайшраване, так и всему сущему. Когда так обстоят дела, кому и у кого следует спрашивать разрешения?

Вайшампаяна сказал:
Так ответил всем ракшасам могучий Бхимасена и вошея в воду, но ракшасы попытались остановить его, говоря: «Не (делай) этого». Разъяренные, они осыпали его бранью со всех сторон. Великий (ратным) пылом (герой), грозный в своей отваге, не обращая внимания на ракшасов, продолжал углубляться в воду, но они вознамерились ему воспрепятствовать.

С криками: «Хватай, вяжи, коли его! Мы изжарим, съедим Бхимасену!», яростно вращая глазами, они стремительна бросились вслед за ним с воздетым оружием. Тогда он схватил тяжелую, мощную, отделанную золотыми пластинками палицу, подобную жезлу Ямы, и прокричав: «Держитесь! Защищайтесь!», быстро метнул ее в них. Тут они разом кинулись на него, пытаясь пригвоздить к месту пиками, копьями и другим оружием. «Обуянные яростью», грозные и жестокие, с» всех сторон окружили Бхиму с намерением покарать его.

Тот герой, могучий и порывистый губитель недругов, недаром был рожден Кунти от Ветра. Он был всегда верен истине-и дхарме, и пред отвагой его не могли устоять враги. Великий духом (Бхима) отражал их разнообразные атаки, (отбивал) оружие недругов; герой положил их более сотни на берегу лотосового пруда, и (приняли они смерть), как герои.

Видя его отвагу и могущество, силу знаний его и мощь рук, (ракшасы), самые доблестные из которых были убиты, дрогнули и вдруг бросились в разные стороны. «Обуянные яростью», разбитые, оттесненные, гонимые Бхимой, теряя власть над рассудком, стремительно взмыли в воздух и кинулись на вершины Кайласы. А он, одолев и отбив в бою вражеские полчища, словно-Шакра — полки дайтьев и данавов, после победы над недругами спустился в тот лотосовый пруд и стал собирать лотосы, сколько ему хотелось. Он испил подобной амрите воды, и его несравненные мощь и ратный пыл возросли еще более. Он? срывал и собирал дивно благоухающие лотосы саугандхика.

Меж тем «обуянные яростью», изгнанные мощью Бхимы, встретились с Владыкой богатств и в величайшем горе рассказали ему все, как есть, о геройстве Бхимы и мощи его в бою. Выслушав их слова, бог с улыбкой ответил ракшасам: «Пусть Бхима возьмет для Кришны столько лотосов, сколько захочет. Мне было известно об этом». Получив согласие Владыки богатств, они без страха вернулись к лучшему из куру и застали Бхиму от души наслаждавшимся в одиночестве в лотосовом пруду.
*Такова в книге «Лесная» великой «Махабхараты» сто пятьдесят вторая глава.*

ГЛАВА 153

Вайшампаяна сказал:
Наконец, о бык среди бхаратов, он собрал множество удивительных, разнообразных, драгоценных, беспыльных (цветов). Вдруг низко подул сильный, быстрый, колючий ветер, предвестник битвы, неся с собою песок и мелкие камни. С ревом пронесся огромный, мощно сверкающий метеор, и солнце, окутанное мраком, померкло, лучи его скрылись. Поднялся грозный шум, пришла в движение земля, обрушилась лавина пыли, когда Бхима явил свою отвагу.

Кровью окрасились стороны -света, резкими стали крики птиц и зверей, все заволокло тьмою, ничего нельзя было различить. Наблюдая такое чудо, сын Дхармы Юдхиштхира, лучший из владеющих речью, произнес: «Кто собирается напасть на нас? Готовьтесь, Пан-давы, суровые в битве, благо вам! По тому, что я вижу, ясно — близится (час), когда нам (суждено проявить) свою доблесть». С этими словами царь Юдхиштхира, Царь справедливости, огляделся вокруг и не увидел Бхимы.

Тогда губитель недругов спросил у Кришны и близнецов, которые были поблизости, об их брате Бхиме, вершителе грозных деяний в бою: «Что Бхима, о Панчали, — готовится ли он к какому-то свершению, или, в

своей отваге склонный к безрассудству, он уже совершил (какой-либо) дерзкий поступок? Эти знамения, которые вдруг появились повсюду, наводят глубокий ужас и предвещают великий бой».

На такие его слова мудрая Кришна, любимая супруга царя, ответила с чарующей улыбкой, желая сделать (мужу) приятное: «Я попросила сегодня Бхимасену добыть из любви (ко мне) лотос саугандхика, такой же, о царь, как тот, что привес ветер, и сказала тогда же герою: если он увидит много таких (лотосов), то пусть соберет их все и побыстрей возвращается. И тот мощнорукий Пандава, чтобы меня порадовать, о царь, в тот же час отправился к северо-востоку отсюда, чтобы набрать (цветов)».

После таких ее слов царь обратился к близнецам: «Пойдемте скорее вместе туда, куда удалился Ври-кодара. Пусть ракшасы несут на себе тех брахманов, что утомились и немощны. А ты, о Гхатоткача, подобный бессмертному, неси Кришну. Очевидно, Бхима ушел далеко — так я считаю: с его (ухода прошло) много времени, а он быстр, как ветер.

Стремительно, как Вайнатея, прыжками пересекая землю, он может, если пожелает, взмыть в небо, а потом опять спуститься. Мы нагоним его благодаря вашей мощи, о «странствующие в ночи», пока не нанес он оскорбления сиддхам, беседующим о Брахмане!» Все (ракшасы) во главе с сыном Хидимбы согласно ответили: «Да будет так», — и, зная, о бык среди бхаратов, где расположено озеро Куберы, они подняли на себя Пандавов и множество брахманов и вместе с Ломашей, довольные в душе, тронулись в путь.

Продвигаясь вперед все вместе, они заметили в лесу прекрасное озеро, полное распустившихся лотосов, и увидели, что» на берегу его стоит великий духом Бхима, а (рядом) — поверженные якши с огромными глазами. Он стоял на берегу заводи, воздев палицу обеими руками, и был подобен Антаке с жезлом в руке во время битвы, гибельной для сущего.

Увидев (брата), Царь справедливости кинулся обнимать его и заговорил с ним ласково: «Что произошло, Каунтея? Увы, дерзость, благо тебе, не по нраву богам! Если ты желаешь добра мне, то не поступай так в дальнейшем!» И после того как он наставил Каунтею и принял цветы, (Пандавы), подобно бессмертным, предались наслаждениям в том лотосовом пруду. В то самое время и появились гиганты, стражи той рощи, державшие как оружие камни.

Увидев Царя справедливости и мудреца-бога Ломашу, а также Накулу, Сахадеву и других,, быков среди брахманов, они все застыли в смиренном поклоне, о бхарата! Ласково встреченные Царем справедливости, «странствующие в ночи» преисполнились радости. После этого с ведома Куберы те быки среди мужей, потомки Куру, пожили там недолго, но счастливо.
*Такова в книге «Лесная» великой «Махабхараты» сто пятьдесят третья глава.*

КОНЕЦ «СКАЗАНИЯ О ПАЛОМНИЧЕСТВЕ К ТИРТХАМ»

# СКАЗАНИЕ ОБ УБИЙСТВЕ ДЖАТАСУРЫ

ГЛАВА 154

Вайшампаяна сказал:
Пандавы жили там без тревог, но вот удалились те ракшасы и с ними — сын Бхимасены, как вдруг однажды в отсутствие Бхиыасены Царь справедливости, близнецы и Кришна были похищены (неким) ракшасой. «(Я) — брахман, сведущий в мантрах, искуснейший знаток всех видов оружия», — так говорил он (о себе), постоянно прислуживая Пандавам. Нацелился он на стрелы и луки Партхов и только ждал удобного случая. Звали его Джатасура. Когда Бхимасена, губитель недругов, ушел на охоту, он принял другое обличье — могучее, грозное, диковинное, и, завладев всем оружием, забрав Драупади, схватил троих Пандавов и бросился, низкий, прочь.

Но Пандава Сахадева сумел увернуться и стал призывать Бхимасену, (обращаясь в ту сторону), куда удалился могучий (герой). Юдхиштхира, Царь справедливости, которого тащил тот (ракшаса), сказал ему: «Гибнет твоя дхарма, глупец, или ты вовсе не признаешь ее? Даже те, другие, кое-кто из тех, что попали в лоно животных, а также гандхарвы, якши и ракшасы, птицы и скот зависят от людей, и ты тоже зависишь, ибо богатством этого мира богатеет ваш мир. Точно так же, если этот мир погружается в скорбь, следом за тем отчаяние охватывает богов, но, если их должным образом почитают жертвенными возлияниями и поминальными жертвами, они процветают.

Мы — хранители государства, его защитники, ракшаса! Откуда же быть государству, лишенному защиты, процветающим и счастливым?! И не следует ракшасе оскорблять царя, тем более когда тот ни в чем не повинен. На нас, о пожирающий людей, нет и ничтожнейшего греха. Не следует никогда причинять вред друзьям, тем, кто тебе доверился, у кого ты кормишься, тому, у кого ты нашел приют. Ты жил под нашей защитой в почете и довольстве, вкушая (нашу) пищу, так как же, грешный помыслами, ты решился похитить нас? Ты ведешь себя безрассудно, и неважно, что ты стар: твой разум (погряз) в заблуждениях.

Ты заслуживаешь нелепой смерти, но сегодня ты будешь (убит) не случайно. Если ты и вправду замыслил недоброе, отрекшись от всех дхарм, то верни нам наше оружие и попытайся в битве захватить Драупади. Если, же ты по своему невежеству довершишь это деяние, то обретешь в мире лишь позор и бесчестье. Посягнув на эту женщину из людского племени, ты, о ракшаса, (все равно что) выпил яд, встряхнув сосуд». И тут Юдхиштхира повис на нем всей тяжестью, и тот, отягощенный ношей, не смог передвигаться столь же быстро.

А Юдхиштхира сказал Драупади и Накуле: «Не страшитесь невежды-ракшаса, я сдержал его прыть. Быть, может, уже неподалеку мощнорукий сын Ветра. В тот же миг, как он настигнет ракшасу, того не станет».

Но Сахадева, о царь, глядя на ракшасу, разум которого был в омрачении, обратил к Юдхиштхире, сыну Кунти, такие слова: «Что может быть лучше для кшатрия, царь, чем в битве встретить смерть лицом к лицу или же одолеть недруга?! Мы будем биться (с ним), о губитель врагов, и либо он одолеет нас, либо мы его уничтожим. Тому и время, и место, о царь мощнорукий! Настал час дхармы кшатрия, о воистину доблестный! Победим мы или погибнем — мы обретем благую участь.

Если сегодня, когда солнце придет к закату, ракшаса все еще будет жив, я больше не смогу сказать (о себе): «Я — кшатрий», о бхарата! Эй, ракшаса, стой! Я — Пандава Сахадева. Или ты убьешь меня и тогда уводи их, или сам останешься здесь убитый спать (вечным) сном». Едва он это проговорил, как вдруг появился мощнорукий Бхимасена, словно Васава с ваджрой. Он увидел двух братьев, и славную Драупади, и Сахадеву, стоящего на земле, готового кинуться на ракшасу, и самого-сбившегося с пути ракшасу, над душою которого навис рок; тот кидался из стороны в сторону, (как будто) сама судьба преграждала ему дорогу. Могучего Бхиму охватила ярость, когда он увидел, что ракшаса тащит его братьев и Драупади, и он проговорил:

«Я заподозрил тебя прежде, когда ты ходил и присматриг-вался к оружию, но счел тебя не стоящим внимания, оттого и не уничтожил. Скрываясь под личиной брахмана, ты не говорил того, что было бы нам неприятно. Да и как я мог погубить тебя, невиновного, когда ты старался нам угодить, не причинял никакого вреда?! Ты выглядел брахманом и был (нашим) гостем. Тот, кто убьет такого, даже подозревая, что-это ракшаса, попадет в Нараку.

Пока не пробил твой час, тебя нельзя было уничтожить. Но теперь ты созрел (для возмездия) : сама судьба, чьи деяния удивительны, подала тебе эту мысль — похитить Кришну. Тем самым ты проглотил наживку, прикрепленную к леске судьбы. Ты словно рыба в воде, зацепившаяся губой (за крючок): как теперь уйти тебе от меня? Ты не достигнешь страны, куда направлялся, куда прежде-тебя устремилась твоя душа, а отправишься ты путем Баки Хидимбы».

Когда Бхима сказал так, ракшаса, подстрекаемый ,роком, испуганно выпустил их всех и приготовился к бою. Губы его дрожали от ярости, когда он сказал Бхиме: «Нет, я .не перепутал стороны света, я задержался ради тебя, нечестивый! Не водой, но твоею кровью я принесу сегодня поминаль-.ную жертву тем ракшасам, которые, как я слышал, были убиты тобой в бою».

Бхима, к которому были обращены эти слова, облизнул уголки губ и, словно бы усмехаясь, в ярости — воочию сам Калантака — ринулся вперед, устремившись к ракшасе, чтобы схватиться врукопашную. И ракшаса тоже напрягся и кинулся на Бхиму, готового к бою, словно Бала на Держащего ваджру. Они сошлись в жестокой рукопашной схватке, и тут подбежали оба гневных сына Мадри.

Но сын Кунти Врикодара, усмехаясь, остановил их: «Я сам справлюсь с ракша-сой». И добавил: «Смотрите! Клянусь собою, своими братьями, своей дхармой и добродетелью и тем, что принесено в жертву, что я, о царь, уничтожу ракшасу!» Когда он сказал это, оба героя, ракшаса и Врикодара, достойные соперники, снова схватились врукопашную.

Между ними, ракшасой и Врикодарой, яростными, неукротимыми в битве, разгорелся бой, словно между богом и данавой. Могучие (воины) вырывали с корнями деревья одно за другим, избивая друг друга, и крики их напоминали грохот туч в конце жаркой поры. Сильнейшие среди сильных, своими бедрами они сносили

мощные деревья, яростно налетая друг на друга, и каждый из них стремился одолеть другого. Разгорелась битва деревьями, губительная для лесов; так некогда (бились) два брата, Сугрива и Бала, львы среди обезьян.

Они теснили друг друга, то и дело ломая деревья, каждый миг издавая клич. Когда все деревья в том месте были повалены и сотнями лежали в кучах, могучие (воители), о бхарата, каждый желая уничтожить другого, тотчас схватились -за камни и ринулись в бой, словно два Индры гор, (окутан-вые) тучами. Они принялись неистово избивать друг друга устрашающе грозного вида огромными (камнями), словно быстрыми ваджрами. Опьяненные мощью, они все яростней бились между собой и, сцепившись руками, волочили друг друга, словно слоны. Великие духом, они обрушивали один на .другого свои страшные кулаки, стоял треск кулачных ударов.

Так вот, сжав кулак, подобный пятиголовому змею, Бхима нанес ракшасе быстрый удар в шею. Ракшаса ослабел от удара руки Бхимасены, а Бхимасена, заметив, что тот дрогнул, бросился на него. Мощнорукий Бхима, подобный бессмертному, с силой приподнял его обеими руками и бросил на землю. Раздробив все его члены, Пандава ударил его локтем так, что голова оторвалась от туловища. Снесенная мощью Бхимасены голова Джатасуры с закушенными губами, вращающимися глазами отлетела (в сторону) — словно плод отделился от черенка—и упала, обагренная кровью, а губы его так и остались, стиснутыми. Великий лучник расправился с ним и приблизился к Юдхиштхире; первые среди дваждырожденных восславили его, словно маруты — Васаву.
*Такова в книге «Лесная» великой «Махабхараты» стопятьдесят четвертая глава.*
КОНЕЦ «СКАЗАНИЯ ОБ УБИЙСТВЕ ДЖАТАСУРЫ»

# СКАЗАНИЕ О БИТВЕ С ЯКШАМИ

ГЛАВА 155

Вайшампаяна сказал:
После того как ракшаса (Джатасура) был убит (Бхимасеной), сын Кунти (Юдхиштхира), могучий царь, снова поселился в обители Нараяны . Помня о брате (Арджуне)-Победителе, созвал он однажды всех братьев, (пригласил) Драупади и обратился к ним с такими словами: «Благополучно прошли четыре года нашей жизни в лесах. Бибхатсу обещал, что на пятый год он появится на прекрасной вершине Шветы, царицы гор. Устремим же туда наши помыслы, ожидая его возвращения. Неизмеримо могучий Партха дал мне обет: «Пять лет проведу я (на небе) учеником».

Там, (на горе), встретим мы грозу недругов, Владетеля лука Гандивы, возвратившегося с оружием из мира богов в этот мир». Окончив речь, созвал Пандава всех брахманов и поведал отшельникам о своем намерении. Брахманы, суровые подвижники, торжественно обошли вокруг Партхи слева направо2 и радостно пожелали ему счастья и удачи: «Благом для тебя обернутся вскоре эти лишения, о бык среди бхаратов! Спасет тебя дхарма кшатрия, о знаток дхармы, и ты будешь править всею землей!»

Выслушав речь отшельников, славный царь, сокрушитель недругов, вместе с братьями и теми брахманами, Драупади, сыном Хидимбы и другими отправился в путь под защитою Ломаши и в сопровождении ракшасов. Могучий (Юдхиштхира, верный обету, кое-где шел пешком, местами же (героя) и его братьев несли на себе ракшасы. Обдумывая свои немалые беды, царь Юдхиштхира направлялся на север, в края, где в изобилии водились слоны, тигры и львы.

Видел он горы Кайласу и Майнаку, предгорья Гандхамаданы и гору Меру; высоко-высоко на той горе (струились) благодатные потоки. На семнадцатый день пути он достиг благословенного плато Химавана. На прекрасном склоне этой горы, поросшем различными деревьями и лианами, невдалеке от Гандхамаданы увидели Пандавы, о царь, святейшую обитель Вришапарвана; она была окружена цветущими деревьями, которые росли близ водоворотов.

Усталость Пандавов, губителей врагов, исчезла, едва они приблизились к благочестивому Вришапарвану и приветствовали мудреца-царя, а мудрец-царь обрадовался тем быкам среди бхаратов, словно своим сыновьям. Семь ночей провели там сокрушители недругов, окруженные заботой (отшельника). На восьмой день с позволения святого мудреца Вришапарвана, славного в мире, решили они двинуться дальше.

(Пандавы) назвали Вришапарвану каждого из тех брахманов, которых на время они оставляли (на его попечение), и те были приняты с почестями, словно родные. Лучшие из одежд и свое дорогое убранство Пандавы также оставили в обители Вришапарвана.

Знаток прошлого и будущего, искусно разбирающийся во всех дхармах и знающий дхарму (единую, Вришапарван), дал наставления тем быкам среди бхаратов, словно своим сыновьям. С его позволения великие герои вместе с Кришной (Драупади) и брахманами, могучими духом, двинулись дальше на север. Царь Вришапарван вышел их проводить. Затем, препоручив Пандавов дваждырожденным, даровав сыновьям Кунти свое благословение, восславив их и показав дорогу, мощнопламенный Вришапарван, удовлетворенный, вернулся (в свою обитель).

Юдхиштхира, воистину доблестный сын Кунти, пешком странствовал вместе с братьями (по диким местам), - где водились самые разные звери. Минуя горные равнины, поросшие всевозможными деревьями, Пандавы на четвертый день добрались до горы Шветы. Величественная гора, изрезанная потоками, вместе со множеством предгорий казалась гигантским скоплением туч; драгоценные камни и золото украшали ее. Дойдя до (горы), двинулись они тем путем, который показал им Вришапарван.

Как и сказал (мудрец), со всех сторон их окружали горы и на каждой горе — неприступные с виду ущелья. Благополучно миновали (странники) бесчисленные преграды. Дхаумья, Кришна (Драупади), Партхи и Ломаша, великий святой мудрец, шли все вместе, ни один не отставал. Отважные герои добрались до великой, благословенной (вершины) красавицы горы Мальяван. Здесь обитали лишь звери и птицы; множество разных птиц оглашали окрестности (своим пением, всюду) сновали стаи обезьян. Величественные леса (охраняли покой) лотосовых озер и прудов.

С радостным трепетом взирали (оттуда путники) на гору Гандхамадану — обитель кимпурушей, пристанище сиддхов и чаранов, приют видьядхаров и киннари, обиталище слонов, чутких шарабхов и других зверей, чьи крики приглушенно звучали (вдали).

Отважные сыновья Панду радостно углубились в лес Гандхамадану. Своими прекрасными деревьями он напоминал (небесную) рощу Нандану, которая дарует усладу сердцу и уму. Герои вместе с Драупади и брахманы, великие душой, слышали дивные, нежные, сладостные звуки, льющиеся из птичьих горл; (эти звуки) рождали радость и чаровали слух. Деревья здесь стояли в пышном цвету в любое время года, в любую пору они обильно плодоносили, сгибаясь (до земли) под тяжестью своих плодов.

Здесь были цветущие манго, амратака, кокосовые пальмы и тиндука; аджатака, джира, гранатовые, лимонные и хлебные деревья; банановые и финиковые пальмы, амраветаса, паравата, кшаудра и прекрасная кадамба; билва, капиттха, джамбу, кашмари и юююба; плакша, удумбара, вата, ашваттха и кширин; ореховые деревья, амалака, харитака и вибхитака, ингуда и олеандр рядом с обильно плодоносящей тиндукой.

Сладкие, как амрита, плоды (покрывали) эти и другие бесчисленные деревья, росшие на склонах Гандхамаданы, такие, как чампака, ашока, кетака и ба-кула, пуннага, саптапарна и карникара рядом с кетакой, патала, прекрасная кутаджа, мандара, индивара, париджата, кови-дара, деревья девадару, шала, тала и тамала, прияла и баку-ла, шалмали, киншука рядом с ашокой и трепещущей шин-шапой. Чакоры, дятлы, сорокопуты и попугаи, кукушки, воробьи, голуби и фазаны, чатаки, приявраты и разные другие птицы, сидя (на ветвях), издавали сладчайшие звуки, ласкающие слух.

Светлые воды бесчисленных озер были сплошь усеяны белыми лилиями, белыми, розовыми, красными и голубыми лотосами; всюду виднелись во множестве жители вод — гуси кадамба, чакраваки, скопы, джалакуккуты, утки карандава, плавы, лебеди, журавли, мадгу и прочие. На горных равнинах Гандхамаданы взору (путников) открылись пленяющие душу заросли лотосов, среди которых сладостно, в ленивом опьянении нектаром красных лотосов жужжали беззаботные пчелы, красновато-коричневые от пыльцы с тычинок, растущих из лона лотоса.

Повсюду в дивных зарослях лотосов, под арками из лиан виднелись павлины и павы, возбужденные, страстно-взволнованные рокотом туч-литавр. Яркие лесные танцоры издавали свое нежное «ке-ка», звуки, чарующие, как музыка, и, распустив пестрые хвосты, плясали в упоении, изнемогая от истомы; другие же вместе со своими возлюбленными сладко нежились в долинах, увитых лианами и ползучими побегами. На ветвях и между деревьями (Пандавы) видели каких-то крупных оживленных птиц, горделиво расправивших хохолки, так что казалось, будто цветная диадема (красовалась у каждой на голове).

На горных вершинах (росли) пышные, покрытые золотистыми цветами (деревья) синдхувара, подобные стрелам Смущающего душу; (путники) любовались карникарами, похожими на прекрасные серьги. В рощах цвели амаранты, пробуждающие страстное томление, словно пучки стрел Камы; среди деревьев (выделялась) благородная тилака — искусный сверкающий знак на (челе леса) 6. В цветочных кистях пленяющего душу манго, напоминающих стрелы Бестелесного, жужжали пчелы. Шала и тамала, патали и ба-

кула, (усыпанные) золотистыми, (багряными), как пламя лесного пожара, красными, (черными), как сурьма, и (голубыми), точно вайдурья, цветами, венчали вершины гор.

Постепенно герои осмотрелись вокруг: стада слонов громоздились на склонах Гандхамаданы, то там, то здесь появлялся тигр или лев; крики шарабхов носились в воздухе, наполненном разными звуками. Кругом были цветы и плоды всех времен года, светлые рощи отливали солнечным блеском, нигде не было ни колючек, пи (деревьев), лишенных цветов; листва и плоды деревьев на Гандхамадане были полны соком. В горных долинах видели Партхи озера и ручейки, прозрачные, как хрусталь; стаи «царских гусей» покрывали (водную гладь), слышались крики журавлей. Всюду пестрели голубые и белые лотосы, и прикосновение к этим водам было наслаждением. Благоухающие цветы и напоенные соком плоды украшали пышные деревья в горных лощинах; великое множество всяких кустов, деревьев и лиан буйно цвело, зеленело и плодоносило.

Любуясь деревьями на величайшей из гор, Юдхиштхира умиленно сказал Бхимасене: «Видишь, о Бхдма, вокруг — благодатные края, игрища богов. Ступив на путь, недоступный простому смертному, мы, о Врикодара, обрели совершенство.

Прильнув к склонам Гандхамаданы, о Партха, красуются в цвету прекраснейшие из деревьев, густо увитые лианами. Слышишь, о Бхима, — в горах раздаются крики павлинов, разгуливающих вместе с павами. Пышно цветущие деревья усеяны птицами: здесь чакоры, и шатапатры, и (птицы) шарика, и самозабвенно (поющие) кукушки. На ветвях, о Партха, сидят желтые, красные и коричневатые птицы, любуются друг другом многочисленные фазаны. Вокруг зелено-бурых лужаек и в горных потоках видны журавли. Нежные крики гусей, птиц с красными спинами, (жужжание) бхрингараджей проникают в самое сердце каждого существа.

Белые, как лотос, слоны с четырьмя бивнями вместе со слонихами возмущают покой огромного озера цвета вайдурьи. Водные каскады из множества потоков, каждый вышиной с несколько пальм 9, падают, низвергаясь, с горных вершин. Поблескивающие (прожилки) металлов — одни как отсветы солнца, другие как тучи на осеннем небе — украшают, о Бхима, великую гору. Кое-где они цвета сурьмы, кое-где — золотистые, в иных местах — желтоватые, в других — (ярко-красные), как киноварь. Вот пещеры из красного мышьяка цвета туч на закатном небе, а там — красный известняк, цветом напоминающий (глаза) кролика.

Эти различные камни — одни словно светлые, другие как черные тучи, третьи как раннее солнце — ярким блеском своим делают гору еще прекрасней. На горных вершинах, о Партха, как и сказал Вришапарван, видны гандхарвы со своими возлюбленными, а рядом с ними — кимпуруши. Слышишь, о Бхима, звучат напевы, чарующие все живое; их, словно гимны, (сопровождают) хлопками в ладоши. Видишь — вот прекрасная, великая, благословенная Ганга, усеянная стаями гусей; это река богов, приют святых мудрецов и киннаров. Смотри, о Каунтея, гроза недругов: (перед тобою) — царь гор с его рудами и потоками, киннарами, гандхарвами и апсарами, прекрасными лесами, зверями и птицами и разного вида стоглавыми змеями».

Герои, сокрушители недругов, с радостью в сердце вступившие на этот высочайший путь, еще не успели вдоволь насладиться зрелищем Индры гор, как их взоры приковала утопавшая в цветах обитель царя-мудреца Арштишены; покрытые плодами и цветами деревья окружали (приют отшельника). (Путники) направились к Арштишене, постигшему все дхармы. Пройдя через суровейшее покаяние, тот исхудал настолько, что вены проступили у него под кожей.
*Такова в книге «Лесная» великой «Махабхараты» сто пятьдесят пятая глава.*

ГЛАВА 156

Вайшампаяна сказал:
Приблизившись к (мудрецу), чьи грехи уничтожило пламя покаяния, Юдхиштхира, радостный, приветствовал его поклоном, назвав свое имя. Затем подошли Кришна (Драупади), Бхима и оба славных близнеца. Поклонившись царю-мудрецу, они встали подле него.

Потом к святому мудрецу, верно соблюдающему свой суровый обет, приблизился, как должно, знаток дхармы Дхаумья, родовой жрец Пандавов. Искушенный в дхарме старец благодаря чудесному дару провидения узнал сыновей Панду, лучших из рода Куру, и предложил им сесть. Почтив мудрого быка среди куру (и подождав), пока тот усядется вместе с братьями, великий подвижник осведомился о его благополучии:

«Не допускаешь ли ты нарушений истины? Живешь ли согласно дхарме? Не забываешь ли ты, о Партха, о почтительном отношении к своим родителям? Почитаешь ли наставников, всех старцев и знатоков Вед? Не склоняешься ли ты, о Партха, хотя бы в мыслях к греховным деяниям? Знаешь ли ты, о лучший из рода Куру, как должно по справедливости воздавать за добро и карать за зло? Не хвастлив ли ты? Довольны ли праведники, когда ты почитаешь их по заслугам? Следуешь ли ты своей дхарме, даже живя в лесу? Не

огорчаешь ли ты, о Партха, своим поведением Дхаумью: (раздаешь ли) дары, (блюдешь ли) дхарму, (предаешься ли ты) умерщвлению плоти, (охраняешь ли ты) свою праведность,, чистоту и смирение — словом, исполняешь ли ты, о Партха, то, что завещано праотцами? Следуешь ли, о Пандава, путем, проложенным царями-мудрецами?

Прародители в мире усопших и радуются, и тревожатся, когда в их семьях рождаются сыновья или внуки, (они гадают): «Не обернутся ли горем для нас их дурные поступки? и Порадуют ли они нас (благими деяниями)?». Оба мира покорны тому, кто почитает отца своего и мать, а также огонь, наставника и пятым — Атман, о Партха!

Каждый раз в день смены луны на лучшей из гор собираются, приплывая по воздуху, святые мудрецы, пищей которым служит только вода и воздух, а на горных вершинах,, о царь Партха, видны верные влюбленные-кимпуруши со своими подругами и многие сонмы гандхарвов и апсар, облаченных в шелковые беспыльные одежды, а также множество прекрасных обликом видьядхаров, украшенных венками, толпы махорагов, супарны, демоны-змеи и другие существа.

В день смены луны на вершине этой горы раздаются звуки литавр, барабанов, раковин и мридангов. Все это слышно отсюда, о быки среди бхаратов, но о том, чтоб проникнуть- туда, даже не помышляйте! Дальше дороги нет, о лучшие среди бхаратов! Там — игрища богов, и путь туда для людей заказан. Того же, о бхарата, кто дерзнет (пробраться туда), ждет ненависть всех обитающих там и гибель от рук ракшасов. За вершиною этой горы, о Юдхиштхира, сияет путь мудрецов-богов, достигших высочайшего совершенства, и на того, кто рискнет проникнуть туда, накинутся ракшасы с железными копьями и разным другим оружием, о Партха, губитель недругов!

Когда наступает день смены луны, здесь, (на горе), о сын мой, появляется во всем блеске окруженный апсарами Вай-шравана, Тот, колесницу которого влекут нары. Когда Властитель ракшасов усаживается на вершине, все сущее взирает на него, как на взошедшее солнце. Эта горная вершина, о достойнейший из бхаратов, — сад Вайшраваны, (где собираются) боги, сиддхи и данавы.

В день смены луны на Гандха-мадане, о сын мой, слышатся звуки песен и гимнов: это Тумбуру ублажает Дарителя богатств. Вот какую картину наблюдают отсюда, о сын мой Юдхиштхира, все существа всякий раз, когда наступает день смепы луны. Живите здесь, о лучшие из Пандавов, до появления Арджуны, вкушайте разнообразные яства и сочные плоды. Да не будут дерзкими сюда пришедшие, о сын мой! Живите, как вам хочется, и развлекайтесь, как понравится. (Настанет время), когда ты, о первый среди воинов, будешь править землей!»
*Такова в книге «Лесная» великой «Махабхараты» сто пятьдесят шестая глава.*

ГЛАВА 157

Джанамеджая сказал:
Как долго прожили на горе Гандхамадане великие духом сыновья Панду, что отличаются удивительным мужеством? Чем питались, живя там, самые отважные в мире (герои), великие духом? Поведай об этом, о достославный! Расскажи мне подробно о доблести Бхимасены, обо всем, что он совершил благодаря мощи своих рук на горе Химаван. Не вступил ли он снова в битву с якшами, о высочайший из дваждырож-денных? Встретились ли (герои) с Вайшраваной? Ведь Даритель богатств появляется там, как сказал Арштишена. Я хочу услышать об этом подробный (рассказ), о подвижник! Я еще не наслушался вдоволь (историй) об их деяниях.

Вайшампаяна сказал:
Выслушав благой совет неизмеримо могучего (Арштшпены), те быки среди бхаратов стали неукоснительно ему следовать. Вкушая пищу отшельников — сочные плоды, мясо оленей, убитых чистыми стрелами, и разные сорта свежего меда, пригодного для жертвоприношения, жили Пандавы, быки среди бхаратов, на склоне Химавана.

Так провели они пятый тод своего изгнания, слушая разные повести, которые рассказывал им Ломаша. Перед этим Гхатоткача, о владыка, удалился вместе со всеми ракшасами, сказав (на прощание Панданам): «В нужный час я вернусь». Много месяцев прожили «ильные духом (герои) в обители Арштишены, наблюдая дивные чудеса. Радуясь за Пандавов, живущих в довольстве, приходили их навестить верные обету отшельники и чараны, великие участью и совершенные душой, и достойнейшие среди бхаратов вели с ними удивительные беседы. Затем, спустя несколько дней, Супарна поймал вдруг огромного, мощного змея, обитавшего в большом озере. Задрожала могучая гора, рухнули на землю высокие деревья. Пандавы и все сущее видели это чудо.

Потом ветер принес Пандавам множество прекрасных, ароматных цветов с вершины лучшей из гор. Сыновья Панду вместе с друзьями и славная Драупади любовались дивными цветами пяти разных оттенков.

Однажды Кришна сказала Бхимасене, отмеченному мощью рук, когда тот, отдыхая, сидел в одиночестве на горе: «О бык среди бхаратов! Порывом ветра, поднятого мощным дыханием «Супарны, у всех на глазах сбросило в реку Ашваратху цветы пяти оттенков. В Кхандаве, о владыка людей, твой брат, верный данному слову, выстоял против демонов-змеев, гандхарвов, ракшасов и самого Васавы, (Арджуна) истребил злобных чародеев и получил лук Гандиву.

Твоя мощь столь же велика, и сила рук твоих столь же огромна, неодолима, необорима, как могущество Совершителя ста жертвоприношений. Пусть все ракшасы, убоявшись стремительности и мощи твоих рук, покинут, о Бхимасена, эту гору и разбегутся на все десять сторон!

Пусть увидят твои друзья, которых покинут страх и сомнения, благодатную вершину лучшей из гор, одетую яркими цветами. Давно мои помыслы заняты этим, о Бхима! Я хочу увидеть вершину горы, опираясь на мощь твоих рук». Словно раненный в душу, не мог стерпеть (упрека) Драупади губитель недругов с мощными руками, словно норовистый бык — удара.

Пандава-герой, поступью напоминающий быка или льва, достойный, благородный, сверкающий, как золото, мудрый, сильный, гордый и честолюбивый, широкоплечий, грозный, как разъяренный слон, с клыками как у льва, мощной грудью и шеей, напоминающей раковину, стройный, как молодое дерево шала, великий душою и прекрасный телом, взялся могучими руками за позолоченный лук, меч и колчаны, и глаза его налились кровью (от ярости).

Горделивый, словно лев, ничего не страшащийся и ни перед чем не останавливающийся, как слон во время течки, ринулся герой на эту гору, и все живое видело, как он ступал, словно Индра зверей или разъяренный слон, держа в руках лук, стрелы и меч.

На радость Драупади, не ведая ни страха, ни наваждений, ступил Пандава с палицею наготове на царицу гор. Ни усталости, ни трепета, ни слабости, ни тревоги не чувствовал Партха, сын Ветра. По устрашающей с виду неровной тропе, по которой можно пройти лишь в одиночку, взбирался богатырь на гору высотой с множество пальм. Приведя в волнение киннаров, могучих демонов-змеев, отшельников, гандхарвов и ракшасов явился герой на вершину горы.

Увидел там бык среди бхаратов чудесный дворец Вайшраваны, его хрустально-золотые покои. Там веял, радуя все живое, ласковый ветер с Гандхамаданы, напоенный разными ароматами. Необычайно красивые деревья были покрыты яркими цветочными кистями. Взору быка среди бхаратов открылся благодатный, цветущий край Владыки ракшасов, богатый сокровищами. Презрев заботы о собственной жизни, Бхимасена с палицей, мечом и луком в могучих руках застыл неподвижно, словно утес. Затем он подул в свою раковину, наводящую трепет на недругов, и, устрашая все сущее, ударил ладонью по тетиве, заставив ее зазвенеть.

На этот звук к Пандаве поспешили радостно-возбужденные якши, ракшасы и гандхарвы, засверкали в руках у якшей и ракшасов палицы, мечи, копья, пики и секиры. И тут, о бхарата, произошла между ними битва.

Неистово-стремительными стрелами раскалывал Бхима пики, копья и секиры, которые метали (в него) те великаны. Богатырь пронзал стрелами члены громко вопивших ракшасов — тех, что носились в воздухе, и тех, что были на земле. Полил страшный кровавый ливень: это потоки (крови) хлестали из тел ракшасов. (Всюду) виднелись груды растерзанных тел и головы якшей и ракшасов — творение мощи рук Бхимы. Все живое смотрело на прекрасного Пандаву: окруженный ракшасами, он был подобен солнцу, заслоненному тучами.

И подобно тому как солнце (пронзает тучи) своими лучами, так (Бхима), воистину доблестный воин с могучими руками, настигал (демонов) своими стрелами, губительными для врага. Ракшасы издавали яростные вопли, осыпали его угрозами, но никому из них не удалось заметить в Бхима-сене замешательства. Израненные стрелами, в страхе перед Бхимасеной, с отчаянными криками бросали (ракшасы) свое мощное оружие. Напуганные метким стрелком из лука, теряя палицы, копья, мечи, пики и секиры, (демоны), устремлялись в южную сторону.

Был среди них ракшаса по имени Маниман, друг самого Вайшраваны; широкогрудый, с мощными руками, он был вооружен пикой и палицей. Обладая великою силой, стал он являть свою мощь и бесстрашие. Увидев,

что (ракшасы) обратились в бегство, он произнес насмешливо: «Один человек одолел в бою множество (ракшасов)!

Что же скажете вы Вайшраване, когда явитесь в чертоги Владыки богатств?» Этими словами ракшаса повернул их назад и бросился на Пандаву с копьем, пикой и палицей в руках. Нападал он яростно, как слон во время течки. Бхимасена поразил его в бок тремя зубчатыми стрелами. Могучий Маниман в гневе схватил огромную палицу и, прицелившись, запустил ее в Бхимасену.

А Бхимасена множеством стрел, заточенных на камне, осыпал в воздухе эту устрашающе огромную палицу, подобную молнии. Ударились о палицу эти быстрые стрелы, но не умерили они быстроты ее полета. Однако грозно-отважный герой (Бхимасена), искушенный в битве на палицах, избежал ее удара. В тот самый миг коварный ракшаса метнул (в Бхимасену) страшное железное копье с золотой рукоятью. С диким свистом это грозное (копье) пробило правую руку Бхимы и, полыхая огнем, вонзилось в землю.

Необычайно мужественный (Бхима), великий стрелок из лука, тяжко раненный копьем (Манимана), схватил свою палицу: потомок Куру был чрезвычайно искусен в битве на палицах. С этой палицей целиком из железа, громко крича, стремительно бросился Бхима на могучего Манимана. А Маниман взял огромную сверкающую пику и, тоже издав клич, - со страшной силой метнул ее в Бхимасену. Сломав эту пику концом своей палицы, (Бхима), знающий толк в сражении на палицах, быстро ринулся на него, как Гарутман на змея. (Пандава), отмеченный мощью рук, внезапно подпрыгнул в воздухе, размахнулся палицей и с кличем метнул ее (в Манимана) в разгар боя.

Словно ваджра Индры, пущенная самим Индрой, со скоростью ветра (настигла палица) ракша су и, сразив его насмерть, упала на землю, подобная Критье. Так на глазах всех живущих Бхимасена убил грозного ракшасу, словно лев — быка. Оставшиеся в живых (ракшасы), «те, что бродят в ночи», увидели (лежащего) на земле убитого (Манимана) и с отчаянными криками бросились бежать на восток.
*Такова в книге «Лесная» великой «Махабхараты» сто пятьдесят седьмая глава.*

ГЛАВА 158

Вайшампаяна сказал:
В горных ущельях эхом отдавались различные шумы, но Бхимасена не появлялся, и сын Кунти, (Юдхиштхира), Тот, чей (достойный) соперник еще не родился, оба сына Мадри, Дхаумья, Кришна (Драупади), брахманы и друзья (героев) начали беспокоиться. Препоручив Драупади Арштишене, великие, доблестные воины, сражающиеся на колесницах, все вместе поднялись с оружием на гору. Добравшись до горной вершины, отважные бойцы на колесницах, меткие стрелки из лука, огляделись вокруг и увидели губителя недругов Бхимасену, а перед ним — повергнутых великанов-ракшасов, могучих и грозных, трепещущих в смертной муке. (Бхима), сокрушивший в бою всех (демонов), с палицей, мечом и луком в могучих руках был величествен, как Магхаван, (одолевший) данавов.

Партхи приблизились к Врикодаре, обняли (его) и расположились рядом, ступив на высочайшую стезю. Четыре могучих стрелка из лука украшали собою вершину горы, как великие участью Хранители мира, лучшие из богов, (украшают собой небо).

Видя (вдали) чертоги Куберы, а рядом — повергнутых ракшасов, (старший) брат сказал своему брату Пандаве, присевшему (отдохнуть): «Из дерзости или же в ослеплении совершил ты, о Бхима, этот греховный поступок? Непохоже такое на тебя, о герой, как непохоже, чтобы мудрец (изрекал) ложь. «Не следует делать того, что прогневит царя»,— так считают знатоки дхармы. А то, что сделал ты, Бхимасена, вызовет гнев Тридцати (богов).

Когда кто-нибудь, не считаясь ни с пользой, ни с долгом, впадает во грех, то впоследствии он неизбежно пожинает плоды своих нечестивых деяний, о Партха! Впредь никогда не следует так делать, если ты хочешь мне блага». Сказав так своему непокорному брату, могучий Юдхиштхира, добродетельный сын Кунти, познавший грани и сущность пользы, приостановился, обдумывая смысл (происшедшего).

Меж тем ракшасы, из тех, что уцелели после битвы с Бхимасеной, поспешили в покои Куберы. Отчаянно торопясь, подавленные страхом перед Бхимасеной, тяжко и горестно стеная, добрались они до чертогов Вайшраваны. Измученные, растерявшие свое оружие и снаряжение, в одежде, испачканной кровью, с растрепанными волосами, (явились) они, о царь, к Властителю якшей и обратились к нему с такими словами: «О бог, убиты самые лучшие из твоих ракшасов! Не спасли их ни палицы, ни булавы, ни мечи, ни коцья, ни секиры.

Смертный в одиночку опустошил ту гору, о Владыка богатств, уничтожив в бою сонмы (демонов, что зовутся) «обуянными яростью», о бог — Владыка богатств! Лучшие среди якшей и первые среди Индр ракшасов пали (в бою, лежат они на земле) безжизненные и бездыханные. Вершина горы захвачена (Бхимасеной). Мы спаслись, но убит твой друг Маниман. И это дело рук человека! Решай, что будет дальше». — «Вот как!» — воскликнул в ярости Повелитель всех сонмов якшей, когда услышал об этом, и глаза его налились кровью от гнева. Рассвирепел Владыка богатств, Властитель якшей, узнав о новом дерзком деянии Бхимы, и повелел, чтоб запрягали коней.

И вот в прекрасную, словно гряда облаков, колесницу, уходящую ввысь, как горная вершина, запрягли гандхарвийских коней. Превосходные, ясноглазые кони, обладавшие всеми достоинствами, горячие, сильные, резвые, были украшены разными драгоценными камнями. Запряженные в колесницу, готовые тут же умчаться, как ветер, они, красуясь, горячили друг друга победными движениями. Лучезарный Царь царей величественно взошел на мощную колесницу и тронулся в путь, прославляемый богами и гандхарвами.

Когда великий духом Владыка богатств, повелевающий якшами, выступил (в поход), его тотчас же окружили десятки и сотни тысяч хорошо вооруженных, сверкающих золотом, грозных и доблестных великанов-якшей, опоясавших себя мечами. Глаза их были налиты кровью (от ярости).

С радостным трепетом увидели невдалеке Пандавы приближающегося к ним великого и прекрасного Владыку богатств. Кубера тоже обрадовался, завидев могучих душою сыновей Панду, вооруженных луками и мечами великих воинов, сражающихся на колесницах. (Воины-якши), предводительствуемые Владыкой богатств, быстро, как птицы, взлетели на вершину горы и окружили (братьев). Заметив, о бхарата, что (Кубера) рад (видеть) Пандавов, гандхарвы и якши успокоились.

Могучие духом Пандавы — Накула, Сахадева и сын Дхармы, знаток дхармы, поклонились великому Дарителю богатств. Разделяя вину (Бхимасены), великие колесничные воины окружили Владыку богатств, смиренно сложив ладони. Властитель сокровищ стоял в (колеснице), разрисованной по бортам, — в славной Пушпаке, творении рук Вишва-кармана, затмившем собою все троны и ложа. Тысячи быстрых великанов-якшей и ракшасов с ушами как пики обступили его, когда он присел (на сиденье). Сотни гандхарвов и толпы апсар окружили его, словно боги — Совершителя ста жертвоприношений.

Бхимасена в прекрасном золотом венце на голове, с мечом, луком и стрелами в руках взирал на Владыку богатств. Ни страха, ни слабости не испытывал израненный ракшасами Бхима перед лицом Куберы. Видя, что Бхима держит острые стрелы и снова готов к бою, Тот, колесницу которого влекут нары, сказал сыну Дхармы: «Знают, о Партха, все существа, что ты радеешь об их благе. Так живи со своими родными на вершине этой горы, не ведая страха.

И не стоит тебе, о Пандава, гневаться на Бхимасену: гибель этих (демонов) была предопределена самою судьбой; твой младший брат — лишь орудие (рока). И не следует стыдиться дерзости (Бхимы): ведь боги предвидели гибель якшей и ракшасов. Нет у меня гнева на Бхимасену, я доволен, о бык среди бхаратов! Я заранее был рад этому деянию Бхимасены».

Сказав так царю (Юдхиштхире), он обратился к Бхимасене: «Не печалит это меня, о сын мой, лучший в роду Куру! Этот дерзкий поступок, о Бхима, совершил ты во имя Кришны. Не страшась ни меня, ни (других) богов, опираясь только на мощь своих рук, истребил ты якшей и ракшасов, и потому я довод і тобою. Теперь, о Врикодара, я свободен от страшного проклятия: некогда за один проступок проклял меня во гневе высочайший святой мудрец Агастья. Этим (подвигом ты) искупил (мой ірех). Беда для меня была предрешена, о сын Панду! В ртом, о сокрушитель недругов, нет никакой твоей вины».

Юдхиштхира сказал:
Каким же образом проклял тебя, о повелитель, великий душою Агастья? Я хочу услышать, о бог, о причине проклятия, (обрушившегося) на тебя. Мне кажется чудом, что гнев мудреца в тот же миг не испепелил и тебя28, и войско твое, и всю твою свиту.

Вайшравана сказал:
В Кушавати, о владыка людей, собирался тайный совет богов, и я тоже отправился туда, окруженный тремястами махападмами разнообразно вооруженных грозных якшей. В пути на поросшем прекрасными цветущими деревьями берегу Ямуны, усеянном стаями разных птиц, повстречался нам величайший из святых мудрецов Агастья, предававшийся суровому подвижничеству.

Увидав сверкающего и пламенеющего, как рвущийся ввысь огонь, (мудреца), стоящего лицом к солнцу с поднятыми вверх руками, славный повелитель ракшасов, мой друг Маниман, о бхарата, по глупости и

невежеству, из самомнения и безрассудства плюнул сверху на голову святого великого мудреца. Казалось, (мудрец) испепелит все вокруг своей яростью, но он лишь сказал мне: «Бесстыдный твой друг оскорбил и унизил меня у тебя на глазах, о Владыка богатств! Да примет он смерть от руки человека вместе с твоим войском! И тебе, неразумный, будет горько из-за гибели твоей рати.

Лишь увидев того человека, освободишься ты от греха. Он выполнит твою волю. Грозное это проклятие не коснется сыновей и внуков твоих воинов и их войска. Ступай!» Давным-давно тяготеет надо мной это проклятие достойнейшего из святых мудрецов. Теперь, о великий царь, Бхима, твой брат, освободил меня от него.
*Такова в книге «Лесная» великой «Махабхараты» сто пятьдесят восьмая глава.*

ГЛАВА 159

Вайшравана сказал:
Стойкость, сметливость, правильный выбор места и времени, а также мужество — вот четыре черты, о Юдхиштхира, необходимые для того, чтобы вершить мирские дела. Стойкими, искусными во всем были, о бхарата, люди во времена Критаюги, умели они проявить свою доблесть. Стойкий, умеющий выбрать нужное место и время, знающий предписания всех дхарм кшатрий достоин править землею, о лучший из кшатриев!

Тот человек, о доблестный Партха, который поступает именно так в каждом своем деянии, обретет в этом мире славу, а в мире ином — блаженство. Шакра, Губитель Вритры, проявляя геройство там, где нужно, и тогда, когда нужно, вместе с (восемью) васу воцарился на третьем небе.

А кто грешен душою и помыслами и устремляется только к греху, кто не умеет распределить дела, тот гибнет и здесь, и в мире ином. Неразумный (человек), не умеющий выбрать нужное время, не знающий особенностей дела, (за которое он берется), тот, чьи начинания бесполезны, погибает и в этом мире, и в мире ином. И цели ничтожные у нечестивцев с низкой душой. Такие стремятся во всем преуспеть и способны на вероломство.

Бхимасена не знает дхармы, он горд, несдержан и безрассуден, и разум его незрел. Ты должен его наставлять, о бык среди мужей! Возвращайся в обитель царя-мудреца Арштишены и живи там, не зная ни печали, ни страха, всю первую, темную, половину лунного месяца. Да хранят тебя, о наделенный мощными руками, и вместе с тобою лучших из дважды-рожденных гандхарвы, якши, ракшасы Алаки и все жители гор — вот моя воля, о Индра людей!

А Врикодару, который дерзостью обосновался здесь на горе, ты должен крепко держать в руках, о царь, лучший из хранителей дхармы! Вскоре, о Индра царей, вам встретятся обитатели здешних лесов. Они всегда будут служить (вам) и всячески (вас) опекать. А слуги мои будут вам доставлять в изобилии вкусные разнообразные яства и напитки, о бык среди мужей! Как Великий Индра (охраняет) Джишну, а Ветер — Врикодару, как, о сын мой, (бог) Дхарма (охраняет) тебя, своего родного сына, появившегося на свет чудесным образом, как Ашвины охраняют своих родных сыновей-близнецов, так здесь, о Юдхиштхира, буду я охранять вас всех, как они.

Знающий различия в природе вещей, искушенный в особенностях всех дхарм младший брат Бхимасены, Тот, что рожден под созвездием Пхальгуни, благоденствует на небесах. Все высочайшие добродетели, которые почитаются в мире, с рождения присущи, о сын мой, Завоевателю богатств. Сдержанность, щедрость, сила, ум, скромность, стойкость, величайшее духовное могущество — все это свойственно сильному духом (Арджуне), мощь которого не измерить. Джишну, о Пандава, даже забывшись, не совершит ничего дурного, и людям не удается потолковать меж собой о (каких-нибудь) лживых словах Партхи.

Почитаемый богами, гандхарвами п праотцами, он изучает оружие в обиталище Шакры, умножая, о бха-рата, славу рода Куру. На небе великий пылом Шантану, дед твоего отца, дхармой покоривший всех земных владык, доволен, о Партха, тем сыном Притхи, Владеющим луком Ганди-вой. Могучий герой Шантану, снискавший себе великую славу опоры рода, почитая, как должно, предков, богов и дважды-рожденных, совершил семь главных больших жертвоприношений (на берегу) Ямуны. (Твой) прадед Шантану, царь над царями, живущий на небесах в мире Шакры, участливо следит за твоими делами, о царь! Вайшампаяна сказал:

После того, о бык среди бхаратов, Врикодара отложил копье, палицу, меч и лук и поклонился Кубере. А Властитель сокровищ, защитник (Вайшравана), сказал (Бхимасене), обратившемуся к нему за покровительством: «Сокрушай гордыню врагов и увеличивай радость друзей! Пусть благоденствуют губители недругов в своих прекрасных чертогах! Якши исполнят (любое) ваше желание, о быки среди

бхаратов! Недалеко то время, когда Магхаван отпустит Гудакешу, быка среди мужей, овладевшего в совершенстве оружием, и Завоеватель богатств возвратится (к вам)».

Так наставив Юдхиштхиру в его славных деяниях, Владыка гухьяков отправился к Асте, прекраснейшей из гор. За ним на убранных коврами колесницах, украшенных разными драгоценными камнями, двинулись тысячи якшей и ракшасов. Дивные кони помчались по пути Айраваты ко дворцу Куберы, подняв шум, словно птичья стая.

Скакуны Властителя сокровищ стремительно взмывали ввысь, как бы влача за собой облака и выпивая ветер. Затем по приказу Владыки богатств безжизненные тела ракшасов были убраны с горной вершины. Мудрый Агастья определил для них смертный час, потому они все (во главе) с Маниманом пали в бою. Великие духом Пандавы, почитаемые всеми ракшасами, счастливо, без тревог провели эту ночь в покоях (Куберы).
*Такова в книге «Лесная» великой «Махабхараты» сто пятьдесят девятая глава.*

ГЛАВА 160

Вайшампаяна сказал:
Когда взошло солнце, Дхаумья и Арштишена, совершив ежедневный обряд, явились к Пандавам, о губитель недругов! Склонившись к стопам Арштишены и Дхаумьи, с почтительно сложенными ладонями приветствовали (братья) обоих брахманов. Великий святой мудрец Дхаумья взял Юдхиштхиру за правую руку и, устремив взор на восток, сказал: «Вон там, о великий царь, сверкает царица гор Мандара, протянувшаяся вплоть до самого океана. Индра и Вайшравана охраняют, о Пандава, этот обетованный край с его горами, рощами и лесами.

Святейшие мудрецы, знатоки всех дхарм, считают эту (гору) обиталищем Великого Индры и царя Вайшраваны. Потому-то и чтят восходящее солнце и простые смертные, и святые мудрецы, искушенные в дхармах, а также сиддхи, садхьи и сами боги. А Яма, справедливый, могучий царь всего живущего, обитает в южной стороне, на том пути, каким проходят души умерших.

Там (находится) благодатная Саньямана — необыкновенное, удивительное, безмерно богатое место, где пребывает царь усопших. Ту (гору), о царь, дойдя до которой Савитар останавливается, премудрые называют Астой, царицей гор. На этой горе-царице и в океане, великом властелине вод, живет царь Варуна, хранитель (всего) живого.

Северный край, о достойный, озаряет (своим) сиянием славная великая Меру, благословенный приют познавших Брахман. Там — обиталище Брахмы-Праджапати, души сущего и творца всего, что движется и что неподвижно. Великая Меру — благодатное, счастливое пристанище тех, кого называют «порожденными разумом»: то сыновья Брахмы, седьмой из которых — Дакша. Здесь всегда останавливаются и отсюда вновь восходят (на небо) Семь мудрецов-богов во главе с Васиштхой. Смотри — на высочайшей вершине Меру, там, где нет ни пылинки, восседает сам Прародитель вместе с умиротворенными богами.

Выше того места, где пребывает Брахма, сияет обитель того, кого называют предвечной причиной причин всего сущего, не имеющим ни начала, ни конца; (это пристанище) могучего высочайшего бога Нараяны. Даже богам трудно смотреть на дивные, залитые светом, сверкающие ярче огня и солнца благословенные покои Вишну, великого духом. Не только богам, о царь, но и данавам невозможно смотреть на (чертоги Вишну) из-за их ослепительного сияния, и все светила, приблизившись (к ним), начинают меркнуть.

Там блистает сам Вездесущий, чья душа не знает печали. С любовью приходят сюда к Хари-Нараяне яти, прошедшие через суровое покаяние и помышляющие лишь о благих делах. Могучие душою (праведники) , которые достигли совершенства в йоге, освободившись от невежества и заблуждений, не возвращаются, о бхарата, отсюда в мир людской. О великий участью! Это край вечного, непреходящего, неизменного. Чти всегда, о Юдхиштхи-ра, этот (приют) владыки!

Сам Адитья, властелин, разгоняющий мрак, почтительно обходит эту (гору) слева направо, ведя за собой все светила. Достигнув Асты, погрузившись в сумерки, лучезарный Творец дня озаряет северную ее сторону. Обогнув Меру, о Пандава, бог Савитар, радеющий о благе всего живого, движется дальше, обратясь лицом на восток.

Тот же путь проходит со звездами властитель Сома, всякий раз деля лунный месяц на светлую и темную половины. Без устали обходит он великую Меру и снова движется к Мандаре, возвращая к жизни все сущее. И бог Адитья, губитель мрака, беспрепятственно делает круг по этому пути, лучами своими оживляя мир. Выпали росы — значит, (солнце) к югу (от Меру).

Холод сковывает тогда все живое. Потом возвращается Лучезарный и жаром своим отнимает силы у всего, что движется и что неподвижно. Пот, усталость, слабость, томление одолевают людей, всех живущих неодолимо клонит ко сну. Двигаясь кругом по этому не постижимому разумом пути, сверкающий владыка порождает ливни и возвращает живое к жизни.

Благодатными дождями, ветрами, своим теплом мощнопламенное (светило) снова вливает силы во все движущееся и неподвижное и проходит по кругу дальше. Так, о Партха, без устали движется Савитар по кругу, вращая колесо времени и влияя на судьбы всего сущего.

Путь его бесконечен, о Пандава, и он не может остановиться! Он отнимает у живого силы и возвращает их вновь. (Солнце) определяет век и дела всех живых существ, о бхарата! Могучее светило создает постоянно день и ночь, калы и каштхи».
*Такова в книге «Лесная» великой «Махабхараты» сто шестидесятая глава.*

ГЛАВА 161

Вайшампаяна сказал:
Радость и удача сопутствовали великим душою (Пандавам), верным благому обету, пока они жили в ожидании встречи с Арджуной на той Индре гор. Многие сонмы гандхарвов и великие мудрецы являлись, довольные, к доблестным и пламенным духом (героям) со светлой душой, которым не было равных в стойкости и верности слову.

Блаженная ясность духа снизошла на великих воинов, искусных в битве на колесницах, когда они, словно маруты на небеса, явились на высочайшую из гор, покрытую цветущими деревьями. Величайшую радость испытали они, любуясь на вершины и склоны могучей горы, усыпанные цветами и оглашаемые криками павлинов и гусей.

На величественнейшей из гор они видели полные лотосов озера с заросшими берегами, покрытыми гусями, утками и лебедями, — творения рук самого Куберы. (Перед их взорами проходили) цветущие места игрищ (богов), красиво увитые разноцветными гирляндами. (Всюду были рассыпаны) пленяющие душу прекрасные драгоценные камни, словно (в покоях) царя — Дарителя богатств.

Странствуя постоянно с места на место, посвятив себя в основном подвижничеству, (Пандавы) не могли объять мысленным взором эту затянутую гирляндами туч горную вершину с ее пышными, многоцветными, благоухающими деревьями.

Благодаря сиянию, исходящему от этой прекраснейшей из гор, а также блеску целебных трав здесь ночь не отличалась от дня, о мужественнейший из людей! Оттуда, где останавливается неизмеримо-могучий (владыка), лаская (теплом) все движущееся и неподвижное, герои, львы среди мужей, видели восход и заход лучезарного (светила).

Глядя, как солнце погружается во мрак и появляется вновь, как оно восходит и заходит, как снопы лучей Рассеивающего тьму пронизывают все стороны света, герои, обеты которых чисты, те, что постоянно заняты делом, превосходят всех благочестием и преданы истине, погрузились в чтение Вед, ожидая появления (Арджуны), великого воина на колеснице, верного данному слову.

«Будет радость собравшимся здесь: скоро (явится) Завоеватель богатств, овладевший (небесным) оружием», — так говорили сыновья Притхи, (посылая своему брату) пожелания величайшего блага, а сами предавались йоге yL подвижничеству. Они любовались многочисленными горными рощами, но все их мысли были только об Увенчанном диадемой.

Каждый день, каждая ночь казались им целым годом. С тех пор как Джишну, великий духом, собрал свои волосы на затылке и с позволения Дхаумьи удалился отшельником, радость покинула (братьев): как было им радоваться, если он унес с собой их сердца? Печаль терзала (Пандавов) с того самого времени, как с разрешения брата Юдхиштхиры Джишну походкой разъяренного слона покинул лес Камьяку. В мыслях об (Арджуне) Белоконном, который отправился к Васаве, чтоб овладеть (небесным) оружием, бхараты провели томительный месяц на этой горе, о бхарата!

И вот однажды, когда могучие воины, сражающиеся на колесницах, были погружены в мысли об Арджуне, они увидели вдруг появившуюся как молния колесницу Великого Индры, запряженную рыжими конями, и радость переполнила их (сердца). Сверкающая (колесница), управляемая Матали, внезапно озарила небо.

Она была похожа на гигантский метеор в окружении туч, на горящий бездымно язык пламени. Показался стоящий в ней (Арджуна), Увенчанный диадемой, с гирляндою и прекрасными украшениями. В блеске величия явился на гору Завователь богатств, могучий, как сам Владыка ваджры. Достигнув горы, Увенчанный диадемой сошел с колесницы Великого Индры, почтил прежде стопы Дхаумьи, а затем — Того, чей (достойный) соперник еще не родился. Потом он склонился к стопам Врикодары, а сыновья Мадри поклонились ему. Подойдя к Кришне, он приласкал ее, а затем предстал в поклоне перед (старшим) из братьев.

Великую радость испытали (Пандавы), вновь соединившись с (Арджуной), не знающим себе равных. И Увенчанный диадемой, глядя на них, радовался и славил царя (Юдхиштхи-ру). Партхи, ликуя, двинулись к колеснице Индры, на которой Губитель Намучи истребил семь полчищ сыновей Дити, и почтительно обошли ее слева направо. С величайшей торжественностью оказали они Матали достойный прием, словно самому Царю богов. Затем сыновья царя из рода Куру обстоятельно расспросили его о небожителях. Матали ответил на их приветствия и наставил их, как отец своих сыновей, а потом на колеснице, блеск которой ни с чем невозможно сравнить, тронулся в обратный путь к Властителю третьего неба.

Когда колесница первого из богов удалилась, великий духом сын Шакры, приводящий недругов в трепет, радостно вручил своей возлюбленной, матери Сутасомы, полученные в дар от Шакры драгоценные, прекрасной формы украшения, блеском подобные Творцу дня. Потом он сел в кругу (братьев), быков среди куру, и тех быков-дваждырожденных, сверкающих, как огонь илщ солнце, и стал рассказывать должным образом обо всем, (что с ним было).

«Теперь я постиг оружие Шакры, (бога) Ветра и самого Шивы, и все боги вместе с Индрой были довольны моим прилежанием и усердием», — так Увенчанный диадемой, тот, чьи деяния безгрешны, вкратце поведал (своим братьям) о путешествии на небеса. Эту ночь он, довольный, провел вместе с сыновьями Мадри.
*Такова в книге «Лесная» великой «Махабхараты» сто шестьдесят первая глава.*

ГЛАВА 162

Вайшампаяна сказал:
В это самое время, о бхарата, с высоты полились громкие звуки небесной музыки, загрохотали колеса колесниц, (послышался) звон колокольчиков, (стали слышней голоса) разных птиц и зверей. К Царю богов, сокрушителю недругов, стали стекаться со всех сторон гандхарвы и апсары в солнцеподобных колесницах. Затем Владыка богов в ореоле своего несметного богатства поднялся в яапряженную рыжими конями, грохочущую, как туча, (колесницу), отделанную золотом с реки Джамбу.

Царь богов — Разрушитель (вражеских) городов спешно отправился к Партхам. Явившись (на гору), Тысячеокий сошел со своей колесницы.
Завидев Владыку богов, великого духом, славный Юдхиштхира, Царь справедливости, приблизился к нему вместе с братьями.

Должным образом, как предписывает закон, (Юдхиштхира), щедро одаривающий брахманов, почтил по достоинству Индру, душа которого беспредельна. А доблестный Завоеватель богатств склонился перед Разрушителем (вражеских) городов и застыл в поклоне перед Владыкой богов, точно слуга. Юдхиштхира, могучий пылом сын Кунти, был тронут, видя, как смиренно стоит перед Владыкой богов прошедший через (суровое) покаяние безгрешный Завоеватель богатств с волосами, все еще стянутыми на затылке. Великую радость пробуждал в нем сам вид Рожденного под созвездием Пхальгуни.

Мудрый властитель богов, Разрушитель (вражеских) городов сказал переполненному счастьем царю, в душе которого не осталось места для тревоги: «Ты, о Пандава-царь, будешь править этой землей! Благо тебе, а теперь отправляйся, о Каунтея, обратно в свою обитель в Камьяке. Усердный (Арджуна), сын Панду, получил от меня, о царь, разнообразное оружие. Завоеватель богатств порадовал меня. Все три мира не в силах (теперь) одолеть его!» Сказав так Юдхиштхире, сыну Кунти, довольный Тысячеокий, прославляемый великими святыми мудрецами, удалился на третье небо.

Мудрец, который прожил год брахмачарином, смирил свои чувства и строг в обете, внимательно выслушав (эти строки) о встрече Шакры с Пандавами, пребывавшими в покоях Владыки богатств, сотню лет проживет й блаженстве, не зная тревог.
*Такова в книге «Лесная» великой «Махабхараты» сто шестьдесят вторая глава.*

ГЛАВА 163

Вайшампаяна сказал:
Когда Шакра удалился туда, откуда пришел, Бибхатсу вместе с братьями и Кришной (Драупади) почтил сына Дхармы. Счастливый (Юдхиштхира) вдохнул аромат головы приветствовавшего его Арджуны и голосом, прерывающимся от радости, спросил Пандаву: «Как, о Арджуна, провел ты это время на небесах, как получил оружие и порадовал Царя богов?

Должным ли образом ты принял оружие, о бхарата? Довольны ли были Владыка богов и Рудра, когда вручали тебе это (оружие)? Как ты увидел Шакру, а также славного Держателя лука Пинаки? Как получил (ты) оружие и снискал благосклонность (богов)? Что ты сделал такое приятное для могучего Совершителя ста жертвоприношений, после чего он сказал тебе, о гроза недругов: «Я доволен тобою». Я хочу подробно услышать, о лучезарный, о том, как ты порадовал Великого бога, а также Владыку богов, о безупречный, и что хорошего, о губитель недругов, ты сделал для (бога) С ваджрой в руке? Расскажи мне об этом все полностью, о Завоеватель богатств!».

Арджуна сказал:
Слушай же, о великий царь, как я увидел бога — Совершителя ста жертвоприношений и могучего Шанкару. Усвоив, о царь, ту науку, которую ты, о губитель врагов, повелел мне (усвоить), по твоему совету я удалился на покаяние в лес.

Направляясь из Камьяки к Бхригутунге, я провел ночь в подвижничестве и, (отправившись дальше), встретил в пути брахмана. Он спросил меня: «Куда ты идешь, Каунтея, скажи мне?» В ответ, о потомок (царя) Куру, я рассказал ему все без утайки. Брахман, о царь, лучший среди царей, оценил мою искренность и выказал мне почтение.

Затем, удовлетворенный, он обратился ко мне: «Продолжай покаяние, бхарата! Предавайся подвижничеству — и вскоре ты увидишь владыку премудрых». Согласно его совету я предался умерщвлению плоти на горе Шайшире. Месяц я питался одними кореньями и плодами, о великий царь, второй — только водою, а на третий совсем отказался от пищи, о потомок Панду! Четвертый месяц я простоял с воздетыми вверх руками, но чудо — жизнь все-таки не покинула меня!

Прошел четвертый месяц, и в первый день (пятого) предо мной появилось вдруг существо, по виду напоминавшее вепря. (Зверь) рыл землю мордой, скреб ногами, тер животом и быстро носился кругами подле (меня). А за ним показалось другое существо, оказавшееся великаном-киратой с луком, стрелами и мечом (в руках). Толпы женщин сопровождали его. Тогда я схватил свой лук и два неиссякающих колчана и поразил стрелой того страшного (вепря).

Кирата тоже натянул свой мощный лук и в тот же миг еще сильнее ранил (животное), так что трепет проник в мое сердце. После этого он обратился ко мне, о царь: «Право на первый удар было за мной, так почему же ты пренебрег правилами охоты и первым послал стрелу? Теперь держись! Острыми стрелами я сокрушу твою гордыню!» — И грозный великан бросился на меня. Словно (потоки дождя) на гору, разом обрушились на меня огромные его стрелы, но я тоже ответил ему мощным ливнем своих стрел.

Я разил его снабженными оперением, освященными заклинаниями стрелами с пылающими наконечниками, как (Индра пронзает) гору ваджрой. Тогда он предстал предо мной в сотнях, тысячах разных обличий одновременно, но я поразил стрелами каждое из этих (существ).

Тогда они все, о бхарата, снова слились в одно, и (чудище), о великий царь, попыталось скрыться из виду, но я и тут настиг его. Обратился он в карлика с огромной головой, затем в великана с крохотной головкой, потом, о царь, он принял свой прежний вид46 и ринулся биться со мной

И когда я в бою не смог одолеть его стрелами, я обратился к оружию Ваю, о бык среди бхаратов, но и тогда не сумел его осилить. Это было как чудо! Я был крайне поражен, когда он отбил и это оружие.
Тогда, о великий царь, я собрался с силами и обрушил на чудище великое множество разного оружия. Нападая, я пустил в ход стхунакарну, айоджалу, шараваршу, шаролбану, шайла-стру, ашмаваршу, но (чудовище) с хохотом поглотило все это оружие, о безупречный!

Когда (я увидел), что все оно пропало, я взялся за оружие Брахмы. Все вокруг я осыпал пылающими стрелами, но под ударами (стрел из) моего грозного оружия (чудище) стало расти на глазах.

Мир запылал от пламени, исторгнутого моим оружием, вмиг заалели все стороны света и небосвод. Но могучий (мой враг) быстро вывел из строя и это оружие. Когда, о царь, он отбил и оружие Брахмы, великий

страх овладел мною. Взял я лук и два огромных неиссякающих колчана и ударил внезапно по этому чудищу, но оно поглотило и это оружие.

Когда все оружие было разбито или проглочено этим страшилищем, мы с ним схватились врукопашную. Начав с кулаков, мы перешли к ударам ладонями, но чудовище одолело меня, и я без сил свалился на землю. Тогда, (великий царь, чудище, словно видение, с хохотом скрыловъ у меня на глазах вместе со всеми женщинами.

И тут Владыка (предстал предо мной) в другом — своем собственном дивном облике, и на нем, о великий царь, было его прекрасное/одеяние. Сбросив обличье кираты, славный всесильный Владыка, повелитель Тридцати (богов), принял свой неземной облик.

Появился там вместе с Умой сам зеленоглазый Быкознаменный властелин, способный принимать многие личины, — Держатель (лука) Пинаки. Приблизившись ко мне с пикой в руках, (видя), что я все еще не остыл после боя, он сказал мне, о губитель врагов: «Я доволен тобой!» Затем Владыка взял лук и два колчана с неиссякающими стрелами, протянул их мне и промолвил: «Выбирай себе дар! Я доволен тобою, о Каунтея! Скажи, что я могу для тебя сделать? Чего ты желаешь, герой? Поведай — я дам тебе это. Скажи мне, о чем ты мечтаешь, кроме бессмертия?»

В то время все мои мысли были поглощены оружием. Сложил я смиренно ладони, склонил перед Шарвой голову и ответил ему: «Если Владыка так расположен ко мне, то вот какой дар я желаю: мне хотелось бы изучить все оружие, какое есть у богов». — «Я дарую (тебе это), — сказал Треокий владыка, — оружие Рудры, мое собственное, будет, о Пандава, в твоем распоряжении».

И властелин с радостью дал мне оружие Пашупата. Вручая мне это не знающее износа оружие, Великий бог произнес: «Пусть никогда не будет оно направлено против людей! Используй его лишь в крайней нужде, о Завоеватель богатств, когда все (остальное твое) оружие будет отбито».

Затем (перед нами) —передо мною и милостивым Быкознаменным — появилось удивительное, не имеющее себе равных (оружие), которое невозможно отбить, а оно отразит любое другое оружие. Оно сокрушает недругов, громит рать противника, против него не устоять ни богам, ни данавам, ни ракшасам.

Простившись с тем богом, я остался на прежнем месте, а он исчез у меня на глазах.
*Такова в книге «Лесная» великой «Махабхараты» сто шестьдесят третья глава.*

ГЛАВА 164

Арджуна сказал:
После этого, радуясь милости Треокого, Бога богов, великого духом, о бхарата, я провел там одну ночь. Ночь прошла, и, когда я исполнил утренний обряд, я увидел того величайшего из дваждырожденных, которого встретил прежде, и рассказал ему обо всем, что случилось, о бхарата: о том, как я встретил Великого бога-властителя. Первый из дваждырожденных сказал мне радостно, о Индра царей:

«Ты видел Великого бога, а это дано не каждому. Тебе предстоит еще встретиться со всеми Хранителями мира во главе с Вайвасватой и увидеть, о безупречный, самого Индру богов. Он тоже дарует тебе свое оружие». С этими словами, о царь, он меня обнял несколько раз. Затем этот солнцеподобный брахман отправился дальше своим путем.

В тот день после полудня подул свежий ветер, и мир словно ожил, о губитель врагов! Поблизости у подножия горы Шайширы расцвели свежие, дивные, ароматные цветы. Отовсюду послышалась сладкозвучная, удивительная музыка и прекрасные гимны в честь Индры: это сонмы гандхарвов и ап-сар посвятили свои песнопения Богу богов.

В небесных колесницах прибыли сонмы живущих в обители богов марутов, повсюду сопровождающих Великого Индру. Затем в богато украшенных колесницах, влекомых рыжими конями, явились бессмертные и сам Владыка марутов вместе с Шачи. В тот самый миг, о царь, Кубера, Тот, чью колесницу влекут нары, заметил меня и чрезвычайно обрадовался. Я увидел находящегося в южной стороне Яму, а также царя богов Варуну там, где он всегда пребывает.

Затем, о великий царь, те быки среди богов ласково обратились ко мне: «Ты видишь — явились к тебе Хранители мира, о Равно владеющий и правой, и левой рукой! Ты встретился с Шанкарой, чтобы исполнить задачу богов. Прими же от нас, что вокруг тебя, наше оружие».

Тут я смиренно поклонился быкам среди богов и должным образом, о могучий, принял от них это великое оружие. Боги вручили мне свое оружие и простились со мной, а потом все удалились туда, откуда пришли, о бхарата, сокрушитель врагов! Магхаван, могучий Владыка богов, карающий тех, что враждуют с богами, поднимаясь в свою сверкающую колесницу, сказал с улыбкой: «Я знал тебя прежде, о Завоеватель богатств, еще до того, как ты появился здесь, а теперь я предстал пред тобою, о бык среди бхаратов! Ты не раз совершал омовения в (святых) тиртхах и предавался подвижничеству.

Ты достигнешь небес, о Пандава! И впредь предавайся самому суровому покаянию! — И Владыка наставил меня, как умерщвлять свою плоть. — По моему приказу Матали доставит тебя на третье небо. Известен ты и богам, и святым мудрецам, великим душою». Тогда я обратился к Шакре: «Будь благосклонен ко мне, о властитель! Я выбираю тебя своим наставником по оружию, о Владыка Тридцати (богов)!»

Индра сказал:
Суровый подвиг суждено тебе совершить, о губитель недругов, когда ты изучишь это оружие. Да сбудется, Пандава, твое желание, ради которого ты стремишься познать оружие
(богов)!

Арджуна сказал:
Я ответил на это: «Никогда, о губитель врагов, я не направлю небесное оружие против людей, разве только тогда, когда будет отбито все мое (остальное) оружие. Дай мне оружие богов, о владыка премудрых, и тогда я приобщусь к воинским мирам, о бык среди богов!»

Индра сказал: Говорил я об этом, чтоб испытать тебя, о Завоеватель богатств! Твой (ответ) — достойная речь моего сына. Ступай же в мои чертоги и изучай, о бхарата, любое оружие — (оружие) Ваю, Агни, (восьмерых) васу, Варуны и всех марутов, садхьев, Прародителя и гандхарвов, демонов-змеев и ракшасов, Вишну и Ниррити — словом, все, что здесь есть у меня, о потомок Куру!

Арджуна сказал:
С этими словами Шакра исчез. Затем, о царь, я увидел, что ко мне приближается управляемая Матали благословенная волшебная небесная колесница Индры, влекомая рыжими конями. Едва удалились Хранители мира, Матали обратился ко мне: «Шакра, Владыка богов, желает видеть тебя, о лучезарный! Ты, о наделенный мощными руками, — само совершенство. Исполни же свой высочайший долг! Ступай на небо живым — ты увидишь миры блаженных».

Так обратился ко мне Матали, и я простился с горой Шайширой, обойдя ее слева направо, и поднялся в лучшую из колесниц. А Матали, знаток науки о конях, щедро, как полагается, одаряющий брахманов, тронул своих коней, быстрых, как ветер, как мысль. Я стоял в колеснице, и, когда она тронулась, возница посмотрел на меня и сказал удивленно, о царь:

«Меня поражает и кажется мне странным, что ты стоишь в небесной колеснице и даже ногой не шевельнешь. Сам Царь богов, как я всегда замечаю, вздрагивает при первом рывке коней, о бык среди бхаратов! А ты, когда тронулась колесница, остался стоять как ни в чем не бывало, о потомок Куру! Мне кажется, что мощью своей ты превосходишь Шакру».

С этими словами, о царь, Матали взмыл в небо, и моему взору, о бхарата, предстали края, где обитают премудрые, и небесные колесницы. Матали, возница Индры, с радостью показал мне Нандану и другие сады богов. И вот я увидел Амаравати, город Шакры, украшенный самоцветами и (усаженный) небесными деревьями, дающими любые плоды, какие ни пожелаешь. Солнце здесь не слепит, не бывает тут ни жары, ни холода, ни усталости, не бывает ни пыли, ни грязи, ни мрака. Нет здесь, о царь, ни старости, ни печали, ни скорби, и краски тут не теряют своей яркости. Небожители, о великий царь — губитель недругов, не ведают грусти.

Нет тут ни злобы, ни алчности, ни греха, о повелитель народов! Всегда довольны и радостны те, что нашли приют у богов. Вечно цветут и плодоносят покрытые яркой зеленой листвой деревья, •бесчисленные озера полны лотосов саугандхика. Здесь постоянно веет нежный, душистый, живительно-свежий ветер. Убранная цветами земля усыпана всевозможными драгоценными камнями. Множество красивых птиц и зверей издают мелодичные крики. Повсюду в своих колесницах разъезжают бессмертные.

Затем я увидел рудров, васу, садхьев, сонмы марутов, адитьев и обоих Ашвинов и воздал им почести. А они пожелали мне смелости, славы, доблести и могущества, а также победы в боях и (даровали) мне свое оружие. Вошел я в этот прекрасный город, где живут боги и гандхарвы, и с почтительно сложенными ладонями

предстал перед Тысячеоким, Владыкой богов. Шакра, самый щедрый из всех дарующих, обрадовался мне и уступил половину своего ложа.

Затем Васава в знак глубочайшего почтения коснулся руками моего тела. Так, о щедро дарующий бхарата, ради (изучения) оружия я поселился на небе вместе с богами и гандхарвами и посвятил себя военной науке. Читрасена, сын Вишвавасу, стал моим другом и передал мне, о царь, все (искусство) гандхарвов.

Радостно зажил я, окруженный почетом, в чертогах Шакры, о царь, после того как обрел оружие. Все желания мои исполнялись, слушал я пение, игру на турье и пушкале, видел прелестные танцы апсар, о губитель врагов! Я не пренебрегал всем этим, о бхарата, и изучал усердно, но силы свои сосредоточил (на изучении) полученного оружия. Тысячеокий владыка был доволен моим прилежанием. Так, о царь, проходило время, когда я жил на небесах.
*Такова в книге «Лесная» великой «Махабхараты» сто шестьдесят четвертая глава.*

ГЛАВА 165

Арджуна сказал:
Когда я овладел (небесным) оружием и заслужил доверие (небожителей), (Индра), Владыка рыжих коней, коснулся руками моей головы и сказал: «Даже сонмы богов не смогут в бою одолеть тебя, не говоря уж о смертных в мире людском, ибо их души не так совершенны. Теперь ты непобедим, нет тебе равных в бою, никто не сравнится с тобою. — И бог продолжал, причем каждый волосок на теле его трепетал от радости: — В схватке с оружием никто не может тягаться с тобой, о герой!

Искусный и правдоречивый, добродетельный и сведущий в оружии, ты всегда начеку и умеешь смирять свои чувства, о потомок (царя) Куру! Ты получил десять, а потом еще пять видов оружия и (освоил) пять правил (его использования), о Партха! (В этом) нет тебе равных, ты знаешь все, о Завоеватель богатств: как пустить (оружие) в ход, как заставить его вернуться и снова привести в действие, как возвратить к жизни тех, что ни в чем не повинны и случайно убиты этим оружием, и (что делать) тогда, когда (оружие это) отбито. Настало для тебя время выполнить долг перед наставником, о губитель врагов! Обещай сделать то, о чем я сейчас попрошу тебя».

На это, о царь, я ответил Владыке богов: «Все, что в силах я сделать, считай уже сделанным!» Тогда Губитель Балы и Вритры сказал мне с улыбкой, о царь: «Во всех трех мирах нет теперь ничего непосильного для тебя. В крепости во глубине океана укрылись мои враги-данавы, что зовутся «одетыми в непробиваемые панцири».

Насчитывается их триста миллионов, они схожи друг с другом и своим обликом, и могуществом, и величием. Покори их, о Каунтея! Этим ты исполнишь свой долг перед наставником». Затем он дал мне дивно сверкающую колесницу, управляемую Матали и запряженную конями, мастью напоминающими павлинов, надел мне на голову эту прекрасную диадему и одарил украшениями, подобными его собственным. (Он же даровал мне) этот несравненный, непробиваемый панцирь красивой формы, приятный на теле, и привязал к (луку) Гандиве эту не знающую износа тетиву.

В сверкающей колеснице, на которой когда-то Владыка богов победил Бали, сына Вирочаны, я отправился в путь. Узнав (колесницу) по грохоту и приняв меня за повелителя богов, появились все боги, о властелин народов! Увидев, что это я, они спросили: «Что намерен ты делать, о Рожденный под созвездием Пхальгуни?».

Я рассказал им открыто о том, что я должен свершить в бою: «Знайте, великие участью, что я собрался на битву с (демонами) «в непробиваемых панцирях», и милостиво благословите меня, безупречные!» Радостные, они восславили меня, словно бога — Разрушителя (вражеских) городов: «На этой колеснице Магхаван победил в бою Шамбару, Намучи, Балу и Вритру, Прахладу и Нараку. На этой же колеснице Магхаван сразил в битве многие тысячи, миллионы, сотни миллионов дайтьев.

И ты, о Каунтея, вступив в бой, на этой (колеснице) одолеешь в сражении (демонов) «в непробиваемых панцирях», как некогда Магхаван, обуздавший свои чувства. Вот тебе лучшая из раковин, с нею ты победишь данавов. Шакра, великий духом, покорил с этой (раковиной) миры».
*Такова в книге «Лесная» великой «Махабхараты» сто шестьдесят пятая глава.*

ГЛАВА 166

Арджуна сказал:

На всем пути меня прославляли великие святые мудрецы. Наконец я увидел океан — извечного грозного владыку вод. Пенились волны, то сталкиваясь и разбегаясь, то вздымаясь, словно утесы, то ниспадая вновь. Всюду виднелись тысячи лодок, полных сокровищ. Подводными рифами казались тимингилы и тимитимингилы, черепахи и макары. Тысячи раковин мерцали сквозь воду, словно покрытые легкими облаками звезды в ночи. Здесь плавали мириады сокровищ, бушевал страшный вихрь. Это было похоже на чудо.

Преодолев бурный (океан), величайший хранитель вод, я увидел прямо перед собой город дайтьев, кишевший данавами. Тут Матали быстро опустился на сушу и направился к этому городу, оглашая окрестности грохотом колесницы. Услышав тот грохот, подобный небесному грому, данавы испугались: они приняли меня за Владыку богов. В страхе застыли они, держа наготове луки и стрелы, с пиками, мечами, топорами, палицами и булавами в руках. Потом данавы заперли в тревоге ворота, установили в городе стражу, и никого не стало видно.

Тут я взял громкозвучную раковину Девадатту и, направив ее в сторону города демонов, слегка дунул в нее. Этот звук заполнил собою весь небосвод и породил эхо, великаны в ужасе спрятались. Затем отовсюду появились тысячи сыновей Дити, разнообразно вооруженных (демонов) «в непробиваемых панцирях». В руках у них было, о бхарата, всевозможное оружие: они держали огромные железные копья, палицы, булавы, топоры, мечи, диски, шатагхни, бхушунди и самые разные, красиво отделанные дротики.

Матали, о бык среди бхаратов, тщательно выбирал наилучший путь для колесницы, чтобы направить коней по ровному месту. Подгоняемые им скакуны мчались так быстро, что я ничего не видел, и это удивляло меня. А тем временем данавы быстро созвали свое несметное воинство, их лица и голоса были ужасны. Стоял такой грохот, что (на поверхность) океана всплывали сотни тысяч мертвых рыб, похожих на скалы.

Затем данавы стремительно ринулись на меня, меча сотни, тысячи острых стрел. Между нами, о бхарата, начался страшный, жестокий бой, последний для (демонов) «в непробиваемых панцирях». На поле битвы явились мудрецы-боги и сонмы святых мудрецов-данавов, мудрецы-брахманы и сиддхи. Желая мне победы, премудрые славили меня достойными, прекрасными словами, словно Индру в бою из-за Тараки.
*Такова в книге «Лесная» великой «Махабхараты» сто шестьдесят шестая глава.*

ГЛАВА 167

Арджуна сказал:
(Демоны) «в непробиваемых панцирях» во всеоружии, о бхарата, стремительно ринулись в бой. Отрезав пути колеснице, могучие колесничные воины с гиканьем окружили меня со всех сторон и осыпали дождем стрел. Другие отважнейшие из данавов с пиками и топорами в руках стали метать в меня пики и бхушунди.

Мощный ливень копий обрушился на мою колесницу, а (демоны) продолжали непрерывно метать булавы и мечи. Другие грозные воины «в непробиваемых панцирях», словно злой рок, надвигались на меня с острым оружием в руках. Быстрыми, меткими, разнообразными стрелами из Гандивы я десятками разил в бою (недругов), одного за другим, и они отступили перед моими заточенными на камне (стрелами).

Матали резко погнал коней. Быстрые, как ветер, послушные Матали (скакуны) прокладывали для колесницы много путей и топтали (повергнутых) сыновей Дити. В мощную колесницу были впряжены сотни сотен коней, но Матали правил так, словно их было совсем немного. Под ударами (конских) копыт, от грохота колесных ободов и от моих стрел демоны гибли сотнями. Иные и мертвые сжимали свои луки, и кони несли их дальше, хотя колесничие были убиты. (Демоны)-воины заполонили все вокруг и пустили в ход всевозможное оружие.

Вот тут страх обуял меня. И тогда же я убедился в удивительной, величайшей доблести Матали: он без труда удержал быстро летевших коней. Всевозможным легким оружием, о царь, я сразил в бою сотни и тысячи демонов-воинов. Возница Шакры доблестный Матали преисполнился радости, видя мое усердие, о губитель недругов! (Демоны) гибли под (копытами) коней, иные нашли смерть под (колесами) моей колесницы, а некоторые обратились в бегство.

Словно соперничая со мной, (демоны) «в неуязвимых панцирях» осыпали меня со всех сторон мощным дождем стрел. А я легкими стрелами, освященными оружием Брахмы, быстро разил (врагов) сотнями и тысячами. Пришли в ярость теснимые (мною) могучие демоны, и на меня обрушился разом град стрел, пик и мечей. Тогда, о бхарата, я пустил в ход ярко-пламенную, мощную Мадхаву, любимое (оружие) Царя богов, и с помощью этого оружия расколол на сотни частей их мечи, трезубцы и палицы, которые тысячами они метали в меня. Разбив их оружие, в ярости я пронзал каждого из них десятками стрел.

Стрелы из Гандивы летели во время боя, словно рои пчел, и Матали выразил мне свое преклонение. Стрелы (демонов), как стаи саранчи, плотно покрывали меня, но я продолжал рассеивать их своими стрелами. Измученные (демоны) «в непробиваемых панцирях» вновь обрушили на меня со всех сторон мощные потоки стрел. Великим, быстрым, сверкающим оружием, отбивающим стрелы, я остановил их полет и сразил тысячи (демонов).

Из ран на их телах хлестала кровь, словно мощные потоки воды обрушивались на горные вершины в период дождей. Мои быстрые, меткие стрелы, удар которых подобен удару ваджры Индры, губили демонов, и данавы дрогнули. Сотни (демонов) «в неуязвимых панцирях» лежали с развороченными внутренностями, мощь их оружия ослабла, и тогда они решили прибегнуть к колдовским чарам.
*Такова в книге «Лесная» великой «Махабхараты» сто шестьдесят седьмая глава.*

ГЛАВА 168

Арджуна сказал:
Мощный град камней, каждый из которых был величиной с гору, со страшным грохотом обрушился на меня со всех сторон, нанося мне жестокие удары. Но я быстрыми, подобными ваджре стрелами из оружия Индры раздробил в бою сотни (глыб) одну за другой. Падающие камни разлетелись в прах, но тут появился огонь, и, словно снопы искр, стала низвергаться (раскаленная) каменная пыль. Когда прекратился каменный дождь, на меня с еще большею силой обрушились струи воды, каждая толщиной с ось колесницы.

Тысячи потоков с величайшей силой низвергались с небес. Они заслонили собой весь небосвод, все основные и промежуточные стороны света. Сквозь (шум) падающей воды, завывание ветра и крики демонов невозможно было что-нибудь разобрать. Ливень окутал и небо, и землю, он хлестал непрерывно, не давая мне прийти в себя.

Тогда я прибегнул к чудесному, грозно пылающему оружию вишошана, обращаться с которым меня научил Индра, и с его помощью высушил воду. Когда я отбил каменный град и осушил потоки воды, данавы бросили против меня вызванные колдовством огонь и ветер, о милосердный!

Но пламя я погасил оружием, исторгающим воду, а силу ветра умерил камнями из (другого) мощного оружия. Когда их (колдовство) не достигло цели, данавы, опьяненные боем, пустили, о бхарата, в ход разные чудеса одновременно. Могучей, наводящей ужас лавиной хлынуло грозное оружие, (исторгая) пламя, ветер и камни. Этот вызванный тайными силами ливень совсем измучил меня в ходе боя, как вдруг страшная глубокая тьма разлилась вокруг.

Когда ужасный, тяжелый мрак окутал весь мир, кони понесли, а Матали пошатнулся, золотой кнут выпал из его рук на землю, и в страхе, о бык среди бхаратов, он несколько раз окликнул меня: «Где ты? Где ты?» Он растерялся, да и меня охватил глубокий ужас.

Потрясенный, едва не лишившись чувств, он сказал мне: «Когда-то, о Партха, произошла из-за амриты великая битва между богами и асурами, и я видел ее, о безупречный! Я был возницей Царя богов и в том великом сражении, когда был убит Шамбара. Я же правил конями (Индры), когда был повергнут Вритра, и, кроме того, я видел жестокий бой с сыном Вирочаны. Вот в каких жарких схватках, о Пандава, довелось мне участвовать, но никогда еще мне не случалось терять над собою власть.

Видно, сам Прародитель решил погубить все живое — ведь у этого боя нет иной цели, кроме как уничтожить мир». Слыша его слова, я старался приободриться, готовясь разрушить колдовские чары демонов. Я сказал перепуганному Матали: «Видишь, как сильны мои руки, как могуче мое оружие и лук Гандива. Вот сейчас волшебством оружия я развею порожденную их колдовством жуткую, мрачную тьму. Не бойся, колесничий! Держись!»

С этими словами, о владыка людей, во имя блага живущих на третьем небе я прибегнул к волшебству оружия, наводящего ужас на недругов, и постепенно развеял все колдовские чары. Тогда сильнейшие из демонов, неизмеримо могучие, снова пустили в ход многие чудеса. Стало светло, затем опять (свет) поглотила тьма, мир стал невидим, а потом погрузился в воду. Когда посветлело, Матали, крепко держа коней, передом колесницы въехал на мрачное поле битвы. Грозные (демоны) «в непробиваемых панцирях» бросились на меня, но я нашел (их) уязвимое место и стал отправлять (врагов) в обиталище Ямы. И вдруг в разгаре боя, гибельного для (демонов) «в непробиваемых панцирях», все данавы стали невидимы, скрывшись благодаря волшебству.
*Такова в книге «Лесная» великой «Махабхараты» сто шестьдесят восьмая глава.*

ГЛАВА 169
Арджуна сказал:

Дайтьи скрылись, но продолжали вести бой, (прибегнув к таинству) волшебства, а я противостоял им, невидимым, мощью своего оружия. Метко разящие стрелы Гандивы всюду настигали (демонов), отсекая им головы. (Множество демонов) «в непробиваемых панцирях» пало в битве со мною. Потом они вдруг прекратили колдовство и отступили в свой город. Когда дайтьи удалились и вокруг посветлело, я увидел сотни тысяч поверженных данавов. Всюду валялись обломки оружия, украшения, груды тел и доспехи. Коням некуда было ступить.

Внезапным рывком они взмыли вверх и замерли в впдухе. Тогда (демоны) «в непробиваемых панцирях», оставаясь по-прежнему невидимыми, начали швырять (в колесницу) каменные глыбы, покрыв ими все небо. Другие грозные данавы цеплялись из-под земли за ноги коней и колеса моей колесницы, о бхарата! Осаждая гнедых и колесницу, в которой я бился (с врагами), они обрушивали и на меня, и на нее целые горы (камней).

Вокруг громоздилось множество каменных глыб, а (камни) все падали, падали, и потому место, где мы находились, стало похоже на ущелье в горах.

Они завалили меня камнями и не давали коням сдвинуться с места. Глубокое отчаяние овладело мною, и это заметил Матали. Увидев, что я испугался, он сказал мне: «О Арджуна,
Арджуна, не бойся, обратись к оружию ваджре!».

Услышав его слова, о владыка людей, я взялся за ваджру, излюбленное оружие Царя богов. Освятив заклинаниями Гандиву, я занял свободное от камней место и стал осыпать (их) острыми железными стрелами, удар которых равен по силе удару вадж-ры. Эти стрелы, направляемые ваджрой, сами ставшие (столь же мощными), как она, развеяли все колдовские чары и (принесли смерть демонам) «в непробиваемых панцирях».

Сраженные ваджрой, данавы, словно горы, валились на землю, увлекая один другого. Стрелы настигли и тех данавов, что хватали из-под земли коней и колесницу, и они тоже отправились в обиталище Ямы. Убитые (демоны) «в непробиваемых панцирях», словно обломки скал, грудами лежали на поле боя. Но вот что казалось чудом — и кони, и колесница, и сам я, и Матали были целы и невредимы. Матали, о царь, с улыбкой сказал мне: «Даже боги, о Арджуна, не могут в доблести сравниться с тобой!»

Когда полчища асуров были повержены, город их огласился рыданиями женщин, кричавших, как журавли осенней порой. Мы с Матали въехали в город, пугая грохотом колесницы жен (демонов) «в непробиваемых панцирях». Увидев десятки тысяч коней, мастью напоминавших павлинов, и колесницу, подобную солнцу, женщины разбежались.

Словно камни о гору, гремели украшения мечущихся в испуге (женщин). Жены дайтев, перепуганные, укрылись в своих раззолоченных, украшенных разными драгоценными камнями жилищах. Осматривая прекрасный, необычный с виду город, красотою превосходящий саму столицу богов, я спросил у Матали: «Почему небожители не захватят его? Он кажется (мне) прекраснее, чем столица Разрушителя (вражеских) городов».

Матали сказал:
Когда-то, о Партха, этот город принадлежал Владыке богов, но потом (демоны) «в непробиваемых панцирях» изгнали богов отсюда. Они предавались великому суровому подвижничеству и этим добились милости Прародителя, который дал им дар — жить (здесь) и не бояться битвы с богами. Тогда Шакра, заботясь о собственном благе, попросил Семосущего властелина: «Пусть Владыка рассудит (нас)». На это властитель ответил Васаве: «Решено: ты, о Губитель Вритры, в своем ином, земном обличье принесешь им смерть». Шакра вручил тебе это оружие, чтобы ты уничтожил их.

Ведь боги были не в силах справиться (с демонами), которых ты покарал. В назначенный срок ты явился сюда, о бхарата, и настал для них смертный час. Ты исполнил (свой долг): Великий Индра наделил тебя грозным оружием и великой, удивительной мощью, чтобы ты уничтожил данавов, о Индра людей!

Арджуна сказал:
Так я разбил данавов, занял их город, а потом вместе с Матали отправился в обиталище богов.
*Такова в книге «Лесная» великой «Махабхараты» сто шестьдесят девятая глава.*

ГЛАВА 170

Арджуна сказал:
На обратном пути я увидел другой огромный и удивительный город, способный перемещаться куда угодно. Он сиял, как огонь или солнце. На всевозможных деревьях из драгоценных камней сверкали птицы. (В городе) жили в вечном довольстве пауломы и калакеи. Четыре входа со сторожевыми башнями над воротами вели в этот дивный, неприступный чудо-(город), созданный из всяческих самоцветов.

Его окружали цветущие и плодоносящие деревья из удивительных дорогих каменьев, (на ветвях) красовались необыкновенные птицы. Всюду виднелись всегда всем довольные асуры, украшенные венками. Были они вооружены пиками, мечами и палицами, а в руках держали луки и молоты. Рассматривая этот странный город демонов, о царь, я спросил у Матали: «Что это там виднеется?»

Матали сказал:
Дочь дайтьи по имени Пулома и великая асури Калака в течение тысячи небесных лет предавались суровейшему подвижничеству, и, когда они его завершили, Самосущий пожаловал им дар. И они попросили, чтобы их сыновья не ведали горя, чтоб их не могли погубить ни боги, ни ракшасы, ни демоны-змеи, о Индра царей! И Брахма, о лучший из бхаратов, создал для сыновей Калаки этот дивный, счастливый, сверкающий город, полный разных сокровищ.

Он способен передвигаться по небу и не доступен ни для бессмертных, ни для сонмов якшей и гандхарвов, ни для демонов-змеев, ни для асуров или ракшасов. Цветущий, не знающий бедствий, он обладает всеми желаемыми достоинствами. В этом дивном, плывущем по воздуху (городе) не бывают бессмертные, (там) живут данавы — пауломы и калакеи. Этот великий город зовется Хи-раньяпура, и охраняют его могучие демоны — сыновья Пуломы и Калаки. И живут они тут, о Индра царей, в вечной радости, без тревог, ничего не желают, и боги не в силах их уничтожить. Лишь человек (принесет) им смерть — так повелел Брахма.

Арджуна сказал:
Узнав, о владыка, что ни боги, ни демоны не в силах расправиться (с сыновьями Пуломы и Калаки), я радостно обратился к Матали: «Поезжай скорее в тот город! Своим оружием я уничтожу недругов Владыки Тридцати (богов).

Ни один из злодеев, враждующих с богами, не заслуживает пощады». В небесной колеснице, запряженной рыжими конями, Матали быстро доставил меня к Хираньяпуре. Увидев меня, стремительно примчались в колесницах дайтьи в своих разноцветных нарядах и украшениях. Индры среди данавов, неукротимо-отважные, яростно ринулись они на меня с копьями, стрелами, бхаллами, палицами, мечами и железными пиками.

Тогда, о царь, опираясь на силу собственных знаний, мощной лавиной оружия я перекрыл этот грозный поток. Я наводил на них трепет, бороздя колесницею поле битвы, и, обезумев (от страха), данавы стали разить друг друга. Пока они в панике истребляли один другого, сверкающими стрелами я снес головы сотням (демонов). Когда я уничтожил (часть демонов), дайтьи бросились к себе в город и вместе с ним взмыли в небо, пустив в ход колдовские чары данавов. Тогда мощным ливнем стрел я преградил дайтьям путь и попытался задержать их движение.

Благодаря полученному (от Брахмы) дару дайтьи направляли, куда им хотелось, этот небесный, плывущий по воздуху, дивно сверкающий город, движущийся по их желанию: он то уходил под землю, то вновь поднимался ввысь, то стремительно двигался в сторону, то погружался в воду. Различным оружием, о владыка людей, пытался я взять этот подобный Амаравати город, движущийся по желанию. Я покрыл его вместе с дайтьями сетью стрел из небесного оружия, о бык среди бхаратов!

И тогда под ударами моих метких железных стрел, о царь, город демонов, обращенный в руины, упал на землю. Железные стрелы, быстрые, как ваджра, настигали демонов, и (дайтьи), о царь, метались, преследуемые роком. Затем Матали на колеснице, блеском подобной солнцу, быстро, словно падая, опустился на землю.

Меня окружили, о бхарата, шестьдесят тысяч колесниц, а в них — разъяренные (демоны), готовые к бою. Я стал разить их острыми стрелами, снабженными перьями грифа. Как волны океана, ринулись (демоны) в бой, ничуть не страшась схватки с человеком. Тогда одно за другим я привел в действие все свое оружие, но искусные воины на тысячах колесниц постепенно его отразили. На поле битвы в разных направлениях носились сотни, тысячи колесниц с могучими воинами.

Разноцветные диадемы и венки, разнообразные доспехи, знамена и всевозможные украшения как бы радовали мне душу. Я не смог одолеть в бою (недругов) ливнем стрел из моего оружия, а они продолжали наступать на меня. Подавленный их многочисленностью, искусным обращением с оружием и сноровкой в бою, я растерялся на поле брани, и великий ужас овладел мною. Тогда я почтил Рудру, властителя богов, и со словами: «Да будет благо всему сущему!» — пустил в ход грозное оружие, которое зовется Раудра и несет смерть любому врагу.

Тут появилось, о губитель недругов, трехглавое, девятиглазое, трехликое, шестирукое сверкающее существо с волосами, горящими, как солнце. На каждой из его голов (извивались) огромные змеи с высунутыми жалами. Без страха глядя на Раудру, грозное, неиссякающее оружие, я привел его в соединение с Гандивой, о бык среди бхаратов, почтил безгранично могучего Треокого Шарву и обратил (это оружие) на Индр среди данавов, чтобы их уничтожить, о бхарата!

Едва я привел в действие (это оружие), о владыка народов, отовсюду появились тысячи (разных) существ: антилопы, львы, тигры, медведи, буйволы, змеи, коровы, слоны, олени, шарабхи, быки, вепри, коты, собаки, духи-преты, бхурунды, грифы, га-руды, макары, пишачи, якши из тех, что враждуют с богами, гухьяки, найрриты, совы и рыбы со слоновьими пастями, стаи (других) рыб и черепахи, а также разнообразно вооруженные ятудханы с мечами, палицами и молотами в руках.

Эти и другие самые разные существа в несметном количестве заполонили весь мир, когда я взялся за оружие (Раудру). Трехголовые и с четырьмя клыками, с четырьмя пастями и четырьмя лапами (чудовища), непохожие между собой, тотчас же принялись пожирать нападающих данавов, поедая их мясо, жир, мозг.

А я в это время, о бхарата, продолжал разить данавов стрелами, горящими солнечным блеском и сверкающими, как ваджра, или ашани, а также другими, железными стрелами, разрывающими врагов на части. Видя, что, настигаемые Гандивой, они гибнут и низвергаются с небес, я снова почтил отважного Разрушителя Трипуры.

Когда возница богов увидел, что оружие Раудра уничтожило (демонов) с их дивными украшениями, он необычайно обрадовался. Понимая, что я свершил невозможное, такое, что было не под силу самим богам, Матали, колесничий Шакры, выказал мне почтение. Радостный, он сложил приветственно ладони и обратился ко мне с такими словами:

«То, что ты совершил, не могли сделать ни боги, ни демоны. Сам Владыка богов не сумел бы добиться такого в бою. Ни богам, ни демонам не удавалось покорить этот великий, движущийся по небу город. Он пал пред твоею отвагой, герой, перед мощью твоего оружия и подвижничества».

Когда тот город превратился в руины, а данавы были истреблены, их жены с рыданиями бросились прочь оттуда. Трепещущие, с разметавшимися волосами, в горе своем похожие на (птиц) рыболовов, они, (стеная), припадали к земле, оплакивая своих сыновей, отцов и братьев. Лишившись владык, они с отчаянными рыданиями, вопя, раздирали себе грудь руками, их венки и украшения падали (на землю).

Разоренный печальный (город), погруженный в горе и скорбь, утратив властителей, потерял и свою красоту и не был (больше похож на прежний) город данавов. (Призрачный), точно город гандхарвов, (мрачный), как озеро с убитыми слонами или лес с высохшими деревьями, этот город (в конце концов) растаял в воздухе.

Я исполнил свой долг и ликовал. Матали прямо с поля боя быстро доставил меня во дворец Владыки богов. Разрушив Хираньяпуру, уничтожив (населявших ее) могучих асуров и (демонов) «в непробиваемых панцирях», я предстал перед Шакрой.

Матали подробно, все, как было, рассказал Индре богов о моих деяниях, о лучезарный! Слушая, как я разгромил Хираньяпуру, как разрушил колдовские чары и уничтожил в бою могущественнейших (демонов) «в непробиваемых панцирях», Тысячеокий властелин, славный Разрушитель (вражеских) городов, окруженный марутами, радостно повторял: «Хорошо, хорошо!» После того как Владыка богов несколько раз высказал вслух свое одобрение, он милостиво обратился ко мне в присутствии премудрых: «В бою ты достиг того, что не удалось бы ни богам, ни асурам.

Уничтожив моих врагов, ты, о Партха, исполнил свой великий долг перед наставником. Будь всегда так же стоек в бою, о Завоеватель богатств, разборчиво пользуйся оружием, и против тебя не смогут устоять в бою ни боги, ни данавы, ни ракшасы, ни якши, ни асуры, ни гандхарвы вместе со множеством (демонов) — птиц и змеев. Сын Кунти, благочестивый Юдхиштхира, будет править землей, которую ты покоришь мощью собственных рук, о Каунтея!»

*Такова в книге «Лесная» великой «Махабхараты» сто семидесятая глава.*

ГЛАВА 171

Арджуна сказал:
Через некоторое время, когда я отдохнул и раны мои от стрел зарубцевались, Царь богов милостиво провозгласил: «Все небесное оружие — при тебе, о бхарата! Ни один человек на земле не в силах тебя одолеть.

Бхишма, Дрона, Крипа, Карна и Шакуни вместе с (другими) царями не стоят в бою, о сын мой, и шестнадцатой доли тебя». Потом великий Магхаван даровал мне этот прекрасный непробиваемый панцирь для защиты тела и золотой венок. И еще бог вручил мне громкозвучную раковину Девадатту. Индра собственноручно надел мне (на голову) эту дивную диадему, и Шакра же дал мне множество этих удивительных красивых одежд и небесных украшений. Так, осыпанный почестями, я счастливо зажил, о царь, в благословенном приюте Индры вместе с сыновьями гандхарвов.

Однажды довольный Шакра сказал мне в присутствии бессмертных: «Время тебе возвращаться, о Арджуна! Братья тревожатся о тебе». Так, о царь-бхарата, я прожил в чертогах Индры пять лет, (все время) помня о ссоре, порожденной игрою в кости. Потом, явившись в лес Гандхамадана на вершине этой горы, я увидел тебя в окружении братьев.

Юдхиштхира сказал:
Благо, о бхарата — Завоеватель богатств, что ты получил оружие! Благо, что ты умилостивил могучего царя — Владыку богов! Благо, о безупречный губитель недругов, что сам славный Стхану явился тебе вместе с супругой и был доволен тобою в суровом бою! Благо, что ты, о бык среди бхаратов, встретился с Хранителями мира! Благо, что все мы здравствуем, благо, что ты вернулся! Мне уже видится покоренной богиня-(земля) с гирляндой из городов, а сыновей Дхрита-раштры (я считаю) теперь повергнутыми. Я хотел бы увидеть небесное оружие, которым, о бхарата, ты уничтожил могучих (демонов) «в непробиваемых панцирях».

Арджуна сказал:
Завтра на рассвете ты увидишь все небесное оружие, которым я сокрушил грозных (демонов) «в непробиваемых панцирях».

Вайшампаяна сказал:
Рассказав о своем путешествии (на небеса), Завоеватель богатств провел эту ночь вместе со всеми своими братьями.
*Такова в книге «Лесная» великой «Махабхараты» сто семьдесят первая глава.*

ГЛАВА 172

Вайшампаяна сказал:
Ночь прошла. Царь справедливости Юдхиштхира поднялся, совершил вместе с братьями все обязательные обряды и стал торопить Арджуну, любимейшего из братьев: «Покажи, о Каунтея, оружие, которым ты покорил данавов!» Тогда, о царь-бхарата, могучий Пандава, Завоеватель богатств, совершил, как полагается, высочайший обряд очищения и начал показывать небесное оружие, которое вручили ему боги. Блистательный Завоеватель богатств в полном облачении, с луком Гандивой, сверкающим панцирем и раковиной Девадаттой, рожденной в воде, стоял на земле, (как) в колеснице, дышло которой — горы, корпус — деревья, а древка знамен — прекрасный бамбук.

Сияющий Каунтея мощными руками пустил в ход одно за другим все чудесное оружие. Едва он привел в действие оружие небес, земля подалась под его ногами и задрожала вместе с деревьями, взволновались реки и великий хранитель вод (океан), раскололись скалы. Не дул больше ветер, померкло (светило), льющее тысячи лучей, погас огонь, и Веды перестали сиять дваждырожденным. Обитатели земных недр в страхе выбрались наружу и окружили Пандаву, о Джанамеджая! Опаленные (огнем небесного) оружия, смиренно сложив ладони и прикрывая лица, они, дрожа, молили (о пощаде) Завоевателя богатств.

Затем явились святые мудрецы — боги и брахманы, а также сиддхи и все, кто способен передвигаться. Прибыли достойнейшие из святых мудрецов-царей и (другие) небожители — якши, ракшасы, гандхарвы, (демоны)-птицы, а также Прародитель, все Хранители мира и Великий бог-Владыка в сопровождении свиты.

Тут, о могучий царь, ветер принес Пандавам множество ярких, благоухающих цветов с небес. По повелению богов, о Царь, гандхарвы запели гимны, а хороводы апсар начали свой танец. В разгар торжества, о царь, к Партхе приблизился На-Рада. посланный богами, и обратился к нему с такими достойными внимания словами:

«О Арджуна, Арджуна! Оставь небесное оружие, о бхарата! Никогда не следует употреблять его без цели. И даже если есть такая цель, не следует пускать в ход это оружие без особой нужды. Применять его (без крайней надобности) — великое зло, о потомок Куру! Береги его, как прежде, о Завоеватель богатств, и оно, без сомнения, сохранит свою мощь и послужит тебе на благо. А если же ты не будешь беречь это оружие, о Пандава, от него могут погибнуть (все) три мира. Больше никогда так не делай! А ты, о (Юдхиштхира), Чей (достойный) соперник еще не родился, увидишь в бою действие этого (оружия), когда Партха будет разить недругов».

Так боги остановили (Партху) и вместе со всеми, собравшимися там, удалились туда, откуда пришли, о бык среди мужей! Все разошлись, о потомок Куру, а Пандавы, довольные остались вместе с Кришной (Драупади) жить в том лесу.
*Такова в книге «Лесная» великой «Махабхараты» сто семьдесят вторая глава.*

КОНЕЦ «СКАЗАНИЯ О БИТВЕ С ЯКШАМИ»

# СКАЗАНИЕ ОБ УДАВЕ

ГЛАВА 173

Джанамеджая сказал:
Что делали сыновья Притхи после встречи с героем, Завоевателем богатств, когда тот первый среди колесничных воинов, овладев (небесным) оружием, вернулся из чертогов Губителя Вритры?

Вайшампаяна сказал:
Герои, Индры среди мужей, вместе с Арджуной, подобным самому Индре, беззаботно бродили по лесам на той прекрасной, благословенной горе, посещая места игрищ Владыки богатств. Стрелок из лука, Увенчанный диадемой, Индра среди смертных, много раз любовался не имеющими себе равных покоями (Куберы) и спрятанными среди разнообразных деревьев игрищами, но мысли его были постоянно прикованы к (небесному) оружию.

Поселившись у царя Вайшраваны благодаря его милости, о царь, сыновья владыки людей не тосковали о людях. Счастливое время настало для них. Как -одну ночь, прожили они там после встречи с (Арджуной), сыном Притхи, четыре года. Вместе с шестью прежними десять (лет) благополучно провели Пандавы в лесах.

И вот однажды, сидя в уединении перед царем (Юдхиштхирой), в присутствии Джишну и героев-близнецов, подобных Дарю богов, порывистый сын Ветра обратился (к старшему брату) с ласковой и доброжелательной речью: «Лишь потому, что мы желаем исполнить твой обет', о царь куру, только во имя твоего блага скитаемся мы по лесам вместо того, чтобы уничтожить Суйодхану и его приспешников.

Заслуживая лучшей доли, мы вот уже одиннадцатый год терпим лишения из-за Суйодханы. Мы проведем его, низкого духом и помыслами, и без труда проживем таким образом, что нас никто не узнает. О царь, послушные тебе, без колебаний мы бродим по лесам, забыв о чести. (Врагов) искушает то, что мы неподалеку, но они не смогут узнать в нас тех, у кого сами же отняли царство.

Мы проживем тот год под чужой личиной, а потом без труда прогоним (Суйодхану), бесчестнейшего из людей, обрушив на злодея и его приспешников свою зрелую, выношенную месть, о Индра людей! И тогда — принимай землю, о Царь справедливости! Мы живем на этой горе, словно на небесах, и можем забыть о нашей беде, о властитель людей, и тогда добрая слава твоя в мирах движущихся и неподвижных померкнет, о бхарата!

А обретя царство, принадлежащее быкам из рода Куру, можно достичь величия и (совершить разные) жертвоприношения. Тогда, о первый среди мужей, ты постоянно сможешь иметь у себя то, что сейчас получаешь от Куберы.

Подумай же, бхарата, как уничтожить недругов и покарать злодеев. Могущество твое столь велико, о царь, что даже Держащий в руке ваджру, задумай он встретиться с тобой (в бою), не устоит перед ним. И (братья-

близнецы) тоже не убоятся схватки с самими богами, о Царь справедливости! И они, и Тот, чей знак Супарна, и внук Шини готовы исполнить то, что будет тебе на пользу. Как Кришна, не имеющий себе равных по силе, о царь, так и тот герой из рода Шини — оба радеют о твоем благе. Как Кришна с ядавами, так и мы (с Арджуной), о первый среди людских владык, а также герои-близнецы, искусные в бою, считаем главным для себя служение твоему благу, и потому, встретив недругов, мы сотрем их с лица земли».

Эти слова пришлись по душе достойнейшему могучему сыну Дхармы, великому духом и знающему свой долг и пользу. Он обошел приют Вайшраваны слева направо и стал прощаться с (царскими) покоями, реками и потоками и со всеми ракшасами. Царь справедливости взглянул на путь, которым он пришел сюда, затем вновь оглядел гору и подумал:

«Я завершу дела — покорю с друзьями недругов и возвращу свое царство, и тогда, о владыка гор, смирив свою душу, я снова увижусь с тобой, чтобы опять предаться подвижничеству». Окруженный младшими братьями и дваждырожденнымп, властитель куру отправился тем же путем, (что и пришел).

Гхатоткача взялся переносить их вместе со спутниками через горные потоки. Великий мудрец Ломаша с радостью в сердце напутствовал их в дорогу, как отец — своих сыновей, а потом, довольный, удалился в святейший приют небожителей. И Арштишена тоже дал наставления тем достойнейшим из мужей, и Партхи отправились в путь, любуясь чудесными местами омовений, рощами, где предаются покаянию, и огромными озерами.
*Такова в книге «Лесная» великой «Махабхараты» сто семьдесят третья глава.*

ГЛАВА 174

Вайшампаяна сказал:
С грустью покидали быки среди бхаратов свое счастливое пристанище — прекраснейшую из гор с ее потоками, слонами, всех сторон света, киннарами и птицами. Но вскоре тем быкам среди бхаратов вновь суждено было испытать великую радость: они увидели Кайласу, любимую гору Куберы, напоминавшую собой тучу.

Герои-лучники, лучшие среди мужей, вооруженные мечами, с удовольствием осматривали по пути горные отроги, теснины, пастбища, цепи горных мостов, бесчисленные водопады, места возвышенные и нпзины, повсюду видели огромные леса, населенные разными зверями и птицами, прекрасные рощи, озера, реки, горные впадины и пещеры, в которых из ночи в ночь эти быки среди мужей находили себе надежный приют. Ночуя большей частью в столь неприступных местах, они миновали удивительно прекрасную Кайласу и добрались до чудесной, пленяющей сердце славной обители Вришапарвана.

Представ перед царем Вришапарваном, ответившим на их приветствия, они, не зная заблуждений, правдиво и обстоятельно рассказали ему о своей счастливой жизни (у Куберы).
Мирно проведя ночь в святой обители, посещаемой богами и великими святыми мудрецами, герои благополучно двинулись дальше и снова остановились в Вишала-Бадари.

Живя в этом месте, богатыри, лучшие среди мужей, посетили обитель Нараяны. Они забыли о своих печалях, когда увидели любимое лотосовое озеро Куберы, к которому являются боги и
сиддхи.

Не ведая тревог, сыновья Панду, доблестнейшие из мужей, наслаждались видом этого озера, словно не знающие страха мудрецы-дваждырожденные, идущие на поселение в
Нандану.

Проведя месяц в Бадари, счастливые герои тем же путем, которым они шли прежде, отправились во владения царя киратов Субаху. Миновав поселения чинов и тукхаров,
дарадов и дарвов, а также богатую сокровищами Купинду, мужи-герои пересекли неприступные отроги Химавана и увидели столицу Субаху.

Прослышав, что в его владения явились царские сыновья и внуки, царь Субаху радостно поспешил им навстречу. Быки среди куру приветствовали его. Встретившись с царем Субаху и со всеми своими колесничими во главе с Вишокой, а также с Индрасеной, своими слугами, наблюдателями за царской кухней и поварами, (Пандавы) спокойно провели там ночь.

Приняв (от царя) колесницы вместе с возничими, они распрощались с Гхатоткачей и его спутниками и направились к Ямуне, царице гор. По изрезанной потоками горе с коричнево-белыми от снежной пелены

вершинами доблестные мужи дошли до Вишакхаюпы и здесь остановились. Бесстрашно бродя по огромному, похожему на Чайтраратху лесу, кишевшему вепрями, разными зверями и птицами, они прожили здесь целый год, занимаясь преимущественно охотой. Там, в горной пещере, Врикодара встретился с могучим, страшным, как сама Смерть, голодным змеем.

Ужас и смятение объяли душу (Бхимы). Там, в укрытии, Юдхиштхира, вернейший из блюстителей дхармы, спас Врикодару. Тот, чья мощь беспредельна, освободил (своего брата), все тело которого обвил кольцами (змей).

Двенадцатый год скитались они по лесам. Сверкающие красотой потомки Куру, носящие в себе подвижнический пыл, покинули тот лес, напоминавший Чайтраратху, и, занимаясь постоянно своим любимым делом — стрельбой из лука, обогнули пустыню и вышли к Сарасвати. В поисках пристанища они добрались до озера Двайтаваны.

Увидев (Пандавов), явившихся к Двайтаване, (к озеру) собрались обитатели здешних мест, посвятившие себя покаянию, самообузданию, благочестию и возвышенному созерцанию. Они (пришли) со своими циновками, кувшинами для воды, принеся с собой (пищу), растертую меж камнями. Финиковые деревья, акша и раухитака, тростник, снуха, юююба, кхадира, шириша, билва, ингуда и пилу, шами и карира росли по берегам Сарасвати. Дойдя до Сарасвати, излюбленной (реки) якшей, гандхарвов и великих святых мудрецов, словно полученной в жертвенный дар от самих богов, счастливо зажили там сыновья владыки людей.
*Такова в книге «Лесная» великой «Махабхараты» сто семьдесят четвертая глава.*

ГЛАВА 175

Джанамеджая сказал:
Почему, о мудрец, богатырь Бхимасена, могучий, как десять тысяч слонов, так сильно испугался того удава? Ведь ты рассказывал, как (Бхима), гордый своим могуществом, вызвал на бой Пауластью, Дарителя богатств, и у лотосового озера перебил лучших из якшей и ракшасов. А тут губитель недругов дрогнул, оказавшись в беде. Я хочу услышать об этом, мне это крайне любопытно.

Вайшампаяна сказал:
Много чудес, о царь, было в лесу, где жили меткие стрелки из лука, на обратном пути из обители мудреца — царя Вриша-парвана, Врикодара, опоясав себя мечом, держа в руке лук, (бродил по лесу). Случилось ему увидеть прекрасную рощу, которую посещают гандхарвы и боги. Он любовался (склонами) Химавана — благодатными краями, где находят себе пристанище мудрецы-боги и сиддхи, куда являются сонмы апсар, где повсюду кричат птицы — куропатки, утки, фазаны, кукушки и вилохвостки, где растут тенистые, радующие сердце и взор, вечно цветущие и плодоносящие деревья, чуткие к прикосновению снега. Видел он (прохладные), как снег, горные реки, воды которых, усеянные (утками) карандава и гусями, цветом своим напоминали драгоценный камень вайдурья.

Заросли девадару, лестницы, (ведущие) к облакам, перемежались желтым сандалом, кокосовыми пальмами и калиякой.

Богатырь, охотясь на пустынных равнинах, разил антилоп неотравленными стрелами и однажды увидел огромного, наводящего ужас змея, который заполз в горное ущелье, закрыв собой всю расселину. Его пятнистое, пестрое, отливающее сандалом тело, свитое в кольца, сияло лунным блеском и походило на гору. Глаза его горели, он то и дело касался жалом углов своей похожей на пещеру, сверкающей яркой медью пасти с четырьмя клыками, вселяя ужас во все живое, словно Яма, Несущий смерть.

Его свистящее шипение звучало как угроза. Голодный змей-душитель внезапно бросился на Бхиму, настиг его и крепко обвил обе его руки. Благодаря (особой силе), которой обладал удав, едва он прикоснулся к Бхимасене, в тот же миг рассудок (Пандавы) помутился. Против рук Бхимасены, сила которых — это (мощь) десяти тысяч слонов, никто устоять не в силах, но тут, схваченный змеем, могучий Бхима только тихо дрожал и не мог шевельнуться.

Обладая могучими руками и львиными плечами, сильный, как десять тысяч слонов, он оцепенел и лишился сил, схваченный (змеем), — такой дар был дан тому (удаву). Герой отчаянно пытался вырваться, но никак не мог осилить его.
*Такова в книге «Лесная» великой «Махабхараты» сто семьдесят пятая глава.*

ГЛАВА 176

Вайшампаяна сказал:
Могучий Бхимасена, оказавшись в плену у змея, подумал: «Чудовищно велика его мощь» — и сказал тому великому змею: «Поведай мне милостиво, о змей, первый среди змеев, кто ты такой и что собираешься сделать со мною? Я — Бхимасена, сын Панду, младший брат Царя справедливости, си- ) лою равный десяти тысячам слонов. Как же ты одолел меня? Не раз я встречался с гривастыми львами, быками, тиграми и слонами и убивал их в борьбе.

Ни данавы, ни пишачи, ни грозные ракшасы не могли противостоять силе моих рук, о первый из змеев! Что это — сила знания или данный тебе дар, что ты поборол меня, несмотря на все мои старания? Я теперь убежден, что доблесть людская — ничто, если ты, змей, сломил мою грозную силу». Пока Бхима говорил это, змей огромным кольцом обвился вокруг героя, неутомимого в подвигах.

Плотно стиснув (Пандаву), наделенного мощными руками, оставив свободными только его могучие руки, змей произнес такие слова: «Это судьба, что за долгое время голода боги (послали) тебя мне в пищу, о (герой, славный) мощью своих рук, — ведь жизнь дорога имеющим тело. Но я непременно должен поведать тебе о том, как я стал змеем, о губитель врагов! Слушай, достойнейший!

Гнев мудрецов навлек на меня эту беду. Я жду, когда кончится срок проклятия, и сейчас расскажу тебе, (как превратился) в змея. Ты, верно, слышал о мудреце-царе по имени Нахуша, сыне Аю, первом из первых основателей твоего рода. Так это я. Проклял меня Агастья за пренебрежение к брахманам, и вот что сталось со мной. Видишь, какова моя судьба! Ты так прекрасен, что не стоило бы тебя убивать, но все же я тебя съем. Так суждено.

Никто, даже слон или буйвол, не может освободиться из моего плена в шестое время (приема пищи), о достойнейший из людей! Тебя, о лучший из кауравов, схватил не просто змей, рожденный в зверином лоне, — это было дано мне в дар. Когда я стремительно падал с ложа Шакры — небесной колесницы, я воззвал к властелину (Агастье), величайшему из отшельников: «Положи предел проклятию!» Могущественный (мудрец), исполнившись сострадания ко мне, ответил: «Через некоторое время ты будешь свободен, о царь!».

Потом я упал на землю, но память меня не покинула и. И хотя это было давно, я помню то, что узнал тогда. Мудрец мне сказал: «Лишь умудренный опытом человек, который ответит тебе на твои вопросы, избавит тебя от проклятия. Любое существо, пусть оно даже сильнее и больше тебя, о царь, сразу же обессилеет, попав к тебе в плен».

Такие слова услышал я также от милосердных (брахманов), проникшихся состраданием ко мне, и затем дваждырожденные скрылись. Так и живу я, великий грешник, в этом мрачном ущелье. Приняв облик змея, я жду своего часа, о лучезарный!»

Бхимасена, наделенный мощными руками, ответил змею: «Я не гневаюсь на тебя, о могучий змей, и себя не виню. Человек не властен ни над своим счастьем, ни над своей бедой: они приходят и уходят помимо его воли. Поэтому не стоит терзать душу отчаянием.

Какой смертный может противостоять судьбе собственными усилиями? Судьбу я считаю всесильной, а попытки людей (отвратить ее) — тщетными. Видишь — это поистине удар судьбы; я, который (постоянно) опирался на мощь своих рук, безо всякой вины попал в такую беду. Но я горюю не столько из-за себя, хотя (меня ожидает) смерть, сколько из-за братьев своих, изгнанных из царства и живущих в лесу.

Суровый Химаван полон якшей и ракшасов. (Братья) встревожатся, станут меня искать. А узнав о моей тибели, они совсем падут духом, потому что именно я, горя желанием (вернуть наше) царство, поддерживал (дух) этих праведников. Или нет: мудрый Арджуна, которому известно любое оружие, тот, с которым не справиться ни богам, ни гандхарвам, ни ракшасам, не поддастся отчаянию.

Этот богатырь с могучими руками способен мощью своей в один день сбросить с трона самого Царя богов, не говоря о лживом и алчном сыне Дхритараштры, бесчестном игроке, которого ненавидит весь мир. Я печалюсь о нашей несчастной матери, горячо любящей своих сыновей. Она всегда мечтает о том, чтобы мы были сильней врагов. Если, о змей, я погибну, то не сбудутся те надежды, которые она, беззащитная, на меня возлагает.

И верные (мне) как своему наставнику доблестные близнецы Накула и Сахадева, которым всегда служит опорой мощь моих рук, опустят крылья, (когда узнают) о моей смерти, и мужество, стойкость покинут их, убитых горем. Вот о чем я беспокоюсь!» И Врикодара, стиснутый змеиным кольцом, долго рыдал, не в силах пошевелиться.

Меж тем неспокойно стало на душе у сына Кунти Юдхиштхиры — обдумывал он появившиеся тревожные знамения. К югу от обители жутко, дико завыл шакал, путаясь зарева на горизонте. Солнце заслонил ужасный своим видом и криком однокрылый, одноглазый, одноногий, изрыгающий кровь перепел. Подул, вздымая песок, резкий горячий ветер, в правой стороне закричали звери и птицы. «Иди! Иди!» — звала позади черная ворона.

У (Юдхиштхиры) мелко задрожала правая рука, (дрогнуло) сердце, (дернулась) левая нога и непроизвольно смежился левый глаз. Предчувствуя великую беду, о бхарата, мудрый Царь справедливости спросил Драупади: «Где же Бхима?» Панчали отвечала ему, что Врикодара ушел уже давно. «Береги Драупади!» — сказал тогда могучий царь Завоевателю богатств и, поручив Накулу и Сахадеву дважды-рожденным, ушел вместе с Дхаумьей (на поиски Бхимы).

От самой обители отважный (Юдхиштхира) шел по его следам и видел на земле оставленные Бхимой знаки: путь преграждали деревья, сломленные вихрем бедер героя, когда тот, быстрый, как ветер, преследовал антилопу. По этим приметам добрался (Юдхиштхира) до горного ущелья, а (в нем) увидал своего младшего брата, намертво стиснутого владыкой змеев.
*Такова в книге «Лесная» великой «Махабхараты» сто семьдесят шестая глава.*

ГЛАВА 177

Вайшампаяна сказал:
Приблизившись к любимому брату-герою, сжатому змеиным кольцом, Юдхиштхира произнес: «Как же, сын Кунти, ты попал в такую беду и что это за величайший из змеев, тело которого — как гора?» Увидел (Бхима) своего старшего брата, Царя справедливости, и рассказал ему обо всем, что (случилось), начиная с того, как угодил в плен.

Юдхиштхира сказал:
Ты бог или демон? А может, действительно змей? Скажи правду, о змей, — Юдхиштхира спрашивает тебя. Что тебе нужно получить или узнать, о змей, чтобы быть удовлетворенным? Какую еду принести тебе, чтобы ты отпустил его?

Змей сказал:
Был я царем, (одним из) твоих предков, о безупречный! Имя мое — Нахуша. Я сын Аю, пятый после Сомы, о владыка людей! Принесением жертв и подвижничеством, изучением Вед, самообузданием и отвагой я достиг безраздельной власти над всеми тремя мирами. И когда я добился такого величия, меня обуяла гордыня, поэтому я заставил тысячу дваждырожденных носить мой паланкин. Я был опьянен своей властью, и за пренебрежение к дваждырожденным Агастья низвел меня до такого положения, о владыка земли! Но милостью того же Агастьи, великого духом, разум до сей поры не покинул меня, о царь Пандава! Твой младший брат достался мне в пищу в шестую стражу дня, и я не отпущу его. Я не хочу ничего другого. Но если ты ответишь на те вопросы, которые я задам тебе, я освобожу твоего брата Врикодару.

Юдхиштхира сказал:
Спрашивай, змей, что хочешь, и, если смогу, я отвечу, чтобы сделать тебе приятное. Ты, конечно же, знаешь без исключения все, что должен знать брахман. Я тебя слушаю, о царь змеев, и готов тебе отвечать.

Змей сказал:
Скажи, царь Юдхиштхира, кто такой брахман и к позна-пию чего следует стремиться? Судя по твоим речам, ты весьма мудр.

Юдхиштхира сказал:
Тот, кому свойственны правдивость и щедрость, смирение, праведность и незлобивость, сдержанность и сострадание, считается брахманом, о Индра змеев! А то, к познанию чего следует стремиться, о змей, есть высочайший Брахман, исключающий и горе, и радость. С постижением его наступает конец страданиям. О чем ты еще спросишь?

Змей сказал:
Четыре варны — вот основа (всего), вот истина и сам Брахман. Ведь и шудрам, Юдхиштхира, может быть свойственна правдивость и щедрость, незлобивость и милосердие, непричинение вреда живому и снисходительность. По твоим словам, о владыка людей, то, к познанию чего следует стремиться, исключает и горе, и радость. А я считаю, что нет ничего, что не имело бы связи либо с одним, либо с другим.

Юдхиштхира сказал:
Что свойственно шудре, того нет в дваждырожденном, иначе шудра не был бы шудрой, а брахман — брахманом. Кому присущи эти (черты, о которых шла речь), тот и ведет себя как брахман, а в ком их нет, того, о змей, следует считать шудрой.

И далее — ты говоришь, что, поскольку нет ничего, что не было бы связано либо со (счастьем), либо (с горем), значит, того, к познанию чего следует стремиться, не существует. Да, есть и такое мнение, змей: не существует ничего, лишенного этих (свойств), так же как между холодом и теплом нет (ничего), что не было бы или холодом, или теплом. Но все же есть нечто, не связанное ни с радостью, ни с горем. Так я считаю, о змей, а что думаешь ты?

Змей сказал:
Если ты, о царь, которому суждена долгая жизнь, выделяешь брахмана только по образу действий, то говорить о происхождении бессмысленно, если поведение не проявлено.
Юдхиштхира сказал:
Мне кажется, о многомудрый великий змей, что у людей трудно установить происхождение — настолько перемешались все варны. Раз мужи производят потомство от женщин различных варн, то речь, брачные отношения, рождение и смерть равны для людей.

И святые мудрецы подтверждают это: «(Каковы бы мы ни были), мы совершаем жертвоприношение...» Поэтому те, что проникли в суть вещей, считают образ действий главным и определяющим. Перед тем как обрезать пуповину, над новорожденным совершают обряд. Тогда его матерью называют савитри, а отцом — наставника. (Родившийся) по природе — все равно что шудра, пока он не приобщился к Ведам.

По этому поводу, о Индра змеев, ввиду расхождения мнений Ману, сын Самосущего, сказал: «Варны (различаются) отношением к долгу. Если образ жизни не самоочевиден, то налицо глубокое смешение варн». И, следовательно, тот, кто ведет достойный, праведный образ жизни, и есть брахман, как я сказал прежде, о могучий, величайший из змеев!

Змей сказал:
Я выслушал твою речь, о Юдхиштхира! Ты знаешь (все), что следует знать. Разве могу я съесть твоего брата Врикодару?
*Такова в книге «Лесная» великой «Махабхараты» сто семьдесят седьмая глава.*

ГЛАВА 178

Юдхиштхира сказал:
Такой, как ты, в мире (почитается) глубочайшим знатоком
Вед и Веданг. Скажи, что нужно делать, чтобы достичь высочайшего пути?

Змей сказал:
Кто одаривает того, кого следует, чьи речи доброжелательны и правдивы, кто последователен в непричинении зла живому, тот, о бхарата, достигает небес, — вот мое мнение.

Юдхиштхира сказал:
Что важнее, о змей: принесение даров или правдивость?
Скажи, что значит больше, а что меньше: непричинение зла живому или доброе отношение?

Змей сказал:
Большая или меньшая важность раздачи даров, преданности и правдивости, непричинения зла и доброго отношения определяется серьезностью результата в каждом отдельном случае. Бывает так, что правдивость значит больше, чем щедрость, а иногда, о Индра царей, раздача даров важнее правдивой речи. Точно так же, о великий стрелок из лука, владыка земли, непричинение зла живому может иногда значить больше, чем доброе слово, а в других случаях доброе слово ценится выше. Так оно и пребудет, о царь, — постоянно должен учитываться результат. Если ты хочешь узнать еще что-нибудь, то спроси, о царь, я отвечу.

Юдхиштхира сказал:
Расскажи мне, каков путь на небеса, и как неизбежно проявляется для освобожденной от тела (души) плод прежних деяний, и об объектах чувств, о змей!

Змей сказал:

Деяния, (творимые) человеком, определяют для него, о царь, один из трех (посмертных) путей. Вот они: судьба смертного, жизнь на небесах и появление на свет среди животных. Тот, кто неустанно вершит (благие дела), и в первую очередь раздает дары, а также тот, кто движим целью не причинять вреда живому, попадает из мира людей на небо. Если же деяния человека противоположны, то он, о Индра царей, рождается в мире животных.

И тут, о сын мой, отмечают одну особенность. Подверженный страсти или гневу, алчный или творящий зло (человек) покидает мир людей и появляется на свет как животное. Некоторые из тех, что родились животными, могут вернуться в мир людей, а коровы и им подобные, а также лошади могут стать даже богами. Живущий проходит все эти пути согласно своим деяниям, о царь, вверяя Атман Вечно Великому. Обладающий собственной силою Атман в телесной оболочке, связанный содеянным прежде, о сын мой, проходит через одно рождение за другим; отделенный от тела, он выявляет признаки живущих23.

Юдхиштхира сказал:
Расскажи (мне) точно и по порядку, о змей, о положении Атмана (при восприятии) звука, осязания, формы, вкуса и запаха. Почему ты, о многомудрый, не ощущаешь одновременно (все) объекты чувств? Соблаговоли мне ответить на эти вопросы, о лучший из змеев!

Змей сказал:
Субстанция Атмана, заключенная в телесной оболочке, воспринимает чувственные объекты, опираясь на органы чувств, о долговечный! Слушай меня, о бык среди бхаратов! Сознание, познавательная способность и ум суть инструменты в восприятии чувственных объектов. Воплощенный Атман, выйдя за пределы «поля», опирается на ум, сосредоточенный на (познании) объектов чувств, и последовательно осваивает эти объекты.

Для этого-то и служит ум живущего, о тигр среди мужей, и потому не бывает одновременного восприятия (всех объектов). Атман, пребывающий между бровями, о тигр среди мужей, направляет сознание в разной мере на разные субстанции. Мудрые считают, что после этого, когда (вступает в действие) сознание, начинается чувственное восприятие. Таков, о тигр среди мужей, способ проявления «знающего поле».

Юдхиштхира сказал:
Укажи мне высшее отличие между умом и сознанием. (Понимание) этого считается главным и необходимым для тех, кто стремится к познанию Высочайшего духа.

Змей сказал:
Полагают, о сын мой, что сознание включается тотчас же вслед за Атманом; опираясь же на него, сознательное начало становится средством его проявления. Сознание не обладает совокупностью гун, а ум содержит в себе гуны. Сознание возникает в действии, а ум есть нечто данное. Вот такое различие, о сын мой, наметил я между умом и сознанием. Но ведь и ты сведущ в этом. Каково твое мнение?

Юдхиштхира сказал:
О высочайший из премудрых! Ясен твой ум, и ты знаешь (все), что следует знать, так зачем же ты спрашиваешь меня? Как на тебя, всеведущего жителя небес, творящего чудеса, могло найти затмение? Вот что кажется мне чрезвычайно сомнительным.

Змей сказал:
Даже человека мудрого и доблестного может ослепить богатство. Мне кажется, всякий, кто пребывает в довольстве, лишается ясности разума. Вот и я, о Юдхиштхира, возгордился, упоенный своей властью, а как упал (с небес), то сразу прозрел и теперь поучаю тебя.

Ты, о великий царь, гроза недругов, сделал для меня то, что было необходимо. Побеседовал я с тобой, праведником, и кончился срок моего жестокого проклятия. Некогда разъезжал я по небу в небесной колеснице и, опьяненный гордыней, не считался ни с кем. Все жители трех миров — мудрецы-брахманы, боги, гандхарвы и якшиг ракшасы и киннары платили мне дань. На кого ни направлю я взор, о владыка земли, тотчас лишается он силы — вот какова была мощь моего взгляда.

Тысяча мудрецов-брахманов носила мой паланкин, но один проступок, о царь, разрушил мое-благоденствие. Как-то задел я случайно ногой мудрого старца Агастью, несшего (вместе со всеми мой паланкин). Невидимый, в гневе он крикнул мне: «Сгинь, змей!».

Тогда, лишившись своего убранства, я стал падать из той небесной колесницы и, падая головою вниз, понял, что стал змеем. Тогда я взмолился, обращаясь к премудрому (брахману): «Пусть будет не бесконечным твое проклятие! Ты должен простить, о владыка, заблудшего по невежеству!» И тут он сжалился надомной и, пока

я падал, изрек: «Юдхиштхира, Царь справедливости, освободит тебя от проклятия. Когда истечет (срок) возмездия за твою гордыню и жестокую силу, ты, о великий царь, вновь вкусишь плод твоих благих заслуг». Я был поражен мощью его подвижнического духа. Потому я и спрашивал тебя о Брахмане и о сущности брахмана. Правдивость, самообуздание, подвижничество, сосредоточенность мысли, непричинение зла живому и постоянная раздача даров — вот чта имеет непреходящую ценность, а отнюдь не происхождение,, не род человека, о царь! Свободен и невредим твой мощнорукий брат Бхима(сена). Благо тебе, о великий царь! Я возвращаюсь на небо.

Вайшампаяна сказал:
С этими словами царь Нахуша сбросил обличье удава и,, приняв свой небесный облик, удалился на третье небо. А славный, достойный Юдхиштхира вместе с братом Бхимой и Дхаумьей вернулся в обитель.

Затем Юдхиштхира, Царь справедливости, рассказал собравшимся дваждырожденным обо всем, что случилось. Дваждырожденные, три его брата и славная Драупади, о царь, были смущены. Лучшие из дваждырожденных, желая Пандавам блага, сказали Бхиме, порицая его за неосторожность: «Не (делай) так больше!» Пандавы радовались, видя перед собой богатыря Бхиму, избегшего несчастья, и снова они зажили в мире и довольстве.
*Такова в книге «Лесная» великой «Махабхараты» сто-семьдесят восьмая глава.*

КОНЕЦ «СКАЗАНИЯ ОБ УДАВЕ»

# СКАЗАНИЕ О БЕСЕДАХ МАРКАНДЕИ

ГЛАВА 179

Вайшампаяна сказал:
Пока они жили на прежнем месте, на смену жаркой поре пришло время дождей, несущее радость всему живому. Гремящие черные тучи заволокли весь небосвод и стороны света, день и ночь непрестанно лил дождь. Бесчисленные (тучи) — знамения времени дождей, поглотившие, словно сетью, блеск солнца, озарялись белым светом молний.

Напоенная влагой земля покрылась молодой травой, ожили комары и ползучие твари, улеглись дым и пыль. Вода затопила (все), так что было не разобрать, где ровное место, а где возвышение, где реки, а где горы. Ревущие, шипящие, как змеи, потоки беспокойной воды украсили леса на исходе жаркой поры. На лесных «пушках под льющим дождем кричали на разные голоса вепри, олени и птицы, в радостном опьянении метались чатаки, павлины, самцы кукушки и гордые собой лягушки.

Пока (Пандавы) бродили по пустошам, прошло вместе с грохотом туч богатое красками благодатное время дождей. Настала осень с ее обилием уток и гусей, зеленью лесной травы и ясностью речных вод. Осень со звездами на чистом небе, множеством зверей и птиц была добрым временем для великих душою Пандавов. Они любовались ночами, когда лыль успокаивалась, становилось свежо от облаков и бесчисленные планеты, луна и звезды лили свой свет. Видели они прекрасные пруды и спокойные реки с прохладной водой, в которой красовались белые лилии и лотосы.

Радостно было (Пандавам) идти местами священных тиртх на похожем на небосвод берегу Сарасвати, поросшем кадамбой и диким рисом. Счастливые, взирали герои, меткие стрелки из лука, на полноводную, благословенную Сарасвати с ее ясными водами. Там их застала, о Джанамеджая, святейшая осенняя ночь полнолуния в месяце карттика.

Пандавы, лучшие из бхаратов, провели эти великие (часы) встречи (луны с созвездием Криттик) вместе с могучими духом и добродетельными подвижниками. С наступлением темной половины месяца Пандавы вместе с Дхаумьей, возницами и наблюдателями за царской кухней отправились в лес Камьяка.
Такова в книге «Лесная» великой «Махабхараты» сто семьдесят девятая глава.

ГЛАВА 180
Вайшампаяна сказал:
Гостеприимно встретили отшельники сыновей Кунти, когда они во главе с Юдхиштхирой прибыли в Камьяку и поселились (там) вместе с Кришной. Потомки Панду спокойно жили (в том лесу), и к ним отовсюду собралось множество брахманов.

Кто-то из дваждырожденных сказал: «Сюда придет любимый друг Арджуны — смиривший свою душу и благородный помыслами Шаури с могучими руками. Хари знает, что вы явились сюда, о потомки Куру! Хари всегда рад вас видеть, он желает вам блага. Скоро вас посетит Маркан-дея, великий отшельник, который живет на свете долгие годы, посвятив свою жизнь подвижничеству и чтению Вед».

Едва он произнес эти слова, как на колеснице, в которую были впряжены Сайнья и Сугрива, показался Кешава, лучший из воинов на колесницах. Словно сам Магхаван с Пауломи, приближался сын Деваки с Сатьябхамой, горя нетерпением увидеть достойнеших из куру.

Мудрый Кришна сошел с колесницы и радостно приветствовал, как велит обычай, Царя справедливости и Бхиму, первого среди богатырей. Приняв почести от близнецов, он почтил Дхаумью, обнял Гудакешу и приласкал Драупади. Долго смотрел Владыка дашархов на своего любимца — героя Пхальгуну, вернувшегося (с небес), снова и снова сжимая в объятиях сокрушителя недругов.

А меж тем Сатьябхама, желанная супруга Кришны, обнимала Драупади, милую спутницу Пандавов. Затем Пандавы со своею супругой и жрецом окружили лотосоокого (Кришну), воздавая ему хвалу. Встреча премудрого Кришны с Партхой — Завоевателем богатств, грозой демонов, напоминала встречу с Гухой великого Владыки бхутов, могучего душой.

Увенчанный диадемой рассказал старшему брату Гады обо всем, что случилось (с ними) в лесах, и спросил, в свою очередь, как (поживают) Субхадра и Абхиманью6. Губитель Мадху почтил, как того требует закон, сыновей Притхи, (супругу их) Кришну и родового жреца (Пандавов), сел рядом с Юдхиштхирой и восславил царя такими словами:

«Добродетель, о Пандава, важней обретения царства. Суть ее, как считают, в подвижничестве, о царь! Честно и праведно блюдешь ты свой долг, чем покорил и этот мир, и мир иной. Твердо соблюдал ты обеты перед тем, как начать чтение Вед. Ты овладел в совершенстве искусством стрельбы из лука, доблестью и благочестием добился богатства и совершил все установленные испокон веков жертвоприношения. Ты не ищешь удовольствия в грубом и низменном и ничего не делаешь только ради наслаждения, о Индра живущих!

Ты не отринешь дхарму в погоне за выгодой. За твой нрав (называют) тебя Царем справедливости. Завоевывая царства, (обретая) богатство и то, что приносит (тебе) удовольствие, высшую радость, о царь Партха, ты всегда находишь в раздаче даров, истине, подвижничестве, принесении поминальных жертв, миролюбии, стойкости и милосердии. Когда на глазах у жителей Куруджангалы (вашу) Кришну силой (протащили) по Залу собраний, кто, кроме тебя, о Пандава, смог бы стерпеть такое пренебрежение добродетельным поведением и обычаем? Нет сомнения — скоро сбудутся все твои желания, и ты будешь достойно править своими подданными.

Мы готовы сквитаться с кауравами, как только ты выполнишь свой обет».
Обращаясь к Дхаумье, Юдхиштхире, близнецам, Бхиме и (супруге Пандавов) Кришне, лев среди дашархов8 сказал: «Слава судьбе — Увенчанный диадемой освоил искусство владения оружием и, довольный, вернулся на ваше благо!».

Потом Владыка дашархов вместе с друзьями обратился к Кришне, дочери Яджнясеыы: «Дети твои, о Кришна, верны обетам и добродетельны. Основное, чему они предаются со страстью, — это стрельба из лука. Сыновья твои, о Яджнясени, уделяют внимание и самососредоточению, как это свойственно праведникам.

Твой отец и братья твои, о Кришна, предлагали им власть и царства, но юноши не нашли покоя ни в доме у Ядж-нясены, ни у своих родных. На мирном пути к Анарте высшим для них удовольствием было стрелять из лука. Когда твои сыновья, о Кришна, явились в город (потомков) Вриш-ни9, (их встретили там с любовью), так что им нечего завидовать самим богам. И как ты или достойная Кунти направляли бы их поведение, то же самое, а может, и больше делает неустанно Субхадра. А сын Рукмини10, о Кришна, наставник Анируддхи, Абхиманью, Сунитхи и Бхану, наставляет и охраняет твоих сыновей. Достойный глава их, юный Абхиманью, настойчиво и постоянно учит героев искусству владения палицей, мечом и щитом, а также обращению с колесницей и конями. Сын Рукмини как наставник вручил им оружие и должным образом передал им свое умение. Он доволен успехами твоих сыновей и Абхиманью. Когда сыновья твои, о Яджнясени, отправляются на прогулку, каждого из них сопровождают колесницы, повозки и слоны».

И далее Кришна сказал Царю справедливости: «Дашархи - воины, кукуры и андхаки ждут твоих приказаний. Они будут там, где ты пожелаешь, о царь! Воины-мадху, которые быстры, как ветер, во владении луками, на колесницах и пешие, своими конями, слонами и колесницами готовы служить тебе, о Индра живущих! Во главе их стоит Тот, чье оружие — плуг. Да будет уготована сыну Дхритараштры Суйодхане, худшему из

злодеев, вместе с родичами его и приспешниками, судьба Саубхи и властителя Саубхи, о Пандава! Если желаешь, соблюдай, Индра людей, тот обет, который ты дал в Собрании. Воины и колесничие Нагапуры вместе с ратниками-дашархами будут тебя ждать. Отринув гнев и очистившись от грехов, ты пройдешь вольно там, где пожелаешь, и, забыв о тревогах, первым вступишь во владения прекрасной, цветущей Нагапуры».

Могучий душою Царь справедливости с готовностью выслушал, как полагается, мнение высочайшего из мужей, одобрил его и, подумав, обратился к Кешаве, почтительно сложив ладони: «Ты, о Кешава, без сомнения, опора Пандавов. Партхи (видят в тебе) своего защитника. (Мы) верим: наступит час, и ты выполнишь то, (о чем говоришь), и (сделаешь) даже больше. Срок изгнания, все двенадцать лет, сыновья Панду, как обещали, проведут вдали от людей, а потом, как положено, проживут неузнанными под твоею защитой, о Кешава!»

Вайшампаяна сказал:
Во время беседы Варшнеи и Царя справедливости явился, о бхарата, состарившийся в покаянии благочестивый Маркан-дея, суровый подвижник, переживший много тысячелетий. Все брахманы и Кришна вместе с Пандавами восславили приход древнего святого мудреца, живущего на земле не одну тысячу лет. Когда величайший из святых мудрецов, окруженный почетом, удобно уселся, к нему обратился Кешава от имени брахманов и Пандавов: «Собравшиеся тут брахманы и Пандавы, Драупади, Сатьябхама, а также я сам жаждем услышать твое высочайшее слово.

Поведай нам, о Маркандея, священные и вечные предания минувших дней о добродетели царей, женщин и святых мудрецов». Едва они уселись, пришел повидаться с Пандавами мудрец-бог Нарада, чистый душою. Быки среди мужей поднесли, как полагается, великому духом мудрецу воду для омовения ног и медовый напиток. А мудрец-бог Нарада, узнав, что они ожидают рассказа Маркандеи, обрадовался и сказал с улыбкой, понимая важность минуты: «Рассказывай, брахман-мудрец, о чем ты хочешь поведать Панда-вам».

На эти слова великий подвижник Маркандея ответил: «Запаситесь терпением. Будет долгой беседа». После этого Пандавы и дваждырожденные застыли в ожидании, взирая на великого мудреца, как на полуденное солнце.
*Такова в книге «Лесная» великой «Махабхараты» сто восьмидесятая глава.*

ГЛАВА 181
Вайшампаяна сказал:
Пандава, царь куру, ожидая, пока великий отшельник соберется заговорить, обратился к нему, чтобы начать беседу: «Ты издревле знаешь жизнь богов, дайтьев, великих душой святых мудрецов и всех мудрецов-царей. Мы считаем тебя достойным почестей и уважения и давно стремимся (к встрече с тобой). Здесь и сын Деваки, который пришел повидать нас. Я смотрю на себя: лишился я счастья, а сыновья Дхритараштры, злодеи, благоденствуют, и вот что приходит мне в голову: человек творит добрые и злые дела, и каждому воздается согласно заслугам, но какова в этом роль Властителя?

И еще: в этом мире или в мире ином приходит к человеку как счастье или беда то, что он некогда сделал, о первый среди познавших Брахман? О лучший из дваждырожденных! Каким путем в этом мире или в мире ином настигает человека (возмездие) за его злые и (воздание) за добрые дела, которые следуют за ним? Сохраняет ли он при этом телесную оболочку или уже покинул ее? Случается это в нашем мире или за его пределами? И где сосредоточены деяния умершего существа, о Бхаргава?»

Маркандея сказал:
Такие вопросы достойны тебя, о лучший из тех, что знают толк в беседе! Ты знаешь все, что следует знать, и спрашиваешь только для утверждения (истины). Но я объясню тебе. Слушай внимательно, как в этом мире и в мире ином человек испытывает счастье и горе. Владыка живущих, первым явившись на свет, создал людей чистыми, незапятнанными и открытыми добру.

Древние люди, о потомок Куру, воплощая в себе неиссякаемую мощь, были верны обетам, правдоречивы, добродетельны и благонамеренны. По своей воле каждый являлся к богам на небеса и по своей же воле возвращался обратно. И жизнь, и смерть были покорны людской воле. Без лишних тревог, без несчастий и бедствий (люди) достигали своей цели. Видели они воочию сонмы богов и святых мудрецов, великих душою, придерживались всех установлений дхармы и не знали вражды. Тысячи лет жили они на свете, и были у них тысячи сыновей.

Время шло, и постепенно (люди) стали жить только на земле. Злоба и вожделение овладели ими, поддались они ослеплению алчности, погрязли во лжи и обмане. Боги тогда отвергли людей. Из-за своих

нечестивых деяний грешники скатывались в Нараку или рождались животными, претерпевая все новые и новые муки в различных формах перерождений.

Желания (людей) стали ничтожны, замыслы неосуществимы, знания бесполезны и чувства бессильны. Всяческие заботы и тяготы одолевали их, и отличались они в основном дурными делами. Семьи приходили в упадок; низкие духом, (люди) стали хилыми и болезненными, век их, грешников, сократился — столь жестокой была расплата за (греховность) деяний.
Стремясь к исполнению каждого своего желания, они преступали границы (добра) и теряли веру.

После смерти, о Каунтея, судьба человека определяется его делами в этой жизни. Где же сосредоточены дела мудреца и невежды? Где (человек) пожинает плоды свох добрых и злых деяний? Это твои вопросы. Выслушай же, какие тут (существуют) установления. Каждый человек, тело которого изначально сотворено богом, совершает великое множество и добрых, и злых поступков. На исходе своих дней он расстается с бренным телом и тут же появляется на свет из (иного) чрева. Нет промежутка меж (смертью и новым рождением). Собственные деяния (человека) всегда вместе с ним, словно тень. Они предопределяют для родившегося на свет счастливую или горькою судьбу.

Те, кто лишены ока мудрости, считают, что живое существо связано установлением рока и не наследует ни благих, ни дурных характеристик. Но это — стезя невежд, о Юдхиштхира!

А теперь послушай о высочайшей судьбе премудрых.

Люди, которые предаются подвижничеству и превзошли все науки, те, что строго соблюдают обеты и верны истине, те, что усердны в служении наставнику, добры нравом и чисты по рождению, те, которые милосердны, сдержанны, деятельны и появились на свет из неосквернённого чрева, те (люди), что обычно отмечены добрыми знаками, что смирили себя, обуздав свои чувства, те, что по чистоте своей редко страдают от болезней и живут беспечально, не зная тревог и бед, — такие (люди), чье око — мудрость, едва появившись на свет, и даже( до этого срока), еще находясь во чреве, и (потом), покидая его, осознают (связь) души своей и верховной. Явившись (в этот мир), чтобы в действии проявить себя, они возвращаются потом в обитель богов.

Одно получают люди от судьбы, другое от случая, а третье (приходит к ним, как итог) их собственных деяний. Да не усомнишься ты в этом, о царь! Услышь, о Юдхиштхира, лучший из собеседников, какая есть об этом притча. Я считаю, что наивысшего блага, какое есть у людей, один достигает в этом мире, а не в ином, другой — в ином, а не в этом, третий — и там, и тут, а четвертый (не достигает) ни там, ни тут.

Те, что владеют несметными богатствами, постоянно наслаждаются жизнью, украшая (нарядами) тело. Для них, поглощенных заботами о плотских наслаждениях, — (счастье) лишь в этой жизни, но не в иной, о губитель сильнейших из недругов! А кто старится телом, посвятив себя йоге, предаваясь умерщвлению плоти и чтению Вед, кто смирил свои чувства и печется о благе сущего, для того (счастье) не в этой жизни, но в иной, о сокрушитель врагов!

Кто превыше всего ставит дхарму и в назначенный час обретает богатство согласно дхарме, кто берет себе жену и совершает жертвоприношения, для того (счастье) и в этой, и в следующей жизни. А те невежды, которые не проявляют усердия ни в учении, ни в подвижничестве, ни в раздаче даров и (не заботятся) даже о том, чтоб породить (себе подобных), несчастны и даже не порываются к счастью. Для них его нет ни в этой жизни, ни в жизни иной.

Все вы необычайно доблестны, и мощь ваша удивительна. Вы готовы к борьбе. Глубоко искушенные в знаниях, вы явились на землю из мира иного, чтоб исполнить волю богов. Вы, герои, привыкшие к подвижничеству и самообузданию, к добродетели и скитаниям, совершая великие подвиги и наилучшим образом ублажая богов, святых мудрецов и усопших предков, благодаря своим деяниям попадете в свой час на небо — в высочайший приют праведников. Не сомневайся (в этом), о Индра кауравов, из-за того, что сейчас ты, достойный лучшей участи, попал в такую беду.
*Такова в книге «Лесная» великой «Махабхараты» сто восемьдесят первая глава.*

ГЛАВА 182

Вайшампаяна сказал:
Тут сыновья Панду сказали Маркандее, великому духом: «Поведай — хотим мы услышать о могуществе лучших из дваждырожденных». И достойный Маркандея, мощнопламен-ный суровый подвижник, искушенный во всех шастрах, повел рассказ: «Юный, прекрасный собою царевич из рода Хайхаев, могучий

завоеватель вражеских городов, отправился раз на охоту. Бродя по заросшему травами и кустарником лесу, увидел он невдалеке облаченного в шкуру оленя отшельника и, подумав, что это лесной олень, убил его.

Напуганный совершенным злодеянием, с отчаянием в душе отправился лото-соокий царевич к достойнейшим из Хайхаев и рассказал правителям о том, что случилось, о владыка земли! Услышав о том, что (царевич) убил отшельника, питавшегося лишь кореньями и плодами, увидев (его) своими глазами, те опечалились. Всюду пытались они разузнать, кто он такой, и наконец добрались до обители Таркшьи Ариштанеми. Там они остановились, чтобы приветствовать великого душою отшельника, стойкого в своем обете. Могучий духом мудрец принял их почести, но они сказали (ему): «Мы недостойны, мудрец, твоего гостеприимства. Грех на нас — мы убили брахмана».

Спросил их мудрый отшельник: «Как вы убили брахмана? Скажите, где он? Посмотрим же вместе, (сколь велика) мощь моего подвижничества!». Они правдиво поведали ему обо всем и пошли (с ним) туда, где (лежал) убитый отшельник, но не нашли его. Устыдившись, они растерянно стали искать его, словно во сне, а мудрый Таркшья, покоритель вражеских городов, сказал, им: «Не это ли брахман, которого вы убили? Это же, о цари, мой сын, отмеченный величием подвижнического духа!» Они изумились, увидев того отшельника.

«Великое чудо! — проговорили они, о владыка земли! — Мы видели его мертвым, так как же он ожил? Какова же должна быть мощь подвижнического пыла, чтобы вернуть его к жизни! Мы хотим, о брахман-мудрец, если можно, услышать об этом». Тот ответил им: «Смерть не властна над нами, цари! Коротко и доступно я объясню вам причину. Мы знаем лишь истину и не ведаем лжи. Мы следуем своей дхарме, и потому нет у нас страха смерти. Мы говорим только то, что хорошо для брахманов, а дурное нас не касается, и потому нет у нас страха смерти.

Мы живем в стране, (управляемой) могучим царем, гостей (встречаем) едой и питьем, а слугам (даем) обильную» пищу, и потому нет у нас страха смерти. (Я) коротко рассказал вам об этом. Ступайте, не ведая зла, и не бойтесь греха».— «Да будет так!» — сказали цари. Они воздали почести великому отшельнику и успокоенные отправились назад, в свой край» о бык среди бхаратов!»
*Такова в книге «Лесная» великой «Махабхараты» сто восемьдесят вторая глава.*

ГЛАВА 183

Маркандея сказал:
Услышьте от меня еще (один рассказ) о могуществе духа брахманов. Рассказывают, задумал царь-мудрец по имени Вайнья совершить жертвоприношение коня. Атри собрался к нему за дарами, но, желая показать свою добродетель, оставил это намерение. Поразмыслив, всемогущий (мудрец) решил удалиться в лес. Позвал он свою обретенную согласно дхарме супругу, сыновей и сказал:

«Мы без всяких препятствий получим гораздо больше, если вы согласитесь теперь же отправиться в лес, чтобы умножить свои добродетели». Верная дхарме жена ему отвечала: «Ступай лучше к Вайнье, великому духом, и попроси побольше даров. Царь-мудрец одарит тебя во время жертвоприношения, если ты попросишь его» А когда ты получишь эти большие дары, о брахман-мудрец, то возьми и подели их меж сыновьями и слугами, а потом ступай куда пожелаешь. Знающие дхарму считают это наивысшей добродетелью».

Атри сказал:
Великий душой Гаутама говорил мне, достойная, что
Вайнья богат, добродетелен и верен обету правды, но вот дваждырожденные, что живут (вместе с ним), недолюбливают меня. С тех пор как Гаутама сказал мне (об этом), я не решаюсь (идти туда). Подам я там добрый совет согласно долгу, любви и пользе, а они обернут все сказанное бессмыслицей. Но я пойду туда, о многомудрая, мне по душе твои слова. Даст мне Вайнья коров и великое множество богатств.

Маркандея сказал:
Сказав так, великий подвижник тотчас отправился к Вайнье на жертвоприношение. Подошел Атри к жертвенному алтарю и начал славить царя: «О Вайнья-царь! Ты — владыка, первый властелин на земле!. Хоры мудрецов возносят тебе хвалу, и нет никого, кто знал бы дхарму лучше тебя». Тут мудрец (Гаутама), суровый подвижник, прервал его гневно: «Не говори так, Атри! Или ты обделен мудростью? Это великий Индра, Властелин живущих, властвует над нами в этом мире». Ответил Атри Гаутаме, о Индра царей: «(Вайнья) —Вершитель судеб, он, как Индра, повелевает сущим. А на тебя нашло затмение, и, заблуждаясь, ты лишился ясности разума».

Гаутама сказал:

Я знаю, что не я ошибаюсь, а ты, когда берешься судить (об этом). Чтоб получить (от царя) дары, ты славишь его, едва лишь увидев. Не ведаешь ты, в чем величайшая дхарма, и не знаешь, как (ее) применить. Ты глуп, как ребенок, и что толку в том, что ты стар годами?

Маркандея сказал:
Так стояли они и пререкались в присутствии (всех) отшельников, собравшихся на жертвоприношение, а те вопрошали (друг друга): «Как же они (попали сюда)? Кто допустил их ко двору Вайньи и о чем они так громко спорят?» Тут добродетельнейший Кашьяпа, знаток всех дхарм, приблизился к спорящим и спросил их, (в чем дело).

И Гаутама сказал, обращаясь к собравшимся здесь первым среди мудрецов: Послушайте, о быки среди дваждырожденных, какой возник у нас спор: Атри сказал, что Вайнья — вершитель судеб, а я глубоко сомневаюсь в этом». Как услышали это великие духом отшельники, тотчас же поспешили к знатоку дхармы Санаткумаре, чтобы (он) разрешил их сомнения. Великий подвижник выслушал их и ответил им точно в соответствии с долгом и пользой.

Санаткумара сказал:
Брахманы неотделимы от кшатриев, так же как кшатрии от брахманов. Царь — это первейшая дхарма, он властелин подданных, он и Шакра, и Шукра, и Творец, и Брихаспати. Как же не почитать того, кого прославляют такими словами, как «повелитель живущих» и «властелин», «державный владыка» и «защитник», «властитель земли» и «хранитель людей», «Происходящий из древнего рода», «воитель» и «наступающий», «счастливый», «благоденствующий» и «ведущий на небеса», «легко побеждающий», Бабхру, «не гневающийся без причины», «живущий боем» и «ратующий за истину и закон» — так величают царя. Святые мудрецы, боясь беззакония, возложили всю власть на кшатриев. Как солнце на небесах меж богов светом своим разгоняет мрак, так царь искореняет решительно беззаконие на земле. Верховное положение царя подтверждается шастрами. В споре прав тот, кто превозносит царя.

Маркандея сказал:
Тогда многомудрый царь, довольный тем, что в споре победил Атри, воспевший ему хвалу, радостно обратился к нему: «Ты назвал меня высочайшим из всех людей, самым достойным и поставил меня наравне с богами, о мудрец-брахман! За это я дам тебе множество разных ценностей. Жалую я тебе, о премудрый, тысячу черных рабынь в прекрасных нарядах и украшениях, десять коти золотых монет и десять бхаров чистого золота. Ты всеведущ — вот мое мнение». Тогда многомудрый Атри, великий могучий подвижник, принял все это, как полагается по обычаю, и вернулся к себе домой. С радостью передал оп богатство своим сыновьям, а сам, смирив свою душу, сосредоточив все помыслы на покаянии, удалился» в лес.
*Такова в книге «Лесная» великой «Махабхараты» сто восемьдесят третья глава.*

ГЛАВА 184

Маркандея сказал:
А теперь, о герой — покоритель вражеских городов, выслушай песнь Сарасвати, пропетую ею, когда к ней обратился с вопросами мудрый отшельник Таркшья.

Таркшья сказал:
Что самое важное для человека в этом мире, о прекрасная, и как следует поступать, чтобы не отступить от дхармы? Расскажи мне об этом, о совершенная, чтобы после твоих наставлений я (еще тверже) стоял на стезе дхармы. Кто, как и когда должен приносить жертву огню и почитать (его), чтоб не нарушилась дхарма? Поведай мне обо всем, о достойная, чтобы я мог беспечально проходить миры.

Маркандея сказал:
Так радостный Таркшья спросил об этом Сарасвати, и она, видя, что брахман премудрый весь обратился в слух, отвечала ему мудро и праведно полезной и сообразной с дхармой речью.

Сарасвати сказала: Тот, кто, как предписано, постигает Брахман и постоянно читает Веды, тот, кто чист и прилежен, обретает блаженство среди бессмертных, достигнув Града богов, (который находится) средь огромных прекрасных святейших лотосовых озер, покрытых цветами, неглубоких, прозрачных и спокойных. В них много рыбы, а (по берегам) этих славных тиртх растут золотые лотосы. Счастливо живут в этих краях те, что отмечены добрыми делами, и каждого из них осыпают почестями прекрасные, благоухающие апсары с золотистой кожей.

Тот, кто дает коров (брахманам), попадает в мир Брахмы, кто отдает быка, отправляется в мир Солнца, кто раздает одежду — в мир Луны, а кто дарит (брахманам) золото, достигает бессмертия. Кто дает (брахману)

прирученную, смирную, раздоенную корову с хорошим теленком, тот наслаждается жизнью на небесах ровно столько лет, сколько волосков на (шкуре) этой (коровы).

Кто дарит доброго молодого быка вместе с упряжью, и (бык этот) сильный, выносливый и годен тянуть плуг, тот (человек) достигает десяти миров тех, которые дарят коров. Достойный, благонамеренный человек, совершая семь лет подряд жертвенное возлияние огню, очищает этим, о Таркшья, семь предшествующих и семь последующих поколений своего рода.

Таркшья сказал:
Поведай, прекрасная, мне, вопрошающему тебя, каков древний обряд поддержания жертвенного огня, чтобы благодаря твоим наставлениям я познал до конца этот установленный веками обычай агнихотры.

Сарасвати сказала:
Тот, кто нечист, кто не омыл своих рук, а также невежда, ее познавший Брахман, не может приносить жертву огню. Ведь боги, ждущие подношения, привержены чистоте. Не приемлют они жертвы и от неверующего. Не следует допускать к жертвоприношению богам того, кто неискушен в Ведах: такой будет напрасно совершать возлияние. (Жертва) не постигшего Веды считается неполноценной, о Таркшья! Он не вправе совершать возлияние жертвенному огню. Кто приносит в жертву пусть немного, но веруя, кто тверд в обете и довольствуется той едой, которая остается от жертвоприношения, тот попадает в благоуханный мир коров и лицезреет высочайшего истинного бога.

Таркшья сказал:
Я вижу, о прекрасная, (тебе), мудрейшей, свойствен божественный разум, который охватывает все тонкости зависящего от деяний (в этой жизни) существования в мире ином. Поэтому я спрашиваю тебя: кто же ты, о чарующая?

Сарасвати сказала:
Я вышла из жертвенного огня, чтоб разрешать сомнения быков среди брахманов. По твоей просьбе и из расположения к тебе я объяснила, как должно, истинный смысл (того, о чем ты спросил).

Таркшья сказал:
Нет никого, кто был бы равен тебе. Ты блистаешь так ярко, словно сама Шри. Безмерно прекрасен твой дивный облик, одарена ты, достойная, божественным разумом.

Сарасвати сказала:
Я расцветаю, благоденствую и становлюсь все прекрасней, о мудрый брахман, первый среди людей, благодаря самому лучшему из того, что приносится в жертву. Знай, о мудрец: какую бы вещь ни использовали при этом, будь она из дерева, из железа или из глины, успех (жертвы) — в (моей) небесной красе и мудрости.

Таркшья сказал:
Почитая это великим благом, упорно служат ему отшельники. Поведай мне, каков иной высокий и беспечальный путь к спасению, на который вступают стойкие? Сарасвати сказала:
Иного, освященного веками, высочайшего из высших (пути к спасению) достигают изучением Вед, подношением даров, обетами и благими деяниями не знающие скорби, достигшие освобождения подвижники, знатоки Вед.

Посредине того (пути) блистает пречистая, благоухающая ветаса с тысячей ветвей. У корней ее берут начало прелестные ручейки с медвяными водами, сливаются со своими притоками бурлящие вокруг камней могучие реки, вода которых несет, словно гальку, лепешки из ячменя, мясо, овощи и пятна молока. То высочайший путь, отшельник! На этом месте приносятся лучшие из жертвоприношений возглавляемым Агни богам вместе с Индрой и сонмами марутов.
*Такова в книге «Лесная» великой «Махабхараты» сто восемьдесят четвертая глава.*

# ПОВЕСТЬ О РЫБЕ

ГЛАВА 185

Вайшампаяна сказал:
Затем (Юдхиштхира), сын Панду, вновь обратился к Маркандее: «Поведай мне о жизни Ману, сына Вивасвана».

Маркандея сказал:
О царь — тигр меж людей! Сын Вивасвана, величайший святой мудрец, был могуч и блеском подобен владыке живущих. Силою и величием пыла, красотой и подвижничеством Ману превзошел и отца своего, и деда. Властитель людей, он посвятил себя великому суровому покаянию, стоя на одной ноге с поднятыми вверх руками в Вишала-Бадари.

Десять тысяч лет подвергал он себя жестокому умерщвлению плоти, опустив книзу голову и (глядя) прямо (пред собой) немигающим взором. Однажды, когда он, собрав волосы на затылке, в мокрой одежде (стоял) на берегу Вирини, продолжая свое покаяние, к нему подплыла рыба и сказала (такие) слова: «О владыка, я, маленькая рыбка, боюсь сильных рыб. Ты должен спасти меня, праведник! Сильные рыбы нередко пожирают слабых, таков наш извечный закон. Спаси же меня, тонущую в великой пучине страха, а я отплачу тебе за это».

Выслушав слова рыбы, Ману, сын Вивасвана, преисполнился сострадания к ней. Взял Ману Вайвасвата эту рыбу своею рукой, вытащил из воды и опустил ее, отливающую лунным блеском, в глиняный кувшин. Рыба росла там в холе и неге, о царь, а Ману преданно заботился о ней, будто о собственном сыне. Прошло много времени, и рыба стала такой большой, что больше не помещалась в кувшине с водой, и однажды, увидев Ману, опять попросила его:

«Перенеси меня, о владыка, в иное удобное место». И Ману, великий отшельник, вытащил рыбу из кувшина, принес к большому пруду и выпустил туда, о покоритель вражеских городов! Снова прошло много лет, и рыба так выросла, что, хотя этот пруд был две йоджаны в длину и йоджана в ширину, ей стало тесно в нем, о лотосоокий! Негде ей было повернуться в этом пруду, о Каунтея — владыка народов!

Увидела рыба Ману и вновь попросила его: «О добрый могучий владыка, перенеси меня в Гангу, супругу океана. Я буду жить там, о мой отец и властитель, если ты с этим согласен». После таких слов рыбы великий Ману, смиренный и стойкий, своими руками перенес ее к Ганге и выпустил в реку. Через некоторое время рыба выросла еще больше, о губитель врагов, и, увидевшись с Ману, опять сказала ему:

«Я так велика, о могучий, что не могу повернуться в Ганге. Смилуйся, о владыка, скорее перенеси меня (и выпусти) в океан». Тогда Ману своими руками вытащил рыбу из вод Ганги, перенес к океану и там ее выпустил, о Партха! И хотя рыба была огромна, эта ноша была желанной для сердца Ману; прикосновение (к рыбе) и ее запах были ему приятны.

Когда Ману выпустил рыбу в океан, она, улыбаясь, сказала ему: «Ты сделал все, чтобы спасти меня, о владыка! Слушай же, как тебе поступить, когда настанет твой час. Скоро, о владыка, великий судьбою, всему на земле, и живому, и неживому, придет конец: близится время потопа, очищающего миры3б. Поэтому то, что я расскажу сейчас, будет тебе крайне полезно.

Для всего — для движущегося и неподвижного, для того, что способно передвигаться и что стоит на одном месте, настало страшное время. Ты должен соорудить крепкую лодку и привязать к ней веревку. Ты сядешь в нее, о великий отшельник, вместе с семью святыми мудрецами. В ту же лодку следует погрузить по частям надежно укрытые семена — все те, о которых я говорила прежде. Жди меня, стоя в лодке, о любимец отшельников! Я появлюсь с рогом (на голове), и по нему ты узнаешь меня, о подвижник! Вот что ты должен делать. Прощай, я удаляюсь. Не сомневайся, владыка, в (правильности) моих слов».

«Так я и сделаю», — ответил он рыбе. Простились они друг с другом и разошлись каждый в свою сторону. Затем, о великий отважный царь — сокрушитель недругов, Ману собрал все те семена, о которых сказала рыба, и в надежной лодке поплыл по волнующемуся океану. Ману подумал о рыбе, о властелин земли, и она, угадав его мысли, вскоре явилась ему с рогом на голове, о праведнейший из бхаратов, покоритель вражеских городов!

Увидев в разливе вод огромную, словно гора, рогатую рыбу — по виду такую, как она говорила, — Ману накинул на ее рог на голове веревочную петлю, о тигр среди порожденных Ману, Индра Индр его потомков! И рыба, о покоритель вражеских городов, стремительно повлекла по воде океана привязанную веревкой лодку.

Плыл (Ману) в той лодке по океану, о владыка потомков Ману, а тот, казалось, пустился в пляс: (так ходили ходуном) волны и словно (звенящие украшения) гремела вода. Мощным вихрем швыряло лодку в океане, бросая из стороны в сторону, как нетвердо стоящую на ногах пьяную женщину, о разрушитель вражеских

городов! Слились меж собою земля и все основные и промежуточные стороны света, и воздух и небосвод — все застилала вода, о бык среди мужей! Все смешалось тогда в мире, о бык среди бхаратов, остались лишь семь святых мудрецов, Ману и рыба.

Многие годы, о царь, рыба без устали тянула за собою ту лодку по водным просторам. Затем, о потомок Куру, бык среди мужей, она привела лодку туда, где высится Химаван. И тогда, улыбаясь, рыба тихо сказала тем святым мудрецам: «Привяжите скорее лодку к этой вершине Химавана». Послушались рыбы святые мудрецы, о бык среди бхаратов, и быстро привязали лодку к вершине Химавана. Вот почему высочайшая из вершин Химавана зовется с тех пор Наубандхана. Знай это, о Каунтея, бык среди бхаратов!

Затем рыба сказала всем святым мудрецам: «Я — Брахма, Владыка живущих, и нет никого превыше меня. Это я, обернувшись рыбой, избавил вас от беды. Ману суждено возродить все сущее: и богов, и демонов, и людей, все миры, все движущееся и неподвижное. Он пройдет через суровейшее покаяние и тогда не будет знать заблуждений при сотворении жизни. Такова моя милость».

С этими словами рыба в один миг исчезла. Тогда Ману, сын Вивасвана, пожелал тотчас же возродить все сущее. Едва он начал творить, стало одолевать его наваждение, и тогда он предался великому покаянию. Пройдя через суровое подвижничество, Ману, о бык среди бхаратов, приступил, как и следовало, к воссозданию жизни.

Вот о чем говорится в пуране, известной под названием «Матсьяка». Повесть, рассказанная мною, очищает от всех грехов. Кто постоянно будет слушать с начала жизнеописание Ману, тот будет счастлив, его ожидает успех во всех начинаниях, ему уготованы небеса.
*Такова в книге «Лесная» великой «Махабхараты» сто восемьдесят пятая глава.*

ГЛАВА 186

Вайшампаяна сказал:
Затем Юдхиштхира, Царь справедливости, снова смиренно спросил славного Маркандею: «Ты, о великий подвижник, видел конец не одной тысячи юг. Никто в этом мире, кроме Высочайшего Брахмы, великого духом, не может сравниться с тобою по возрасту. Ты один, о премудрый, поклоняешься Брахме во время потопа, когда этот мир, лишенный небес, покинут богами и данавами. Когда же потоп кончается и пробуждается Прародитель, только ты, о святой мудрец, видишь, как Высочайший, наполнив воздухом стороны света и всюду рассредоточив воду, в должном порядке воссоздает четыре формы жизни.

Ты, о лучший среди дваждырожденных, целиком погрузившись в созерцание, воочию поклоняешься Наставнику мира — Прародителю вселенной. Оттого-то благодаря милости Всевышнего не берет тебя, о святой мудрец, ни старость — губительница тела, ни смерть — конец всему. Когда не остается ничего — ни солнца, ни огня, ни воздуха, ни луны, ни небес, ни земли, когда этот мир являет собой сплошной океан, когда исчезает с лица земли и движущееся, и неподвижное, гибнут сонмы богов и асуров и великие демоны-змеи, ты один поклоняешься Брахме — Владыке всего сущего с безграничной душой, который покоится в лотосе, своем обиталище. Все это (не раз) проходило пред твоими глазами, о лучший из дваждырожденных! Поэтому мы хотим услышать повествование о первопричине всего (сущего). Много раз, о высочайший из дваждырожденных, ты один лицезрел (его), и во всех мирах нет ничего, что было бы неизвестно тебе».

Маркандея сказал:
Почтив Самосущего, изначального мужа, вечного и бессмертного, я поведу свой рассказ. Тот, (о ком пойдет речь),— это Джанардана, у него огромные продолговатые глаза, и облачен он в желтое. Это существо непостижимое и удивительное, творящий и преобразующий всесозидатель, пречистый и высочайший, безначальный и бесконечный, вездесущий, нетленный и неизменный. Он, созидающий, несозидаем, он сам — источник созидательной силы. Даже боги не знают такого, кто мог бы постичь этого мужа.

Все это чудо свершилось впервые во время гибели вселенной, о лучший из царей, тигр среди потомков Ману! Считают, что Критаюга длится четыре тысячи лет. Столько же столетий занимает ее становление и столько — угасание. Третаюга продолжается три тысячи лет. Столько же сотен лет приходится на ее становление и столько же — на угасание. Продолжительность Двапараюги — две тысячи лет. Ее становление и закат длятся по двести лет.

Калиюга продолжается тысячу лет. На ее становление и закат приходится по сто лет. Обрати внимание на равную продолжительность периодов становления и угасания юги. По окончании Калиюги вновь начинается Критаюга. Общая продолжительность (четырех) юг — двенадцать тысяч лет. Полная тысяча (юг) составляет

день Брахмы. Когда все мешается в обиталище Брахмы, мудрые, о тигр среди потомков Ману, говорят о гибели миров.

На самом исходе юги, последней из тысячи юг, все люди, о бык среди бхаратов, становятся лживыми. В то время, о Партха, соблюдается лишь видимость жертв, даров и обетов. Брахманы занимаются тем, что положено шудрам, а шудры в конце юг наживают богатства или следуют дхарме кшатрия. Во время Калиюги брахманы отступают от принесения жертв и чтения Вед, забывают о поминальных жертвах и едят что придется. Брахманы не творят молитв, в молитвы погружены шудры. Если (все) в мире идет вопреки установленному — это предвестие гибели. Многие млеччхи правят землей, о властитель потомков Ману!

(Эти правители) грешны, их повеления ничтожны, а речи лживы. Андхры, шаки, пулинды, яваны, Камбоджи, аурники, шудры и абхиры властвуют над людьми, о достойнейший из живущих! Ни один брахман в ту пору не следует своей дхарме. И кшатрии, и вайшьи, о владыка людей, тоже не соблюдают того, что им положено. Жизнь (их), бессильных, становится быстротечной, блеск и величие тают, тело слабеет, достоинство падает, и редко звучат правдивые речи. Селения пустеют, все пространства заполняют дикие звери и змеи. С наступлением конца юг брахманы лишь для виду принимают обет безбрачия. «Эй!»—обращаются (к брахманам) шудры, а брахманы отвечают (им): «О почтенный!»

Число живущих в конце юг умножается, о тигр среди потомков Ману! Все запахи, о владыка народов, становятся неприятными, а вкус (пищи) — отталкивающим, о тигр среди мужей! На исходе юги, о царь, женщины делаются низкорослыми, извращенными и производят на свет многочисленное потомство, пренебрегая добропорядочностью и достойным поведением. Селения покроются частоколом сторожевых башен, перекрестки дорог — трезубцами Шивы, а у женщин в конце юги, о царь, волосы станут как пики.

Коровы дают тогда мало молока, о владыка живущих, а деревья, покрытые стаями ворон, почти не цветут и не плодоносят. Дваждырожденные, о хранитель земли, поддерживают царей, запятнавших себя убийством брахманов и ложными обвинениями. Всюду, о покровитель земли, прикрываясь видимостью добропорядочности, кишат, собирая милостыню, дваждырожденные, движимые алчностью и наваждением. В страхе перед тяжестью дани мужи-домохозяева (становятся) мошенниками. (Человек), по виду и платью — отшельник, промышляет торговлей.

Люди для виду растят ногти и волосы. Обеты безбрачия, о тигр среди мужей, ложны и (даются) лишь из стремления к богатству. В обителях творятся беззакония, (там) предаются пьянству, оскверняют ложе наставника и заботятся только о плотских наслаждениях в этой жизни. На исходе юг, о тигр среди мужей, в обителях полно вероотступников, прославляющих радости жизни за чужой счет. Могучий Каратель Паки вовремя не посылает дождя, поэтому семена всходят плохо, о бхарата, зато обильны в то время плоды беззакония, о безупречный!

Короток век того, кто верен своей дхарме, о хранитель земли, ибо не существует в то время такой дхармы, которую следует признавать. При торговых сделках, как правило, обмеривают и обвешивают, торговцы, о тигр среди мужей, прибегают ко всевозможным хитростям. Самые добродетельные подвергаются гонениям, зато последний грешник процветает. Справедливость лишается силы, а беззаконие торжествует.

На исходе юг праведники бедны, и жизнь их коротка, а нечестивцы богаты и здравствуют долгие годы. В ход пускаются самые низкие средства, богатые алчно стремятся даже к самому ничтожному приобретению. Многие люди, о царь, обманом стараются присвоить деньги, доверчиво оставленные им на хранение.

Пожирающие людей существа — птицы и дикие звери — свободно располагаются и в местах городских увеселений, и прямо в святилищах. Женщины семи-восьми лет уже вынашивают плод, о царь, а мужчины в десять-двенадцать лет производят потомство. В шестнадцать лет люди седеют, быстро настигает их смерть. С приближением конца юг, о великий царь, юноши (кажутся) по характеру стариками, а в пожилых проявляется то, что свойственно юным. Тайно обманывая мужей, извращенные, порочные женщины бесстыдно вступают в связь со своими слугами и со скотом.

И вот на исходе тысячи юг, о великий царь, начинается многолетняя засуха — наступает конец жизни. Обитающие на земле живые существа, изголодавшиеся и немощные, гибнут одно за другим, о владыка земли! Семь пылающих солнц выпивают всю воду морей и потоков, о властитель живущих! И дерево, и трава, и сухое, и влажное — все обращается в пепел, о бхарата, бык среди бхаратов!

Затем, о бхарата, на мир, иссушенный солнцами, с вихрем обрушивается пламя конца света. Разоряя землю, проникая в саму преисподнюю, оно вселяет великий ужас в богов, демонов-данавов и якшей. Сжигая мир демонов-змеев и все, что есть на земле, о хранитель земли, (огонь) в один миг губит подземное (царство).

Безжалостный ветер и это пламя конца света разом уничтожают (пространства) в двадцать йоджан, (и это повторяется) сотни, тысячи раз. Сильный пылающий (огонь) пожирает вселенную вместе с богами и асурами, гандхарвами и якшами, демонами-змеями и ракшасами.

Затем появляются в небе удивительные, расцвеченные гирляндами молний тучи, огромные, как стада слонов. Одни тучи темные, как голубой лотос, другие подобны белой лилии, третьи словно тычинки лотоса, четвертые — чуть желтоватые. Некоторые подобны куркумовому корню, другие напоминают вороньи яйца, иные — словно лепестки розоватого лотоса, другие же— (ярко-красные), как киноварь. Одни кажутся величественными городами, другие похожи на стадо слонов, третьи (цветом) напоминают сурьму, четвертые являют вид Макаров Тучи сгущаются, прорезаемые пучками молний; мрачные, с ужасающим грохотом заволакивают они свод небес, о великий царь, и, переполненные водой, заливают всю землю с ее горами, лесами и копями. Зловеще грохочущие тучи, гонимые Всевышним, быстро затопляют все вокруг, о бык среди мужей! (Они) извергают на землю могучую, грозную лавину вод, ужасную и безжалостную, и гасят огонь.

Влекомые тем, кто велик душою, двенадцать лет наплывают тучи, изливая потоки воды. Наконец, о бхарата, океан выходит из берегов, рушатся горы, раскалывается земля. Тучи, покрывавшие весь небосвод, внезапно рассеиваются, гонимые порывами ветра, и тогда, о бхарата — владыка живущих, Самосущий, бог, что обитает в первозданном лотосе, выпивает тот страшный вихрь и погружается в сон.

И теперь, (когда вокруг нет ничего), кроме сплошного грозною океана, после того, как погибло все живое и неживое, исчезли сонмы богов и асуров и нашли свою смерть якши и ракшасы, когда, о хранитель земли, не осталось ни людей, ни зверей, ни растений, один только я брожу, погруженный в себя, в этом мире, лишенном небес. Я странствую по мрачным водам безбрежного океана, не видя ни одного живого существа, о лучший из царей, и наконец меня охватывает глубокая усталость. Долго скитаюсь я в водах, о владыка живущих, не зная сна, и, утомленный, нигде не нахожу себе приюта.

И тут, о властитель земли, среди водных просторов я замечаю однажды огромный мощный баньян. На широких ветвях этого дерева, о владыка людей — хранитель земли, раскинуто ложе, устланное дивными покрывалами, и в нем, о великий царь-бхарата, покоится дитя с лицом словно полная луна и огромными, как (лепестки) распустившегося лотоса, глазами. Я изумлен, о хранитель земли: как уцелело это юное существо во время гибели мира? Я знаю (все) о прошлом, о настоящем и будущем, о владыка живущих, но даже подвижническое размышление не приводит меня к пониманию, что это за дитя. И кажется мне, что в нем, цветом (кожи) напоминающем цветок льна и носящем примету Шриватсы, словно бы поселилась сама Лакшми.

Прекрасное дитя, отмеченное знаком Шриватсы, с глазами как (лепестки) лотоса обращается ко мне, и речь его ласкает мой слух: «Я знаю, о Маркандея, что ты устал и желаешь отдохнуть. Оставайся здесь сколько хочешь, о Бхаргава! Войди в мое тело, о высочайший из отшельников, и пребывай (там). Я благосклонен к тебе и предоставляю приют».

Такие слова младенца вселяют в меня, о бхарата, отвращение и к моему долголетию, и вообще к человеческому естеству. Внезапно дитя открывает уста, и по велению судьбы, против моей воли я оказываюсь втянутым в его рот. Попав в его чрево, о бхарата, владыка живущих, я неожиданно вижу там всю землю, покрытую городами и странами, Гангу, Шатадру и Ситу, Ямуну, Каушики и Чарманвати, Ветравати, Чандрабхагу и Сарасвати, Синдху, Випашу, а также Годавари, Васвокасару, Налини и Нармаду, реку Тамру и благодатную Венну с ясными водами, Сувену и Кришнавену, Маханади, Ираму и Шону, о тигр среди мужей, Вишалью и Кампуну.

И эти, и другие реки, какие только есть на земле, о достойнейший из людей, я вижу, продвигаясь во чреве его, великого духом. Затем, о губитель врагов, моему взору предстает океан — кишащий чудовищами великий хранитель вод, таящий в себе сокровища. Дальше я вижу небосвод, залитый пламенеющими, как солнце или огонь, лучами; и солнце, и луна (разом) сияют на нем. Я вижу, о царь, землю, украшенную лесами.

Погружены в разные жертвоприношения брахманы, пекутся о благе всех варн кшатрии, заняты, как положено, земледелием вайшьи, а шудры усердствуют в услужении дваждырожденным, о царь, владыка живущих!

Перемещаясь во чреве его, великого духом, я вижу, о царь, Химаван и гору Хемакуту, а также Нишадху, Швету, богатую серебром, вижу и гору Гандхамадану, о хранитель земли, Мандару, о тигр среди мужей, и великую гору Нилу, вижу золотую Меру, о великий царь, вижу Махендру и величайшую из гор Виндхью и, кроме того, вижу горы Малаю и Париятру.

И эти, и другие — великое множество гор, расцвеченных всевозможными драгоценными камнями, вижу я в его чреве. По пути, о владыка живущих, властитель мира, мне встречаются всякие твари, какие только водятся на земле: львы, тигры, вепри, змеи и прочие. В его чреве, о тигр средь мужей, владыка живущих и властелин земли, я нахожу небосвод и вижу весь сонм богов во главе с Шакрой и с ними — гандхарвов, апсар, якшей и святых мудрецов, а также множество дайтьев и да-навов, потомков Калаки, сыновей Синхики56 и других из тех, что враждуют с богами.

Словом, все, что я видел на свете живого и неживого, весь этот мир предстает предо мною, пока я скитаюсь во чреве его, великого духом, поддерживая плодами свои силы.

Более ста лет (странствую) я внутри его тела и не вижу ему конца. Я постоянно в пути, тревоги одолевают меня, о царь — владыка народов, но никак мне не выйти за пределы (чрева) великого духом. Тогда вслух и мысленно я обращаюсь, как должно, за покровительством к высочайшему богу, исполнителю всех желаний, и вслед за этим, о царь, быстро, как ветер, вылетаю из раскрытого рта того (бога), великого духом, о достойнейший из живущих!

И вот я вижу, о владыка народов, тигр среди мужей, что на ветвях того же баньяна в том же облике младенца сидит неизмеримо могучий Носитель знака Шриватсы, вобравший в себя весь мир. Сверкающий, лучезарный младенец, одетый во все желтое и отмеченный знаком Шриватсы, о герой, с улыбкою говорит мне: «Скажи, о Маркандея, высочайший из отшельников, хорошо ли ты отдохнул, живя в моем теле?»

В тот самый миг я обретаю способность ворпринимать все по-новому, отчего чувствую себя просветленным и свободным. Я любуюсь беспредельным могуществом (бога), мощь которого не измерить, и с почтением бережно принимаю к себе на голову его славные стопы с медно-красными подошвами и прекрасными розовыми пальцами. Смиренно приблизившись к лотосоокому богу, душе всех живущих, я смотрю на него, покорно сложив ладони. Приветствуя его сложенными руками, я обращаюсь к нему:

«Хочу я узнать, о бог, о тебе и об этом твоем удивительном таинстве. Через рот я проник в твое тело, владыка, и во чреве твоем увидал всю вселенную. В твоем теле, о бог, нашли приют боги и данавы, ракшасы и якши, гандхарвы и демоны-змеи — (весь) мир с тем, что движется и что неподвижно. Твоею, о бог, милостью память о том, как я быстро, безостановочно двигался внутри твоего тела, не покидает меня. Я хочу, о безупречный, узнать о тебе, лотосооком.

Расскажи, почему, поглотив целиком этот мир, ты принимаешь обличье младенца? Отчего весь мир находится у тебя во чреве, о не ведающий упрека, и сколько времени, о гроза недругов, тебе суждено здесь находиться? Питая любовь к Брахме, хочу я услышать от тебя подробный и правдивый (рассказ), о владыка богов с глазами как лепестки лотоса! То, что я видел, могучий, — величественно и непостижимо». И после того как я обращаюсь к славному, лучезарному богу богов с такими словами, лучший из тех, что умеют вести беседу, поощряя меня, отвечает.
*Такова в книге «Лесная» великой «Махабхараты» сто восемьдесят шестая глава.*

ГЛАВА 187

Бог сказал:
Без сомнения, брахман, сами боги не знают точно, каков я.
Но я расположен к тебе и поведаю, как я создаю это. Ты почитаешь предков, святой мудрец, и, кроме того, попросил у меня покровительства. Велик твой обет воздержания, потому ты и видишь меня пред собою воочию.

Воду называют «нара», это я дал ей имя, но ведь вода— это место, где я пребываю, оттого и зовусь я Нараяна58. Я Нараяна, о лучший из дваждырожденных, первопричина (бытия) , я — вечный и неизменный творец всех существ и их губитель. Я — Вишну, я — Брахма, и я же — Шакра, властитель богов; я — царь Вайшравана, и я — Яма, владыка усопших. Я и Шива, и Сома, и властелин живущих Кашьяпа. Я и Дхатри, и Видхатри, о высочайший из дваждырожденных, я и сама Жертва.

Огонь — это мои уста, земля — мои стопы, луна и солнце — глаза, небосвод, ограниченный горизонтом, — мое тело, а воздух — мой разум. Это мною принесены многие сотни обильных дарами жертв, и мне же приносят жертвенные дары знатоки Вед во время жертвоприношения богам. Мне приносят жертву, уповая на небеса, Индры среди кшатриев, властвующие на земле, а также вайшьи, стремящиеся попасть в мир небес. Это я в образе Шеши поддерживаю землю, ограниченную четырьмя морями и украшенную (горами) Меру и Мандарой.

Когда-то, о брахман, я принял вид вепря и (клыком) с силой приподнял мир, тонувший в воде. Обратившись огнем «Пасть кобылицы», я выпиваю взволновавшиеся воды, о лучший из дваждырожденных, и изливаю их вновь. Моею волей в должном порядке появились на свет из уст моих брахманы, из рук — кшатрии, из бедер — вайшьи, из ног — шудры. Ригведа и Самаведа, Яджурведа и Атхарваведа произошли от меня и в меня же уходят.

Смиривши душу подвижники-брахманы, стремящиеся к освобождению, те, что считают (душевный) покой высочайшим благом и победили в себе страсть, гнев и ненависть, отрешившиеся от мира безгрешные праведники, которым чужда гордыня и которые всесторонне познали Высочайший дух, всегда почитают меня, предаваясь (благим) размышлениям. Я — пламя конца мира, я — Яма конца мира, я — солнце конца мира, я — ветер конца мира. Знай, лучший из дваждырожденных: то, что считают звездами на небесах, это формы моего (проявления).

Знай: моря, кладези сокровищ, и четыре стороны света — это мое пристанище и приют, мое ложе. Страсть, гнев и радость, страхи и наваждение — во всем этом я, знай же, достойнейший!

То, о брахман, чего достигают люди благими деяниями, (преданностью) истине, дарами, суровым подвижничеством и тем, что не причиняют вреда живым существам, (они достигают) потому, что так порешил я. Обитая в моем теле, они действуют не по собственной воле: их разумом управляю я. Знай: я и есть то великое благо, которого достигают глубоким знанием Вед и разными жертвоприношениями дваждырожденные, победившие гнев и смиривши свою душу. (Благо такое), о мудрый, недостижимо для низких, бесчестных (людей), для тех, что совершают дурные поступки и обуреваемы алчностью. Это итог добрых деяний, недоступный невеждам путь, на который вступают йоги.

Всякий раз, когда отступает справедливость и торжествует беззаконие, о достойнейший, я воссоздаю сам себя. Когда в этом мире появляются страшные ракшасы и (злобные) дайтьи, приверженные насилию, те, с которыми не в силах расправиться могущественнейшие из богов, тогда в человеческом облике я рождаюсь в (одной) из благочестивых семей и всех усмиряю. Я созидаю богов, людей, гандхарвов, демонов-змеев, ракшасов и весь неживой мир, я же и уничтожаю (их) тайною силою. Когда настает время действовать, я выбираю форму (для воплощения) и, приняв человеческий облик, приступаю к созиданию, чтоб (возродить) узы закона. Во времена Критаюги мой цвет — белый, во время Третаюги — желтый, Двапараюги — красный, а Калиюги — черный, потому что именно в этот период преобладает на три (четверти) беззаконие.

Я являюсь жестоким роком, когда наступает время конца, и один уничтожаю три мира со всем, что в них движется и что неподвижно. Тремя шагами я прохожу (вселенную), (я) — мировой дух, источник благоденствия всех миров, (я) превыше всего, всепроникающ и бесконечен, (я) — широко ступающий Хришикеша. Я один, о брахман, привожу в движение не имеющее формы, влекущее к гибели все живое колесо времени, которое направляет все в мире. Это я, о достойнейший из подвижников, Индра премудрых, наделил душою все сущее, но никто не (способен) познать меня. И если ты, о безупречнейший из дваждырожденных, перенес какие-то тяготы, (пребывая) во мне, так все это (послужит) твоему же счастью и благу. Это я вселил душу во все, что ты видел в
мире движущегося и неподвижного, наиславнейший из отшельников! Прародитель вселенной — половина моего тела.

Имя мое — Нараяна, мои знаки — раковина, диск и палица.
Пока не пройдет тысяча юг, о святой мудрец, все это время я, дух вселенной и прародитель миров, пребываю во сне. До тех пор, пока не пробудится Брахма, о достойнейший из подвижников, я пребываю здесь в образе юного существа, хотя вовсе не молод. Не раз, обернувшись Брахмой, я милостиво давал тебе этот дар, о брахман, почитаемый множеством мудрецов-брахманов. Я знал, что тебя испугает вид сплошного, бескрайнего океана, в котором погибло (все) — и живое, и неживое, и тогда я показал тебе мир. Когда ты попал в мое чрево и увидел вселенную, от изумления ты растерялся. Потом, о премудрый брахман, я (поспешил) выпустить тебя через рот. Я открылся тебе, а ведь ни боги, ни демоны не способны познать меня.

Пока не пробудится (к действию) великий Брахма, суровый подвижник, живи здесь спокойно и счастливо, о мудрец-брахман! Когда же очнется от сна Прародитель вселенной, о высочайший из дваждырожденных, я один из себя самого сотворю и небо, и землю, и свет, и ветер, и воду — словом, все, что есть в мире движущегося и неподвижного.

Маркандея сказал:

С такими словами тот бог, величайшее чудо, исчез, и я увидел, что появилось множество разных тварей. (Всякий раз) на исходе юг я созерцал это чудо, о царь, первый из бха-ратов, лучший блюститель всех дхарм! Тот бог с глазами, подобными лотосу, который явился мне некогда, — это родственник твой Джанардана, о тигр среди мужей! Он даровал мне, о Каунтея, дар памяти (об этом чуде), и потому долог мой век и сама смерть мне подвластна. Это был Кришна Варшнея, великий изначальный муж Хари с могучими десницами и непостижимой душой, словно играющий (миром). Сатвата и устанавливает, и распределяет, и разрушает. Могучий Говинда носит на груди знак Шриватсы, повелевая самим Владыкой живущих. Когда я увидел этого тигра из рода Вришни, мне на память пришло, что это — облаченный в желтое Вишну, муж нерожденный. Мадхава — это отец и мать всего сущего. Просите его, спасителя, о покровительстве, быки из рода Куру!
*Такова в книге «Лесная» великой «Махабхараты» сто восемьдесят седьмая глава.*

ГЛАВА 188

Вайшампаяна сказал:
После таких слов сыновья Притхи и двое близнецов, быки среди мужей, вместе с Кришною-Драупади приветствовали Джанардану. А тот, о тигр среди мужей, когда его почтили как должно, приветил их, достойных почестей, ласковым словом. Потом Юдхиштхира, сын Кунти, спросил как правитель великого отшельника Маркандею о будущем мира: «Поистине удивительно, о подвижник Бхаргава, лучший из сказителей, то, что мы услышали от тебя о гибели и возрождении (мира) с началом юг.

Теперь меня интересует Калиюга: что же будет, если станут нарушаться дхармы? Какова будет сила людская на исходе юг, что будут люди есть и как развлекаться, сколько лет они будут жить и во что одеваться? С какого времени снова начнется Крита (юга)? Поведай (об этом) подробно, отшельник! Ты рассказываешь удивительные (истории)». Великий старец, первый из подвижников, к которому обратился (Юдхиштхира), снова повел рассказ, к радости тигра из рода Вришни и сыновей Панду.

Маркандея сказал:
Внемли мне, о бык среди бхаратов! Я расскажу тебе о том, что ожидает мир, когда наступят черные дни. Во время Крита (юги) дхарма — как бык о четырех ногах, она властвует над людьми безраздельно, без хитростей и обмана. (Настает) Трета(юга), и тогда (дхарма) сохраняет лишь три (четверти) своей силы, четвертая же часть повергнута беззаконием.

А во время Двапара(юги) дхарма уже наполовину вытеснена беззаконием. Затем несправедливость на три (четверти) воцаряется в мире, а на долю людской добродетели приходится лишь четвертая часть. Знай, о Пандава, с каждою югой уменьшается продолжительность жизни людей, (слабеют) их мужество, ум, сила, духовная мощь. Цари, брахманы, вайшьи и шудры, о Юдхиштхира, постепенно станут соблюдать лишь видимость дхармы.

Люди станут торговать дхармой, точно мясом. Те, кого в мире считают учеными, забудут об истине, а утрата ее сократит их век. Из-за краткости жизни они будут не в силах постичь науку, жадность овладеет невеждами, лишенными знания. Люди алчные, злобные и глупые под влиянием низких страстей погрязнут в смертельной вражде. Смешаются между собой брахманы, кшатрии, вайшьи и (все) они уподобятся шудрам, пренебрегая истиной и покаянием. Низкие станут средними, а средние — низкими. Таков будет мир с наступлением конца юг.

Самой лучшей из одежд будет шани, (самым ценным)
зерном — корадушака. Мужи обретут в своих женах врагов на исходе юг. Люди будут питаться мясом рыб, доить коз и овец, а коровы падут на исходе юг. Грабя и убивая друг друга, люди забудут молитвы, превратятся в воров и убийц и утратят веру в богов на исходе юг. Они будут мотыгами (вскапывать) берега рек и сеять зерно только там, но и тут урожаи будут ничтожными на исходе юг. Даже те, что всегда были тверды в обете, что (почитали) богов и (приносили) поминальные жертвы, и то, охваченные алчностью, будут убивать друг друга. Отец пойдет против сына, а сын против отца. Запретная пища будет в ходу на исходе юг.

Брахманы, погрязшие в разглагольствованиях, будут хулить Веды, оставив свои обеты, принесение жертв и возлияние огню. Люди станут возделывать низины, в ярмо впрягать коров, а для перевозок использовать годовалых телят. Сыновья бестрепетно будут убивать отцов, а отцы — сыновей, причем будут хвалиться (такими деяниями), не встречая (нигде) осуждения.

Горестный мир, забывший о жертвоприношениях, обрядах и празднествах, целиком заполонят млеччхи. Станет правилом для людей отбирать достояние у бедняков, даже у многосемейных и вдов. Утратив силу и

мужество, смирившись с грешным существованием, надменные мужи, ослепленные жадностью, будут милостивы даже к нечестивцам, радуясь обещанию дара.

Станут низки, о Каунтея, помыслы царей-невежд, слывущих мудрецами, будут они стремиться уничтожить друг друга в постоянных междоусобицах, а кшатрии станут тернием людским на исходе юг: не защитники, а стяжатели, надменные, упоенные почестями, будут они находить удовольствие лишь в наказании. Станут они постоянно преследовать праведников и без всякого сострадания к их слезам, о бхарата, будут захватывать их жен и имущество. Девушек не будут ни сватать, ни выдавать замуж: они сами будут искать себе мужей в конце юг. Лишившись ясности разума, ненасытные цари всеми способами будут присваивать чужое имущество, когда настанет конец юг.

Весь мир, о бхарата, заполонят млеччхи, и (левая) рука будет красть из (правой), когда придет конец юг. Люди, слывущие в мире учеными, утратят истину, у стариков будет разум ребенка, а у детей — стариковский ум. Будут слыть героями робкие, а храбрецы будут жалки, как трусы, и никто никому не решится верить, когда наступит конец юг.

Весь мир, пораженный алчностью и ослеплением, будет есть единую пищу, (не различая запретного), восторжествует великая несправедливость, и не будет дхармы. Не останется ни брахманов, ни кшатриев, ни вайшьев, о владыка людей, будет в мире одна только варна, когда настанет конец юг. Отец не пощадит своего сына, а сын — отца, и жены не будут заботиться о своих мужьях. Питаясь вареным ячменем и пшеницей, население в конце юг устремится в те края, (где они произрастают). Употребляя в пищу все что угодно, о владыка народов, мужи и жены станут нетерпимы друг к другу, когда наступит конец юг.

Весь мир, о Юдхиштхира, заполонят млеччхи, и люди перестанут ублажать праотцев поминальными жертвами. Не будет учеников, не будет наставников, и мир погрузится во мрак, о владыка живущих! Предельный возраст в конце юг будет шестнадцать лет, а потом (люди) будут расставаться с жизнью. Девочки будут производить потомство на пятом-шестом году жизни, а мальчики уже в семь-восемь лет будут отцами. В конце юг, о царь-тигр среди царей, муж не сможет доставить наслаждение своей жене, а жена — своему мужу.

Из-за всякой мелочи, по ничтожному поводу будут возникать ссоры, и никто никого не будет одаривать в конце юг. Селения покроются частоколом сторожевых башен, перекрестки дорог — трезубцами Шивы, а у женщин в конпо юги волосы станут как пики. В последнее время люди, оез исключения, станут жестокими, всепожирающими млеччхами, страшными в каждом своем деянии. Из жажды обогащения в конце юг каждый будет стараться обмануть другого при любой торговой сделке, о лучший из бхаратов! Обряды будут совершаться без достаточных знаний, когда наступит конец юг, и исполнять их станут как придется.

По истечении юг все люди от природы будут жестоки в своих деяниях и подозрительны друг к другу. Без всякой нужды будут губить они деревья и целые рощи, и тогда придет конец всему живому и сущему в мире. Гонимые алчностью, (люди) будут рыскать по белу свету, выдывая себя за брахманов, поскольку брахманов полагается одаривать.

Преследуемые шудрами, дваждырожден-ные, стеная, будут скитаться по земле, подавленные страхом, и (нигде) не смогут найти себе заступника. Когда люди, жестокие и безжалостные, станут губить живое и уничтожать сущее, (значит), настал конец юг. В поисках пристанища дваждырожденные в ужасе будут метаться близ рек, по горам и глухим местам, о продолжатель рода Куру!

В страшное время конца юг лучшие из дваждырожденных, о царь — хранитель земли, преследуемые, как вороны, дасью и злыми царями, непрестанно страдая от тяжести дани, утратят свою стойкость и в угоду шудрам будут делать обратное тому, что им положено. Шудры будут толковать дхарму, а брахманы — слушать их с почтением и верой.

Все смешается в этом мире: то, что было высоким, станет низким, люди покинут богов и станут поклоняться бренным останкам, а шудры на исходе юг перестанут служить дваждырожденным. Храмы богов, украшающие землю, исчезнут по истечении юг; в обителях великих святых мудрецов и в убежищах брахманов, в святилищах чайтьях и в местах, где укрываются (демоны)-змеи, будут храниться как реликвии останки бренной плоти, и это признак конца юг.

Когда огрубевшие люди, забыв о дхарме, будут употреблять в пищу мясо и беспробудно пьянствовать, это конец юг. Когда, о царь, из цветка будет появляться цветок, а из плода — таящийся в нем плод, тогда, о великий парь, настанет конец юг. Парджанья не будет вовремя посмлать дождь на исходе юг, нарушится ход людских обрядов, а низкие затеют вражду с брахманами.

Всю землю быстро заполонят млеччхи, и брахманы в страхе перед тяжестью дани разбегутся на все десять сторон. Населения деревень, теснимое потоками (пришельцев), без разбору устремится в обители и станет питаться кореньями и плодами. Все смешается в мире: исчезнет добропорядочность и ученики не будут следовать наставлениям (своего учителя), причиняя (ему) обиды.

В ту пору даже наставнику будут давать в долг под залог, а друзья (его) и родные устремятся в поисках приобретений. Настанет конец всему сущему на исходе юг.

Запылает тогда весь небосвод и движущиеся созвездия, нарушится ход светил и спутаются (направления) ветров, страшное зрелище будет являть частый дождь метеоров. Рядом с солнцем будут сверкать шесть других, и все они вместе с шумом и треском воспламенят небеса; Кабандха будет скрывать солнце при восходе и при заходе. Тысячеокий не будет вовремя посылать дождь, и зерна перестанут прорастать, когда наступит конец юг.

Женщины постоянно будут грубы, дерзки в речах и слезливы и откажутся исполнять волю своих мужей. Сыновья будут убивать родителей на исходе юг, а женщины с помощью сыновей станут губить своих супругов. Раху в конце юг будет поглощать солнце не только в положенный день, о великий царь, и повсюду запылает огонь.

Молящие о питье и еде путники не получат пристанища и, отвергнутые, будут ложиться прямо на дорогу. Зловещие вороны, змеи, грифы и (другие) птицы и звери будут издавать резкие звуки, когда наступит конец юг. На исходе юг люди отрекутся от друзей и родных и от тех, кто им служит, и постепенно (все) разбредутся в разные стороны и края, города и селения. Люди будут скитаться по белу свету, горестно призывая друг друга: «О отец мой!», «О сын!»

В жестоких муках пройдет конец юг, а потом своим чередом возродится (весь) мир, начиная с дваждырожденных. Через определенное время судьба будет вновь неожиданно благосклонна к миру. Луна, Солнце, Тшпья и Брихаспати сойдутся под одним знаком зодиака, и тогда (снова) начнется Крита (юга). Парджанья будет вовремя посылать дождь, (положение) звезд станет благоприятным, и планеты будут следовать точно по своим орбитам слева направо.

Наступит покой, изобилие, благоденствие и процветание. Час пробьет, и появится дваждырожденный по имени Калки Вишнуяшас, наделенный великою силой, умом и могуществом. Явится он на свет в достойной брахманской семье в деревне Самбхала и силою духа возродит оружие и всевозможные средства передвижения, воинское облачение, доспехи и панцири. Этот царь, побеждающий дхармой, примет верховную власть и внесет покой в мятущийся мир.

Сверкающий брахман, высокий помыслами, явившись (миру), положит конец разрушению. Так всеобщая гибель станет началом (новой) юги. Этот дваждырожденный вместе с брахманами уничтожит разбежавшиеся повсюду жалкие шайки млеччхов.
*Такова в книге «Лесная» великой «Махабхараты» сто восемьдесят восьмая глава.*

ГЛАВА 189

Маркандея сказал:
Уничтожив злодеев, он, как должно, воссоздаст землю для дваждырожденных во время великого жертвоприношения коня. Тот (брахман), чьи деяния овеяны доброю славой, возродит честные порядки, установленные Самосущим, а сам, дожив до старости, удалится в лес. Живущие в мире люди станут следовать его образу жизни, и, когда дваждырожденные искоренят зло, воцарится покой. Оставляя в покоренных странах шкуры черных антилоп, копья, трезубцы и (другое) оружие, Калки, тигр среди дваждырожденных, прославляемый Индра-ми среди брахманов, будет ступать по земле, почитая лучших из дваждырожденных, всегда готовый покарать дасью. «Отец!», «Сын!» — будут отчаянно взывать они; многим из дасью он принесет смерть.

С началом Критаюги исчезнет беззаконие, восторжествует дхарма и люди, о бхарата, вернутся к своим делам. Во время Критаюги вновь появятся сады и чайтьи, пруды и пещеры, различные жертвоприношения и обряды. Появятся брахманы и святые старцы, мудрецы и отшельники, пристанища неверных займут люди, преданные истине. Взойдут все посеянные семена, и всякое зерно будет родится в любое время года, о Индра царей!

Люди станут усердно раздавать дары, соблюдать обеты а ограничения. Брахманы, полные благих устремлений, с радостью предадутся молитвам и жертвоприношениям, и цари будут править землей в согласии с дхармой. Во время Критаюги вайшьи будут заниматься торговлей, брахманы будут ревностно соблюдать шесть своих обязанностей, кшатрии станут надежно охранять (людей), а шудры будут усердно служить трем этим варнам.

Теперь тебе известен закон Критаюги, Тре-таюги, Двапараюги и последней из юг. Весь мир знает только число юг, о Пандава, я же поведал тебе все о прошлом и будущем (мира) согласно прославленной мудрецами пуране, которую возвестил некогда Ваю.

Долго живу я на свете, много раз довелось мне увидеть и испытать на себе такой ход мировых событий, и о нем я поведал тебе. Чтоб исчезли твои сомнения относительно дхармы, о стойкий, вместе с братьями выслушай мою речь. Пусть душа твоя, о лучший из хранителей дхармы, будет всегда в согласии с дхармой: ведь царь, если он добродетелен, испытывает блаженство и в этой жизни, и после смерти. Внемли благому совету, который я дам тебе, о безупречный: никогда не оскорбляй брахмана, ибо брахман во гневе силою своего обета может уничтожить миры.

Вайшампаяна сказал:

Выслушав речь Маркандеи, мудрый царь, лучезарный, лучший из куру, спросил достойно: «Какую дхарму положено мне вершить как защитнику подданных, о премудрый, и как должен я поступать, чтобы не отступить от своей дхармы?»

Маркандея сказал:
Будь милосердным ко всем существам благодетелем, любящим и незлобливым, ревностно защищай подданных, как детей своих, придерживайся дхармы, почитая богов и предков, и сторонись несправедливости. Допустил ты оплошность — искупи ее достойными дарами. Не гордись и всегда будь смиренен, а покоришь всю землю — радуйся и ликуй. Этим возглашена тебе дхарма прошлого и будущего.

Нет ничего на земле ни в прошлом, ни в будущем, что было бы не известно тебе. Потому не терзайся своей бедой: такая судьба, о мощнорукий, (может постичь) и любого из небожителей — ведь все живое, побуждаемое роком, может ввергнуться в заблуждение. Да не усомнишься ты в том, что я поведал тебе, о безупречиый! Сомнение в моих словах нанесет ущерб твоей дхарме. Ты рожден в славном роду Куру, о бык среди бхаратов! И делом, и мыслью, и словом следуй всему тому, (о чем я сказал).

Юдхиштхира сказал:
О лучший из дваждырожденных, я буду усердно следовать твоему наставлению, которое прозвучало, о могучий, в твоей приятной для слуха речи. Нет во мне алчности, о Индра среди премудрых, нет страха и зависти, и я готов соблюдать все, о чем ты поведал, владыка!

Вайшампаяна сказал:
Услышав слова великого духом Пандавы, возликовали Пандавы и Тот, кто владеет луком Шарнгой, о царь! После достойной повести мудрого Маркандеи о древних временах онг пребывали в изумлении от услышанного.
*Такова в книге «Лесная» великой «Махабхараты» сто восемьдесят девятая глава.*

# ПОВЕСТЬ О ЛЯГУШКЕ

ГЛАВА 190
Вайшампаяна сказал:
«Расскажи мне еще о величии брахмана», — обратился сын Панду, (Юдхиштхира), к Маркандее, и Маркандея продолжил рассказ: «Царь по имени Парикшит из рода Икшваку в Айодхье отправился раз на охоту. Далеко завлекла его антилопа, которую он преследовал на своем единственном коне.

Усталый, измученный жаждой и голодом, в каком-то краю увидел он на пути зеленую рощицу и углубился в нее. Посредине леска он заметил прелестное озеро и въехал туда вместе с конем. Освежившись, он бросил коню стебли лотоса, а сам расположился на берегу. Лежа (у озера), услышал он звуки прекрасной песни. Услышал и подумал: «Здесь не видно ничьих следов, так кто же это поет?».

Тут он увидел очаровательную девушку. Она собирала цветы и пела. Когда она подошла поближе, царь спросил ее: «Кто ты, красавица?» Она ответила: «Я — дева». Царь сказал ей: «Я желаю тебя». На это девушка

отвечала: «Ты сможешь мною владеть, но при одном условии, не иначе». Царь спросил, какое же это условие, и девушка сказала: «Я не должна видеть воду». Царь согласился, и стали они мужем и женой.

Пока царь находился (с нею), за ним пришло его войско. Увидели (воины) царя и плотным кольцом окружили его. Отдохнувший царь на одном паланкине с нею тронулся в (обратный) путь. Добравшись до города, он поспешил с ней уединиться и предался наслаждениям, забыв обо всем на свете.

Однажды главный советник (царя) спросил у женщин, которые ей прислуживали: «Для чего вы приставлены?», на что те отвечали: «Удивительное дело: никто не должен проносить сюда воду!». Тогда советник повелел насадить полный цветов, плодов и кореньев, но лишенный воды лес с высокими деревьями и сказал царю, нарушив его уединение: «В этом прекрасном лесу совсем нет воды. Там ты можешь спокойно предаваться наслаждениям».

По его совету (царь) с царицей отправились в лес. Некоторое время они побыли в этом дивном лесу, а по том стала одолевать царя жажда и мучить голод. Безмерно усталый, увидал он беседку из атимукты. Вошли туда царь и его возлюбленная и увидели полный чистой воды водоем с тщательно выбеленным дном95. (Царь) с супругой остановились на берегу. Тут и говорит царь царице: «Хорошо бы тебе окунуться в озерную воду».

Послушная его воле, спустилась она к пруду, погрузилась (в воду) и больше не выплыла. Искал ее царь, но не нашел. И только когда пруд осушили, он увидел у входа в нору лягушку и в гневе приказал: «Истребить всех лягушек! Кто желает чего-либо от меня — пусть угождает мне, принося мертвых лягушек!».

Ужас объял лягушек, когда их стали жестоко повсюду уничтожать. Напуганные, рассказали они обо всем, что случилось, лягушачьему царю. Тогда царь лягушек, приняв вид отшельника, отправился к царю (Парикшиту). Пришел и сказал ему: «Не давай воли гневу, о царь! Смилуйся. Ты не должен губить ни в чем не повинных лягушек. Вот две шлоки как раз о тебе:

Не стремись уничтожить лягушек, сдержи гнев, о стойкий! У людей неразумных прахом идет их большое богатство. Знай: ты ее не вернешь, если дашь волю гневу. Ты совершаешь несправедливость: что тебе толку от убитых лягушек?».

Душу царя томила тоска по возлюбленной, и он ответил на это: «Я не могу такого простить и уничтожу их (всех). Эти негодницы поглотили мою любимую. Я буду везде убивать лягушек. И ты, о мудрец, не пробуй меня останавливать». Услышав такое, тот с тревогой в душе, в смятении чувств сказал: «Смилуйся, царь! Я — властелин лягушек по имени Аю.

То была моя дочь, имя ее Сушобхана. Таков уж дурной ее нрав: многих царей она обманула до (тебя)». Сказал ему царь: «Я желаю ее. Отдай ее мне». Тогда отец отдал свою дочь царю и сказал ей: «Будь послушна ему». И добавил: «Из-за того что ты была лжива — обманывала царей, дети твои будут непочтительны к брахманам».

А царь, сердце которого пленили ее ласки и чары, соединившись с ней, (ликовал) так, словно обрел власть над тремя мирами. Поклонился он лягушачьему царю, почтил его и сказал голосом, в котором звучали слезы радости: «(Ты) оказал мне честь». Царь лягушек простился с зятем и пошел восвояси.

И вот через некоторое время родилось у царя трое сыновей: Шала, Дала и Бала. В назначенный день отец посвятил на царство старшего из них, Шалу, а сам, задумав предаться подвижничеству, удалился в лес. Однажды Шала отправился на охоту. Попалась ему антилопа, и стал он на колеснице преследовать ее, крикнув вознице: «Вези поскорей!» Колесничий ответил царю:

«И не пытайся — тебе не догнать антилопу. Вот если бы в твою колесницу были впряжены Вамьи...». Тогда царь приказал вознице: «Расскажи мне о (конях) Вамьях, или же я убью тебя!». Боясь царя и в то же время страшась проклятия Вамадевы, (возница) сказал: «Вамьи — кони Вамадевы, быстрые, как мысль». Тогда царь приказал: «Поезжай в обитель Вамадевы!».

Явившись в обитель, он сказал святому мудрецу: «О владыка, ранил я антилопу, но она убегает. Я настигну ее, если ты дашь мне Вамьев». Ответил ему святой мудрец: «Я дам тебе Вамьев, но, когда ты достигнешь цели, ты тут же вернешь (их) мне. Получил царь коней, простился со святым мудрецом и на колеснице, в которую были впряжены Вамьи, отправился в погоню за антилопой. В пути он сказал вознице: «На что брахману эти чудо-кони? Не стоит их возвращать Вамадеве». С этими словами он настиг антилопу, а (потом), вернувшись в свой город, поставил коней во внутренние покои дворца.

А святой мудрец тем временем думал: «Юный царевич наслаждается, достигнув желанной цели, потому и не возвращает (их) мне. А жаль!». Прошел месяц, (мудрец все) обдумал и сказал своему ученику: «Ступай, Атрея, скажи царю: если он добился того, (чего хотел), пусть вернет Вамьев наставнику". Тот пошел и сказал об этом царю. Царь ответил ему: «Это царские кони. Брахманы недостойны таких сокровищ. И на что кони брахманам? Ступай себе!». Тот вернулся и передал это наставнику. Выслушал Вамадева столь неприятное известие, и гнев обуял его. Сам пошел он к царю и потребовал (возвратить) коней, но царь (их) не отдал. Вамадева сказал:

Отдай мне Вамьев, о царь, ты же достиг того, что не под силу другому. Да не покарает тебя страшными арканами Варуна, разделяющий брахманов и кшатриев!.

Царь сказал:
Брахманам для передвижения достаточно пары добрых быков в хорошей упряжи, о Вамадева! Ези на них, сколько тебе нужно, о великий святой мудрец! И, кроме того, подобных тебе переносят с места на место священные гимны.

Вамадева сказал:
Верно, священные гимны переносят таких, как я, но так бывает в мире ином, о царь! В этом же мире, о царь, и я, и другие, подобные мне, пользуются именно этим средством передвижения.

Царь сказал:
Пусть тебя возят четыре осла, самые лучшие мулы или гнедые скакуны! Ези на них, а эти кони — для кшатрия. Запомни: Вамьи мои, а не твои.

Вамадева сказал:
Суров обет брахмана — так говорят (люди). И потому, о царь, если я соблюдаю его, то пусть ты будешь четвертован и вздернут на страшных, огромных и острых железных пиках.

Царь сказал:
Пусть, Вамадева, те, которые знают, как ты, брахман, убиваешь мыслью, словом и делом, повинуясь моей воле, возьмут в руки мечи и острые пики и повергнут тебя (на землю)
вместе с твоими учениками.

Вамадева сказал:
Не стоит, о царь, касаться ни мыслей, ни слов, ни деяний брахманов. Мудрый, предаваясь подвижничеству, приближается к Брахману и тем становится выше всех еще в этой жизни.

Маркандея сказал:
Едва Вамадева это промолвил, о царь, появились ужасные ракшасы и с копьями в руках бросились на царя. Он громко воскликнул тогда: «Если, о Брахма, мне покорны Дала, род Икшваку, а также другие народы, я не отдам Вамадеве Вамьев: такие, как он, недостаточно добродетельны». С этими словами властитель упал на чемлю, сраженный ятудханами».

Узнав о гибели царя, потомки Икшваку посвятили на царство Далу. Опять явился ко двору премудрый Вамадева и обратился к царю Дале с такими словами: «Все дхармы, о царь, говорят, что брахманов надо одаривать. Если ты, о Индра людей, боишься греха, то верни мне скорее Вамьев». Услышав такие слова Вамадевы, царь в гневе сказал колесничему:

«Дай-ка мне красивую отравленную стрелу, одну из тех, которые ты держишь. Пронзенный ею, да упадет Вамадева бездыханным, и пусть собаки разорвут его (тело) на части!».

Вамадева сказал:
Я знаю, о Индра людей, что у тебя от царицы есть сын десяти лет по имени Шьенаджит. Слушай мою волю: своими страшными стрелами ты убьешь сейчас своего любимца.

Маркандея сказал:
Едва Вамадева, о царь, произнес эти слова, как царевич упал замертво во внутренних покоях дворца: в него угодила стрела устрашающей мощи. Услышав об этом, Дала сказал: «Я доставлю вам радость, потомки Икшваку: истерзаю, замучу, убью его! Принесите еще одну страшной мощи (стрелу). Сейчас вы узнаете мою силу, о владыки земли!».

Вамадева сказал:

Эту грозную, отравленную ядом стрелу, которую ты приготовил для меня, эту лучшую из стрел, о Индра людей, ты не сможешь даже нацелить (в меня), а не то что метнуть.

Царь сказал:
Смотрите, потомки Икшваку, я действительно не могу метнуть стрелу, которую держу в руках! Мне не под силу его покарать. Пусть здравствует древний Вамадева!

Вамадева сказал:
Коснись стрелою царицы, тем самым ты очистишься от греха.

Маркандея сказал:
Так царь и сделал. Тут царица обратилась к мудрецу: если верно, о Вамадева, что я, ежедневно общаясь с (царем), наставляла его и почтительно обращалась с брахманами, то пусть я достигну, о брахман, мира благих!"

Вамадева сказал:
Ты спасла царский род, о прекрасноокая! Выбирай себе дар. Я дам тебе такое, чему нет равных: повелевай своими близкими, о царская дочь, и правь великим царством Икшваку, о безупречная!

Царица сказала:
Я выбираю единственный дар, о владыка: пусть сейчас же очистится от греха мой супруг. А ты позаботься о благе его сыновей и родственников. Вот какой дар выбран мною, о лучший из дваждырожденных!

Маркандея сказал:
Выслушав речь царицы, о герой среди куру, мудрец изрек: «Да будет так!». Возликовал тогда царь и с поклоном отдал ему обоих Вамьев».
*Такова в книге «Лесная» великой «Махабхараты» сто девяностая глава.*

# ПОВЕСТЬ ОБ ИНДРАДЬЮМНЕ

ГЛАВА 191

Вайшампаяна сказал:
Святые мудрецы и Пандавы спросили Маркандею: «Есть ли еще кто-нибудь, кто был бы древнее тебя?» Тот ответил им: «Есть — это мудрец-царь по имени Индрадьюмна. Лишившись благих заслуг, он был изгнан с третьего неба (со словами): «Славе твоей конец!». Пришел он ко мне: «Узнаешь ты меня?». Я ответил ему: «Мы не поддерживаем себя напитком долголетия, но достигаем целей, умерщвляя собственную плоть. Живет на Химаване сова по имени Пракаракарна. Может, она знает тебя? Далек путь к Химавану. Там она и живет». Обернувшись конем, привез он меня туда, где жила сова. Спросил ее мудрец-царь: «Ты узнаешь меня?».

Та немного подумала и сказала: „Нет, я не знаю тебя". Мудрец-царь Индрадьюмна снова спросил сову: «Есть ли еще кто-нибудь, кто был бы древнее тебя?». На это (сова) ответила: «Есть озеро под названием Индрадьюмна. Там живет журавль, и зовут его Надиджангха. Он старше меня. Спроси у него». Тогда Индрадьюмна, захватив меня и сову, отправился к озеру, где жил журавль по имени Надиджангха. Мы спросили его: «Знаешь ли ты царя Индрадьюмну?». Тот секунду подумал и сказал: «Нет, я не знаю царя Индрадьюмны». Тогда мы спросили его: «Есть ли еще кто-нибудь, кто был бы древнее тебя?» Он нам ответил: «Здесь же на озере живет черепаха по имени Акупара. Она старше меня. Давайте спросим ее: может, она знает того царя".

И журавль позвал черепаху Акупару: «Есть у нас к тебе дело, надо спросить у тебя кое о чем. Пожалуй же (к нам)». Услышала это черепаха, выползла из озера и подошла туда, где мы стояли на берегу. Когда она приблизилась (к нам), мы спросили ее: «Ты знаешь царя Индрадьюмну?».

Она призадумалась на минуту, и вдруг глаза ее налились слезами, сердце затрепетало, и, дрожа, едва не лишившись чувств, она ответила, смиренно сложив ладони: «Как мне не знать его? Это он когда-то давным-давно тысячу раз пользовался мною как алтарем для жертвенного огня. Это озеро, (где я живу), вырыто копытами коров, принесенных им в дар брахманам. Здесь я и обитаю».

Едва прозвучали слова черепахи, тут же из мира богов явилась небесная колесница, и Индрадьюмна услышал:

«Тебе уготованы небеса. Ступай же туда, где тебе подобает быть.
Славен ты! Иди спокойно!
(Говорят) что слава о благом деянии
(Распространяется) по земле и достигает небес.
Пока живет эта слава, помнят о человеке.
Тот, о ком в мире идет дурная молва,
Падает все ниже и ниже, пока живет эта молва.
Поэтому надо всегда творить на земле благие дела,
Отринув греховную жизнь и опираясь на дхарму».

Выслушав это, царь сказал: «Побудь здесь, пока я не доставлю на место двух этих старцев». Он отвез меня и сову Пракаракарну каждого на свое место и, освободившись, отправился на той колеснице в путь, (чтобы прибыть туда), где ему подобало находиться.

Вот что видел и пережил я, долго живущий на свете», — сказал Пандавам Маркандея. Пандавы, радостные, ответили: «Благо (тебе), ты сделал доброе дело для царя Индрадьюмны, изгнанного с небес: он снова обрел свое место на небе». На это он им ответил: «Кришна, сын Деваки, тоже выручил из беды святого мудреца Нригу, который погружался в Нараку, и вновь водворил того царя на небеса»
*Такова в книге «Лесная» великой «Махабхараты» сто девяносто первая глава.*

# ПОВЕСТЬ О ДХУНДХУМАРЕ

ГЛАВА 192

Вайшампаяна сказал:
Юдхиштхира, Царь справедливости, спросил, о бык среди бхаратов, древнего безгрешного Маркандею, превзошедшего (всех) подвижничеством: «Известны тебе, о знаток дхармы, боги, данавы и ракшасы, семьи разных царей и неиссякающие рода мудрецов. Нет ничего в этом мире, что было бы не известно тебе, о лучший из дваждырожденных! Ты знаешь, о мудрый, удивительные истории о людях, (демонах)-змеях и ракшасах. Я хочу услышать правдивый рассказ об этом, о дважды-рожденный!

Как непобедимый Кувалашва из рода Икшваку сменил свое имя и стал Дхундхумарой? Я хочу достоверно знать, о лучший в роду Бхригу, почему мудрец Кувалашва переменил свое имя».

Маркандея сказал:
Я расскажу тебе, царь Юдхиштхира, эту поучительнейшую историю о Дхундхумаре. Выслушай ее. Ты узнаешь, властитель, о том, как царь Кувалашва, владыка- земли из рода Икшваку, стал Дхундхумарой. Есть на свете, о бхарата, великий святой мудрец по имени Уттанка. Обитель его, о каурава, (находится) в прекрасных безлюдных краях.

На долгие годы, о великий могучий царь, Уттанка посвятил себя суровейшему покаянию, чтоб заслужить благосклонность Вишну. Довольный (Уттанкой), Властитель явился ему. Увидев (Вишну), святой мудрец склонился перед ним и постарался умилостивить (его) прославлениями: «Все живое, о бог, — асуры, боги, люди, все движущееся и недвижимое, Брахман, Веды, (все) то, что доступно познанию, сотворено тобою, о лучезарный! Голова твоя — небо, о бог, глаза — солнце и луна, а дыхание — ветер. Твой пламень духа — огонь, о неколебимый, руки твои — стороны света, лоно — великий океан, бедра твои — горы, о бог, а пуп — небеса, о Губитель (демона) Мадху! Стопы твои — богиня-земля, волоски (на твоем теле)—травы. Индра, Сома, Агни и Варуна, боги, асуры и великие (демоны)-змеи служат тебе с поклонами, прославляя тебя разными гимнами. Тобой, о владыка мира, проникнуты все существа.

Великие святые мудрецы-йоги, чья мощь огромна, поют тебе хвалу. Когда ты доволен, мир благоденствует, «о (воцаряется) ужас великий, если ты гневен. Один ты, о величайший из мужей, можешь избавить (любого) от (всех его) страхов, ибо в твоих руках счастье всего сущего — и богов, и людей. Тремя шагами, о бог, ты пересек три мира и уничтожил процветавших асуров. Эти твои шаги принесли богам высшую нирвану. Твой гнев, о лучезарный, — погибель для Индр среди дайтьев. Ты и творец, и делитель всего живущего на земле. Добиваясь твоей милости, все боги обретают блаженство». После того как Уттанка, великий душою, так воспел Хришикешу, Вишну сказал ему: «Я доволен тобою, выбирай себе дар».

Уттанка сказал:
Я уже получил дар — увидел Хари, небесного вечного мужа, могучего творца мира.

Вишну сказал:
Я доволен твоей стойкостью и преданностью, о лучший из дваждырожденных, поэтому ты, о брахман, непременно должен принять от меня дар.
Хари настаивал, о достойнейший из бхаратов, и Уттанка, почтительно сложив ладони, выбрал себе дар: «Если лотосо-окий Властитель мною доволен, пусть всегда разум мой будет занят дхармой, истиной и самообузданием. Пусть будет вечной моя любовь к тебе, о Великий владыка!»

Вишну сказал:
Да будет все это именно так, ибо я милостив к тебе, о дваждырожденный! Будет дарована тебе йога, и благодаря ей ты совершишь великий подвиг во имя небожителей и трех миров. Грозный асура по имени Дхундху предается суровому покаянию для того, чтоб разрушить миры. Слушай, кто покарает его. Явится царь по имени Брихадашва. У него будет сын, смиренный праведник, которого назовут Кувалашва. Этот величайший из царей, приняв мою силу йоги, по твоему повелению, о мудрец^брахман, принесет Дхундху смерть.

Маркандея сказал:
Сказав это Уттанке, Вишну исчез.
*Такова в книге «Лесная» великой «Махабхараты» сто девяносто вторая глава.*

ГЛАВА 193
Маркандея сказал:
После смерти Икшваку, о царь, земля перешла к Шашаде, отмеченному высшей добродетелью, и стал он царем в Айодхье. У Шашады был сын-герой по имени Какутстха. У Какутстхи (родился) Аненас, у Анедаса — Притху, у Притху — Вишвагашва, у которого родился Ардра. От Ардры появился на свет Юванашва, а от него — Шраваста, тот самый царь Шраваста, который построил (город) Шравасти.

Сыном Шравасты был Брихадашва, отмеченный великой мощью, а у Брихадашвы был сын Кувалашва. У Кувалашвы (родилась) двадцать одна тысяча сыновей, и все они были искусны в науках, сильны и непобедимы. Сам Кувалашва добродетелями превзошел своего отца. В назначенный срок, о великий царь, Брихадашва посвятил на царство высокодобродетельного героя Кувалашву. Передав бразды правления своему сыну, мудрый царь Брихадашва, губитель недругов, собрался отправиться в лес покаяния, чтоб посвятить себя подвижничеству.

Уттанка, величайший из дваждырожденных, услышал, о царь Юдхиштхира, что мудрецарь Брихадашва направляется в лес. Явился к нему могучепламенный Уттанка, душа которого необъятна, и стал отговаривать того величайшего из людей, прекрасного знатока всех видов оружия.

Уттанка сказал:
Твой долг — защищать (подданных), этим и должен ты заниматься. Благодаря твоей милости, о царь, мы живем, не зная тревог. Будешь ты, великий душою, охранять эту землю, о царь, — бед не случится. Не должен ты отправляться в лес. Великая дхарма твоя в этом мире — защита подданных. Ты не сможешь (ее соблюдать), живя в лесу. Не стоит и помышлять о подобном. Нет (выше) дхармы, о Индра царей, чем та, которой издревле следовали мудрецы-цари, защищая народ. Царю положено охранять своих подданных. Ты должен быть (нашим) защитником.

Не могу я, о царь, предаваться спокойно подвижничеству в пустоши возле своей обители. На много йоджан в длину и много йоджан в ширину протянулся песчаный океан под названием Уджанака. Там под землею, о царь, обитает грозный Индра данавов по имени Дхундху, суровый, неизмеримо могучий, устрашающе сильный и отважный сын Мадху и Кайтабхи. Ты должен убить его и только потом отправляться в лес, о великий царь! Он лежит, о царь, предаваясь суровейшему покаянию на погибель земле, Тридцати (богам) и (всем) мирам. (Никто) не может его покарать: ни боги, ни дайтьи, ни ракшасы, ни (демоны)-змеи, ни якши, ни гандхарвы.

(Такой) дар, о царь, он получил от Прародителя мира. Расправься с ним! Благо тебе, и да не помыслишь ты ни о чем ином! Ты обретешь вечную и великую, верную и непреходящую славу. Когда на исходе года это жестокое (чудище) сонно вздыхает, зарывшись в песок, приходит в движение вся земля вместе с горами и лесными деревьями.

Ветер его дыхания поднимает сильную пыль, которая застилает путь солнцу, и семь дней подряд зловеще содрогается пылающая земля, летят искры и (стелется) дым. И тогда, о царь, я не могу находиться в своей обители. Покарай его на благо миров, о Индра царей! Пусть процветают миры после гибели этого асуры. Только тебе по силам его уничтожить — таково мое мнение. К мощи духа твоей Вишну добавит свою.

Когда-то Вишну пожаловал мне дар: царь, сразивший в бою этого грозного и могучего асуру, обретет неодолимую, пламенную мощь самого Вишну. Опираясь на эту силу, против которой не устоит никто на земле, о Индра царей, покарай жестокого дайтью, страшного в своем могуществе. Менее сильный духом не сможет одолеть мощно-пламенного Дхундху даже за сотни лет, о владыка земли!
*Такова в книге «Лесная» великой «Махабхараты» сто девяносто третья глава.*

ГЛАВА 194
Маркандея сказал:
На эти слова Уттанки, о лучший из кауравов, победоносный мудрец-царь ответил, почтительно сложив ладони: «Да не будет твой приход напрасным, о брахман! Ведь речь идет о сыне моем Кувалашве, владыка!

Стойкий, решительный, в геройстве не имеющий себе равных на земле, он вместе со всеми своими сыновьями-героями, вооруженными палицами, без сомнения, сделает для тебя все, что ты захочешь. Не неволь меня, брахман, ведь я уже распрощался с оружием». — «Да будет так», — решил неизмеримо-могучий отшельник. Царь-мудрец (привел) к великому духом Уттанке своего сына и сказал тому: «Исполни (волю этого мудреца)», а сам отправился в прекрасный лес.

Юдхиштхира сказал:
Что это за дайтья могучий, о владыка, свершивший великое множество подвижнических деяний, чей он сын или внук? Я хочу это знать. Я не слышал о столь грозном дайтье, о (мудрец), чье богатство в подвижничестве! Я хочу знать об этом подробно и достоверно, о многомудрый владыка, много раз прошедший через (суровое) покаяние!

Маркандея сказал:
Слушай же, царь — владыка людей, бык среди бхаратов, что случилось, когда в страшном сплошном океане было погребено все движущееся и неподвижное, когда в нем нашли свою смерть все живые существа. Один лишь властитель Вишну, первопричина всего сущего, вечный, изначальный муж, пребывая во сне, покоился тогда в водной колыбели на огромном кольце змея Шеши, мощь которого необъятна. Громадное змеиное кольцо с Творцом мира, великим и непоколебимым Хари, опоясывало землю, о достойный! Из пупа спящего бога возрос лотос, сиянием подобный солнцу, а в лотосе, сверкающем, как солнце и луна, появился с четырьмя Ведами сам Прародитель Брахма, наставник миров. Имел он четыре тела с четырьмя ликами и был могуч, величествен и непобедим благодаря своей мощи.

Спустя некоторое время два грозных данавы, Мадху и Кайтабха, увидели великого лучезарного Хари, который возлежал на своем дивном ложе — кольце змеи, простиравшемся на много йоджан в длину и много йоджан в ширину. Облаченный в желтые шелковые одежды, с диадемой на голове и камнем каустубхой, он сиял своей красотою, величием, мощью, подобно тысяче солнц, являя собою чудо, о царь! Мадху и Кайтабха были крайне удивлены.

Заметив же в лотосе лотосоокого Прародителя, они принялись досаждать неизмеримо-могучему Брахме. Прославленный Брахма, потревоженный ими, потряс стебель лотоса, и тогда пробудился Кешава. Увидел бог Говинда могущественнейших из данавов и сказал им: «Привет вам, могучие! Я доволен и дарую вам высший дар». Бесстрашные герои-асуры, о великий царь, ответили, улыбаясь, Хришикеше — Губителю Мадху: «Дары раздаем мы, о бог, а ты выбирай (что хочешь). Это мы дадим тебе дар, о высочайший из богов! Скажи (нам), чего ты (желаешь), не медли!»

Владыка сказал:
Я принимаю ваш дар, о герои, и вот вам мое желание. Вы отважны, и нет человека, который сравнился бы с вами. Примите же смерть от меня, о воистину доблестные! Такое желание хочу я осуществить на благо всего мира.

Мадху и Кайтабха сказали:
Никогда в своей жизни, даже шутя, мы не говорили неправды. Зачем же (теперь нам поступать) иначе? Знай, о величайший из мужей, мы верны дхарме и истине. По силе, величию и отваге, по смирению, добродетели и подвижничеству, по щедрости, праведности и сдержанности ты не найдешь нам подобных.

Великое горе свалилось на нас, о Кешава, но исполни, что сказано: ведь от судьбы не уйдешь. Желаем мы, о могучий бог, одного: убей нас на открытом месте, о лучший из лучших среди богов! Мы взываем к тебе, как сыновья твои, о прекрасноокий! Такой дар избран нами, о бог! Знай это, о достойнейший из богов!

Владыка сказал:

Хорошо, я сделаю это. Все так и будет.

Маркандея сказал:
Задумался Говинда, Сокрушитель Мадху, но не увидел открытого места ни на земле, ни в воздухе. Тогда многославный Губитель Мадху, лучший среди богов, заметил свои непокрытые бедра и острым диском, о царь, снес головы Мадху и Кайтабхе.
*Такова в книге «Лесная» великой «Махабхараты» сто девяносто четвертая глава.*

ГЛАВА 195

Маркандея сказал:
Могучий, блистательный Дхундху — это их сын. Велика его мощь и отвага. Раз предался он суровому покаянию и стоял на одной ноге, исхудав (до того, что на теле его) обозначились вены. Брахма, довольный, дал ему дар, и вот что он выбрал, владыка: «Пусть я буду неуязвим для богов, данавов, якшей, для (демонов)-змеев, гандхарвов и ракшасов! Вот какой дар я выбираю!» — «Да будет так, ступай!» — ответил ему Прародитель.

После таких слов (демон) склонил голову к стопам (Брахмы) и удалился. Получив этот дар, Дхундху, великий в доблести и отваге, направился к Вишну, помня о том, как погибли его родители. Победив богов и гандхарвов, неистовый Дхундху стал досаждать всем богам, и особенно Вишну.

Есть такой песчаный океан Уджанака. Злодей пробрался туда, о владыка, бык среди бхаратов, и, явив свою мощь, сразу нарушил покой обители Уттанки. Затем Дхундху, сын Мадху и Кайтабхи, жестокий в своем могуществе, ушел под землю и скрылся в песках. Сильный своим подвижничеством, притаился он на погибель миров невдалеке от обители Уттанки, изрыгая при дыхании языки пламени.

И вот к пристанищу Дхундху вместе с Уттанкой явился царь Кувалашва, сокрушитель недругов. Его сопровождали слуги, войско и колесницы, рядом ступала двадцать одна тысяча его сыновей-героев. По знаку Уттанки славный владыка Вишну вселил в (Кувалашву) свою мощь на благо миров. Едва непобедимый (герой) явился туда, с небес послышались великие слова: «Этот доблестный царский сын будет Губителем Дхундху!».

Боги со всех сторон стали осыпать его дивными цветами, сами собой зазвучали небесные литавры. Прохладный ветер овевал идущего мудреца, а Владыка богов послал дождь, очищая землю от пыли. В небе, там, откуда (был виден) могучий демон Дхундху, появились, о Юдхиштхира, колесницы богов. И боги, и гандхарвы, и великие святые мудрецы с нетерпением ожидали схватки Дхундху и Кувалашвы. Вдохновленный мощью Нараяны царь и его сыновья, о кауравья, быстро двинулись с разных сторон (на Дхуядху). Царь Кувалашва повелел перекопать океан.

Семь дней копали сыновья Кувалашвы этот песчаный океан и наконец увидели могучего Дхундху. Песок скрывал его страшное, огромное тело, горящее пламенем, словно солнце, о лучший из бхаратов! Пылающий, как огонь конца мира, Дхундху спал, притаившись в западной части (пустыни), о великий царь, тигр среди царей! Сыновья Кувалашвы окружили (его) со всех сторон и пустили в ход свои острые стрелы, булавы и палицы, копья, топоры, пики и сверкающие отточенные мечи.

Разбуженный ударами, злобный силач поднялся и в ярости проглотил все их оружие. Изо рта его вырвалось пламя, подобное тому, какое бывает при конце мира, и мощью своей он наслал огонь на сыновей царя. Застилая миры этим огнем, исторгнутым изо рта, злодей быстро испепелил (всех сыновей Кувалашвы), как некогда грозный Капила в гневе своем (испепелил) сыновей Сагары, о тигр среди царей! Это было как чудо!

Когда они нашли свою смерть в пламени его гнева, о достойнейший из бхаратов, к восставшему ото сна великому (демону Дхундху), подобному Кумбхакарнеши, приблизился мощнопламенный царь Кувалашва. Из тела его, о великий царь, ударил поток воды.

Царь-йогин направил волшебную силу воды на огонь, о царь, и, прибегнув к йоге, этой водой погасил пламя. Потом, на страх всем мирам, царь оружием Брахмы испепелил жестокого в своей мощи дайтью, о лучший из бхаратов! Мудрец-царь Кувалашва, губитель недругов, после того как огнем оружия расправился, подобно Владыке трех миров, с великим демоном, врагом богов, стал известен под именем Дхундхумары.

Все Тридцать (богов) и великие святые мудрецы радостно сказали ему тогда: «Выбирай себе дар». Безмерно счастливый, он поклонился им и, смиренно сложив ладони, о царь, сказал: «Да буду я, неуязвимый для врагов, одаривать богатством лучших из дваждырожденных! Да будет Вишну расположен ко мне и да не

принесу я ни малейшего вреда живому! А за постоянную верность дхарме (да будет дарована мне) вечная жизнь на небесах». — «Пусть будет так», — сказали царю довольные боги и святые мудрецы вместе с гандхарвами и мудрым Уттанкой. И, даровав царю свое благословение, боги и великие святые мудрецы вернулись на свои места.

Осталось у того царя, о бхарата Юдхиштхира, лишь трое сыновей: Дрирхашва, Капилашва и Чандрашва. Они, о царь, и стали (продолжателями) великого рода Икшваку. Вот так, о достойнейший, Кувалашва покарал могучего дайтью Дхунд ху, сына Мадху и Кайтабхи. Царь Кувалашва зовется с тех пор Дхундхумарой: это имя отражает его заслуги. Ты просил меня, и я поведал тебе о том, чьи деяния прославляются в повести о Дхундхумаре.

Праведный человек, слушая это благое повествование во славу Вишну, обретет сыновей. Если слушать его на грани темной и светлой половины месяца, это ведет к долголетию, стойкости и страх любого недомогания, любая болезнь исчезают.
*Такова в книге «Лесная» великой «Махабхараты» сто девяносто пятая глава.*

# ПОВЕСТЬ О ЖЕНСКОЙ ПРЕДАННОСТИ

ГЛАВА 196

Вайшампаяна сказал:
Затем царь Юдхиштхира, лучший из бхаратов, задал лучезарному Маркандее трудный вопрос, о дхарме: «Я хочу, о владыка, услышать о высоком благородстве женщин, (хочу), чтобы ты, о брахман, рассказал об (их) тонкой дхарме подробно и точно. Воистину, о достойный мудрец-брахман, богами явлены нам солнце, луна, ветер, земля, огонь, мать и отец, а также корова и другое из того, чему (нам) назначено (поклоняться), о великий владыка, потомок Бхригу! Все это я чту как наставников, но, кроме того, женщину, верную своему супругу. Мне кажется, верным женам нелегко дается их послушание».

Ты, о могучий, должен поведать нам о величии женщин, преданных своим супругам, о тех, о безупречный, что сдерживают свои чувства и не дают сердцу воли, почитая мужа, как бога. И кажется мне, о всесильный владыка-дваждырожденный, что смирение женщин перед родителями и мужьями дается им не так-то легко. Я не знаю ничего более трудного, чем суровейшая дхарма женщины. Увы, что ни делают исполненные рвения, добродетельнейпше из женщин, родители еще более отягощают (их долю), о брахман! Верные мужьям жены, правдивые в речах, десять месяцев носят во чреве своем плод и в назначенный срок производят на свет ребенка. Что может быть удивительней этого?

Идя на великий риск и ни с чем не сравнимую боль, в тяжких муках рожают женщины сыновей, о могучий, и с большой любовью растят их, о лучший из дваждырожденных! Если жены, смиряясь с любой жестокостью, с постоянным отвращением исполняют свой долг, я вижу в этом несправедливость. Расскажи мне всю правду, о дваждьгрожденный, как должен блюсти дхарму кшатрий. Дхарма непосильна только для нечестивца, низкого духом, о брахман! Вот на какой вопрос хочу я услышать ответ, о владыка, первый из тех, что сведущи во (всех) вопросах, и самый достойный в роду Бхригу! Я готов тебя слушать, о верный обету!

Маркандея сказал:
Я расскажу тебе обо всем. Труден этот вопрос, по слушай меня — правду я говорю тебе, о лучший из бхарагов! Одни превыше всего ставят мать, другие — отца. Трудное дело де-лаег мать, выращивая детей. С помощью покаяния и жертвенных подношений богам, путем почитания (их) и долготерпения, используя заклинания и (прочие) средства, обретают отцы сыновей.

И вот, обретя с великим трудом долгожданного сына, они, о герой, пребывают в постоянной тревоге: каким-то он будет? И мать, и отец, о бхарата, ждут от своих сыновей славы, могущества и величия, (верности) дхарме и продолжения рода. Кто оправдывает эти надежды, тот понимает свою дхарму. Тому, о Индра царей, кем всегда довольны отец и мать, суждены долгая слава и блаженство в этом мире и в мире ином.

Принесение жертв, поминание усопших и соблюдение поста мало что значат для женщин. Те же из них, которые ублажают супруга, достигают небес. В связи с этим, о царь Юдхиштхира, выслушай внимательно, какова постоянная дхарма верных жен.
*Такова в книге «Лесная» великой «Махабхараты» сто девяносто шестая глава.*

ГЛАВА 197
Маркандея сказал:

(Жил на свете) некий благочестивый отшельник по имени Каушика, лучший из дваждырожденных. Изучив Веды, о бхарата, совершил он множество подвижнических деяний. Высочайший из дваждырожденных постиг не только Веды, но также Веданги и Упанишады. Стоял он однажды под деревом, погрузившись в чтение Вед. На дерево села журавлиха, и ее помет упал на брахмана. Увидел это дваждырожденный и в гневе замыслил месть. Охваченный яростью, он посмотрел на журавлиху, и под взглядом дваждырожденного (птица) упала на землю. При виде бездыханной, неподвижно лежащей птицы раскаяние овладело дваждырожденным, и стал он ее оплакивать. Недоброе дело я сотворил, поддавшись гневу и злобе», — повторял мудрец, направляясь за милостыней в деревню.

В деревне, о бык среди бхаратов, обходя достойные семьи, он явился в один из домов, куда хаживал прежде. «Подай мне (милостыню)», — попросил (брахман) женщину, а она ответила ему: «Подожди». Пока хозяйка чистила кувшин (для подаяния), о царь, неожиданно вернулся ее супруг. Он был очень голоден, о лучший из бхаратов! Добродетельная женщина, увидев своего мужа, оставила брахмана и подала своему супругу воду для омовения ног и для прихлебывания, а также (циновку), чтобы он сел.

С поклонами ублажала черноокая своего властелина вкусной едой и ласковой речью, о Юдхиштхира, она доедала оставшуюся от мужа пищу, ловила каждое его желание, почитая супруга, как бога. Ни в поступках, ни даже мысленно (она не перечила) своему повелителю, не ела много сама и не пила, целиком поглощенная им, преданно за ним ухаживая. Добродетельная, чистая, радея о благе семьи, она всегда умело исполняла то, что было на благо ее супругу. Навеки смирив свои чувства, она всецело посвятила себя служению богам, гостям, слугам, своему свекру и свекрови.

Погруженная в заботы о муже, прекрасноокая женщина
взглянула на брахмана, стоящего в ожидании милостыни, и вспомнила (о своем долге). Устыдившись (своей забывчивости), о лучший из бхаратов, благочестивая, достойная (хозяйка) вышла к дваждырожденному, неся подаяние.

Брахман сказал:
Что же это такое, о прекраснейшая из женщин? Ты сказала мне: «Постой», задержала меня и не отпустила.

Маркандея сказал:
Видя, что брахман пылает гневом, словно горит огнем, о
Индра людей, благочестивая (женщина) стала его успокаивать: «Ты должен простить меня, о брахман! Супруг для меня — это великий бог. Пришел он голодный, усталый, и я должна была позаботиться о нем».

Брахман сказал:
По-твоему, не брахманы, а муж заслуживает высших почестей. Соблюдая свой долг по отношению к семье, ты пренебрегаешь брахманами. Сам Индра склоняет голову перед ними, не говоря уж о людях на земле. Разве не знаешь ты, гордая, и от старших не слышала, что брахманы, как огонь, могут спалить всю землю?!

Женщина сказала:
Не оскорбляю я мудрых брахманов, подобных богам. Ты, о премудрый и безупречный, должен простить мне мой грех. Знаю я силу брахманов и величие мудрых: от гнева их стали солеными и негодными для питья океанские воды. (Я знаю) также и о святых старцах, смиривших свои души и горящих огнем подвижничества: пламя их ярости и по сей день не утихает (в лесу) Дандака. Презирал брахманов могучий Ватапи, низкий и злобный асура, но не стало его, едва он столкнулся со святым мудрецом Агастьей.

Известно — огромна мощь тех, что велики душою и наставляют о Брахмане, бескраен их гнев, о брахман, но и милосердие (неисчерпаемо). Ты должен, о безупречный брахман, простить мне мою вину. Я дорожу своей дхармой повиновения мужу, о дваждырожденный! Из всех богов супруг — мой высочайший бог. Я буду сполна блюсти свой долг перед ним, о лучший из дваждырожденных! Смотри, о брахман, каковы плоды моего послушания: я знаю — твой гнев испепелил журавлиху.

Злоба — это враг, затаившийся в теле людей, о высочайший из дваждырожденных! Лишь того, кто не ведает гнева и заблуждений, боги считают брахманом. Кто говорит только правду и приносит радость наставнику, кто злом не ответит на зло, того боги считают брахманом. Кто подчинил себе свои чувства и предан дхарме, кто чист и усердно читает Веды, кто владеет своею страстью и гневом, того боги считают брахманом. Мудрого знатока дхармы, для которого мир равен Атману, кто радеет о каждой дхарме, боги считают брахманом. Кто наставляет других и постигает Веды сам, кто лично приносит жертву или поручает это другим, кто одаривает (брахманов) по мере своих сил, того боги считают брахманом. Достойнейшего из дваждырожденных, который принял обет воздержания, читает Веды и прилежен в учении, боги считают брахманом.

Возглашать брахманам следует то, что благоприятно для них: душа толкующих истину не приемлет лжи. Богатство брахмана — в чтении Вед, смирении, честности и вечном обуздании чувств, о лучший из дваждырожденных! В правде и истине видят свою высшую дхарму знатоки дхармы. Нелегко постичь извечную дхарму, основа которой — истина. «Дхарма исходит из шрути», — учат старцы. Дхарма многообразна и сложно, о лучший из дваждырожденных!

И даже ты, пречистый, искушенный в дхарме, прилежно читающий Веды, и то не постиг сущности дхарм, о владыка, — вот мое мнение. А расскажет тебе о дхармах правдоречивый охотник, живущий в Митхиле; он из тех,, что почитают родителей и смирили свои чувства. Ступай туда, если пожелаешь, и да будет тебе благо, о лучший из дваждырожденных! Если я слишком разговорилась, ты должен про стить меня, о безупречный! Ни один из людей, искушенных в дхарме, не может причинить вреда женщине.

Брахман сказал:
Я доволен тобою. Благо тебе! Прошел мой гнев, о прекрасная! Ты осудила меня, и в этом великое мое горе! Мир тебе Г Пойду постигать (добродетель), о прекрасная!

Маркандея сказал:
Отпустила она дваждырожденного, и отправился Каушика домой, порицая себя, о высочайший из людей!
*Такова в книге «Лесная» великой «Махабхараты» сто девяносто седьмая глава.*

## ПОВЕСТЬ О БЕСЕДЕ БРАХМАНА С ОХОТНИКОМ

ГЛАВА 198
Маркандея сказал:
Обдумывая удивительные слова той женщины, дваждырожденный сурово порицал себя, словно действительно совершил грех. Размышляя о тонкостях дхармы, он говорил: «Следует верить (таким речам). Пойду я в Митхилу, туда, где живет охотник — знаток дхармы, смиривший свою душу. Отправлюсь сейчас же к тому, чье богатство в подвижничестве, и расспрошу его о дхарме».

С такими мыслями, терзаясь любопытством, шел он в Митхилу, исполненный доверия к словам той женщины: и потому, что она упомянула о журавлихе, и по той достойной, благочестивой беседе.

Минуя леса, деревни и города, пришел он в надежно хранимую Джанакой славную Митхилу, изобиловавшую «оградами дхармы»: (город) с его вратами и сторожевыми башнями, с прекрасными оградами вокруг домов был погружен в жертвоприношения и празднества.

Проходя дивным городом, возбужденным постоянными торжествами, (любуясь) на его многочисленные дворцы, несчетное множество лавок на красиво проложенных улицах, полных коней, колесниц, слонов и повозок со здоровыми, цветущими людьми, тот брахман многое увидал на своем пути. Спросил он о Дхармавьядхе, и дважды-рожденные показали, (как) его (разыскать).

Придя на то место, (брахман) увидел отшельника, расположившегося в мясной лавке и торгующего мясом антилоп и быков. Покупателей было много, и брахман встал в стороне, но тот, заметив, что пришел дваждырожденный, быстро поднялся и смущенно приблизился к стоявшему в одиночестве брахману.

Охотник сказал:
Приветствую тебя, о владыка! Добро пожаловать, достойнейший из дваждырожденных! Я — охотник, благо тебе! Что мне следует сделать, приказывай. Я знаю, зачем ты явился сюда1. Добродетельная супруга (брахмана) тебе сказала: «Ступай в Митхилу».

Маркандея сказал:
Услышав такие слова, брахман дваждырожденный очень обрадовался и подумал: «Это второе чудо». «Не подобает тебе здесь находиться, — обратился охотник к дваждырожденному.— Пожалуй (ко мне) в дом, если хочешь, о безупречный владыка!» — «Хорошо», — ответил довольный брахман, и тот, пропустив вперед дваждырожденного, направился к дому. Когда достойнейший из дваждырожденных вошел в этот славный дом, ему почтительно предложили сесть. Получив воду для омовения ног и для полоскания рта, он удобно уселся и обратился к охотнику: «Мне кажется, не подходит тебе это занятие. Меня крайне печалит, друг мой, твое страшное ремесло».

Охотник сказал:

Это занятие нашего рода, идущее от отцов и дедов. Не осуждай меня, о дваждырожденный: я соблюдаю свою дхарму. Я занимаюсь делом, которое предназначено для меня Творцом, и всей душою служу своим престарелым родителям, о лучший из дваждырожденных! Я говорю только правду и не вынашиваю зла, одаряю (брахманов) чем могу, а себе оставляю то, что остается после подношений богам, гостям и слугам. Я никого не порицаю и не жалуюсь на более сильного. Прежние деяния, о лучший среди дваждырожденных, следуют за тем, кто их творил. Земледелие, скотоводство и торговля — вот чем живет этот мир. Наука политики и три Веды — на этом стоит мир.

Шудра предназначен для ремесла, вайшья — для земледелия, кшатрий — для битвы, а извечный удел брахмана— это обет воздержания, подвижничество, заклинания и истина. Там, где царь правит согласно дхарме, подданные заняты своими делами, а тех, которые отступают от своего долга, (царь) возвращает к нему снова. Подданные должны всегда испытывать страх перед царями: ведь властители губят того, кто отступает от своего долга, подобно тому как охотник (убивает) стрелами антилопу.

Здесь у Джанаки, о мудрец-брахман, не найдешь отступника. Каждая из четырех варн занята своим делом, о высочайший из дваждырожденных! Царь Джанака накажет неправого, будь он даже его сыном, но никогда не причинит ущерба праведнику. Царь, окружив себя надежными соглядатаями, на все взирает с высоты дхармы. В руках у кшатриев — богатство, власть и правосудие, о лучший среди дваждырожденных! Цари согласно своей дхарме стремятся приумножать богатства. Царь — защитник всех варн.

Я не сам убиваю (животных), о мудрец-брахман! Я лишь торгую (мясом) диких кабанов и буйволов, убитых другими. Я никогда не ем мяса, к супруге прихожу только в положенное время, всегда соблюдаю пост и ем только по вечерам, о дваждырожденный! Даже человек дурного нрава может явить добродетель, и точно так же не может быть праведным тот, кто причастен к гибели живого.

Дурное поведение Индр людей колеблет основы великой дхармы — поднимает голову зло, начинается смута среди подданных. Родятся на свет уроды, карлики и горбуны, большеголовые чудища и мужи, лишенные мужской силы, а также глухие, слепцы и заики. От неправедности царей вечная погибель подданным!

Царь Джанака во всем придерживается дхармы и милостив к подданным, которые всегда верны своей дхарме. Всех людей — и тех, которые восхваляют меня, и тех, которые осуждают, — я радую верно соблюдаемым долгом. Мудрые, высокие нравом цари, которые живут согласно дхарме, не зависят ни от кого и благоденствуют.

Постоянная раздача еды по мере возможности, смирение, верность дхарме, оказание почестей по заслугам и милосердие к любой твари — вот добродетели смертных, которых человек достигает не иначе, как самоотречением. Надо избегать лживых речей, творить добро, не ожидая просьб, не отступать от дхармы ни под влиянием страсти, ни во гневе, ни в ненависти.

Не стоит слишком радоваться удаче и чересчур терзаться из-за несчастья. Не следует теряться перед трудностями и отступать от своей дхармы. Если какой-то твой шаг ошибочен, не повторяй его: реши, в чем (для тебя) благо, тому и предайся душой. Не следует злом отвечать на зло, надо быть во всем справедливым. Сам себя губит злодей, замышляя недоброе; это неправедный путь бесчестных и низких душою. Те, что, не веря в дхарму, полагая, что дхармы не существует, насмехаются над достойными, без сомнения, приходят к гибели.

Тот, кто раздулся (от непомерной гордыни), словно большой кожаный мех, грешен во все времена. Речь ослепленных гордыней не относится к сути дела: она раскрывает их собственное нутро, так же как днем солнце выявляет форму (вещей). Глупец, восхваляющий сам себя, не прославится в мире, но тот, кто искушен в науке, даже если он недостаточно чист, благоденствует в этой жизни, никому не выказывая осуждения и не расписывая, как его почитают. Никакая земная слава не соответствует (действительным) достоинствам (человека).

Тот, кто раскаивается в (содеянном) зле, освобождается от греха. «Не буду больше так делать», — зарекаются (люди) от повторения ошибки, о достойнейший среди избранных дважды-рожденных! Так (говорится) в шрути, о брахман, и это отражено в законах: «Грехи, когда-то невольно совершенные тем, кто был до тех пор добродетелен, впоследствии искупаются». Верность дхарме, о брахман, смывает людской грех, если он совершен по неведению.

Поступив дурно, пусть человек думает: «Я не таков», и впредь он всячески будет стараться творить добро, веруя и не ропща. Тот, кто, словно прорехи в одежде, скрывает (промахи) праведников, даже если он сам совершил какой-то проступок, этим самым утверждает добро и очищается от всех грехов, словно луна от

густых облаков. Подобно тому как солнце, всходя, (светом своим) разгоняв! мрак, (человек), творящий добро, избавляется от грехов.

Знай, о лучший из дваждырожденных: источник зла — алчность. Не слишком разумные люди из соблазна предаются греху, а нечестивцы (скрываются) под личиною дхармы, словно колодцы в траве. И самообуздание, и очистительные обряды, и разговоры о дхарме — все у них есть, но истинное благочестие им недоступно.

Маркандея сказал:
Тогда, о высочайший из людей, многомудрый брахман спросил у Дхармавьядхи: «Как мне узнать об истинном благочестии? Расскажи мне, мудрейший охотник, всю правду об этом».

Охотник сказал:
Принесение жертв, раздача даров, покаяние, (изучение) Вед и (верность) истине — вот пять очистительных средств, которые всегда к услугам благочестивых, о лучший из дваждырожденных! Дхарма — в подавлении страсти и гнева, гордыни, соблазна и лживости; в этом счастье достойных, поддерживаемых достойными же.

Те, что живут принесением жертв и чтением Вед, не знают греха. Достойное поведение — еще один признак благочестивого. Повиновение наставнику, правдивость, незлобивость и щедрость — вот, о брахман, четыре (добродетели), которые всегда (присущи) праведникам. Ни с чем не сравнимо то наслаждение, которое получаешь, устремив свои помыслы на благочестие, соблюдая все, (что необходимо). Истина следует рука об руку с Ведами, самообуздание — с истиной, самоотречение — с самообузданием; это всегда (присутствует) в благочестивых.

Натерпится муки тот, кто следует за людьми, лишенными ясности разума, избравшими ложный путь, за теми, кто восстает против дхармы. Праведники, надежно владея своими чувствами, углубившись в изучение Вед и самоотречение, ступают благим путем, они преданы истинной дхарме. Достойные (люди), исполняя волю наставника, упорно направляют свои высшие помыслы на познание смысла дхармы. Опираясь на ана-ния и почитая благочестивых, сторонись нечестивцев, неверных, преступающих закон, упорствующих в греховном убеждении.

Река (бытия), воды которой — пять органов чувств, кишит крокодилами — соблазнами и страстями. Запасись лодкой-стойкостью — и тогда ты минуешь тяготы перерождений! Великая дхарма, накапливаемая постепенно усилиями йоги и разума, при достойном поведении видна отчетливей, словно краска на белой ткани. Непричинение вреда живому и правдивость — высшее благо для всего сущего. Высочайшая дхарма — непричинение зла живому, и основа этого — истина.

Опираясь на истину, (люди) осуществляют свои желания. Истина — самое важное в соблюдении благочестия. Доброе поведение — это дхарма достойных, в добром поведении отличие праведников. Каков человек по природе, такую жизнь (он) и ведет, поэтому злодей-нечестивец отдается во власть грехов, тягчайшие из которых — гнев и вожделение.

(Всякое) начинание, сообразное со справедливостью, считается благом, дурное поведение — зло, так учат достойные. Добродетельны те, кому не знакомы ни злоба, ни зависть, ни гордыня, ни ненависть, (это люди) достойные и смиренные. Добродетельны знатоки трех Вед, пречистые, доброго нрава мудрецы, послушные своему наставнику и сдержанные. Страх минует их, не ведающих душевных невзгод, их славные деяния и праведность — (образец) недостижимого. Такое благочестие — древнее, извечное, непреходящее чудо.

Мудрые, добродетельно соблюдая дхарму, достигают небес. Праведники, одолевая гордыню и веруя, почитая дваждырожденных и приобщившись к тому, что предписано Ведами, попадают на небеса. Троякая дхарма (блюдется) благочестивыми: высшая, та, что предписана Ведами, другая, (отраженная) в дхармашастрах, и (третья) — достигаемая праведным образом жизни. Пополнение знаний и омовение в тиртхах, терпение, искренность и честность, а также чистота — вот проявления доброго нрава. Благочестивые милостивы ко всем существам и постоянно стараются не причинять (никому из живущих) вреда. Не допускают они грубости в речи и всегда привечают дваждырожденных.

Одобряемы избранными достойнейшие, провидящие исход добрых и злых деяний. Исполнены справедливости одаренные добродетелью праведники, радеющие о благе всего мира. Следуя верным путем, пречистые, те, что даруют и оделяют, что добры, сострадательны и милосердны ко всем существам, завоевывают небеса. Чтимые всеми подвижники, чье богатство — их знания, щедро раздавая дары, (после смерти) достигают блаженных миров, а в этой жизни — счастья. Праведники, общаясь с (такими же, как они),

добродетельными (людьми), раздают даже больше, чем это в их силах, стесняя при этом и супругу свою, и слуг. Так живут, благоденствуя вечно, достойные (люди), занимаясь мирскими делами, следуя долгу и пользе.

(Их добродетели) — непричинение зла живому, правдивость и незлобивость, честность и миролюбие, отсутствие гордыни и скромность, терпение, сдержанность и смирение. Мудрые и стойкие, милостивые к живым существам, не знающие ни страсти, ни ненависти праведники вызывают почтение у людей. Три черты отличают высокий образ жизни добродетельных: они не должны поддаваться ненависти, но должны раздавать дары и всегда говорить только правду. Проявляя всякий раз милосердие, питая сочувствие к (чужому) горю, непреклонные в дхарме, великие духом праведники, чья жизнь безупречна, следуют счастливо славным путем добра.

Благая жизнь — это покорность и миролюбие, смирение, довольство и радость, добрая речь и подавление страсти и гнева. Благодаря (прежним) деяниям и знанию праведники обретают высочайший удел, ибо они ведут чрезвычайно достойный образ жизни и всегда ревностно соблюдают дхармы. Достигнув вершин познания, смущающих большинство людей, (праведники), о первый среди дваждырожденных, проникают в самую суть разнообразных мирских деяний: и греховных, и таких, что (выявляют) высокую добродетель, о лучший из достойнейших дваждырожденных!

О брахман, из всего, что я знал и слышал, я выбрал добродетели достойных и поведал тебе (о них), о бык среди дваждырожденных!
*Такова в книге «Лесная» великой «Махабхараты» сто девяносто восьмая глава.*

ГЛАВА 199

Маркандея сказал:
И дальше, о Юдхиштхира, Дхармавьядха сказал брахману: «Нет сомнения, жестоко то ремесло, которым я вынужден жить, но судьба всемогуща, о брахман, и невозможно избегнуть (расплаты) за содеянное прежде. Это кара за некогда совершенные (мною) грехи. Я стараюсь, о брахман, искупить это зло. (Наказание) предопределяет судьба, а палач лишь ее орудие. Так и мы, о лучший из дваждырожденпых, являемся орудием в руках судьбы. Назначение (животных), которых убивают и мясо которых я затем продаю, заключается в том, о дваждырожденный, чтобы (человек получал) удовольствие от еды и ублажал (этим мясом) богов, гостей и усопших предков. Травы и ползучие растения, мелкий скот, звери и птицы идут в пищу в этом мире — так говорится в Ведах.

Царь Шиби, смиренный сын Ушинары, подношением в дар собственного тела достиг недоступных небес, о лучший из дваждырожденных!

В былые времена, о дваждырожденный, на кухне царя Ранти-девы каждый день убивали по две тысячи голов скота. Раздавая постоянно мясную пищу, царь Рантидева снискал несравненную славу, о достойнейший из дваждырожденных! Для таких жертвоприношений, которые совершаются раз в четыре месяца, всегда режут скот. «Жертвенные огни любят мясо», — провозглашают Веды.

Животные, которых постоянно убивают дваждырожденные для жертвоприношений, освященные заклинаниями, попадают на небеса, о брахман! Если бы в древности жертвенные огни, о брахман, не были такими охотниками до мяса, никто, о лучший из дваждырожденных, не мог бы употреблять мясо в пищу.

Относительно мясной пищи мудрецы говорят: кто принимается за еду лишь после того, как должным образом, согласно (жертвенному) обряду, сделал подношение богам и усопшим предкам, того не осквернит (никакая) пища. Такого (человека) не (порицают) за то, что он ест мясо, говорят Веды: ведь все равно остается брахманом тот, кто дал обет воздержания, а сам имеет сношения со своей супругой в положенное время. (Мудрые) учли все добрые и дурные стороны (употребления мяса в пищу) и установили такой порядок.

В былые времена, о дваждырожденный, царь Саудаса, преданный суровому проклятию, пожирал людей. Что ты думаешь об этом, о дваждырожденпый? Видя свою дхарму (в этом занятии), я не могу (от него) отказаться, о лучший из дваждырожденных! Я знаю: так повелось издревле, поэтому я живу таким ремеслом.

Бесчестье, о брахман, тому, кто отрекается в этой жизни от своего дела, а тот, кто усерден в своем ремесле, — праведник, нет сомнения. Смертный не может отречься от занятия, предназначенного ему (судьбой). Творец провидел этот закон, много раз распределяя ремесла! Тот (человек), о премудрый, на долю которого выпало (подобное) жестокое ремесло, должен стараться обратить его во благо, чтобы избегнуть несчастья. Много путей к избавлению от этого страшного удела.

Что касается меня, так я всегда усерден в подпошении даров, правдив в речах, послушен своему наставнику, я почитаю дваждырожденных, верен дхарме и не грешу болтливостью или заносчивостью, о лучший из дваждырожденпых!

Земледелие считается добрым (занятием), но п тут не обходится без большого вреда: вспахивая плугами землю, люди уничтожают обитающих в ней животных и многое другое, как тебе кажется? Семена злаковых, и прежде всего рис, о лучший из дваждырожденных, — все эго живое, как тебе кажется? Люди ловят животных, убивают их и съедают, о дваждырожденный, они (рубят) деревья и срезают траву. Ведь и в деревьях, и в плодах, и в воде — множество жизней, о брахман, так тебе кажется?

Всюду, о брахман, полно тварей, живущих за счет живого: (к примеру), одни рыбы поедают других рыб, как тебе кажется? Живое часто существует за счет живого, о достойнейший из дваждырождепных, и (есть) даже особи, которые пожирают себе подобных, как тебе кажется? Люди при ходьбе убивают ногами множество живых существ, обитающих на земле, как тебе кажется?

Сидя и лежа губят (люди) много живых существ, имеющих ум и сознание, — как тебе кажется? Весь небосвод и земля полны живых существ, и (люди), сами того не ведая, приносят гибель живому, как тебе кажется?

Когда-то, удивленные (многообразием жизни), люди провозглашали: «Не вреди!», о лучший из дваждырожденных.

Сколько ни размышляй, не найдешь здесь такого, кто бы не причинял ущерба (каким-нибудь живым существам). Даже отшельники, о лучший из дваждырожденных, стараясь не причинять никому вреда, все же наносят ущерб (какой-нибудь жизни), но благодаря их усилиям (это зло) незначительно. Бывает, что родовитые мужи, отмеченные множеством достоинств, открыто и бесстыдно творят жестокие дела. Бывает, что и добрые сердцем не (привечают столь же) добросердечных, а злые — злых; каждый ведет себя положенным ему образом, но относится к другому не так, как следовало бы ожидать.

Точно так же и родственники могут быть недовольны тем, что их близкие преуспевают, а невежды, мнящие себя учеными, могут ниспровергать наставников. Много противоречивого — и согласного с дхармой, и идущего с ней вразрез — можно увидеть в мире, о достойнейший среди дваждырожденных, как тебе кажется? Многое можно сказать о деяниях, согласных с дхармой и противоречащих ей, но тот, кто усерден в своем деле, обретает великую славу».
*Такова в книге «Лесная» великой «Махабхараты» сто девяносто девятая глава.*

ГЛАВА 200

Маркандея сказал:
Дхармавьядха, первый среди блюстителей всех дхарм, продолжат, о Юдхиштхира, свою поучительную беседу с быком среди брахманов: — «Дхармой является то, что подтверждается Ведами», — говорят старцы. Сложен, извилист и бесконечен путь дхармы. Если речь идет о смерти или о браке, ложь допустима: неправда здесь может обернуться правдой, а истина— ложью.

Вывод таков: то, что служит вечному благу сущего, — истинно, иное деяние — зло. Посмотри, как сложна дхарма. Дурной ли поступок совершил человек или сделал достойное дело — за все ему воздается, о лучший из дваждырожденных, нет в том сомнений. Станет ему тяжело — он проклинает богов и не знает, глупец, что это превратности его собственной кармы.

Как бы ни был этот невежда хитер и сметлив, о лучший из дваждырожденных, его не спасет ни ум, ни доброе поведение, ни мужество, когда он столкнется с тем, чем обернулась радость его или беда.

Если б исход человеческих деяний ни от чего не зависел, каждый достигал бы того,, к чему он стремится. (Но ведь) часто люди смиренные, способные, разумные не вкушают плодов, лишены (результата) своих прежних деяний; зато тот, кто всегда ищет вреда всему живому, обманывает людей, живет, глядишь, в свое удовольствие. Другому валит богатство, хотя он и не прилагает к тому усилий, а этот и деятелен, да не достигает желаемого.

Обойденные судьбой (люди), страстно желая обрести потомство, приносят жертвы богам и предаются подвижничеству, а в результате, после десяти месяцев пребывания во чреве (матери), появляются на свет (дети), позорящие семью.

Некоторые входят в жизнь, имея в изобилии накопленные отцами деньги, хлеб и предметы удовольствия, но их постигает тог же удел. И болезни, несомненно, насылает на людей карма. Неудачи подстерегают (человека), словно охотники мелких животных. Искусные лекари, знающие свое дело, с помощью лекарственных трав лишь преграждают путь страданиям, как охотники — антилопам, о дваждырожденный!

Посмотри, о лучший из защитников дхармы: те, у которых еды вдосталь, страдают болезнью желудка и не могут наслаждаться пищей. А другие — таких много — и здоровы, да терпят нужду, с трудом добывая себе пропитание, о лучший из дваждырожденных.

Таковы люди — беззащитные, подверженные смятению и бедам; то и дело их уносит мощным потоком, в который они ввергнуты. Если бы (человек) был подвластен (себе самому), (люди) не умирали бы, не старели и каждый осуществлял бы свои желания, не ожидая бед.

Всякий жаждет подняться выше других и старается (преуспеть) по мере своих сил, но так не всегда выходит. Многие рождаются под одной и той же звездой и с одинаковым предначертанием, но сколь различны обретаемые ими плоды из-за превратностей кармы.

Никто, о достойнейший брахман, не властен над своим жребием, эта жизнь — лишь итог прежних деяний. Как говорится в Ведах, о брахман, душа (человека) вечна, бренно лишь тело всех живущих на свете. Смерть человека — это гибель его телесной оболочки. Душа, опутанная тенетами кармы, переходит в иное место.

Брахман сказал:
Как это так — душа вечна, о первый среди блюстителей закона? Я хочу знать это точно, о лучший из искушенных в беседе!

Охотник сказал:
Отделившись от тела, душа не погибает; зря говорят невежды, что она умирает. Душа переходит в иную телесную оболочку. Отделение же ее от тела означает, что оно распадается на пять (составных элементов). Не кто-то иной пожинает плоды содеянного (человеком), а сам тот, кто творил, и удел его — радость или же горе. Что он совершил, за то ему и воздастся. Содеянное не исчезает. Нечестивцы могут быть добродетельны (в прошлом), а лучшие из людей — грешны. За человеком в этом мире следуют совершенные им деяния. Он появляется на свет, уже отягощенный ими.

Брахман сказал:
Как появляется (человеческое существо) во чреве матери и как из неправедного лона рождаются грешники, а из праведного — праведники? Как, о достойнейший, (человек) живет дальше?

Охотник сказал:
Карма представляется связанной с зачатием. Я расскажу коротко, о лучший из дваждырожденных, о том, как, появляясь на свет заново, (душа), чистая во чреве праведного и грешная во чреве нечестивого, уже несет возложенное на нее бремя. Добрые деяния приводят ее к богам, смешанные — к людям, нечестивые — к животным, а греховные — в ад. Навеки связанный рождением и смертью, старостью и (другими) тяготами, человек страдает в сансаре из-за собственных же проступков.

Тысячи раз попадая к животным или же в ад, странствуют души, опутанные сетями кармы. Душа после смерти (человека) терпит мытарства из-за тех или иных его деяний, тянущихся за ней, и, как обратный результат этих страданий, попадает в тело неправедного. Потом она накапливает много иных, новых проступков и затем расплачивается за них, словно больной, поевший вредной ему пищи. Вечно страдая, (человек) не бывает несчастен, пока он считает себя счастливым.

Несвободный от оков — связанный своими деяниями, он, мно гострадальный, вертится в сансаре, как колесо. Если же он избавляется от пут, очищая себя (добрыми) делами, он достигает благих миров и, попав туда, перестает страдать. Нечестивец, творящий зло, не избавится от треха, поэтому надо стараться творить добро, избегает зла. Человек незлобивый и благодарный, помышляющий лишь о добре, обретает счастье, (плоды) дхармы, богатство и небеса.

Очистившемуся (от греха), смиренному, сдержанному, обуздавшему своп чувства мудрецу (суждено) вечное блаженство и в этом мире, и в мире ином. Живи дхармой достойных, поступай подобно праведникам — и ты без труда обретешь (все) блага мира, о дваждырожденный! Ведь есть же такие знатоки прошлого, достойные и сведущие в шастрах! В жизни дело свершится согласно дхарме — оттого не бывает смешения кармы. Мудрец наслаждается своей дхармой, он живет ради дхармы.

Достигнув богатства (исполнением) дхармы, о лучший из дваждырожденных, он взращивает (древо) своих достоинств. Таков благочестивый, и душа его умиротворена, его ублажают друзья, он счастлив и в этой жизни, и в мире ином. Он обретает способность воспринимать только желанные для него звук, осязаемость, форму и запах, и это считают плодом дхармы, о достойнейший!

Получив такой плод дхармы, он не чувствует удовлетворения, о великий дваждырожденный, и, не довольствуясь этим, с помощью ока мудрости достигает полного отречения (от мира). Человек, обладающий оком мудрости, не совершает греха в этом мире, он безразличен к тому, что (для других) представляет ценность, но никогда не забывает о своей дхарме. Понимая бренность мирского существования, он старается от всего отрешиться и испытывает верные, но не низкие средства, чтобы достигнуть освобождения. Оп проникается безразличием (к миру), избегает греховных деяний и
благодаря своей праведности достигает высшей свободы.

Самое главное для человека — это подвижничество, основа его — смирение и самообуздание. Благодаря (подвижничеству) достигают всего, чего душа пожелает. Подчинением чувств, правдивостью и смирением (человек) может достичь (слияния) с Брахманом, а это — превыше всего, о лучший из дваждырожденных!

Брахман сказал:
Что называют чувствами, о строгий в обете? Как следует (их) подчинять и каков результат обуздания (плоти)? Каким образом (человек) пожинает плоды (подчинения чувств), о лучший из блюстителей дхармы? Я хочу точно знать об этой (стороне) дхармы, о достойнейший!
*Такова к книге «Лесная» великой «Махабхараты» двухсотая глава.*

ГЛАВА 201
Маркандея сказал:
Слушай, о владыка людей Юдхиштхира, что ответил Дхармавьядха на тот вопрос брахмана.

Охотник сказал:
Человеческий ум стремится прежде всего к познанию, а когда оно бывает достигнуто, появляются либо желание, либо зло, о лучший из дваждырожденных! (Люди) прилагают большие усилия и труд, чтобы вновь и вновь наслаждаться пришедшимися по душе формами и запахами. Потом появляется вожделение, вслед за тем — зависть, за ней — алчность и в конце концов — ослепление.

Не на дхарму направлен разум того, кто обуреваем алчностью или охвачен вожделением и ненавистью, (в этом случае) остается лишь видимость дхармы. (Такой человек) только для виду соблюдает свою дхарму, для виду устремляется к пользе, и, когда он только по видимости обретает блага, о лучший из дваждырожденных, душа ею радуется, грех увлекает его.

Мудрые люди, доброжелатели предостерегают (такою), о лучший из дваждырожденных, и он отвергает им правильно, по существу, по от злобы и алчности его грех возрастает втройне: он грешит и в помыслах, и па словах, и на деле. Грешная жизнь сводит на нет его добродетели, и, так как нечестный водит дружбу с себе подобными, беды рушатся на него, и гибель суждена ему в мире ином. Таков грешник.

Услышь от меня теперь, как достигается дхарма. Разум того, кто своей мудростью провидит такие поступки, кому знакомы и радость, и горе, кто полон почтения к праведникам благодаря его добрым начинаниям устремляется к дхармам.

Брахман сказал:
Ты повествуешь об истинной дхарме. Нет такого, кто смог бы так об этом поведать. Я считаю тебя величайшим из святых мудрецов, одаренным небесным могуществом.

Охотник сказал:
Достойнейшие из брахманов должны всегда первыми получать еду, как и усопшие предки; мудрый от всей души должен делать им в мире добро. Я расскажу тебе, о лучший из дваждырожденных, в чем для них благо. Почтив брахманов, восприми от меня брахмическое знание.

Весь этот всецело состоящий из (пяти) великих элементов мир, который нельзя охватить целиком, (есть) Брахман, и превыше этого пет ничего. Великие элементы суть: эфир, ветер, огонь, вода и земля. Звук, осязаемость, форма, вкус и запах — их гуны. Всем (элементам) свойственны гуны, однако (существует) взаимосвязанная последовательность гун: каждому (из последующих элементов) присущи гуны трех предшествующих. Шестой (элемент)— так называемая мыслительная способность, которая зовется , седьмая

— рассудок, и после него идет самопознание. Существует еще пять органов чувств, а также раджас, саттва и тамас. Семнадцатый (элемент) — масса, которая известна как Непроявленное. Гуна, наличествующая как в Проявленном, так и в Непроявленном, глубоко скрытая во всех проявленных и непроявленных объектах чувств, считается двадцать четвертым (элементом). Все это (я теперь) повествую тебе. О чем ты еще хочешь услышать?
*Такова в книге «Лесная» великой с Махабхараты» двести первая глава.*

ГЛАВА 202

Маркандея сказал:
После таких слов Дхармавьядхи брахман, о бхарата, продолжил беседу, которая все больше и больше радовала его Душу.

Брахман сказал:
Расскажи мне по порядку, о лучший среди знатоков дхармы, о том, что называют пятью великими элементами, и о гунах каждого из пяти.

Охотник сказал:
(Пять элементов)—это земля, вода, огонь, ветер и эфир. Каждый из них превосходит другой (по числу) гун. Об их гунах я и поведаю тебе. Земля, о брахман, обладает пятью гунами, вода — четырьмя, у огня три гуны, и три (в совокупности) у эфира и воздуха. Звук, осязаемость, форма, вкус и, пятое, запах — таковы пять гун земли. Гунами она превосходит всех. Звук, осязаемость, форма и вкус — таковы известные тебе гуны воды, о брахман, достойнейший из дваждырожденных и стойкий в обете! Звук, осязаемость и форма — это три гуны огня, звук и осязаемость (свойственны) воздуху, и только один звук — эфиру.

Таковы, о брахман, пятнадцать гун пяти элементов; они присущи всем элементам, на которых держится мир. Они не противостоят друг другу, а составляют единое целое, о дваждырожденный! Когда выходит из равновесия все движущееся и неподвижное, тогда (все) сущее по велению Времени меняет свой облик: разрушается в определенном порядке и потом возрождается вновь в строгой последовательности. (В это время) всюду обнаруживают себя те пять первоэлементов, которые составляют этот мир со всем, что есть в нем движущегося и неподвижного. То, что познается с помощью органов чувств, считается Проявленным. Непроявленным же является то, что лежит за пределами чувств и воспринимается лишь по (отдельным) признакам.

Если человек считает органы чувств, воспринимающие звук и другое, частью себя самого, то он обречен на страдания в этом мире. Тот же, кто видит себя растворенным в мире, а мир — (отраженным) в себе, познав прошлое и провидя будущее, глубоким сосредоточением различает все элементы. А узрев эти первоэлементы во всех состояниях, он без труда приходит к слиянию с Брахманом и больше не встречается со злом. Тому, кто преодолел порожденные заблуждением препоны, которые неизбежно коренятся (на пути) к знанию, благодаря свету разума мир предстает путем к (объекту) познания. Мудрый Властитель провозгласил, что это существо безначальное и бесконечное. самосущее, вечное и непреходящее, не знающее себе подобных и не знающее телесного воплощения.

Все, о чем ты спрашиваешь меня, о брахман, имеет корнем подвижничество. Ведь в чувствах (заключено все): и небеса, и ад; если их сдерживать, то (впереди) — небеса, если давать им волю — ад. Таков полный путь йоги вплоть до подавления своих чувств; в этом корень любого подвижничества, (иное приводит) в ад. Идя на поводу у своих чувств, (люди) неизменно впадают во грех, сдерживая же их, постепенно добиваются совершенства.

Того, кто владеет своими шестью постоянными чувствами, подчинив их себе, не касаются грех и зло. Тело человека — это колесница, душа — возничий, а чувства — кони. Усердный, искусный (человек) спокойно ездит на тех конях, послушных и смирных, точно стойкий колесничий. Тот, кто твердо держит поводья шести постоянно присущих ему непокорных чувств, — наилучший из колесничих. Вырвались чувства на волю — надо их тотчас же крепко сдержать, словно коней в пути, когда управляешь колесницей.

Поддастся (человек) душой обуревающим его чувствам — и они увлекут за собой его разум, как ветер лодку по водам. Чтобы достичь результата, (люди) по неведению опираются на свои шесть (чувств), тогда как мудрец сосредоточивает на них внимание и обретает плод своего сосредоточения.
Такова в книге «Лесная» великой «Махабхараты» двести вторая глава.

ГЛАВА 203

Маркандея сказал:
После того, о бхарата, как Дхармавьядха рассказал это во всех подробностях, брахман задал ему еще один сложный вопрос, а сам обратился в слух.

Брахман сказал:
Как подобает, я спрашиваю тебя: расскажи мне точно и посуществу о гунах — саттве, раджасе, тамасе.

Охотник сказал:
Я объясню тебе то, о чем ты спрашиваешь меня. Слушай: я опишу эти гуны по отдельности. Тамас характеризуется неведением, раджас — побуждением к действию, саттва же благодаря ее сильному светлому началу считается среди них самой главной. Кто крайне невежествен, глуп, сонлив, неразумен и непригляден на вид, кто злобен, жесток и ленив, над таким (человеком) властвует тамас. Кто искусен в речах и умен, кто страстен и негодующ, чей разум стремится к познанию, кто горд и упрям, тот, о мудрец-брахман, носит в себе раджас.

Человек просветленный и твердый, стремящийся к отречению от мирского, смиренный, незлобивый, мудрый и сдержанный осенен саттвой. Проникнутому саттвой, поскольку он мудр, неприятны мирские дела. Когда он познает то, что необходимо познать, он проникается презрением к земному существованию.

Это и есть начало отречения от мира, когда гордыня смиряется и растет чистота. Все противоречия (в человеке) взаимно смягчаются, и то, что называют самообузданием, никак и нигде не проявляется. Тот, кто рожден среди шудр, но достиг высоких добродетелей, попадает, о брахман, в разряд вайшьев и даже кшатриев, а живя праведно, он может родиться и брахманом. Все эти гуны теперь возглашены тебе. О чем ты еще хочешь услышать?

Брахман сказал:
Что происходит с телесным огнем, когда он соединяется с элементом земли, и каким образом ветер, исходя из особенности его местонахождения, оказывает побуждающее действие?

Маркандея сказал:
На вопрос, заданный брахманом, великим душою, охотник ответил так, о Юдхиштхира!

Охотник сказал:
Огонь, который пребывает в голове, поддерживая тело, есть пряна, которая действует и в голове, и в огне; прошлое, настоящее, будущее - все покоится па пране. Самый важный из элементов — это огонь Брахмана, и мы почитаем его — тою, кто является душой всего сущего, извечным Пурушей, способностью к познанию, разумом, самосознанием и объектами чувств. На земле он повсюду охраняется праной и следует своими собственными путями, поддерживаемый самьямой. Огонь, пребывающий у мочевого пузыря и анального отверстия, является апаной, он выводит наружу мочу и кал.

То единое, что присуще трем — волевому усилию, действию и (приложенной) силе, люди, познавшие Высочайший дух, называют уданой. Ветер, присутствующий в каждом сочленении человеческого тела, зовется вьяной. Огонь, проникающий все элементы тела, разносится этим ветром повсюду и приводит в движение соки.

Из комбинации пран возникает такое соединение, которое известно как жар, благодаря которому переваривается пища. Прана и вьяна размещаются между апаной и уданой, и выделяемый при (их соединении) огонь как следует пропекает эту область. Этот жар пребывает в прямой кишке, оканчивающейся анальным отверстием, а от него рождаются токи во все праны живущих. Влекомая силой огня к выходу из кишечника, прана удерживается, а устремляясь наверх, она вновь источает огонь. Ниже пупка — вместидище переваренной пищи, выше — непереваренной; все праны тела сходятся в центре пупка. От сердца поперек, вверх и вниз отходят десять каналов; побуждаемые пранами, и разносят соки пищи. Путь, которым йоги приходя к Высочайшему духу, таков: преодолев усталость, владея (различными) позами, они помещают Атман в голову. Вот таким образом праной и апаной проникнуты все, имеющие тело.

(Телу), несущему в себе совокупность (семи) кала, свойственно одиннадцать видоизменений. Знай, что телесное воплощение всегда подчинено карме. Знай, что огонь, который всегда присутствует (в теле) как бы заключенным в сосуд, — это Атман, постоянно подчиненный йоге. Знай, что бог, обитающий в нем, словно капля воды в цветке лотоса, есть Знающий поле и он всегда постигается самоотречением. Знай, что раджас, саттва и тамас — свойства живого, что жпзнь — это свойство Атмана, а Атман — Высочайшего духа.

О сознании говорят, что оно — свойство живого, поскольку активно само и способствует активности всего (остального). А того, кто создал семь миров, знающие поле считают выше пего. В любом существе индивидуальная душа не проявлена, ее видят лишь осененные мудростью благодаря своему острому, тонкому уму. Душевной благостью уничтожается карма — и дурная, и добрая; просветленный душою, пребывая в самом себе, вечно вкушает блаженство.

Признак душевной благости — то, что человек спокойно и безмятежно спит; лучась здоровьем, он изливает сияние, точно светильник в укрытом от ,;етра месте. Чистый духом постоянно напрягает свой ум, начиная с ранних часов утра я до позднего вечера, ограничиваясь самой скудной пищей, постигает Атман в самом себе! Он ищет его светом разума — горящего светильника, а постигнув, что тот Атман не есть его «Я», он приходит к освобождению. Всеми средствами следует подавлять в себе алчность и злобу; это придает чистоту жертвоприношениям, подвижничество же считается переправой (на небеса). Свое покаяние следует постоянно оберегать от гнева, удачу — от зависти, ученость — от тщеславия и бесчестья, а Атман — от небрежения.

Непричинение вреда живому — это высшая дхарма, смирение — величайшая сила, знание Атмана — высочайшее знание, а обет истины — (лучший) из обетов. Истинная речь — это благо, истинное знание — польза, но высшей истиной считается то, что (служит) вечному благу живущих. Тот, кто в своих действиях никогда не рассчитывает на признание, кто жертвует всем, отрекаясь (от мира), тот воистину мудр и воистину отрешен. Даже наставник не может ни отторгнуть, ни привести к тому непосредственному, (наступающему) в результате познания слиянию с Брахманом, которое называется йогой отречения.

Не следует причинять зла ни единому живому существу, надо быть доброжелательным; тебе дана жизнь — так не стоит ни с кем враждовать. Полное отречение от мира, глубокая умиротворенность, отсутствие стремлений и покой — таково высшее знание, истинное высочайшее самопознание.

Отрекшись от окружающего, будь разумом тверд в обете, (и для тебя) настанет неизменно беспечальное существование и в этом мире, и в мире ином. Надо стремиться стать всецело погруженным в подвижничество смиренным мудрецом, подчинившим себе свою душу, надо стараться одолеть в себе то, что еще неподвластно, и порвать все связи с миром. «Не имеющий определенности», «ни с чем не связанный», «тот, чья единственная функция— (существование)», «не имеющий конца» — к такому (состоянию) надо стремиться тебе, брахману! Его называют одним словом — блаженство. Человек, который равно отринет и горе, и радость, достигнет (слияния) с Брахманом; от всего отрешившись, он идет к бесконечности. Как я слышал об этом, так все полностью и поведал тебе, о лучший из дваждырожденных! О чем ты еще хочешь услышать?
*Такова в книге «Лесная» великой «Махабхараты» двести третья глава.*

ГЛАВА 204

Маркандея сказал:
Когда, о Юдхиштхира, повествование о дхарме освобождения было окончено, брахман, чрезвычайно довольный, твердо сказал Дхармавьядхе: «Истинно все, о чем ты поведал, и, кажется, нет ничего, что было бы неизвестно тебе о дхармах».

Охотник сказал:
Посмотри, о лучший из дваждырожденных, бык среди брахманов, в чем состоит моя непосредственная дхарма, соблюдая которую я приблизился к совершенству. Вставай же, владыка, пойдем скорее в дом. Тебе, о знаток дхармы, надо увидеться с моими матерью п отцом.

Маркандея сказал:
С этими словами они вошли внутрь (дома), и взору (брахмана) открылись торжественные покои; разделенные на четыре части, чисто выбеленные, они были поразительно прекрасны. (Воздух здесь) был напоен тончайшими ароматами; снабженный ложами и местами для сидения, (этот дом), надежно хранимый богами, напоминал собой храм. На самом удобном месте, довольные, восседали одетые в белое почтенные родителя (охотника), только что окончившие трапезу. Завидев их, Дхармавьядха (подошел) и приник головой к их стопам.

Старцы сказали:
Встань же, встань, о знаток дхармы! Да хранит тебя дхарма! Мы довольны твоим благочестием. Да будет долог твой век! Ты постоянно, о сын наш, оказываешь нам доброе сыновнее почтение. Даже среди богов нет для тебя божества выше (чем мы). Своим усердием ты достиг смирения, которое свойственно (только) дваждырожденным. Деды отца твоего, твои прадеды, всегда довольны, сынок, твоим умением владеть собой и

почтительным отношением к нам. Ни делом, ни мыслью, ни словом не нарушаешь (ты) обета послушания. Наверное, тебе даже в голову не приходят и иные ложные помыслы. Как Рама, сын Джамадагни, свято чтил своих престарелых (родителей), то же самое делаешь ты, и даже больше того, о сынок!

Маркандея сказал:
Тут Дхармавьядха назвал им того брахмана, и они радушно приветствовали мудреца словами: «Добро пожаловать!» Приняв оказанные ему почести, дваждырожденный спросил их: «Все ли хорошо у вас в доме, у ваших сыновей и слуг? Здоровы ли вы сами?»

Старцы сказали:
Все благополучно в нашем доме и у всех (наших) слуг, о брахман! А ты легко ли добрался сюда, о владыка?

Маркандея сказал:
«Да, конечно», — ответил им брахман радостно. И тут Дхармавьядха веско сказал премудрому: «Отец и мать для меня, о владыка, высочайшие божества. Что следует делать для богов, то я делаю для них. Как должны быть почитаемы миром все Тридцать три бога во главе с Шакрой, так я (почитаю) этих старцев. Дваждырожденные приносят дары божествам, а я неустанно одариваю (родителей). Нет для меня, о брахман, божества выше, чем отец с матерью. Я всегда стараюсь порадовать их цветами, фруктами и дорогими каменьями, о дваждырожденный! (Родители) для меня — те самые жертвенные огни, о которых говорят премудрые.

Жертва и четыре Веды — все для меня они, о дваждырожденный! Они мне дороже жизни, дороже жены, сыновей и друзей. Вместе с женой и сыновьями я всегда ублажаю их. Сам я их мою, омываю им стоны и сам приношу еду, о лучший из дваждырожденных! Я рассказываю им подходящие к случаю истории, избегая неприятного, и доставляю им удовольствие, даже если для этого приходится идти против дхармы. Я делаю так, почитая дхарму наставником, о лучший из дваждырожденных! Во всякое время, о брахман, я неустанно (им) угождаю.

У человека, о брахман, есть пять наставников: отец, мать, жертвенный огонь, Атман и учитель, о достойнейший из дваждырожденных! Кто относится к ним как должно, о первый среди дваждырожденных, у того всегда зажжены жертвенные огни. Это извечная дхарма каждого домохозяина».
*Такова в книге «Лесная» великой «Махабхараты» двести четвертая глава.*

ГЛАВА 205

Маркандея сказал:
Представив брахману своих наставников — отца и мать, благочестивый охотник вновь обратился к брахману: «Видишь,, (в чем) сила подвижничества: поле зрения моего стало значительно шире. Потому и сказала тебе та смиренная и добропорядочная женщина, верная своему супругу: «Ступай в Митхилу. В Митхиле живет охотник, он и расскажет тебе о дхармах».

Брахман сказал:
Я помню слова той (женщины), что верна своему супругу,
правдива и добродетельна, о стойкий в обете! Ты для меня, о знаток дхармы, — само средоточие добродетелей.

Охотник сказал:
В том, что преданная супругу женщина сказала тебе обо мне, о властитель, лучший из дваждырожденных, она была, несомненно, права. Я рассказал это (все) из расположения к тебе, о брахман! Слушай меня дальше, друг мой! То, что я скажу, будет полезно тебе, о дваждырожденный! Ты обидел отца своего и мать, о лучший из дваждырожденных: ты удалился из дома постигать Веды и не простился с ними, о безупречный!

Неправедно ты поступил. В тоске по тебе ослепли (от слез) старцы-отшельники. Ступай, заслужи их прощение. Да не покинет тебя великая дхарма! Ты, сильный духом подвижник, всегда был верен своей дхарме, но все это ничего не значит (теперь). Утешь их скорее. Поверь мне, о брахман, ты не должен (сейчас) делать что-то иное. Иди же, мудрец-брахман! Я даго тебе добрый совет.

Брахман сказал:
Все, что сказал ты, — истина, нет сомнения. Я доволен тобой, о знаток дхармы, добродетельный и достойный!

Охотник сказал:

Ты можешь сравниться с богами, ибо ты верен древней, извечной, божественной дхарме, а это недоступно низким духом. (Ступай) поскорее, воздай усердно почести своим родителям. Я не знаю дхармы более высокой, чем эта.

Брахман сказал:
Счастье, что я явился сюда, и счастье, что встретился здесь с тобою. Люди, умеющие толковать дхарму, редки в мире. Едва ли найдется один из тысячи, кто знает дхарму. Я доволен твоим откровением. Благо тебе, о величайший из людей! Ведь мне угрожал ад, а ты спас меня.

Это судьба, что я встретил тебя, о безупречный! Как царь Яяти в своем падении был спасен праведными внуками, так ты (спас) меня теперь, о тигр среди мужей! Я стану ублажать своих родителей, как ты сказал: ведь тот, кто несовершенен душою, не может проникнуть в тайны добра и зла.

Извечная дхарма непостижима для рождавшегося среди шудр, но я не считаю тебя шудрой. Предопределение — вот причина, из-за которой как возмездие за содеянное гы оказался шудрой. Я хочу знать всю правду об этом, о многомудрый! Расскажи мне, смиривший душу, все как есть, (что случилось с тобою), если желаешь.

Охотник сказал:
Брахманы неприкосновенны, о лучший из дваждырожденных! Послушай, что приключилось со мной в прежней моей жизни, о безупречный! Ведь прежде я тоже был брахманом, о сын первого среди дваждырожденных! (Я) глубоко изучил Веды и был искушен в Ведангах, но по своей собственной вине попал в такую беду, о брахман! (Был) у меня друг, один царь, искусный в стрельбе из лука. Благодаря общению (с ним) и я, о дваждырожденный, тоже стал метко (стрелять) из лука.

Однажды отправился царь на охоту, окружив себя лучшими воинами и советниками. У некой обители он подбил множество антилоп.

И я, в свою очередь, послал грозную стрелу, о лучший из дваждырожденных, и ударила та стрела с за гнутым наконечником прямо в отшельника. Падая на землю, о брахман, тот воскликнул: «Я ничего не сделал дурного! Кто совершил такой грех?» Я-то принял его за оленя. Подбежал я к отшельнику и увидел, что мудрец насквозь пронзен моей стрелой с загнутым наконечником. (Лежит) на земле этот брахман, суровый подвижник, и громко кричит. Разум мой помутился от совершенного зла. «Я сделал это нечаянно», - сказал я ему. «Ты должен простить меня, брахман». — взывал я к подвижнику. А святой мудрец, ослепленный гневом, о дваждырожденный, ответил мне: «Ты, злодей, станешь охотником, рожденным от шудры!»
*Такова в книге Лесной великой «Махабхараты» двести пятая глава.*

ГЛАВА 206
Охотник сказал:
Так меня проклял этот святой мудрец, о первый из лучших дваждырожденных! Я попытался тронуть святого мудреца, знавшего толк в речах, своими мольбами: «Я совершил это зло по неведению, о подвижник! Ты должен простить (меня). Смилуйся, о владыка!»

Мудрец сказал:
Проклятие нельзя отвратить, это бесспорно, но из сострадания я окажу тебе милость: родившись шудрой, ты станешь знатоком дхармы и непременно будешь почтителен к своим родителям. Верно служа им, ты достигнешь высокого совершенства (души) и, помня о своем (истинном) происхождении попадешь на небеса. Когда наступит конец проклятию, ты снова станешь дваждырожденным.

Охотник сказал:
Так я был некогда проклят тем святым мудрецом, суровым подвижником, и вот какую милость он проявил ко мне, о лучший из людей! Я извлек из него стрелу, о достойнейший из дваждьгрожденных, перенес его в обитель, и он остался жив. Теперь (я) рассказал тебе все, что случилось со мною в прежние времена, а в будущем я должен достичь небес, о достойнейший из дваждырожденных!

Брахман сказал:
Людям на долю выпадает и горе, и радость, о многомудрый! Ты не должен предаваться печали! Зпая о своем (прежнем) рождении, ты уже совершил трудноисполнимое, о сын мой! И сейчас, о мудрец, ты расплачиваешься за содеянное, совершая то, (что положено) тебе по рождению. Потерпи еще некоторое время — и ты снова будешь дваждырожденным. Я же и теперь, без всяких сомнений, считаю тебя брахманом.

Если брахман погряз в низких пороках, если он чванлив и постоянно творит зло, он становится подобен шудре. А шудру, который неустанно стремится к смирению, истине и благочестию, я почитаю брахманом,

поскольку он поступает подобно дваждырожденному. В силу превратностей кармы он вступает на страшный тернистый путь. Я считаю, что теперь ты очистился от iреха, о лучший из людей! Ты не должен печалиться: такие, как ты, люди, сведущие в мирских обычаях и установлениях, не знают печали. Их мысли всегда устремлены к дхарме.

Охотник сказал:
Телесный недуг излечивается лечебными снадобьями, душевный же — мудростью. В этом польза знания, и не следует походить на детей. Люди, слабые разумом, предаются душевным невзгодам, когда получается то, что для них нежелательно, или же не удается достичь того, чего хочется. Все живущие то достигают успеха, то утрачивают (его). Нет такого, чьим уделом была бы только печаль. Видя, что случилось то, чего они не желали, (люди) сначала печалятся, но затем, если они видят выход, поступают пгаче. Для того, (кто только и делает), что предается печали, ничто не изменится, только он сам изведет себя. Мудрые черпают радость и удовлетворение в познании, отрешившись как от горя, так и от счастья.

Невежд обуревает недовольство, мудрых осеняет радость. Неудовлетворенности нет предела, удовлетворенность — высшее благо. (Мудрые), окончив свой путь, не печалятся, видя перед собой высочайшую стезю. Не следует предаваться душой печали: печаль — это сильнейший яд; он убивает слабого разумом, как разъяренная змея — ребенка. Кто предается горю, когда приходят невзгоды, того покидают сила и мужество. За (каждый) совершенный поступок ждет неминуемое возмездие. Поддавшись отчаянию, (человек) не обретает никаких благ.

Надо стараться найти какое-то средство, чтобы избавиться от печали; надо действовать, а не предаваться тоске, быть собранным и предприимчивым. Мудрые, те, что постигли бренность (всего) сущего и дошли до высот разума, не печалятся перед лицом высочайшего пути. И я не печалюсь, о мудрый! Я просто жду своего часа. Эти мысли спасают меня от отчаяния, о достойнейший брахман!

Брахман сказал:
Ты совершенен разумом, мудр, и ум твой огромен. Я о тебе не тревожусь. Ты, о знаток дхармы, нашел успокоение в знании. Я прощаюсь с тобою. Благо тебе! Да хранит тебя твоя дхарма! Неукоснительно следуй своей дхарме, о вернейший из блюстителей дхармы!

Маркандея сказал:
«Да будет так», — сказал охотник, почтительно сложив ладони. Обойдя его слева направо, достойнейший из дваждырожденных удалился. Ушел он и с этих пор стал горячо, как полагается, почитать своих престарелых родителей. (Я), о Юдхиштхира, рассказал тебе полностью все, что ты спрашивал меня относительно дхармы, о лучший из вершителей дхармы! (Ты), о достойнейший, выслушал рассказ о брахмане и о великой участи той, что предана своему супругу, о почтении к родителям и о дхарме того охотника.

Юдхиштхира сказал:
Необычайна и удивительна эта не знающая себе равных повесть о дхарме, которую (ты мне) поведал, о брахман, первый среди блюстителей всех дхарм, достойнейший из дваждырожденных! Для меня, о мудрец, словно мгновение, пролетело (то время), пока (ты) услаждал мой слух (своими рассказами), п я, о владыка, еще не наслушался (твоих речей) о высшей дхарме.
*Такова в книге «Лесная» великой «Махабхараты» двести шестая глава.*

# ПОВЕСТЬ ОБ АНГИРАСАХ

ГЛАВА 207

Вайшампаяна сказал:
Выслушав ту славную повесть о дхарме, Царь справедливости снова спросил святого мудреца-подвижника Маркандею.

Юдхиштхира сказал:
Почему в далекие времена Агни удалился в лес и как великий святой мудрец Ангирас после его исчезновения обернулся Агни и стал уносить жертвы? Хотя Агни един, в обрядах у него множество проявлений, о владыка! Я хочу знать обо всем этом. Как появился на свет Кумара и как он стал зваться сыном Огня? Как он был рожден от Рудры Гангой и Криттиками? С глубочайшим интересом я жду от тебя, о великий мудрец из рода Бхаргавов, правдивый рассказ об этом.

Маркандея сказал:

В этом случае приводят древнее предание о том, как Уносящий жертвы, разгневанный, удалился в лес, чтобы предаться подвижничеству, и как Апгирас превратился в подобие самого великого Агни, опаляющего своим жаром и разгоняющего мрак. Живя в обители, могучий (Апгирас) затмил собою Уносящего жертвы и, добившись этого, залил светом весь мир. Пожиратель жертв, тоже предавшийся покаянию, был подавлен его пылом: пламенный (Агни) был глубоко удручен и не мог ничего понять. Владыка, Уносящий жертвы, размышлял:

Это Брахма сотворил для людей в этом мире другого Агни. Пока я предавался подвижничеству, я перестал быть Агни. Как же мне снова стать (прежним) Агни?» Погруженный в такие думы, он увидал вдруг великого отшельника, подобно огню опаляющего миры. Испуганный, медленно приблизился он (к мудрецу), а Ангирас обратился к нему со словами: «Тотчас же стань снова Агни, несущим жизнь миру! Известен ты в трех мирах, среди движущегося и неподвижного. Тебя, губителя мрака, о Агни, сотворил первым Брахма. Вернись же скорей на свое место, о разгоняющий тьму!»

Агни сказал:
Лишился я славы в мире, ты стал Пожирателем жертв. Тебя люди будут считать Очистителем, а не меня. Я отказываюсь быть Агни. Будь ты первым Агни, а я буду вторым, посвященным Владыке сущего.

Ангирас сказал:
Исполняй свой священный (долг), позволяющий людям достигать небес! Стань снова Агни, рассеивающим мрак, и прежде всего сотвори для меня поскорее, о бог, первого сына.

Маркандея сказал:
Выслушав речь Ангираса, Джатаведас так и сделал: у Ангираса (появился) сын но имени Брихаспати, о царь! Узнали боги, о бхарата, что у Ангираса благодаря Огню родился первенец, пришли и попросили объяснить, в чем дело. На вопрос богов Ангирас рассказал, что случилось, и боги остались довольны его рассказом. Теперь я расскажу тебе о различных Огнях, отмеченных ярким сиянием. Различие их использования (в обрядах) описано в Брахманах.
*Такова в книге «Лесная» великой «Махабхараты» двести седьмая глава.*

ГЛАВА 208
Маркандея сказал:
У третьего сына Брахмы, о продолжатель рода Куру, была жена, дочь Апавы. Услышь от меня о ее потомстве. (Сыновья ее) — Брихадджьотис, Брихаткирти, Брпхадбрахма, Бриханманас, Бриханмантра, Брихадбхаса, а также Брихаспати. Среди всех детей Ангираса не знала себе равных по красоте богиня по имени Бханумати, его первая дочь. Вторая дочь Ангираса (вызывала) любовь всего сущего, из-за этого и назвали ее Рага.

Третья дочь Апгираса, Синивали, была так стройна, что люди говорили, будто она одновременно и видна, и не видна, и называли ее дочерью Капардина. Сиянием была приметна Арчисимаги, жертвенными возлияниями — Хавишмати, а шестую дочь Ангираса за усердие в жертвоприношении прозвали Пунья. Седьмая дочь Ангираса, искусная в отправлении великих, сияющих огнями жертвенных обрядов, звалась Махамати. (Восьмая) дочь Ангираса была столь величественна, что при виде ее (любой) человек в изумлении восклицал: «Куху!» Ее и называли Куху или же Экананша.
*Такова в книге «Лесная» великой «Махабхараты» двести восьмая глава.*

ГЛАВА 209

Маркандея сказал:
У Брихаспати была достойная супруга Чандрамаси. Родилось у нее шесть (сыновей)-огней и одна дочь. Огонь, в который во время жертвоприношений льют предназначенное в жертву масло, — это лучезарный сын Брихаспати по имени Шамью. При жертвоприношениях чатурмасья и ашвамедха ему (приносится в жертву) перворожденное домашнее животное.

Этот единый мощный Огонь сверкает многообразными отблесками. У Шамью была не знающая себе равных верная супруга Сатья, дочь Дхармы, а также сын, пылающий Огонь, и трое добродетельных дочерей. Огонь, который при жертвоприношении почитается первым возлиянием масла, — тот самый первый сын (Шамью), Огонь по имени Бхарадваджа. Огонь, в честь которого во время каждого жертвоприношения паурнамасья возливают ковшом жертвенное масло, был наречен Бхаратой. Это второй сын Шамью.

Жили на свете три девы, и этот Бхарата (стал) их мужем, и (родились) у него сын Бхарата и дочь Бхарати. Огонь Бхарата, (сын) Огня, Властелина живущих, Бхараты, взвиваясь на большую высоту, опасен, о лучший из бхаратов! У Бхарадважи была супруга Вира и сын Вира. Дваждырожденные говорят, что ему следует

(приносить) жертву точно так же, как Соме, только медленно возливая жертвенное масло в огонь. (Огонь), который при вторичном возлиянии соединяется с Сомой, зовется Ратхапрабху. Ратхадхвана и Кумбхаретас.

У него от Сараю родился (сын) Сиддхи, блеском своим он затмевал солнце. Его всегда почитают гимном Агнц и поминают в призывах к нему. Огонь, который никогда не теряет своей славы, блеска и величия, зовется Нишчьявана, он всегда славит землю. Сын его — безгрешный Огонь Випапа, свободный от прегрешений, чистый, сияющий блеском, верно служащий в периодических обрядах.

Огонь, который приносит успокоение кричащим (от боли), зовется Нишкрити; если его поддерживать, он приносит благо. Его сын — Огонь по имени Свана, он причиняет страдания, из-за него люди стонут, терзаемые болью. Огонь, который движет помыслами всего живущего, знатоки Высочайшего духа называют Вишваджит.

Внутренний жар, с помощью которого переваривается человеческая нища, о бхарата, во всех мирах называется при жертвоприношении Вишвабхуджш. Это Огонь, принявший обет безбрачия, смиривший свою душу и постоянно подвергающий себя большим обетам. Брахманы почитают этот Огонь всякий раз, когда в жертву приносится вареная пища. Славен также Гопати, чьей любимой супругой была река; этот (Огонь) используют для исполнения всех обрядов те, что вершат действо.

Грозное (пламя) «Пасть кобылицы», которое выпивает воду и устремляется ввысь, называется Урдхвабхаджем; то мудрец, который укрывается в пране. Огонь, (который зажигают) у северного входа в дом, которому постоянно приносят дома в дар подношение, тот, который обеспечивает успех жертвы, зовется высочайшим Свиштакритом. Огонь, который порождает ярость в умиротворенных существах, известен как Манью. Он породил дочь Маньяти, средоточие ярости, она же — Сваха, жестокая и грозная, живущая во всем живом. Огонь, равного которому по красоте нет п на третьем небе, боги за несравненность назвали Камой.

В радости (победы) сдерживая ярость, Огонь по имени Амогха стоит в венке на колеснице и во время битвы разит из лука своих недругов. Огонь по имени Уктха, восславленный тремя уктхьями, породил великую Вач, поэтому его называют Сакамашва, о достославный!
*Такова в книге «Лесная» великой «Махабхараты» двести девятая глава.*

ГЛАВА 210

Маркандея сказал:
Кашьяпа и Васнштха вместе с Праной, сыном Праны, с Агни, сыном Ангираса, и с Чьяваной Тришуварчакой посвятили себя суровому многолетнему подвижничеству ради обретения потомства. (Оли решили): «Пусть будет у нас достойнейший сын, славою равны Брахме».

Когда они впятером мысленно (произнесли) великие вьяхрити т, появился вызванный к жизни мощью их (подвижнического) пыла лятицветный Огонь-созидатель. Голова у него была словно яркое пламя, а руки подобны солнцу, о бхарата! Кожа и глаза его светились блеском золота, а голени были черные. Сотворенных! подвижничеством тех пяти, этот пятицветный (огонь) в Ведах известен как Панчаджанья. От него пошло пять родов. Предаваясь покаянию в течение десяти тысяч лет, этот великий подвижник, начав созидать потомство для своих отцов, породил грозное пламя.

Из головы его и изо рта появились быстро возносящие (гимны) брихат и ратхантара, из пупка — Шива, из мощи его (родился) Индра, из праны — Ваю и Агни, из рук его (произошли) удатта, анудатта, а также все живые существа. Создав их, он сотворил затем пять сыновей для своих отцов: Пранпдхи — для Брихаджан, Брихаттару — для Кашьяпы, отважного Бхану — для сына Ангираса, Саубхару — для Варчаса н Анудатту — для Прапы. Они почитаются основателями пяти родов. Он создал еще пятнадцать других богов, которые похищают принесенное в жертву. Абхима, Атибхима, Бхима, Бхимабала и Абала—вот пять богов из тех, что похищают жертвенные подношения, и сотворил их (пятицветпый) Тапас.

Сумитру и Митравана, Митраджпу, Митравардхану и Митрадхармана — этих (пятерых) богов тоже создал Тапас. Тапас сотворил еще пятерых — Сураправиру, Виру, Сукешу, Суварчаса и Сурахантри.

Эти боги составляют три группы по пять в каждой. Пребывая в этом мире, они похищают у небес приносимое в жертву. На земле они похищают то, что приносится в жертву (богам), и большую часть этого уничтожают, причем похищают (жертвенные дары) лишь из соперничества с Уносящих жертвы (огнями). Поэтому (люди) сведущие помещают приносимое в жертву на жертвенный алтарь, и тогда они не смеют приблизиться к тому месту, где находится жертвенный огонь. Погребальный огонь, уносящий жертву на своих крыльях, тоже отталкивает их.

Усмиренные заклинаниями, они не могут похищать принесенное в жертву и предназначенное для нее. Сын Тапаса-Брихадуктхи принадлежит земле. На земле праведники приносят ему жертвы, совершая жертвоприношение агнихотра. К Огню Ратхантаре, сыну Тапаса, взывают при жертвоприношении, которое жрецы называют (жертвоприношением) Митравинде. Многославный (Тапас) был преисполнен высочайшей радости и ликовал со своими сыновьями.
*Такова в книге «Лесная» великой «Махабхараты» двести десятая глава.*

ГЛАВА 211

Маркандея сказал:
Суровым законам подвижничества подчинил себя Огонь по имени Бхарата. Умиротворенный, он дарует процветание, и тогда его называют Пуштимати. Он взращивает все сущее и потому зовется также Бхаратой. Огонь по имени Шива, посвятивший себя служению Шакти, с неизменным милосердием приносит облегчение всем, кто страдает от боли.

Увидев плоды своего подвижничества, воодушевился великий Та-пас, и тогда появился на свет мудрый сын его Пурандара, пожелавший продолжить (дело отца). Из жара (его) появился на свет Ушман, огонь, который живет (в теле) каждого существа. А Огонь по имени Ману был облечен ролью Владыки живущих. Брахманы, искушенные в Ведах, упоминают еще Огонь Шамбху.

Дваждырожденные называют Авасатхьей пылающий Огонь великой мощи. Огонь Тапас породил, кроме того, пять Огней Урджаскара, сыновей жертвы, и каждый из этих Уносителей жертв блеском своим был подобен золоту. Огонь Гавампатп, уже усталый, произвел, угасая, на свет, о достославный, грозных демонов и разного рода смертных.

Сыну Тапаса Ману, так же как Бхану, дал жизнь Ангирас. Брахманы, искушенные в Ведах, называют (Бхану) Брихадбхану. Супругой Бхану была Супраджа, а также Брихадбхаса, дочь Сомы. Родилось у них шесть сыновей. Слушай, какими были потомки (Бхану). Первого сына Бхану, того, кто вливает силы в тела обессилевших, называют Огнем Баладой. Грозное пламя, которое порождает ярость в умиротворенных существах, зовется Маныоман; это второй сын Бхану.

Огонь, которому на земле полагается приносить жертву в новолуние и полнолуние и который зовется в этом мире Вишну, был назван также Дхритиман Апгирас. Огонь, которому в честь Индры приносят жертвенные дары во время жертвоприношения аграяна, зовется Аграяной; ото тоже сын Бхану. Нираграха, которому постоянно (приносятся) жертвы во время жертвоприношения чатурмасья, — тоже сын Бхану наряду с четырьмя другими. Родились у него еще дочь Ниша и Агни с Сомой; (Ниша) стала супругой Мгну и дала жизнь пяти Огням.

Прославленный Огонь, который вместе с Парджаньей во время жертвоприношения чатурмасья почитается возлиянием масла, (зовется) Вайшванарой. Огонь, который называют властелином всего мира, носит имя Вишвапани; это второй сын Ману. Наивысшим считается Свиштакрит, благодаря которому принесенное в жертву топленое масло достигает цели. У Хираньякашипу была дочь по имени Рохини: согласно своей карме, стала она его супругой.

Огонь — Властелин живущих.
Саннихита — это имя того, кто посредством праны управляет телами живущих; он сообщает (человеку) звук и форму. Бог, путь которого и светел, и темен, тот, кто поддерживает Пожирателя жертв и, оставаясь безгрешным, совершает грехи, представая как (воплощение) гнева, тот, которого подвижники почитают обычно высочайшим святым мудрецом Капилой, — это Огонь по имени Капила, основатель санкхьи и йоги. Огонь, который одаривает бхутов и которым всегда почитают бхутов в различных обрядах, зовотся Огнем Аграпи.

Для очищения осквернепной агнихотры он породил и других могучих Огней, славных в мире. Если случайно от дуновения ветра жертвенные огни коснутся друг друга, то следует сделать жертвенное подношение в восьми «чашах» Огню Шучи! Если южный огонь соприкоснется с двумя другими, то следует сделать жертвенное подношение в восьми «чашах» Огню Вити. Если домашних огней коснется огонь лесного пожара, то следует сделать жертвенное подношение в восьми «чашах» Огню Шучи. Если жертвенного огня коснется женщина, носящая месячные, то следует сделать жертвенное подношение в восьми «чашах». Огню Дасьюману. Если упомянут о смерти человека, который жив, а погибло животное, то следует сделать жертвенное подношение в восьми «чашах» Огню Абхиману.

Брахману, который из-за болезни три ночи подряд не мог совершать возлияние огню, следует сделать жертвенное подношение в восьми «чашах» северному огню. Тому, кто намерен приступить к жертвоприношениям дарша и пауриамаса, следует сделать жертвенное подношение в восьми «чашах» Огню Патхикриту. Если огонь, зажженный по случаю рождения ребенка, войдет в соприкосновение с огнем агнихотры, следует сделать жертвенное подношепие в восьми «чашах» Огню Агнимати.
*Такова в книге «Лесная» великой «Махабхараты» Двести одиннадцатая глава.*

ГЛАВА 212

Маркандея сказал:
У Сахи Апы была любимая супруга - достойная Мудита, (Паха), владыка земли и хранитель поднебесья, произвел на свет величайшего (бога) Огня. Среди дваждырожденных в их семьях этот Огонь зовется Властелином всего сущего, это Атман, поддерживающий миры. Могучих! пылом Огонь-властитель, который повелевает всеми великими элементами на земле, пребывает в вечном движении.

При жертвоприношениях всегда почитают Огонь по имени Грихапати; он уносит из этого мира то, что приносится в жертву. Апамгарбха, великий участью, удивительнейший сын Сахи, властвует на земле и царит в поднебесье. Считают, что он — владыка священного знания. (Сыном) его был Огонь Бхарата, сжигающий тела умерших. При агништоме Нияте (посвящается) лучшее из принесенного в жертву. Огонь, увидев однажды, что приближается Нията, в страхе вошел в океан, боги искали его повсюду, но не нашли.

Увидев Атхарвана, Огонь обратился к нему: «Теперь ты должен уносить жертвы богам. Обессилел я, о герой! Стань, Атхарван, Медовооким, сделай для меня такое благо!» И Огонь, послав за себя Атхарвана, удалился в чужие края, но рыбы его выдали. В ярости объявил им Огонь: «Пусть вас пожирают разные твари живые!» А Атхарвану Уносящий жертвы повторил свои прежние слова. Много раз обращался к нему (Атхарван) от имени (всех) богов, но тот не пожелал уносить жертвы и вскоре покинул телесную оболочку.

Расставшись с телом, он ушел в землю и, соприкоснувшись с землей, создал много различных веществ. Изо рта его (появились) сера и золото, из костей — дерево деодар, из мокроты — хрусталь, из желчи — изумруд, а из печени — черное железо, и люди (с тех пор обладают) тремя (видами материала: деревом, камнем и железом). Ногти его обернулись слюдой, а сеть вен — кораллами, и много разных других веществ произошло из его тела.

Покинув телесную оболочку, (Огонь) сохранил себя в высочайшем подвижническом пылу и подвигами Бхригу, Ангираса и других был возрожден к жизни. Ярко сиял пылающий Огонь, набирая мощь от подвижничества, но, узрев святых мудрецов, опять в ужасе погрузился в великий океан. Когда он исчез, встревоженный мир обратился к Атхарвану, и сами мудрецы-боги оказали Атхарвану почести. А Атхарван на глазах у всего сущего вспахтал океан и, разыскав Огонь, стал сам созидать миры.

Так некогда Огонь был оттеснен могучим Атхарваном и потом призван им вновь, (и с тех пор) он всегда уносит то, что приносится в жертву живущими (на земле). За время странствий, скитаясь по разным краям, создал он много богов — алтарей для жертвенного огня, упомянутых в Ведах. Кроме Спндху Пятиречье, реки Девика и Сарасвати, Ганга, Шатакумбха и Шараю, Гандасахвая, Чарманвати и Махи, Медхья и Медхатитхи, триречье — Тамравати, Ветравати и Каушики, Тамаса, Нармада и Годавари, Веина, Правени, Бхима и Медратха, Бхарати и Супрайога, Каверн и Мурмура,

Кришна и Кришнавенна, Капила и Шона — эти реки, о бхарата, считаются праматерями алтарей для жертвенного огня.

У Адбхуты была супруга Прия, у нее — сын Видуратха. (Существует) столько же видов (жертвоприношений) сомы, сколько упомянуто богов огня. Духовные детища Брахмы явились на свет как потомки Атри: Атри, страстно желая иметь сыновей, выносил их в себе, и затем из тела Брахмы появились на свет Пожиратели жертв. Итак, я рассказал тебе о том, как произошли на свет эти великие, достославные, не имеющие себе равных Огни — губители мрака.

Знай, что все они столь же велики, как Адбхута, чье могущество прославлено в Ведах. Пожирающий жертвы един, он, владыка, — единственный и почитается первым как Ангирас. Еще много раз исходили из его тела (Огни), такие, как (Огонь) жертвоприношения джьотиштома. Таков превеликий род Огней, восславленный мною; очищаемый разными заклинаниями, уносит (Огонь) то, что предназначено людьми в жертву.
*Такова в книге «Лесная» великой «Махабхараты» двести двенадцатая глава.*

ГЛАВА 213

Маркандея сказал:
Я представил тебе, о безупречный, обширный клан Огней, а теперь, о потомок Куру, послушай о рождении мудрого Картикеи. Я расскажу тебе о достойном, беспредельно могучем, удивительном сыне Адбхуты, рожденном супругами семи святых мудрецов и умножившем их славу. В давние времена насмерть сражались боги и асуры, и страшные данавы всегда побеждали богов.

Разрушитель (вражеских) городов, видя, что гибнет его войско, стал серьезно подумывать о полководце для своей рати: «Мне нужен муж такой великой мощи, которая влилась бы мужеством в поверженное данавами войско богов». Погруженный в глубокие раздумья, шел он к горе Манаса и вдруг услышал отчаянный, душераздирающий женский крик: «Поспешите ко мне кто-нибудь! Спасите меня! Укажите мне моего супруга, или пусть станет им сам (мой спаситель)!» Разрушитель (вражеских) городов сказал ей: «Не бойся! Ты в безопасности!» Сказав так, увидел он стоящего перед ним Кешина. На голове у того была диадема, в руке — палица, а. сам он был похож на гору, богатую металлом. В руках у него билась девушка. Сказал ему Васава: «Зачем ты, злодей, схватил эту деву? Знай, что я — Владыка ваджры. Немедленно отпусти ее!»

Кешин сказал:
Оставь ее, Шакра! Я желаю ее. Ступал бы ты с миром в свой город, пока живой, Губитель (демона) Паки!

Маркандея сказал:
С этими словами Кешин метнул свою палицу, (целясь) убить Индру, но Васава на лету расколол ее пополам своей ваджрой. Тогда Кешин в ярости запустил в него вершиной горы. Увидел Совершитель ста жертвоприношений, что летит в него горная вершина, и ее тоже разнес своей ваджрой, о царь! Упала она па землю и, падая, задела Кешина. Изувеченный, он выпустил счастливую девушку и бросился бежать. Прогнав демона, Васава обратился к деве: «Кто ты? Откуда? И что ты здесь делаешь, о прекрасноликая!»

Девушка сказала:
Я — дочь Властелина живущих, зовут меня Девасепа. Сначала Кешин похитил сестру мою Дайтьясену. Мы, две сестры, с разрешения Владыки живущих ходили сюда к (горе) Манасе играть со своими: подругами, и всякий раз могучий демон Кешин пытался похитить (одну из нас). Дайтьясена пожелала (стать) его (супругой), а я нет, о Губитель (демона) Паки! Он похитил ее, о властитель, а я осталась благодаря твоей мощи. Я хочу, о Индра бою, чтобы ты -выбрал (мне) такого супруга, который был бы непобедим.

Индра сказал:
Ты — моя двоюродная сестра по матери. Моя мать— Итаяни. Я хочу, чтобы ты рассказала о своей собственной мощи.

Девушка сказала:
Я слаба, о мощнорукий, но супруг мой (должен быть) сильным. Благодаря данному моим отцом дару и боги, и асуры станут его почитать.

Индра сказал:
Какова же должна быть мощь твоего супруга, богиня?
Я хочу услышать, что ты скажешь об этом, о безупречная!

Девушка сказала:
На глазах у недругов, сильный и мужественный, победит он богов и данавов, якшей, киннаров, (демонов)-змеев и ракшасов. Тот, кто вместе с тобою покорит все сущее, будет моим достойным и множащим славу супругом.

Маркандея сказал:
Выслушав ее речь, задумался глубоко опечаленный Индра: «Нет для этой богини такого супруга, о котором (она) говорит». Сверкающий солнечным блеском, увидел он Солнце на (горе) Восхода и тут же (заметил) величественного Сому, движущегося навстречу Творцу дня. Было новолуние — час Рудры, и (Индре) привиделась битва богов и асуров на горе Восхода.

Увидел Владыка — Совершитель ста жертвоприношений багряные облака ранней зари, кровью окрасились воды обиталища Варуны. Огонь, которому потомки Бхригу и Ангираса принесли жертвенные дары с особыми заклинаниями, приближался к Творцу дня, неся с собой жертву.

Солнце в двадцать четвертый раз начинало половину лунного месяца, и грозный Сома, следуя уготованным ему путем, надвигался на Солнце. При виде встречи Луны и Солнца, наблюдая этот мрачный союз, Шакра

подумал: «Мощью пыла отмечено это великое страшное единение. Чудо — такая встреча Сомы, Огня и Солнца.

Вот если бы Сома породил сына, тот был бы (достойным) супругом этой богини. И этот Огонь, наделена всеми достоинствами. — Огонь-божество. Если же он породит сына, тогда тот станет супругом этой богини». С этими мыслями Владыка отправился в мир Брахмы, взяв с собой Девасену. Он приветствовал Прародителя и сказал: «Укажи, о праведный, супруга-героя для этой богини!»

Брахма сказал:
Как ты решил, так и будет, Губитель данавов! Родится на свет богатырь, грозный в своем могуществе, и он станет вместе с тобою во глазе твоего войска, о Совершитель ста жертвоприношений! Тот герой и будет супругом этой богини.

Маркандея сказал:
Выслушав эго, (Индра) и девушка почтили (Брахму), и Индра богов направился туда, где пребывали посвятившие себя суровейшим обетам славные святые мудрецы-боги, Индры премудрых, во главе с Васиштхой. На их жертвоприношение сомы, добытого подвижничеством, явились вслед за Совершителем ста жертвоприношений другие боги, желая испить каждый свою долю (напитка). Совершив, как положено, жертвенное подношение пылающему Пожирателю жертв, великие духом (мудрецы) принесли жертву в честь всех небожителей.

Призвали они Уносителя жертв, и Адбхута, Огонь-властелин, сдержанный в речи, явился, как полагается, к ним, отделившись от солнечного диска. Войдя в Огонь ахавания, которому дваждырожденные с заклинаниями поднесли жертвенные дары, Пожиратель жертв принял эти разнообразные подношения и передал их, о лучший из бхаратов, от святых мудрецов небожителям. На обратном пути увидел он жен тех великих душой (мудрецов): укрывшись в своих обителях, они спокойно предавались омовению, похожие на позолоченные алтари и чистые, как лунный свет; блеском они соперничали с самим Пожирателем жертв, и каждая была похожа на удивительную звезду.

Разум покинул (Адбхуту), чувства вышли у него из повиновения: увидев жен Индр среди дваждырожденных, Огонь воспылал к ним любовью. Крепко задумался он: «Не к добру я так взволновался. Я возжелал чистых и целомудренных жен Индр среди дваждырожденных! Мне нельзя даже смотреть на них без причины, а не только касаться их. Но если я стану гархапатьей, то смогу постоянно (ими) любоваться». Обернулся он (огнем) гархапатья и, преисполненный радости, созерцал их и даже слегка касался каждой язычками своего пламени, сверкающими, как золото. Долго так прожил, томясь любовью к лучшим из женщин, плененный (их красотою) Огонь, отдавший им свою душу. Сердце его иссушила страсть, и, не добившись (любви) у жен брахманов, решил Огонь расстаться с жизнью и удалился в лес.

Меж тем Сваха, дочь Дакши, была давно влюблена в него. Долго ждала красавица, но так и не обнаружила, безупречная, ни малейшей слабости в этом суровом боге. Когда прекрасная (дева) узнала, из-за чего Огонь удалился в лес, она подумала, воистину сгорая от любви: «Приму я вид жен семи святых мудрецов и очарую томящегося желанием бога Огня, плененного их красотой. Сделаю так — и ему будет приятно, и моя страсть к нему будет удовлетворена».
*Такова в книге «Лесная» великой «Махабхараты» двести тринадцатая глава.*

ГЛАВА 214

Маркандея сказал:
Шива, супруга Ангираса, была хороша собой и отличалась
достойным поведением. Та богиня, прекраснейшая из женщин, приняла сначала ее облик, о владыка людей! Явилась она к богу Огня и сказала: «О Огонь, я сгораю от любви! Ты должен полюбить меня. Если не будет этого, знай: я умру! Я — супруга Ангираса по имени Шива, о Пожиратель жертв! Я пришла сюда вместе с подругами, обдумав свое решение».

Огонь сказал:
Откуда ты знаешь, что я снедаем любовью? Откуда (об этом знают) все другие любимые жены семи святых мудрецов, о которых ты говоришь?

Шива сказала:
Ты всегда был нам желанен, но мы робели перед тобой.
Верные приметы выдают твою печаль, потому и прислали меня к тебе. Я явилась соединиться с тобою, исполни скорее наше желание. Матери ждут, когда я вернусь, о Пожиратель жертв!

Маркандея сказал:
Тогда Огонь, довольный и радостный, насладился Шивою,
а богиня, счастливая, собрала рукой его семя. Потом она подумала: «Те, что увидят меня в лесу в этом обличье, несправедливо обвинят жен брахманов в грехе с Огнем. Поэтому, чтоб сохранить все в тайне, обернусь-ка я Гаруди и тогда спокойно выберусь из леса». Тут она превратилась в (птицу) Супарни и покинула этот великий лес.

На пути ее была гора Швета, покрытая зарослями тростника, охраняли ее чудовища — семиглавые змеи, глаза которых источали яд, а также ракшасы вместе с ракша си, пишачи и грозные толпы бхутов; здесь было полно зверей и птиц. Быстро взлетела достойнейшая (богиня) на неприступную горную гряду и торопливо бросила семя в золотой сосуд.

Потом богиня (Сваха всякий раз) принимала обличье каждой из остальных славных жен семи святых мудрецов и наслаждалась любовью с (богом) Огня, но небесный облик Арундхати она не сумела принять: (столь велика) была у той мощь подвижнического пыла и преданность своему супругу. Шесть раз каждые две недели Сваха, возлюбленная Огня, бросала его семя в сосуд, о лучший из рода Куру! И наконец из того разбрызганного (семени), собранного в тепле, появился на свет мальчик, и святые мудрецы почтили его; так исторгнутое (Огнем семя) привело к появлению Сканды.

Родился тот мальчик с шестью головами, с ушами в два раза больше того, двенадцатью глазами, руками и ногами, но с одной шеей и одним телом. Он принял такой облик на второй день лунного месяца, на третий день все еще походил на младенца, а к четвертому дню члены его оформились, и предстал он Гухой. Окутанный огромной багровой тучей, (рассекаемой) молнией, он сиял, словно солнце, взошедшее среди алых тяжелых туч.

Могучий (Сканда) взял в руки грозный гигантский лук, который оставил ему Разрушитель Трипуры, разивший им некогда врагов небожителей, и, приняв этот лучший из луков, издал клич, приведя в трепет три мира со всем, что в них есть движущегося и неподвижного. На тот его клич, подобный рокоту тяжелых туч, явились великие змеи Читра и Айравата.

Увидев спустившихся к нему (змеев), могучий сын Огня, блеском подобный молодому солнцу, схватил их обоих двумя руками, еще одной рукой взял копье, другой — прижал к себе огромного связанного петуха с красным гребнем, сильнейшего среди сильных, затем издал воинственный клич и стал предаваться забавам. Двумя руками взял он, могучий, лучшую из раковин и дунул в нее, наводя ужас на самых могучих среди живущих. (Одновременно) он часто ударял в воздухе двумя руками. Развлекаясь на горной вершине, Великий полководец, душа которого необъятна, блистал, словно восходящее солнце, и, (казалось), выпивал своими устами (один за другим) три мира.

Тот, чья душа безгранична и мощь удивительна, уселся затем на горной вершине и решил осмотреться вокруг, (обратив) свои лики в разные стороны. Увидел он множество тварей и снова издал клич. Много людей пало ниц при звуке его голоса. Перепуганные, растерянные, они стали просить у него пощады. Этих людей разных варн, тех, которые обратились тогда за покровительством к этому богу, брахманы называют великими спутниками (Сканды).

В ответ (на их мольбы) этот (бог) с могучими руками поднялся и успокоил людей. Натянув лук, он стал метать стрелы в великую гору Швету. Своими стрелами он расколол гору Краунчу, сына Химавана, и тогда гуси и коршуны перебрались на гору Меру, а расколотая гора обрушилась, издавая отчаянные вопли. Когда она рухнула, другие горы стали громко стенать от ужаса, но стон несчастных не смутил первого из могучих (богов) с необъятной душою.

Он поднял свое копье и снова издал клич. Потом (Сканда), великий духом, метнул это огромное копье, и оно мгновенно раскололо грозную вершину горы Шветы. Несчастная, искалеченная им гора в страхе перед могучим душою (героем) оторвалась от земли и взмыла вверх вместе с другими горами. Тревога объяла землю, стала она разверзаться повсюду. В отчаянии воззвала она к (милости) Сканды и тогда вновь обрела свою мощь, и горы, приветствуя его, вернулись на землю. Мир отвел для почитания Сканды пятый день светлой половины лунного месяца.
*Такова в книге «Лесная» великой «Махабхараты» двести четырнадцатая глава.*

ГЛАВА 215
Маркандея сказал:

Святые мудрецы, обеспокоенные зрелищем многообразных и грозных явлений, взялись восстанавливать спокойствие в мирах, заботясь о благе людей. Живущие в лесу Чайтраратха говорили: «Великое оскорбление нанес нам Огонь, соблазнив шестерых из жен святых мудрецов». Другие, те, что видели Гаруди, в обличье которой скрывалась богиня (Сваха), говорили той (птице): «На тебе лежит этот грех». Но люди не знали, что сделала это Сваха. А она, (принявшая вид) супарни, слыша такие речи, (думала): «Ведь это мой сын!» Пробралась она к Сканде и нежно сказала: «Я твоя мать». Когда семеро святых мудрецов услыхали о рождении отмеченного мощью сына, они покинули шестерых супруг, кроме богини Арундхати.

Лесные жители утверждали, что (мальчик) рожден теми шестью, но Сваха, о царь, уговаривала семерых святых мудрецев: «Это мой сын. Я-то знаю, (все) было не так, (кап вы думаете)». Великий мудрец Вишвамнтра, завершив жертвоприношение для семи мудрецов, следовал, невидимый, за Огнем, когда того сжигала страсть, поэтому он точно знал, как все произошло. Вишвамитра первым просил у Кумары покровительства и посвятил Великому полководцу дивные песнопения. Славный мудрец совершил для него все тринадцать торжественных обрядов над новорожденным, начиная с обряда рождения, а также воспел хвалу величию

Шестиликого, получению им петуха, а также обретению богини Шакти и спутников. Такое деяние совершил Вишвамитра на благо лгаров, и за это Кумара возлюбил святого мудреца Вшпвг митру. Великий мудрец зпал о превращениях Свахи и скала л всем мудрецам, что жены их невиновны, по, даже узнав от него правду, те все равно расстались с супругами.

О Сканде прослышали боги и все вместе стали взывать к Васаве: «Не медли, о Шакра! Скорей сокруши Сканду, отмеченного неодолимой мощью! Если ты не убьешь его тотчас же, он, наделенный великим могуществом, захватит три мира и нас вместе с тобою, о Шакра, и тогда он станет Индрон!» Тот им ответил печально: «Это дитя обладает великой мощью. (Сканда) может вызвать па бой и уничтожить самого Творца миров.

Пусть все Матери мира, мощь которых может расти по желанию, сейчас же отправятся к Сканде и покарают его».— «Да будет так»,— сказали они и удалились. Увидев, сколь неотвратима мощь (Сканды, Матери) приуныли, решив про себя: «(Нам) не осилить его» — и обратились к нему за покровительством.

Они сказали: «Будь нашим сыном! Нами держится мир. Окажи же нам честь. (Наши груди) полны молока, мы все преисполнены нежности (к тебе)». Из почтения к ним Великий полководец выполнил их желание. Затем этот (бог), сильнейший из сильных, увидел, что приближается Огонь, его отец. Тот принял почести от (своего сына) и Матерей и решительно встал рядом с Великим полководцем, готовый его защитить. Одна из Матерей, порождение Гнева, с копьем в руках (заняла место около) Сканды, оберегая его, словно мать своего сына. Жестокая дочь Кровавого океана, питающаяся кровью, обнимая Великого полководца, охраняла его, как свое детище. Огонь, превратившись в Козлоликого Найгамею, множеством своих порождений, словно игрушками, развлекал Юного (бога), пока тот жил на горе.
*Такова в книге «Лесная» великой «Махабхараты» двести пятнадцатая глава.*

ГЛАВА 216

Маркандея сказал:
Планеты вместе с кометами, святые мудрецы и Матери, а также пламенеющие толпы спутников Сканды во главе с Пожирателем жертв и многие другие грозные обитатели третьего неба собрались вокруг Великого полководца, встав рядом с сонмами Матерей. Понимая, что на победу надежд мало, и все же страстно желая победить, Владыка богов сел на (слона) Айравату и вместо с богами отправился (биться со Скандой). Индра спешил покарать Великого полководца.

Грозно сверкала стремительная, торжествующая небесная рать, красуясь под сенью пестрых знамен; на воинах были надеты лучшие из одежд, доспехи и украшения, они вооружились разными луками, и средства передвижения у них были самые многообразные. Кумара вышел навстречу приближающемуся Шакре, который горел желанием уничтожить его.

Быстро летел могущественный Шакра, оглашая кличем свой путь; он вселял радость в небесное войско своею страстной решимостью покарать сына Огня. Почитаемый Тридцатью (богами) и святыми верховными мудрецами, приблизился Васава к Картикее. Львиный рык издал Владыка богов и (другие) боги, а Гуха в ответ на тот рев зарокотал, как океан. (Услышав) его мощный глас, смешалось перепуганное небесное войско и стало похоже на взбушевавшийся океан.

Увидев богов, явившихся погубить его, сын Огня в ярости исторг изо рта мощные языки пламени, которое опалило небесных воинов, разметавшихся по земле. Тела их пылали с головы до пог, оружие и колесницы были раскалены и светились, как мириады ярчайших звезд, вдруг упавших (с небес) . Охваченные пламенем, стали боги молить о пощаде сына Огня. Покинув Держателя ваджры, они предложили мир. Тогда Шакра, оставленный богами, пустил в Сканду свою ваджру.

Пущенная им, о великий царь, она ударила могучего духом Скаггду в правый бок, пронзив его насквозь. От удара ваджры от Сканды отделилось еще одно существо. Это был юноша в золотых доспехах, (в руке) он держал копье, и дивные серьги (сверкали в его ушах). Так как он появился на свет от удара ваджры (о Сканду), он стал (называться) Вишакхой.

Увидев еще одного (воина), блистающего, как пламя конца мира, Индра перепугался, смиренно сложил ладони и попросил пощады у Сканды. Тогда Сканда, о достойнейший, объявил, что и он, и его войско в безопасности, после чего Тридцать (богов) радостно заиграли на своих вадитрах.
*Такова в книге «Лесная» великой «Махабхараты» двести шестнадцатая глава.*

ГЛАВА 217

Маркандея сказал:
А теперь послушай о грозных и удивительных видом спутниках Сканды. От того же удара о Сканду (Индровой) ваджры появились на свет страшные юные существа, которые похищают детей, причем не только родившихся, но и тех, что еще находятся в материнской утробе. Тот же самый удар ваджры породил и женские существа, отмеченные в своей юности великой мощью.

Эти юные (духи) избрали Вшпакху своим отцом. Обратившись на время боя в Козлоликого, он, владыка, всегда окружен всеми своими сыновьями и дочерьми и охраняет их с ловким Бхадрашакхой под присмотром Матерей. Поэтому на земле Сканду называют отцом детей. Люди, мечтающие о потомстве, а также имеющие сыновей, в разных краях приносят жертвы Огню-Рудре и Свахе-Уме.

К Сканде явились девы, которых произвел на свет Пожиратель жертв по имени Тапас, и тот спросил их: «Что я должен сделать (для вас)?»

Матери сказали:
Пусть будем мы верховными Матерями всего мира и пусть нас почитают за это благодаря твоей милости. Сделай для нас это благо!

Маркандея сказал:
«Да будет так,— ответил (Сканда).— Вы разделитесь на добрых и злых»,— несколько раз (повторил сын Огня), благородный в своих помыслах. Обретя таким образом в Сканде своего сына, сонм Матерей удалился. Каки, Халима, Рудра, Брихали, Арья, Палала и Митра — это семь Матерей Шишу.

Милостью Сканды появился у них этот сын по имени Шишу, могущественный и грозный; он был красноглаз и жесток. Восемь героев называются порожденными сонмом Матерей Сканды, а с Козлоликим их будет девять. Знай: шестой лик у Сканды — козлиный, он находится посреди шести ликов, о царь, и сонм Матерей всегда почитает его. Самым главным из шести ликов считается Бхадрашакха, так как именно в (этом обличье Сканда) сотворил небесную Шакти.

Вот какие разнообразные события произошли на пятый день светлой половины лунного месяца. А на шестой день, о владыка живущих, там разыгралась жестокая битва.
Такова в книге «Лесная» великой ((Махабхараты» двести семнадцатая глава.

ГЛАВА 218

Маркандея сказал:
Златоокий, блистающий Сканда, прекрасный острозубый, любимец трех миров, отмеченный всеми счастливыми знаками, восседал (на горе) в пурпурном одеянии, в золотых доспехах и венке, а па голове у него была золотая тиара. Юного героя, подателя даров, (украшенного) сверкающими серьгами, почтила своим присутствием сама лотосоподобная Шри в телесном воплощении. Как на луну в полнолуние, взирало все сущее на многославного (Сканду), прекраснейшего из юношей, которого посетила Шри.

Великие духом брахманы почтили могучего Сканду, и вот что святые верховные мудрецы сказали при этом: «Благо тебе, о златоцветный! Будь Благодетелем миров! Хотя ты родился всего шесть ночей назад, ты уже

покорил все миры и снова вернул им спокойствие, о лучший из богов! Поэтому стань же Индрою трех миров, дарующим благоденствие!»

Сканда сказал:
О вы, чье богатство в подвижничестве! Что значит Индра для всех миров и как Владыка богов неустанно печется о небожителях?

Мудрецы сказали:
Индра наделяет живущих силой и мужеством, (он дарует им) потомство и благоденствие. Если Владыка богов доволен, он обращает на всех свою милость. Губитель Балы карает нечестивых и одаривает праведных, наставляя людей в их делах. Когда нет солнца, он — солнце, когда нет луны, он — луна. Если надо, то он и ветер, и огонь, и вода, и земля. Вот что должен вершить Индра. Сила его беспредельна. Ты, о герой,— сильнейший из сильных. Стань поэтому Индрой для нас!

Шакра сказал:
Будь же Индрой, о мощнорукий, несущим нам всем благо. Теперь же прими помазание. Ты достоин (этого сана), о высочайший!

Сканда сказал:
Это ты, непреклонно стремящийся к победе, должен править тремя мирами. Я слуга твой, о Шакра! Не мне желать славы Индры!

Шакра сказал:
Мощь твоя удивительна, о герой! Ты одолеешь тех, что враждуют с богами, и тогда миры отвергнут меня, изумленные твоей силой! Если же я, повергнутый, утратив свое могущество, буду по-прежнему называться Индрой, герой, они неустанно будут пытаться посеять тайный раздор меж тобою и мной, и, если тебя отъединят, о владыка, мир расколется надвое. Миры разделятся на два стана, встав на сторону одного из нас, и следствием возникшего раскола будет война, о могучий! Тогда в бою ты, как и следует ожидать, одолеешь меня, о сын мой! Так лучше же не раздумывая стань Индрой теперь!

Сканда сказал:
Благо тебе, и все же именно ты — царь над тремя мирами и надо мной! Что мне сделать для тебя, о Шакра? Повелевай мною!

Шакра сказал:
Если слова твои искренни и решение обдуманно, если, о Сканда, ты желаешь исполнить мою волю, слушай меня! Будешь ты посвящен в сан полководца богов, о могучий! Я же останусь Индрой по твоему велению, о наделенный великой мощью!

Сканда сказал:
Чтобы исполнить волю богов — уничтожить данавов, чтоб защищать землю и брахманов, посвяти меня в сан полноводна!

Маркандея сказал:
Магхаван вместе со всеми сонмами богов совершил над ним обряд помазания, и тот возликовал, принимая почести от великих святых мудрецов. Золотой зонт, который держали над ним, сверкал, как ореол над бушующим пламенем. Славный Разрушитель Трипуры сам повязал ему небесную золотую гирлянду, созданную Вишвакарманом.

Быкознаменный подошел к нему вместе с Богинею (Умой) и, преисполненный радости, воздал ему почести, о покоритель недругов, тигр среди мужей! Рудрой называют огонь дваждырожденные, поэтому (Сканду зовут) сыном Рудры. Семя, исторгнутое Рудрой, стало горой Шветой; на той же горе Швете семя Огня было сохранено Криттиками.

Небожители, видя, что (Сканду) почитает сам Рудра, стали называть его сыном Рудры Гухой, достойнейшим из достойных. И действительно, сам Рудра, воплотившись в Огне, зачал это дитя, потому родившийся Сканда был сыном Рудры. Сканда, лучший из богов, появился на свет могуществом пыла Рудры, Огня, Свахи и шести жен (великих святых мудрецов), затем он стал называться сыном Рудры.

Славный сверкающий сын Огня, сверху и снизу облаченный в чистейший пурпур, сиял, словно солнце между двух багровых туч. Дарованный самим Агни петух красовался на его знамени. Поднявшись на колесницу, он заблистал, словно кровавое пламя конца мира. Тело его покрывал защитный панцирь, данный ему при

рождении; он появляется всякий раз, когда этот бог вступает в битву. Эти доспехи, копье, могущество, воинственный пыл, красота, верность истине, неуязвимость, святость духа, неподверженность заблуждениям, защита своих последователей, беспощадность к врагам и охрана миров — все это от рождения присуще Сканде, о владыка людей!

Торжественно приобщенный к сонму богов, он был доволен и умиротворен, напоминая собою полную луну. Желанные звуки ведийских гимнов, сопровождаемые громом небесных литавр, пением богов, гандхарвов и всех сонмов апсар,— эти и разные другие изысканные торжества словно бы служили развлечению сына Огня, принявшего от богов помазание.

Небожители взирали на Великого полководца, (только что) посвященного в сан, будто на солнце, которое, восходя, разгоняет мрак. Тысячами стекались к нему небесные рати. «Ты властелин наш»,— слышалось отовсюду. Осыпаемый почестями, прославляемый, властитель подошел к ним в окружении всех бхутов и ганов и приветствовал их.

Совершитель ста жертвоприношений, посвятив Сканду в сан полководца, вспомнил о Девасене, которая была им некогда спасена. «Самим Брахмой предназначен он ей в супруги»,— так подумал Губитель Балы о прекрасной Девасене и сказал Сканде: «Ты еще не родился, о лучший из богов, а эта дева была предназначена Самосущим тебе в жены. Поэтому, согласно обычаю, возьми в свою руку правую, сияющую, как лотос, руку этой богини, освященную заклинаниями».

По его повелению (Сканда), согласно обряду, взял ее за руку, а Брихаспати произнес как заклинание молитву и совершил жертвенное возлияние огню. С тех пор премудрые считают Девасену супругой Сканды. Брахманы называют ее Шаштхи, Лакшми, Аша, Сукхаправда, Синивали, Куху, а также Садвритти и Апараджита. Когда Сканда стал навеки супругом Девасены, ему явилась во плоти сама богиня Лакшми. Шри посетила Сканду на пятый день лунного месяца, оттого (этот день) и зовется шрипанчами. На шестой день он достиг того, к чему был предназначен, потому шестой день лунного месяца называют великим днем.
*Такова в книге «Лесная» великой «Махабхаратыч двести восемнадцатая глава.*

ГЛАВА 219

Маркандея сказал:
После того как Шри посетила Великого полководца, ставшего во главе небесного воинства, к нему явились шесть богинь — жены (шестерых) из семи святых мудрецов. Покинутые мудрецами, несмотря на свою добродетель и глубокую верность обету, они поспешили к Великому полководцу небесной рати и сказали ему: «Наши богоподобные супруги оставили нас, о сын! Гнев их беспричинен, родной, но мы лишены доброго имени. Кто-то пустил слух, что ты рожден нами, но это неправда, а потому ты должен выслушать нас и спасти. Даруй навеки нам небо своею милостью, о могучий! Мы хотели бы, чтоб ты действительно стал нашим сыном. Сделай же так, исполни свой долг!»

Сканда сказал:
Отныне вы — мои Матери, а я — ваш сын, о безупречные! Да сбудется все, что вы пожелаете!

Маркандея сказал:
Сказав так, Сканда обратился к Шакре. Он спросил: «Что нужно сделать, скажи!» Ответил ему Васава: «Богиня Абхиджит - младшая сестра Рохини, завидует ей. Желая затмить свою старшую сестру, она решила предаться подвижничеству и удалилась в лес. Я в смятении: звезда покинула небо. Благо тебе, подумай же вместе с Брахмой, о Сканда, что теперь (станет) с великим Временем? Ведь Брахмой определялось время от Дхаништхи и далее. Рохини была первой, так что число было полным». Едва произнес Шакра эти слова, Критшки вознеслись на третье небо и там засияло созвездие бога Огня в форме повозки. Потом Винаta попросила Сканду: «Ты — мой сын, которому суждено приносить для меня поминальные жертвы. Я желаю всегда пребывать с тобою, о сын мой!»

Сканда сказал:
Приветствую тебя! Да будет так! Повелевай мною, как своим любимым сыном. Ты будешь жить постоянно (со мной), о богиня, и невестка твоя будет всегда тебя почитать.

Маркандея сказал:
Тут весь сонм Матерей обратился к Сканде: «Мы — Матери мира, восславленные поэтами. Хотим мы стать и тебе Матерями. Окажи нам такую честь!»

Сканда сказал:

Отныне вы — мои Матери, а я ваш сын. Скажите, что я могу сделать, чтобы доставить вам удовольствие?

Матери сказали:
Пусть теперь мы займем то положение, какое было у тех, что прежде почитались Матерями мира, а они лишатся своего (величия). Пусть мир воздает почести нам, а их почитать не будет, о бык среди богов! Даруй нам то потомство, которого они лишили нас благодаря тебе.

Сканда сказал:
Вы не можете обрести уже дарованное потомство, но я дам вам другое. Какое вам по душе?

Матери сказали:
Мы хотим пожирать потомство тех Матерей: и то, что при тебе, и отдельно, и их властителей. Даруй нам (это)!

Сканда сказал:
Я дам вам потомство, но то, что вы говорите,— жестоко. Благо вам, о почтенные! Верно храните детей!

Матери сказали:
Благо тебе! Мы будем хранить детей, как ты желаешь, о Сканда! Нам бы хотелось, о Сканда, владыка, долго жить подле тебя.

Сканда сказал:
Появляясь во множестве разных обличий, вы будете нападать на маленьких человеческих детенышей, пока им не минет шестнадцати лет. Я наделю вас величайшим, неиссякаемым духом жестокости, с ним вы будете жить счастливо, окруженные почестями.

Маркандея сказал:
И тут, для того чтобы пожирать потомков смертных, из тела Сканды появилось сверкающее, как золото, могучее существо. От голода оно рухнуло без сил на землю. Затем по велению Сканды тот граха принял свой устрашающий облик. Достойнейшие из дваждырожденных называют его Скандапасмарой. Жестокая Винаta зовется Шакуни-грахой, а ту, которую называют ракшаси Путаной, надо считать Путана-грахой. Суровую, страшную обликом, грозную пишачи из «тех, что бродят в ночи», называют ужасной Шитапутаной; своим жутким видом она вызывает у женщин выкидыш.

Адити зовется (иначе) Ревати, ее граха — Райвата; этот великий граха, жестокий и сильный, тоже нападает на маленьких детей. Непобедимую Дити, которая приходится матерью дайтьям, зовут также Мукхамандика; детское мясо — любимое лакомство (этой злодейки). Юные мужские и женские существа, которых, как считают, породил Сканда,— тоже чрезвычайно могучие грахи; все они, о кауравья, пожирают плод еще в утробе матери.

Те, что зовутся супругами этих юных дев, жестокие в деяниях, тайком похищают человеческих детей. Восседая на Сурабхи, которую мудрые называют праматерью коров, птица-(граха) с нею вместе пожирает детей на земле. Праматерь собак, божественная Сарама, и та, о владыка живущих, всегда убивает дитя еще в материнском чреве.

Прародительница деревьев обитает в (дереве) каранджа, поэтому люди, желающие обрести потомство, поклоняются ей в каранджe. Эти восемнадцать грахов и другие, любители мяса и меда, дважды по пять ночей присутствуют постоянно в доме роженицы. Кадру, став совсем крошечной, проникает во чрево беременной и пожирает плод, а (женщина) рождает змею. И праматерь гандхарвов похищает дитя в утробе матери, а потом на эту женщину смотрят на земле как на ту, у которой исчез плод. Прародительница апсар уносит с собой плод и садится, тогда мудрые говорят о сидящем плоде. Дочь Кровавого океана считают кормилицей Сканды и поклоняются ей в (дереве) кадамба, называя ее Лохитаяни.

То, что Рудра среди мужчин, Арья — среди женщин. Арье, матери Кумары, приносится отдельная жертва во исполнение желания. Я поведал тебе о могучих грахах, (губящих) детей; они опасны до шестнадцати лет, а потом становятся милостивыми (к человеку). И те, что зовутся сонмами Матерей, и грахи мужского пола — все они издавна известны людям как грахи Сканды. Их следует усмирять омовением, окуриванием, притираниями, принесением жертв, подношением даров и в особенности жертвоприношениями Сканде. Если к ним относятся с должным почтением, если им поклоняются и их ублажают, то они даруют людям счастье, силу и долголетие, о величайший из царей

Почтив Великого Владыку, я поведу рассказ о тех грахах, которые (преследуют) людей после шестнадцати лет. Человек, который во сне или наяву видит богов, вскоре теряет рассудок; тогда считают, что он одержим грахой-богом. Человек, которому, когда он сидит или лежит, являются праотцы, вскоре теряет рассудок; тогда считают, что он одержим грахой-праотцем. Тот, кто оскорбляет сиддхов и кого они проклинают во гневе, вскоре теряет рассудок; тогда считают, что он одержим грахой-сиддхой.

Тот, кому чудятся разные запахи и вкусовые ощущения, вскоре теряет рассудок; тогда считают, что он одержим грахой-ракшасой. Если человек на земле ощущает прикосновение небесных гандхарвов, вскоре он теряет рассудок; тогда он одержим грахой-гандхарвой. Человек, в которого с течением времени вселились якши, вскоре теряет рассудок; тогда считают, что он одержим грахой-якшей. Тот, кого всюду постоянно преследуют пишачи, вскоре теряет рассудок; тогда его считают одержимым грахой-пишачей. Если разум живущего, раздраженный гуморами, пребывает в смятении, то он вскоре теряет рассудок; средство от этого (указано) в шастрах. От усталости, страха, жестокого зрелища вскоре теряют рассудок; средство от этого — благость.

Есть еще три вида грахов: падкие до развлечений, лакомки и сластолюбцы; до семидесяти лет окружают человека эти грахи, а на смену им, как тот же граха, приходит лихорадка. Грахи всегда избегают того, кто не дает воли чувствам, кто смиренен, а также того, кто чист и всегда прилежен, кто верует сам и внушает веру другим. Этим тебе возвещено описание человеческих грахов. Но грахи никогда не посягают на тех людей, которые почитают бога, Великого Владыку.
*Такова в книге «Лесная» великой «Махабхараты» двести девятнадцатая глава.*

ГЛАВА 220

Маркандея сказал:
После того как Сканда так осчастливил тех Матерей, Сваха сказала ему: «Ты — мой родной сын. Я желаю, чтоб ты даровал мне никем не изведанное блаженство». Сканда спросил у нее: «Какую ты ищешь радость?»

Сваха сказала:
Я — Сваха, любимая дочь Дакши, о мощнорукий! С самого детства и навсегда полюбила я Пожирателя жертв, но Огонь, о мой сын, так и не знает, что я люблю его. Я хочу всегда быть вместе с Огнем, о сын мой!

Сканда сказал:
С этих пор жертвы богам или праотцам, освященные заклинаниями, дваждырожденные-праведники, вступившие на стезю добра, будут всегда усердно предавать огню, приговаривая: «О Сваха!» Таким образом, Огонь будет всегда вместе с тобою, прекрасная!

Маркандея сказал:
После таких его слов обрадованная Сваха приняла почести
от Сканды и, обретя супруга в (боге) Огня, тоже почтила Сканду. Затем Брахма, Владыка живущих, сказал Великому полководцу: «Ступай к своему отцу Великому богу, Разрушителю Трипуры. Ведь это Рудра, воплотившись в Огне, и Ума, обернувшись Свахой, породили тебя, непобедимого, на благо всем мирам. Рудра, великий душою, исторг свое семя в лоно Умы, попало оно на гору, и появились от этого (близнецы), брат и сестра Минджики. Часть его семени попала в Кровавоводный океан, другая (часть) — в солнечные лучи, третья — на землю, а четвертая осела на деревьях. Так (семя) распалось на пять частей.

Мудрейшие знают, что таким именно образом (произошли) те разные ганы, которые составляют твою жестокую, кровожадную свиту».— «Да будет так»,— сказал Великий полководец, душа которого необъятна, и с сыновней любовью почтил своего отца, Великого Владыку. Те, что стремятся к богатству, должны почитать эти пять (групп) ганов цветами арки. Их следует ублажать и для того, чтобы излечиться от недуга.

Тот, кто хочет добра своим детям, должен всегда почитать близнецов-Минджиков, порождение Рудры. Те, что желают иметь потомство, должны воздавать почести богиням по имени Вриддхики, тем, что рождены деревьями и питаются человеческим мясом. Таковы, как считают, многочисленные виды пишачей. Услышь от меня, о царь, о появлении (у Сканды) колокольца и знамени.

Известно, что у Айраваты было два колокольца Вайджаянти; премудрый Шакра сам принес и отдал их Гухе. Один колокольчик (достался) Вишакхе, другой — Сканде; и Картикее, и Вишакхе (были дарованы) пурпурные знамена. Великий полководец, могучий бог, радовался забавам — подаркам богов. Окруженный толпами пишачей и сонмами богов, он красовался, сияя, на Золотой горе, и счастье сопутствовало ему.

Благодаря герою та гора, покрытая чудесными лесами, стала еще красивее, словно (залитая) лучами солнца Мандара с ее прекрасными ущельями.

Цветущими рощами сантанаки, олеандровыми лесами, массивами коралловых деревьев, зарослями китайской розы и ашоки, чащами кадамбы и обилием необычайных зверей и редких птиц славилась гора Швета. Там (собрались) теперь все сонмы богов и все великие святые мудрены. Гром туч-литавр вызывал в памяти рокот бушующего океана. Небесные гандхарвы и апсары танцевали, и все живое издавало громкие, радостные крики. Так весь мир вместе с Индрой перенесся на гору Швету; (все) смотрели и не могли наглядеться на счастливого Сканду.
*Такова в книге «Лесная» великой «Махабхараты» двести двадцатая глава.*

ГЛАВА 221

Марка идея сказал:
После того как могучий сын Огня был посвящен в сан полководца, славный великий властитель Хара, довольный, отправился вместе с Парвати на сверкающей солнцем колеснице в Бхадравату. Тысяча львов была впряжена в прекраснейшую из колесниц.

Управляемая Калой, взмыла она в ясное небо. Львы с прекрасными гривами, рыча, помчались по небу, словно выпивая воздух и наводя трепет на (все) движущееся и неподвижное. Стоя на колеснице, Владыка тварей п Ума (блистали), как солнце и молния на пересеченном луком Индры облаке. Перед ними на сверкающей Пушпаке, Влекомый нарами, ехал великий Владыка богатств вместе с гухьяками.

Подателя даров Быкознаменного сопровождал восседающий на Айравате Шакра вместе с другими богами. Справа мчался великий якша Амогха в окружении джамбха-ков, якшей и ракшасов, украсивших себя венками. По правую же руку от (Индры) вместе с васу и рудрами летели разнообразно вооруженные боги-маруты.

Грозный обликом Яма выступал рядом со Смертью, со всех сторон окружали его сотни жестоких Болезней. За спиной Ямы двигался красиво изукрашенный, острый трезубец Рудры под названием Виджая, грозно (ощеривший) три своих острия.

Рядом со своим страшным арканом величаво ступал Варуна, великий владыка вод, окруженный всевозможными морскими чудовищами. За Виджаей виднелось копье Рудры и другое отборное оружие: булавы, палицы и пики. За копьем, о царь, следовал сверкающий зонт Рудры, а за ним в сопровождении сонма великих святых мудрецов — кувшин для подаяния. Справа от (копья) рядом с потомками Бхригу и Ангираса блистал овеянный славою жезл, чтимый богами.

И, завершая это шествие, ехал на белой колеснице Рудра, мощь пыла которого приводила в восторг всех обитателей третьего неба. Святые мудрецы и богн, гандхарвы и (демоны)-змеи, реки мужского и женского рода, деревья, сонмы апсар, созвездия и планеты, дети богов, а также разного вида женщины следовали за Рудрой; прекраснейшие из женщин, чарующие красотой, рассыпали дождем цветы. Далее, воздавая почести Владетелю Пинаки, ехал Парджанья. Сома нес над его головой бледно-желтый зонт, а Ваю и Агни держали в руках опахала из буйволиных хвостов

Следом за ним, о царь, вместе со Шри выступал Шакра, окруженный всеми мудрецами-царями и воздающий хвалу Быкознаменному. Гаури, Видья, Гандхари, Кешини и Митрасахвая вместе с Савитри сопровождали Парвати. Были там сонмы всех наук, какие только созданы мудрецами. Ракшаса-граха, которому послушны боги вместе с Индрой, шел впереди войска со знаменем. Индра среди якшей по имени Пингала, друг Рудры, оделяющий радостью мир, хотя всегда появляется в тех местах, где сжигают трупы, шел вместе со всеми, появляясь свободно то впереди, то позади (войска), ибо путь его непостоянен.

Смертные в этом мире почитают бога Рудру благими деяниями. Ишу, Рудру, Владетеля Пинаки, Великого Владыку, которого называют иначе Шивой, почитают разного рода существами. Праведный сын Криттик, Полководец небесного войска, следовал за Владыкой богов, окруженный небесным воинством. Великий бог дал Великому полководцу важный совет: «Всегда неустанно храни седьмую часть (своей рати) — полки марутов». Сканда сказал:

О владыка, я буду хранить седьмую часть (моей рати) — полки марутов! Что еще должен я делать? Говори немедля, о бог!

Рудра сказал:

Всякий раз, как настанет черед тебе действовать, ты должен обращать свой взор ко мне, о сын мой! Лицезрея меня и воздавая мне почести, ты обретешь высочайшее благо.

Маркандея сказал:
С этими словами Великий Владыка обнял его и хотел удалиться. Едва он простился со Скандой, вдруг появилось великое знамение, которое повергло в трепет богов, о великий царь. Запылал небосвод вместе со звездами, весь мир был объят небывалым смятением. Пришла в движение и наполнилась громом земля, вселенная, о владыка, погрузилась вомрак. При виде такого грозного (буйства стихий) встревожился Шанкара, а вслед за ним — и достойная Ума и (остальные) боги вместе с великими святыми мудрецами; (всех) охватил ужас.

Тут появилось могучее, грозное, разнообразно вооруженное войско, напоминавшее тучу или же гору, и эта страшная неисчислимая (рать) с громкими криками ринулась в бой на богов и властителя Шанкару. В (небесных) воинов полетело великое множество стрел, камней, шатагхни, дубинок с шипами, мечей и палиц. (Испугавшись) летящего оружия, могучего и устрашающего, войско богов тотчас же обратилось в бегство и скрылось из виду.

Так, испугавшись данавов, бежала небесная рать, теряя убитыми воинов, слонов и коней, (бросая) разбитое оружие и мощные колесницы. Как пожары (сжигают) леса, так асуры уничтожали (небесное войско); оно редело, напоминая лес, где большинство могучих деревьев сгорело. Обезглавленные, падали небожители, и не было им, погибающим в этом бою, защиты.

Увидев, что войско бежит в страхе перед грозными данавами, бог — Сокрушитель (вражеских) городов сказал, пытаясь ободрить (воинов): «Отриньте же страх! Благо вам, о герои! Возьмитесь скорей за оружие! Соберите свое мужество! Пусть ничто не пугает вас! Вы победите злосчастных данавов, столь устрашающих с виду. Благо вам, и вперед за мной! (Мы оттесним этих) могучих асуров!» Услышав слова Шакры, воспрянули духом небожители и ринулись вслед за Шакрой на данавов.

Стремительно двинулись вперед все Тридцать (богов) и могучие маруты, а с ними садхьи и васу. Яростно бросились они с оружием на (вражеских воинов), и стрелы их обагрились кровью. Вонзаясь в тела дайтьев, остро отточенные стрелы походили на змей, обрушивающихся с гор. Израненные стрелами тела дайтьев, словно рваные тучи, покрыли землю, о царь! И тогда полчища данавов, напуганных стрелами небожителей, стали покидать поле боя. У всех богов, державших оружие наготове, вырвался радостный крик, послышался гром многочисленных литавр. Вот какова была жестокая, кровопролитная битва, столкнувшая между собою богов и данавов.

Внезапно удача изменила миру богов: грозные данавы вновь ринулись на небожителей. Снова (послышался) гром литавр и рев барабанов, Индры среди данавов зарычали зловеще, как львы. Подняв огромную гору, от страшного войска дайтьев отделился могучий данава по имени Махиша. Увидев, что (демон), подобный солнцу, окутанному тучами, занес над собою гору, о царь, небожители бросились врассыпную. А Махиша разбежался и кинул в богов гору. Придавленные этой ужасной горой, десять тысяч (воинов) небесной рати упали на землю замертво, о царь! Словно лев на мелких зверей, Махиша вместе с данавами ринулся на богов, вселяя в них ужас.

При виде нападающего Махиши небожители вместе с Индрой в страхе пустились бежать, унося с поля боя свое разбитое оружие и истерзанные знамена. Тогда свирепый Махиша быстро помчался за колесницей Рудры, настиг ее и вцепился в дышло.

Когда злобный Махиша бросился вдруг на колесницу Рудры, громом наполнились небеса и земля, глубокое волнение охватило великих святых мудрецов. Дайтьи, огромные, как тучи, кричали: «Наша победа над ними теперь решена!» Случилось так, что Владыка не убил в бою Махишу: он помнил о Сканде и (знал), что именно в нем погибель для этого злодея.

А Махиша, глядя на грозную колесницу Рудры, издал клич, наводя страх на богов и радуя дайтьев. Глубокий ужас овладел богами, но вот появился Великий полководец, пылая от гнева, как солнце. Красноликий властелин с могучими руками был облачен в пурпурные одежды и золотые доспехи, алый венок делал его еще прекраснее.

Стоял он на колеснице, сияющей золотом, подобной солнцу. Увидев его, войско дайтьев вдруг повернуло с поля битвы. Великий полководец, наделенный могучей силой, метнул свое разящее сверкающее копье (и настиг им) Махишу, о Индра царей! Брошенное (Скандой), попало копье в огромную голову Махиши, раскололо ее, и Махиша, бездыхапный, рухнул (на землю).

И боги, и данавы видели, как Сканда вновь и вновь метал это копье, разя недругов тысячами, а (оружие) снова само возвращалось в его руки. Много (врагов) пало от стрел мудрого Великого полководца, остальных страшных дайтьев, перепуганных и трепещущих, убивали и пожирали сотнями неуловимые спутники Сканды: они поедали данавов и выпивали их кровь. С великой радостью они быстро уничтожили всех данавов. Как солнце (рассеивает) мрак, как огонь (сжигает) деревья, как ветер (рассеивает) облака, так славный Сканда одолел врагов своею мощью.

Тридцать (богов) восславили сына Криттик, а он, в свою очередь, почтил Великого Владыку и засиял, как лучезарное солнце. Когда Сканда, расправившись с врагами, приблизился к Великому Владыке, Сокрушитель (вражеских) городов обнял Великого полководца и произнес: «Ты покарал Махигау, о Сканда, имевшего дар Брахмы. Для этого (демона) боги были все равно что трава, о первый из победителей, а ты, мощнорукий, усмирил богоненавистника.

Сотня подобных Махише данавов — врагов небес, которые притесняли нас с давних пор, убита тобой в бою. Сотни тысяч других данавов съедены твоими (спутниками). Тебя не победить в бою врагам, словно ты — сам могучий супруг Умы.

Это первое из твоих славных деяний, о бог! Не померкнет слава твоя в трех мирах, и боги будут покорны тебе, о сын богов!» Сказав так Великому полководцу, супруг Шачи с позволения Треокого владыки удалился вместе с богами. Рудра направился дальше в Бхадравату, тронулись в путь небожители. Рудра сказал богам: «Относитесь к Сканде, как ко мне самому.

Уничтожив множество данавов, он заслужил почтение великих святых мудрецов. Сын Огня в один день покорил все три мира».

Тот, кто, тщательно сосредоточившись, прочтет вслух эту (повесть) о рождении Сканды, обретет в этой жизни блаженство, (а после смерти) попадет в один мир со Скандой.
*Такова в книге «Лесная» великой «Махабхараты» двести двадцать первая глава.*

КОНЕЦ «СКАЗАНИЯ О БЕСЕДАХ МАРКАНДЕИ»

# СКАЗАНИЕ О БЕСЕДЕ ДРАУПАДИ И САТЬЯБХАМЫ

ГЛАВА 222

Вайшампаяна сказал:
Когда брахманы и Пандавы, могучие духом, сидели (и слушали Маркандею), вошли, радостно улыбаясь, Драупади и Сатьябхама и, довольные, сели рядом. Встретившись после долгой разлуки, о Индра царей, ласково обращаясь друг к другу, они стали рассказывать разные повести о правителях куру и ядавов. Стройная Сатьябхама, любимая супруга Кришны, дочь Сатраджита, спросила у Яджнясени, обращаясь лишь к ней одной:

«Каким поведением, Драупади, ублажаешь ты досточтимых Пандавов, юных героев, подобных самим Хранителям мира? Почему они послушны тебе и никогда на тебя не гневаются, о прекрасная? Поистине, Пандавы всегда покорны тебе, о дивная ликом! Все они так и смотрят тебе в глаза. Скажи мне всю правду.

(Укажи мне, о Панчали, какое именно (средство) — соблюдение обета или же покаяние, омовения, заговоры или зелья, сила знаний или действие кореньев, заклинания, принесение жертв или снадобья,— какое славное средство помогает тебе сохранять супружеское счастье? (Я воспользуюсь) им, о Кришна, и Кришна, (супруг мой), будет всегда мне покорен».

Проговорив это, славная Сатьябхама умолкла, а верная женскому долгу, достойная Драупади ей отвечала: «Так, как ты говоришь, о Сатья, ведут себя лишь недостойные женщины. Зачем прославлять неправедный образ жизни? Такие вопросы и предположения недостойны тебя. Ведь ты — любимая супруга Кришны и славишься своей мудростью.

Если муж узнает, что супруга его прибегает к заговорам и снадобьям, он начинает бояться ее, словно змеи, заползшей в дом. А разве может быть спокоен живущий в страхе и может ли быть счастлив тот, кто утратил покой? Женщинам ни в коем случае не следует подчинять себе мужа, используя заклинания. Враги таким образом насылают жесточайшие недуги: желая расправиться (с жертвой), они под видом зелья или (отвара) из

кореньев дают ей яд. Коснется человек языком или кожей данных ему порошков и вскоре неминуемо расстанется с жизнью. Из-за таких жен их (супруги) заболевают водянкой или проказой, становятся дряхлыми, немощными, глупыми, слепыми или глухими. Вероломные женщины, идя на поводу у греха, приносят горе своим мужьям. Никогда не следует жене причинять зло своему мужу!

Услышь от меня, о достойная Сатьябхама, всю правду о том, как я держу себя с Пандавами, великими духом. Навсегда отринув гордыню, вожделение и гнев, я всякий час преданно служу Пандавам вместе с их женами. Скрывая свои чувства, полагаясь сама на себя, я с готовностью предупреждаю желания моих супругов, до конца победив тщеславие.

Страшась сказать невпопад, неловко встать, не так посмотреть, не вовремя сесть или некстати пройти, (стараясь угодить) им даже выражением лица, служу я луноподобным Партхам, могучим воинам на колесницах, которые блеском могут сравниться с огнем или солнцем, тем, что взглядом разят (недруга) и карают (его) своей грозной мощью пыла.

Ни бог, ни человек, ни гандхарва, будь он юн, прекрасен собою, богат и облачен в дорогое убранство, — никто, кроме них, мне не нужен. Пока супруг и слуги не поедят, не совершат омовения и не лягут, я никогда не стану есть и не лягу сама. Когда мой супруг возвращается домой с поля, из леса или же из деревни, я приветствую его стоя, предлагаю ему сиденье и воду.

Пищу я подаю всегда вовремя, чисто приготовленной и в чистой посуде, я бережлива, расчетливо распоряжаюсь зерном и дом содержу в полном порядке. Я не следую примеру недостойных женщин, дающих волю словам, всегда веду себя так, как должно, никогда не ленюсь. Я избегаю смеяться, когда никто не шутит, стоять в ожидании в дверях, долго находиться в отхожем месте или в садах подле дома. Я избегаю чрезмерного веселья и чрезмерного гнева, не делаю того, что может вызвать гнев. Я всегда со всей искренностью и преданностью ублажаю своих супругов.

Я хотела бы никогда с ними не разлучаться. Если муж отправляется по какому-нибудь семейному делу, я принимаю обет и отказываюсь от цветов и притираний. Я избегаю того, чего не пьет мой супруг и чего он не ест, — словом, всего, что ему не по вкусу.

Строго исполняя то, чему меня научили, о прекраснейшая из женщин, я слежу за своим убранством, неустанно заботясь о благе моих супругов. Все те обязанности в отношении родственников, о которых в свое время рассказывала мне свекровь, такие, как раздача милостыни, принесение в жертву пищи, совершение поминальных жертв, каждые полмесяца принесение в виде жертвенного дара варенного в молоке риса, оказание гостеприимства и почтение к достойным — все это и другое, что мне известно, я ревностно исполняю и днем, и ночью и постоянно всей душой следую этим правилам и установлениям.

Я служу своим достойным супругам, праведным хранителям истинной добродетели; они нежны и добры, но в гневе похожи на ядовитых змей. Покоится на муже, по-моему, извечная дхарма женщины. Он — ее бог и ее путь, и нет для нее иного (прибежища).

Разве может (жена) идти наперекор (своему мужу)? Что касается еды, отдыха, украшений, я никогда не преступаю нормы моих супругов, всячески сдерживаю себя и не вступаю в пререкания со свекровью. Мужей моих, о прекрасная, покорила моя заботливость, постоянное усердие и послушание наставникам. Я обычно одна помогаю достойной Кунти, правдоречивой матери героев, при омовении, одевании и за едой. Я не стараюсь превзойти ее в одежде, украшениях или еде и никогда не спорю с Притхой, подобной (богине) Земле.

Прежде в доме Юдхиштхиры ежедневно восемь тысяч брахманов вкушали яства с золотых блюд. Юдхиштхира содержал по тридцать прислужниц на каждого из восьмидесяти восьми тысяч снатаков, занятых при домашних жертвоприношениях. Кроме того, десять тысяч целомудренных яти получали на золотых подносах еду, приготовленную для них с особым тщанием.

Всех этих брахманов, толкователей Вед, я почитала согласно заслугам, только для них беря из запасов питье, одежду, еду. Было у великого духом Каунтеи сто тысяч стройных, златокожих служанок; у каждой из них были браслеты из раковин, нити монет вокруг шеи и дорогие гирлянды; они кропили себя сандалом, украшали жемчугом и золотом и были искусны в танцах и пении. Я знала каждую из них по имени и в лицо, знала, что они едят и во что одеваются, что они сделали и чего не сделали.

Сто тысяч прислужниц мудрого сына Кунти день и ночь с сосудами в руках потчевали гостей. Сто тысяч коней и сто тысяч слонов сопровождали Юдхиштхиру в походах, когда он жил в Индрапрастхе. Все это было у царя, когда он правил землей.

Я определяла число и качество (прислужниц), смотрела (за ними) и выслушивала, (как идут дела обо всех обитательницах женской половины дворца и обо всех слугах, вплоть до пастухов коров и овец, я знала все, что они делают. Не славные Пандавы, а одна я, о достойная, знала все о доходах царя, о его расходах и состоянии казны. Возложив на меня все заботы о доме, каждый из тех быков-бхаратов старался выказать мне свое почтение, о прекрасноликая!

Эта ноша, возложенная на меня, непосильна для низких душою, я же несу ее день и ночь, отказавшись от всяких благ. Одна я знала о недоступной, полной драгоценностей, словно океан Варуны, сокровищнице моих добродетельных супругов. Днем и ночью прислужницы утоляли голод и жажду кауравов, и для меня тоже не было разницы между ночью и днем. Поднимаюсь я первая, спать ухожу последняя — и так постоянно, о Сатья! Вот каковы мои чары. Мне известно лишь это великое искусство воздействия на супругов. Я не стану подражать поведению недостойных женщин, не буду и помышлять (об этом). Выслушав благочестивую речь Кришны, Сатья, почтив добродетельную дочь царя панчалов, сказала: «Я виновата, о Панчали! Прости меня, Яджнясени! Но ведь подруги между собой могут говорить шутя и без обиняков».
*Такова в книге «Лесная» великой «Махабхараты» двести двадцать вторая глава.*

ГЛАВА 223

Драупади сказала:
Я расскажу тебе, каким безгрешным способом можно пленить сердце супруга. Следуя этому неуклонно, ты, о подруга, сможешь уберечь мужа от увлечений. Ни в одном из миров, о Сатья (бхама), даже в мире богов, нет (для нас) божества, равного супругу. Если он удовлетворен, все (наши) желания исполняются, но в гневе он способен даже убить.

Ведь это благодаря (супругу женщина имеет) и детей, и всевозможные предметы удовольствия, удивительные ложа и сиденья, одежду, гирлянды и благовонные масла, благодаря ему (она обретает) мир небес и изменчивую славу. Счастье на земле достигается нелегко, верная жена приходит к счастью через страдания. Сердечно и любовно почитай Кришну, (принося ему) постоянное удовлетворение. (Ублажай его) едой, прекрасными драгоценными гирляндами, добрыми услугами и воскурением всевозможных благовоний.

Он будет думать: «Я дорог ей», и все его чувства будут устремлены к тебе. Услышишь голос входящего в дверь супруга — стой наготове; видишь, что он вошел,— спеши оказать ему почести: (предложи) сесть и (подай) воду для омовения ног. Если (он) посылает (за чем-нибудь) прислужницу, ты встань и сделай это сама. Пусть Кришна узнает, какой у тебя нрав, о Сатья (бхама), (и скажет): «Она предана мне всей душой».

То, что твой супруг говорит при тебе, даже если это и не секрет, следует хранить в тайне: если одна из жен Васудевы расскажет ему о твоей (болтливости), он будет недоволен (тобой). Всеми способами угождай тем, кто мил, дорог и полезен твоему супругу, но всячески избегай врагов, недоброжелателей, злодеев и мошенников.

Не проявляй волнения и беззаботности на людях, сдерживай свои чувства, сохраняя молчание. Никогда не уединяйся (ни с кем), даже со своими сыновьями, Прадьюмной и Самбой. Води дружбу с добрыми, честными женщинами из достойных семей, чурайся злодеек, пьяниц, обжор, воровок, грешниц и обманщиц. Вот каков прославленный секрет супружеского согласия, который ведет на небеса и отвращает врагов. В дорогих гирляндах и украшениях, натерев свое тело душистой мазью, благоухая ароматами, ублажай своего супруга.
*Такова в книге «Лесная» великой «Махабхараты» двести двадцать третья глава.*

ГЛАВА 224

Вайшампаяна сказал:
Джанардана восседал вместе с брахманами — Маркандеей и другими — и Пандавами, великими душой, за достойной беседой. Затем Кешава, Губитель Мадху, простился с ними согласно обычаю, поднялся на свою колесницу и подозвал (Сатьябхаму). Сатьябхама обняла дочь Друпады и обратилась к ней с ласковыми словами, которые подсказало ей сердце: «Да не будешь ты знать, о Кришна, ни тревог, ни печалей, ни бессонницы! Да обретешь ты землю, которую покорят твои супруги, подобные богам.

Такие, как ты, достойные, по всем признакам заслуживающие почестей (женщины) не должны долго терпеть лишения, о черноокая! Я знаю: невзгоды кончатся и ты вместе с супругами будешь полновластно владеть землей. Ты увидишь, о дочь Друпады: сын Дхритараштры будет повергнут, раздоры утихнут и земля перейдет к Юдхиштхире. Жены кауравов, ослепленные гордыней, насмехаются над тобой, пока ты скитаешься (по лесам), но вскоре они же будут взирать на тебя со смирением. Знай, о Кришна: все те, кто причинил тебе зло, когда ты попала в беду, отправятся в обиталище Ямы.

Твой сын Прativиндхья, а также могучий Сутасома, Шрутакарман, сын Арджуны, Шатаника, сын Накулы, и твой сын Шрутасена, рожденный от Сахадевы,— все твои сыновья, ловкие и отважные, искусно владея оружием, счастливы, как и Абхиманью, в Дваравати, довольные жизнью там. А Субхадра, как ты, любовно, всей душою о них заботится и, не зная тревог, наслаждается жизнью в согласии с ними. Всем сердцем привязана к ним мать Прадьюмны, и Кешава, Бхану и другие тоже не обходят их своим вниманием.

О еде и одежде для них постоянно заботится мой свекор, все андхаки и вришнии, начиная с Рамы, относятся к ним с нежностью. Их привязанность (к твоим сыновьям) можно сравнить разве только (с любовью) к Прадьюмне, о прекрасная!» С радостью произнеся эти и подобные им сердечные, задушевные слова, она направилась к колеснице Васудевы. Прекрасная Сатьябхама, супруга Кришны, почтительно обошла вокруг Крхгшны, (своей подруги), слева направо и поднялась на колесницу Шаури. Первый из ядавов, гроза недругов, с улыбкою приласкал Драупади и, развернув горячих коней, тронулся в путь.
Такова в книге «Лесная» великой «Махабхараты» двести двадцать четвертая глава.

КОНЕЦ «СКАЗАНИЯ О БЕСЕДЕ ДРАУПАДИ И САТЬЯБХАМЫ

# СКАЗАНИЕ О ПОХОДЕ В СТАНОВИЩЕ ПАСТУХОВ

ГЛАВА 225
Джанамеджая сказал:
Что стало с Партхами, достойнейшими из мужей, после того, как они, терзаемые то холодом, то зноем, то ветром и солнцем, скитаясь по лесам, достигли озера (Двайтавана) и благодатной рощи?

Вайшампаяна сказал:
Добравшись до озера, сыновья Панду дали наказ своим спутникам, отпустили их и отправились странствовать по чудесным лесам, горам и речным долинам. Герои, богатые подвигами, живя в лесу, не забывали о чтении Вед. К ним приходили старцы — знатоки Вед, и (Пандавы), лучшие среди мужей, встречали их с почетом. Однажды потомков Куру посетил некий брахман, известный в мире своими рассказами.

Случилось так, что после встречи с ними он попал к царю Вайчитравирье. Старый царь, лучший из куру, встретил его гостеприимно. (Брахман) уселся, и, когда (царь) повелел ему говорить, он стал рассказывать о лишениях сына Дхармы, сына Ветра и сына Индры, а также обоих близнецов, которые вместе с ними угодили в пасть жестокой беде и теперь страдают от ветра и зноя. (Он поведал) о Кришне, словно бы беззащитной, несмотря на то что с ней рядом — герои-защитники, (рассказал) о том, что она и в горе не теряет достоинства.

Внимая его рассказу, слыша, что царские сыновья и внуки, живущие в лесу, ввергнуты в лавину рушащихся бед, царь Вайчитравирья терзался состраданием. Душу его томила жалость. Тяжко вздыхая, он оплакивал сыновей Притхи и думал: «Ведь все это из-за меня!».

Наконец, с трудом овладев собою, (царь) произнес: «Как же это Царь справедливости, старший из моих сыновей, верный, честный и добродетельный, Тот, чей (достойный) соперник еще не родился, спит прямо на земле, тогда как прежде он возлежал на шерстяных коврах? Его, подобного самому Индре, обычно будили ото сна хвалебные песни сутов и магадхов, а теперь стаи птиц поднимают его на исходе ночи с голой земли.

Как же это Врикодара, тело которого истерзано ветром и зноем, преисполненный ярости, ложится прямо на землю в присутствии Кришны, а ведь не к земле привыкло его тело! Арджуна, юный и мудрый, — сыну Дхармы, верно, не спит по ночам от гнева, и все тело его словно терзает болью. Видя, что близнецы, Кришна, Юдхиштхира и Бхима несчастны, он, верно, лежит без сна на земле, (гневно) вздыхая, словно могучий змей. И близнецы, совершенные обликом, словно бессмертные в небе, достойные счастья, но обездоленные, наверно, тоже не спят, лишившись покоя, и сдерживают их лишь дхарма и верность данному слову.

Велико могущество грозного сына Ветра, силой он равен (своему отцу), богу Ветра, но и он связан оковами дхармы. Вздыхая, он ворочается на земле и, стараясь умерить свое нетерпение, лелеет мысль о расправе над моими сынами. Его тоже удерживают только верность слову и долг. Нет ему равных в бою, он только ждет своего часа.

Те злобные слова, которые сказал Духшасана, когда обманом был побежден Тот, чей (достойный) соперник еще не родился, запали в (душу) Врикодаре и сжигают его изнутри, как пламя (сжигает) поленья. Сын Дхармы и в мыслях не согрешит, Завоеватель богатств (во всем) ему следует, но гнев Бхимы, пока тот живет в лесу, растет, как огонь от ветра. Терзаемый гневом герой сжимает руки и вздыхает жарко и яростно, словно (хочет своим дыханием) испепелить моих сыновей и внуков.

Владетель Гандивы и (его брат) Врикодара — гневное воплощение смертного часа (кауравов): они не пощадят в бою вражеских полчищ, осыпая их стрелами, подобными ашани.
Дурьодхана, Шакуни, Духшасана и Сын сутыб считают, неразумные, благом для себя, а не бедой (изгнание) Врикодары и Завоевателя богатств. (Забыли они), что человек, творя добро и зло, неизменно расплачивается за содеянное.

Помимо воли (живущий) связан с плодами того, что творит; человек не в силах освободиться от (прошлого). Иногда и поле вспахано хорошо, и зерно посеяно, и бог посылает дождь по сезону, но урожая может не быть. Вот я и думаю: от чего (зависит) успех, кроме как от судьбы? (Дурьодхана), искусный игрок в кости, несправедливо поступил с достойным Пандавой, а я послушался злодея-сына, и теперь погибель грозит кауравам.

(Ветер) все равно будет дуть, даже если его не подгонять; вынашивающая плод когда-нибудь да родит. С рассветом всегда уходит ночь, а в сумерки гаснет день. Почему один делает то, чего не делают другие? Отчего (некоторые) люди никак не хотят раздавать богатство? И еще: приходит час обретения, а (человек) лишается имущества. Как это так бывает и почему? Но отчего то, что должно беречь, не разобьется, не утечет, не прольется, а то, что не бережется, разлетается на сотни частей?

И все же нет сомнения, что ничто содеянное в этом мире не пропадает. Завоеватель богатств прямо из леса попал в мир Шакры — видите, (какова) его мощь! — и, изучив небесное оружие четырех родов, снова явился в этот мир. Какой человек, кроме него, попав живым на небо, захочет вернуться обратно? Он предвидит близкую гибель многих из кауравов, настигнутых роком. Арджуна Савьясачин, стрелок из лука, (владея) луком Гандивой, единственным в мире, и тем небесным оружием, (которое он получил от богов), (являет собой) утроенную мощь. Кто сможет устоять против него?»

Выслушав речь царя, Дурьодхана и Саубала тайком передали все Карне, и он, неразумный, опечалился.
*Такова в книге «Лесная» великой «Махабхараты» двести двадцать пятая глава.*

ГЛАВА 226

Вайшампаяна сказал:
Услышав о том, что сказал Дхритараштра, Карна и Саубала, выбрав время, обратились к Дурьодхане: «Мощью своей ты изгнал героев-Пандавов, так владей же, о бхарата, один (всей) землей, как Губитель Шамбары — небом! Все цари на востоке, на юге, на западе и на севере стали твоими данниками, о владыка людей! Сверкающее богатство, которым прежде владели Пандавы, теперь досталось тебе, о царь, и твоим братьям. Еще недавно мы с завистью смотрели на ослепительные сокровища Индрапрастхи, после того как Юдхиштхира удалился туда, о царь!

А теперь все это великолепие перешло к тебе от царя Юдхиштхиры благодаря силе твоего ума, о мощнорукий! Все цари, о Индра царей, губитель недругов, вопрошают тебя: «Что мы должны (для тебя) сделать?» — и ожидают твоих приказаний. Богиня-земля, одеяние которой — океан, а украшения — города, с ее селами, городами и копями, лесами, горами и перелесками, теперь безраздельно твоя, о царь! Приветствуемый дваждырожденными и почитаемый царями, ты блистаешь отвагой, о царь, как Лучистый на небесах меж богов.

Окруженный куру, словно царь Яма — рудрами или Васава — марутами, ты сверкаешь, о царь, как Властитель звезд.

Давай же посмотрим, как живут в лесу Пандавы, которых покинула удача; не обращая на нас впимания, они ничего не страшатся. Говорят, о великий царь, что поселились они возле озера Двайтаваны вместе с

брахманами, живущими в лесу. Ступай туда, о могучий царь, осененный великой удачей, и мощью пыла своей, как Лучистый, опали сыновей Панду.

Посмотри, о царь, (что стало) с Пандавами: ты правишь страной, а они изгнаны из царства, ты осенен удачей, а они обездолены, ты множишь свои сокровища, а они лишены достояния. Пусть увидят сыновья Панду, что ты наделен великой платностью и живешь в полном довольстве, подобно Яяти, сыну Нахуши. Прочно такое богатство, отблеск которого на человеке заметен и друзьям, и врагам, о владыка народов!

Разве не высшее наслаждение для преуспевающего видеть врагов своих в бедствии? Он словно стоит на горе и (смотрит) на тех, кто внизу. Удовольствие от зрелища бед своих недругов не сравнить, о тигр среди царей, с (радостью рождения) сына, получением богатства и даже (обретением) царства. Разве не будет доволен тот, кто непрестанно умножает свое достояние, когда увидит Завоевателя богатств (живущим) в обители и одетым в мочальное облачение и шкуру оленя?

Пусть посмотрят твои красиво одетые жены на несчастную Кришну, облаченную в одежду из мочала и шкуру, пусть она, лишенная богатства( Еще сильнее опечалится, пусть проклянет себя ! То отчаяние, которое она испытает, увидев прекрасные одеяния твоих жен, будет, верно, не меньше (горя), которое ей довелось испытать (в ту пору) в Собрании». Так сказали Карна и Шакуни, о Джанамеджая! Закончив свою речь, они смолкли.
*Такова в книге «Лесная» великой «Махабхараты» двести двадцать шестая глава.*

ГЛАВА 227

Вайшампаяпа сказал:
Царя Дурьодхану обрадовали слова Карны, но он сказал печально: «Ты говоришь, о Карна, как раз о том, что у меня на уме, но мне не дадут разрешения пойти туда, где живут Пандавы. Царь Дхритараштра оплакивает дерзких сыновей Панду и считает, что они стали еще сильнее благодаря подвижничеству. Если царь разгадает наш замысел, то, беспокоясь о том, что может случиться (непоправимое), он нас не отпустит туда. Ибо нет (у нас) в Двайтаване иного дела, кроме как погубить наших недругов, укрывшихся в лесу.

Ты помнишь, что говорил Кшаттри во время игры в кости, обращаясь ко мне, к тебе и Саубале? Думая о тех его словах и других причитаниях, я не могу решить: идти мне или нет. Для меня величайшая радость видеть Бхиму и Того, кто рожден при созвездии Пхальгуни, бедствующими в лесу вместе с Кришной. Я испытал бы меньшую радость, обретя землю, чем если бы увидел сыновей Панду облаченными в мочальные платья и шкуры антилоп.

Что может быть лучше, о Карна,— в лесу я увижу Драупади, дочь Друпады, одетой в красную одежду. Когда Царь справедливости и Бхимасена, сын Панду, увидят меня в блеске богатства, (цель моей) жизни будет достигнута. Но я не знаю, под каким предлогом нам следует пойти в тот лес, да еще надо, чтобы царь разрешил мне.

Поэтому вместе с Духшасаной и Саубалой изыщите ловкий предлог, чтобы отправиться в лес, а я сегодня же решу, идти мне или нет, и на рассвете приду к царю. Когда там будем я и Бхишма, лучший из Куру, вы с Саубалой назовете причину, которую вместе придумаете. Затем мы выслушаем, (что скажут) о таком походе царь и Бхишма, и я возьмусь за дело — попытаюсь склонить деда на нашу сторону».

Согласившись: «Да будет так!», все разошлись по своим покоям. Ночь прошла, и Карна явился к царю. С улыбкою он обратился к Дурьодхане: «Послушай, о владыка живущих, какой мы нашли повод. Все становища Двайтаваны ожидают тебя, о властитель людей! Нет сомнений — нам удастся отправиться в лес под предлогом объезда пастушеских станов.

Необходимо чаще наведываться в становища, о владыка народов! Отец должен благословить тебя на этот шаг, о царь!» Когда они обсуждали решение объехать становища, Шакуни, царь Гандхары, сказал с улыбкой: «Я считаю, что это удачный предлог для похода. Царь не только разрешит нам (отправиться в лес), но даже поддержит (наше намерение). Становища Двайтаваны ожидают тебя, о властитель людей! Нет сомнений — мы отправимся (в лес) под предлогом объезда пастушеских станов». Тут они рассмеялись, подали руки друг другу и, порешив на этом, предстали перед владыкой кауравов.
*Такова в книге «Лесная» великой «Махабхараты» двести двадцать седьмая глава.*

ГЛАВА 228

Вайшампаяна сказал:

Затем, о Джанамеджая, они предстали перед Дхритараштрой и спросили царя о его здоровье. Царь, о бхарата, тоже справился, все ли они (в добром здравии), и тут подученный заранее пастух по имени Саманга сообщил Дхритараштре, что их стада сейчас неподалеку. Тогда, о владыка пародов, Радхея и Шакуни обратились к Дхритараштре, властителю живущих, первому среди царей: «Наши становища в прекрасных местах, о каурава! Настало время считать и метить молодняк. А сын твой, о царь, в это время может заняться охотой. Ты должен разрешить Дурьодхане отправиться в лес». Дхритараштра сказал:

Осмотр стад, как и охота,— благое дело, о сын мой!
Я считаю, что пастухам доверять не следует. Но, говорят, неподалеку оттуда (находится пристанище Пандавов), тигров среди мужей, поэтому я не хочу, чтобы вы шли туда. Нечестным путем вы победили этих великих воинов, искусных в битве на колесницах. Они томятся, Радхея, в огромном лесу, неустанно предаваясь подвижничеству.

Царя справедливости вам не удастся разгневать, но зато Бхимасена — само неистовство, а дочь Яджнясены подобна пламени. Ослепленные гордыней, вы непременно заденете их, и они испепелят вас мощью своего подвижнического пыла. Или же, взявшись за оружие и опоясав себя мечами, те герои, исполненные гнева, превратят (вас) в прах силой своего оружия. Но если, рассчитывая на свою многочисленность, вы все же нападете на них, то это будет крайне низко и, как я думаю, бесполезно: Завоеватель богатств, наделенный могучими руками, побывал в мире Индры и вернулся в лес, получив небесное оружие.

И прежде, еще не владея (небесным) оружием, Бибхатсу был способен завоевать землю. Так неужели теперь, изучив в совершенстве (волшебное) оружие, этот могучий воин на колеснице не сумеет вас уничтожить? И если даже вы, вняв моим словам, будете там сдержанны, ваша жизнь все равно будет тревожной: лишь из-за подозрения там может случиться беда. Если кто-нибудь из воинов заденет Юдхиштхиру, этот дерзкий поступок ляжет грехом на вас. Поэтому пусть лучше верные люди пойдут и сами пересчитают скот. Я не хотел бы, о бхарата, чтобы ты шел туда.

Шакуни сказал:
Пандава-старший — знаток дхармы. Он обещал в Собрании, что проживет (в лесу) двенадцать лет, о бхарата, и все достойные Пандавы с ним согласились. Не станет сын Кунти, Юдхиштхира, на нас гневаться, и, кроме того, нам очень хочется пойти на охоту. Наша цель — пересчитать скот, а вовсе не встретиться с Пандавами. Никто из нас не будет вести себя там недостойно. Мы не пойдем туда, где (находится) их пристанище.

Вайшампаяна сказал:
После таких слов Шакуни Дхритараштра, владыка людей, с неохотой, но все-таки отпустил Дурьодхану в сопровождении советников (в лес). Попрощавшись, сын Гандхари, лучший из бхаратов, вместе с Карной, игроком Саубалой и Духшасаной тронулся в путь; другие братья (Дурьодханы) и тысячи женщин, а также большое войско последовали за ними.

Когда тот мощнорукий (каурава) выступил в поход, вместе с ним отправились в лес посмотреть на озеро Двайтавану все горожане вместе с женами. (Их сопровождали) восемь тысяч колесниц, тридцать тысяч слонов, множество пеших воинов и девять тысяч коней; (здесь были) повозки и (походные) лавки, (толпами шли) торговцы, гетеры, певцы-прославители и сотни тысяч любителей охоты. В то время как царь вышел в поход, послышался сильный шум, словно мощный ураган налетел во время дождей, о властелин народов! Пройдя пол пути по направлению к озеру Двайтавана, царь Дурьодхана (остановил) все повозки и расположился на отдых.
*Такова в книге «Лесная» великой «Махабхараты» двести двадцать восьмая глава.*

ГЛАВА 229

Вайшампаяна сказал:
После нескольких остановок в лесу царь Дурьодхана выбрал место неподалеку от стойбищ и решил там обосноваться. В прекрасном, благодатном краю, наделенном всеми достоинствами, богатом водой и деревьями, люди построили жилье для царя и рядом — множество отдельных жилищ для Карны, Шакуни и всех братьев. Царь осматривал сотни тысяч коров и метил их клеймами и цифрами. Он метил молодняк, узнавал о приросте и считал тех коров, которые отелились.

Пересчитав и пометив (коров), имеющих три отела, потомок Куру, довольный, решил отдохнуть вместе с пастухами. И все горожане и тысячи воинов от души предались развлечениям в том лесу, словно бессмертные.

К сыну Дхритараштры пришли певцы-пастухи, искусные в танцах и музыке, и вместе с ними нарядно одетые девушки. Окруженный толпою женщин, радостный царь одарил каждую по достоинству дорогими подарками, яствами и разными напитками. Затем все вместе стали они преследовать гиен, диких быков, оленей, гаялов, кабанов и медведей, настигая их стрелами.

В огромном лесу (царь) ставил ловушки слонам, в прекрасных местах ловил оленей. Питаясь молоком и кушаньями (из молока), любуясь на дивные цветущие леса, наполненные жужжанием опьяневших (от аромата) пчел и криками павлинов, (Дурьодхана), ярким своим убранством напоминающий Великого Индру, Держателя ваджры, приблизился постепенно к славному озеру Двайтаване.

Сын Дхармы Юдхиштхира, царь, лучший из куру, в тот день, случилось, совершал жертвоприношение содьяска, положенное мудрецам-царям, тем необычным способом, который применяется только в лесу, о властелин народов! Мудрый каурава, владыка людей, жил неподалеку от озера вместе со своей добродетельной супругой Драупади.

Дурьодхана и его братья, о бхарата, повелели своим слугам: «Пусть будут немедленно выстроены здесь беседки для развлечений!» — «Да будет так!» — ответили владыке кауравов (слуги), готовые исполнить его приказ, и направились к озеру Двайтаване, намереваясь строить беседки. Близ озера Двайтаваны при вступлении в лес воины головного отряда Дхритараштры были остановлены гандхарвами. Царь гандхарвов, окруженный своею свитой, прежде них явился туда из владений Куберы, о царь — владыка народов! Жадный до развлечений, он вместе со множеством апсар и сыновьями Тридцати (богов) расположился на отдых у этого озера.

Убедившись, что место занято, царские слуги, о царь, вернулись назад к властелину Дурьодхане. Выслушав их. владыка кауравов приказал своим воинам, рвущимся в бой: «Прогоните же их!» По приказу царя отряды отборных воинов подошли к озеру Двайтаване и обратились к гандхарвам: «Сюда направляется царь по имени Дурьодхана, могучий сын Дхритараштры.

Он хочет расположиться здесь на отдых. А вы уходите отсюда!» Гандхарвы, о владыка народов, насмешливо и дерзко ответили тем мужам: «Не понимает, что ли, Суйодхана, ваш слабоумный царь, что (не подобает) нам, небожителям, приказывать точно слугам?! А вы, глупцы и невежды, наверно, к смерти стремитесь, раз по его приказу так говорите с нами! Ступайте скорее обратно к царю кауравов и не вздумайте спорить с нами, не то тут же отправитесь в обитель Царя правосудия!». После таких слов гандхарвов (царские) воины, возглавлявшие войско, поспешили назад к царю, сыну Дхритараштры.
*Такова в книге «Лесная» великой «Махабхараты» двести двадцать девятая глава.*

ГЛАВА 230

Вайшампаяна сказал:
Вернулись они к Дурьодхане, о великий царь, и передали каураве слова (небожителей). (Узнав), что гандхарвы преградили путь его войску, могучий сын Дхритараштры, о бхарата, в гневе воззвал к своим воинам: «Покарайте нечестивцев, которые чинят мне преграды, пусть даже там расположился на отдых сам Совершитель ста жертвоприношений вместе со всеми богами!» Выслушав речь Дурьодханы, могучие сыновья Дхритараштры и тысячи (царских) воинов облачились в доспехи. Затем они смяли гандхарвов и силой ворвались в лес, оглашая окрестности (криками), напоминавшими львиный рык.

Тогда другие гандхарвы преградили путь воинам куру, пытаясь остановить их добром, но кауравы, о владыка земли, не обращая внимания на гандхарвов, ринулись в чащу леса. Слова небожителей не остановили сыновей Дхритараштры, сподвижников царя (Дурьодханы), и тогда (гандхарвы) поведали (обо всем) Читрасене. Царь гандхарвов Читрасена в неистовой ярости указал (своим воинам) на кауравов: «Покарайте злодеев!» И гандхарвы, о бхарата, послушные Читрасене, взялись за оружие и бросились на сыновей Дхритараштры.

Увидев, что гандхарвы стремительно приближаются, держа оружие наготове, (кауравы) бросились бежать с поля боя на глазах у (старшего) сына Дхритараштры. Видя, что сыновья Дхритараштры бегут с поля брапи, герой Вайкартана не тронулся с места. Выждав, пока могучая рать гандхарвов подойдет поближе, Радхея мощным потоком стрел преградил ей путь. Острыми кшурапрами, бхаллами, ватсадантами и железными стрелами Сын возницы легко уничтожил сотни гандхарвов. Срубая гандхарвам головы, этот могучий воин на колеснице быстро громил рать Читрасены.

Мудрый Сын возницы разил гандхарвов, но подходили сотни и тысячи новых (воинов). Яростно нападая, гандхарвы — воины Читрасены в одив миг покрыли всю землю. Тогда царь Дурьодхана, Шакуни — сын Субалы, Духшасана, Викарна и другие сыновья Дхритараштры двинули на их войско свои колесницы, грохот

которых напоминал крик Гаруды. Снова вступили они в бой (с гандхарвами), и во главе их стоял Карна. Мощно гремели колесницы, (стремительно) мчались кони.

Стремясь пробиться к Вайкартане, (кауравы) окружили гандхарвов, и тут гандхарвы перемешались с кауравами, и разгорелся жаркий и яростный бой. Гандхарвы, израненные стрелами, слабели, а кауравы, видя мучения гандхарвов, злорадно кричали. Заметив, что (войско) гандхарвов дрогнуло, неистовый Читра-сена в ярости сорвался с места, решив уничтожить (кауравов).

Знаток необычных способов (боя), он применил в сражении волшебное оружие, и кауравы пришли в смятение от волшебства Читрасены. На каждого воина, (сражающегося на стороне) сына Дхритараштры, оказалось, о бхарата, по десятку гандхарвов. Теснимые могучей ратью (небожителей, кауравы) в страхе бежали с поля боя к царю Юдхиштхиро. (Гандхарвы) громили воинов — сыновей Дхритараштры, лишь Карна Вайкартана, о царь, стоял неколебимо, как утес. Дурьодхана, Карна и Шакуни, сын Субалу, жестоко израненные, продолжали биться с гандхарвами. Гандхарвы, объединившись, сотнями, тысячами ринулись в бой против Карны, стремясь его уничтожить.

Являя собою великую мощь, мечами, топорами, пиками и булавами они покрыли со всех сторон Сына суты, желая его уничтожить. Одни разбили ярмо, другие свалили знамя, третьи (сломали) дышло, четвертые убили коней, пятые — колесничего; кто-то (сбил) зонт и защитное ограждение, кто-то — место возницы. Словом, гандхарвы разнесли его колесницу на тысячу обломков. Тогда Сын суты с мечом и щитом в руках соскочил со своей колесницы, встал на колесницу Викарны и, спасаясь от смерти, погнал коней.
*Такова в книге «Лесная» великой «Махабхараты» двести тридцатая глава.*

ГЛАВА 231

Вайшампаяна сказал:
Когда, о великий царь, гандхарвы сломили дух Карны, могучего воина на колеснице, все войско кауравов разбежалось на глазах у сына Дхритараштры. Но Дурьодхана, видя, что все сыновья Дхритараштры бегут с поля боя, не повернул назад, о великий царь!

Выждав, когда несметная рать гандхарвов нападет снова, (Дурьодхана), губитель недругов, обрушил на нее мощный поток стрел. Гандхарвы, несмотря на ливень стрел, со всех сторон окружили колесницу Дурьодханы, стремясь его уничтожить. (Сломав) ярмо, (разбив) дышло, защитное ограждение, (сбив) знамя и колесничего, (убив) коней, (порвав) поводья и сломав башню, они на мелкие куски разнесли его колесницу.

Дурьодхана, лишившись колесницы, свалился на землю, а Читрасена мощнорукий бросился на него и взял живым. После того как был схвачен (Дурьодхана), гандхарвы, о Индра царей, со всех сторон окружили стоявшего в колеснице Духшасану и схватили его.

Другие вместе с Читрасеной ринулись на Вивиншати, третьи — на Винду и Анувинду и всех царских жен. Теснимые гандхарвами, воины сына Дхритараштры вместе с теми, что были разбиты прежде, добрались до Пандавов. Повозки, лавки, гетеры, колесницы и тягловый скот — все перешло под охрану Пандавов, ибо владыка земли (Дурьодхана) оказался в плену.

«Грозный прекрасный наш царь, мощнорукий сын Дхритараштры, схвачен гандхарвами. Поспешите к нему, о Партхи! Духшасана, Дурвишаха, Дурмукха, Дурджая и все жены царевичей связаны и взяты гандхарвами в плен»,— с такими жалобными причитаниями советники Дурьодханы, горячо преданные царю, в отчаянии явились к Юдхиштхире. Но Бхимасена сказал несчастным перепутанным старцам — советникам Дурьодханы, умоляющим Юдхиштхиру о милости: «Злом для творящих зло обернулся их замысел, ибо гандхарвы сделали то, что должны были сделать мы. Дурному совету последовал царь, привыкший к бесчестной игре.

Мы знаем: того, кто преследует неспособного к действию, карают другие. То, что гандхарвы совершили у нас на глазах,— сверх человеческих сил. Слава судьбе, что есть в мире кто-то, заботящийся о нашем благе и взявший на себя тяготы, неизбежные на нашем пути к счастью, пока мы обречены на бездействие. Преуспевающий нечестивец хотел посмотреть, как мы бедствуем, изнуренные подвижничеством, страдая то от холода, то от ветра и зноя. Те, которые подражают в своем поведении низкому, бесчестному каураве, пожинают позор. Великое зло совершил тот, кто подвиг вас на это. Но сыновья Кунти незлобивы, это я говорю вам, главным у него!» Тут царь (Юдхиштхира остановил) неистового Бхимасену, сказав Каунтее: «Не время теперь для вражды!»
*Такова в книге «Лесная» великой «Махабхараты» двести тридцать первая глава.*

ГЛАВА 232

Юдхиштхира сказал:
Как ты можешь, о брат мой, говорить такие слова попавшим в беду кауравам? Ведь они в отчаянии пришли к нам искать защиты. Меж родственниками, о Врпкодара, бывают раздоры и распри. Ссора может быть долгой, но п тогда не исчезает долг перед родными. И если враг покушается на интересы рода, праведники не терпят такого посягательства. Неразумный (Дурьодхана) знает, что мы давно здесь живем. Мало того, что он взял верх над нами, так и теперь доставил неприятность.

Но Дурьодхана в бою взят силой в плен гандхарвой, и женщины захвачены врагом, а это угроза нашему роду. Восстаньте же, тигры среди мужей, на защиту пришедших за помощью во имя спасения нашего рода! Собирайтесь без промедления! Ты, Арджуна, и оба близнеца, и ты, о Бхи-ма, грозный и неукротимый, должны освободить попавшего в неволю Суйодхану, сына Дхритараштры.

Вот, о тигры среди мужей, ваши колесницы с золотыми знаменами; они полны всевозможного оружия, и управляют ими возницы во главе с Индрасеной. Поднимитесь в них, братья, и ступайте на битву с гандхарвами! Сделайте все, чтобы освободить Суйодхану.

У нас любой кшатрий отдаст все силы защите того, кто обратится к нему за помощью, даже врага, не говоря о тебе, Врикодара! К кому же еще обратиться: «Спеши на защиту!», когда видишь смиренно сложенные ладони умоляющего о помощи, пусть даже недруга. Раздача даров, (обретение) царства и рождение сына — все три этих (блага), о Пандава, равны одному — спасению врага из беды. Что может быть больше этого: Суйодхана в беде, и жизнь его зависит от мощи твоих рук.

Не сомневаюсь, я и сам отправился бы (вместе с вами), о Врикодара, если бы не это жертвоприношение, о герой! Освободи, о Бхима, Суйодхану. Не удастся добром, используй любые средства, потомок Куру! Если царь гандхарвов не согласился на примирение, попытайся освободить Суйодхану, слегка применив силу. Если, о Бхима, он и после легкого натиска не отпустит кауравов, их надо освободить любым способом, уничтожив тех, кто будут стоять на пути. Я могу, о Врикодара, помочь вам только советом, потому что жертвоприношение при трех огнях в самом разгаре, о бхарата!

Вайшампаява сказал:
Выслушав речь Того, кто не имеет (достойных) соперников, Завоеватель богатств обещал выполнить волю наставника и освободить кауравов.

Арджуна сказал:
Если гандхарвы добром не отпустят сыновей Дхритараштры, напьется сегодня кровью земля их царя!

Вайшампаяна сказал:
Услышав об этом обете правдоречивого Арджуны, кауравы, о царь, воспрянули духом.
*Такова в книге «Лесная» великой «Махабхараты» двести тридцать вторая глава.*

ГЛАВА 233

Вайшампаяна сказал:
Выслушав речь Юдхиштхиры, (Пандавы) во главе с Бхимасеной, быки среди мужей, дружно поднялись с радостью на лицах. Затем, о бхарата, эти могучие воины, искусные в битве на колесницах, облачились в непробиваемые панцири, изукрашенные золотом Джамбунады. На своих колесницах со знаменами, (на славу) вооруженные, Пандавы с луками (в руках) блистали, как огни.

Встав на хорошо оснащенные колесницы, запряженные быстрыми конями, воины-тигры спешно тронулись в путь. При виде сыновей Панду, могучих воинов на колесницах, которые появились все разом, воины-кауравы подняли громкий крик. Небожители, вкусившие радость победы, и стремительные (Пандавы), могучие воины, искусные в битве на колесницах, в тот же миг бесстрашно сошлись в том лесу.

Увидев четырех героев-Пандавов, прибывших па колесницах на поле боя, вернулись и остальные гандхарвы, окрыленные успехом. Перед лицом сверкающих (воинов), явившихся, словно Хранители мира, жители Гандхамаданы выстроились в правильные ряды. Помня слова властителя, мудрого Царя справедливости, (Пандавы), о бхарата, начали бой с легкого натиска, но неразумные воины царя гандхарвов не смогли извлечь для себя блага из этой их мягкости.

Тогда непобедимый Савьясачин, губитель недругов, (стоя) посреди поля боя, обратился к небожителям с мирной речью: «Недостоин царя гандхарвов такой низкий поступок, как захват чужих жен и битва с людьми.

Освободите великих героев, сыновей Дхритараштры, отпустите их жен! Это воля Царя справедливости». На эти слова достойного Партхи гандхарвы со смехом ответили Пандаве: «Мы выполняем приказания единственного в мире (бога), почитая власть которого мы живем, не зная тревог. Как он повелел, так и будет, о бхарата! Нет для нас иного властителя, кроме него — Владыки богов».

После таких слов гандхарвов сын Кунти, Завоеватель богатств, вновь обратился к ним: «Если вы, о гандхарвы, добром не хотите освободить Суйодхану, я силой заставлю вас отпустить сына Дхритараштры». С этими словами Партха — Завоеватель богатств, Савьясачин, принялся метать в небожителей острые стрелы. Гандхарвы, наделенные грозным могуществом, дождем стрел осыпали Пандавов, Пандавы тем же ответили небожителям. И тогда, о бхарата, между быстрыми гандхарвами и грозно-стремительными Пандавами разгорелся жестокий бой.
*Такова в книге «Лесная» великой «Махабхараты» двести тридцать третья глава.*

ГЛАВА 234

Вайшампаяна сказал:
Гандхарвы с золотыми гирляндами, вооруженные небесным оружием, со всех сторон окружили (Пандавов), осыпая их пылающими стрелами. Четверо героев Пандавов вступили в бой с тысячами гандхарвов, о царь! Это было похоже на чудо. Как прежде колесницы Карны и (старшего) сына Дхритараштры были разбиты гандхарвами на сотни обломков, то же самое пытались теперь они сделать с их (колесницами).

Не один поток стрел обрушили (Пандавы), тигры среди мужей, на гандхарвов, сотнями нападавших на них на поле боя. Осыпаемые со всех сторон градом стрел, небожители не могли приблизиться к сыновьям Панду. Видя ярость гандхарвов, Арджуна, прицелившись, пустил в ход мощное небесное оружие. Тысячу тысяч гандхарвов могущественнейший Арджуна отправил с поля боя в обиталище Ямы с помощью оружия Агни.

И Бхима, великий стрелок из лука, сильнейший среди сильных, острыми стрелами уничтожил в битве сотни гандхарвов, о царь! Оба сына Мадри, наделенные великой мощью, сражаясь бок о бок впереди, тоже, о царь, погубили сотни недругов. Гандхарвы, теснимые небесным оружием великого духом (Арджуны), взмыли в небо, увлекая за собой сыновей Дхритараштры.

Заметив, что (небожители) хотят ускользнуть, сын Кунти, Завоеватель богатств, обложил все вокруг мощной сетью стрел. Окруженные этими стрелами, словно птицы, (попавшие) в клетку, они яростно обрушили на Арджуну потоки палиц, дубинок и мечей. Завоеватель богатств, великий знаток оружия, отбивал эти потоки и бхаллами настигал гандхарвов. Словно град камней, летели их головы, ноги, руки; ужас объял врагов.

Истребляемые Пандавой, могучим душою, гандхарвы, поднявшись на воздух, осыпали стоящего на земле (Арджуну) лавиною стрел. Остановив оружием потоки летящих стрел, Савьясачин, могучий сокрушитель недругов, продолжал разить гандхарвов. Арджуна, потомок Куру, пустил в ход стхунакарну, индраджалу, а также оружие Сурьи, Агни и Сомы. Гандхарвы, сжигаемые стрелами сына Кунти, словно дайтьи — (стрелами) Шакры, пришли в великое отчаяние. Тех, кто пытался взмыть вверх, останавливала сеть стрел. Бегущих тоже настигали стрелы (Арджуны) Савьясачина.

Заметив, что гандхарвы дрогнули перед Савьясачином, Читрасена бросился с палицей на мудрого сына Кунти. Но едва он стремительно ринулся в бой, держа оружие наготове, Партха своими стрелами расколол эту целиком железную палицу на семь частей. Увидев, что от стрел неистового (Арджуны) палица разлетелась на множество осколков, (Читрасена) благодаря своей особой способности сделался невидимым и снова напал на Пандаву. Поднявшись на воздух, он стал отбиваться от небесного оружия. Когда могучий царь гандхарвов, прибегнув к волшебству, скрылся из виду, Арджуна, заметив, что он нападает невидимый, стал теснить его стрелами, освященными небесным оружием.

Затем гневный Арджуна, Завоеватель богатств, способный принимать многие обличья, с помощью оружия шабдаведхья лишил (Читрасену) возможности сражаться невидимым. Едва не убитый оружием Арджуны, великого духом, его любимый друг (Читрасена) вынужден был открыться ему, и, узнав в ослабевшем от боя (гандхарве) своего друга Читрасену, (Арджуна), бык среди Пандавов, убрал нацеленное оружие.

Все остальные Пандавы, увидев, что Завоеватель богатств складывает оружие, сдержали быстрых, как стрелы, коней и (убрали) свои луки. Читрасена, Бхима, Савьясачин и оба близнеца стояли в своих колесницах и спрашивали друг друга, все ли целы и невредимы.
*Такова в книге «Лесная» великой «Махабхараты» двести тридцать четвертая глава.*

ГЛАВА 235

Вайшампаяна сказал:
Затем сияющий Арджуна, могучий стрелок из лука, перед лицом рати гандхарвов обратился с улыбкою к Читрасене: «Зачем тебе, о герой, понадобилось брать в плен кауравов? Для чего захватил ты Суйодхану вместе с их женами?»

Читрасена сказал:
Намерение грешного Дурьодханы и Карны было известно великому духом (Индре), пребывающему (на небесах), о Завоеватель богатств! Зная, что вы живете в лесу и незаслуженно терпите лишения, они пришли посмеяться над вами и славной Драупади. Услышав про их затею, Владыка богов сказал мне: «Ступай, задержи Дурьодхану и приведи сюда вместе с советниками. Во время боя ты должен оберегать Завоевателя богатств и его братьев, ведь Пандава — твой друг и любимый твой ученик». Затем, повинуясь приказу Царя богов, я поспешил сюда. Теперь нечестивец схвачен, и я отправляюсь в обитель богов.

Арджуна сказал:
Читрасена! (Пусть сбудется) воля Царя справедливости: отпусти нашего брата Суйодхану, если хочешь мне блага.

Читрасена сказал:
Этот низкий извечный ваш враг, предавший Царя справедливости и (вашу супругу) Кришну, недостоин свободы, о Завоеватель богатств! Сын Купти, Царь справедливости, верный своему великому обету, не ведает о его замысле, а ты теперь знаешь (о ном). Поступай как захочешь.

Вайшампаяна сказал:
Вернулись Пандавы к царю Юдхиштхире и сразу же по приходе поведали ему о злодействе (Дурьодханы). Царь, Чей (достойный) соперник еще не родился, выслушал то, что сказал тот гандхарва, и повелел освободить всех (кауравов), восславив гандхарвов; «Счастье, что вы, грозные и могучие, не уничтожили бесчестного сына Дхритараштры вместе с его приспешниками, родственниками и приближенными.

Великая услуга оказана мне, о небожители! Теперь, когда этот злодей на свободе, не понес ущерба мой род. А вас мы счастливы видеть. Говорите, чего вы желаете. Пусть будут исполнены ваши желания, и с этим тотчас ступайте». С разрешения мудрого сына Панду довольные гандхарвы во главе с Читрасеной и апсары удалились.

А Владыка богов чудесными потоками амриты оживил мертвых гандхарвов, которые были убиты в бою кауравами. Пандавы торжествовали, совершив трудный подвиг — освободив своих родственников и царских жен. Принимая почести от куру вместе с их женами и детьми, могучие воины на колесницах, великие духом, блистали среди потомков Куру, словно огни. Освободив Дурьодхану вместе с братьями, Юдхшптхира сказал ему доброжелательно: «Впредь никогда, о брат, не пускайся на подобную дерзость: не достигает успеха тот, кто действует вероломно, о бхарата!

Ступай спокойно вместе с братьями к себе домой, если желаешь, и не стоит, потомок Куру, предаваться отчаянию». Тогда с позволения сына Панду царь Дурьодхана, сгорая от стыда, отправился в свой город. После того как каурава удалился, отважный сын Кунти, Юдхиштхира, зажил благополучно вместе с братьями в лесу Двайтавана. Его почитали дваждырожденные и окружали великие подвижники, словно бессмертные — Шакру.
*Такова в книге «Лесная» великой «Махабхараты» двести тридцать пятая глава.*

ГЛАВА 236

Джанамеджая сказал:
(Итак), низкий, чванливый, бесчестный Дурьодхана был побежден и взят в плен врагами, а потом в бою освобожден великодушными Пандавами. Я думаю, что для него, болтливого, всегда довольного собою, самонадеянного хвастуна, который, (желая подчеркнуть) свое могущество и высокое положение, постоянно унижал Пандавов, нелегким было возвращение в Хастинапуру. Расскажи подробно, о Вайшампаяна, о том, как мучимый стыдом, с душой, перевернутой отчаянием, вернулся оп (в свой город).

Вайшампаяна сказал:
Когда Царь справедливости отпустил Суйодхану, сын Дхритараштры, убитый горем, тронулся в путь, стыдливо опустив голову. В сопровождении войска четырех родов царь направлялся в свой город. Мысли его,

потрясенного бедою, были заняты поражением (в битве). В краю, где было достаточно воды и травы, он нашел подходящее место, уютное и удобное (для стоянки), и, на ходу выпрягая (коней), повелел расставить, как полагается, слонов, коней, колесницы и пеших воинов.

Едва царь Дурьодхана, похожий на месяц, поглощенный Раху на исходе ночи, уселся на своем сверкающем огнем ложе, к нему явился Карна и сказал: «Счастье, о сын Гандхари, что ты остался в живых! Счастье, что мы встретились вновь! Счастье, что ты одолел гандхарвов, изменяющих вид по желанию! Счастье, что вижу я на свободе всех твоих братьев, покоривших врагов! Великие воины, искусные в битве на колесницах, они всегда стремятся к победе в боях, о потомок Куру! А я, на глазах у тебя окруженный гандхарвами, не смог остановить наше бегущее войско. Израненный стрелами, измученный (боем), я спасся бегством.

И чудом мне кажется, бхарата, что после этой жестокой битвы я вижу вас здесь свободными, целыми и невредимыми, вместе с вашими женами, имуществом и колесницами. В этом мире нет человека, который был бы способен сделать то, что совершил в бою ты вместе с братьями, о великий царь-бхарата!» На эти слова Карны царь Дурьодхана, опустив голову и едва сдерживая слезы, так ответил ему, о царь!
*Такова в книге «Лесная» великой «Махабхараты» двести тридцать шестая глава.*

ГЛАВА 237

Дурьодхана сказал:
Ты не знаешь, (что случилось), Радхея, поэтому я не сержусь на твои слова. Ты считаешь, что это я покорил своей мощью недругов-гандхарвов? Да, мои братья вместе со мною долго бились с гандхарвами, о мощнорукий, и (равными) были потери с обеих сторон. Но когда герои- (гандхарвы), искусные в чудесах, стали сражаться, поднявшись на воздух, наш бой с небожителями стал неравным. Мы проиграли его и оказались в плену.

Вместе со слугами, советниками, сыновьями, вместе с женами, имуществом и колесницами они увлекли нас, несчастных, небесным путем ввысь. Часть наших воинов и советников бежала за помощью к Пандавам, великим воинам на колесницах, и вот что они сказали, несчастные: «Царь Дурьодхана, сын Дхритараштры, вместе с братьями, женами их и советниками похищен гандхарвами, взмывшими в небо. Благо вам, спасите владыку людей вместе с (царскими) женами! Да не будет (знать) горя ни одна из жен куру!».

После таких слов старший сын Панду, благородный душой, поднял всех братьев и повелел им освободить нас. Явившись туда, могучие Пандавы, быки среди мужей, славные великие воины на колесницах, стали просить (гандхарвов отпустить нас) с миром. Когда же гандхарвы не пожелали освободить нас, хотя их просили добром, Арджуна, Бхима и оба могучих близнеца осыпали гандхарвов мощным градом стрел. Тогда небожители оставили поле боя и, увлекая нас, несчастных, за собой, взмыли, торжествуя, в небо. Затем я увидел сеть стрел, покрывшую все вокруг: это Завоеватель богатств пустил в ход нечеловеческое оружие.

Тогда, видя, что все пространство покрыто острыми стрелами Пандавы, (царь гандхарвов), друг Завоевателя богатств, открылся (Арджуне). Читрасена, губитель недругов, обнял Пандаву и спросил его, в добром лет он здравии. (Братья-Пандавы) тоже справились, не ранен ли он. Встретившись, они освободили друг друга от доспехов. Герои-гандхарвы соединились с Пандавами, а Читрасена и Завоеватель богатств обменялись почестями.
*Такова в книге «Лесная» великой «Махабхараты» двести тридцать седьмая глава.*

ГЛАВА 238

Дурьодхана сказал:
Когда Арджуна, губитель героев-недругов, встретился с Читрасеной, он, улыбаясь, произнес такие достойные мужа слова: «Ты должен освободить наших братьев, о герой, первый среди гандхарвов! Пока живы сыновья Панду, (кауравы) не должны терпеть притеснений».

В ответ на такие слова великодушного Пандавы гандхарва, о Карна, рассказал ему, что мы говорили, направляясь туда посмотреть на обездоленных Пандавов и на их супругу.

Когда гандхарва произносил эти слова, мне хотелось от стыда провалиться сквозь землю. Явившись с Пандавами к Юдхиштхире, гандхарвы пожелали ему о нашем злом умысле и о том, как мы оказались в неволе.

На глазах у женщин я, несчастный, пойманный и связанный врагами, был доставлен к Юдхиштхире — что может быть горше этого? Те, которым я всегда причинял зло, с которыми постоянно враждовал, спасли меня,

неразумного, и даровали мне жизнь. Если бы я, о герой, встретил смерть в этом великом бою, это было бы лучше, чем так обретенная жизнь. Если бы я был сражен гандхарвами, то слава моя облетела бы землю и я бы достиг вечных блаженных миров, где пребывает Великий Индра.

Послушайте, быки среди мужей, что я теперь намерен делать. Я (останусь) здесь и заморю себя голодом до смерти, а вы ступайте домой. И все мои братья пусть тоже едут сейчас же в город. (Все вы), друзья и родные, начиная с Карны, отправляйтесь вслед за Духшасаной в город. А я не могу вернуться туда, униженный врагами. Я сокрушал гордыню врагов и радел о чести друзей, а теперь друзьям я причиняю горе и доставляю радость недругам.

Что я скажу владыке людей (Дхритараштре), когда вернусь в Город слона? Бхишма, Дрона и сын Дроны, Крипа, Видура и Санджая, Бахлика и Сомадатта и другие, которых почитают старейшие, брахманы и достойнейшие из тех, что живут ремеслом, а также те, чей образ жизни свидетельствует о безразличии к мирским делам,— что они скажут мне и что я им отвечу? Я, который стоял на голове у врага, попирая ногой его грудь, теперь по твоей вине лишился (всего этого)! Что я скажу им?

Неправедным, таким, как я, которые, достигнув успеха, знания и власти, не в меру возгордились, не суждено долго пользоваться этими благами. Горе мне! Я совершил жестокий и злой поступок и из-за этого по собственной же глупости и безрассудству попал в беду. И вот какое я принял решение: я предамся посту в ожидании смерти. Я больше не в силах жить. Какой разумный человек, спасенный от беды врагом, захочет оставаться в живых? Надо мной, гордецом, лишившимся чести, смеются беспредельно отважные недруги-Пандавы и глядят на меня с презрением.

Вайшампаяна сказал:
Измученный этими мыслями, он обратился к Духшасане: «Выслушай, о Духшасана, бхарата, мою речь! Прими от меня помазание и будь царем! Правь необъятной землей, хранимой Карной и Саубалой! Твердо повелевай братьями, словно Губитель Вритры — марутами.

Пусть служат тебе родные, как (служат) боги Совершителю ста жертвоприношений. Неустанно оделяй заботою брахманов, и да будешь ты в любой час прибежищем для родных и друзей! Охраняй наш род так, как Вишну (хранит) сонм богов, и береги своих наставников. Ступай! Правь землей на радость всем нашим друзьям и на горе врагам!».

И, обнимая его за шею, он повторил: «Ступай!» Выслушав эти слова, Духшасана опечалился, подавленный? тяжкой бедой. Он смиренно сложил ладони и, задыхаясь от слез, с поклоном сказал старшему брату: «Смилуйся!» Терзаясь горем, в душевной муке припал он к земле, омывая слезами стопы его ног. Затем (Духшасана), тигр среди мужей, произнес: «Не бывать этому! Пусть разлетится в осколки зем-ля вместе с горами, пусть расколется небо, пусть солнце утратит свой блеск и луна перестанет светиться прохладным светом, пусть ветер лишится своей быстроты и Химаван сдвинется с места, пусть иссякнет вода в океане и пламя утратит свой жар, но я не буду, о царь, править землей без тебя. Смилуйся! — повторял он снова и снова. — Только ты из всего нашего рода должен царствовать сотню лет».

После всех этих слов он зарыдал в голос, о бхарата, Индра царей, приникнув к стопам досточтимого старшего брата. Увидев, что Духшасана и Суйодхана пребывают в глубоком отчаянии, Карна, приблизившись к ним, тревожно спросил: «Зачем вы, о кауравы, безрассудно предаетесь печали, словно обыкновенные смертные? Горе не минует предающегося печали. А раз печаль не уносит горя страдающего, то подумайте, чем вы поможете горю, если сами предаетесь печали? Соберите все свое мужество, не радуйте врагов своим отчаянием. Пандавы, о царь, сделали то, что им и следовало сделать, когда освободили тебя.

Подданные всегда должны делать добро своему царю: ведь это ты охраняешь их, чтобы1 они могли жить спокойно. (Беда) миновала, и ты не должен теперь печалиться, как простой смертный. Твоих братьев пугает твое решение извести себя постом. Встань же! Пойдем. Благо тебе, и положись на своих братьев. Я не могу понять твоей слабости, царь! Что необычного в том, что Пандавы» освободили тебя, когда ты попал в плен к врагам, о герой - сокрушитель недругов! Воины и подданные, безразлично, известны они или нет, обязаны делать добро своему царю, о каурава!

Часто бывает так, что великие мужи, громя в боях вражескую рать, попадают в плен и воины их освобождают. Воины, а также живущие в царских владениях должны всеми силами радеть о благе царя, таков уж обычай. И если случилось так, что Пандавы, живущие у тебя в стране, освободили тебя, о царь, то к чему причитания? И не дело это, о царь, что Пандавы не последовали за тобой, когда ты, о владыка царей, отпраьился со своим войском в поход (против гандхарвов).

Доблестные и могущественные, никогда не бегущие с поля боя, они однажды явились к тебе в Собрание и стали твоими слугами28. Теперь ты владеешь всеми богатствами Пандавов. И посмотри — видишь, они благоденствуют и вовсе не собираются уморить себя голодом до смерти! Вставай же, о царь! Благо тебе! Ты не должен предаваться печали.

Не сомневайся, о царь: те, что живут в царских владениях, должны заботиться о благе (царя). Так зачем причитать! Если, о Индра царей, ты не последуешь моему совету, я тоже останусь здесь, у твоих ног, и буду тебе служить, о сокрушитель недругов! Без тебя я не вынесу жизни, о бык-муж! Но если ты будешь стараться погубить себя постом, то станешь посмешищем для царей, о царь!»

Вайшампаяна сказал:
Но и тогда, после этих слов Карны царь Дурьодхаца не пожелал подняться с земли: его помыслы были обращены к небу.
*Такова в книге «Лесная» великой «Махабхараты» двести тридцать восьмая глава.*

ГЛАВА 239

Вайшампаяна сказал:
Шакуни, сын Субалы, о царь, тоже пытался утешить царя Дурьодхану, твердо решившего лишить себя жизни постом: «Ты слышишь, о каурава, истинны слова Карны. Зачем ты безрассудно бросаешь огромное богатство, которое я для тебя выиграл, и необдуманно хочешь расстаться с жизнью, о лучший из царей?! Мне даже кажется, что ты никогда не прислушивался к тому, (что говорят) старейшие.

Тот, кто не может сдержать радости или тоски, обретя богатство, вновь теряет его: (оно уходит из рук), словно необожженный сосуд, (опущенный) в воду. Царю, который не в меру робок, бессилен, медлителен, беззаботен и порочно стремится лишь к любовным утехам, не ведать счастья. С тобой обошлись по-доброму, а ты горюешь. Что же было бы в обратном случае? Не губи, предаваясь печали, благого дела, совершенного Партхами.

Там, где ты должен радоваться и добром воздавать Пандавам, ты отчаиваешься, о Индра царей! Это на тебя непохоже. Будь милостив, не лишай себя жизни, радуйся, (что все хорошо обошлось), и помни сделанное тебе добро. Верни Партхам их царство — и ты обретешь славу во дхарме! Если ты согласишься на это, то не будешь в долгу перед ними. Установи братские отношения с Пандавами, расположи их к себе, отказавшись от царства, которое они унаследовали от своего отца, и тогда ты обретешь покой».

Выслушав речь Шакуни и видя, что отважный Духшасана,
преисполненный сочувствия к брату, в отчаянии припал к его стопам, (Дурьодхана) поднял Духшасану, сокрушителя недругов, обнял его своими красивыми руками и растроганно коснулся губами его лба. Вспоминая слова Карны и Саубалы, царь Дурьодхана проникся еще большим отвращением к жизни; душу его терзал стыд, им владело глубокое отчаяние.

В ответ на слова друзей он произнес печально: «Мне ни к чему добродетель, богатство и счастье, так же как власть, право повелевать и наслаждения. Не препятствуйте мне и ступайте отсюда. Я твердо решил лишить себя пищи и буду сидеть здесь, пока не придет моя смерть. А вы отправляйтесь все вместе в город и почтите моих наставников».

На эти слова царя они ответили сокрушителю недругов: «Твоя судьба — это наша судьба, о бхарата, Индра царей! Как же мы без тебя войдем в город?» Друзья и советники, братья, а также другие родственники всячески увещевали (Дурьодхану), но он не изменил своего намерения.

Сын Дхритараштры решительно расстелил травяную циновку, совершил омовение и, очистившись, улегся на землю. Облаченный в одежду из травы куша, соблюдая строжайшие ограничения, тот тигр среди царей, погрузившись в молчание, сосредоточил все силы духа, желая достичь небес и, порвал связи с внешним миром.

Меж тем грозные дайтьи и данавы, обитатели Паталы, некогда побежденные богами, прослышали об этом его решении и поняли, что это удар по их стану. Тогда они устроили жертвоприношение при трех огнях, с тем чтобы призвать к себе Дурьодхану. Искушенные в магии, (обратились они) к мантрам, изреченным Брихаспати и Ушанасом, и тем, которые упомянуты в Атхарваведе, и, прибегнув к молитвам и заклинаниям, совершили обряды, (предписанные) Упанишадами.

Брахманы, верные суровым обетам и изучившие Веды вместе с Ведангами, творя заклинания, с глубокой сосредоточенностью принесли в жертву огню топленое масло и молоко.

Когда обряд был завершен, появилась, о царь, удивительная Критья, уста ее разверзлись, и она спросила: «Что я должна сделать?» И тогда обрадованные до глубины души дайтьи попросили ее: «Приведи сюда царя, сына Дхритараштры, который предается посту в ожидании смерти».— «Да будет так»,— ответила Критья и отправилась в путь. В одно мгновение она оказалась подле царя Суйодханы, а затем вместе с царем опустилась в подземный мир и тотчас же известила данавов, что его доставила. Была уже ночь, но данавы, увидав приведенного ею царя, собрались все вместе и, с радостью в сердцах (взирая) на Дурьодхану расцветшими глазами, принялись ублажать его льстивыми речами.
*Такова в книге «Лесная» великой «Махабхараты» двести тридцать девятая глава.*

ГЛАВА 240
Данавы сказали:
О Суйодхана, Индра царей, надежда рода бхаратов! Ты всегда окружен героями .и теми, кто велик душою! Не делай поспешною шага! Зачем ты постом изнуряешь себя? Ведь тот, кто себя сбивает, становится посмешищем для других и, лишаясь доброго имени, падает вниз. Подобные тебе мудрецы не должны совершать губительных, противоречащих долгу шагов, грозящих многими бедами. Оставь, о царь, свое намерение. Оно несет ущерб твоей добродетели, здравому смыслу и благоденствию, сводит на нет твою славу, доблесть и стойкость и вызывает радость врагов. Услышь, о великий царь, правду о своей небесной сущности и происхождении и собери свое мужество!

Некогда в награду за наше подвижничество гы был получен нами от бога — Великого Владыки. Вся верхняя половина твоего тела, которую не пробить никаким оружием, составлена из множества алмазов, а нижняя половина, красотою пленяющая женщин, сотворена из цветов самой Богиней, о безупречный! Владыка вместе с Богиней создали твое тело, о лучший из царей! Ты, о царь-тигр, не человек, а существо божественного происхождения. Герои-кшатрии во главе с Бхагадаттой, грозные знатоки небесного оружия уничтожат твоих недругов. Поэтому перестань горевать! Не тебе испытывать страх: в помощь тебе рождены на земле отважные данавы.

Асуры вселятся в Бхишму, Дрону, Крипу и других, и под их влиянием те отбросят свою нерешительность и будут бороться с твоими врагами. Они не пощадят в бою ни своих сыновей, ни братьев, ни отцов, ни других родных, ни своих учеников, ни близких, ни детей, ни стариков, о лучший из рода Куру! Они будут нападать без жалости, ибо их будут направлять асуры. Тигры среди мужей, они будут с упоением биться со своими же родственниками, попирая узы родства пятная душу свою и не ведая, (что творят), безрассудно покоряясь судьбе, предопределенной провидением. Исполненные дерзости, они станут убивать друг друга, злорадно приговаривая: «Ты тоже не пощадил бы меня», и будут пускать в ход любое оружие, о лучший из кауравов!

Пандавы, великие духом, будут упорно сопротивляться, но могучие (кауравы), отмеченные судьбой, их уничтожат. Сонмы дайтьев и ракша-сов, появившихся на свет как кшатрии, будут сражаться, о царь, против твоих врагов, нападая на них с палицами, булавами, мечами и (прочим) бесчисленным оружием. А что касается твоего тайного страха перед Арджуной, о герой, так мы нашли способ, как погубить его. Дух убитого Нараки, воплотившись в Карне, будет биться с Кешавой и Арджуной в память о давней вражде, о герой!

Мужественный и гордый Карна, первый среди сражающихся, великий воин, искусный в битве на колесницах, одолеет в бою Партху и всех твоих недругов. Зная (его мощь), Владыка ваджры во имя спасения Савьясачина обманом отберет у Карны его серьги и панцирь. Потому мы и послали (на землю) сотни тысяч дайтьев и ракшасов. Это те, что зовутся саншаптаками. Не тревожься — они уничтожат героя Арджуну. Ты, о царь, не имея соперников, будешь править землей. А теперь не причиняй нам такого горя, это не подобает тебе. С твоей смертью ослабеют наши ряды, о каурава! Ступай, о герой, и не помышляй ни о чем другом. Ты всегда служишь нам опорой, как Пандавы (служат опорой) богам.

Вайшампаяна сказал:
С этими словами дайтьи обняли (Дурьодхану), слона среди царей. И быки среди данавов тоже поддержали непобедимого (кауравy), будто своего сына. Вселив в него бодрость и польстив ему, о бхарата, они на прощание (напутствовали его): «Ступай и добейся победы!».

Когда они отпустили (Дурьодхану) мощнорукого, Критья снова доставила его на то место, где он предавался посту, ожидая смерти. Перенеся героя обратно, Критья почтила его и, попрощавшись с царем, тут же исчезла.

Когда она скрылась, о бхарата, царь Дурьодхана подумал, что все это случилось с ним во сне, но одна мысль владела им теперь: «Я одолею в бою Пандавов!».

Суйодхана думал о Карне и о его соратниках-саншаптаках, сокрушителях недругов, готовых к расправе над Партхой, и постепенно у неразумного сына Дхритараштры родилась твердая уверенность в победе над Пандавами, о бык среди бха-ратов! Карна, душой. которого овладел Нарака, подчинив себе его сердце и дух, стал вынашивать жестокую мысль об убийстве Арджуны.

И герои-саншаптаки, души которых попали во власть ракшасов, под влиянием раджаса и тамаса загорелись желанием уничтожить Пхальгуну. Бхишма, Дрона, Крипа и другие (кауравы) и без того испытывали неприязнь к сыновьям Панду, о владыка народов, а теперь над их душами властвовали данавы. Царь Суйодхана никому не сказал о том, (что с ним случилось той ночью).

На рассвете (того же дня) Карна-Вайкартана, почтительно сложив ладони, с улыбкой обратил к царю Дурьодхане свою мудрую речь: «Не может мертвый покорить врага, лишь живому выпадает удача. Как может мертвый достичь успеха, о потомок Куру, как может он добиться победы? Не время теперь для того, чтобы печалиться, (терзать себя) страхами или (ждать) своей смерти!».

Обняв (царя) своими мощными руками, (Карна) продолжал: «Вставай, о царь! Чего еще ждать? Отчего ты печален, о сокрушитель недругов? Почему ты хочешь умереть, когда ты уже подавил врага своей мощью? Или страх обуял тебя при виде могущества Арджуны? Даю тебе верное слово: я уничтожу в бою Арджуну. Поистине, когда пройдет тринадцать лет, я, взявшись за оружие, заставлю Партхов покориться тебе, о владыка людей!».

После таких слов Карны Суйодхана под влиянием беседы с дайтья-ми и прочих увещеваний поднялся (с земли). Когда он услышал то, что сказали дайтьи, в сердце его созрело твердое решение. Тигр среди потомков Ману, он повелел снаряжать свое войско (в полном составе) — с колесницами, слонами и конями и большим количеством пеших воинов.

И вот словно (хлынули) воды Ганги, о царь,— это великое войско (кауравов) под белыми зонтами, знаменами и белоснежными опахалами тронулось в путь. Необъятно растянувшееся, со своими колесницами, слонами и пешими воинами оно было прекрасно и напоминало очистившийся от туч и облаков небосвод ранней осенью.

Прославляемый, как самодержец, Индрами дважды-рожденных, (сопровождаемый) победными кличами, сын Дхритараштры, властитель людей, Суйодхана двигался впереди вместе с Карной и игроком Саубалой, сверкая пышным великолепием, о Индра царей, и гирлянды почтительно сложенных рук отовсюду тянулись к нему. И все его братья во главе с Духшасаной, Бхуршправас, Сомадатта и великий царь Бахлика, а также (другие) потомки Куру следовали за тем львом среди царей, отправившимся в путь, на всевозможных колесницах, конях и на отборнейших слонах. Через некоторое время, о царь, они вступили в свой город.
*Такова в книге «Лесная» великой «Махабхараты» двести сороковая глава.*

ГЛАВА 241

Джанамеджая сказал:
Что делали, о достойнейший, сыновья Дхритараштры, великие стрелки из лука, а также Карна-Вайкартана, могучий Шакуни, Бхишма, Дрона и Крипа после того, как Партхи, вели
кие духом, (освободили Дурьодхану), а сами остались жить в том лесу? Ты должен мне рассказать об этом.

Вайшампаяна сказал:
Когда Партхи удалились и Суйодхана, освобожденный сыновьями Панду, был отпущен и вернулся в Хастинапуру, Бхишма, о великий царь, сказал сыну Дхритараштры такие слова: «Говорил я тебе, о сын мой, перед тем, как ты уходил в лес отшельников,— не по душе мне твой поход, но ты не внял этим (моим словам). И вот, о герой, враги одолели тебя и захватили в плен. Не стыдно ли, что именно Пандавы, знатоки дхармы, освободили тебя? На твоих глазах, о сын Гандхари, перед лицом твоих воинов, о властитель народов, Сын суты трусливо бежал с поля битвы с гандхарвами, а ты, о Индра царей, и войско твое, о царский сын, громко кричали (от ужаса). (Так кто же, по-твоему), истинно мужествен: великие духом Пандавы или злобный Карна, Сын суты, о мощнорукий!

Карна, о величайший из царей, не стоит и одной четвертой Пандавов, если речь идет об искусстве стрельбы из лука, отваге или добродетели, о преданный дхарме! Поэтому я считаю,
что ты, о величайший из тех, кто умеет найти путь к миру, должен во имя блага нашего рода пойти на примирение с Пандавами, великими духом».

Вместо ответа на эти слова Бхишмы, о царь, сын Дхритараштры, владыка людей, усмехнулся и внезапно вышел вместе с сыном Субалы. Заметив, что он удалился, Карна, Дух-шасана и другие великие стрелки из лука последовали за могучим сыном Дхритараштры. Увидев, что они уходят, о царь, Бхишма, дед куру, сгорая от стыда, отправился в свои покои. Когда Бхишма удалился, сын Дхритараштры, владыка людей, вернулся на то же место и стал держать совет со своими советниками, о великий царь! «Что будет благом для нас? Что следует делать? Как поступить лучше?»—спрашивал он своих (приближенных), о бхарата!

Карна сказал:
Послушай, Дурьодхана, потомок Куру, что я скажу тебе, а выслушаешь, все так и сделай, о сокрушитель недругов! Ты избавился от соперников, и теперь вся земля принадлежит тебе, о герой, первый среди мужей! Так правь же ею, как многомудрый Шакра, уничтоживший недругов, (—небом)!

Вайшампаяна сказал:
На эти слова Карны царь ответил ему: «Нет ничего недостижимого для того, с кем рядом ты, о бык среди мужей! (Ты) — мой соратник, преданный и верный. Послушай, каково мое сокровенное желание. Когда я увидел, что Пандава (совершает) раджасую, лучшее из жертвоприношений, во мне поднялась зависть. Избавь (меня) от нее, о Сын суты!».

Карпа ответил царю: «Все владыки земли в твоей власти, о величайший из царей! Призови лучших из дваждырожденных, и пусть они сделают, по обычаю, все приготовления, соберут все необходимое для этого жертвоприношения, о лучший из рода Куру! Пусть жрецы, искушенные в Ведах, собравшись вместе, совершат для тебя, как велит обычай, обряд, предписанный шастрами, о царь — губитель недругов! И пусть на твоем великом торжественном жертвоприношении будет много еды и питья, о бык среди бхаратов!».

После таких слов Карны, о властитель народов, сын Дхритараштры велел позвать родового жреца и попросил его: «Соверши для меня раджасую, лучшее из жертвоприношений, со щедрыми дарами и подношениями, как подобает и приличествует (царю)». На эту просьбу ответил царю бык среди дваждырожденных: «Это величайшее из жертвоприношений не может совершить никто из твоей семьл, пока жив Юдхиштхира, о лучший из кауравов, достойнейший из царей! И кроме того, еще здравствует престарелый Дхритэрангра, твой отец. Поэтому ты не вправе совершать такое жертвоприношение, о величайший из царей!

Но есть другая великая сатра, равная раджасуе, о могучий!

Обратись к ней, о Индра царей, и выслушай эти мои слова. Владыки земли, о царь, твои данники, пусть принесут тебе в виде дани золото, как литое, так и неплавленое. Из него, о бхарата, величайший из царей, ты должен тотчас же сделать плуг и вспахать им землю в том месте, где собираешься совершить жертвоприношение. Да свершится там, как положено, без всяких помех, хорошо подготовленное жертвоприношение с обильной едой, о лучший из царей!

Это жертвоприношение, которое подобает совершать праведнику, называется вайшпава. Никто до тебя, кроме извечного Вишну, не совершал подобного жертвоприношения. Этот великий обряд может соперничать с раджасуей, лучшим из жертвоприношений. Нам но душе содействовать твоему благу, о бхарата! Да не будет тебе препятствий при его (совершении)! Пусть будет утолена твоя зависть».

Выслушав мнение брахманов, сын Дхритараштры, владыка земли, обратился к Карне, сыну Субалы и своим братьям: «Мне нравится то, что сказали брахманы, и нет у меня сомнений. Если вы одобряете это, то нечего больше говорить». В ответ на слова владыки живущих все сказали: «Да будет так!» Затем царь, как положено, дал указания слугам, а ремесленникам приказал изготовить плуг. И все было сделано, как приказано, по всем правилам, о лучший из царей!
*Такова в книге «Лесная» великой «Махабхараты» двести сорок первая глава.*

ГЛАВА 242

Вайшампаяна сказал:
Затем ремесленники, первые среди советников и многомудрый Видура сообщили сыну Дхритараштры: «Лучшее из жертвоприношений подготовлено в срок, о царь-бхарата! Драгоценный удивительный золотой плуг сделан!» Услышав об этом, сын Дхритараштры, царь, величайший из всех царей, повелел приступить к совершению царя жертвоприношений, о властитель народов! И тогда началось подготовленное на славу жертвоприношение с обилием еды. Сын Гандхари прошел посвящение согласно правилам, как того требуют шастры.

Сын Дхритараштры и многославный Видура, Бхишма и Дрона, Крипа, Карна и достойная Гандхари были довольны. (Дурьодхана) снарядил гонцов-скороходов, чтобы пригласить (на торжество) царей и брахманов, о Индра царей! Посланцы (царя), как было приказано, двинулись в путь на быстрых колесницах, а Духшасана сказал одному из гонцов, собравшемуся в дорогу: «Ступай поскорее в Двайтавану к нечестивым Пандавам и пригласи, как полагается, их и брахманов, (живущих) в том великом лесу».

Добравшись до места, где жили Пандавы, тот поклонился им и сказал: «Потомок Куру Дурьодхана, величайший из царей, совершает жертвоприношение, представив миру великое множество богатств, добытых его геройством, о великий царь! Туда отовсюду стекаются цари и брахманы. Меня прислал великий духом каурава, о царь! Сын Дхритараштры, царь — владыка людей, приглашает и вас. Таково желание царя: вам надлежит присутствовать при этом жертвоприношении».

Царь Юдхиштхира, тигр среди царей, выслушал слова гонца и сказал: «Благо, что царь Суйодхана, умножая славу своих предков, совершает величайшее из жертвоприношений. Но
мы сейчас никак не можем прийти: мы должны выдержать условие, пока не (пройдут) те тринадцать лет».

Услышав слова Царя справедливости, Бхима сказал: «Владыка Юдхиштхира, Царь справедливости, властитель людей, пойдет (к вам) только затем, чтобы бросить (Дурьодхану) в пламя, зажженное оружием во время битвы,— вот какое жертвоприношение (свершится), когда пройдет тринадцать лет.

Мы придем, и (Юдхиштхира), сын Панду, вместо возлияния жертвенного масла изольет свой гнев на сыновей Дхритараштры. Так и скажи Суйодхане!» Остальные Пандавы воздержались от резкостей, о царь, а посланец все, как есть, передал сыну Дхритараштры. И вот в город наследника Дхритараштры съехались лучшие из людей — властители разных краев и достойнейшие из брахманов. Их (встретили) так, как предписано шастрами, и в должном порядке оказали им почести сообразно варне каждого. Все они были безмерно довольны и рады, о владыка людей!

И тогда Дхритараштра, окруженный кауравами, о Индра царей, испытывая великую радость, обратился к Видуре: «Следует, Кшаттри, чтобы все люди были довольны, наделены едой, ублаготворены и расположились в зале для жертвоприношений». Видура, знаток дхармы, выслушав этот приказ, стал по достоинству оказывать почести каждой варне, о сокрушитель недругов!

Торжественно оделил он (гостей) яствами, изысканными блюдами и напитками, а также благоухающими цветочными гирляндами и разнообразной одеждой. Доблестный Индра царей совершил, как полагается согласно шастрам, обряд очищения, приветил и одарил всевозможными дарами тысячи царей и брахманов и распрощался с ними. Проводив царей, он вместе с Карной и Саубалой в окружении братьев вернулся в Хастинапуру.
*Такова в книге «Лесная» великой «Махабхараты» двести сорок вторая глава.*

ГЛАВА 243

Вайшампаяна сказал:
Когда неколебимый (Дурьодхана) входил в (город), о могучий царь, суты славили великого стрелка из лука и весь люд приветствовал достойнейшего из царей. Осыпая его жареным зерном и сандаловым порошком, люди говорили: «Счастье, о царь, что это твое жертвоприношение закончилось без помех!» А другие, мятежно настроенные, поговаривали, обращаясь к царю: «Твое жертвоприношение не сравнится с тем, которое совершил Юдхиштхира, не стоит оно и шестнадцатой доли его жертвоприношения».

Так говорили некоторые из тех, что несдержанны в речах, владыке людей. А друзья его возражали: «Это жертвоприношение превзошло все другие. Яяти и Нахуша, Мандхатри и Бхарата, совершив такое жертвоприношение, отправились, пречистые, на небеса».

Слыша добрые слова друзей, владыка людей, довольный, вступил в город и направился в свои покои, о бык среди бхаратов! Там он поклонился в ноги своим родителям, Бхишме, Дроне, Крипе и мудрому Видуре, о властитель народов! Приветствуемый младшими братьями как их любимец, он занял свое почетное место, а братья встали вокруг него.

Сын суты, о великий царь, поднялся и обратился к нему: «Благодари судьбу, о лучший из бхаратов, что ты совершил это великое жертвоприношение. Когда Партхи найдут свою смерть в бою и ты обретешь (право) на раджасую, я снова восславлю тебя, о величайший из мужей!» Многославный сын Дхритараштры, великий царь, ответил ему: «Ты прав, о герой! Когда падут в бою нечестивцы Пандавы, о лучший из людей, и я смогу совершить великий обряд раджасую, тогда, о герой, ты снова-восславишь меня».

С этими словами многомудрый каурана обнял Карну, о бхарата, и погрузился в мечты о раджасуе, первом среди жертвоприношений. Величайший из царей вопрошал друзей и сподвижников: «Когда же, о кауравы, смогу я, повергнув Пандавов, совершить лучшее из жертвоприношений — богатую-раджасую?» Ответил ему Карна: «Выслушай меня, о слон среди царей! Я не омою ног до тех пор, пока не будет убит Арджуна».

Громкий клич издали сыновья Дхритараштры, великие стрелки из лука, могучие воины, искусные в битве на колесницах, когда Карна дал обет сокрушить в бою Пхалъгуну. Потомки Дхритараштры сочли Пандавов как бы уже побежденными. Затем, о Индра царей, славный Дурьодхана, простившись с теми быками среди мужей, удалился в свои покои, словно Владыка в Чайтраратху. Все великие стрелки из лука тоже, о бхарата, отправились по домам.

Меж тем Пандавы, меткие стрелки из лука, встревоженные словами гонца, обдумывали их смысл и нигде не могли найти себе покоя. А тут еще соглядатаи, о Индра царей, принесли весть о том, что Сын суты поклялся уничтожить Победоносного (Арджуну). Услышав об этом, о властитель людей, Сын Дхармы встревожился. Зная о том, что Карна необычайно отважен, да к тому же одет в непробиваемый панцирь, (Юдхиштхира) никак не мог успокоиться, перебирая в памяти (прошлые) беды.

Подавленный тяжкими думами, великий душою (царь) стал помышлять о том, чтобы покинуть лес Двайтавана, полный диких зверей и змей. А в это время царь — сын Дхритараштры вместе со своими отважными братьями, а также Бхишмой, Дроной и Крипой правил землей. Приблизив к себе Карну, Сына суты, украшение боя, владыка земли Дурьодхана пребывал в постоянном довольстве, почитая Индр среди брахманов щедрыми жертвенными дарами. И своим братьям, о царь, этот смелый губитель недругов тоже оказывал милости, полагая, что богатство приносит пользу только тогда, когда его раздают и им наслаждаются.
*Такова в книге «Лесная» великой «Махабхараты» двести сорок третья глава.*

КОНЕЦ «СКАЗАНИЯ О ПОХОДЕ В СТАНОВИЩЕ ПАСТУХОВ»

# СКАЗАНИЕ О ПЕЧАЛИ ПРИСНИВШИХСЯ (ЮДХИШТХИРЕ) АНТИЛОП

ГЛАВА 244

Джанамеджая сказал:
Что делали в том лесу могучие сыновья Панду после того, как освободили Дурьодхану? Ты должен рассказать мне об этом.

Вайшампаяна сказал:
Однажды ночью в Двайтаване Юдхиштхире, сыну Кунти, привиделись во сне антилопы, голоса их дрожали от слез. Индра царей спросил их, дрожащих, смиренно сложивших копыта: «Скажите, о чем вы хотите поведать? Кто вы? Чего желаете?» А были то антилопы, уцелевшие после того, как остальные были истреблены, и на вопрос славного Пандавы, сына Кунти Юдхиштхиры, они отвечали:

«Мы антилопы Двайтаваны, остальные же все перебиты, о бхарата! Чтобы мы не перевелись совсем, о великий царь, переселитесь в другое место. Твои братья-герои, все, как один, искусно владеющие оружием, сделали малочисленными семейства лесных обитателей. Нас уцелело лишь несколько для продолжения рода, о многомудрый! Смилуйся, о Индра царей, Юдхиштхира, дай нам возможность увеличить (наш род)».

Сильно огорчился Юдхиштхира, Царь справедливости, при виде дрожащих, испуганных антилоп, которых осталось лишь столько, сколько нужно для продолжения рода. Ответил им царь, радеющий о благе всего живого: «Да будет так! Справедливы ваши слова, и я выполню вашу просьбу». С этим проснулся на рассвете достойнейший из царей и, преисполненный сострадания к антилопам, сказал собравшимся братьям: «Ночью во сне мне (привиделись) антилопы, которых (вы) еще не успели убить. Они сказали: «Нас осталось совсем мало. Благо тебе! Сжалься над нами!». Правду они говорят. Нам следует сжалиться над обитателями лесов, ведь мы кормимся за счет них уже год и восемь месяцев. (Давайте отправимся) снова в прекрасную Камьяку, что возле озера Тринабинду. Этот лучший из лесов, известный как венец Марубхуми, полон зверей. Там в довольстве мы проведем оставшиеся годы (изгнания)».

И Пандавы, знатоки дхармы, с брахманами и всеми, кто жил вместе с ними, в сопровождении слуг во главе с Индрасеной быстро, о царь, собрались в дорогу. Идя проторенным путем, не испытывая нужды ни в

доброй пище, ни в свежей воде, они увидели Камьяку — священный приют, предназначенный для подвижничества. Потомки Куру, лучшие из бхаратов, окруженные быками среди брахманов, вступили в тот лес, словно праведники на небо.
*Такова в книге «Лесная» великой «Махабхараты» двести сорок четвертая глава.*
КОНЕЦ «СКАЗАНИЯ О ПЕЧАЛИ ПРИСНИВШИХСЯ (ЮДХИШТХИРЕ) АНТИЛОП»

# СКАЗАНИЕ О ДРОНЕ РИСА

ГЛАВА 245

Вайшампаяна сказал:
Пандавы, великие душой, прожили в лесу одиннадцать
тяжких лет, о бык среди бхаратов! Благороднейшие из мужей, достойные счастливой доли, они претерпевали горькие невзгоды в ожидании конца назначенного срока, питаясь лишь плодами и кореньями.

Царь-мудрец Юдхиштхира мощнорукий, помня, что это великое несчастье обрушилось на братьев по его вине, не мог спать спокойно: словно иглы кололи иаря в самое сердце, когда он вспоминал о позоре, (выпавшем на его долю) в результате игры в кости. Припоминая жестокие слова Сына суты, Пандава горько вздыхал, вынашивая в себе страшный яд гнева.

Арджуна и оба близнеца, славная Драупади и неистовый Бхима, сильнейший из всех, глядя на Юдхиштхиру, испытывали невыразимую боль. Чувствуя, что (до конца изгнания) осталось совсем немного, эти быки среди бхаратов словно преобразились: они жили надеждами и уповали на месть.

Спустя некоторое время после того, как Пандавы (поселились в Камьяке), пришел их навестить великий подвижник Вьяса, сын Сатьявати. Увидев, что он явился, сын Кунти, Юдхиштхира, вышел навстречу великому духом (отшельнику) и принял его, как подобает.

Когда Вьяса уселся, сын Панду, смиривший свои чувства, сел рядом с ним, готовый ему служить, стараясь его порадовать своим почтением. Видя, как внуки его исхудали, живя дарами леса, великий мудрец прерывающимся от слез голосом сочувственно произнес: «Слушай, о Юдхиштхира. мощнорукий, лучший из блюстителей дхармы! Не совершив покаяния, не достигнешь, о сын мой, высшего блаженства. Человек попеременно испытывает то радость, то горе. Так не бывает, чтобы кому-нибудь выпадали лишь бесконечные страдания, о бык среди мужей!

Мудрый человек, наделенный глубоким умом, зная, что (в жизни) бывают и взлеты, и падения, не печалится и не радуется. Выпадет счастье — наслаждайся им, грянет беда — терпи. Жди своего часа, как сеятель — урожая. Нет ничего выше подвижничества, покаяние — вот путь к величию. Помни, о бхарата: не существует такого, чего нельзя было бы добиться подвижничеством.

Правдивость, честность, незлобивость, щедрость, сдержанность, миролюбие, отсутствие зависти, непричинение зла живому, а также чистота и смирение чувств — таковы, о великий царь, средства (достижения цели) для праведных. Люди, находящие удовольствие в зле, невежды, предпочитающие окольные пути, рождаются в дальнейшем среди низких созданий и не ведают счастья.

То, что вершится в этом мире, имеет последствия в мире ином, поэтому следует обуздывать плоть подвижничеством и смирением. Следует раздавать дары по мере своих сил, вовремя и тем, кто достоин, выказывать им уважение и воздавать почести, носить радость в душе и гнать прочь недовольство, о царь! Правдоречивый обретет долголетие, честный—беспечальное существование, а негневливый и смиренный достигнет высшего блаженства.

Тот, кто сдержан и миролюбив, не знает вечных страданий; смиривший свою душу не терзается, если счастье изменит. Оделяющий и дарующий счастлив и благоденствует; тот, кто не приносит вреда живому, достигает высшего блага. Почитающий тех, кто заслуживает почтения, рождается в великом роду; обуздавший свои чувства не знает лишений. Тот, чьи помыслы устремлены к добру, повинуясь закону времени3, вновь рождается на свет праведником».

Юдхиштхира сказал:
О владыка, великий подвижник! Что имеет большую ценность для мира иного: раздача даров, (верность) дхармам или подвижничество? И что считается самым трудным? Вьяса сказал:

Нет на земле ничего более трудного, чем раздача даров, ибо (люди) чрезвычайно дорожат своим имуществом, которое добывается не без труда. Ради богатства герои вступают в жестокий бой, жертвуя драгоценной жизнью, а иногда (удаляются) в лес или на (берег) моря.

Иные занимаются земледелием и скотоводством, другие, мечтая скопить богатство, идут в услужение. Необычайно трудно расстаться с тем, что добыто (немалыми) лишениями, поэтому нет ничего тяжелее раздачи даров. Оттого я считаю принесение даров (самым главным). Особенно тут необходимо усвоить, что честно добытое богатство следует раздавать в надлежащее время и в подобающем месте тем, кто заслуживает этого, а именно праведникам.

Когда, соблюдая дхарму, раздают как дары богатство, неправедно обретенное, это не спасает того, кто так делает, от великой опасности. Пусть даже малый дар, но поднесенный просителю вовремя и от чистого сердца, считается непреходящей заслугой в мире ином. По этому поводу рассказывают древнюю повесть о том, что обрел Мудгала, отказавшись от дроны риса.
*Такова в книге «Лесная» великой «Махабхараты» двести сорок пятая глава.*

ГЛАВА 246

Юдхиштхира сказал:
Расскажи мне, владыка, о том, как великий душою (Мудгала) отказался от дроны риса, кому он ее отдал и как это было? Я считаю, что не зря родился на свет тот, чьими благими делами доволен сам Владыка, воплощающий дхарму.

Вьяса сказал:
В Курукшетре, о царь, жил правдоречивый, не ведающий зависти, добродетельный Мудгала, стойкий в обете. Жил он сбором колосьев и зерен, остающихся после жатвы. Верный обету гостеприимства 6, соблюдающий все обряды великий подвижник, живущий, как голубь, совершал (регулярно) жертвоприношение под названием «иштикрита». Отшельник, его сыновья и супруга принимали пищу только раз в две недели, и при таком голубином образе жизни накапливалась у него за полмесяца дрона риса. Принося жертвы в день новолуния и в день полнолуния, он безропотно поддерживал свое существование тем, что оставалось после (подношения) богам и гостям.

Каждый раз, когда одна половина лунного месяца сменялась другой, сам Индра, Владыка трех миров, вместе с богами принимал его дар, о великий царь! Совершая (жертвоприношения) при каждой смене луны, он вел жизнь отшельника и с искренней радостью раздавал еду гостям. И вот поэтому, хотя великий духом (Мудгала) не скупясь раздавал еду из той дроны риса, (что набиралась) к этому дню, его становилось все больше и больше по мере того, как появлялись гости. Были накормлены им сотни мудрейших брахманов, но благодаря искренности, с которой отшельник делал им подношения, еды у него все прибывало.

Прослышав о добродетельнейшем Мудгале, верном обету, к нему явился, о царь, Дурвасас, одеждой которому служили стороны света. Этот отшельник, одеяние которого не имело предела. был лишен волос и выглядел как безумный, о Пандава. выкрикивая проклятия.

Подойдя к тому брахману (Мудгале), достойнейший из отшельников обратился к нему: «Знай, о величайший из подвижников, я пришел сюда, чтобы получить пищу».— «Добро пожаловать!» — так сказал Мудгала отшельнику и поднес ему воду для омовения ног и для прихлебывания, а следом — прекрасное угощение. Стойкий в обете и верный закону гостеприимства, он с глубоким почтением передал это страдающему от голода безумцу, изнуренному покаянием.

Несчастный, измученный голодом, съел с аппетитом все яства, а Мудгала подал ему (еще). И тогда, съев все кушанья, тот вымазал объедками свое тело и удалился туда, откуда пришел. А когда во второй раз сменилась луна, он снова явился к премудрому, живущему сбором колосьев, и съел все угощение. Но подвижник, лишившись еды, снова собрал колосьев. Даже голод оказался бессилен заставить Мудгалу изменить себе.

Ни гнев, ни зависть, ни ропот, ни смятение не коснулись (души) лучшего из дваждырожденных, живущего вместе с женой и сыновьями сбором осыпавшихся колосьев. Шесть раз, в строго определенное время, к величайшему из подвижников, соблюдающему дхарму, установленную для тех, кто живет собиранием хлебных зерен, оставшихся после жатвы, являлся с какой-то своею целью (отшельник) Дурвасас.

Отшельник не замечал ни малейшего недовольства (в Мудгале). Он лицезрел чистоту непорочной души и безгрешное сердце. Наконец тот отшельник, довольный, сказал Мудгале: «В этом мире нет никого, кто бы так же, как ты, раздавал дары, не ведая жадности. Голод гасит сознание долга и лишает (человека) стойкости.

Язык, следуя за ощущениями, требует вкусной (пищи). От еды зависит сама жизнь, а неспокойную душу трудно сдержать.

Единство души и чувств достигается покаянием. Тяжело с чистым сердцем отдавать то, что накоплено тяжким трудом. Ты, о благочестивый, во всем поступал, как должно. Ты был приветлив с нами, и мы довольны таким приемом. Победа над чувствами, стойкость, щедрость, сдержанность, смирение, милосердие, правдивость и добродетель — все воплотилось в тебе. Ты покорил миры своими деяниями и ступил на высочайшую стезю. Твою щедрость небожители провозгласили воистину великой. Ты, что ревностно блюдешь свой обет, живым отправишься на небеса».

Едва святой Дурвасас это промолвил, как появилась яркая, движущаяся по желанию небесная колесница, запряженная гусями и журавлями, обвитая сеткой с колокольчиками и благоухающая дивным ароматом. На ней к Мудгале прибыл посланец богов и обратился к мудрецу-брахману: «Взойди на колесницу, ты заслужил это своими деяниями. Высочайшего совершенства достиг ты, подвижник!» Святой мудрец в ответ на такие слова сказал вестнику богов:

«Я хочу, чтобы ты поведал о добродетелях небожителей. Какие достоинства у тех, кто там пребывает? Какому покаянию (они подвергли себя) и в чем была его цель? Что такое небесное блаженство и какие беды (подстерегают обитающих) на небесах, о посланец богов? Праведники, выходцы из достойных семей, говорят: «Чтобы обрести друга в праведнике, достаточно пройти с ним всего семь шагов». Я прошу тебя, о могучий, именно о такой дружбе. Расскажи мне без промедления, что здесь истинно и полезно, а я выслушаю тебя и поступлю, как ты скажешь».
*Такова в книге «Лесная» великой «Махабхараты» двести сорок шестая глава.*

ГЛАВА 247

Посланец богов сказал:
О великий мудрец, несовершенен твой ум, если, обретя высочайшее блаженство на небесах, ты, вместо того чтоб гордиться, колеблешься, словно невежда. Тот мир наверху, который зовется небесами и где по прекрасным дорогам всегда разъезжают колесницы богов, уходит ввысь, о подвижник! Люди неправедные и неверующие, не прошедшие через покаяние и не совершившие великих жертвоприношений, не могут попасть туда, о Мудгала! Добродетельные, смирившие свою душу миротворцы, сдержанные и незлобивые, ревностно соблюдающие дхарму раздачи даров мужи и герои, стяжавшие славу в боях, преуспев в смирении и обуздании плоти, попадают в те благодатные края, где пребывают только праведники, о брахман!

Боги и садхьи, вишвы и маруты вместе с великими мудрецами, ямы и дхамы, о Маудгалья, а также гандхарвы и апсары (обитают на небесах), и у каждой из этих божественных групп есть свои сияющие, залитые блеском, блаженные миры, где исполняются все желания. На тридцать три тысячи йоджан (раскинулась) золотая Меру, царица гор. Здесь (расположены), о Мудгала, сады богов — Нандана и другие благодатные места отдохновения праведников. Там нет ни голода, ни жажды, ни усталости, нет страха холода или жары, не бывает ничего неблагого или такого, что вызывает отвращение, нет никаких болезней. Всюду там веет нежными ароматами, всякое прикосновение приятно, отовсюду там, о мудрец, льются звуки, чарующие душу и слух. Здесь ает ни печали, ни старости, нет тревог и страданий.

Таков, о подвижник, тот мир, к которому люди стремятся в своих деяниях, туда попадают праведники за свои добрые дела. У тех, кто допущен туда, от тела исходит сияние, и это тело, о Маудгалья, — результат их деяний, а не порождение матери и отца. Там (на небесах) нет ни пота, ни зловония, ни мочи, ни испражнений, пыль, о подвижник, не ложится на их одежды, а пышные, дивно благоухающие венки никогда не увядают. Такие, как ты, о брахман, разъезжают там в небесных колесницах. Далекие от зависти, печали и усталости, не ведая вражды и заблуждений, счастливо живут там те, что достигли небес, о великий отшельник!

А над этими мирами, о бык среди подвижников, высятся миры Шакры, полные необычайных достоинств. Впереди — блаженные, сияющие миры Брахмы, куда попадают, о брахман, святые мудрецы, очистившие себя благими деяниями. Те, что зовутся Рибху, — это иные боги богов, их миры — еще выше. Сами боги приносят тем жертвы. Те высшие сверкающие миры, дарующие что ни пожелаешь, источают собственный блеск, и нет там страданий из-за женщин, нет зависти к мирской власти. (Рибху) не совершают жертвоприношений и не вкушают амриты. У них дивные тела, но без зримого воплощения. От счастья не ищут счастья извечные боги богов, они не меняются со сменой кальп.

Откуда там быть старости или смерти, если нет ни радости, ни любви, ни счастья, ни горя, ни наслаждения? И откуда там быть страсти и ненависти, о подвижник! О таком высоком уделе мечтают, о Маудгалья, сами боги, но это высочайшее совершенство недоступно, недостижимо для них, сохранивших желания. Таких миров

тридцать три; в остальные миры попадают премудрые благодаря высочайшим обетам или дарам, принесенным, как должно.

Вот такое счастливое вознаграждение получают здесь за дары. Наслаждайся же им: ты обрел это за свои благие дела, и теперь ты будешь отмечен сиянием за свое подвижничество. Вот что такое, о брахман, небесное блаженство, и вот каковы различные (небесные) миры. Я рассказал тебе о светлых сторонах (жизни) на небесах.

Теперь послушай о бедах, которые там (подстерегают). На небесах человек (пожинает) плоды совершенных им дел, и они не могут быть изменены, пока до корня не исчерпается карма. Вот в чем, по-моему, состоит несчастье: вслед за тем (происходит) падение, причем как раз в тот момент, когда душа объята блаженством, о Мудгала! Невыносимо отчаяние и муки того, кто попадает в низшие миры после того, как изведал величайшего блаженства.

Рассудок мешается у низринутых, мрак наступает на них. Когда увядают венки у того, кому суждено быть повергнутым, его охватывает страх. Такие жестокие беды случаются всюду, вплоть до самого мира Брахмы, о Маудгалья! Неисчислимы добродетели людей, совершивших благие деяния и попавших на небеса. И поэтому еще одно отличает тех, что низринуты с небес: благодаря приверженности добру такой вновь рождается среди людей, о подвижник! Является он на свет отмеченным высокой участью и счастливым уделом, но если вовремя не осознает того, попадает потом в самые низы. После смерти (человек) пожинает плоды своих деяний, которые творит в этой жизни. Считают, о брахман, что здесь, (в этом мире), — земля кармы, а там, (после смерти), — земля плода (ее). Я рассказал тебе обо всем, о чем ты спросил меня, Мудгала! А теперь, о праведник, если ты согласишься, мы поскорее с миром тронемся в путь.

Вьяса сказал:
Выслушав это, Маудгалья, достойнейший из подвижников, задумался над словами посланца богов и, обдумав их, произнес: «Поклон тебе, о вестник небес! Ступай, куда тебе хочется. Не надо мне неба, если это чревато великим страданием, не надо блаженства. Быть оттуда низринутым — огромное горе, жестокая беда. Те, что блаженствовали на небесах, попадают потом на землю, поэтому я не желаю неба. Я буду стремиться лишь в те беспредельные края, достигнув которых больше не знают печали и горестей и (никогда этих мест) не покидают».

Такими словами отшельник простился с посланцем богов. Теперь он перестал заниматься сбором колосьев и зерен, оставшихся после жатвы, и познал несравненный покой. Став равнодушным к хуле и к прославлению, безразличным к тому, что перед ним — камень, ком земли или золото, он постоянно был погружен в размышления, предаваясь чистой йоге знания.

Черпая силу в йоге размышления, вкушая ни с чем не сравнимое блаженство, он достиг непреходящего совершенства — главного признака нирваны. Так и ты, о Каунтея, не должен печалиться: изгнанный из своего необъятного царства, ты вновь обретешь его с помощью подвижничества. За счастьем следует горе, несчастье сменяется радостью. Чередуясь, они кружатся вокруг человека, как спицы в окружности колеса. Пройдут эти тринадцать лет, и ты, чье мужество беспредельно, вернешь себе царство отцов и дедов. Так не терзай же тревогой свою душу!

Вайшампаяна сказал:
Сказав это сыну Панду, мудрый владыка Вьяса вернулся к себе в обитель, чтобы снова предаться подвижничеству.
*Такова в книге «Лесная» великой «Махабхараты» двести сорок седьмая глава.*

КОНЕЦ «СКАЗАНИЯ О ДРОНЕ РИСА»

# СКАЗАНИЕ О ПОХИЩЕНИИ ДРАУПАДИ

ГЛАВА 248

Вайшампаяна сказал:
Лучшие из бхаратов, великие воины, искусные в битве на колесницах, словно бессмертные, наслаждались прогулками по лесу Камьяка, где водилось много зверей, любовались разными рощами и пышно цветущими перелесками, которые были особенно прекрасны в то время года. Пандавы, сокрушители недругов, каждый из которых был (могуч), словно сам Индра, бродя по огромному лесу, занимались охотой. Однажды губители врагов, тигры среди мужей, разошлись одновременно в четырех разных направлениях, чтоб поохотиться для

брахманов, а Драупади с благословения великого мудреца Трина-бинду, пылающего огнем подвижничества, и родового жреца Дхаумьи оставили в обители.

В то время многославный царь Синдху по имени Варддха-кшатри направлялся к шальвеям, намереваясь жениться. Окруженный великою свитой, как подобает царю, вместе со множеством царей явился он в Камьяку. Там в глухом лесу он увидел любимую супругу Пандавов — славную Драупади, которая стояла у входа в обитель.

Прекрасная обликом, своей несравненною красотой она озаряла лесную поляну, словно молния — синюю тучу. «(Кто) это — небесная цева апсара или чудесное видение, созданное богами?» — так (размышляя), все взирали на нее, безупречную, почтительно сложив ладони. Царь Синдху Джаядратха Варддхакшатри, с улыбкой глядя на безукоризненно сложенную (Драупади), радовался в душе. Ослепленный желанием, он сказал царю Котикашье: «Кто же она, совершенная телом, если не земная женщина? Я никого не хочу себе в жены, после того как увидел эту красавицу, только с нею вернусь я в свой край.

Ступай, о достойный, и узнай, кто она, чья, откуда и зачем явилась, прекраснобро-вая, в этот неприютный лес. Может быть, эта красивейшая в мире длинноокая (дева) с такими дивными зубами, стройной талией и прекрасными бедрами будет теперь же моей! Я исполню свое желание, если получу (в жены) эту прелестную женщину. Ступай, Котика, узнай, кто ее прокровитель». Выслушав это, Котикашья, украшенный серьгами, соскочил с колесницы и, приблизившись к ней, словно шакал к тигрице, спросил.
*Такова в книге «Лесная» великой «Махабхараты» двести сорок восьмая глава.*

ГЛАВА 249

Котикашья сказал:
Кто ты, о прекраснобровая красавица, что стоишь в одинокой обители, пригибая ветку кадамбы, блистая, словно пламя в ночи, раздуваемое ветром? Необычайна твоя красота! Не страшно ли тебе в лесу? Богиня ты, якши или же данави? Прелестная апсара или дивная женщина-дайтья? А может, ты дочь царя змеев, прекрасная обликом5, или (злой дух), скитающийся в ночи по лесам? Или же ты супруга царя Вару-ны, а может быть, Ямы, Сомы или Властителя богатств?

А может, ты явилась из обиталища Дхатри или Видхатри, Савитара, самого Владыки6 или же Шакры? Ты даже не спрашиваешь нас, кто мы такие, а нам неизвестен твой покровитель. Умножая твою гордость, мы сами спрашиваем, о достойная, откуда ты родом и кто твой владыка.

Расскажи откровенно о своих родственниках, о супруге своем, о семье и о том, что ты здесь делаешь. Я — сын царя Суратхи, людям известен как Котпкашья. А тот, глаза у которого продолговатые, как лепестки лотоса, вон тот, что стоит в золотой колеснице, напоминая жертвенный дар в священном огне, — это доблестный царь тригартов по имени Кшеманкара. За ним — славный сын царя куниндов, великий стрелок из лука; широкоплечий, привыкший к жизни в горах, он смотрит на тебя в крайнем изумлении. А тот смуглый прекрасный юноша, что стоит возле лотосового пруда, — сын Субалы, царя из рода Икшваку; он (беспощадно) карает недругов, о прекрасная обликом!

Его сопровождают знаменосцы — двенадцать царских сыновей родом из Саувиры. Все они, стоя на колесницах, запряженных гнедыми конями, блистают, словно Уносящий жертву во время исполнения священных обрядов. Их имена — Ангарака, Кунджара, Гуптака, Шатрунджая, Санджая, Суправриддха, Прабханкара, Бхрамара, Рави, Шура, Пратапа и Кухара. Того, за кем следуют шесть тысяч бойцов на колесницах, слоны, конница и пешие воины, зовут Джаядратха; наверно, ты слышала: то царь Саувиры, о достойная!

С ним — его братья, твердые духом: Валаха, Каника, Видарана и другие, славные юные герои яз Саувиры; эти богатыри всюду сопровождают царя. С такими спутниками царь шествует, словно Индра в окружении сонма марутов. Но мы не знаем, о дивноволосая, чья ты супруга и дочь. Расскажи нам об этом.
*Такова в книге «Лесная» великой «Махабхараты» двести сорок девятая глава.*

ГЛАВА 250

Вайшампаяна сказал:
Царская дочь Драупади, глядя на достойнейшего из потомков Шиби, медленно отпустила ветку (кадамбы) и, оправив шелковое платье, так ответила на его вопрос: «Я знаю, о сын Индры людей, что женщина, подобная мне, не должна говорить с тобою. Но здесь нет никого, кроме меня, — ни мужчин, ни женщин, которые могли бы тебе ответить. Я одна, и поэтому я отвечу тебе.

Выслушай же, благочестивый, почему я, верная своей дхарме, говорю с тобою в лесу один на один. Я знаю, что ты — сын Суратхи и люди зовут тебя Котикашьей. Поэтому я, о потомок Шиби, расскажу тебе о своих родных. Слушай. Я — дочь царя Друпады; люди, о Шайбья, называют меня Кришной. Я выбрала себе пятерых мужей, которые, как ты, наверно, слышал, удалились (некогда) в Кхандавапрастху. Сыновья Притхи — Юдхиштхира, Бхимасена, Арджуна в оба сына Мадри, отважнейшие среди мужей, оставили меня здесь, а сами, разделившись, решили пойти поохотиться в четырех разных направлениях: царь (Юдхиштхира отправился) на восток, Бхимасена — на юг, (Арджуна) Победитель — на запад, а близнецы — на север.

Я думаю, что настало время возвратиться этим славным воинам на колесницах. Входите» если желаете быть с почтением приняты ими. Сойдите со своих колесниц и совершите омовение. Великий душою Сын Дхармы гостеприимен, он будет рад вас видеть». Так луполикая дочь Друпады доверчиво говорила с сыном потомка Шиби. Затем, погруженная в мысли о том, как (лучше исполнить) свой долг гостеприимства, она удалилась в уютный домик под листьями.
*Такова в книге «Лесная» великой «Махабхараты» двести пятидесятая глава.*

ГЛАВА 251
Вайшампаяна сказал:
Когда цари уселись, готовые выслушать Котикашью, о бхарата, владыка саувиров сказал потомку Шиби: «Едва прекраснейшая из женщин заговорила, сердце мое охватила радость. С чем ты вернулся? После того как я увидел ее, другие женщины кажутся мне похожими на обезьян, о мощнорукпй! Верно я говорю тебе. Только взглянул на нее, и она завладел» моею душой. Расскажи мне об этой красавице. Земная ли это женщина, о Шайбья?

Котикашья сказал:
Это царская дочь Драупади, славная Кришна, горячо любимая супруга пятерых сыновей Панду. Она верная и достойная жена всех Партхов. Бери ее, о владыка саувиров, и ступай, счастливый, назад к саувирам.

Вайшампаяна сказал:
«Я хочу посмотреть на Драупади», — ответил на эти слова владыка синдху и саувиров грешный Джаядратха. Войдя всемером в пустую обитель, словно волки в логово льва9, (пришельцы) сказали Кришне: «Поклон тебе, о наделенная прекрасным станом! Здоровы ли твои супруги? И те, кому желаешь ты блага, здоровы ли они?»

Драупади сказала:
Царь Юдхиштхира, сын Кунти, потомок Куру, в добром здравии. И я, и его братья, и другие, о ком ты спрашиваешь, — тоже. Прими от меня воду для омовения ног и сядь сюда, о царский сын! Пятьсот антилоп приготовлю я вам на завтрак. Черных антилоп и пятнистых, антилоп ньянку и харина, ша-рабхов и зайцев, белоногих антилоп, антилоп руру и шамбара, гаялов, множество диких зверей, вепрей и буйволов, а также других животных пожалует тебе сам Юдхиштхира, сын Кунти.

Джаядратха сказал:
Благо судьбе — у меня появилась полная замена завтраку. Подойди ко мне, подымись на мою колесницу и вкуси со мною блаженства! Не стоит тебе хранить верность Партхам: они скитаются по лесам, слава их закатилась; жалкие и растерянные, они изгнаны из своего царства. Мудрая женщина не должна оставаться с супругом, если он потерял свою честь. Ей следует быть с ним вместе тогда, когда ему сопутствует успех, но если слава его погибла — нечего жить с ним. (Пандавы) лишились (былой) славы и на вечные времена утратили свое царство. Довольно тебе жить в невзгодах любовью к сыновьям Панду! Будь моею женой, о женщина с прекрасными бедрами! Оставь (Партхов) и обрети свое счастье. Вместе со мною ты будешь владычествовать над всеми синдху и саувирами.

Вайшампаяна сказал:
Едва царь Синдху произнес эти вселяющие в сердце дрожь «слова, Кришна отпрянула, нахмурив брови. Отвергнув с презрением его домогательства, стройная Кришна сказала владыке Синдху: «Этому не бывать. Постыдись!» Ожидая, что сунруги •ее вот-вот возвратятся, безупречная женщина решила отвлечь чужестранца, нанизывая слово на слово.
*Такова в книге «Лесная» великой «Махабхараты» двести пятьдесят первая глава.*

ГЛАВА 252

Вайшампаяна сказал:
Нежное лицо ее покрылось румянцем гнева, глаза покраснели, брови то подымались, то опускались.

Дочь Друпады, дрожа, говорила владыке саувиров: «Как не стыдно тебе, невежда, оскорблять славных великих колесничных воинов, смертоносных, как яд! Каждый из них подобен Великому Индре и устремлен к своей цели! Они устояли в боях с самими якшами и ракшасами. Не говорят дурного достойному хвалы подвижнику, кто бы он ни был: житель лесов или домохозяин, ибо он полон знаний.

Говорят же такое, саувира, лишь люди-псы! Я думаю, нет никого в подобном собрании кшатриев, кто после? этого протянул бы тебе руку, чтоб удержать тебя от падения в пасть Паталы. Надеясь одолеть Царя справедливости, ты похож на того, кто с палкой в руках пытается отбить от стада (огромного), как горная вершина, слона, бредущего на время течки к подножию Гималаев. Ты по глупости рвешь ресницы с морды грозного льва, заснувшего (крепким) сном, толкая его ногой, но убежишь прочь, едва лишь увидишь неистового Бхимасену.

Ты как бы пинаешь носком страшного, мощного, живущего от рождения в горных пещерах злобного старого льва, погруженного в сон, если дерзаешь встретиться с гневным и яростным Джишну. Собираясь сразиться с обоими младшими Пандавами, достойнейшими из людей, ты беззаботно наступаешь ногой на хвост двум ядовитейшим черным змеям с раздвоенными жалами. И как бамбук, банан или тростник плодоносят себе на погибель, а не ради своего процветания, как самка-краба (приносит) потомство (и погибает сама), так и ты (примешь смерть), если осмелишься посягнуть на меня, охраняемую теми (героями)».

Джаядратха сказал:
Я знаю это, о Кришна! Известно мне, каковы те сыновья бога среди людей. Но нас не устрашат твои угрозы. Каждый из нас, о Кришна, рожден в одном из семнадцати высоких родов, и мы превосходим сыновей Панду шестью достоинствами, которых, как мы считаем, они лишены, о Драупади! Садись поскорей на слона или же в колесницу. Нас нельзя (удовлетворить) одними речами. Лучше жалобно моли о милосердии царя Саувиры!

Драупади сказала:
Почему царь Саувиры считает меня бессильной, между тем как на моей стороне великая мощь? (Почему он считает), что я, упорствуя лишь от растерянности, должна взывать к милосердию царя Саувиры? Сам Индра не посмеет похитить ту, на помощь к которой летят по дороге в одной колеснице два Кришны, что уж и говорить о всего лишь жалком смертном! Когда Увенчанный диадемой, губитель вражеских героев, тот, что с колесницы разит недругов в самое сердце, нападет из-за меня на твое войско, он испепелит его, словно огонь — сушняк в жаркую пору. За Джанарданой последуют герои-вришнии, великие стрелки из лука, а также все кекаи; все царевичи, мои сыновья, тоже с готовностью отправятся в путь.

Стремительнейшие грозные стрелы, выпущенные из Гандивы, покидая тетиву с громоподобным звуком, звенят еще страшнее, ударившись о руку Завоевателя богатств. Когда, исторгая то и дело из Гандивы мощные потоки стрел, Владетель Гандивы под рев раковины и треск кожаных щитков обрушит эти стрелы тебе на грудь, как стаи быстрой саранчи, какие мысли посетят тебя?

Ты увидишь Бхиму, летящего с палицей в руке, и мчащихся с разных сторон сыновей Мадри, изрыгающих яд гнева, рожденного неистовством, и примешь, злодей, долгие мучения. И как (истинно то, что) я никогда, даже в мыслях не предам своих драгоценных супругов, так же верно и то, что я увижу, сегодня, как Партхи схватят тебя и поволокут (по земле). И я не испытываю страха, хотя ты, злодей, силою тащишь меня за собой. Я вновь соединюсь с доблестнейшими среди куру и возвращусь в лес Камьяка!

Вайшампаяна сказал:
Глядя своими огромными глазами на тех, что готовы были схватить ее, она проклинала их и испуганно повторяла: «Не троньте, не троньте меня!» Потом она крикнула Дхаумью, родового жреца, и тут Джаядратха схватил ее за край одежды. Она оттолкнула его, так что злодей от ее удара рухнул на землю, словно дерево с подрубленными корнями, но тут же (вскочил) и кинулся на нее. И царская дочь Кришна, увлекаемая им против воли, часто и тяжко вздыхая, припала к стопам Дхаумьи, а затем поднялась на колесницу.

Дхаумья сказал:
Ты не можешь увести ее, пока не покоришь великих воинов, искусных в битве на колесницах. Вспомни об извечной дхарме кшатрия, о Джаядратха! Ты сотворил низость, нанеся удар доблестным Пандавам, глава которых — Царь справедливости, и тебя, без сомнения, ожидает суровая расплата.

Вайшампаяна сказал:
С этими словами Дхаумья отправился среди пеших воинов вслед за похищенной славной царской дочерью.
*Такова в книге «Лесная» великой «Махабхараты» двести пятьдесят вторая глава.*

ГЛАВА 253

Вайшампаяна сказал:
В то время Партхи, лучшие на земле стрелки из лука, исколесив в одиночку окрестности, настреляли антилоп, вепрей и буйволов и собрались все вместе. В том огромном лесу, оглашаемом пением птиц, было много оленей и хищных зверей. Прислушавшись к крикам животных, Юдхиштхира сказал своим братьям: «Звери и птицы устремляются в сторону, озаренную солнцем, их крики тревожны, предвещая большую беду. Быть великому бою с недругами, или нас ждет бесчестье. Надо скорей возвращаться! Довольно (настреляно) антилоп. На сердце у меня тревожно, оно горит огнем.

Властитель праны и в моем теле мятежен; объятый гневом, он затмевает разум. (Лес) Камьяка напоминает мне озеро, где Супарна истребил змеев, или же государство, которое утратило свое величие, лишившись царя, или кувшин, из которого жаждущие выпили всю воду».

Мужи-герои на прекрасных колесницах, в которые были впряжены крупные резвые скакуны — стремительные, как ветер, кони с (берегов) Синдху, повернули назад в обитель. Когда они возвращались, слева от них громко завыл шакал. Царь задумался и сказал Завоевателю богатств и Бхиме: «Этот грязный шакал воет слева. Это значит, что кауравы-злодеи издевательски, вероломно напали на нас».

Пересекая лес, охотясь в мощных зарослях, они вдруг увидели рыдающую девушку-прислужницу, сводную сестру их жены. Индрасена поспешно подъехал, соскочил с колесницы, подбежал к ней, о Индра людей, и тотчас спросил у нее в тревоге: «О чем ты плачешь, припав к земле? Отчего осунулось и побледнело твое лицо? Уж не напали ли жестокие злодеи на царскую дочь Драупади? Красота ее безупречна, глаза огромны — словом, и внешне она под стать быкам из рода Куру.

Даже если царица скроется под землею или в океане или отправится на небеса, Партхи пойдут за ней следом: столь велико будет горе Царя справедливости. Какой безумец решится похитить у этих губителей недругов, терпящих лишения, но не покоренных, их бесценное сокровище — (супругу), которая для них дороже жизни? Не знает он, (какие) у нее защитники, (не ведает), что Пандавы готовы душу за нее отдать. Чье тело пронзят сегодня наши острые, грозные стрелы, впившись затем в землю? Не печалься о ней, о робкая! Знай, что Кришна сегодня же вернется. Партхи наголову разобьют всех недругов и соединятся с Яджнясени».

Отирая слезы с прелестного лица, наперсница (Драупади) ответила вознице Индрасене: «Джаядратха силой похитил Кришну, бросив вызов пятерым (ее супругам), каждый из которых подобен самому Индре. Еще свежи (проложенные чужестранцами) тропы и не завяли сломанные ими деревья. Поспешите вслед за (врагом), пока царская дочь недалеко! О вы, подобные Индре! Облачайтесь в могучие прекрасные доспехи, берите свои драгоценные луки и стрелы и скорей отправляйтесь в путь, пока, смешавшись перед натиском угроз, она, с лицом, осунувшимся (от отчаяния), в смятении души не отдала свое тело этому злодею; пока черпак, наполненный чистейшим маслом, (не упал) в золу; пока огонь от (горящей) соломы не пожрал принесенное в жертву; пока венок не брошен в погребальный костер; пока напитка сомы, приготовленного для жертвы, не лизнула собака, когда жрецы зазевались; пока, рыская в густом лесу, в лотосовый пруд не окунулся шакал!

Да не коснется какой-то нечестивец, словно собака —жертвенных даров, милого, сияющего лунным светом, прекрасного лица вашей возлюбленной с красивым носом и дивными глазами! Спешите по этим дорогам, и пусть не опередит вас время!»

Юдхиштхира сказал:
Умолкни, о достойная, прерви свою речь! Не произноси при нас таких жестоких слов. И цари, и царские сыновья, бывает, обманываются, ослепленные своей мощью.

Вайшампаяна сказал:
С этими словами, натянув тетивы мощных луков, теми же тропами они быстро двинулись в путь, то и дело тяжко вздыхая, как змеи. И вот сквозь клубы пыли, поднятой копытами коней (вражеского) войска, они увидели Дхаумью, идущего среди пеших воинов. Он крикнул Бхиме: «Поторопись!» Растроганные царевичи утешили Дхаумью и сказали ему: «Возвращайся спокойно», а сами, словно ястребы на добычу, стремительно ринулись на (неприятельскую) рать. Увидели (Пандавы) Джаядратху и свою возлюбленную, стоящую в его колеснице, и в них, отвагой подобных Великому Индре, запылал гнев, вызванный оскорблением Яджнясену. Врикодара, Завоеватель богатств, братья-близнецы и царь (Юдхиштхира), великие стрелки из лука, кинули клич царю Синдху, так что у недругов перепутались стороны света.
Такова в книге «Лесная» великой «Махабхараты» двести пятьдесят третья глава.

ГЛАВА 254

Вайшампаяна сказал:
В лесу поднялся страшный шум, когда неистовые кшатрии увидели Бхимасену и Арджуну. Сам нечестивый царь Джаядратха дрогнул, увидев верхушки знамен быков из рода Куру, и сказал стоящей в колеснице прекрасной Яджнясени: «Приближаются пять мощных колесниц. Мне кажется, о Кришна, что это твои супруги. Ты, о дивноволосая, знаешь (их), поэтому расскажи нам о каждом из Пандавов, стоящих на колесницах».

Драупади сказала:
Зачем же тебе, невежда, знать о могучих стрелках из лука, если ты совершил злодеяние, лишившее тебя долголетия? Приближаются мои супруги-герои, теперь никто из вас не спасется во время битвы. Но я должна ответить на твой вопрос, ибо тебе суждено умереть, — такова дхарма. И нет во мне ни тревоги, ни страха перед тобою, раз я вижу Царя справедливости вместе с братьями.

Тот, у кого на острие (древка) знамени два звонких, мелодичных барабана красивой формы — Нанда и Упананда, тот, кто знает смысл своего долга и пользы, и кого всегда окружают деятельные люди, тот, кто строен и светел кожей, как золото Джамбунады, у кого крупный нос и удлиненные глаза, — то мой супруг Юдхиштхира, наилучший в роду Куру, и называют его сыном Дхармы. Благочестивый и отважный, он может даровать жизнь даже недругу, если тот зазывает к его милосердию. Во имя своего же блага оставь оружие, неразумный, сложи смиренно ладони и ступай к нему поскорее.

Тот высокий, словно пальма, с могучими руками — его ты видишь стоящим в колеснице, с закушенной губою и хмуро сведенными бровями — мой супруг по имени Врикодара. Везут героя крепкие объезженные кони, породистые и выносливые. Его деяния — сверх человеческих сил, «Грозный» — такая слава ходит о нем по земле. Кто оскорбит его, не останется жив: он никогда не прощает обиды. Если он даже решает покончить с враждой, то и тогда полностью не смиряется. Тот, кто мягок, стоек и добр, о ком идет добрая слава, тот, кто смирил свои чувства и почитает старших, — это супруг мой, который зовется Завоевателем богатств; этот доблестный муж — брат и ученик Юдхиштхиры.

Ни под влиянием страсти, пи из страха, ни из корысти не отступится от своей дхармы и не сделает зла этот блеском подобный Вайшванаре сын Купти, способный противостоять любому недругу, неся ему погибель. Мудрец, который познал установления всех дхарм и пользы, тот, кто избавляет от страха робких, о совершенной красоте которого идет молва по свету, тот, кого оберегают Пандавы, кто всей душою верен старшему (из братьев), — то мои доблестный супруг Накула. Второй (из близнецов), вооруженный мечом, — это ловкий, могучий и мудрый Сахадева, подвиг которого ты увидишь сегодня, безумец! Ты словно (узришь) самого Совершителя ста жертвоприношений в битве с полчищами дайтьев.

Мой супруг Сахадева смел, рассудителен, мудр, он искусно владеет оружием и приносит радость царю — сыну Дхармы. Этот младший любимый браг Пандавов, которому по уму нет равных, блеском подобен луне и солнцу. Он знает установления, умеет беседовать с праведниками, отважен, поры вист, разумен и знающ. Он скорее расстанется с жизнью, даже войдет в огонь, чем скажет такое, что будет противоречить дхарме. Мудрый и смелый, самый желанный для сердца Кунти, он всегда верен долгу кшатрия.

Ты увидишь, как твое войско, охваченное смятением перед сыновьями Панду, будет терять своих воинов, напоминая перегруженную сокровищами лодку, которая разваливается в океане на спине макары. Я рассказала тебе о сыновьях Панду, которых ты оскорбил по своему невежеству. Если они отпустят тебя невредимым, ты воистину родишься заново.

Вайшампаяна сказал:
Тут пятеро разгневанных сыновей Притхи, оставив позади перепуганных, смиренно сложивших ладони пеших воинов, подобно пяти Индрам, окружили колесничное войско, и все вокруг потемнело от обрушившихся стрел.
*Такова в книге «Лесная» великой «Махабхараты» двести пятьдесят четвертая глава.*

ГЛАВА 255

Вайшампаяна сказал:
«Остановитесь! К бою! Быстрее стройтесь!» — отдавал приказания владыка Синдху царям. Увидев на поле боя Бхиму, Арджуну и близнецов вместе с Юдхиштхирой, воины (Джаядратхи) закричали еще отчаянней. Смятение охватило пгаби, синдху и тригартов, когда они увидели этих мужей-тигров, мощных, как тигры. Воздев стальную палицу, отделанную золотом по всей длине, Бхима ринулся на обреченного царя Синдху.

Тем временем Котикашья развернулся и двинулся на Врикодару, окружая его мощным строем своих колесниц. На (Бхиму) посыпалось множество копий, дротиков и стрел, посланных руками героя (Котикашьи), но Бхима не дрогнул. Своею палицей он уничтожил слона вместе с погонщиком и сорок пеших воинов из головного отряда царя Синдху.

Сын Притхи (Арджуна), преследуя царя Саувиры, сразил пятьсот героев-горцев, великих воинов на колесницах из передних рядов (вражеского) войска. Царь (Юдхиштхира) сам в одно мгновение уничтожил в бою сотню лучших бойцов-саувиров. Накула спрыгнул со своей колесницы и, словно разбрасывая семена, принялся сносить мечом головы воинам, охраняющим ноги слона. А Сахадева, разъезжая на колеснице, стрелами сбивал воинов со слонов, словно павлинов с деревьев.

Тут один из тригартов, вооруженный луком, соскочил с могучей колесницы и палицей убил четырех коней царя (Юдхиштхиры). Но когда он, пеший, стал приближаться к царю, сын Кунти, Царь справедливости, пронзил его грудь стрелой с наконечником в форме полумесяца. Кровь хлынула у него изо рта, и с пробитым сердцем рухнул герой лицом к Партхе, словно дерево с подрубленными корнями. Царь справедливости, кони которого были убиты, соскочил со своей колесницы и вместе с Индрасеной занял место на мощной колеснице Сахадевы. Кшеманкара и Махамукха, целясь в Накулу, посылали одновременно с двух сторон обильные потоки острых стрел.

Их стрелы обрушивались лавиной, словно ливень из туч, но тут сын Мадравати огромной стрелой разом настиг одного ж« другого. Стоя на оси колесницы, царь тригартов Суратха, искусный в сражениях на слонах, опрокинул слоном колесницу-Накулы, но тот, не растерявшись, (соскочил) с колесницы и,, выбрав высокое место, застыл неподвижно, словно утес, с мечом и щитом в руках.

Стремясь расправиться с Накулой, Суратха погнал (на него) отборного слона, яростно задравшего-хобот. Когда слон оказался совсем близко, Накула мечом отсек ему хобот у самого корня вместе с обоими бивнями. Урони» голову, украшенный браслетами слон со страшным ревом рухнул на землю, давя наездников.

Совершив этот ратный подвиг, доблестный сын Мадравати, великий воин, искусный в битве на колесницах, вскочил на колесницу Бхимасены, пришедшего ему на помощь. Когда на Бхиму напал царь Котикашья, (Пандава) острой как бритва-стрелой снес голову его вознице, погонявшему коней. Царь даже не заметил, что тот (воин), прославленный мощью рук, убил его возницу, и кони понеслись по полю боя с убитым; колесничим. Когда (Котикашья), возница которого был сражен,, оказался спиною к Бхиме, Пандава, первый среди воинов, настиг его и убил своим дротиком, снабженным рукоятью.

Завоеватель богатств острыми стрелами разнес луки и головы всех двенадцати саувиров. Шиби и лучших из рода Икшваку, тригартов и жителей Синдху — всех, кто приближался к нему на полет стрелы, разил в бою непревзойденный воин на колеснице. Много слонов с флажками и (немало) великих воинов н.% колесницах со знаменами пало от руки Савьясачина; всю землю на поле брани покрыл он обезглавленными телами и головами, отделенными от туловища. Собаки, шакалы, коршуны, канки, вороны, улы, грифы и (другие) хищные птицы жадно-поглощали мясо и кровь убитых воинов.

Когда погибло столько героев, Джаядратха, царь Синдху, испугавшись, оставил Кришну и пустился бежать. Бросив; Драупади посреди разбитого войска, нечестивец в страхе за свою жизнь кинулся в лес. Царь справедливости, увидав Драупади и стоящего перед ней Дхаумью, вместе с отважным сыном Мадри помог им подняться на колесницу. Когда Джаядратха скрылся, войско его тоже обратилось в бегство, а Врикодара продолжал целиться и настигал (бегущих) своими стрелами. Но Савьясачин, увидев, что Джаядратха бежит, остановил Бхиму, разящего воинов Синдху.

Арджуна сказал:
Я не вижу на поле битвы Джаядратхи, по вине которого нам выпало это жестокое испытание. Разыщи его, благо тебе! Что пользы в убийстве воинов? Это бессмысленно, разве ты не согласен?

Вайшампаяна сказал:
Когда мудрый Гудакеша так обратился к Бхимасене, тот (Пандава), зная, как надо вести разговор, сказал, глядя на Юдхиштхиру: «Большая часть недругов, лишившись своих героев, разбежалась в разные стороны. Забирай Драупади, о царь, и уезжай отсюда. Вместе с братьями-близнецами и Дхаумьей, великим душою, возвращайся в обитель, о царь. Индра царей, и успокой Драупади. Царь Синдху, безумец, не уйдет от меня живым, даже если он скроется на дне Паталы и если его колесницей будет править сам Шакра!» Юдхиштхира сказал:
Хотя царь Синдху и злодей, о мощнорукий, его не стоит убивать ради Духшалы и славной Гандхари.

Вайшампаяна сказал:
Услышав это, мудрая Драупади, терзаемая стыдом, гневно и взволнованно обратила яростную речь к обоим своим супругам — Бхиме и Арджуне: «Если хотите вернуть мне радость, убейте того подлейшего из людей, выродка среди синдху, бесчестного негодяя, покрывшего позором свой род Если враг без войны похищает (чужую) жену или же покушается на царство, в бою он не заслуживает пощады, даже если просит об этом!».

После таких ее слов оба тигра среди мужей бросились преследовать владыку Синдху, а царь (Юдхиштхира) вместе с Кришной и родовым жрецом тронулся в обратный путь. Войдя в обитель, он увидел, что циновки и кувшины разбросаны, а брахманы во главе с Маркандеей разбежались. Шествуя вместе с супругой меж двух своих братьев, многомудрый (Юдхиштхира) приблизился к брахманам, собравшимся оплакивать Драупади, и те возликовали, увидев, что царь вернулся вместе « нею, победив синдху и саувиров. Окруженный (брахманами), царь вступил в обитель, вошла туда и прекрасная Кришна вместе с братьями-близнецами.

Меж тем Бхима и Арджуна, слыша, что враг на расстоянии кроши, стремительно ринулись следом, сами погоняя своих коней. И тут доблестный Арджуна совершил великое чудо: он сразил коней владыки Синдху, шедших на крошу впереди.

Обладая небесным оружием, не растерявшись в трудную минуту, он совершил непостижимое своими стрелами, освященными этим оружием. Затем оба героя, Бхима и Завоеватель богатств, бросились на перепуганного, смешавшегося владыку Синдху, который был один и лишился коней. Царь Синдху, охваченный отчаянием при виде гибели своих коней, увидел Завоевателя богатств, совершившего ратный подвиг, и, пытаясь спастись бегством, бросился дальше в лес.

Но Пхальгуна мощнорукий, увидев, что владыка Синдху снова пустился бежать, стал преследовать его, говоря: «Так вот какова твоя смелость! Как же ты мог силою домогаться женщины? Вернись, сын царя, тебе не к лицу бежать. И как же ты обратился в бегство, бросив среди врагов своих спутников?» Но властитель Синдху даже не обернулся на эти слова Партхи. «Стой! Остановись!» — (кричал) могучий Бхима, быстро его нагоняя. «Не следует убивать (его)!» — сказал ему вслед милостивый сын Притхи.
*Такова в книге «Лесная» великой «Махабхараты» двести пятьдесят пятая глава.*

ГЛАВА 256

Вайшампаяна сказал:
Несчастный Джаядратха, видя, что двое братьев (преследуют его) с оружием наготове, по-прежнему быстро бежал, пытаясь спасти свою жизнь. И вот могучий, неистовый Бхимасена, соскочив с колесницы, настиг беглеца. Он притянул его за волосы, затем приподнял и в ярости протащил по земле, потом схватил царя за горло и ударил его. Едва тот пришел в себя и попытался подняться, мощнорукий Бхима нанес ему, готовому зарыдать, удар ногой по голове, затем подставил ему колено и ударил локтем. Под градом жестоких ударов царь впал в беспамятство. Тут Пхальгуна, исполняя волю царя (Юдхиштхиры), ради Духшалы остановил разъяренного Бхимасену, о каурава!

Бхимасена сказал:
«Недостоин жизни этот безумный нечестивец: ничтожнейший из людей, он незаслуженно причинил Драупади великое горе! Что ж я могу поделать, если царь (Юдхиштхира), как всегда, милосерден, а ты по своему юношескому неразумению тоже постоянно нас останавливаешь!» Сказав так, Врикодара стрелой с наконечником в форме полумесяца (обрил врагу голову), оставив пять прядей, но тот не произнес ни слова.

Тогда Врикодара предложил царю: «Если ты, глупец, хочешь остаться в живых, слушай, какое я ставлю условие. В любом обществе, в любом собрании ты должен повторять: «Я раб». Тогда я дарую тебе жизнь. Таково право победившего в бою».— «Пусть будет так», — ответил, едва дыша, царь Джаядратха тигру среди мужей, украшению боя Бхиме. Затем Врикодара, сын Притхп, связал (пленника) и поднял его, неподвижного, бесчувственного, покрытого грязью, на свою колесницу. После этого Бхима вместе с (Арджуной), сыном Притхи, на той колеснице явились к Юдхиштхире, который стоял посреди обители. Бхима показал ему, что стало с несчастным Джаядратхой.

Царь посмотрел на него, улыбнулся и приказал: «Освободите его!» Бхима обратился к царю: «Скажи Драупади, что этот злодей стал рабом Пандавов». Но старший брат попросил его мягко: «Освободи этого нечестивца, если я дорог тебе!» И Драупади сказала Бхиме вслед за Юдхиштхирой: «Пусть будет освобожден этот раб. Ты уже сделал царю пять прядей на голове».

И царь был освобожден. Он подошел к царю Юдхиштхире, приветствовал его, затем смущенно поклонился всем отшельникам. Глядя на Джаядратху, плененного Савьясачином, милосердный царь Юдхиштхира, сын

Дхармы, сказал: «Ты не раб. Ступай, ты свободен. Но больше никогда так не делай. Позор тебе, низкий сластолюбец, окруженный ничтожествами! Кто может так поступать, кроме тебя, бесчестнейшего из мужей?» Видя, что (царь), сотворивший злодеяние, едва жив, владыка людей, лучший из бхаратов, сжалился и, обращаясь к нему, (сказал): «Пусть разум твой устремится к дхарме! Пусть даже мысли не будет у тебя неправедной! Ступай, Джаядратха, вместе с твоими пешими воинами, конницей и колесницами. Благо тебе!».

После таких слов (Юдхиштхиры) царь, пристыженный, понурив голову, терзаемый горем, молча удалился к Вратам Ганги, о бхарата! Обратившись за покровительством к Треокому богу — Супругу Умы, он предался суровому подвижничеству, и Тот, чье знамя — бык, был им доволен. Треокий бог сам милостиво принял его жертву и пожаловал ему дар. Послушай, что он выбрал. «Пусть одолею я в бою всех пятерых Пандавов на колесницах», — так сказал царь (Джаядратха) тому богу.

«Нет, — ответил ему бог, — их нельзя одолеть и нельзя уничтожить. Но ты сможешь противостоять им в бою, всем, кроме Арджуны мощнорукого, ибо с ним не могут справиться даже боги. Его, первого среди знатоков оружия, охраняет сам Кришна, тот, которого называют непобедимым богом, держащим раковину, диск и палицу». Выслушав речь (Шивы), царь отправился в свои края, а Пандавы остались жить в лесу Камьяка.
*Такова в книге «Лесная» великой «Махабхараты» двести пятьдесят шестая глава.*

ГЛАВА 257

Джанамеджая сказал:
Что делали Пандавы, тигры среди мужей, после того, как на них обрушилось такое жестокое горе — была похищена Кришна?

Вайшампаяна сказал:
Победив Джаядратху и освободив таким образом Кришну, Юдхиштхира, Царь справедливости, расположился в кругу отшельников. Сын Панду беседовал с Маркандеей, а великие святые мудрецы сочувственно слушали: «Я знаю, что время всесильно и наша судьба определена провидением. Того, что живущему суждено, он не может избегнуть.

Иначе почему же такое бедствие постигло нашу жену, знающую и блюдущую дхарму? Ведь это все равно, как если бы несправедливое обвинение в воровстве (бросили) честному человеку. Драупади не сделала ничего дурного или предосудительного, она всегда ревностно соблюдала великую дхарму по отношению к брахманам.

Силою в ослеплении разума захватил ее царь Джаядратха. но из-за того, что похитил ее, он был побежден в бою вместе со всеми своими спутниками и лишился волос. Мы отвоевали ее, разгромив войско владыки Синдху. Но для нас необъяснимо само похищение нашей супруги. Тяжкая жизнь в лесу, где мы существуем за счет охоты, тот вред, который мы, живя в лесах, вынуждены причинять животным, лесным обитателям, само это изгнание — все подстроено нашими вероломными родственниками.

Есть ли еще кто-нибудь, кто был бы несчастней меня? Может, ты видел или же слышал когда-нибудь о таком?»
*Такова в книге «Лесная» великой «Махабхараты» двести пятьдесят седьмая глава.*

# ПОВЕСТЬ О РАМЕ

ГЛАВА 258

Маркандея сказал:
Безмерное горе постигло Раму, о бык среди бхаратов: его супругу Джанаки похитил из обители по воздуху могучий Равана, Индра ракшасов. Прибегнув к волшебству, он быстро расправился с коршуном Джатаюсом. Рама отвоевал (Ситу) с помощью войска Сугривы, построив мост через океан и испепелив Ланку своими острыми стрелами.

Юдхиштхира сказал:
В каком роду появился на свет Рама, каково его мужество и отвага? Чьим сыном был Равана и из-за чего между ними возникла вражда? Расскажи мне, владыка, как все это было. Я хочу услышать о жизни Рамы, неутомимого в подвигах.

Маркандея сказал:
Жил на свете великий царь по имени Аджа из рода Икшваку. Был у него добродетельный сын Дашаратха, который всегда был усерден в чтении Вед. Родилось у него четыре сына, сведущих в законе и (мирской) пользе: Рама, Лакшмана, Шатругхна и могучий Бхарата. Матерью Рамы была Каусалья, Бхараты — Кайкеи, а Лакшмана и Шатругхна, губители недругов, были сыновьями Сумитры.

У Джанаки, царя Видехи, о могучий, была дочь Сита, которую даровал ему сам Творец, предназначив ее Раме в любимые супруги. Теперь ты знаешь о происхождении Рамы и Ситы, и я расскажу тебе о том, кто такой Равана, о владыка людей! Дедом Раваны был Самосущий, бог — Владыка живущих, сам могучий Творец всех миров, величайший подвижник.

Был у него любимый сын по имени Пуластья, творение его духа. У того родился от коровы могучий сын по имени Вайшравана31. Отвергнув своего отца, он направился к Прародителю. В гневе на него отец воссоздал самого себя, о царь! От половины своего естества он в злобе породил дваждырожденного по имени Вишравас, чтобы отомстить Вайшраване.

Но Прародитель, довольный Вашправаной, даровал ему бессмертие, владычество над богатствами, положение Хранителя мира, а также дружбу с Владыкой, сына Налакубару и столицу Ланку со множеством ракшасов. Такова в книге «Лесная» великой «Махабхараты» двести пятьдесят восьмая глава.

ГЛАВА 259
Маркандея сказал:
Отшельник по имени Вишравас, который был половиною тела Пуластьи, (породившего его) в гневе, со злобой следил за Вайшраваной. Кубера, Властитель ракшасов, знал, что отец на него разгневан, и поэтому всячески старался его умилостивить, о царь! Царь царей, Тот, чью колесницу влекут нары, проживая на Ланке, даровал отцу в услужение трех ракшаси. Искусные в танцах и пении, они принялись ублажать великого духом святого мудреца, о тигр среди бхаратов! Стройные девы Пушпотката, Рака и Малини, соперничая друг с другом (красотою), сулили блаженство, о царь — властитель народов! Великий душою владыка, довольный, даровал каждой из них сыновей, подобных Хранителям мира, как им хотелось. У Пушпоткаты родилось два сына — Кумбхакарна и Дашагрива, оба (стали) владыками ракшасов, и в могуществе им не было равных на всей земле. Малини родила единственного сына Вибхишану, у Раки родилось двое близнецов — Кхара и Шурпанакха. Вибхишана красотой превосходил всех.

Наделенный великой участью, он был верным стражем дхармы и ревностно соблюдал обряды. Дашагрива, самый старший из всех, бык среди ракшасов, обладал великой мощью, великой отвагой, великим геройством и мужеством. Кумбхакарна, самый сильный из них, был искушен в магии; этот (демон) из «тех, что бродят в ночи», хмелел от ратного пыла. Кхара, враг Брахмы, преуспел в искусстве владения луком и в пищу употреблял исключительно мясо. Грозная Шурпанакха враждовала с сиддхами. Герои, все, как один, знатоки Вед, праведно соблюдая обеты, счастливо жили вместе с отцом на горе Гандха-мадане.

Однажды они увидели там Вашнравану, Того, чью колесницу влекут нары; он сидел (в ней) вместе с отцом, окруженный пышным великолепием. Зависть охватила их, упорных в подвижничестве, и стали они суровыми подвигами ублажать Брахму. Тысячу лет в глубоком сосредоточении простоял Дашагрива на одной ноге, питаясь только воздухом, в окружении пяти огней. Кумбхакарна, тоже принявший суровый обет, ограничил себя в еде и спал прямо на земле; Вибхишана за один раз съедал только по одному увядшему листу.

Ревностно соблюдая пост, этот мудрец, возвышенный помыслами, все это время предавался суровому умерщвлению плоти, постоянно творя молитвы. Кхара и Шурпанакха радостно им прислуживали и охраняли их, пока те предавались подвижничеству. Когда прошла тысяча лет, неуемный Десятиликий отсек свою голову и принес ее в жертву огню. Владыка мира был этим доволен. Затем Брахма явился им и, положив конец покаянию, пожелал каждому из них дать дар.

Брахма сказал:
Я доволен вами. Остановитесь! Выбирайте себе дар, сыновья мои! Будет у вас все, что ни пожелаете, кроме одного — бессмертия! Все то, что ты с великой готовностью принес в жертву огню, — твоя голова — будет вновь на твоем теле, если ты пожелаешь. Не будет изъяна в твоей внешности, будешь ты принимать любой облик по своему желанию и в бою, без сомнения, будешь разить недругов.

Равана сказал:
Пусть не смогут меня одолеть ни гандхарвы, ни боги, ни асуры, ни якши, ни ракшасы, ни демоны-змеи, ни киннары, ни (духи)-бхуты.

Брахма сказал:
Ты можешь теперь не страшиться всех тех, кого перечислил. (Бойся) лишь человека! Благо тебе! Так я решил.

Маркандея сказал:
Возликовал после этого Дашагрива: низкий помыслами, он пожирал людей, презирая их. Прародитель обратился затем к Кумбхакарне. Душу того поглотил тамас, и выбрал он великую дрему. Ответив: «Пусть будет так», (Брахма) сказат Вибхишане: «Теперь ты, о сын мой, выбирай себе дар. Я доволен», — (повторял он) снова и снова.

Вибхишана сказал:
Пусть даже в суровом несчастье разум мой не погрязнвт во зле! И пусть воссияет мне, о владыка, оружие Брахмы, которое мне неизвестно.

Брахма сказал:
Оттого что твой разум не склонен ко злу, хотя ты, о губитель недругов, родился среди ракшасов, я дарую тебе бессмертие.

Маркандея сказал:
Получив (от Брахмы) свой дар, ракшаса Дашагрива победил в бою Властителя богатств и изгнал его из Ланки, о владыка народов! Покинув Ланку, властелин (Кубера), окруженный гандхарвами и якшами, отправился вместе с ракшасами и кимпурушами на Гандхамадану. Равана напал на него и отобрал небесную колесницу Пушпаку. И тогда проклял его Вайш-равана: «Не будешь ты ездить в ней! Будет она возить того, кто одолеет тебя в бою. Ты оскорбил меня, своего наставника, и потому недолго тебе осталось жить!».

Благочестивый Вибхишана, помня о дхарме праведника, во всем своем блеске последовал за (Куберой), о великий царь! Брат его, мудрый великий Владыка богатств, довольный, поставил его во главе войска якшей и ракшасов. Ракшасы — людоеды и грозные пишачи, собравшись все вместе, посвятили Десятиликого на царство. Могучий Дашагрива, способный принимать любое обличье по своему желанию, птицей налетев на дайтьев и богов, похитил у них их сокровища. Ревом огласил он миры, потому и зовется с тех пор Раваной («Ревущим»). Беспредельно могучий Дашагрива поверг в трепет богов.
*Такова в книге «Лесная» великой «Махабхараты» двести пятьдесят девятая глава.*

ГЛАВА 260

Маркандея сказал:
Тогда мудрецы-боги, мудрецы-цари, мудрецы-брахманы и сиддхи через Уносителя жертв обратились за помощью к Брахме.

Агни сказал:
Велика мощь Дашагривы, сына Вишраваса. Ты, о владыка, сделал его неуязвимым, пожаловав ему некогда дар. Обладая грозным могуществом, он притесняет всех твоих подданных своими злодеяниями. Спаси нас, владыка! Нет у нас иного защитника.

Брахма сказал:
Ни боги, ни асуры не могут одолеть его в бою, о (бог), чье богатство в сиянии! Но есть одно средство, чтобы его обуздать. С этой целью по моему повелению воплотился на земле четырехрукий Вишну, первый среди воинов. Он и выполнит эту задачу.

Маркандея сказал:
Затем Прародитель сказал, обращаясь к (богам): «Вы родитесь на земле вместе со всем сонмом богов. Всюду от медведиц и обезьян вы произведете на свет могучих сыновей-героев, соратников Вишну, способных менять обличье по собственному желанию». Тут все боги, гандхарвы и данавы быстро, один за другим, стали менять свой облик, чтобы воплотиться на земле в соответствии со своим назначением. В их присутствии (Брахма), податель даров разъяснил гандхарви по имени Дундубхи, как сделать так, чтобы боги успешнее выполнили свою задачу.

Выслушав волю Прародителя, гандхарви Дундубхи появилась в мире людей как горбунья Мантхара. Достойнейшие из богов во главе с Шакрой произвели сыновей от лучших из обезьян и медведиц, все они славой и мощью были в своих отцов. Вооружившись камнями и деревьями шала и тала, они раскалывали горные вершины, были крепки, как ваджра, и каждый из них обладал грозным могуществом.

Их сила зависела от их желания, они все, как один, были искусны в бою, стремительны, как ветер, выносливы, как десять тысяч слонов, и жили там, где хотели; иные обосновались в лесах. Осуществив все это, великий Творец миров объяснил Мантхаре, что и как следует делать. Послушная его воле, стремительная, как мысль, (Мантхара), умеющая искусно подогревать вражду, взялась за дело, появляясь то в одном, то в другом месте. *Такова в книге «Лесная» великой «Махабхараты» двести шестидесятая глава.*

ГЛАВА 261

Юдхиштхира сказал:
Ты рассказал о рождении каждого, начиная с Рамы. Теперь я хочу услышать о причине их ухода в изгнание, о брахман! Расскажи, почему отважные братья Рама и Лакшмана, сыновья Дашаратхи, вместе со славною Майтхили были вынуждены отправиться в лес, о брахман!

Маркандея сказал:
Царь Дашаратха, ревностно соблюдавший обряды, преданный дхарме и всегда угождающий старцам, был счастлив, когда у него родились сыновья. Постепенно они росли и набирались могучих сил, познавая Веды вместе с тайным знанием и искусство стрельбы из лука. Когда они исполнили обет воздержания, о царь, и взяли себе жен, возликовал счастливый Дашаратха.

Старшим из его (сыновей) был Рама, любимый в народе мудрец; он своей красотою радовал сердце отца. Умный царь, понимая, что сам уже стар, собрал однажды своих советников и сведущих в дхарме родовых жрецов, и первые из советников постановили, о бхарата, что наступило время совершить над Рамой обряд помазания.

Этот герой с могучими, длинными руками поступью своей напоминал слона во время течки; широкогрудый и красноглазый, с иссиня-черными вьющимися волосами, он блистал своей красой и могуществом не уступал Шакре. Всеобщий любимец, он познал все дхармы, был сведущ во всех науках, в мудрости сравнялся с Брихаспа-ти и обуздал свои чувства; даже недругам было приятно смотреть на него. Он карал нечестивцев и защищал добродетельных, был стойким, необоримым, неодолимым и победоносным.

Царь Дашаратха, видя, что сын умножает счастье (своей матери) Каусальи, был преисполнен великой радости, о потомок (царя) Куру! Могучий и доблестный (царь), зная достоинства Рамы, довольный, обратился к родовому жрецу: «Благо тебе! Этой ночью, о брахман, Пушья придет в благоприятное положение. Следует приготовить все необходимое для меня и пригласить Раму». Мантхара подслушала эти слова царя, пошла тут же к Кайкеи и, выбрав подходящий момент, сказала: «Сейчас, о Кайкеи, царь своими словами уготовил тебе великое горе.

На тебя, о несчастная, нацелено жало коварной и злобной ядовитой змеи. Счастливица Каусалья: эго ее сып будет помазан на царство. А откуда тебе ждать счастья, если твой сын не получит царства?» Выслушав эти ее слова, (Кайкеи), стройная, как жертвенный алтарь, надела ?се свои украшения и, сияя несравненной красой, явилась туда, где (сидел) в одиночестве ее супруг. Чуть улыбаясь светлой улыбкой, словно стремясь показать ему свою любовь, она ласково обратилась к (царю): «О царь, если ты верен своему слову, исполни мое единственное желание, как ты обещал. Тогда ты отвратишь от себя беду».

Царь сказал:
Я дарую тебе дар. Бери что пожелаешь. Кто из тех, кого не следует убивать, должен быть сегодня убит? Кто из тех, кого надо казнить, должен быть сегодня освобожден? Кого я должен сегодня одарить богатством, а может быть, обездолить? Здесь в моей власти любые богатства, кроме тех, что принадлежат брахманам.

Маркандея сказал:
Выслушав эти слова владыки людей, она обняла его, о сын мой, и, чувствуя свою власть над ним, попросила: «Пусть будет престолонаследником не Рама, как ты повелел, а Бхарата. Рагхава же пусть отправляется в лес». Услышав эти недобрые, жестокие слова, царь не промолвил ни слова, убитый горем, о лучший из бхаратов! Когда Рама-герой узнал о том, что (Кайкеи) сказала отцу, он (по своей воле) отправился в лес, (считая), что добродетельный царь не должен нарушать своего слова. Следом за ним — благо тебе! — отправился прекрасный Лакшмана, искусный стрелок из лука, и супруга (Рамы) Сита, дочь Джанаки из Видехи.

Едва Рама удалился в лес, царя Дашаратхи (не стало): его плоть подчинилась закону круговращения времени. Узнав о том, что Рама ушел (в леса), а царя уже нет в живых, царица Кайкеи призвала к себе Бхарату и сказала: «Дашаратха отправился на небеса, а Рама и Лакшмана пребывают в лесу. Принимай без помех огромное, процветающее царство».

Но праведный (Бхарата) ей ответил: «Ты сотворила зло, убив мужа и разорив семью из жадности к богатству. Ты, запятнавшая свой род, навлекла позор на мою голову! Теперь твое желание исполнилось, о мать моя!» Проговорив это, он зарыдал. Доказав свою невиновность перед лицом всех (царских) подданных, он отправился вслед за братом, чтобы вернуть Раму.

На колесницах, поместив впереди Каусалью, Сумитру и Кайкеи, вместе с Васиштхой, Вамадевой и тысячами других брахманов, в сопровождении горожан и селян в глубокой печали они с Шатругхной тронулись в путь, чтобы просить Раму вернуться.

Приблизившись к Читракуте, увидели они Раму вместе с Лакшманой; оба (героя) были облачены как отшельники и держали в руках луки. Исполняя волю отца, Рама отказался (вернуться), и (Бхарата) стал править в Нандиграме, поклоняясь его сандалиям. А Рама, опасаясь, что селяне и горожане снова прядут к нему, удалился в глубокий лес в обитель Шарабханги. Воздав почести Шарабханге, он нашел приют в лесу Дандака, поселившись близ прекрасной реки Годавари. Едва Рама там обосновался, как из-за Шурпанакхи ему пришлось вступить в жестокую битву с Кхарой, жившим в Джанастхане. Чтоб защитить отшельников, возлюбивший дхарму Рагхава истребил на земле четырнадцать тысяч ракшасов. Расправившись с грозными Кхарой и Душаной, мудрый Рагха вя восстановил спокойствие в лесу дхармы.

После того избиения ракшасов Шурпанакха, которой отрезали губы и нос, бежала на Ланку, где жил ее брат. Явившись к Раване, ракшаси с запекшимся от крови лицом вне себя от горя упала брату в ноги. Увидев, как она изуродована, злобный Равана вскочил с места, теряя рассудок от ярости и скрежеща зубами. Отпустив своих советников, он спросил у нее наедине:

«Кто это сделал, достойная, забыв о том, что я существую на свете, и бросив мне вызов? Кому суждено биться в судорогах на острие моего копья? Кто спит спокойно и беззаботно, поместив огонь у самого своего изголовья? Кто коснулся ногой страшной ядовитой змеи? Кто остается стоять на месте, дотронувшись до клыков гривастого льва?» Он говорил, а из каждой ноздри его вырывались языки пламени, словно из дупла горящего ночью дерева.

Рассказала ему сестра о доблести Рамы, о том, как он одолел Кхару и Душану вместе с ракшасами. Приняв решение и успокоив сестру, царь (Равана) взмыл в воздух, оставив в городе стражу. Переправившись через Трикуту и гору Калу, увидел он кишащий макарами великий глубоководный океан. Миновав его, Десятиликий благополучно достиг Гокарны, излюбленного места пребывания великого душою (бога), Держащего в руке трезубец.Там Десятиликий явился к Мариче, первому из своих советников, который в страхе перед Рамой заранее предался подвижничеству.
*Такова в книге «Лесная» великой «Махабхараты» двести шестьдесят первая глава.*

ГЛАВА 262

Маркандея сказал:
Встревожился Марича, увидев пришедшего Равану, оказал ему почести, гостеприимно предложил плоды, коренья и прочее. Когда тот удобно уселся, ракшаса (Марича), искусный в беседе, сел рядом с ним и ласково обратился к своему мудрому собеседнику: «Ты выглядишь не так, как обычно. Спокойно ли в твоем городе? Покорны ли тебе, как прежде, твои подданные? Что привело тебя сюда и что нужно сделать, о владыка ракшасов? Считай, что все уже сделано, как бы ни было это трудно».

Поведал ему Равана все, что совершил Рама. Выслушав его до конца, Марича ответил Раване: «Не задевай Раму! Мне хорошо известно его могущество. Кто способен устоять против стремительных стрел великого духом (Рагхавы)? Это из-за него, быка среди мужей, я удалился от мира. Какой злодей подвиг тебя на этот гибельный шаг?» Тогда разъяренный Равана сказал ему с угрозой: «Если ты не исполнишь мою волю, смерть тебе тут же!» Задумался Марича: «Лучше (принять) смерть от того, кто сильнее. Раз все равно умирать, выполню я его волю». И Марича ответил владыке ракшасов: «Все, что я в силах для тебя сделать, я непременно выполню».

Дашагрива сказал ему: «Ступай, обернись антилопой с рогами из дорогих камней и сверкающим самоцветами телом и привлеки внимание Ситы. Сита увидит тебя и тотчас пошлет за тобой Раму, а когда Какутстха отойдет подальше, Сита будет в наших руках. Я возьму и уведу ее, и тогда этот безумец погибнет в разлуке со своею супругой. Это ты сможешь для меня сделать». Марича, к которому были обращены эти слова, совершил омовение и в глубокой печали отправился вслед за шедшим впереди Раваной.

Потом, явившись к обители Рамы, неутомимого в подвигах, они сделали то, что задумали. Равана превратился в бритоголового отшельника с кувшином и строенным посохом, а Марича сделался антилопой, и оба они

устремились (в обитель). Марича появился перед Вайдехи в обличье антилопы, и волей судьбы она послала за ней Раму.

Чтобы ей угодить, Рама с готовностью взял лук и, поручив охрану (Ситы) Лакшмане. бросился в погоню за антилопой. Подвязав колчан, взяв лук и меч, надев на левую руку кожаный щиток, а на пальцы — защитные наконечники, Рама преследовал оленя, словно Рудра — звездную антилопу. Ракшаса то исчезал, то появлялся снова. Рама прошел долгий путь ш наконец понял, в чем дело. Разгадав, что перед ним (демону из «тех, что бродят в ночи», мудрый Рагхава взял стрелу и метко ранил того, кто скрывался в обличье оленя.

Настигнутый стрелой Рамы, (ракшаса) жалобно закричал его голосом: «Сита! Лакшмана!» Услышала Вайдехи этот отчаянный зов и побежала было на голос, но Лакшмана остановил ее: «Не стоит тревожиться, робкая! Кто сможет одолеть Раму? Ты увидишь, скоро Рама вернется, о улыбающаяся светлой улыбкой!» Услышав такие его слова, она горестно зарыдала, заподозрив (в грехе), как это бывает у женщин, своего деверя, украшенного добрым поведением.

Добродетельная, верная жена, она принялась резко ему выговаривать: «Не будет того, глупец, чего ты ждешь в глубине души. Скорей я возьму меч и убью себя, или же брошусь с горной вершины, или предам себя Пожирателю жертв! Я никогда не оставлю своего» супруга Раму и не пойду к тебе, низкому, как (не пойдет) тигрица к шакалу!» Честный Лакшмана, преданный Рагхаве,. слыша такие слова, зажал уши (руками), а потом, схватив лук, отправился по следам Рамы туда, куда удалился Рагхава. В это время и появился ракшаса Равана, злодей в благородном обличье, покрытый золой, словно (тлеющий) огонь — пеплом. Скрываясь под личиной отшельника, он задумал похитить безупречную (супругу Рамы).

Увидев, что пришел (отшельник), знающая свой долг дочь Джанаки пригласила его отведать плодов, кореньев и прочего. Отказавшись от всего» этого и приняв свой собственный облик, бык среди ракшасов. стал уговаривать Вайдехи: «О Сита, я — царь ракшасов, известный под именем Раваны. Есть у меня за океаном прекрасный город, называется он Ланка. Там ты будешь блистать, вместе со мною среди лучших из женщин. Будь моею женой, о» наделенная прекрасными бедрами, оставь отшельника Рагхаву!»

Услышав такие и подобные этим слова, дочь Джанаки Сита, стан которой прекрасен, заткнула уши и отвечала: «Нет!» Скорее обрушится небо вместе с созвездиями, или расколется на куски земля, или станет холодным огонь, чем я покину потомка Рагху! Разве слониха после могучего лесного слона с потрескавшимися от течки висками прикоснется к пятнистому борову? Я сомневаюсь, захочет ли женщина, отведав медового напитка или другого хмельного питья, попробовать после этого» юубы!» Сказав ему это, она попыталась уйти в обитель, но Равана бросился вслед за нею и настиг эту женщину с прекрасными бедрами. С грубыми проклятиями он схватил за волосы лишившуюся чувств (Ситу) и взмыл с нею в небо. Коршун Джатаюс, живущий в горах, увидел, что (Равана) тащит подвижницу, которая с плачем взывает: «О Рама! Рама!».
*Такова в книге «Лесная» великой «Махабхараты» двести шестьдесят вторая глава.*

ГЛАВА 263

Маркандея сказал:
Отважный царь коршунов Джатаюс, сын Аруныи брат Самулати, был другом (царя) Дашаратхи. Увидел крылатый сноху его Ситу, попавшую в лапы Раваны, и в ярости кинулся на владыку ракшасов. Сказал ему коршун: «Отпусти, отпусти Майт-хили! Пока я жив, ты не сможешь похитить ее, бродящий в ночи! Ты не уйдешь от меня живым, если не выпустишь эту женщину». Сказав так, он с силой вцепился когтями в (тело) Индры ракшасов. Израненный во многих местах ударами его крыльев и клюва, тот истекал потоками крови; словно ручьи (бежали) с горы.

Теснимый коршуном, стремящимся отстоять счастье Рамы, (ракшаса) выхватил меч и отсек птице оба крыла. Расправившись с царем коршунов, который стал подобен горе, у которой отсечены (крылья)-облака, ракшаса, обхватив Ситу за пояс, взмыл с нею ввысь. Всюду, где Вайдехи видела обители, реки или озера, она бросала свои украшения. На горной равнине заметила мудрая женщина пятерых (огромных), как быки, обезьян и бросила туда свою дивную широкую одежду. Подхваченное ветром ярко-желтое (платье) легло на землю меж теми пятью Индрами обезьян, словно молния, (блеснувшая) среди туч.

Так Вайдехи была похищена. Мудрый Рама, убив того стройного оленя, возвращался назад и вдруг увидал брата Лакшману. «Как мог ты оставить Вайдехи в лесу, где полно ракшасов, и явиться сюда?»—упрекнул он брата. (Рама) встревожился: ракшаса в обличье антилопы выманил его (из обители), а теперь и брат ушел оттуда. Рама поспешил (брату) навстречу, укоряя его:

«Не знаю, Лакшмана, жива ли теперь Вайдехи». А Лакшмана передал (брату) те слова Ситы, так непохожие на прежние речи Вайдехи. С тревогою в сердце бросился Рама в обитель и увидел сраженного коршуна, (неподвижного), как утес. Заподозрив в нем ракшаса, Какутстха натянул (тетиву) своего могучего лука и устремился к нему вместе с Лакшманой. Отважная (птица) сказала Раме и Лакшмане: «Благо вам! Я — царь коршунов, друг Дашаратхи».

Услышав его слова, они опустили свои сверкающие луки и спросили его: «Кто ты, упомянувший имя нашего отца?» Тут они поняли, что это (птица), но оба крыла у нее отрезаны. Коршун -поведал им, что принял смерть от Раваны из-за Ситы. Рагхава успел спросить коршуна, в какую сторону скрылся Равана. Коршун ответил кивком головы и умер.

«На юг», — догадался Какутстха по его жесту. Затем, воздав почести другу своего отца, он совершил для него последний обряд. Губители недругов нашли обитель пустой, циновки и кувшины были разбросаны, там уже поселились шакалы в вороны.

В глубоком отчаянии из-за похищения Вайдехи устремились они через лес Дандака к югу. В том огромном лесу Рама и сын Сумитры видели перебегающие с места на место стада антилоп, и крик животных был так тревожен, словно надвигался лесной пожар. Вскоре они встретили страшного обликом Кабандху, который был подобен горе, (окутанной) тучами. Руки его были могучи, плечи напоминали (ствол) дерева шала, на груди помещался огромный глаз, а на необъятном животе — громадный рот.

Внезапно тот ракшаса схватил своей лапой Лакшману, и тотчас же силы покинули сына Сумитры, о бхарата! (Ракшаса) потащил его к себе в рот, и, обращаясь к Раме, (Лакшмана) в отчаянии закричал: «Видишь, какое несчастье со мной! Мы лишились царства, умер наш отец, Вайдехи похищена, да еще со мной такая беда! Я не увижу, как встретишься ты с Вайдехи, вернешься в Косалу и станешь править землей наших отцов и дедов. Счастливы те, что увидят твое лицо со следами травы куша, жареного риса и черного гороха. Оно будет похоже на луну в пятнах от облаков, когда (тебя), достойного, повенчают на царство!»

Так оплакивал себя мудрый Лакшмана. Но Какутстха, не утративший мужества в беде, сказал ему: «Не отчаивайся, о тигр среди мужей! Его словно бы нет, если я здесь. Отруби ему правую руку, а левую отрублю я». С этими словами Рама острым мечом отсек руку того (великана), словно (срезал) стебелек сезама. Тогда могучий сын Сумитры, глядя на брата Рагхаву, отрубил мечом правую руку (чудовища). А потом Лакшмана сильно ударил ракшасу в бок, и гигант Кабаедха упал бездыханный на землю. Из тела его появилось уднвптель-ное существо, оно вознеслось наверх и засияло, как солнце, на небесах. Рама, искусный в беседе, спросил (у него): «Кто ты? Ответь мне на мой вопрос, если желаешь. Что это значит? Мне кажется, что (случилось) чудо».

И тот ответил ему: «Я — гандхарва Вишвавасу, о царь! Из-за проклятия Брахмы родился я среди ракшасов. Ситу похитил царь Равана, живущий на Ланке. Ступай к Сугриве, он поможет тебе. Недалеко от горы Ришьямуки есть озеро Пампа со светлыми водами, где много гусей и уток. Там живет вместе с четырьмя своими советниками Сугрива, брат Валина, царя обезьян, украшенного золотой гирляндой. Я могу тебе сказать: ты увидишь Джанаки! Царю обезьян, без сомнения, известно пристанище Раваны». С этими словами удивительное (существо), излучающее яркий блеск, скрылось, повергнув в изумление обоих героев, Раму и Лакшману.
*Такова в книге «Лесная» великой «Махабхараты» двести шестьдесят третья глава.*

ГЛАВА 264
Маркандея сказал:
Тоскуя о похищенной Сите, Рама быстро добрался до озера Пампы, заросшего голубыми и розовыми лотосами. Нежный лесной ветерок, благоухающий амритой, веял прохладой, и Индра царей устремился всем сердцем к возлюбленной. Раненный стрелами Камы, он заплакал, вспоминая любимую. Тогда сын Сумитры сказал ему: «Тебя, о даритель гордости, не должно посещать подобное настроение, как не должна болезнь (обрушиться) на того, кто ведет праведную, умеренную жизнь, даже если он стар.

Ты получил известие о Вайдехи и Раване, так давай к ней проникнем, пользуясь своей отвагой и мудростью. Пойдем к Сугриве — обезьяне, (могучей), как бык, живущей в горах. Доверься мне, твоему ученику, слуге и соратнику».

Многие доводы приводил Рагхаве Лакшмана, и наконец тот пришел в себя и немедленно принялся за дело. Омывшись водой из Пампы и почтив возлиянием своих праотцев, оба брата-героя. Рама и Лакшмана, тронулись в путь. Дойдя до горы Ришьямуки, богатой кореньями и плодами, герои увидели на горной

вершине пятерых обезьян. Сугрива послал к ним обезьяну-советника, мудрого Ханумана, огромного, как Химаван. Побеседовав с ним, они явились к Сугриве. Так, о царь, началась дружба Рамы с владыкою обезьян.

Когда они рассказали ему, в чем дело, обезьяны принесли им одежду, которую сбросила с себя похищенная Сита. Проникнувшись доверием к властителю обезьян, Рама сам совершил для Сугривы обряд помазания, сделав его царем всех обезьян на земле. Какутстха дал ему обещание убить в бою Валина, Сугрива же (пообещал) вернуть назад Вайдехи, о царь! Переговорив (обо всем), заключив соглашение и проникшись взаимным доверием, все они двинулись к
Кишкиндхе и расположились там, желая вызвать на бой (Валина).

Приближаясь к Кишкиндхе, Сугрива издал подобный грохоту (обрушившегося) потока рык. Не стерпел бы этого Валин, но Тара остановила его: «По тому, как рычит Сугрива, этот мощный (вожак) обезьян, мне кажется, что пришел он с подмогой, и ты выходить не должен». На это ответил Таре, ликом подобной владычице звезд, ее искусный в беседе супруг, властитель обезьян Валин, украшенный золотой гирляндой: «О ты, что понимаешь крик любого существа! Подумай, о наделенная мудростью, кого призвал на помощь тот, кто лишь зовется моим братом?».

Поразмыслив немного, мудрая Тара, сияющая, как владычица звезд, ответила своему супругу: «Выслушай все, о властитель обезьян! Славный Рама, сын Дашаратхи, стрелок из лука, тот, у кого похищена жена, заключил союз с Сугривой против общего врага.

И его мудрый мощнорукий брат, непобедимый сын Сумитры по имени Лакшмана, готов сделать все, что нужно, для достижения цели. С ними Майнда, Двивида, сын Ветра Хануман и Джамбаван, царь медведей. Это советники Сугривы. Достойные, мудрые и могучие, они объединились, чтоб, опираясь на мощь Рамы, тебя уничтожить».

Не дослушав мудрых слов (Тары), владыка обезьян пришел в ярость, заподозрив ее в благосклонности к Сугриве. Резко оборвав Тару, он покинул свое укрытие и обратился к Сугриве, стоящему неподалеку от горы Мальяван: «Не раз я побеждал тебя, глупец, а ведь жизнь твоя дорога тебе, и я отпускал тебя, помня, что ты — мой родственник. Зачем же ты снова стремишься навстречу смерти?» На эти слова Сугрива, губитель недругов, твердо ответил своему брату, как бы давая знак Раме, что час пробил: «Ты, о царь, похитил мою жену и отнял у меня царство, так какой же мне смысл цепляться за жизнь? Знай, потому я и пришел».

С этими словами Валин и Сугрива, вооружившись камнями и деревьями шала и тала, ринулись в бой. Они наносили друг другу удары, падали на землю, ловко вскакивали и бились на кулаках. Изранив (друг друга) зубами и когтями, истекая кровью, герои напоминали своим видом два цветущих дерева киншука, и ни один не МОI одолеть другого в бою. Тогда Хануман надел Сугриве на шею цветочную гирлянду. С гирляндой на шее этот герой стал похож на славный могучий утес Малая, увенчанный тучами.

Рама, великий стрелок из лука, увидав на Сугриве тот знак, натянул лучший из луков и прицелился в Валина. Звон тетивы этого лука был подобен звуку (выстрела из) катапульты61. И тотчас забился Валин, пораженный стрелою в самое сердце. Раненный в грудь, изрыгая кровь изо рта, бросил он взгляд на стоящих вблизи Раму и сына Сумитры и, проклиная Какутстху, упал бездыханный на землю. Тара видела, как он (рухнул) на землю, словно низринутый (с небес) владыка звезд. После того как Валин был убит, Сугрива вступил в Киш-киндху, и Тара, ликом подобная владычице звезд, потеряв своего супруга, (снова досталась Сугриве). Мудрый Рама, гостеприимно принятый (вожаком обезьян), прожил четыре месяца на благодатном склоне Мальявана.

А Равана, добравшись до города Ланки, весь во власти желания, поместил Ситу в жилище, похожее на обитель отшель-пицы, близ ашоковой рощи, напоминавшей Нандану. Исхудав шая от тоски по мужу, облачившись в одежду отшельницы, жила там несчастная болыпеокая (Сита), предаваясь посту и подвижничеству, питаясь только кореньями и плодами. Владыка ракшасов поставил для ее охраны ракшаси, вооруженных копьями, мечами, пиками, топорами и дубинками. (Были среди них) и двуглазая и трехглазая (ракшаси), была и с глазом на лбу; одна — длинноязыкая, другая — вовсе без языка, третья — трехгрудая, четвертая — одноногая, одна — с тремя косицами на голове, другая — одноглазая.

Эти и другие (ракшаси), волосатые, как верблюдицы, горящими глазами неусыпно следили за Ситой и днем, и ночью. Страшные пишачи с резкими голосами постоянно пугали длинноокую (Ситу) грубыми жестами и (изрыгали) ругательства. «Мы съедим, разорвем на части, раздерем в клочья ту, что живет здесь, пренебрегая нашим супругом», — бранились они, а она в ответ на угрозы только вздыхала, тоскуя о муже, и говорила: «О милосердные, съешьте меня поскорее! Не хочу я жить без моего лотосоокого (супруга) с иссиня-черными вьющимися волосами. Ведь все равно, утратив желание жить, я иссушу свое тело голодом, словно змея,

заползшая на время спячки в (ствол) дерева тала. Знайте истину: я не буду принадлежать никому, кроме Рагхавы. Будь что будет!»

Слыша такие ее слова, ракшаси с ослиными голосами решили отправиться к Индре ракшасов и рассказать ему все с самого начала. Когда они удалились, ракшаси по имени Трид-жата, знающая дхарму и приветливая, стала утешать Вайдехи: «О Сита, я расскажу тебе кое-что, доверься мне, о подруга! Пусть пройдет твой страх, о наделенная прекрасными бедрами! Слушай, что я скажу. Мудрый старец по имени Авиндхья, бык среди ракшасов, радеет о благе Рамы и говорил со мной о тебе. (Он сказал): «Передай от моего имени Сите, утешив ее и приласкав, что супруг ее, могучий Рама, а также Лакшмана в добром здравии».

Славный Рагхава заключил союз с царем обезьян, который мощью подобен Шакре. Они спешат тебе на помощь. Не бойся, о робкая, Раваны, который проклят миром: тебя ограждает проклятие Налакубары63, о безупречная! Грешный (Равана) был некогда проклят им за то, что осквернил его жену Рамбху. Не смиривший свои чувства, он не может теперь нападать на беспомощных женщин. Скоро сюда придет под охраной Сугривы твой мудрый супруг вместе с сыном Сумитры, и он освободит тебя.

Приснился мне страшный сон, какого я не хотела бы видеть; наверное, это к смерти неразумного (Раваны), погубившего род Пауластьев. Страшен этот низкий душою, коварный (демон) из «тех, что бродят в ночи», он от природы жестокостью нрава внушает любому ужас. Судьбою лишенный разума, он враждует со всеми богами. То, что я видела во сне, предвещает его гибель. Окропленный сезамовым маслом, обритый наголо Десятиликий, завязнув в трясине, будто приплясывает, стоя на колеснице, запряженной ослами. Кумбхакарна и другие, голые, с вылезшими волосами, вымазанные красным, в красных гирляндах бредут в южную сторону.

Вибхишана стоит один на горе Швете под белым зонтом и в белом тюрбане, и украшает его белая гирлянда. Четыре его советника, тоже в белых гирляндах, намазанные белой мазью, поднялись вместе с ним на гору Швета. Это они спасут нас от великой напасти. Оружием Рамы устлана вся земля вместе с морями: славой наполнит весь мир твой супруг. Видела я и Лакпшану: он взошел на груду костей, вкушая медовый напиток и оглядывая окрестности.

раз я видела, как ты, вся в крови, с плачем идешь под охраною тигра на север66. Скоро, о Вайдехи, радость вернется к тебе! Недалеко то время, когда ты, Сита, встретишься со своим супругом Рагхавой и его братом». Услышав такие слова Триджаты, (Сита), глаза которой напоминали глаза молодой лани, вновь обрела надежду на встречу с мужем. Когда грозные, страшные пишачи вернулись (от Раваны), они застали ее сидящей с Триджатой, как прежде.
*Такова в книге «Лесная» великой «Махабхараты» двести шестьдесят четвертая глава.*

ГЛАВА 265

Маркандея сказал:
Однажды несчастная (Сита), верная супруга (Рамы), сидела на камне в окружении ракшаси и плакала, тоскуя по мужу. Одежда ее была испачкана, на ней сохранились лишь остатки (былых) украшений. Равана увидел ее и, настигнутый стрелами Камы, направился к ней. Не знающий поражений в боях с богами, данавами, гандхарвами, якшами и кимпурушами, в блеске богатства явился он в ашоковую рощу, ослепленный Кандарпой. На нем была дивная одежда, серьги из хорошо отшлифованных драгоценных камней, гирлянда из ярких цветов и венок, как на боге Весны.

Но и старательно убранный, словно древо желаний, он даже в этом богатом наряде был мрачен, напоминая (скорее) дерево чайтью на месте сожжения трупов. (Демон) из «тех, что бродят в ночи», появился перед стройной (Ситой), словно Тихоходящая планета перед Рохини. Приветствуя наделенную прекрасными бедрами (Ситу), которая затрепетала, словно попавшая в силок антилопа, (Равана), настигнутый стрелою Того, чей знак — цветок, сказал:

«Довольно, Сита, проявлять таким образом свою привязанность к мужу. Сделай милость, о стройная, надень другое убранство. Будь благосклонна ко мне, обладающая прекрасными бедрами! Надень на себя дорогое платье и украшения и стань лучшей из всех моих жен, о прекраснейшая из женщин! Петь у меня и дочери богов, и жены мудрецов-царей, есть дочери данавов и женщины из дайтьев.

Четырнадцать коти пишачей у меня в подчинении, дважды по стольку ракшасов-людоедов, страшных в своих деяниях, и в три раза больше того якшей, которые подчиняются моей воле. Правда, часть (якшей) еще пребывает под властью моего брата — Владыки богатств. Когда я наслаждаюсь вином, меня, так же как моего брата, всегда окружают гандхарвы и апсары, о достойная женщина с прекрасными бедрами! Я — сын

мудреца-брахмана, того самого подвижника Вишраваса. «Пятый среди Хранителей мира» — такая идет обо мне слава. Такие же дивные и разнообразные яства, угощения и напитки, какие есть у Владыки Тридцати (богов), есть и у меня, о прекрасная! Пусть же окончатся тяжкие испытания, которые выпали на твою долю за время жизни в лесу. Будь моею супругою наравне с Мандодари, о наделенная прекрасными бедрами!».

Вайдехи, к которой взывал этот (демон) из «тех, что бродят в ночи», отвернула свое прекрасное лицо, скрыла его в траве и обратила к нему ответную речь. Вайдехи, наделенная прекрасными бедрами, почитая своего супруга, как божество, отвечала злодею, и горькие слезы непрерывным потоком орошали ее высокую грудь. «Не впервые, владыка ракшасов, ты вынуждаешь меня, несчастную, слушать такие горькие речи. Благо тебе, досточтимый!

Лучше смири свое сердце: я — супруга другого и навеки верна своему мужу. На меня не следует посягать! Да и к чему тебе бедная жена смертного? Если ты силой возьмешь меня, беззащитную, разве это будет любовь? Твой отец, брахман, порожденный Брахмой, подобен самому Властителю сущего, так почему же ты, которого сравнивают с Хранителем мира, не соблюдаешь дхармы? И как же тебе не стыдно поминать своего великого брата, царя над царями, Владыку богатств, друга (Шивы), Великого Владыки!».

Проговорив это, Сита заплакала снова. Грудь ее трепетала, шею и лицо стройная женщина прикрыла краем одежды. Длинная, тугая коса плачущей красавицы, темная и блестящая, казалась черной змеей на ее голове. Выслушав суровый ответ Ситы, неразумный Равана, отвергнутый ею, вновь обратился к ней: «Пусть, о Сита, Тот, у кого на знамени макара, спалит любовью мое тело, но я не могу взять тебя в жены, если ты не желаешь этого, о наделенная прекрасными бедрами и улыбающаяся пленительной улыбкой! Что я могу поделать, если ты и теперь любишь Раму, хотя он всего лишь человек н такие, как он, служат нам пищей!» Сказав это ей, безупречно сложенной, владыка ракшасов тотчас же скрылся. Он удалился в свое излюбленное место, а Вайдехи, терзаемая горем, осталась там же, окруженная ракшаси, и только Триджата всячески ее утешала.
*Такова в книге «Лесная» великой «Махабхараты» двести шестьдесят пятая глава.*

ГЛАВА 266

Маркандея сказал:
Меж тем Рагхава с сыном Сумитры, гостеприимно принятые Сугривой, жили на склоне Мальявана, любуясь безоблачным небом. Однажды (Рама), губитель недругов, стоя на горе, смотрел на чистое небо, где сияла ясная луна в окружении планет, звезд и созвездий, и вдруг свежий ветер, благоухающий ароматом красных и синах лотосов и лилий, словно бы пробудил его ото сна.

Праведный (Рама) ясно представил себе Ситу, запертую ракшасой в его обиталище, и наутро, расстроенный, сказал доблестному Лакшмане: «Ступай, Лакшмана, найди в Кишкиндхе неблагодарного властителя обезьян, который знает только свою выгоду и забыл в наслаждениях, что это я помазал на царство его, неразумного, позорящего свой род. Теперь он — владыка всех обезьян и медведей, но ведь это мы с тобой, о мощнорукий продолжатель рода Рагху, рада него уничтожили Валина в лесу возле Кишкиндхи! Я считаю, что он неблагодарен, этот выродок среди обезьян: ушел, невежа, и забыл обо мне, о Лакшмана! Мне кажется, он не помнит, какое дал обещание, когда я помог ему.

Теперь он пренебрегает мною, низкий помыслами. Если он до сих пор ничего не предпринял, предаваясь любовным утехам, то отправь его вслед за Валином, и пусть (он разделит) общий удел всего сущего. Если же он, бык среди обезьян, радеет о нашем благе, без промедления поспеши с ним сюда, о Какут стха!»

После таких слов, сказанных ему братом, Лакшмана, который всегда ревностно выполнял волю (Рамы), своего наставника, отправился в путь, взяв с собою сверкающий лук и стрелы. Подойдя к воротам Кишкиндхи, он беспрепятственно проник внутрь (города). «Он разгневан», — понял царь Сугрива,. властитель обезьян, и тотчас же вместе с супругой вышел смиренно навстречу (гостю). Обрадованный такой честью, он воздал (пришедшему) почести, и сын Сумитры бесстрашно передал ему слова Рамы.

Выслушав все до конца, царь обезьян Сугрива поклонился, сложив ладони, и в присутствии слуг и супруги, о Индра царей, радостно обратился к Лакшмане, слону среди мужей, с такими словами: «Я не невежа, о Лакшмана, не вероломен и не бессердечен. Соблаговоли же выслушать, какие я предпринял попытки, чтобы найти Ситу. Во все стороны я разослал верных мне обезьян и повелел им вернуться назад через месяц. Они должны обшарить всю землю, одетую океаном, (обыскать) все леса и горы, деревни и города, рудники и селения, о герой! Пять дней остается до конца срока, ц тогда вы с Рамой услышите великую и радостную (весть)».

Когда Лакшмана выслушал речь мудрого Индры обезьян, гнев его растаял и он, довольный, почтил Сугриву. Вернувшись вместе с Сугривой к Раме на склон Мальявана, он рассказал (своему брату) о том, что предпринял (царь обезьян). И вот тысячи Индр среди обезьян возвратились. Они обыскали три стороны света, но среди них не было тех, что отправились к югу.

Они рассказали Раме о том, что видели на земле, опоясанной океаном, но ни Вайдехи, ни Равана им не встретились. Несчастный Какутстха жил теперь единой надеждой на возвращение (мощных), как быки, обезьян, что отправились в южную сторону.

Прошло уже два месяца, и вот однажды к Сугриве прибежали обезьяны и сказали: «Сын Ветра вместе с Ангадой, сыном Валина, и другие обезьяны, (могучие), как быки, те, которых ты, о царь, посылал на поиски в южную сторону, резвятся в необъятном (лесу) Мадхувана, который некогда стерег Валин, а теперь (охраняешь) ты, о лучший среди обезьян!».

Узнав о радужном их настроении, понял (Сугрива), что они-достигли своей цели: ведь так ведет себя только тот, кто, будучи послан, исполнил свой долг. (Сугрива), мудрый вожак обезьян, в силе не уступающий быку, поведал об этом Раме, и Рама с ним согласился: конечно, они разыскали Майтхили!

Вскоре обезьяны во главе с Хануманом, отдохнув, предстали перед Индрой обезьян в присутствии Рамы и Лакшманы. Наблюдая за поступью и выражением лица Ханумана, о бха-рата, Рама совсем уверовал в то, что Сита нашлась. Обезьяны во главе с Хануманом, радостные, приветствовали, как подобает, Раму, Сугриву и Лакшману. Рама, держа лук и стрелы, обратился к вернувшимся (обезьянам): «Удачен ли ваш поход? Вернете ли вы мне надежду?

Буду ли я снова царствовать в Айодхье, покарав в бою недруга и отвоевав дочь Джанаки? Если же я не сумею освободить Вайдехи и не смогу расправиться с врагами, к чему мне тогда жизнь: я лишусь и жены, и чести!» На эти слова сын Ветра ему ответил: «Я принес тебе. Рама, хорошую новость: я видел Джанаки. Долго мы рыскали в южной стороне среди гор, лесов и копей. Однажды, усталые, увидели мы большую пещеру и решили войти туда. Темная, глубокая (пещера) шириной в несколько йоджан густо поросла мхом и кишела червями.

Мы шли очень долго и увидели вдруг солнечный свет. Тут же, внутри (пещеры), нашему взору предстали дивные покои. Это было жилище дайтьи Майи, о Рагхава! Там предавалась подвижничеству отшельница по имени Прабхавати, она угостила нас разными яствами и напитками. Когда мы наелись и силы вернулись к нам, (отшельница) рассказала, как нам идти дальше, и мы покинули ее обитель, держа путь к горам Сахья, Малая и великой горе Дардура, что стоят близ соленоводного (океана).

Поднявшись на (гору) Малаю, увидели мы обиталище Варуны, и отчаяние, тоска, безысходность овладели нами: надежды остаться в живых не было. В глубокой печали пытались мы охватить мысленным взором протянувшийся на много сот йоджан великий океан, кишащий исполинскими рыбами, крокодилами и акулами, потом уселись (на берегу) и решили умереть голодной смертью.

В разговоре зашла речь о коршунэ Джатаюсе, и тут мы увидели страшную, грозную птицу, подобную горной вершине. Казалось, это второй Вайнатея. Он приблизился к нам, словно задумав нас съесть, и сказал такие слова: «Кто это тут говорит о брате моем Джатаюсе? Я его старший брат по имени Сампати, властелин птиц.

Однажды, состязаясь друг с другом, взлетели мы к солнцу, и тут оба крыла моих загорелись. Джатаюс остался цел, но с тех пор я не видел моего любимого брата, владыку коршунов. С обгоревшими крыльями упал я тогда на эту великую гору». Когда он умолк, мы рассказали ему, что его брат убит, и вкратце поведали о твоей беде. Сампати услышал об этом великом несчастье, о царь — губитель врагов, и горестно стал вопрошать нас: «Кто этот Рама? Что с Ситой? Как был убит Джатаюс? Я хочу все это знать, о достойнейшие из обезьян!»

Я рассказал ему очень подробно, какое горе обрушилось на тебя и почему (мы сидим здесь), обрекая себя на голодную смерть. Тогда птичий царь поднял нас на ноги такими словами: «Известен мне Равана, Ланка — его столица. Она видна на том берегу океана в ущелье горы Трикуты. Вайдехи там, нет у меня в том сомнений». Услышав такое, мы быстро поднялись и стали держать совет, как переправиться через океан, о губитель врагов! И так как никто не решался (пуститься вплавь), я с помощью моего отца (Ветра) пересек океанские просторы шириной в сотню йоджан, убив по пути живущую в водах ракшаси.

Там во внутренних покоях Раваны увидел я Ситу. Несчастная подвижница предавалась посту и умерщвлению плоти, тоскуя по своему супругу. Она исхудала, ее волосы были заплетены в косу, (как

носят отшельницы), тело покрыто грязью. По некоторым признакам я понял, что это Сита, пробрался к ней, когда она осталась одна, и сказал: «Я — обезьяна, сын Ветра, о Сита, и прибыл к тебе как вестник от Рамы. Я добрался сюда по воздуху, чтоб увидеть тебя.

Братья Рама и Лакшмана, царские сыновья, в добром здравии, их охраняет Сугрива, Индра среди обезьян. Рама и сын Сумитры просили (меня узнать), здорова ли ты, о Сита! И Сугрива из дружеского расположения к ним тоже беспокоится о тебе. Скоро явится твой супруг вместе со всеми обезьянами. Верь мне, достойная, я — обезьяна, а не ракшаса».

Призадумавшись на минуту, Сита ответила мне: «Я знаю со слов Авиндхьи, что ты — Хануман. Авиндхья — старый, почтенный ракшаса, о наделенный мощными руками. Он рассказывал мне, что Сугриву окружают советники, похожие на тебя. А теперь ступай».

И с этими словами Сита дала мне вот этот самоцвет, который поддерживал безупречную Вайдехи все это время. И чтобы ты мне поверил, Джанаки из признательности рассказала мне историю о том, как ты, о тигр среди людей, на великой горе Читракуте попал камышинкой в ворону. Потом я рыком возвестил о своем появлении и поджег город (Раваны)».— «Добро пожаловать», — приветствовал Рама доброго вестника.
*Такова в книге «Лесная» великой «Махабхараты» двести шестьдесят шестая глава.*

ГЛАВА 267

Маркандея сказал:
Пока Рама беседовал с (Хануманом), по приказу Сугривы сюда же, (на гору), явились вожаки обезьян. К Раме пришел славный Сушена, свекор Валина, в сопровождении тысячи коти быстрых обезьян. Показались отважные Индры обезьян Гаджа и Гавая, каждый из которых был окружен сотней коти (обезьян). Ведя за собою шестьдесят тысяч коти (сподвижников), о великий царь, прибыл грозный обликом царь Гавакша с бычьим хвостом.

Славный Гандхамадана, живущий на (горе) Гандхамадане, привел за собой тысячу коти огромных обезьян. Мудрая могучая обезьяна по имени Панаса привела десять, двенадцать и, (наконец), тридцать пять коти (обезьян). Достойный, отважный Дадхимукха, старейший среди обезьян, собрал огромное, обезьянье войско, обладающее грозным могуществом.

(Последним) пришел Джамбаван с сотней тысяч коти злобных черных медведей с отметинами на лбу. Эти и многич другие вожаки обезьяньих стай собрались в несметном количестве, чтобы помочь Раме, о великий царь!

(Обезьяны, окраской шерсти) напоминающие цветы шириши, шумели, перебегая с места на место, и издавали крики, похожие на львиный рык. Некоторые из них были (огромны), как горные пики, другие похожи на буйволов; (окраска одних) напоминала осенние тучи, а лица иных были (красны), как толченая киноварь. Они резвились, прыгали вверх и вниз, а со всех сторон, поднимая пыль, шли все новые и новые (полчища) обезьян. Весь многоликий обезьяний мир, напоминающий полноводный океан, собрался под знамена Сугривы. После того как сошлись все вместе Индры обезьян, доблестный Рагхава вместе с Сугривой (выбрал) день благоприятного положения созвездий, и готовое к бою войско в добрый час выступило в поход, словно намереваясь уничтожить миры.

Полки вел Хануман, сын Ветра, а тыл охранял сын Сумитры, не ведающий страха. Подвязав защитные нарукавники и наконечники для пальцев, оба потомка Рагху шли в окружении обезьяньих вожаков, блистая, как солнце и месяц среди планет.

Обезьянье войско, вооруженное камнями и (стволами деревьев) шала и тала, казалось огромным рисовым полем на раннем рассвете. Вожаки Нала, Нила, Ангада, Кратха, Майнда и Двивида вели за собой неисчислимую рать, чтобы помочь Рагхаве. Мирно отдыхая на благодатных склонах прославленных гор, где было много плодов, кореньев, меда, воды и мяса, полки обезьян вышли к соленому океану.

Это войско со множеством знамен, словно второй океан, разлилось по прибрежному лесу. Тут достойный сын Дашаратхи задал Сугриве в присутствии обезьяньих вожаков уместный вопрос: «Как, по-твоему, нам перебраться через океан? Наша рать велика, а океан неприступен». Тут вызвались несколько обезьян-смельчаков, которые брались переправиться через океан, но все расстояние они не смогли бы осилить. Другие предлагали воспользоваться лодками, третьи — плотами, но Рама остановил их всех, говоря: «Нет, (так не годится). Вы, обезьяны, при всей вашей отваге не сможете пересечь все вместе водный простор шириной в

сотню йоджан. Не подходит п ваше последнее предложение: не найдется так много лодок, чтобы перевезти целое войско.

И потом, разве может (человек), подобный мне, нанести купцам такой ущерб? Если войско наше растянется, то враг уничтожит его по частям, поэтому я не одобряю переправу на лодках или плотах. Я обращусь за помощью к самому кладезю вод. Отказавшись от еды, я буду лежать на берегу, пока он сам пе предстанет передо мной. Если же он не укажет мне путь, то я подожгу его своим мощным, неотразимым оружием, блистающим ярче огня-очистителя». С этими словами Рагхава и с ним сын Сумитры совершили омовение и, как подобает, лехли на подстилки из травы куша на (берегу) океана.

И вот явился Рагхаве во сне бог Океан, славный владыка рек и потоков, окруженный множеством морских чудищ; сотни кладезей с драгоценными камнями были видны рядом с ним81. «О сын Каусальи, — обратился он ласково к Раме, — скажи, чем я могу помочь тебе, бык среди мужей?» — «Я — потомок Икшваку, твой родственник, — ответил ему Рама. — О властитель рек и потоков! Я хочу, чтобы ты дал пройти моему войску, тогда я смогу покарать Дашагриву, выродка из Пауластьев.

Если же ты не дашь мне пройти, как я прошу, я осушу тебя стрелами, освященными небесным оружием». Выслушав слова Рамы, (Океан), прибежище Варуны, испугался и ответил с почтением: «Не хочу я мешать тебе, я не стану преградою на твоем пути.

Но выслушай меня, Рама, а потом приступай к делу! Если я разрешу пройти твоему войску, другие тоже, угрожая оружием, будут вымогать у меня подобное разрешение. Есть (среди вас) искусный строитель — обезьяна по имени Нала, это могучий сын небесного зодчего Вишвакармана.

Пусть он бросает в мои (воды) поленья, траву или камни — я все удержу на поверхности, и это послужит мостом для тебя». С этими словами (Океан) исчез, а Рама сказал Нале: «Сооруди мост через океан. Я знаю, ты сможешь (его сделать)». Какутстха повелел построить тем способом мост в десять йоджан шириной и сто йоджан длиной. Этот (мост), который зовется Наласету, славится на земле и по сей день; построенный по приказу Рамы, он стоит (нерушимо), точно утес.

В это время (к Раме) явился благочестивый Вибхишана, брат Индры ракшасов (Раваны), вместе с четырьмя своими советниками. Гостеприимно встретил его благородный Рама, а Сугрива (встревожился), заподозрив в нем соглядатая. Но Рагхаву поистине тронули его действия, свидетельствующие о добрых намерениях, и он окружил его (всевозможными) почестями. (Рама) поставил Вибхишану царем над всеми ракшасами и сделал его советником и другом Лакшманы.

Под водительством Вибхишаны войско (Рамы) за месяц переправилось через океан по (сооруженному Налой) мосту, о владыка людей! Когда они пересекли (океан) и высадились на Ланке, (Рама) напустил обезьян на богатые, пышные сады (острова) .

Там (в их ряды) проникли два соглядатая — советники Раваны Шука и Сарана, ракшасы в обезьяньем обличье, но Вибхишана их обнаружил. Когда оба (демона) из «тех, что бродят в ночи», вновь приняли облик ракшасов, Рама показал им свое войско и затем отпустил на волю. Полки расположились в небольшом лесу, и доблестный (Рама) послал мудрую обезьяну Ангаду гонцом к Равану.
*Такова в книге «Лесная» великой «Махабхараты» двести шестьдесят седьмая глава.*

ГЛАВА 268

Маркандея сказал:
Какутстха надежно укрыл свое войско в богатом кореньями и плодами лесу, где было вдоволь воды. А Равана принялся укреплять Ланку согласно правилам гпастр. Этот (город) по самому своему расположению был неприступен; его окружали мощная крепостная стена с воротами и глубоководный ров, в котором кишели крокодилы и водилась рыба

Теперь же (Ланка) была обнесена семью валами, утыканными кольями из кхадиры; эти валы были оснащены приспособлениями для тарана, железными брусьями и камнями. У воинов в руках были сосуды, полные ядовитых змей, и сарджарасовый порошок; кроме того, они были вооружены дубинками, пылающими головнями и стрелами, пиками, мечами и топорами, были у них и шатагхни, и навощенные молоты.

У каждых наружных ворот стояли крупные соединения, постоянные и сменяющиеся: множество пеших воинов и большое количество слонов и коней.

Меж тем Ангада добрался до ворот Ланки, известил о себе Индру ракшасов и бесстрашно вошел (в город). Могущественный (Равана) блистал меж многих коти ракшасов, словно солнце, обрамленное грядами облаков. Приблизившись к по томку Пуластьи, окруженному советниками, (посланец) Рамы, умеющий вести беседу, стал излагать его наказ: «О царь! Многославный Рагхава, Индра Косалы, велел передать тебе: час (расплаты) настал. Внемли этим словам и приготовься!

Под властью погрязшего в грехе бесчестного царя терпят лишения и погибают целые страны и города. Из-за тебя одного, силой похитившего мою супругу, на меня,— (сказал Рама), — ляжет вина за гибель ни в чем не повинных существ. Ты давно презираешь богов. Ослепленный своим могуществом и гордыней, ты притесняешь живущих в лесах святых мудрецов. Ты убиваешь царей-мудрецов, похищая их рыдающих жен. Теперь (пробил твой час) — тебя ждет возмездие за бесчинства. Я убью тебя вместе с твоими советниками. Выходи же на бой, как подобает мужу! Ты увидишь, о (демон), «бродящий в ночи», как могуч мой лук, хотя я всего только человек. Отпусти Ситу, дочь Джанаки, иначе ты нигде от меня не спасешься! Острыми стрелами я очищу от ракшасов землю!»

Не стерпел царь Равана, услышав такие дерзкие речи посланца (Рамы), потерял над собою власть от ярости, и тут же четыре (демона) из «тех, что бродят в ночи», по знаку владыки вцепились в лапы (Ангады), словно коршуны в (лапы) тигра. Но Ангада взмыл в небо, увлекая за собой «тех, что бродят в ночи». Они цеплялись за его лапы, но он взлетел так быстро, что оказался один на крыше дворца, а демоны, «те, что бродят в ночи», упали на землю, и сердца их не выдержали столь сильного удара.

Избавившись (от преследователей), он спустился с дворцовой крыши и пробрался через Ланку в расположение своего войска. Вернувшись к Индре Косалы, могучий пылом Ангада поведал (ему) обо всем и, обласканный Рагхавой, отправился отдохнуть.

Затем потомок Рагху разрушил крепостную стену Ланки, напустив на нее сразу всех быстрых, как ветер, обезьян. Лакшмана вместе с Вибхишаной и властителем медведей (Джамба-ваном) разбил неприступные южные ворота города, и сотни тысяч коти воинственно настроенных обезьян, бурых, как верблюды, ворвались в Ланку. Солнечный свет померк от пыли, поднятой обезьянами, которые сновали в разные стороны, вверх и вниз. Ракшасы со своими женами и стариками (родителями) в изумлении смотрели, о царь, на крепостной вал, сплошь облепленный обезьянами.

Некоторые из них (цветом шерсти) напоминали рисовые побеги, другие — цветы шириши, третьи были цвета восходящего солнца, а четвертые — светлые, как солома. Они принялись крушить колонны из драгоценных камней, террасы и сторожевые башни, стали ломать и разбрасывать выведенные из строя защитные приспособления. Хватая шатагхни, диски, дубинки и камни, они своими ловкими лапами с силой обрушивали их на Ланку. Сотни «тех, что бродят в ночи», стоявших на крепостном валу, обратились в бегство, преследуемые обезьянами.

Но тут по приказу царя (Раваны) появились еще сотни тысяч страшных обличьем ракшасов, способных принимать любой вид. Извергая потоки стрел, они дерзко погнали лесных обитателей, очищая от врага крепостную стену. Страшные (демоны), «те, что бродят в ночи», посыпавшись как горох, освободили от обезьян большую часть крепостного вала. Сраженные пиками (ракшасов), пали в бою многие из обезьяньих вожаков, но немало и (демонов), «тех, что бродят в ночи», погребли под собой (обрушившиеся) колонны и ворота.

И вот сошлись (лицом к лицу) обезьяны и ракшасы. Яростно стали они биться, таская друг друга за волосы, царапая когтями и клыками. И обезьяны, и ракшасы с ревом падали замертво па землю, но даже и тут не выпускали врага. Стрелы Рамы сыпались непрерывным потоком, как ливень из тучи, и, долетая до Ланки, настигали (демонов), «тех, что бродят в ночи». И сын Сумитры, ловкий стрелок из лука, без устали метко разил стрелами ракшаоов, стоящих на крепостном валу. Затем по приказу Рагхавы войска отступили. Ланка была разорена, и это предопределило победу (Рамы).
*Такова в книге «Лесная» великой «Махабхараты» двести шестьдесят восьмая глава.*

ГЛАВА 269
Маркандея сказал:
В ряды отступивших воинов затесалось несколько групп мелких ракшасов и пишачей, приспешников Раваны, — Парвана, Путана, Джамбха, Кхара. Кродхаваша, Хари, Праруджа, Аруджа, Прагхаса и другие. Об этом проведал Вибхишана. и, хотя те злодеи, проникшие (к обезьянам), были невидимы, он раскрыл их. Ловкие, сильные обезьяны, о царь, увидели этих (ракшасов) и всех уничтожили. Замертво пали они на землю. Не вынес этого Равана, вышел (из города) со своим войском и налетел на обезьян, прстроив рать по способу Ушанаса.

Но Рагхава, следуя правилу Брихаспати, развернул полки навстречу Десятиликому и приготовился к обороне. Сошлись тут в бою Рама и Равана, Лакшмана и Индраджит, Сугрива и Ви-рупакша, Никхарвата и Тара, Нала и Тунда, Патуша и Панаса. Каждый избрал себе достойного (противника), и стали они биться, надеясь на поле брани лишь на мощь своих собственных рук.

Разгорелся жестокий и яростный бой, повергающий в ужас несмелого; так же некогда (бились между собой) боги и асуры. Равана обрушивал на Раму потоки копий, пик и мечей, Рагхава посылал в ответ остро отточенные железные стрелы. Лакшмана (осыпал) Индраджита раздирающими чрево (стрелами), и Индраджит отвечал сыну Сумитры множеством стрел. Вибхишана яростно метал в Прахасту острые стрелы, украшенные птичьими перьями, Прахаста отвечал ему тем же. Яростно бились могучие воины, так что страх обуял все три мира, все движущееся и неподвижное.
*Такова в книге «Лесная» великой «Махабхараты» двести шестьдесят девятая глава.*

ГЛАВА 270

Маркандея сказал:
Вот Прахаста, не знающий жалости в битве, бросился вдруг на Вибхишану и, издав клич, ударил его дубинкой, но мудрый Вибхишана, наделенный мощными руками, даже не дрогнул от этого резкого удара, оставшись стоять неколебимо, как Химаван. Он схватил огромное мощное копье, украшенное сотнями колокольчиков, и, освятив его заклинаниями, метнул в голову (противника). С подобным ашани грохотом в один миг настигло оно ракшасу, снеся ему голову, и (демон) стал подобен дереву, сломанному ветром.

Увидев, что Прахаста, (демон) из «тех, что бродят в ночп», нашел свою смерть в бою, на обезьян стремительно ринулся Дхумракша. При виде мрачного, как туча, вражеского пополнения сильнейшие из обезьян бросились врассыпную. Увидел Хануман, что его (отважные), как быки, обезьяны-воины вдруг обратились в бегство, вышел вперед и застыл на месте: не обезьяна, а тигр. Обезьяны заметили, что сын Ветра остался стоять на поле брани, и все поспешно вернулись назад, о царь! Поднялся тут страшный, невероятный, отчаянный шум: это снова смешались в схватке полки Рамы и Раваны. Разгорелась жестокая, кровавая битва.

Дхумракша напал на обезьянье войско, (осыпая его) стрелами, снабженными оперением. Сын Ветра Хануман, покоритель врагов, ловко бросился наперерез мчавшемуся ракшасе-велика-ну, и эти герои, обезьяна и ракшаса, словно Прахлада и Индра, сошлись в жаркой схватке, стремясь одолеть друг друга.

Палицами и дубинками избивал ракшаса обезьяну, обезьяна швыряла в ракшасу стволы деревьев вместе с ветвями. И мудрый Хануман, сын Ветра, все-таки одолел Дхумракшу, поскольку был мощнее, (убил) его коней и возничего и (сломал) колесницу.

Увидев, что Дхумракша, первый среди ракшасов, убит, обезьяны, воспрянув духом, ринулись (в бой) и стали уничтожать (вражеских) воинов. Мощные обезьяны кулаками разили ракшасов, и те наконец не выдержали: в панике бросились они бежать в Ланку. Примчавшись в город, разбитые наголову и (чудом) оставшиеся в живых (демоны) из «тех, что бродят в ночи», поведали царю Раване обо всем, что случилось.

Услышал Равана, что Прахаста и великий стрелок из лука Дхумракша пали в бою вместе с войском от рук (мощных), как быки, обезьян, вздохнул протяжно, поднялся со своего прекрасного ложа и произнес: «Настало время действовать Кумбхакарне». Сказав так, он повелел громкой музыкой разбудить Кумбхакарну, погруженного в глубокий сон.

С превеликим трудом разбудил Дашагрива могучего Кумбхакарну. Тот проснулся, спокойный и не ведающий тревог, сел на своем ложе, а властитель ракшасов встревоженно обратился к нему: «Блажен ты, о Кумбхакарна, если таков у тебя сон! Ты и не ведаешь, что настало суровое, страшное время. Рама, перебравшись вместе с обезьянами по мосту через океан, дерзнул учинить нам всем великое побоище. Я похитил его супругу Ситу, дочь Джанаки, и он, соорудив мост через океан, явился сюда, чтобы освободить ее.

Он убил великого Прахасту и других наших родственников. Никто, кроме тебя, не сможет справиться с ним, о губитель врагов! Явись во всеоружии и покарай в бою всех наших недругов во главе с Рамой, о сильнейший из сильных, сокрушитель врагов! Оба младших брата Душаны, Ваджравега и Праматхин, пойдут за тобою следом вместе с великой ратью». Так сказал владыка ракшасов стремительному Кумбхакарне, а потом разъяснил Ваджравеге и Праматхину, что они должны делать. «Да будет так!» — ответили Раване доблестные братья Душаны и под водительством Кумбхакарны тотчас же выступили из города.
*Такова в книге «Лесная» великой «Махабхараты» двести семидесятая глава.*

ГЛАВА 271

Маркандея сказал:
Кумбхакарна вместе со своими спутниками вышел за пределы города и увидел перед собой готовое к бою обезьянье войско. Обезьяны стремительно налетели на него, окружили со всех сторон и забросали грудами огромных деревьев. Несколько (обезьян), поборов великий трепет, вцепились в (ракшасу) своими когтями. Множество обезьян-воинов с разным оружием напало на грозного Индру ракшасов, сражаясь во многих местах поля боя. Они избивали его, а он только смеялся и пожирал обезьян. Панаса, Гавакша и Ваджрабаху (угодили к нему в пасть).

При виде жестокости ракшасы Кумбхакарны Тара и другие (обезьяны) вокруг закричали от страха. Когда Тара и другие обезьяньи вожаки подняли громкий крик, Сугрива бесстрашно бросился на Кумбхакарну. Стремительно налетев на него, многомудрый Сугрива, казавшийся слоном среди обезьян, с силой ударил его стволом дерева шала по голове. Отважная, ловкая обезьяна сломала дерево о голову Кумбхакарны, но (ракшаса) даже не дрогнул. Затем, чувствуя прилив бодрости от удара дубиной, он издал клич, захохотал и крепко схватил Сугриву обеими руками. Увидев, что ракшаса Кумбхакарна поймал Сугриву, доблестный сын Сумитры, надежда друзей, бросился к нему на помощь.

Лакшмана, губитель вражеских героев, настиг Кумбхакарну и послал в него мощную быструю стрелу с золотым оперением. Пронзив доспехи (ракшасы), стрела прошла насквозь через его тело и, обагренная кровью, впилась в землю. Тогда Кумбхакарна, великий стрелок из лука, выпустил вожака обезьян, вооружился камнями и с развороченной грудью ринулся на сына Сумитры, занеся над собой огромную глыбу. Двумя остро отточенными стрелами (Лакшмана) отсек ему на бегу обе воздетые руки, но на их месте появилось четыре. Сын Сумитры, показывая, как ловко он владеет оружием, вновь срезал своими стрелами его руки, в каждой из которых было по камню, но тот превратился в великана со множеством ног, рук и голов.

Тогда сын Сумитры оружием Брахмы испепелил этого (демона), подобного горной гряде. Дерзкий (ракшаса), сраженный в бою небесным оружием, словно ветвистое дерево — мощной ашани, рухнул на землю. Увидели ракшасы, что яростный Кумбхакарна, подобный Вритре, лежит бездыханный на земле, и в страхе бросились врассыпную. Но оба брата Ду-шаны, на глазах у которых бежали те воины, остановили их и в ярости бросились на сына Сумитры. Со злобою Ваджравега и Праматхин кинулись на сына Сумитры, но тот, издав клич, стрелами с оперением преградил им обоим путь.

Тогда, о Партха, разгорелся страшный, жестокий бой между братьями Душаны и мудрым Лакшманой. Тот обрушил на ракшасов мощный поток стрел, и оба отважных (воина) гневно ответили ему тем же. Суровая схватка между мощноруким сыном Сумитры и Ваджравегой с Праматхином длилась недолго: подоспел Хануман, сын Ветра. Он схватил горную вершину, швырнул ее в Ваджравегу и выпустил дух из ракшасы. А могучая обезьяна Нила налетела на Праматхина и огромным камнем убила (второго) брата Душаны. Тогда снова сошлись в жаркой схватке полчища Рамы и Раваны. Сотнями разили обезьяны найрритов, а найрриты — обезьян, но все же найрритов полегло значительно больше.
Такова в книге «Лесная» великой «Махабхараты» двести семьдесят первая глава.

ГЛАВА 272
Маркандея сказал:
Узнав о том, что Кумбхакарна вместе со своими і сподвижниками, как прежде Прахаста, великий стрелок из лука, а также могучий Дхумракша, принял смерть в бою, Равана обратился к своему сыну, герою Индраджиту: «Покори Раму, Сугриву и Лакшману, о губитель недругов! Благодаря тебе, о мой верный сын, я обрел громкую славу: ты победил в бою Тысячеокого Держателя ваджры, Супруга Шачи.

Скрывая свой облик или в открытую, но покарай моих недругов своими небесными стрелами, полученными некогда в дар, о губитель врагов, первый среди воителей! Ни Рама, ни Лакшмана, ни Сугрива не смогут вынести удара твоих стрел, о безупречный, не говоря об их спутниках. Ступай, о мощнорукий, и отомсти в бою за Кхару! (Сделай то), чего не удалось достичь в бою Прахасте и Кумбхакарне, о безупречный! Уничтожь своими острыми стрелами недругов вместе с их ратью, порадуй меня, о сын мой, как когда-то, когда ты захватил в плен самого Васаву».

Ответив согласием на призыв (отца), Индраджит во всеоружии поднялся на колесницу и поспешил, о царь, на поле боя. Там, громко выкликая свое имя, бык среди ракшасов вызвал на поединок Лакшману, отмеченного счастливыми знаками. Словно лев на мелкого зверька, ринулся на него Лакшмана с луком и стрелами, сея ужас ударами своих ладоней.

Меж ними, знатоками небесного оружия, из которых каждый страстно желал победить и люто ненавидел другого, началась великая битва. Сын Раваны не смог одолеть (Лакшману) своими стрелами, и тогда этот первый из воинов предпринял более мощную попытку. Он попытался погубить сына Сумитры быстрыми копьями, но тот раскалывал их на лету своими острыми стрелами, и обломки (копий) летели на землю.

Славный Ангада, сын Валина, поднял дерево, стремительно бросился на (ракшасу) и ударил его по голове, но Индраджит не дрогнул. Дерзкий (демон) нацелил копье в грудь (обезья
не), но Лакшмана сломал это копье. Едва отважный Ангада приблизился к сыну Раваны, тот палицей ударил подобную быку обезьяну в левый бок. Даже не почувствовав удара, могучий сын Валина, покоритель врагов, яростно метнул в Индраджита ствол дерева шала. Дерево, которое бросил разъяренный Ангада, чтоб покарать Индраджита, попало, о Партха, в его колесницу, (убив) и возничего, и коней. Когда его кони и колесничий были убиты, сын Раваны соскочил с колесницы и, прибегнув к волшебству, скрылся из виду, о царь! Рама, узнав о том, что ракшаса, искусный в разного рода магии, сделался, невидимым, явился на то место и окружил его войско.

(Индраджит), прицелившись в Раму, осыпал его с ног до головы своими стрелами, полученными в дар (от богов, поразив) при этом и Лакшману, великого воина на колеснице. Тогда отважные Рама и Лакшмана стали вдвоем посылать стрелы в невидимого сына Раваны, скрывшегося благодаря волшебству.

Сотни, тысячи стрел обрушил он в злобе на тех львов среди мужей, (изранив их) с ног до головы. Обезьяны, увидев, что скрывшийся с глаз (ракшаса) непрерывно посылает стрелы,
схватили огромные камни и взмыли в небо, но и в них полетели стрелы невидимого ракшасы, дерзкого сына Раваны. Огражденный волшебными чарами, он сразил множество (обезьян). И братья-герои, Рама и Лакшмана, настигнутые его стрелами, тоже упали на землю, словно солнце и луна (низринулись) с небес.
*Такова в книге «Лесная» великой «Махабхараты» двести-семьдесят вторая глава.*

ГЛАВА 273

Маркандея сказал:
Увидев, что оба брата, безгранично могучие, упали на землю, сын Раваны решил добить их своими стрелами, полученными в дар. Герои, тигры среди мужей, которых Индраджит
окружил частоколом стрел, выглядели на поле боя птицами в клетке. Лежали они на земле, пронзенные сотнями стрел, а вокруг них стояли обезьяны вместе с Сугривой. Сушена, Майнда, Двивида, Кумуда, Ангада, Хануман, Нила, Тара и Нала (окружали) властителя обезьян. Но вот туда прибыл победоносный Вибхишана. Оружием праджня он возвратил к жизни обоих героев, а Сугрива, произнеся небесные заклинания, сильным снадобьем вишалья быстро извлек из них стрелы.

Лучшие из мужей, освободившись от стрел, пришли в себя и поднялись с земли; слабость и усталость вмиг покинули великих воинов на колесницах. Видя, что Раму, потомка Икшваку. оставила лихорадка, Вибхишана, о Партха, почтительно сложив ладони, обратился к нему с такими словами: «По повеленью Царя царей к тебе явился гухьяка с горы Шветы. Оп принес эту воду, о сокрушитель недругов! Великий царь Кубера послал тебе ее, чтобы ты, о гроза недругов, смог увидеть любое невидимое существо. Если ты или тот, кому ты дапть этой воды, омоет ею свои глаза, он увидит того, кто скрылся из виду».

«Да будет так», — (ответил) Рама, принимая эту чудесную воду. Он омыл ею глаза и (передал) благородному Лакшмане, а потом Сугриве, Джамбавану, Хануману, Ангаде, Майнде, Двивиде, Ниле и большинству обезьяньих вожаков. Случилось так, как говорил Вибхишана: тотчас же их глаза, о Юдхиштхира, стали видеть то, что невидимо для обычного глаза. Меж тем Индраджит, (считая), что дело сделано, поведал отцу о своем подвиге и вновь поспешил в гущу битвы. Когда разъяренный (ракшаса) вернулся (на поле брани), пылая жаждой боя, на него по знаку Вибхишаны налетел сын Сумитры.

В тот день (Индраджит) не совершил обычного жертвоприношения. Лакшмана, к которому вернулись силы, стал яростно метать стрелы в готового к бою (недруга), чтобы его уничтожить. Каждый из них страстно желал одолеть другого, и их поединок являл собою необычайное зрелище, напоминавшее (схватку) Шакры с Прахладой. Острыми, раздирающими чрево стрелами пронзал Индраджит сына Сумитры, а (Лакшмана) разил отпрыска Раваны стрелами, опаляющими, как огонь.

Разъяренный ударами стрел сына Сумитры, сын Раваны послал в Лакшману восемь стрел, подобных ядовитым змеям. Слушай же, я расскажу тебе, как доблестный сын Сумитры тремя обжигающими, словно огонь, стрелами, снабженными оперением, выпустил дух (из сына Раваны).

Одной (стрелой) от отсек ему руку, в которой тот держал лук, другой срезал руку, в которой были стрелы, а третьей блестящей стрелою с широкой рукоятью он снес его сверкающую серьгами прекрасную голову с красивым носом. Страшно было смотреть на туловище (ракшасы) с обрубками рук! Расправившись с (недругом), (Лакшмана), сильнейший из сильных, убил стрелами и его возницу. Кони примчали ту колесницу в Ланку, и Равана увидел, что сына нет на обычном месте. Блуждающим взглядом в ужасе посмотрел он на своего убитого сына и тогда, обезумев от горя, решил лишить жизни Вайдехи. Злодей схватил меч и тотчас же кинулся в ашоковую рощу, где, тоскуя Раме, жила (Сита). Но, распознав жестокое намерение того безумца, Авиндхья усмирил его гнев.

Послушай, как (он это сделал): «Ты — владыка прекрасного» огромного царства, и не пристало тебе убивать женщину. У нее ведь и так все равно что отнята жизнь, раз она живет у тебя в неволе. Я считаю, не стоит ее убивать. Победи ее супруга, и, если он погибнет, она тоже умрет. Сам Совершитель ста жертвоприношений не может сравниться с тобою в отваге. Не раз приводил ты в трепет в бою Тридцать (богов) вместе с Индрой». Долго уговаривал Равану Авиндхья, стараясь смягчить его гнев, и тот внял его словам. (Демон), «бродящий » ночи», решил сам выступить (против Рамы). Он опоясал себя мечом и приказал: «Пусть приготовят мне колесницу!»
*Такова в книге «Лесная» великой «Махабхараты» двести-семьдесят третья глава.*

ГЛАВА 274

Маркандея сказал:
Разъяренный Дашагрива, любимый сын которого был убит, поднялся на колесницу, украшенную золотом и драгоценными камнями, и выступил в поход. Окруженный страшными ракшасами, держащими наготове всевозможное оружие, налетел он на Раму, разя на своем пути обезьяньих вожаков,, но Майнда, Нила, Нала, Ангада, Хануман и Джамбаван вместе со своими полками остановили его неистовый натиск. Вожаки обезьян и медведей на глазах у Дашагривы стали громить деревьями его войско. Тогда, оглядев свою поредевшую рать, искусный в магии Равана, властитель ракшасов, прибегнул к волшебству. Из тела его появились сотни, тысячи ракшасов со стрелами, мечами и копьями в руках, но Рама небесным оружием уничтожил их всех.

Тогда Десятиликий владыка ракшасов вновь обратился к колдовским чарам: он сотворил, о бхарата, множество подобий Рамы и Лакшманы в ринулся вновь на (обоих братьев). Эти (ракшасы) из «тех, что бродят в ночи», налетели, о царь, на Раму и Лакшману, подступая к ним с туго натянутыми луками. Увидев это чудо, сотворенное Индрой ракшасов, сын Сумитры, потомок Икшваку, не растерялся. Он обратился к Раме с великими словами: «Покарай этих ракшасов, дерзко принявших твое обличье!» И Рама одного за другим сразил этих (демонов), каждый из которых был точным его подобием. И тут на сверкающей, как солнце, колеснице, запряженной огненно-рыжими конями, к Раме на поле битвы явился Матали, возница Шакры,

Матали сказал:
«Перед тобою — прекрасная, овеянная победной славой колесница Магхвана, в которую впряжены огненные скакуны. На этой лучшей из колесниц Шакра уничтожил в бою сотни
дайтьев и данавов, о Какутстха, тигр среди мужей! На этой колеснице, которой буду править я, о тигр среди мужей, ты быстро одолеешь Равану в бою. Не медли!» Все слышал Рагхава но не поверил, что это действительно слова Матали. (Он подумал), не ракшаса ли (снова пустил в ход) свои волшебные чары. Но Вибхишана сказал ему: «Нет, тигр среди мужей, это не колдовство низкого Раваны. Это воистину колесница Индры. Скорей поднимись в нее, о лучезарный!».

Обрадовался Какутстха, согласился с Вибхишаной, (встал) на колесницу в яростно бросился на Дашагриву. Крик ужаса вырвался у всех, когда Равана двинулся навстречу (небесной колеснице), небожители на небесах отозвались львиным рыком и грохотом барабанов. (Ракшаса), «бродящий в ночи», метнул в Раму разящее, как ашани Индры, копье, высокое, словно жезл Брахмы.

Но Рама в тот же миг своими острыми стрелами расколол это копье. Страх обуял Равану при виде ратного подвига (Рамы). Разъяренный Дашагрива стал без передышки посылать в Раму острые стрелы и тысячами, десятками тысяч разное другое оружие: бхушунди, копья, палицы, секиры, пики разных видов и шатагхни, острые как бритва.
Испугались обезьяны жуткого колдовства ракшасы Дашагривы и разбежались в разные стороны.

А Какутстха, вынув из колчана лучшую из стрел с красивым оперением, острым наконечником и золотым древком, взялся за оружие Брахмы. Увидев, что Рама оружием Брахмы освятил эту чудесную стрелу, гандхарвы и боги во главе с Шакрой преисполнились радости.

Поняли боги, гандхарвы и киннары: если пущено в ход оружие Брахмы, дни их недруга-ракшасы сочтены. И вот Рама метнул не имеющую себе равных мощью, длинную, как жезл Брахмы, грозную стрелу, несущую Раване смерть. Охваченный ярким пламенем, запылал первый из ракшасов вместе со своей колесницей, конями и колесничим. Тридцать (богов) вместе с гандхарвами и чаранами, торжествуя, взирали на Равану, повергнутого доблестным Рамой. (Тело) могучего Раваны распалось на пять элементов, силой оружия Брахмы они были развеяны во всех мирах. Это (мощное) небесное оружие испепелило основу его плоти — мясо и кровь, так что от (ракшасы) не осталось и праха.
Такова в книге «Лесная» великой «Махабхараты» двести семьдесят четвертая глава.

ГЛАВА 275

Маркандея сказал:
Рама, его друзья и сын Сумитры радовались, что наконец повержен низкий Равана, Индра ракшасов, притеснявший богов. Когда Дашагрива был уничтожен, боги, а прежде них святые мудрецы, ликуя, восславили мощнорукого героя. Боги, гандхарвы и все (остальные) небожители цветочными ливнями и песнопениями приветствовали Раму, глаза которого были как лепестки лотоса. Почтив его по достоинству, они разошлись по своим местам. Казалось, о неколебимый, что на небесах наступил великий праздник.

Покарав Дашагриву, могучий Рама, многославный покоритель вражеских городов, передал Ланку Вибхишане. Тут появился старый, мудрый советник (Раваны) но имени Авиндхья. Перед ним, следом за Вибхишаной шла Сита. (Авиндхья) обратился к печально стоящему перед ним великому духом Какутстхе: «Принимай, о могучий душою, дочь Джанаки! Царица — само воплощение добродетели». Выслушав эти слова, потомок Икшваку сошел с величайшей из колесниц и увидел проливающую слезы Ситу. Все тело ее было в грязи, одега она была в черное, а волосы (по-отшельнически) заплетены в косу.

Рама посмотрел на прекрасную, измученную горем Вайдехи, стоявшую у его колесницы, и, подозревая, что (Равана) обесчестил ее, сказал: «Ступай, Вайдехи, ты свободна! Я сделал все, что должен был сделать. Я твой супруг, о достойная, и потому тебе не придется влачить свои дни до старости в обиталище ракшасы. Я убил этого (демона) из «тех, что бродят в ночи». Но разве может такой человек, как я, зная предписания дхармы, хотя бы на миг принять женщину, побывавшую в руках недруга? Добродетельна ты или грешна, я не могу наслаждаться тобою, о Майтхили, ибо ты — словно приготовленная в жертву пища, которую лизнула собака».

Услышав эти неожиданные горькие слова, (ни в чем не повинная) женщина упала без чувств, словно подрубленное банановое дерево, и едва появившийся на ее лице румянец вмиг исчез, словно след дыхания на зеркале. Все обезьяны и Лакшмана, услышав сказанное Рамой, замерли не дыша. И тут перед Рагхавой появился в своей колеснице четырехликий, пречистый духом бог Прародитель, Творец вселенной. В сияющей, бесценной колеснице, влекомой гусями, (предстали перед Рамой) Шакра, Агни, Ваю, Яма, Варуна, а также Повелитель якшен, семь безгрешных святых мудрецов и царь Дашарата, воплощение небесного сияния. Весь небосвод заполнили боги л гандхарвы, словно яркие звезды засияли на осеннем небе.

Тогда славная, честная Вайдехи поднялась (с земли) и в пх присутствии ласково обратилась к широкогрудому Раме: «Нет у меня на тебя обиды, о царский сын! Я знаю, как подобает вести себя женщинам и мужчинам (в подобных случаях). Послушай, что я скажу тебе. Пребывающий в вечном движении Ветер присутствует в каждом живом существе. Пусть он лишит меня жизни, если я согрешила! Пусть Огонь, Вода, Воздух, Земля и Ветер отнимут у меня жизнь, если я совершила грех!» И, к радости великих духом обезьян, с небес зазвучали благословенные голоса богов, слышные на все стороны света.

Ваю сказал:
Это правда, о Рагхава! Я — Ветер, пребывающий в вечном движении. Майтхили безгрешна, о царь! Соединись со своею супругой.

Агни сказал:
Я присутствую в каждом живом существе, о потомок Рагху! Ни грана вины нет за Майтхили, о Какутстха!

Варуна сказал:
Я тот, кто порождает соки в телах живущих, о Рагхава, и я говорю тебе — ты должен принять Майтхили!

Брахма сказал:
В этом нет ничего необычного, о достойный мой сын, если ты соблюдаешь дхарму мудрецов-царей и следуешь по стезе праведников. Выслушай, что я скажу тебе. Ты, о герой, уничтожил недруга богов,

гандхарвов, (демонов)-змеев, а также якшей, данавов и великих святых мудрецов. Прежде благодаря моей милости с ним не могло справиться ни одно живое существо. Была причина тому, что я какое-то время терпел этого нечестивца. Себе на погибель похитил злодей Ситу, но проклятием Налакубары я охранил ее (от бесчестья). Некогда Раване было сказано: если когда-нибудь он посягнет на женщину, которая не желает его, на сто частей разорвется его тело. Не сомневайся, о лучезарный, в (чистоте Вайдехи) я прими ее. Ты, о подобный бессмертному, совершил великий подвиг во имя богов.

Дашаратха сказал:
Я доволен, о сын мой! Благо тебе! Я — Дашаратха, отец твой, и я благословляю тебя: правь своим царством, о достойнейший из мужей!

Рама сказал:
Приветствую тебя, Индра царей, если ты действительно мой отец! По твоему повелению я тотчас отправлюсь в прекрасный город Айодхыо.

Маркандея сказал:
Обрадованный отец вновь обратился к нему, о властитель живущих: «Ступай в Айодхью и правь (своим царствол), о Рама — (герой) с пламенеющими уголками глаз!» Тогда, поклонившись богам, сопровождаемый приветствиями друзей, он соединился со своей супругой, словно Великий Индра с Пауломи Затем губитель недругов одарил Авиндхью и осыпал богатством и почестями ракшаси Триджату. Тогда Брахма, окруженный богами во главе с Шакрой, сказал ему: «Какие дары ты желаешь, о сын Каусальи? Я дам их тебе сейчас же».

И попросил его Рама, чтобы быть ему стойким в дхарме и неуязвимым для недругов, а также чтобы ожили обезьяны, убитые ракшасами. Брахма сказал: «Да будет так!», и обезьяны поднялись с земли целые и невредимые, о великий царь! И славная участью Сита дала Хануману дар: «Пусть твоя жизнь, о сын мой, будет столь же долгой, как слава Рамы. Дивные яства всегда будут к твоим услугам, о Хануман! Я позабочусь об этом, о желтоглазый!»

На глазах у (героев), неутомимых в своих деяниях, все боги во главе с Шакрой исчезли. Увидев, что Рама соединился с Джанаки, возница Шакры, преисполненный радости, сказал ему при его сподвижниках: «Ты, о воистину доблестный, избавил от бед богов, гандхарвов, якшей, людей, асуров и (демонов)-змеев. Якши, ракшасы, (демоны)-змеи, боги, асуры и гандхарвы — все миры будут говорить о тебе, пока стоит земля». Произнеся это, он попрощался с Рамой, первым среди воинов, и, воздав ему почести, удалился на своей колеснице, блиставшей, как солнце.

Рама поставил охрану на Ланке, затем (поднялся) на сверкающую небесную колесницу Пунша-ку, способную двигаться всюду по желанию (возницы), и, окруженный, как подобает, главными советниками, смирив свои чувства, вместе с Ситой, сыном Сумитры и всеми обезьянами во главе с Сугривой переправился вслед за Вибхишаной по тому самому мосту через (океан), обиталище Макаров.

Потом благочестивый царь добрался до того места на берегу океана, где он останавливался прежде, и расположился там вместе с обезьянами. Когда настало время расставаться, Рагхава, созвав (своих соратников), воздал им почести и одарил их всех богатством.

Когда Индры обезьян — обезьяны с бычьими хвостами и медведи удалились, Рама вместе с Сугривой в сопровождении Вибхишаны отправился на колеснице Пушпаке в Кишкиндху, показывая Вайдехи лес. Прибыв в Кишкинд-ху, Рама, первый среди воинов, сделал верного Ангаду престолонаследником. Затем вместе со (своими союзниками) и сыном Сумитры Рама знакомым путем отправился в свой город.

Приблизившись к Айодхье, владыка царства послал в город Ханумана гонцом к Бхарате. Оценив приветливость96 (Бхараты), сын Ветра сообщил ему радостную весть, и, когда (Хануман) вернулся, (Рама) вступил в Нандиграму. Там он увидел Бхарату: в мочальном платье, с телом, испачканным грязью, тот сидел на своем ложе, а перед ним стояли сандалии (брата). Радостно встретились доблестный Рагхава и сын Сумитры с Бхаратой и Шатругхной, о бык среди бхаратов!

И Бхарата с Шатругхной тоже обрадовались, увидев своего старшего брата и Вайдехи. Бхарата с великой радостью почтительно передал вернувшемуся (брату) сохраненное, как залог, его царство. В благоприятный день при созвездии Вайшнава Васиштха и Вамадева посвятили героя на царство.

После помазания (Рама) простился с Сугривой, первым сред» обезьян, а также с его соратниками и Пауластьей Вибхишаной. Он одарил их обоих, довольных и радостных, разными драгоценностями и, сделав все, что было нужно, с грустью расстался с ними. Затем Рагхава, потомок Рагху, с почестями и

благодарностью возвратил Вайшраване его колесницу Пуншаку и после этого вместе с мудрецами-богами без помех совершил на берегу реки Гомати десять жетвоприношений коня с богатыми подношениями мяса в виде даров.
*Такова в книге «Лесная» великой «Махабхараты» двести-семьдесят пятая глава.*

ГЛАВА 276

Маркандея сказал:
Вот какая жестокая беда обрушилась некогда, о мощнорукий, на Раму, не знавшего себе равных по силе, когда он удалился в изгнание в лес. Не печалься, о тигр среди мужей! Ведь ты — кшатрий, о губитель недругов! Ты ступаешь по стезе пламенной решимости, опираясь лишь на мощь собственных рук, поэтому нет на тебе ни единого, даже самого малого греха. Сами боги вместе с Индрой и асуры могли бы пасть духом, следуя этим путем. Держащий в руке ваджру вместе с марутами одолел и уничтожил Вритру, а также непобедимого Намучи и Длинноязыкую ракшаси.

Тот, у кого есть помощники, всегда достигает своей цели. Кого не сможет одолеть в бою тот, кто имеет такого брата, как Завоеватель богатств?! А Бхима, грозный в своем могуществе, сильнейший среди сильных?! А юные сыновья Мадравати, славные стрелки из лука?! Чего же тебе страшиться с такими соратниками, о сокрушитель недругов! Они способны одолеть войско самога Владетеля ваджры вместе с сонмом марутов. С такими подобными богам сподвижниками, могучими стрелками из лука, ты победишь в сражении всех недругов, о бык среди бхара-тов!

Посмотри — ты вместе со своими могучими (братьями) совершил суровый подвиг: отвоевал у низкого царя Синдху Кришну-Драупади, которую он похитил силою, ослепленный своим могуществом. Царь Джаядратха повержен и покорен. Рама и без таких помощников, (как у тебя), вернул Вайде-, уничтожив в бою грозного в своем могуществе ракшасу Дашагриву. Вокруг него тоже были друзья, но не люди, а обезьяны и черноликие медведи. Подумай, о царь, над этим, И не печалься, о тигр среди потомков Куру, бык среди бхаратов! Великим душою, таким, как ты, не подобает предаваться печали, о губитель недругов!

Вайшампаяна сказал:
Так утешал царя (Юдхиштхиру) мудрый Маркандея. Поборов свою печаль, ободренный (Юдхиштхира) снова спросил того (мудреца).
*Такова в книге «Лесная» великой «Махабхараты» двести семьдесят шестая глава.*

# ПОВЕСТЬ О САВИТРИ

ГЛАВА 277

Юдхиштхира сказал:
Я не так терзаюсь из-за себя, из-за братьев моих и утраченного царства, как из-за дочери Друттады, о великий мудрец! Когда мы проиграли злодеям в игре в кости, Кришна спасла нас, а теперь Джаядратха силой похитил ее из леса. Слышал ли ты или, может быть, видел другую такую же верную и достойную женщину, как дочь Друпады? Маркандея сказал:

Услышь, о царь Юдхиштхира, какая великая участь выпадает на долю женщин из достойных семей. (Я расскажу тебе) о том, что случилось с царской дочерью Савитри. Жил на свете царь мадров. Был он благочестив и добродетелен, милостив к брахманам, благороден и верен каждому своему слову. Смирив свою душу, он совершал жертвопричошения, был щедр, умен и любим горожанами и селянами. Он горячо радел о благе каждого существа, и звали того царя Ашвапати. Милостивый, правдоречивый, подчинивший себе свои чувства, он был бездетен, и, по мере того как он становился старше, отчаяние овладевало (царем). Чтоб обрести потомство, он принял суровый обет. Определенное время, ограничив себя в еде, он соблюдал воздержание, смирив свою душу. Затем он совершил сто тысяч жертвоприношений с пением савитри, о лучший из царей, и стал принимать пищу через два дня на третий.

Восемнадцать лет посвятил он тому обету. Когда истек восемнадцатый год, Савитри была удовлетворена. Она явилась царю во всем своем блеске, о царь! Поднявшись из жертвенного огня, подательница даров выказала царю свою великую радость, произнеся такие слова: «Я довольна, о царь твоим воздержанием, чистотою, смирением, твердостью в обете и искренней преданностью мне. О Ашвапати, царь мадров, выбирай себе дар, какой пожелаешь, и никогда не допускай небрежности в отношении дхармы!».

Ашвапати сказал:

Я предпринял все это, желая исполнить свою дхарму. Цель моя — обрести потомство. Пусть будет у меня, о богивгя, множество сыновей, которые продолжат мой род. Если ты мною довольна, богиня, я выбираю именно этот дар. Ведь потомство — это высшая дхарма — так говорили мне дваждырожденные.

Савитри сказала:
Я знаю давно, о царь, об этом твоем желании и говорила Прародителю, что ты мечтаешь о сыновьях. Самосущий явил милость: вскоре на земле родится у тебя славная, прекрасная дочь. Тебе ничего не следует говорить в ответ. Я с радостью передаю тебе волю Прародителя.

Маркандея сказал:
«Да будет так, — ответил царь на слова Савитри и попросил (ее): — Пусть скорее это случится». Савитри скрылась, а царь вернулся в свои покои и, довольный, зажил в своем цар
стве, правя поданными согласно дхарме.

Прошло некоторое время, и добродетельная старшая супруга верного обету царя начала вынашивать в своем чреве плод. Лоно царицы Малави, о бык среди бхаратов, день ото дня увеличивалось, словно владычица звезд на небе в светлую половину месяца, и в назначенный срок родила она лотосоокую девочку.

Царь радостно совершил обряды над (новорожденной). Поскольку она была получена в дар от милостивой Савитри после жертвенных возлияний с пением савитри, отец и брахманы дали ей
имя Савитри.

Царская дочь, воплощенная Шри, постепенно росла и наконец превратилась в цветущую девушку; она была стройной, широкобедрой и напоминала собой золотую статую.

Глядя на нее, люди думали: «Это, верно, явилась небесная дева», но никто не сватал ее, блистающую красотой, с глаза ми как лепестки лотоса, страшась ее красоты. Однажды в день смены луны она отказалась от пищи, окропила водою голову и обратилась к богам, повелев брахманам совершить, как положено, возлияние огню. Затем, взяв оставшиеся (от жертвоприношения) цветы, царская дочь, прекрасная, как сама Шри, явилась к своему великому духом отцу. Дева с прекрасными бедрами поднесла ему эти остатки (от жертвы), припала к его стопам, а затем, смиренно сложив ладони, встала подле царя.
Царь видел, что дочь его в расцвете юности прекрасна, как богиня, и его тревожило, что женихи не сватают ее.

Царь сказал:
Настало время, о дочь моя, выдавать тебя замуж, но никто не приходит ко мне сватать тебя. Поэтому ты сама избери себе супруга, который был бы тебя достоин, а потом поведай мне, кого ты выбираешь в мужья. Я обдумаю (твой выбор) и отдам тебя замуж. Выбирай себе мужа по душе. Выслушай меня, о достойная, я расскажу тебе то, что знаю от дважды-рожденных из дхармашастры. Позор отцу, который не может выдать свою дочь замуж! Позор мужу, который пренебрегает женой! Позор сыну, который не заботится о матери после смерти отца! Ты выслушала мои слова, а теперь поскорее найди себе мужа! Сделай так, чтобы боги не осудили меня.

Маркандея сказал:
Вот что сказал (царь) своей дочери. Затем он призвал своих старых советников и повелел им сопровождать (девушку). Мудрая (Савитри) смущенно приникла к отцовским стопам и тотчас же поспешила в путь, чтобы выполнить волю отца. Окруженная древними старцами-советниками, поднялась она на золоченую колесницу и отправилась в прекрасные леса, где предавались подвижничеству мудрецы-цари. Почитая стопы достойных старцев, она странствовала, пересекая леса один за другим. Посещая священные тиртхи, царская дочь в каждой из них раздавала дары первым среди дваждырожденных.
*Такова в книге «Лесная» великой «Махабхараты» двести семьдесят седьмая глава.*

ГЛАВА 278

Маркандея сказал:
Однажды к царю, властителю мадров, явился Нарада. Сидели они в Собрании, занятые беседой, и в это время, о бха-рата, в отцовские покои вошла Савитри. Вместе с советниками она объехала все священные тиртхи, а также обители. Увидев отца сидящим рядом с Нарадой, красавица склонила голову к стопам обоих.

Нарада сказал:
Куда ходила твоя дочь и откуда она вернулась, о царь?
Почему ты не выдаешь юную деву замуж?

Ашвапати сказал:
За этим я и послал ее, а теперь она возвратилась. Послу
шаем же, о мудрец-бог, какого она избрала для себя мужа.

Маркандея сказал:
«Расскажи подробно», — попросил ее отец, и прекрасная (дева), для которой слова отца были что глас божий, стала рассказывать: «Был у шальвов благочестивый царь-кшатрий по имени Дьюматсена. Он ослеп, и соседний (правитель), давний его недруг, воспользовавшись несчастьем, отнял царство у ослепшего мудреца и его малолетнего сына. Вместе с супругой и сыном отправился (Дьюматсена) в лес. Укрывшись в глухой чаще, он принял великий обет и предался подвижничеству.

Сын его Сатьяван родился в городе, но вырос в лесу среди отшельников. Я выбрала его сердцем, он достоин быть моим мужем».
Нарада сказал: Увы, о царь! Великий грех совершила Савитри, по неведению избрав себе в мужья Сатьявана, хотя он отмечен многими добродетелями. Правдива речь его отца, только правду говорит его мать, поэтому брахманы нарекли его Сатьяваном («Правдивым»). В детстве он очень любил коней. Он лепил их лз глины и рисовал на картинках, поэтому его называют иначе Читрашва («Рисующий коней»).

Царь сказал:
А теперь (скажи), могуч ли пылом царский сын Сатьяван, радость отца? Мудр ли он, смиренен и отважен?

Нарада сказал:
Могуществом пыла он подобен самому Вивасвану, мудростью равен Брихаспати, отважен, как Великий Индра, и смиренен, как Земля.

Ашвапати сказал:
Щедр ли в дарах Сатьяван? Милостив ли к брахманам царский сын? Красив ли он, благороден, приятен ли обликом?

Нарада сказал:
Щедростью в меру сил он подобен сыну Санкрити Ранти-деве, милостив к брахманам и правдоречив, словно Шиби, сын Ушинары. Он благороден, как Яяти, и прекрасен собой, слов-во Месяц. Красотою могучий сын Дьюматсены превосходит обоих Ашвинов. Он сдержан, добр, отважен и честен. Он — властелин своих чувств, верен дружбе и независгливз, скромен ж терпелив. Словом, как говорят те, что состарились в подвижвиничестве и благочестии, он всегда честен и стойкость его незыблема.

Ашвапати сказал:
Ты говоришь о нем, о владыка, так, словно он наделен всеми (возможными) добродетелями. Скаже мне, нет ли у лего какого-нибудь порока?

Нарада сказал:
Порок у него единственный, других нет: мало осталось жить Сатьявану. Ровно через год, считая с сего дня, он умрет.

Царь сказал:
Ступай, Савитри! Выбери себе другого супруга, прекрасная! У (Сатьявана) только один недостаток, но он так велик, что сводит на нет все его добродетели. Как сказал мне великий Нарада, чтимый богами, краток его век: через год он умрет.

Савитри сказала:
Жребий бывает брошен только однажды. Единственный раз? девушку выдают замуж, и только единожды можно сказать: «Я выдаю тебя замуж». Все это бывает только по одному разу. Долго ему суждено прожить или краток его век, наделен он достоинствами или лишен их, я избрала его себе в супруги и другого искать не буду. Решение принимается разумом, затем выражается в словах, а потом претворяется на деле, Я внемлю голосу разума.

Нарада сказал:
Тверда разумом твоя дочь Савитри, о лучший из мужейЬ Ничто не может заставить ее отступить от своей дхармы. Нв в одном человеке нет таких добродетелей, как в Сатьяване, Поэтому я одобряю выбор твоей дочери.

Царь сказал:
Нельзя сомневаться в том, что ты сказал: ведь слова достойного — истина. Я так и сделаю, ибо (ты) — мой владыка-наставник.

Нарада сказал:
Да не встретится преград в сватовстве твоей дочери Савит
ри! Я удаляюсь. Благо вам всем!

Маркандея сказал:
С этими словами Нарада взмыл ввысь и отправился на третье небо. А царь начал приготовления к свадьбе своей дочери.
Такова в книге «Лесная» великой «Махабхараты» двести семьдесят восьмая глава.

ГЛАВА 279

Маркандея сказал:
Царь погрузился в свадебные хлопоты и собрал все необходимое для свадьбы своей дочери. Созвал он всех старцев-дваждырожденных, жрецов-заклинателей и родовых жрецов и в день благоприятного положения созвездий тронулся вместе с дочерью в путь. Царь и дваждырожденные добрались до священного леса, (разыскали) обитель Дьюматсены и, спешившись, приблизились к тому мудрецу-царю.

Славный участью царь, лишенный зрения, сидел под деревом шала на циновке из травы куша. Оказав по достоинству почести мудрецу-царю, царь (Ашвапати) смиренною речью возвестил о себе. Царь (Дьюматсена), знаток дхармы, предложил царю медо-выи напиток, сиденье и корову, а затем спросил у него: «С чем ты пожаловал?» И тот поведал о своем намерении и о том, какое у него дело к Сатьявану.

Ашвапати сказал:
О мудрец-царь, вот моя прекрасная дочь, зовут ее Савитри. В соответствии с твоей дхармой, о знаток дхармы, ты должен принять ее себе в невестки.

Дьюматсена сказал:
Изгнанные из царства, мы спасаемся жизнью в лесу, где свято блюдем свою дхарму в суровом подвижничестве. Как же твоя дочь будет жить в обители, незаслуженно претерпевая тяготы лесной жизни?!

Ашвапати сказал:
Дочь моя, так же как я, знает, что счастье и горе преходящи. К таким, как я, не стоит обращать подобные слова. Я явился к тебе с твердым решением, о царь, и питаю к тебе доверие и любовь, как к другу. Ты не должен лишать меня надежды. Не следует (мне) отказывать. Ты достоин породниться со мною, так же как я с тобой. Прими мою дочь: пусть юная дева будет супругою Сатьявану, а тебе — невесткой.

Дьюматсена сказал:
Давно я желал породниться с тобою, но у меня отнято царство, и потому я колебался. Так пусть же теперь исполнится это желание, которое я вынашиваю давным-давно! Ты — мой желанный гость.

Маркандея сказал:
После этого оба царя созвали всех живущих в обители дваждырожденных и совершили, как подобает, свадебный обряд. Ашвапати, выдав свою дочь замуж и одарив ее достойными одеждами, чрезвычайно довольный, отправился к себе домой. Сатьяван был счастлив, получив в жены деву, отмеченную всеми достоинствами, и она тоже (радовалась), обретя «упруга, который пришелся ей по душе. Когда отец удалился, она сняла с себя все украшения и, надев мочальное платье, облачилась в красно-коричневый наряд.

Благодаря своей услужливости и доброте, нежности, скромности и умению всем угодить (Савитри) нашла путь к сердцу каждого. Свекрови она помогала в уходе за телом, прежде всего одевала ее. Свекру же нравилось, что она немногословна и то, как она почитает богов. А своего супруга она покорила ласковой речью, искусностью, спокойным нравом и тем, как ублажала его наедине. Так, о бхарата, жили эти праведники в обители, предаваясь подвижничеству. Время шло, и Савитри, спала она или же бодрствовала, и днем и ночью терзалась мыслью о том, что сказал Нарада.
Такова в книге «Лесная» великой «Махабхараты» двести семьдесят девятая глава.

ГЛАВА 280
Маркандея сказал:

Прошло, о царь, много времени, и наступил срок, когда Сатьявану суждено было умереть. Савитри отсчитывала день за днем: сердце ее неотступно томили слова, сказанные Нара-дой. За четыре дня до назначенного срока прекрасная (Савитри) приняла обет: она решила стоять неподвижно в течение трех дней, и днем и ночью. Услышав, какому суровому испытанию хочет себя подвергнуть его невестка, царь опечалился и пришел уговаривать Савитри. Он сказал: «Непосильную тяжесть взвалила ты на свои плечи, о царская дочьК Невероятно трудно простоять трое суток подряд!»

Савитри сказала:
Не надо печалиться, мой отец! Я исполню этот обет, ибо» полна решимости, а решимость — залог (успеха).

Дьюматсена сказал:
Я никогда не смог бы тебе сказать: «Нарушь свой обет» «Соблюдай (его)», — только так должен говорить такой человек, как я.

Маркандея сказал:
Сказав так, многомудрый Дьюматсена оставил Савитри, а она застыла в неподвижности, словно превратилась в дерево^ Ночь накануне смерти мужа Савитри провела в глубокой тревоге, о бык среди бхаратов! И вот этот день настал. Едва взошло солнце, она совершила утренние обряды и принесла? жертвенные дары пылающему Пожирателю жертв.

Затем она приветствовала одного за другим всех старцев-дваждырожденных, своих свекра и свекровь и остановилась перед ними, сосредоточенная, смиренно сложив ладони. Все отшельники, живущие в лесу подвижничества, произнесли во имя Савитри» благие, верные заклинания, пожелав ей, чтобы она не осталась-вдовой.

«Да будет так», — откликнулась душою на слова подвижников погруженная в глубокие раздумья Саритри. В великой печали ожидала царская дочь того часа, той самой минуты, когда сбудется предсказание Нарады. Но вот свекор и свекровь ласково обратились к одиноко стоявшей царской дочери, о лучший из бхаратов!

Свекор и свекровь сказали:
Ты исполнила свой обет точно, как полагается. Настало время еды. Приготовь поскорее, (что нужно).

Савитри сказала:
Теперь, когда я сделала то, что хотела, я буду есть только после захода солнца. Так я решила в душе, и таково мое намерение.

Маркандея сказал:
Пока Савитри говорила о еде, Сатьяван положил на плечо-топор и отправился в лес, но Савитри остановила супруга: «Ты не должен идти один. Я пойду вместе с тобой. Не могу я оставить тебя».

Сатьяван сказал:
Но ты никогда не бывала в лесу. Путь туда труден, любимая! Как ты пойдешь пешком, ослабевшая после поста а обета?

Савитри сказала:
Я не ослабла после поста и совсем не устала. Мне очень хочется пойти (вместе с тобой). Ты не должен отказывать, мне.

Сатьяван сказал:
Раз ты решила пойти, я доставлю тебе удовольствие. Но только спроси разрешения у моих родителей, чтоб на меня ве пала вина.

Маркандея сказал:
Исполнившая великий обет (Савитри) пришла к свекру и свекрови и сказала: «Мой супруг собрался идти в лес за плодами. Я хочу, чтобы вы, почтенная, а также мой свекор разрешили и мне пойти, ибо я не могу разлучаться с ним. Ваш сын идет (в лес) для того, чтоб (раздобыть поленьев) для жертвенного огня и (плодов) для наставников, поэтому ему нельзя воспрепятствовать. Вот если бы он собирался в лес с иной целью, его можно было бы задержать. Уже почти год, как я не выходила за пределы обители. Мне очень интересно посмотреть на цветущий лес!»

Дьюматсена сказал:

С тех пор как Савитри была отдана ее отцом мне в невестки, я не припомню, чтобы она о чем-нибудь попросила. Поэтому пусть сбудется ее желание, раз ей этого хочется. Присматривай, дочь моя, в пути за Сатьяваном!

Маркандея сказал:
Простившись с ними обоими, славная (Савитри) вместе с супругом отправились в путь. Она улыбалась, но на сердце у нее было тревожно. Сатьяван нежно ей говорил: «Посмотри (вокруг)», и болыпеокая Савитри любовалась яркими красками приветливых рощ, оглашаемых криками павлинов, ясностью речных вод и цветением прекрасных деревьев.

Лишенная пороков женщина всякий раз пристально вглядывалась в своего супруга: она помнила слова мудреца и знала, что (Сатьявану) суждено вот-вот умереть. Плавно ступая, шла она следом за мужем, и сердце ее разрывалось в ожидании (горького) часа.
*Такова в книге «Лесная» великой «Махабхараты» двести восьмидесятая глава.*

ГЛАВА 281

Маркандея сказал:
Доблестный (Сатьяван) с помощью супруги собрал полный кувшин плодов, а затем принялся заготавливать поленья. Когда он начал рубить деревья, тело его покрылось испариной и от напряжения заболела голова. Изнемогая от усталости, он приблизился к своей любимой супруге и сказал: «От тяжелых усилий у меня разболелась голова.

Все тело мое, о Савитри, и сердце словно горят огнем. Мне кажется, я нездоров, о сдержанная в речи! Я чувствую, как мою голову будто колет иголками. Поэтому, о достойная, мне хотелось бы отдохнуть, я не в силах больше стоять».

Савитри подошла к своему супругу, обняла его, села на землю и положила его голову себе на колени. Помня о том, что говорил Нарада, подвижница поняла, что настало то самое время, тот час и миг. В ту же минуту перед глазами ее появился мощный видом, сияющий как солнце незнакомец, одетый в желтое, с диадемой на голове. (Пришелец), рот которого был черен, а глаза красны, наводил ужас своим видом, в руках он держал аркан.

Стоя около Сатьявана, он неотрывно смотрел на него. Когда (Савитри) неожиданно увидала его, она мягко опустила на землю голову своего супруга, поднялась, почтительно сложила ладони и с болью в сердце печально сказала: «Я знаю, ты — бог, ты непохож на человека. Соблаговоли мне открыться, о бог, кто ты такой и что собираешься делать».

Яма сказал:
Ты, о Савитри, верна своему супругу и прошла через покаяние, поэтому я отвечу тебе. Знай, о прекрасная, я — Яма. Недолго осталось жить твоему супругу, сыну царя Сатьявану. Я свяжу его и уведу — вот что я собираюсь делать.

Маркандея сказал:
Объяснив ей свое намерение, могучий Царь усопших милостиво решил рассказать (Савитри) все до конца о ее возлюбленном: «Прекрасный, благочестивый человек (Сатьяван), у него море достоинств. За таким я не могу посылать своих слуг, потому я и явился (за ним) сам». После этого Яма с усилием извлек из тела Сатьявана человечка величиной с большой палец и, опутав его арканом, завладел им. И тогда неподвижное, бездыханное тело (Сатьявана), у которого была отнята жизнь, утратило красоту и стало неприятным на вид. Яма связал его и отправился в южную сторону.

Славная Савитри, верная своему супругу, твердо соблюдающая установления и обеты, в горе последовала за Ямой.

Яма сказал:
Ступай, Савитри, возвращайся назад и соверши для него похоронный обряд. Ты больше ничем не связана со своим супругом. Ты прошла за мной столько, сколько можно было пройти.

Савитри сказала:
Ведут ли куда-нибудь моего супруга, или сам он идет по своей воле, я должна идти следом — такова извечная дхарг ма. Благодаря мощи моего подвижнического пыла, благодаря должному отношению к наставникам, любви к своему супругу и соблюдению обетов, а также благодаря твоей милости да не будет мне препятствий

на этом пути! Мудрецы, владеющие знанием истины, говорят, что достаточно пройти с человеком всего семь шагов, чтоб обрести в нем друга. В знак такой дружбы я расскажу тебе кое-что, слушай же.

Те, что не в силах смирить свою душу, не уходят на жительство в лес, дабы соблюдать там свою дхарму и предаваться трудам подвижничества, что провозглашают как дхарму премудрых. Поэтому праведники считают, что дхарма превыше всего. Если кто-то один верно блюдет дхарму, одобряемый достойными, все ступают на эту стезю. Ни второму, (жизни в лесу), ни третьему, (тяжкому труду подвижника), нельзя отдать предпочтения перед (верностью дхарме). Поэтому праведники считают, что дхарма превыше всего.

Яма сказал:
Возвращайся! Мне по душе твоя речь: в ней есть и нужный смысл, и ясность звучания. Выбирай себе дар. Я дам тебе все, о безупречная, кроме жизни для (Сатьявана).

Савитри сказала:
Мой свекор изгнан из своего царства, он лишен зрения и живет в лесной обители. Пусть благодаря твоей милости этот царь будет снова зрячим, пусть вернутся к нему силы и станет он подобным огню или солнцу.

Яма сказал:
Я исполню все, о чем ты просишь, о безупречная! Как ты сказала, так то и будет. Ты, я вижу, устала идти. Ступай, возвращайся! Да будет нетруден (твой путь)!

Савитри сказала:
Как могу я устать, если рядом со мной супруг? Удел моего супруга — это и мой удел. Куда ты его поведешь, туда же лежит и мой путь. Послушай меня еще, о владыка богов! Чрезвычайно полезно хотя бы однажды встретиться с праведником, а дружбу с ним почитают величайшим благом. Общение с достойным человеком не может быть бесполезным, поэтому следует окружать себя достойными людьми.

Яма сказал:
Речь твоя, обращенная ко мне, — средоточие блага, она радует душу и прибавляет мудрости мудрому. Выбирай, о прекрасная, второй дар, но и теперь — все, кроме жизни для

Сатьявана.
Савитри сказала:
Некогда мудрый мой свекор был лишен своего царства. Пусть царь вновь обретет его. И пусть он, мой наставник, не отступает от дхармы. Таков второй дар, который я прошу у тебя.

Яма сказал:
Вскоре царь получит назад свое царство, и он (никогда) не отступит от дхармы. Я исполнил твое желание, о царская дочь! Ступай, возвращайся! Да будет нетруден (твой путь)!

Савитри сказала:
Держишь ты в своей власти всех живущих кого наметишь, того и уведешь, ибо (из жизни уходят) не по собственной воле. Потому, о бог, и называют тебя Ямой. Послушай, что я скажу тебе. Извечная дхарма праведников — не причинять зла ни единому существу ни мыслью, ни словом, ни делом и, кроме того, быть милосердным и раздавать дары. Таков в основном этот мир: люди добры, насколько возможно, но лишь праведники милосердны даже к своим недругам, если те обращаются к ним.

Яма сказал:
Твои слова — как вода для томимого жаждой. Выбирай себе дар, о достойная, какой пожелаешь, но опять — кроме жизни для Сатьявана.

Савитри сказала:
У отца моего, властелина земли, нет детей, (кроме меня). Пусть будет у него сто сыновей, а у меня — сто родных братьев. Пусть продолжат они его род. Таков третий дар, который я прошу у тебя.

Яма сказал:
Да будет у отца твоего, о прекрасная, сто блистательных сыновей, продолжателей рода! Я исполнил твое желание, о дочь владыки людей! Возвращайся, ты прошла уже долгий путь!

Савитри сказала:
Такой (путь) для меня не долог, если рядом со мной супруг, и сердце мое стремится все дальше. Выслушай же, пока мы идем, что я еще скажу тебе. Ты — могучий сын Ви-васвана, потому среди мудрых зовешься

Вайвасватой. Смирение и верность дхарме украшают живущих в этом мире, владыка, благодаря тебе, Царю правосудия. Люди так не верят самим себе, как верят праведникам, поэтому каждый особо стремится к признанию благочестивых. Доброта порождает в живых существах то, что зовется доверием, поэтому особое доверие люди питают к праведникам.

Яма сказал:
Таких речей, о прекраснейшая из женщин, я не слышал ни от кого другого. Я доволен тобой. Выбирай же четвертый дар, кроме жизни для (Сатьявана), и возвращайся назад.

Савитри сказала:
Пусть будет у меня от Сатьявана сто родных сыновей, сильных и мужественных продолжателей и его, и моего рода. Таков четвертый дар, который я прошу у тебя.

Яма сказал:
Будет у тебя, женщина, сто могучих, отважных сыновей, и принесут они тебе радость. Возвращайся, о царская дочь! Да будет нетруден (твой путь)! Возвращайся, ты уже много
прошла.

Савитри сказала:
Праведники всегда, во всех случаях ведут себя в согласии с дхармой, праведники не предаются печали и не испытывают страданий. Общение праведников с праведниками не бывает бесплодным, праведники не испытывают страха перед праведниками. Праведники истиной заставляют двигаться солнце, подвижничеством праведников держится земля.

Праведники, о царь, — средоточие и прошлого, и будущего, праведник не погибнет среди праведников. Зная, каков извечный образ жизни достойных, праведники постоянно действуют в пользу другого, не ожидая за то воздаяния. Милосердие к праведникам не пропадает втуне, равно как и польза, и честь (милосердного). И так как это извечное правило праведников, то праведники сами являются его блюстителями.

Яма сказал:
(Твои слова) — в полном согласии с дхармой, значительны и радуют душу, заключен в них великий смысл, и, по мере того как ты говоришь, растет мое расположение к тебе. Выбирай, о верная обету, дар, не сравнимый ни с чем!

Савитри сказала:
О ты, что даруешь гордость! Ты не оговорил исключения из своего благодеяния, как в других дарах. Поэтому я выбираю такой дар: пусть будет жив Сатьяван! Я все равно что мертва без моего супруга. Без супруга не желаю я счастья, без супруга не желаю я неба. Без супруга не нужны мне богатства. К чему мне жизнь без супруга? Ты сам дал мне в дар сто сыновей, а забираешь мужа! Я выбираю такой дар: пусть будет жив Сатьяван! Только тогда станут правдой твои слова.

Маркандея сказал:
«Да будет так», — произнес Царь правосудия Яма, сын Вивасана. Он отпустил аркан и радостно обратился к Савитри: «Смотри, достойная женщина, гордость рода, я освободил твоего супруга. Он здоров, и ты можешь увести его. Удача будет сопутствовать ему. Вы проживете с ним четыреста лет, и, совершая жертвоприношения, верностью дхарме обретет он известность в мире.

Родится у тебя от Сатьявана сто сыновей; все эти цари-кшатрии вместе с их сыновьями и внуками прославятся навека, ибо будут носить твое имя. И отцу твоему мать Малави родит сто сыновей; малавы-кшатрии, твои братья, так же как их сыновья и внуки, будут подобны Тридцати (богам)». Могучий Царь правосудия даровал Савитри этот дар и повелел ей возвращаться, а сам удалился в свои чертоги. Вновь обретя супруга, Савитри дождалась ухода Ямы и пошла туда, где лежало тело Сатьявана. Она увидела его (лежащим) на земле, приблизилась к мужу, села рядом, обняла его и положила его голову себе на колени. Сатьяван пришел в себя и, словно вернувшись после отлучки, стал с любовью вглядываться в Савитри, говоря:

Сатьяван сказал:
Кад долго я спал! Почему ты не разбудила меня? И где этот черный человек, который тащил меня за собой?

Савитри сказала:
Долго ты спал у меня на коленях, о бык среди мужей! То был могучий бог Яма, гроза живущих, но он ушел. Ты отдохнул и выспался, о славный участью сын царя! Если можешь, вставай. Посмотри — уже ночь опустилась.

Маркандея сказал:
Очнувшись, Сатьяван поднялся, как будто после сладкого сна, и, увидев со всех сторон лес, сказал: «Перед тем как я вышел с тобою, о стройная, (из обители), я питался одними плодами. Когда я рубил деревья, у меня разболелась голова. Мучимый головной болью, я был не в силах стоять и заснул у тебя на коленях. Я помню все это, прекрасная! Потом ты меня обняла, и сон завладел мною. Затем я увидел во мрачной тьме величественную фигуру. Скажи мне, о стройная, если знаешь: это было на самом деле или привиделось мне во сне?» Ответила ему Савитри:

«Уже наступила ночь. Завтра я расскажу тебе все, что случилось, о сын царя! Вставай же,, вставай! Благо тебе! Вспомни о родителях, о верный обету! Солнце уже зашло, наступила ночь. Осмелев, рыщут (ракшасы), «те, что бродят в ночи», издавая страшные крики; слышней шелест листьев: то звери ходят в лесу. Шакалы диким воем оглашают южную и западную сторону, вселяя трепет в мою душу».

Сатьяван сказал:
Страшен лес, погруженный в непроглядную тьму. Ты несможешь найти дороги и не выйдешь отсюда.

Савитри сказала:
В этом сгоревшем лесу одно сухое дерево горит до сих пор. Ветер раздувает огонь, поэтому он виден отовсюду. Я принесу огня и подожгу те поленья, которые тут есть. Оставь, свою тревогу! А может, ты не в силах идти? Я вижу, тебе неможется, ты не найдешь дороги в окутанном мраком лесу. Если хочешь, мы тронемся в путь завтра утром, когда в лесу рассветет, а эту ночь, если ты согласишься, о безупречный, давай проведем здесь.

Сатьяван сказал:
Голова у меня теперь не болит, я чувствую, что вполне-оправился. Мне хочется вернуться к отцу с матерью, и (я могу это сделать) благодаря тебе. Никогда до сих пор я не был за пределами обители в такое позднее время. Бывало, еще не наступили сумерки, а мать уже удерживает меня. Даже если я днем ухожу (в лес), мои родители тревожатся и отец вместе-
с живущими в обители разыскивает меня, а потом и отец, и мать в глубокой тревоге говорят мне с упреком: «Слишком долго ты ходишь!» Я беспокоюсь: как-то они сейчас? Они будут сильно горевать, если не увидят меня. Часто по вечерам мои старые родители, движимые горячей любовью ко мне, в великой печали говорили мне со слезами:

«Без тебя, наш сынок, мы не сможем прожить и минуты! Пока ты жив, о наш сын, живы и мы. Ты — опора слепых старцев, на тебе держится род. Это тебе суждено приносить для нас поминальные жертвы, умножать нашу славу и быть продолжателем нашего рода».

Мать стара, и отец тоже стар, только я — их надежда. Что с ними будет, если они не увидят меня этой ночью? Я упрекаю себя за то, что проспал: из-за этого теперь терзаются тревогой обо мне мой отец и безвинная мать. И я испытываю муки, попав в такую страшную беду; ведь и я не смогу жить без матери и отца! Конечно же, в это самое время мой отец, чьи глаза — его разум, с тревогою в сердце вопрошает каждого из живущих в обители, (не видел ли кто меня). Печалюсь я не о себе, прекрасная, а о своем отце и беззащитной матери, посвятившей всю жизнь своему супругу. Ведь это из-за меня они жестоко страдают сейчас! Я живу для того, чтобы жили они, я должен о них заботиться и доставлять им радость. В этом смысл моей жизни.

Маркандея сказал:
С этими словами благочестивый (юноша), любящий и почитающий своих родителей, воздел в отчаянии руки и зарыдал в голос. А добродетельная Савитри, видя, что супруга терзает горе, проговорила, отирая слезы с его глаз: «Если истинно то, что я предавалась подвижничеству, приносила жертвы и одаривала (брахманов), пусть благополучно пройдет эта ночь для моих свекра, свекрови и моего супруга! Я не припомню случая, чтобы я когда-нибудь, даже в шутку, говорила неправду. Если истинно это — да останутся живы сегодня родители моего мужа!»

Сатьяван сказал:
Я хочу увидеться с отцом и матерью. Пойдем, о Савитри, поскорее! Если я увижу, что с отцом или с матерью случилось несчастье, я не переживу этого, о наделенная прекрасными бедрами, клянусь истиной! И если твой разум (направлен) па дхарму, если ты хочешь, чтоб я остался жив, ты должна исполнить мое желание: вернемся скорее в обитель!

Маркандея сказал:

Прекрасная Савитри поднялась, подвязала волосы и, обхватив руками супруга, помогла ему встать. Поднявшись, Сатьяван огляделся вокруг, потирая руками (онемевшие) члены, и взгляд его упал на кувшин. Савитри сказала ему: «Завтра ты заберешь эти плоды, а твой топор я возьму для сохранности». Повесив кувшин на дерево, она взяла топор и вернулась к супругу. Положив руку мужа себе на левое плечо, прекраснобедрая обняла его правой (рукой) и, плавно ступая» тронулась в путь.

Сатьяван сказал:
Я часто хожу сюда, робкая, и поэтому мне знакома здесь каждая тропинка. Я вижу их в лунном свете, пробивающемся сквозь деревья. Мы вышли на ту дорогу, по которой пришли сюда, собирая плоды. Пойдем, о прекрасная, и не тревожься: это (правильный) путь. В леске из деревьев палаша тропинка расходится на две. Пойдем по той, которая севернее, и давай поторопимся. Я чувствую себя совсем здоровым, силы вернулись ко мне, и я хочу видеть моих родителей.

Маркандея сказал:
С этими словами он поспешил по направлению к обители.
*Такова в книге «Лесная» великой «Махабхараты» двести восемьдесят первая глава.*

ГЛАВА 282
Маркандея сказал:
В то самое время к Дьюматсене вернулось зрение, и он радостным взором осматривал все в огромном лесу. Но, обойдя со своей супругою Шайбьей все обители в поисках сына, он пришел в совершеннейшее отчаяние, о бык среди мужей! Супруги обошли много мест, осматривая обители, леса, берега рек и озер. Заслышав какой-нибудь звук, они поднимали головы и ждали, не сын ли это, а потом, (говоря): «Это же Савитри с Сатьяваном!» — спешили навстречу. Они метались словно безумные. Их ноги были стерты в кровь, исцарапаны и изранены, а тело покрыто порезами от травы куша и занозами.

Собрались все брахманы, которые жили в обителях. Они окружили (старцев) и, пытаясь их успокоить, повели назад в ту обитель. Там (царя) и его супругу обступили старейшие из отшельников и стали рассказывать им в утешение разные истории о прежних царях. Престарелые (родители Сатьявана) немного успокоились, а потом, тоскуя о сыне, с глубокой грустью принялись вспоминать случаи из его детства. И тут ими снова овладело отчаяние, они стали жалобно причитать и плакать: «О наш сын! О добрая наша невестка! Где же ты?! Где она?!»

Суварчас сказал:
Как (верно) то, что Савитри, его супруга, отличается
мощью подвижнического пыла, смирением и добрым нравом, так (верно) и то, что жив Сатьяван!

Гаутама сказал:
Изучены мною Веды вместе с (Вед)ангами, я прошел суровое покаяние, еще в юности я принял обет воздержания, я ублаготворял наставников и Агни. Тщательно исполнял я все «беты, соблюдая пост, во время которого моею единственной пищей был воздух, делал то, что полезно здоровью. Благодаря силе моего подвижнического духа мне известно все, что должно совершиться. Знай — это истина: жив Сатьяван!

Ученик (Гаутамы) сказал:
Слова, которые исходят из уст моего наставника, не могут быть лживыми! Поэтому истинно — жив Сатьяван!
Святые мудрецы сказали:
Как истинно то, что супруга его Савитри имеет все добрые признаки, говорящие — не бывать ей вдовою, так же истинно то, что жив Сатьяван!

Бхарадваджа сказал:
Как истинно то, что супруга его Савитри отмечена величием подвижнического пыла, смирением и добрым нравом; так же истинно то, что жив Сатьяван!

Далбхья сказал:
Как истинно то, что зрение вновь вернулось к тебе, а Савитри (исполнила) свой обет и ушла, не приняв пищи, так же истинно то, что жив Сатьяван!

Мандавья сказал:
Как истинно то, что звери и птицы кричат в этом тихом краю, (как истинно то), что ты царь по рождению, так же истинно то, что жив Сатьяван!

Дхаумья сказал:

Как истинно то, что сын твой, всеобщий любимец, обладая всеми достоинствами, отмечен признаками долголетия, так же истинно то, что жив Сатьяван!

Маркандея сказал:
Так подвижники своими правдивыми речами стремились успокоить (царя), и тот, внимая их словам, как будто бы воспрянул духом. А спустя немного времени еще ночью появились Савитри и ее супруг Сатьяван и радостные вошли в обитель.

Брахманы сказали:
Теперь мы видим тебя зрячим, и сын твой вернулся. Прими от всех нас пожелания блага, о владыка земли! Ты встретился с сыном, увиделся с Савитри и обрел зрение — судьба наделила тебя сразу тремя (благами). Как мы сказали, все -точно так и случилось. Вскоре тебя ожидает еще большее счастье!

Маркандея сказал:
Затем все дваждырожденные зажгли огни и сели, о Партха, подле владыки земли Дьюматсены. Шайбья, Сатьяван и Савитри стояли в стороне, потом все пригласили их, и они, - забыв (о недавних) тревогах, подошли (к собравшимся). Тогда все сидящие рядом с царем жители лесов принялись с интересом расспрашивать царского сына, о Партха: «Отчего-не вернулся ты раньше вместе с супругою, о могучий? Отчего ты пришел на исходе ночи? Что помешало тебе? Мать и отец, да и мы начали беспокоиться, о царский сын! Мы не знаем, в. чем дело. Ты должеа нам все объяснить».

Сатьяван сказал:
С позволения отца я отправился вместе с Савитри (в лес)» В лесу, когда я рубил поленья, у меня разболелась голова. Из-за этого недомогания я, кажется, долго проспал. Столько я никогда не спал прежде. Чтобы все вы не беспокоились, я решил прийти хотя бы на исходе ночи. Другой причины здесь нет.

Гаутама сказал:
К твоему отцу Дьюматсене внезапно вернулось зрение» Ты не знаешь причины этого, это должна объяснить Савитри» Я желаю выслушать тебя, о Савитри! Тебе известно и прошлое, и будущее. Я знаю, о Савитри, что величием ты подобна (богине) Савитри. Тебе известен смысл (происшедшего), поэтому пусть прозвучит истина. Если тут нет какой-нибудь твоей тайны, то расскажи нам об этом.

Савитри сказала:
Так оно и есть, как ты полагаешь, и ваше желание не может быть иным. Нет у меня никакой тайны от вас, услышьте же правду о том, что случилось. Великий духом Нарада предсказал смерть моему супругу, и сегодня настал этот день. Поэтому я не могла оставить его одного.

Когда он заснул, за ним явился сам Яма вместе со слугами. Он связал его и повлек за собою в тот край, где пребывают усопшие. Восславила я могучего бога истинной речью, и дал он мне на выбор-пять даров, услышьте — каких. Два дара для моего свекра — чтобы он вновь прозрел и (обрел) свое царство. Отцу моему — сто сыновей, и сто сыновей — мне самой.

Супругу же моему Сатьявану даровано жить четыреста лет. Во имя жизни супруга я приняла тот долгий, суровый обет. Я поведала вам подробно истинную причину того, как великое горе обернулось для меня счастьем.

Мудрецы сказали:
Ты, о достойная праведница, рождена в славном роду и прославилась верностью дхарме. Ты вырвала из мрачной бездны царский род, погибавший под градом несчастий.

Маркандея сказал:
Восславив лучшую из женщин и принеся ей почести, собиравшиеся святые мудрецы простились с Индрой людей и его сыном и тотчас же с миром, довольные разошлись по своим»
обителям.
*Такова в книге «Лесная» великой «Махабхараты» двести восемьдесят вторая глава.*

ГЛАВА 283
Маркандея сказал:
Ночь прошла, показался солнечный диск, и подвижники, совершив утренние обряды, вновь собрались все вместе. Великие святые мудрецы не могли успокоиться: они снова и снова принимались рассказывать Дьюматсене о высоком благородстве Савитри. Затем, о царь, явились от шальвов царские советники и

рассказали, что царь их убит своим же министром. Они поведали, как все случилось: «Когда разнесся слух, что царь, его родственники и приближенные убиты одним из советников, войско тирана бежало.

Теперь весь народ говорит одно: «Слепой или зрячий, пусть (Дьюматсена) будет нашим царем!». С этим наказом нас и послали сюда, о царь! Прибыли колесницы и твое войско четырех родов. Собирайся в путь, о царь! Благо тебе! В городе звучат здравицы в твою честь. Владей же долгие годы тем царством, которое перешло к тебе отцов и дедов!».

Тут они увидели, что царь прозрел и мощь возвратилась к нему. Глаза их расширились от удивления, и они пали ниц. Тогда (Дьюматсена) воздал почести старцам-дваждырожденным, живущим в обители, они в ответ ТОЖР почтили его, и он отправился в город. Шайбью вместе с Савитри несли в украшенном сверкающим покрывалом паланкине, окруженном воинами. Затем жрецы торжественно посвятили Дьюматсену на царство, а его достославного сына провозгласили наследником престола.

Прошло много времени, и у Савитри родилось сто сыновей-героев, которым было суждено умножить славу ее рода, никогда не отступая (в бою). И у Малави от царя мадров Ашвапати родилось сто могучих (сыновей), родных братьев (Савитри). Вот каким образом Савитри спасла от беды всех: и себя, и отца, и мать, и свекра со свекровью, и весь род своего мужа. Так и достойная Драупади, отмеченная высокой добродетелью, спасет вас всех, словно Савитри, женщина славного рода.

Вайшампаяна сказал:
Так напутствовал Пандаву великий душою (подвижник), и зажил тот в Камьяке безбедно и беспечально, о царь!
Такова в книге «Лесная» великой «Махабхараты» двести восемьдесят третья глава.

КОНЕЦ «СКАЗАНИЯ О ПОХИЩЕНИИ ДРАУПАДИ»

# СКАЗАНИЕ О ТОМ, КАК (ИНДРА) ОТНЯЛ СЕРЬГИ (У КАРНЫ)

ГЛАВА 284
Джанамеджая сказал:
Однажды, о великий брахман, к Юдхиштхире явился (мудрец) Ломаша и передал сыну Панду слова Индры: «Тебя терзает страх, хотя ты никому не признаешься в этом. Я избавлю тебя от него, едва вернется назад Савьясачин». Почему, о мудрейший из мудрых, добродетельный (царь) испытывал столь сильный страх перед Карной, что даже ни с кем им не делился?

Вайшампаяна сказал:
Если ты спрашиваешь меня, о тигр среди царей, я расскажу тебе эту историю. Слушай внимательно мою речь, о лучший из бхаратов! Когда миновал двенадцатый и пошел тринадцатый год (изгнания), Шакра, радеющий о благе Пандавов, задумал попросить у Карны дар. Узнав о намерении Великого Индры получить (от Карны) его серьги, Сурья, чье богатство в сиянии, отправился, о могучий царь, к Карне. Была ночь. Тот правдоречивый герой, преданный брахманам, лежал, о бхарата, наслаждаясь покоем, на своем прекрасном ложе, застланном богатым ковром. Он дремал, и во сне, о Индра царей, ему явился лучезарный (Сурья), которого привело к сыну великое сострадание и отцовская любовь. Превратившись с помощью чуда в прекрасного брахмана — знатока Вед, Сурья ласково обратился к Карне с добрым советом: «О Карна, первый среди поборников истины, выслушай меня, сын мой!

Я говорю это из расположения к тебе, о наделенный мощными руками, во имя высшего блага. К тебе-под видом брахмана явится Шакра. Он действует в интересах Пандавов и потому попытается выпросить у тебя твои серьги, о Карна! Ему, как и каждому в мире, известен твой нрав: если праведник просит у тебя дар, ты даешь его, а сам ничего не просишь взамен. Ведь ты, о сын мой, даришь брахманам все, что они пожелают, — и драгоценности, и все остальное. Говорят, что ты никогда никому не отказываешь. Зная за тобой эту черту, Губитель Паки сам придет просить у тебя твои серьги и панцирь. Он будет тебя упрашивать, но ты не давай ему серьги и упорно предлагай вместо них что-нибудь другое.

В этом высшее для тебя благо. Едва Сокрушитель твердынь, желая получить твои серьги, заговорит с тобою об этом, ты, о сын мой, под любым предлогом снова и снова давай ему на выбор какой угодно другой дар: драгоценные камни, яства, женщин, разные сокровища — и всякий раз ссылайся на подобные случаи. Если, о Карна, ты отдашь ему свои дивные серьги, с которыми ты родился, — кончена твоя жизнь! Смерть будет витать над твоей головой. Пока ты владеешь серьгами и панцирем, о дарующий гордость, в бою ты неуязвим для врагов. Запомни мои слова! Оба эти (предмета) в числе (прочих) сокровищ вышли из амриты. Поэтому береги их, о Карна, если жизнь дорога тебе!».

Карна сказал:
Кто ты, что так говоришь со мною, выказывая мне свое высочайшее расположение? Соблаговоли же открыться: кто ты, облачившийся в одеяние брахмана?

Брахман сказал:
Я — Тысячелучистый, о сын мой! Только из добрых чувств я даю тебе этот совет. Делай так, как я говорю: в этом высшее для тебя благо.

Карна сказал:
Сегодня мне выпало воистину небывалое счастье: желая мне блага, ко мне обратил свою речь великий Владыка лучей! Но выслушай, что я скажу. Это будет приятно тебе, щедрому на дары. Мои слова вызваны любовью к тебе, и, если я тебе дорог, не заставляй меня нарушать мой обет. Он известен во всем мире, о Лучащийся блеском! Я готов отдать достойнейшим из дваждырожденных все, вплоть до собственной жизни. Если Шакра, надев одеяние брахмана, придет ко мне с просьбой во имя Пандавов, о лучший из странствующих по небуг я отдам ему, о высочайший из премудрых, и свои серьги, и дивный панцирь. Да не погибнет слава моя, разнесшаяся в трех мирах!

Такому, как я, не подобает спасать свою жизнь ценою бесчестья. Лучше достойная смерть, которую люди оценят. Поэтому я отдам Индре серьги и панцирь, если Губитель Балы и Вритры придет ко мне с просьбой подарить их ему во имя блага сыновей Панду. Это прославит меня в мире, а о нем пойдет дурная молва. Доброе имя мне дороже всего на свете, (дороже) самой жизни, о Лучезарный! Тот, о ком идет добрая слава, достигает небес, а утративший честное имя приходит к погибели. Ведь добрая слава в этом мире лелеет человека, как мать, а бесславие хоронит его заживо. Вот древняя шлока о том, что в доброй славе — жизнь человека. Пропел ее сам Творец, о Лучезарный, владыка мира: «В мире ином главное для человека — его честное имя, а в этой жизни добрая слава удлиняет век (живущего)».

Так вот, если я отдам ему (серьги), с которыми я родился, я обрету вечную славу, воздав, по обычаю, должным об-разол1 брахманам. Принесу ли я себя в жертву во время битвы4, совершив ратный подвиг, или, наоборот, одолею в бою недругов, все равно я достигну славы и смогу защитить робких, просящих пощады на поле брани, а также избавлю от великого страха стариков, детей и дваждырожденных. Я добьюсь величайшей славы в мире, о Губитель Сварбхану! Я сберегу свою честь, пусть даже ценою жизни, — вот мой обет. Когда, о бог, я поднесу переодетому брахманом Магха-вану тот несравненный дар, я ступлю на высочайшую в мире стезю.
*Такова в книге «Лесная» великой «Махабхараты» двести восемьдесят четвертая глава.*

ГЛАВА 285

Сурья сказал:
Не делай, о Карна, того, что будет во вред и тебе самому,
и твоим друзьям, сыновьям и женам, а также матери и отцу! Люди, о лучший из живущих, стремятся обрести доброе имя и прочную славу на третьем небе, не рискуя при этом своею жизнью, а ты решил добиться вечной славы ценою своей гибели. Нет сомнения, слава тоже уйдет, если ты жизни своей лишишься. В этом мире, о бык среди мужей, лишь для живых имеют значение мать, отец, сыновья и другие их близкие, равно как и отвага для царей. Подумай об этом! Слава (является) благом лишь для живого, великий блеском!

Какая польза от славы мертвому, чье тело обратилось во прах? Мертвый не ведает славы — славою упивается только живой. Слава мертвому человеку — это гирлянда хладному трупу. Я говорю это, желая тебе добра. Ты почитаешь меня, а я должен оберегать тех, кто мне предан, и вот почему. (Я подумал): «Это мой почитатель, им (движет) великая преданность мне», и если, о мощнорукий, ты действительно предан мне, сделай так, как я говорю. Во всем этом есть некий высший смысл, предопределенный богами. Поэтому не колеблясь последуй тому, что я говорю.

Нельзя тебе знать тайну небес, о бык среди мужей, потому я ее не раскрою тебе. В свое время ты все узнаешь. Я повторяю тебе, о сын Радхи, то, что сказал прежде. Внемли же! Не следует отдавать серьги просителю С ваджрой в руке. Со своими прекрасными серьгами, о великий блеском, ты сверкаешь, как ясный месяц в небе меж двух Вишакх 6. Слава приносит благо только живому. Помни об этом! Ты должен, о сын мой, отказать Сокрушителю твердынь, (когда он придет) за серьгами. С помощью многочисленных разумных доводов, о безупречный, ты сможешь погасить во Владыке богов желание (иметь) эти серьги. Отвлеки, о Карна, Сокрушителя твердынь разными (другими) достойными предложениями, приправленными лестью. Ты, о тигр среди мужей, издавна соперничаешь с Савьясачином, и герой Савьясачин непременно встретится с тобой на поле брани. Но пока при тебе твои серьги, Арджуна не сможет одолеть тебя в бою, даже если сам Индра будет

его стрелой. Вот почему, о Карна, ты не должен отдавать Шакре свои сверкающие серьги, если хочешь победить в сражении Арджуну.
Такова в книге «Лесная» великой «Махабхараты» двести восемьдесят пятая глава.

ГЛАВА 286
Карна сказал:
Ты знаешь, о пламенный Владыка лучей, что я почитаю тебя как ни одного другого бога. Ни к моей жене, ни к сыновьям, ни к самому себе, ни к друзьям я никогда не испытывал такой любви, как к тебе, о Властитель лучей! Тебе известно, Светило, что великие духом всегда питают глубокое чувство к почитателям, милым их сердцу. (Ты подумал): «Дорог мне Карна, и он почитает меня.

Ему неведом иной бог на небесах» — и потому открыл мне, в чем мое благо. Но я опять прошу тебя с поклоном, вновь и вновь уповая на твое милосердие. Я говорю, о Пылающий, все о том же, и ты должен простить меня. Я не так страшусь гибели, как обмана. Если дело касается праведников-дваждырожденных, я любому из них готов не колеблясь отдать все, вплоть до собственной жизни. Теперь о том, что ты, о бог, сказал мне про Пхальгуну, сына Панду. Пусть покинет душу твою тревога, рожденная беспокойством за меня из-за Арджуны: я одолею его в сражении! Тебе, о бог, тоже известна великая мощь моего оружия, полученного от сына Джамадагни и славного Дроны. Помни, о первый среди богов, мой обет: если Владетель ваджры обратится ко мне с просьбой, я отдам ему все, даже жизнь.

Сурья сказал:
О сын мой могучий! Если ты все же решил отдать Владетелю ваджры свои дивные серьги, то во имя победы (над Арджу-ной) ты должен сказать Совершителю ста жертвоприношений, что вручишь ему эти серьги лишь при одном условии. Пока ты владеешь серьгами, тебя не может убить никто из живущих. Поэтому, сын мой, Губитель данавов, желая твоей гибели в бою с Арджуной, и хочет захватить твои серьги. А ты, непрестанно ублажая Владыку богов праведными речами, попроси у того Разрушителя (вражеских) городов (копье) Амогха. (Скажи ему): «Дай мне, Тысячеокий, твое копье Амогха, разящее недругов, и тогда я отдам тебе серьги вместе с прекрасным панцирем». Только при этом условии ты можешь отдать Шакре свои серьги. Этим (копьем), о Карна, ты уничтожишь в бою своих недругов, ибо копье Владыки богов возвращается обратно в (пославшую его) руку, разя сотни п тысячи врагов, о мощнорукий!

Вайшампаяна сказал:
С этими словами Тысячелучистый внезапно скрылся. Сотворив (утреннюю) молитву, Карна поведал свой сон Сурье. Вриша рассказал ему по порядку о том, что случилось, что он видел и о чем оба они говорили той ночью. Выслушал Кар-ну сверкающий Сурья, небесный владыка, Сокрушитель Сварб-хану, и с улыбкой ответил ему: «Так то и было». Тогда сын Радхи, гроза отважнейших среди недругов, понял, что все это было на самом деле, и стал ожидать Васаву, мечтая только о копье.
Такова в книге «Лесная» великой «Махабхараты» двести восемьдесят шестая глава.

ГЛАВА 287
Джанамеджая сказал:
Что это за тайна, о которой Жарколучистый не сказал Карне? Что за серьги и панцирь (были у Карны) ? Откуда у него эти доспехи и серьги, о достойнейший? Расскажи мне, подвижник, я хочу услышать об этом.

Вайшампаяна сказал:
Я поведаю тебе, о царь, тайну Того, чье богатство в сиянии, и (расскажу), что это за серьги и панцирь. Однажды, о царь, явился к (царю) Кунтибходже необычайно могучий брахман9. Он был очень высок, бородат, волосы носил так, как носят отшельники, а в руках у него был посох. Красивый, безупречно сложенный, с золотистой, как мед, (кожей), он, казалось, излучал силу. Речь его была плавной, украшали его мощь подвижничества и знание Вед. Великий подвижник сказал царю Кунтибходже: «Я хочу получать подаяние в твоем доме, о не ведающий гордыни!

Ни ты, ни твои близкие не должны делать того, что мне неприятно. Я остановлюсь у тебя в доме, если это тебе по душе, о безупречный! Когда захочу, я уйду, когда захочу — вернусь, но пусть никто, о царь, не осквернит моего ложа и места, где я сижу!» Кунтибходжа ответил ему с радостью: «Да будет так». — «И более того, — добавил он, — славная дочь моя по имени Притха отличается, о могучий брахман, праведностью и благочестием; она добра, смиренна, почтительна и станет ревностно и благоговейно ухаживать за тобой. Ты будешь доволен и нравом ее, и поведением».

Сказав это брахману, (Кунтибходжа) воздал ему почести, как положено, а потом отправился к своей дочери, болыпе-окой Притхе, и сказал ей такие слова: «Дочь моя, некий достойный брахман желает поселиться в

моем доме. «Да будет так», — сказал я ему. На тебя, дочь моя, я возлагаю заботу об этом брахмане. Ты должна сделать так, чтобы слова мои не оказались ложью. Чего бы ни попросил достойный, могучий подвнжнпк-дваждырожденный, познавший Веды, ты должна ему предоставить это с великой готовностью. Ведь брахманы — это грозная сила, брахманы — высочайшее подвижничество. С благословения брахманов блистает солнце на небесах. Великий асура Ватапи, а также Таладжангха были убиты жезлом Брахмы за то, что отнеслись с пренебрежением к тем, кто достоин почестей.

Великое бремя ложится теперь на тебя, дочь моя! Неустанно смиряй свои чувства и ублажай этого брахмана! Я знаю, дочь, что ты с детства почтительна к каждому брахману, так же как к родственникам, наставникам, слугам, всем друзьям, к матери и ко мне. К каждому ты относишься с уважением и воздаешь по заслугам. Ты ведешь себя столь достойно, что ни в городе, ни в самом дворце, даже среди прислуги, нет человека, который был бы тобой недоволен, о безупречно сложенная! Но я полагаю, что должен тебе указать на гневливость того дваждырожденного, ибо совсем девочкой, Притха, ты стала для меня что (родная) дочь.

Желанное дитя Шуры, ты родилась в роду Врипгни. Давным-давно тебя еще маленькой отдал мне с любовью сам твой отец. Сестра Васудевы, ты (стала) лучшей из моих детей. Ты — моя дочь (по воле своего отца): он обещал (отдать мне) своего первенца. Вот из какого славного рода ты происходишь и выросла тоже в достойной семье и. Ты пришла к счастью от счастья, как переплывают из озера в озеро. Женщины самого низкого происхождения, хотя их особенно трудно держать в узде, все-таки в большинстве своем меняются (к лучшему), если их еще в детстве (оторвать от своей семьи), о прекрасная!

Но ты, о Притха, рождена в царском роду, и красота твоя удивительна; ты сполна обладаешь, прекрасная, обоими этими достоинствами. Поэтому, отринув гордыню, заносчивость и самомнение, ублажай премудрого подателя даров — и ты достигнешь блаженства, прекрасная Притха! Так, о достойная, безупречная дева, ты, без сомнения, обретешь благо, но, если лучший из дваждырожденных будет тобой недоволен, в пламени его гнева погибнет мой род».
*Такова в книге «Лесная» великой «Махабхараты» двести восемьдесят седьмая глава.*

ГЛАВА 288

Кунти сказала:
Преданно и почтительно я буду служить тому брахману, как ты ему обещал, о царь — Индра царей! Правду я говорю тебе. Таков мой характер: я должна почитать дваждырожден-ных, а сделать тебе приятное для меня — высшее благо. Придет ли владыка на закате дня или же явится на рассвете, пусть это будет поздно вечером или даже среди ночи, я не прогневлю его. В этом мое благо, о Индра царей! Следуя твоему повелению, я буду делать добро, почитая дваждырожденных, о лучший среди мужей!

Верь мне, Индра царей: достойнейший из дваждырожденных, живя в твоем доме, не будег испытывать неудобств. Истинно я говорю тебе. Я буду стараться, о царь, делать то, что приятно дваждырожденному и полезно тебе, о безупречный! Пусть тревога покинет твою душу! Ведь если почитать великих долей брахманов, то оиг о владыка земли, даруют спасение, а если нет, способны и: погубить. Я знаю об этом и буду стараться снискать милость-первого среди дваждырожденных.

Тебе, о царь, не придется из-за меня испытать гнев достойнейшего из дваждырожденных. Если царь провинится перед (брахманом), о Индра царей, то брахман может стать источником зла для него, как случилось когда-то с Чьяваной из-за Суканьи. С величайшим смирением я буду ухаживать за тем брахманом, лучшим, из дваждырожденных, как ты сказал мне, о Индра людей!

Царь сказал:
О достойная, именно так ты и должна поступать без колебаний. Это принесет благо не только мне, дочь моя, но к тебе и всему нашему роду!

Вайшампаяна сказал:
И, сказав это Притхе, многославный Кунтибходжа, любящий отец, привел деву к дваждырожденному: «Вот, о брахман, моя юная дочь. Она выросла, не зная забот, поэтому не взыщи, если в чем-нибудь ошибется. Великие участью дваждырожденные обычно не гневаются на стариков, детей и подвижников, даже если те постоянно им досаждают. При самом тяжком грехе можно надеяться на прощение дваждырожденных.

Следует принимать почести, которые тебе оказывают номере сил и от всего сердца, о достойнейший из дваждырожденных!» — «Да будет так», — ответил брахман, и тогда царь с радостью в сердце показал ему (белые), словно (крыло) лебедя или лунный свет, его покои. Там, где постоянно поддерживается семейный огонь, для него было сооружено сверкающее ложе, приготовлена еда и все необходимое. И царская дочь,

отринув гордыню и праздность, всецело сосредоточилась на том, чтобы угождать брахману. Притха, воплощенная чистота, вошла (в те покои) и приготовилась как Должно ублаготворять достойного почестей брахмана,
*Такова в книге «Летая» великой «Махабхараты» двести восемьдесят восьмая глава.*

ГЛАВА 289
Вайшампаяна сказал:
И дева верно блюла свей обет, о великий царь! От чистого сердца она старалась порадовать стойкого в обете брахмана. Иной раз лучший из дваждырожденных говорил: «Приду на рассвете», а сам возвращалсь вечером или ночью, о Индра царей, но дева в любое время почтительно предлагала ему все лучшие и лучшие яства, питье и постель. День ото дня забота ее о еде для него, о ложе и месте, где он сидел, не ослабевала, а, напротив, росла.

Если брахман упрекал ее (за какой-нибудь промах) или выговаривал ей недовольным тоном, Притха, о царь, и тогда не делала ничего такого, что было бы ему неприятно. Сколько раз дваждырожденный приходил с опозданием, а то и вовсе не возвращался. (Иногда) он требовал подать ему какое-либо редкостное яство, на что Притха смиренно, как ученица, дочь или сестра, отвечала ему: «Все готово». Дева ловила каждое желание лучшего из дваждырожденных, о Индра царей, и всячески старалась, безупречная, доставить ему удовольствие.

И достойнейший из дваждырожденных оценил ее добрый нрав и поведение, а она, (поощряемая) его вниманием, принялась еще больше усердствовать. Утром и вечером, о бхара-та, отец у нее спрашивал: «Доволен ли брахман твоими заботами, дочь моя?» И славная (Притха) ему отвечала: «Чрезвычайно (доволен)!» — чем доставляла мудрому Кунтибходже огромную радость. Прошел год, и за все это время лучший из тех, что творят молитвы, не смог упрекнуть Притху ни в едином проступке и проникся расположением к (девушке). Тот брахман, довольный, сказал ей: «Ты покорила меня своею заботой, о прекрасная добрая дева! Выбирай, о достойная, любые дары, каких не имел никто из людей в этом мире! Благодаря этому ты превзойдешь славою всех женщин!».

Кунти сказала:
Все у меня есть, о лучший из знатоков Вед, если ты и отец мною довольны. Тем самым, о брахман, я как бы уже лолучила дары.

Брахман сказал:
Если ты, о достойная дева со светлой улыбкой, не желаешь принять от меня какой-нибудь дар, то запомни тогда заклинание, которым можно призвать любого из небожителей. К какому бы богу ни обратила ты это заклинание, он покорно предстанет перед тобой, о достойная! По доброй воле или против желания премудрый смиренно придет к тебе как слуга, покорный велению, — такова власть заклинания.

Вайшампаяна сказал:
Во второй раз, о царь, безупречная (праведница) не смогла отказать лучшему из дваждырожденных, испугавшись его проклятия. И тогда, о царь, дваждырожденный научил прекрасную (Притху) нескольким заклинаниям, известным из Атхарвавираса. Пожаловав это, он сказал Кунтибходже, о Индра царей: «Счастливо жил я, о царь, в твоем доме, окруженный заботами твоей дочери. Она во всем угождала мне и преданно почитала меня. Теперь я должен уйти». С этими словами он скрылся, а царь, увидев, что дваждырожденный исчез на глазах, пришел в изумление и воздал почести Притхе.
*Такова в книге «Лесная» великой «Махабхараты» двести восемьдесят девятая глава.*

ГЛАВА 290

Вайшампаяна сказал:
Прошло какое-то время после ухода лучшего из дважды-рожденных, и девушка задумалась о силе тех заклинаний: «Какие заклинания поведал мне великий душою (брахман)? Проверю-ка я их власть не откладывая». Только она об этом подумала, как вдруг заметила приход месячных. Невинная дева устыдилась своей нечистоты. В тот миг она увидела поднимающегося в сиянии Владыку тысячи лучей и не могла отвести глаз, любуясь красотою рассветного солнца. Случилось чудо с ее глазами: она увидела дивного обликом, одетого в доспехи бога, украшенного серьгами.

Ей страстно захотелось (произнести) то заклинание, о владыка людей, и прекрасная дева решила призвать к себе этого бога. Совершив омовение, она воззвала к Творцу дня, и Творец дня, о царь, тотчас же поспешил (к девушке). Он явился — медово-золотистый, с могучими руками и шеей, подобной раковине; на предплечьях его (красовались) браслеты, (на голове) — диадема. Улыбаясь, он залил своим сиянием все стороны света.

Силой йоги разделившись на две половины, одной он предстал (перед Притхой), а другая тем временем сияла (на небесах). Он обратился к Кунти с просительной ласковой речью: «Вызванный заклинанием, я явился к твоим услугам, достойная! Что мне сделать, о царская дочь, прикажи! Я с готовностью сделаю это для тебя».

Кунти сказала:
Ступай, о владыка, туда, откуда явился. Я позвала тебя просто из любопытства. Прости меня, о властелин!

Сурья сказал:
Я уйду, если ты мне велишь, о стройная, но не годится, призвав бога, ни с чем отсылать его назад. Ты желаешь, прекрасная, чтоб у тебя от Сурьи был сын, наделенный панцирем и серьгами, и чтоб на земле не было равных ему по силе. Так будь же моею, о ступающая (величественно), будто слониха! Тогда у тебя, о женщина, родится такой сын, о каком ты мечтаешь. Но если я уйду, не познав тебя, о достойная дева с прекрасной улыбкой, в гневе я прокляну и тебя, и твоего отца, и этого брахмана. Из-за тебя я без жалости превращу их в пепел!

Я сурово накажу твоего неразумного отца, который не ведает о твоем грехе, и вместе с ним брахмана, который научил тебя заклинанию, не зная (как следует) ни твоего нрава, ни поведения. Все премудрые во главе с Сокрушителем твердынь видят с небес, как я обманут тобою, красавица, и потешаются надо мной. Видишь сонмы богов? Ведь это я одарил тебя божественной силой зрения, потому ты меня и увидела.

Вайшампаяна сказал:
Царская дочь увидала на небесах Тридцать (богов), каждого на своем месте. (Она видела) их так же (ясно), как великого сверкающего Адитью, прекрасного в исходящем от него сиянии. Посмотрев на них, юная царевна стыдливо и робко сказала Сурье: «Ступай, о Владыка лучей, обратно в свои чертоги. Твое намерение греховно, ибо я девственна. Только мать, отец, а кроме них — наставник вправе распоряжаться моим телом. Я не нарушу дхармы, которую положено соблюдать женщинам в этом мире: целомудрие достойно почтения. Я призвала тебя, о Лучезарный, чтобы изведать власть заклинания. Девушка из ребячества (может сделать такое). Ты должен простить меня, о могучий!».

Сурья сказал:
Я знаю, ты еще молода, и я должен быть мягок с тобой. Другая не получила бы снисхождения. Отдайся мне, о дочь (царя) Кунти (бходжи), и тогда ты познаешь покой, о робкая! Не подобает мне уходить, не достигнув цели. Если я отступлю, о безупречно сложенная, люди станут смеяться надо мной, а все небожители будут порицать меня, о красавица! Поэтому вступи со мной в брачный союз — и ты обретешь сына, похожего на меня. Ты, о прекрасная, станешь превыше всех в каждом из миров!
*Такова в книге «Лесная» великой «Махабхараты» двести девяностая глава.*

ГЛАВА 291
Вайшампаяна сказал:
Мудрая дева произнесла в ответ много добрых слов, но не смогла переубедить Тысячелучистого. Не в силах больше сопротивляться Гонителю мрака, о царь, она погрузилась в раздумья в страхе перед его проклятием: «Как бы Лучащийся блеском, разгневавшись на меня, не проклял ни в чем не повинного моего отца и того брахмана! Благочестивый человек, даже если он молод, не должен в ослеплении слишком сильно испытывать, пусть скрытые, пламень и мощь подвижнического духа.

Боюсь, теперь я совсем в его руках. Но как я могу сделать то, чего не следует делать: самой отдать себя в жены?» Долго она размышляла, страшась проклятия (бога). Телом ее овладело смятение, хотя она продолжала улыбаться. Боясь своих родственников и испытывая страх перед проклятием (Сурьи), смущенно и взволнованно она обратилась к тому богу, о владыка народов, величайший из царей! Кунти сказала:

У меня, о бог, есть отец и мать и другие родственники, и, пока они живы, я не могу нарушить обычай. Если, о бог, я вступлю с тобой в связь, попирая закон, из-за меня погибнет добрая слава нашего рода. Но если, о лучшее из светил, ты считаешь, что дхарма именно в этом, я исполню твое желание и без ведома родственников. Но пусть я останусь невинной, отдавшись тебе, о неотразимый! Ведь ты — это дхарма, слава, доброе имя и сама жизнь людей!

Сурья сказал:
Ни твой отец, ни мать, ни наставники не властны над тобой, с светло улыбающаяся! Благо тебе, о прекраснобедрая! Выслушай эти мои слова. Оттого, что (дева) ко всем вожделеет, она называется «канья» — от корня «кан», о прекрасная! Поэтому (дева) свободна в этом мире, о прекраснейшая из женщин с дивными бедрами! Ты не совершишь никакого греха, о красавица! И разве я, движимый любовью к людям, могу сотворить зло? Ни женщины, ни мужчины ничем не связаны, о прекраснейшая из женщин! Такова природа

лю-дой, иное считается порочным. Соединись же со мной, п ты останешься девственной, и родится у тебя многославный и мощ-норукий сын.

Кунти сказала:
Если родится у меня сын от тебя, о Гонитель мрака, пусть он будет наделен серьгами и панцирем и пусть будет отважен, велик силою и мощнорук.
Сурья сказал: Будет он мощнорук, будет украшен серьгами и облачен в небесные доспехи. И то и другое вышло из амриты, о достойная!

Кунти сказала:
Если на сыне моем, которого ты породишь, будут серьги и дивный панцирь, что вышли из амриты, пусть исполнится твоя воля, великий бог, я отдамся тебе, и пусть (мой сын) будет, как ты, прекрасен собою, добродетелен, смел и могуч.

Сурья сказал:
Эти серьги подарила мне Адити, о прелестная дочь царя! Я отдам их ему, о робкая, вместе с чудесным панцирем.

Притха сказала:
Прекрасно, о бог-владыка! Я готова соединиться с тобою, если сын мой будет таким, как ты говоришь, о Властитель лучей!

Вайшампаяна сказал:
«Да будет так», — изрек Шествующий по небу. С душой, погруженной в йогу, Враг Сварбхану приник к Кунти и коснулся ее пупка. Мощь Сурьи ошеломила деву, разум ее помутился, царская дочь упала на ложе.

Сурья сказал:
Я все исполню, о прекраснобедрая! Ты родишь сына, первого среди воинов, а сама останешься девой.

Вайшампаяна сказал:
«Пусть это сбудется», — смущенно сказала женщина вслед уходящему Сурье, излучающему сияние, о Индра царей! С этими словами дочь царя Кунти (бходжи), стыдясь своей просьбы, обращенной к Вивасвану, словно подрубленная лоза, упала в забытьи на девственное ложе. Бог Солнца, Жарколучистый, смутив ее своей мощью, силой йоги проник в (ее чрево) и оставался там, не лишив ее девственности. Вскоре она снова пришла в себя.
*Такова в книге «Лесная» великой «Махабхараты» двести девяносто первая глава.*

ГЛАВА 292
Вайшампаяна сказал:
И зачала Притха дитя, о владыка земли, (которое росло) подобно Властителю звезд на небосклоне после десятого дня светлой половины месяца. Из страха перед родными прекраснобедрая дева скрывала свое положение, перенося его так, что люди ни о чем не догадывались. Она затаилась в покоях, отведенных для женщин, и так искусно хранила (свою тайну) , что никто, кроме кормилицы, не понял, (в чем дело). В положенный срок прекраснейшая из женщин, оставшись девою благодаря милости бога, родила мальчика, похожего на бессмертного.

Он был облачен в доспехи, (в ушах его) сверкали золотые серьги, глаза у него были львиные, а плечи — как у быка. Словом, (сын Сурьи был) вылитый отец. Едва произведя младенца на свет, прекрасная (Кунти) по совету кормилицы поместила его в просторную и удобную корзину, мягко выстланную покрывалами и политую снаружи воском, и, обливаясь слезами, опустила (эту корзину) в (воды реки) Ашванади.

И хотя она знала, о Индра царей, что деве не подобает иметь ребенка, она жестоко страдала, успев полюбить своего сына. Послушай, что говорила Кунти, с плачем опуская корзину в воды Ашванади: «Да будут добры к тебе, мой сынок, все существа, обитающие в воде, на земле, в воздухе и поднебесье! Да будут легки пути твои и пусть ничто не мешает тебе! Пусть встречные не замышляют против тебя зла, мой сынок! Да хранит тебя в воде царь Варуна, владыка вод, а в воздухе — всюду витающий Ветер, страж поднебесья! Да хранит тебя всякий час лучшее из светил — Пылающий, твой отец, который даровал мне тебя, мой сынок, удивительным образом!

Адитьи, васу и рудры, садхьи и боги вишвы, маруты вместе с Индрой и стороны света с владыками их — пусть все боги хранят тебя там, где легко и где тяжко! И в чужой стороне я узнаю тебя по твоим доспехам.

Счастлив отец твой, сынок, сверкающий бог Солнца: божественным оком он будет следить за тобой, плывущим по этой реке.

Счастлива женщина, что примет тебя в сыновья! Ты будешь жадно сосать ее грудь, о сын мой, рожденный от бога! Какой сон привиделся той, что получит тебя в сыновья? Ты сверкаешь, как солнце, на тебе — дивный панцирь, и украшают тебя чудесные серьги. Глаза у тебя огромные и продолговатые, как лепестки лотоса, ладони отливают медью его (тычинок). Прекрасный твой лоб обрамляют крутые локоны. Счастливы те, что увидят, сынок, как ты ползаешь по земле весь в пыли и лепечешь первые невнятные слова. Счастливы те, кому доведется увидеть тебя, мой сынок, в пору твоей юности, когда ты станешь похожим "на гривастого льва, рожденного в лесах Химавана».

Долго и горестно плакала Притха, опустив ту корзину в
воды (реки) Ашванади. Терзаемая печалью, до полуночи проливала слезы лотосоокая Притха вместе с кормилицей, горько тоскуя о сыне. Корзину унес (поток), а (Кунти), боясь, что отец может хватиться ее, вернулась в покои царя, объятая горем. Корзина из Ашванади попала в реку Чарманвати, из Чарманвати в Ямуну, а потом приплыла в Гангу. Волны Ганги принесли корзину с младенцем в город Чампа, в ту его часть, где жили суты. (Корзина) уберегла того младенца с чудесным панцирем и серьгами, что вышли из амриты, с его провидением назначенной (необыкновенной) судьбой.
*Такова в книге «Лесная» великой «Махабхараты» двести девяносто вторая глава.*

ГЛАВА 293

Вайшампаяна сказал:
В то самое время сута по имени Адхиратха, друг Дхритараштры, пришел со своею супругой на берег Джахнави. Супруге его, которую звали Радха, по красоте не было на земле равных, о царь, но достойная женщина была лишена детей, несмотря на то что приложила все старания, чтоб обрести потомство. И вот она увидела вольно плывущую корзину с красивыми ручками и амулетами, хранящими от опасностей. Быстрые волны Джахнави прибили (корзину) к берегу. Поддавшись любопытству, женщина задержала ее и показала суте Адхиратхе.

Тот поднял корзину, вытащил ее из воды, с помощью инструментов вскрыл и увидел внутри мальчика, напоминавшего утреннее солнце. Он был облачен в золотые доспехи, его сияющий лик украшали прекрасные серьги. Сута и его жена широко раскрыли глаза от изумления. Взяв малыша к себе на колени, (Адхиратха) сказал супруге: «Чуда такого, о робкая, я не видывал отроду. Мне кажется, о прекрасная, что найденный нами ребенок — божественного происхождения. Наверно, это боги послали мне, бездетному, сына». С этими словами, о владыка земли, он передал сына Радхе, и Радха, как подобает, приняла в сыновья дивного обликом, прекрасного, словно чашечка лотоса, мальчика — (истинное) дитя небес во всей его красе.

Холила его (Радха), как только могла, и рос он героем, а потом у нее появились и собственные родные сыновья. Увидев, что на мальчике — богатые доспели и золотые серьги, дваждырожденные нарекли его Васушеной. Так беспредельно отважный великий (сын Притхи) попал в сыновья к суте, и стали его называть Васушеной или же Вришей. Притха узнала от соглядатая, что ее доблестный (сын), облаченный в чудесный панцирь, растет среди ангов старшим сыном суты. Время шло, и сута Адхиратха, увидев, что сын вырос, отправил его в Город слона.

Смелый (юноша), чтобы овладеть искусством стрельбы из лука, стал учеником Дроны и там подружился с Дурьодханой. От Дроны, Крипы и Рамы он получил четыре вида оружия и стал известен в мире как прекрасный стрелок из лука. Сблизившись с сыном Дхрита-раштры, он проникся неприязнью к Партхам, и его заветной мечтой стало вызвать на бой могучего Пхальгуну. С тех пор как Карна и Арджуна впервые увидели друг друга, они навеки стали врагами, о владыка народов! Когда Юдхиштхира узнал о серьгах и панцире (Карны), он понял, что тот неуязвим в бою, и сильно обеспокоился.

Обычно в полдень, о Индра царей, когда Карна, стоя в воде, со сложенными ладонями славил сверкающего Творца дня, к нему являлись за дарами брахманы, и не было ничего такого, чего бы он не отдал дваждырожденным в тот час. И вот Индра обернулся брахманом, пришел к (Карне) и попросил его: «Одари меня».— «Добро пожаловать», — ответил ему сын Радхи.
*Такова в книге «Лесная» великой «Махабхараты» двести девяносто третья глава.*

ГЛАВА 294
Вайшампаяна сказал:

Увидев Царя богов, явившегося под видом брахмана, Вриша, сын Адхиратхи, сказал: «Добро пожаловать»— и, не зная еще его намерений, спросил у премудрого: «Что тебе подарить: женщин с золотыми ожерельями или деревни с тучными стадами?»

Брахман сказал:
Мне не нужно ни женщин с золотыми ожерельями, ни другого, что доставляет удовольствие. Одари этим тех, кто в этом нуждается. А для меня, о безупречный, срежь свои серьги и панцирь, в котором ты родился, если ты верен обету. Я хочу, чтобы ты немедленно отдал их мне, о губитель врагов! Это явится для меня величайшим из всех приобретений.

Карна сказал:
Я дам тебе, о брахман, землю, женщин, коров и жертвенной пищи на много лет, но только не серьги и панцирь!

Вайшампаяна сказал:
Долго уговаривал Карна дваждырожденного, о лучший из бхаратов, но тот не принял иного подношения. По мере сил ублажал (герой) лучшего из дваждырожденных и оказывал ему почести согласно обычаю, но (брахман) не желал ничего другого. Достойнейший из дваждырожденных отвергал всякий иной дар, и тогда сын Радхи вновь обратился к нему с улыбкой: «Панцирь мой, в котором я родился, о премудрый, и эти серьги вышли из амриты, поэтому я неуязвим для людей. Я не могу их лишиться. Прими от меня с миром огромное, благоденствующее, не имеющее врагов земное царство, о бык среди брахманов! Если же я откажусь от серег и доспехов, с которыми родился, я буду доступен врагам, о лучший из дваждырожденных!»

Вайшампаяна сказал:
И снова не принял иного дара могучий Губитель Паки, а Карна сказал ему, улыбаясь: «Я узнал тебя, о могучий бог — Владыка богов! Бессмысленно и несправедливо, о Шакра, мне давать тебе дар: это ты, о Властитель богов, должен сам меня одарить, ибо ты — Владыка живущих и Творец существующего. Если, о бог, я отдам тебе серьги и панцирь, то стану уязвим, а ты, о Шакра, подвергнешься осмеянию. Поэтому, Шакра, возьми мои серьги и этот чудесный панцирь, если желаешь, но исполни взамен мое желание, иначе я не отдам их тебе.

Шакра сказал:
Бог солнца знал, что я должен явиться к тебе, и он, без сомнения, предупредил тебя обо всем. Да будет так, как ты хочешь, о Карна! Выбирай, что пожелаешь, кроме моей ваджры, о сын мой!

Вайшампаяна сказал:
Тогда обрадованный Карна приблизился к Васаве и, понимая, что желание его исполнено, попросил ему даровать копье Амогха.

Карна сказал:
«Отдай мне, о Васава, взамен панциря и серег твое копье Амогха, в бою разящее врагов полчищами». Васава с минуту подумал, о владыка земли, и ответил Карне: «Отдай мне, о Карна, серьги и панцирь, который сросся с твоим телом, и прими от меня копье, но при одном условии. Посланное моею рукой, оно губит врагов сотнями и снова возвращается ко мне, как во время сражения с дайтьями. Попав же к тебе, оно уничтожит лишь одного твоего недруга, могучего и грозного, чей клич подобен грому, а потом, о Сын суты, оно возвратится ко мне».

Карна сказал:
Мне и нужно покарать в суровом бою лишь одного моего грозного недруга, чей клич подобен грому, — он вселяет в меня ужас!

Индра сказал:
Ты уничтожишь в бою одного из своих грозных противников, чей клич подобен грому, но тот, кого ты замышляешь (убить), храним тем великим душою, которого знатоки Вед называют Хари, Непобедимым, Вепрем, Непостижимым или Нараяной. Сам Кришна охраняет его!

Карна сказал:
Пусть это так, о владыка, но у меня будет Амогха, самое лучшее из копий, и я одолею им одного героя. Я расправлюсь с грозным (противником). А серьги и панцирь я срежу и передам тебе, но пусть меня не обезобразят раны на теле.

Индра сказал:

Ничто не испортит твой облик, о Карна! Не будет ран на твоем теле. Ведь ты из тех, кто не ищет окольных путей. Ты будешь, как прежде, похож на своего отца, о Карна, лучший из собеседников, унаследовав его блеск и цвет кожи. Но если, имея другое оружие, ты без особой нужды неосмотрительно воспользуешься Амогхой, это (копье) поразит тебя самого, нет сомнения!

Карна сказал:
Только в минуту величайшей опасности я прибегну (к копью) Васавы, как ты велишь мне, о Шакра! Правду я говорю тебе.

Вайшампаяна сказал:
После этого (Карна), о владыка народов, принял (от Индры) сверкающее копье, потом взял острый меч и стал срезать (панцирь) со своего тела. Боги, люди, сиддхи и дана-вы — все, кто видел, как Карна сам наносит себе раны, закричали (от ужаса), но он не чувствовал боли. Тут зазвучали с небес барабаны, и в тот же миг на Карну, героя среди мужей, с улыбкой срезавшего мечом (доспехи) со своего тела, обрушился сверху дивный цветочный дождь.

Отделив от тела чудесный панцирь, он еще влажным передал его Васаве, а потом срезал и отдал ему свои серьги. За это деяние Карну (прозвали) Вайкартаной. Так Шакра перехитрил Карну и в то же время наделил его в мире славою. Улыбнувшись, (Индра) подумал, что теперь успех Пандавов предрешен, и возвратился к себе на небо. А сыновья Дхритараштры, услышав, что Карна лишился (доспехов), опечалились, словно гордость их была сломлена. Партхи, которые жили в лесу, возликовали, узнав, что произошло с Сыном суты.

Джанамеджая сказал:
Где находились в то время герои-Пандавы и как узнали они эту приятную новость? Что они стали делать, когда истек двенадцатый год (их скитаний?) Расскажи мне все это, владыка!

Вайшампаяна сказал:
Обратив в бегство владыку Синдху и отвоевав (свою супругу) Кришну, выслушав вместе с брахманами подробные (повествования) Маркандеи о жизни древних мудрецов-богов, герои среди мужей, перенеся все тяготы жизни в лесу, вместе со своими спутниками, поварами и наблюдателями за царской кухней переместились на колесницах из обители в Камьяке в благодатную Двайтавану.
*Такова в книге «Лесная» великой «Махабхараты» двести девяносто четвертая глава.*

КОНЕЦ «СКАЗАНИЯ О ТОМ, КАК (ИНДРА) ОТНЯЛ СЕРЬГИ (У КАРНЫ)»

# СКАЗАНИЕ О ДОЩЕЧКАХ ДЛЯ ДОБЫВАНИЯ ОГНЯ

ГЛАВА 295
Джанамеджая сказал:
Что сталось с Пандавами, когда они после тяжких невзгод соединились с похищенной Кришной?

Вайшампаяна сказал:
Испытав величайшее горе, когда (чужеземец) похитил Кришну, могучий царь Юдхиштхира покинул Камьяку и вместе с братьями вернулся в благословенную обитель Маркандеи, что (расположена) в прекрасном (лесу) Двайтаване, изобилующем вкусными плодами и кореньями. Пандавы вместе с Кришной, о бхарата, жили, скрываясь (от всех); питались они скудно, только плодами. Пребывая в Двайтаване, сын Кунти, царь Юдхиштхира, а также Бхимасена. Арджуна и оба сына Мадри, стойкие и добродетельные, верные своим обетам (братья) Пандавы, из-за (некоего) брахмана попали в страшную беду, которая, однако, обернулась удачей для (тех) губителей недругов.

Однажды (Юдхиштхира) Аджаташатру сидел в лесу со своими братьями. Вдруг прибежал встревоженный брахман и сказал: «Две мои дощечки для добывания огня, скрепленные вместе, были подвешены к дереву. (Об это дерево) терся олень и зацепил их своими рогами. Потом, о царь, этот быстрый, огромный олень в несколько прыжков с ними вместе стремглав умчался прочь из обители. Выследите могучего зверя, о Пандавы, догоните его поскорее и верните мне (эти дощечки), чтобы не сорвалось принесение жертвы огню». Выслушав брахмана, огорченный Юдхиштхира, сын Кунти, взял свой лук и бросился вместе с братьями (вслед за оленем).

Пандавы, стрелки из лука, быки среди мужей, во всеоружии ринулись исполнить просьбу брахмана, стараясь поскорей настичь оленя. Великие воины на колесницах видели зверя совсем близко, но не могли поразить его ни стрелами, ни дротиками, ни копьями. Пока они пытались (его догнать), могучий зверь скрылся из виду.

Потеряв его след, мудрые Пандавы опечалились. Усталые, томимые жаждой и голодом, они укрылись в прохладной тени баньяна, (росшего) в этом глухом лесу. Когда они сели, расстроенный Накула, о достойнейший из рода Куру, с отчаянием сказал своему старшему брату: «Никогда в нашем роду не нарушали дхармы, никогда по нерадивости не упускали достояния и никогда не остав» ляли без ответа чью-либо (просьбу). Так за что же, о царь, такая напасть на нас?»
*Такова в книге «Лесная» великой «Махабхараты» двести девяносто пятая глава.*

ГЛАВА 296

Юдхиштхира сказал:
Нет предела несчастьям, (неизвестен) исход их, и (неясны) причины. Лишь дхарма разграничивает добро и зло.

Бхима сказал:
Нас преследуют беды потому, что я не убил на месте того, кто исполнил приказ привести в Собрание Кришну, будто служанку.

Арджуна сказал:
Нас преследуют беды потому, что я стерпел грубо ранящие до глубины души слова Сына суты, несмотря на их крайнюю дерзость.

Сахадева сказал:
Нас преследуют беды потому, что я в тот же миг не расправился с Шакуни, когда он обыграл тебя в кости, о бхарата!

Вайшампаяна сказал:
Затем царь Юдхиштхира обратился к Накуле: «Полезай на дерево, о сын Мадри, и осмотри окрестности. Погляди, нет ли поблизости воды или таких деревьев, которые говорят о ее близости. Братья твои устали, их мучит жажда». — «Хорошо», — сказал Накула, быстро забрался на дерево и, осмотревшись вокруг, сказал старшему брату: «Я вижу, о царь, большие деревья, которые растут там, где вода, и (слышу) курлыканье журавлей. Это верные (признаки) близкой воды». (Услышав это), сын Кунти, Юдхиштхира, верный истине, повелел: «Ступай же, родной, принеси побыстрее воды».— «Ладно», — ответил Накула и, повинуясь приказу старшего-брата, пошел за водой.

Вскоре он был на месте и увидал светлое озеро, окруженное журавлями. Только хотел он напиться, как услышал с небес голос: «Не поступай опрометчиво, сын мой! Это мои владения. Ответь на мои вопросы, сын Мадри, и тогда пей (эту воду) и забирай с собой». Не послушался Накула его предостережения. Терзаемый жаждой, испил он прохладной воды и тут же упал замертво.

Долго не возвращался Накула, и сын Кунти, Юдхиштхира, обратился к своему брату Сахадеве, отважному губителью недругов: «Твой старший брат, о Сахадева, слишком долго не возвращается. Сходи же за ним и принеси воды». — «Хорошо», — согласился Сахадева. Он направился в ту же сторону и нашел своего брата Накулу мертвым на земле. Опечаленный (гибелью) брата, не в силах унять жажду, кинулся он к воде, но голос ему сказал: «Не поступай опрометчиво, сын мой! Это мои владения. Ответишь на мои вопросы, если желаешь, тогда пей (эту воду) и забирай с собой». Не послушался Сахадева его совета. Терзаемый жаждой, приник он к прохладной воде, напился и рухнул замертво.

Тогда сын Кунти, Юдхиштхира, обратился к (Арджуне) Победителю: «Где-то пропали оба твои брата, о Бибхатсу, губитель недругов! Приведи же их и принеси воды. Благо тебе!» После таких слов мудрый Гудакеша взял лук со стрелами и, обнажив меч, направился к тому озеру, куда ушли за водой два его брата, тигры среди мужей. (Арджуна) Белоконный дашел своих братьев мертвыми. Оба они, казалось, заснули. Сын Кунти, лев среди мужей, глубоко опечалился.

Он поднял свой лук и огляделся. В том глухом лесу он не увидел ни единого существа, и тогда Савьясачин, усталый, быстро направился к воде. Едва он ускорил шаги, послышался голос с небес: «Зачем ты спешишь к воде? Ты не можешь взять ее - силой. Если ты, о сын Кунти, ответишь на те вопросы, которые я задам тебе, ты напьешься этой воды и даже возьмешь с собой, о бхарата!» Партха остановился и сказал: «Ты покажись сначала, а тогда, если ты преградишь мне путь, я убью тебя стрелами, чтобы больше ты так не смел говорить!» С этими словами Партха осыпал все вокруг своими стрелами, освященными (прикосновением к его небесному) оружию, проявив при этом умение попадать в цель по звуку. Он метал стрелы, копья и дротики; стрелы его обрушивались лавиной в поднебесье, о бык-бхарата!

Якша сказал:
К чему тебе, Партха, биться (со мной)? Ответь на мои 30 вопросы и пей себе сколько хочешь. Но если ты не дождешься вопросов и раньше напьешься (воды), то в живых не останешься.

Вайшампаяна сказал:
Но (Арджуна) в ответ послал (на голос) меткие стрелы. Жажда томила его, и, не узнав, что за вопросы (хотел задать ему якша), он напился (воды) и упал (бездыханный на землю). И тогда сын Кунти, Юдхиштхира, сказал Бхимасене: «Накула, Сахадева и непобедимый Бибхатсу давно ушли за водою, о бхарата, но они до сих пор не возвращаются. Сходи за ними и принеси воды. Благо тебе!» — «Хорошо», — согласился Бхимасена и отправился туда, где нашли свою смерть его братья, тигры среди мужей.

Увидев их (мертвыми), опечалился мощнорукий Бхима, он подумал, что это сделал какой-нибудь якша или же ракшаса. Его мучила жажда, и он решил: «Я должен немедленно сразиться (с недругом), вот только попью воды». И сын Притхи, Врикодара, бык среди мужей, поспешил к воде, чтоб утолить жажду.

Якша сказал:
Не поступай опрометчиво, сын мой! Это мои владения. Ответь на мои вопросы, о сын Кунти, и тогда пей (эту воду) и забирай с собой.

Вайшампаяна сказал:
Так обратился к Бхиме беспредельно могучий якша, но тот не спросил, что это за вопросы, напился (воды) и тоже упал замертво. Тогда царь (Юдхиштхира), мощнорукий сын Кунти, бык среди мужей, поразмыслив, сам тронулся в путь; сердце его пылало тревогой. Многославный (Юдхиштхира) углубился в огромный лес, откуда не доносилось ни единого человеческого голоса, где жили только олени и дикие кабаны и среди прекрасных деревьев с темной, блестящей листвой жужжали пчелы и (распевали) птицы.

Идя по лесу, великий (царь) увидел озеро, словно созданное Вишвакарманом; его украшала золотистая сетка, а вокруг стояли (деревья) кетака, каравира и пиппала. Заросли лотоса, тростника и цветы синдхувара покрывали (водную гладь). Измученный усталостью, приблизился (Юдхиштхира) к озеру, и глазам его открылось необычайное зрелище.
*Такова в книге «Лесная» великой «Махабхараты» двести девяносто шестая глава.*

ГЛАВА 297
Вайшампаяна сказал:
Он увидел своих братьев мертвыми, и каждый из них был величествен словно Шакра. Они казались Хранителями мира, низринутыми (с небес) с наступлением конца юг. Посмотрел он на мертвого Арджуну, рядом с которым лежали разбросанные стрелы и лук, (глянул) на Бхимасену и обоих близнецов, неподвижных и бездыханных, жарко, протяжно вздохнул и, обливаясь горькими слезами, стал думать: «Кто погубил этих героев? Нет на них ран от оружия, и вокруг — никаких следов. Как же могуч должен быть тот, кто убил моих братьев! Надо подумать как следует. Выпью-ка я воды и попытаюсь понять, (в чем тут дело). Видно, в угоду Дурьодхане, извечно низкому помыслами, это подстроил исподтишка царь Гандхары. Какой герой поверит злокозненному нечестивцу, для которого нет разницы между добром и злом?! А может, это происки наемников злодея?».

Много разных мыслей приходило на ум мощнорукому (царю). «Ведь не отравлена же ядом вода (в этом пруде). Цвет лица у моих братьев вполне здоровый, — размышлял (Юдхиштхира). — Кто, кроме Ямы-Калантаки, сможет одолеть в единоборстве каждого из этих могучих, достойных мужей?» С этой мыслью он окунулся в воду, а окунувшись, услышал голос с небес.

Якша сказал:
Я — журавль, выискиваю в тине рыбешек. Это я погубил твоих младших братьев, и ты будешь пятым, о царский сын, если не ответишь на мои вопросы. Не поступай опрометчиво, сын мой! Это мои владения. Ответь на мои вопросы, сын Кунти, и тогда пей (эту воду) или забирай с собой!

Юдхиштхира сказал:
(Сначала) я у тебя спрошу: что ты за бог? (Кто ты) —владыка рудров, васу или же марутов? Такое не могла совершить птица. От чьей пламенной мощи обрушились четыре горы — Химаван, Париятра, Виндхья и Малая? Дело рук твоих непомерно жестоко, о сильнейший из сильных! Ни богам, ни гандхарвам, ни асурам, ни ракшасам было бы не под силу в грозном бою (совершить) то великое чудо, которое ты совершил. Я не знаю, что сделать (мне для тебя), не знаю, чего ты желаешь. Великое любопытство и страх охватили меня, сердце мое трепещет, и голова словно в огне. Поэтому я спрашиваю тебя, о властелин: кто ты, что здесь находишься?

Якша сказал:
Благо тебе! Я — якша, а не птица, живущая у воды. Это я погубил всех твоих братьев, мощь которых огромна!

Вайшампаяна сказал:
Услышав, о царь, эти страшные, жестокие слова якши, (Юдхиштхира), двинувшийся было на голос, замер на месте. Бык среди бхаратов, он увидал перед собой великана-якшу с удивительными глазами7. Мощный, высокий, как пальма8, сверкающий, словно солнце или огонь, он возвышался на берегу величественно и неколебимо, будто гора, и голосом, глубоким, словно раскаты грома, вещал.

Якша сказал:
Я останавливал каждого из твоих братьев, о царь, но они все же пытались силой испить этой воды. Тогда я их убивал. Тот, кому дорога жизнь, не должен пить эту воду, о царь! Не поступай опрометчиво, Партха! Это мои владения. Ответь на мои вопросы, о сын Кунти, а тогда пей (эту воду) и забирай с собой.

Юдхиштхира сказал:
Я не посягаю, о якша, на то, что принадлежит тебе, ибо праведники никогда не выражают подобных желаний, тем более когда кто-то другой сам заявляет: «Это мое», о владыка!
Спрашивай же меня. Я отвечу тебе на твои вопросы, насколько хватит моих познаний.

Якша сказал:
Кто выводит солнце и кто за ним следует? Кто ведет его к закату и на чем оно покоится?

Юдхиштхира сказал:
Брахма выводит солнце, за ним следуют боги. Дхарма ведет его к закату, покоится оно на истине.

Якша сказал:
Как стать знатоком Вед? Как постигается великое? Как обрести сподвижника? Как, о царь, черпается мудрость?

Юдхиштхира сказал:
Изучением Вед достигается их познание. Подвижничеством постигается великое. Стойкостью обретают сподвижника. В почитании старших черпается мудрость.

Якша сказал:
Что есть святыня для брахманов? В чем их дхарма, как и других праведников? Что им свойственно, как и прочим людям? Что равняет их с нечестивыми?

Юдхиштхира сказал:
Чтение Вед — их святыня, подвижничество — их дхарма, как и других праведников. Смертны они, как и прочие люди, а злословие равняет их с нечестивыми.

Якша сказал:
Что есть святыня для кшатриев, в чем их дхарма, как и других праведников? Что им свойственно, как и прочим людям? Что равняет их с нечестивыми?

Юдхиштхира сказал:
Стрелы и оружие — их святыня, принесение жертв для них то же, что и для других праведников. Они подвержены страху, как и прочие люди. Отступничество равняет их с нечестивыми.

Якша сказал:
Что единственное есть саман жертвоприношения? Что единственное есть яджус жертвоприношения? Что единственное прерывает жертвоприношение, без чего жертвоприношение не обходится?

Юдхиштхира сказал:
Ирана есть саман жертвоприношения, ум есть яджус жертвоприношения. Речь одна прерывает жертвоприношение, без нее жертвоприношение не обходится.

Якша сказал:
Что лучшее из того, что падает (с небес)? Что лучшее из того, что попадет (в землю)? Что (лучшее) из стоящего? Кто лучший из тех, что владеют словом?

Юдхиштхира сказал:
Дождь — лучшее из того, что падает (с небес), семя —лучшее из того, что попадает (в землю). Корова — лучшее из стоящего, сын — лучший из тех, что владеют словом.

Якша сказал:
Кто из воспринимающих объекты чувств и наделенных разумом, даже если он почитаем в мире и ценим всеми существами, только дышит, но не живет?

Юдхиштхира сказал:
Тот, кто не приносит дары пятерым — богам, гостям, слугам, усопшим предкам и Атману, только дышит, но не живет.

Якша сказал:
Что весомее, чем земля? Что превыше небес? Что быстрее ветра и чего больше, чем людей?

Юдхиштхира сказал:
Мать весомее, чем земля, отец превыше небес, ум быстрее ветра, а мыслей больше, чем людей.

Якша сказал:
Кто спит, не смежая век? Что не движется, появившись на свет? У кого отсутствует сердце? Что стремительно прибывает?

Юдхиштхира сказал:
Рыба спит, не смежая век. Яйцо не движется, появившись на свет. У камня отсутствует сердце. (Вода) в реке прибывает стремительно.

Якша сказал:
Кто друг изгнанника? Кто друг хозяина дома? Кто друг недужного? Кто друг умирающего?

Юдхиштхира сказал:
Друг изгнанника — его спутник, друг хозяина дома — его супруга, друг недужного — лекарь, друг умирающего — щедрость.

Якша сказал:
Что движется в одиночестве? Что, родившись однажды, рождается вновь? В чем спасение от снега? Что является величайшим полем?

Юдхиштхира сказал:
Солнце движется в одиночестве. Луна, (родившись), рождается вновь. Огонь — спасение от снега, земля — величайшее поле.

Якша сказал:
Что — одним словом — сопутствует дхарме? Что — одним словом — (приносит) славу? Что — одним словом — ведет на небеса? Что есть — одним словом — счастье?
Юдхиштхира сказал:
Умение — одним словом — сопутствует дхарме. Дарение — одним словом — приносит славу. Истина — одним словом — ведет на небеса. Добродетель есть — одним словом — счастье.

Якша сказал:
Что есть душа человека? Какого друга посылает ему судьба? Что дает ему средства к жизни? В чем его главное прибежище?

Юдхиштхира сказал:
Сын — душа человека, жена — друг, посланный ему небесами, Парджанья дает (человеку) средства к существованию, дарение служит ему главным прибежищем.

Якша сказал:
Каково величайшее из сокровищ? Какова величайшая из ценностей? Каково величайшее из приобретений? В чем состоит величайшее счастье?

Юдхиштхира сказал:

Величайшее из богатств — мудрость, величайшая из ценностей — знание Вед. Величайшее из приобретений — здоровье, величайшее счастье — в удовлетворенности.

Якша сказал:
Какова высочайшая дхарма в мире? Какая дхарма всегда приносит плоды? Что смиряя, не ведают печали? Какой союз нерасторжим?

Юдхиштхира сказал:
Добросердечие есть высочайшая дхарма. Дхарма трех Вед всегда приносит плоды. Смиряя ум, не ведают печали. Нерасторжим союз с праведными.

Якша сказал:
Что отринешь — и станет радостно? Что отринешь — и не останется горечи? Что отринешь — и станешь богат? Что отринешь — и будешь счастлив?

Юдхиштхира сказал:
Отринешь гордыню — и станет радостно, отринешь гнев — и не останется горечи. Отринешь страсть — и станешь богат, отринешь вожделение — и будешь счастлив.

Якша сказал:
Когда человек все равно что мертв? Когда государство все равно что мертво? Когда поминальная жертва все равно что мертва? Когда жертвоприношение все равно что мертво?

Юдхиштхира сказал:
Бедный человек все равно что мертв. Государство без царя все равно что мертво. Поминальная жертва без знатока Вед все равно что мертва. Жертвоприношение без даров все равно что мертво.

Якша сказал:
Что есть (истинное) направление? Что называют водой? Что есть (источник) пропитания, а что яд? Назови, о Партха, должное время для поминальной жертвы, а потом пей (эту воду) и забирай с собой!

Юдхиштхира сказал:
Праведники есть (истинное) направление. Мировое просгранство — это вода, корова — (источник) пропитания, а вожделение — это яд. Брахман (определяет) время для поминальной жертвы. А как ты считаешь, о якша?

Якша сказал:
Ты верно ответил на мои вопросы, о губитель врагов! Расскажи мне теперь, что есть человек; какой человек обладает всеми благами?

Юдхиштхира сказал:
Слава о добрых деяниях (распространяется) по земле и достигает небес. Пока живет эта слава, до тех пор человек называется человеком. Тот, для кого нет различия между счастьем и горем, радостью и бедой, прошлым и будущим, обладает всеми благами.

Якша сказал:
Ты объяснил, что есть человек и что кшатрий есть тот, кто обладает всеми благами. Поэтому пусть оживет один из твоих братьев — какой захочешь.

Юдхиштхира сказал:
Пусть, о якша, оживет смуглый, красноглазый, стройный, как высокое (дерево) шала, широкогрудый и мощнорукий Накула.

Якша сказал:
Ведь любимец твой — Бхимасена, а ваше прибежище —Арджуна. Так почему ты хочешь, о царь, чтоб ожил именно Накула, твой сводный брат? Забыв о Бхиме, который силой равен десяти тысячам слонов, ты желаешь, чтоб ожил Накула? Люди говорят, что Бхимасена дороже всех для тебя, так по какой же причине ты хочешь, чтоб ожил твой сводный брат? Не думая об Арджуне, на силу рук которого надеются все Пандавы, ты желаешь, чтоб ожил Накула?

Юдхиштхира сказал:

Добросердечие есть высочайшая дхарма. Я полагаю, что это (важнее) самой высокой пользы. Я желаю явить добросердечие: пусть оживет Накула, о якша! Царь всегда справедлив — так говорят обо мне люди, и я не отступлю от своей дхармы. Пусть оживет Накула, о якша! Что Кунти, что Мадри — я не делаю между ними различия и равно желаю (добра) обеим матерям. Пусть оживет Накула, о якша!

Якша сказал:
Раз ты считаешь, что добросердечие выше любви и пользы, то пусть оживут все твои братья, о бык среди бхаратов!
*Такова в книге «Лесная» великой «Махабхараты» двести девяносто седьмая глава.*

ГЛАВА 298
Вайшампаяна сказал:
Тогда по велению якши Пандавы встали с земли, и в тот же миг голод и жажда покинули их.

Юдхиштхира сказал:
Ты стоишь в пруде, (как журавль) на одной ноге, но я хочу спросить тебя, непобедимого: что ты за бог? Мне кажется, ты не якша. Может, ты — один из васу или же рудров, а может, Владыка марутов? А может быть, ты — Владыка Тридцати (богов), Владетель ваджры? Братья мои могут сразиться с сотней тысяч (воинов), и я не ведаю средства, каким можно было бы их повергнуть. Мне кажется, они чувствуют себя так, словно очнулись от сладкого сна. Так, значит, ты друг наш, а может, ты наш отец?

Якша сказал:
И Я — твой отец Дхарма, о сын мой, добрый и мужественный! Знай, о бык среди бхаратов: я явился, желая увидеть тебя. Слава, правдивость, смирение, чистота, честность, скромность, несуетность, щедрость, подвижничество и воздержание — это мои проявления. Помни — непричинение зла, беспристрастность, миролюбие, умерщвление плоти, незапятнанность и незлобивость — мои врата. Я всегда доволен тобой. Слава судьбе — ты свято дорожишь пятью почитаемыми. Слава судьбе — ты одолел шесть зол, два из которых (угрожают человеку) в начале (жизни), два — в середине и два — в конце, когда (человек) переселяется в мир иной.

Я — Дхарма. Благо тебе! Я явился сюда, чтобы тебя испытать. Мне по душе твое добросердечие. Я желаю тебя одарить, о безупречный! Выбирай себе дар, о Индра царей! Я хочу тебе даровать что-нибудь, о не ведающий упрека! Нет ничего недостижимого для того, кто мне предан.

Юдхиштхира сказал:
Пусть без помех (загорятся) жертвенные огни того (брахмана), у которого олень унес дощечки для разжигания огня. Пусть это будет первый твой дар!

Дхарма сказал:
Это я, о могучий сын Кунти, превратившись в оленя, похитил дощечки у брахмана, чтобы тебя испытать.

Вайшампаяна сказал:
«Я дарую (это), — ответил владыка (на просьбу Юдхиштхиры). — Благо тебе! Выбирай еще один дар, о подобный бессмертному!»

Юдхиштхира сказал:
Двенадцать лет (мы провели) в лесу, теперь пошел тринадцатый (год). Пусть люди, где бы мы ни жили, нас не узнают.

Вайшампаяна сказал:
«Я дарую (это), —ответил владыка и успокоил воистину доблестного сына Кунти: — Если вы будете странствовать по земле, даже не изменив своего обличья, никто в трех мирах вас не узнает, о бхарата! Этот тринадцатый год вы, о потомки Куру, благодаря моей милости тайно проживете неузнанными в городе (царя) Вираты. Каждый из вас волен принять любой облик, какой пожелает. А теперь возвратите брахману его дощечки для разжигания огня, которые я похитил под видом оленя, чтобы тебя испытать. Прими же, о сын мой, и третий, великий и несравненный дар, ибо ты, царь, — мое порождение, как и Видура, который тоже является частью меня.»

Юдхиштхира сказал:
Я увидел тебя, извечного бога богов, воочию. Какой бы дар ты ни дал мне, я приму его с радостью, о отец! Пусть я всегда, о владыка, смогу противостоять алчности, злобе и наваждению. Пусть душа моя будет навеки устремлена к раздаче даров, смирению плоти и истине.

Дхарма сказал:
Ты, о Пандава, от природы наделен всеми добродетелями. Ты — (воплощенная) дхарма. Как ты сказал, так и будет.

Вайшампаяна сказал:
С этими словами властитель Дхарма, основа благоденствия миров, скрылся из виду, а достойные Пандавы встретились, (будто) после спокойного сна. Возвращаясь к себе в обитель, ни один из героев не ощущал усталости. Дощечки для разведения огня они возвратили подвижнику-брахману.

Рассказывая эту великую славную (повесть) о воскрешении (Пандавов) и встрече отца с сыном, человек, который смирит свои чувства и обуздает себя, обретет сыновей и внуков и будет жить до ста лет. Люди, которые навеки удержат в памяти это повествование, никогда не смирятся душой ни с бесчестным поступком, ни с расколом друзей, ни с похищением чужого имущества, ни с посягательством на чужую жену, ни с иной низостью.
*Такова в книге «Лесная» великой «Махабхараты» двести девяносто восьмая глава.*

ГЛАВА 299

Вайшампаяна сказал:
Воистину доблестные Пандавы с благословения Дхармы и стали готовиться прожить неузнанными в чужом обличье тринадцатый год (своего изгнания). Их окружали стойкие в обете мудрецы-подвижники, преданно сопровождавши (братьев) в их скитаниях по лесам. Великие духом (герои), верные своему обету, почтительно сложив ладони, обратились к ним, желая испросить у них согласие на жизнь (под чужой личиной): «Всем вам известно, что сыновья Дхритараштрыобманом липгали нас царства и много раз покушались на наше достояние.

И вот прожито в лесу двенадцать тяжких лет. Оставшееся (время) — тринадцатый год — (нам предстоит) прожить неузнанными, как было условлено. Поэтому мы будем жить скрываясь, а вы должны это одобрить. Злодей Суйодхана и Карна вместе с Саубалой, наши извечные враги, зная об этом, станут, по своему обычаю, чинить нам препятствия, используя (каждого) горожанина и своего родственника. Настанет ли для нас такое (время), когда мы вместе с брахманами (вернемся) в свое царство и будем жить в родном краю?!».

Слезы перехватили горло Юдхиштхире; измученный лишениями и бедами, чистый (душою), царь, сын Дхармы, дал волю своему отчаянию. Все брахманы вместе с братьями принялись утешать царя, а Дхаумья произнес слова, исполненные великого смысла: «О царь, ты мудр и сдержан, истина — твоя союзница, и твои чувства всегда подвластны тебе. Такие люди не теряются в любом несчастье. Даже боги, великие духом, и те не раз претерпевали невзгоды, скрываясь под чужой личиной, чтоб одолеть врагов.

Чтобы сломить мощь недругов, Индра тайно поселился в обители Гирипрастха в стране нишадхов и достиг своей цели. Вишну, прежде чем вселиться во чрево Адити, долго прожил неузнанным, с головою коня, чтоб покарать дайтьев.

Ты слышал о том, как он под видом брахмана, преобразившись в карлика, своими шагами лишил Бали царства. Ты слышал и о том, мой сын, что сотворил в мирах мудрец-брахман по имени Аурва, после того как пробыл необнаруженный в материнском чреве. Слышал ты, о знаток дхармы, и о том, что сделал Хари, тайно проникнув в ваджру Шакры, чтоб покарать Вритру.

Ты слышал о том, какой подвиг совершил во имя премудрых Пожирающий жертвы, после того как скрылся под водою. А Вивасван, не знающий себе равных по силе, о сын мой, тайно появляясь всюду на земле, испепелил всех своих недругов. Тот же Вишну, грозный в своих деяниях, поселившись в доме Дашаратхи, убил в бою Дашагриву. Так великие духом мужи, меняя, где нужно, свое обличье, побеждали врагов в бою. И ты тоже одержишь победу!»

Такими словами Дхаумья старался утешить Юдхиштхиру, обращаясь к мудрости шастр и собственным знаниям, но (Пандава), знаток дхармы, не двигался с места. Тогда заговорил могучий, мощнорукий Бхимасена, сильнейший среди сильных, пытаясь ободрить царя своей речью: «Владыка лука Гандива глубоко предан тебе, о великий царь! Разум его подчинен дхарме, и он не совершил ни единого опрометчивого поступка. А Сахадеву и Накулу мне приходится постоянно сдерживать: эти губители недругов, суровые в своих деяниях, готовы растерзать (наших врагов).

И мы не отступимся от того, на что ты нас подвигнешь! Только скажи, и мы быстро расправимся с недругами». Вот что сказал Бхимасена. Брахманы даровали (Пандавам) свое высочайшее благословение и, попрощавшись с бхаратами, отправились в свои края. Все достойнейшие среди яти и мудрецы, знатоки Вед, благословили (Пандавов), как подобает по обычаю, и (удалились) с надеждою вновь увидеться с ними. А Пандавы, о бхарата, пять мудрецов-героев, поднялись и вместе с Кришной и Дхаумьей отправились в путь. Тигры среди мужей, они отошли на крошу от того места и решили завтра же начать жизнь под чужой личиной. Все они были сведущи в различных шастрах, искусны в заклинаниях, знали, когда время миру, когда — войне. И стали они держать совет.
*Такова в книге «Лесная» великой «Махабхараты» двести девяносто девятая глава.*

КОНЕЦ «СКАЗАНИЯ О ДОЩЕЧКАХ ДЛЯ ДОБЫВАНИЯ ОГНЯ»

# КОНЕЦ «ЛЕСНОЙ» КНИГИ